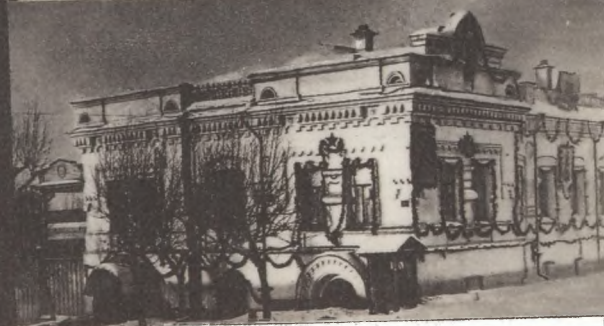

НИКОЛАЙ II

Александр
Боханов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

739

Александр Тоханов

НИКОЛАЙ II

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЖЗЛ
РУССКОЕ СЛОВО
1997

УДК 947.083 Николай II
ББК 63.3(2)52
Б 86

Автор выражает искреннюю благодарность руководству и сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Людмиле Евгеньевне Ксенофонтовой за помощь в работе с документами, а также кандидату технических наук Виктору Владимировичу Макрусеvu за помощь при оформлении рукописи.

ISBN 5-235-02296-3

© Боханов А. Н.,
1997 г.
© Издательство
«Молодая гвардия — ЖЗЛ»®,
художественное оформление,
1997 г.

*Река Времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

Г. Р. ДЕРЖАВИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В летописи истории России символом переломной эпохи навсегда остался последний император Николай II Александрович, родившийся в 1868 году, вступивший на престол в 1894 году, смещенный с трона в марте 1917 года и убитый в июле 1918 года. Это не только хронологические вехи судьбы правителя, но и рубежи русской истории. Он появился на свет, когда в России происходили бурные социальные изменения, принял монарший скипетр в момент уверенного движения империи двуглавого орла в будущее, потерял власть в разгар жестокой мировой войны, а расстался с земной жизнью тогда, когда на его родине все безнадежно оборвалось, безвозвратно изменилось и на долгие десятилетия распалась живая связь времен.

В 80-е годы XIX века Владимир Соловьев написал: «Русский народ создал государство могучее, полноправное, всевластное; через него только Россия сохранила свою самостоятельность, заняла важное место в мире, заявила о своем историческом значении. Это государство живо и крепко всеми силами стомилионной народной массы, видящей в нем свое настоящее воплощение».

Прошло немного времени, и историческая твердыня превратилась в прах. Как горестно написала Марина Цветаева:

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет.
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.

Вновь и вновь встают старые, судьбоносные вопросы. Почему в 1917 году случился катастрофический обвал? Могла ли Россия избежать триумфа красного радикализма, или его утверждение было запрограммировано всем ходом исторического развития? Какова роль в переломных событиях царя; виновник он или жертва?

О последнем коронованном правителе России написано и сказано много. Если же приглядеться ко всем этим суждениям, то нельзя не заметить две главные тенденции, два основных подхода, которые условно можно обозначить как уничижитель-но-критический и апологетический.

В первом случае на Николая II возлагают главную ответственность за крушение монархии в России; его обвиняют в неумении владеть ситуацией, в неспособности понять нужды времени, потребности страны и осуществить необходимые преобразования. Согласно этим расхожим представлениям в критический момент русской истории на престоле оказался недееспособный правитель, человек небольшого ума, слабой воли, рефлексирующий, подверженный реакционным влияниям.

Другая мировоззренческая тенденция прямо противоположна первой и оценивает последнего монарха в превосходных степенях, приписывая ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Его жизнь — это крестный путь России, это судьба истинного православного христианина, павшего жертвой злокозненных устремлений космополитических антирусских кругов, довершивших свое черное дело ритуальным убийством царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году. Подобные взгляды широко распространены в кругах русской эмиграции, а Русская Зарубежная Православная Церковь еще в 1981 году причислила царя и его близких к лику святых. Апологетический подход характерен в последние годы и для многих отечественных публикаций.

Кто прав? Где истина? В какой же цветовой гамме, в темной или светлой, создавать облик последнего царя, какими красками рисовать портрет того, последнего времени России?

Одномерные подходы, схематизм и догматизм, так долго определявшие ракурс видения прошлого, не могут адекватно отразить ту трагическую эпоху истории России и людей ее. Все, что было написано о последнем коронованном правителе России, почти всегда ангажировано политическими интересами, идеологическими и политическими пристрастиями авторов. Тема эта до настоящего времени еще не освобождена от предубеждений прошлого, от клише и ярлыков длительной социально-идеологической конфронтации. И неудивительно, что до сих пор нет ни одной адекватной исторической биографии Николая II, а имеющиеся сочинения откровенно необъективны. Особняком стоит монументальная книга С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», написанная еще в 30-е годы в эмиграции. Но это не жизнеописание царя, а собрание материалов для него. Изучая эпоху последнего царствования, летопись земного пути Николая II, приходится разбирать завалы слухов, сплетен, полуправды и откровенной лжи, десятилетиями выдаваемых за

истину. Это один из наиболее идеологически деформированных и мифологизированных сюжетов прошлого.

Драматургия жизни и судьбы последнего царя фокусирует и отражает не только важнейший период отечественной истории, простирающийся более чем на пятьдесят лет. Она включает в себе сюжеты, проблемы, дилеммы, веками составлявшие смысл и стержень мировоззренческих дискуссий и идеологического противостояния между теми, кто считал, что «в России должно быть как на Западе», и теми, кто был убежден, что «в России должно быть как в России». Этот давний спор до сих пор не разрешен, хотя имеется богатейший исторический опыт, который до сих пор мало востребован.

Все основные политические противники Николая II попросили управлять страной, и то, что получилось в результате их преобразований, улучшений и «европеизации», обернулось вселенской трагедией. Давние главные оппоненты традиционной монархической власти — либералы, признанные в начале XX века в среде образованного общества «властителями дум», не переставая ратовали «за свободу», которую только и видели в облике Прекрасной Дамы. Когда же, после падения «царства самовластья», вместо желанно-красивого образа столкнулись с ужасом социальной стихии, содрогнулись, оцепенели, а придя в себя, забыв обо всех своих демократических принципах и свободоблюбивых декларациях, стали ратовать «за сильную власть», «за наведение порядка», начали грезить о «жесткой руке». Осенью 1917 года беспощадная власть действительно утвердилась в стране. Но это была уже другая страна, где не оказалось места никому из тех, кто слыл законодателем общественной моды и политических настроений в дореволюционной России.

Когда пал царь, не стало и царства, исчезла неповторимая русская цивилизация, а культура и духовно-нравственная среда были искорежены и деформированы до неузнаваемости. На земле России не стали почитать и Бога. Самое недопустимое стало дозволенным. Темное, дикое, звериное вылезло наружу и мир приобрел те очертания, тот характер, который только и мог приобрести. Парадоксальный Василий Розанов выразил это в 1918 году бессмертной метафорой: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

После революционного крушения 1917 года лишь единицы из числа активных участников событий находили в себе мужество подняться над мелкими политическими амбициями и говорить то, что никогда раньше не замечалось и не признавалось в среде «европейцев и джентльменов». Летом 1918 года известный противник самодержавия Петр Струве написал: «Один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере «режим» низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, а с другой — в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях,

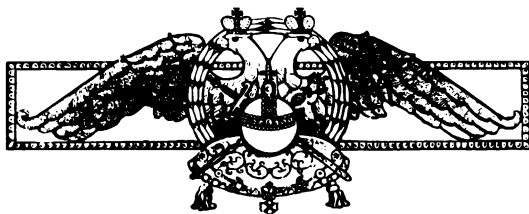
не в «бюрократии», «полиции», «самодержавии», как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа, или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались порядками и учреждениями». Прошли десятилетия, ушли живые свидетели, зарубцевались раны, заросли могилы, а многие авторы так и не могут уразуметь очевидность, констатированную Струве еще в 1918 году.

Биография последнего царя — не только биография человека или правителя; это — эмблема времени, очень многое определившего и в последующем, хотя эти взаимосвязи и взаимозависимости не всегда легко различимы. Восстановление исторической достоверности, осмысление извилистого пути России действительно требует воссоздать облик последнего русского царя. Как личность и как политик он до сих пор не узнан и не понят. Но адекватная реконструкция может быть осуществлена не методами школьного учителя-ментора, выставяющего оценки за поведение историческим персонажам, а с позиции беспристрастного реставратора, осторожно смывающего последующие наслоения, чтобы воссоздать первозданный подлинник.

Сделать это непросто, порой чрезвычайно трудно. Однако стремиться к этому необходимо, во имя восстановления обогатанной, идеологически изуродованной истории России. Карикатурные изображения дореволюционной России и ее людей оскорбляют национальное достоинство всех и каждого, кто живет в России, для кого она — свой дом, родной мир, который надо улучшать и благоустраивать, но в первую очередь — познавать. Уже после 1917 года историк и мыслитель Георгий Федотов написал: «Культура творится в исторической жизни народа. Не может убогий, провинциальный процесс создать высокой культуры. Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны, — ущербная, изувеченная, но все же великая история. Эту историю предстоит написать заново». Как живо, как современно ныне звучат эти слова!

Данная книга посвящена Правде Царя. Человеческое, мирское, повседневное в его жизни неразрывно переплеталось с большим, возвышенным, государственным. Главная задача — отбросив традиционные клише, показать последнего царя как живого человека и реального политика в конкретных обстоятельствах времени и места. Он и его близкие должны сами рассказать о себе, о своем восприятии людей и событий.

Автор лишен иллюзии, что только он должным образом расставит исторические смысловые акценты, определит все сюжетные линии, справедливо все опишет, оценит и правильно интерпретирует. Никакая отдельно взятая книга подобную задачу не решит и решить не может. Истину истории не знает никто, может быть, лишь Всевышний. Но путь к Истине искать надо и в этих поисках никогда не лгать, не гнаться за переменной модой, стараясь «попасть в тон» представлениям текущего момента. И еще одно: надлежит безусловно верить лишь такому документу, подлинность которого не вызывает сомнения. Может быть, лишь при этих условиях удастся приоткрыть завесу истории, увидеть и услышать реальные образы и голоса ушедших, ощутить радость и боль минувшего.

ЧАСТЬ I

ЗЕМНОЙ УДЕЛ

Глава 1

СЛУЧАЙ В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Земная судьба людей непредсказуема. Переплетение жизненных обстоятельств создает ситуации, трудно вообразимые. Рок, промысел, провидение? В еще большей степени, чем у простых смертных, подобное бывает на самом верху общества, там, где личное, частное, «свое» неразрывны с государственным. Здесь каждая случайность трактуется как закономерность, и многое в итоге окрашивается глубоким историческим смыслом. Это непосредственно относится и к Николаю II. В его жизни много удивительных стечений и сцеплений политических и династических сюжетов и эпизодов, которые непостижимым образом состоялись. Необычность биографии последнего царя была предопределена еще до того, как он появился на свет. Брак его отца с датской принцессой и то имя, которое получил первый сын будущего императора Александра III, имели свою удивительную, сладостно-горестную предысторию...

Шел сентябрь 1864 года. Еще по-летнему было тепло, и осень почти не коснулась густой зелени деревьев. У высокой лестницы, ведущей в загородный дворец датского короля Фреденсборг, стояла хрупкая, невысокая молодая девушка, одетая в простое светлое платье с темным передником. Ей почти семнадцать лет, но на вид можно было дать и того меньше. Темно-карие глаза ее

внимательно и немножко насмешливо смотрели на молодого человека, неспешно выходявшего из подъехавшего экипажа. Он сразу ее увидел и представился. Она уже знала, что перед ней старший сын русского императора Александра II, наследник престола Николай Александрович. Он видел раньше ее портрет и знал, что она — вторая дочь датского короля Христиана IX Дагмар (Мария-София-Фредерика-Дагмар), которую родные с детства любовно звали «Минни».

Было в ней нечто такое, что сразу располагало. Как только закончилась официальная церемония представления королю и королеве, Дагмар пригласила молодого человека наверх, в свои комнаты, где показала альбомы и рисунки. Затем, в парке, провела его по самым дорогим уголкам, показывая и рассказывая о любимом мостике, о любимой беседке, о любимом дереве. Переходя с немецкого на французский и с французского на немецкий, нередко вставляя и датские словечки, рассказывала о своей жизни, а цесаревич Николай внимательно и все более завороченно слушал, хотя датского языка не знал совсем. Он был очарован этой девушкой, которая, может быть, когда-нибудь станет его женой.

Наследник прибыл в Датское королевство, путешествуя по Европе; родители настоятельно советовали ему познакомиться со второй дочерью короля, которая уже была на выданье. Ни император Александр II, ни императрица Мария Александровна ни на чем не настаивали и никаких иных требований не выдвигали. У них лишь была надежда, что молодые люди понравятся друг другу.

Европейское турне русского принца должно было, с одной стороны, познакомить монархов с наследником русского трона, а с другой — дать Николаю Александровичу представление о загранице. Это была основная просветительская задача. Годом ранее престолонаследник совершил продолжительное путешествие по России, и теперь наступала пора отправиться за пределы империи.

Накануне поездки император Александр II прислал сыну, которого близкие звали «Никс» или «Никса», письмо-напутствие, в котором дал необходимые наставления относительно поведения в чужеземных краях. «Многое тебя прельстит, — писал русский царь, — но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое достойное уважения, там где есть, к нам приложимо быть не может; мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство это не должно, отнюдь, тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к

тому, что в каждом государстве или крае любопытного или отличительного. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания. Везде ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении всех к тебе, хотя и нехотя, расположит. Будь везде почитителен к государям и их семействам, не оказывая малейшего различия в учтивости к тем, которые, к несчастью, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостью к хозяевам. Оказывая всегда полное уважение к церковным обрядам и, посещая церкви, всегда крестись и исполняй то, что их обрядам в обычае».

Цесаревич неукоснительно выполнял наставления отца, которого бесконечно уважал и почитал. При всех дворах оставлял благоприятное впечатление. В сентябре 1864 года ему исполнился всего 21 год, но он уже производил впечатление спокойного, умного и рассудительного человека. В Данию же прибыл после визитов в другие княжества и королевства и сразу ощутил здесь атмосферу тепла и уюта. При датском дворе отношения были проще и сердечней, чем, например, у прусского короля Вильгельма I в Берлине.

Хотя Дом Романовых и Дом Гогенцоллернов связывали родственные узы (мать Александра II и бабка Николая Александровича императрица Александра Федоровна была урожденной принцессой Прусской), искренней близости между этими влиятельными династиями не было. Все время существовали взаимные настороженность и отчуждение. Берлин и Петербург поддерживали вежливо-холодные связи, которые по мере усиления роли Пруссии и консолидации единой Германской империи теплее не становились.

Брак представителя любого королевского дома почти всегда сопряжен с известными политическими расчетами. Женитьба же наследника русской короны, власть которой распространялась на огромные территории в Европе и Азии, всегда была сферой высоких политических интересов. Россия в тот период не имела надежных союзников в Европе. Еще были свежи в памяти баталии неудачной для нее Крымской войны, когда империи двуглавого орла пришлось столкнуться в военном противоборстве с объединенными усилиями Англии, Франции и Сардинского королевства, выступивших союзниками Турецкой империи. Война закончилась унижением для России Парижским миром 1856 года. Антирусские настроения в Европе были еще очень сильны. Крупнейшие державы имели свои стратегические и экономичес-

кие интересы на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, куда устремляло свой взор и царское правительство. Оно уже давно было озабочено большим «восточным вопросом», решением трех исторических геополитических задач: ликвидацией власти Османской империи над братскими славянскими народами и установлением контроля над черноморскими проливами.

Развитие ситуации в Центральной Европе также тревожило Россию. Все настойчивей заявляла свои амбиции Пруссия, начинавшая доминировать в учрежденном еще в 1815 году Германском союзе. Центростремительные имперские тенденции в начале 60-х годов XIX века здесь были налицо. В этих условиях внимание русского царя привлекла Дания, тихая, стабильная страна, мало задействованная в мировых политических противоборствах, но оскорбленная и ограбленная Пруссией и Австрией. Эти державы давно претендовали на южные районы Датского королевства, на Шлезвиг и Гольштейн, связанные с Данией тесной династической унией еще с XV века. В 1864 году Берлин и Вена «проглотили» эти обширные районы, чем вызвали в Дании резкий всплеск антинемецких настроений. Но Дания была слаба и фактически беззащитна. Возникшая же перспектива породниться с российским императорским домом давала Копенгагену вполне ощутимую опору во внешнеполитической деятельности.

Подобный брачный союз устраивал и русского царя. Таким путем можно было занять надежного союзника в Европе и ограничить имперские аппетиты Пруссии, которая в будущем могла не только отторгнуть от Датского королевства южную часть, но со временем и вообще аннексировать всю его территорию. Осуществление намеченной свадебной комбинации давало России и еще очень важный шанс — улучшить отношения с Англией. Старшая дочь датского короля Христиана IX Александра в марте 1863 года стала женой старшего сына королевы Виктории, наследника английской короны принца Альберта — Эдуарда, герцога Уэльского. Когда-то, очень давно, вскоре после восшествия на трон весной 1839 года, королева Виктория — представительница Ганноверской династии — принимала в Лондоне русского наследника, цесаревича Александра Николаевича, будущего царя Александра II.

В те далекие годы Россией правил Николай I, чрезвычайно заинтересованный в установлении тесных отношений с Британской короной. Как только королевой стала Виктория, к ней по дипломатическим каналам стали поступать сигналы о желании русского монарха посетить Лондон. Но тогдашний министр иностранных дел Великобритании Пальмерстон посоветовал молодой королеве (ей было всего 20 лет) держаться осторожной линии в отношениях с Россией и уклониться от приглашения

царя в Лондон (русский император удостоился чести погостить у королевы лишь в 1847 году и убедился в невозможности создать союз двух стран).

Весной 1839 года с визитом в Англию прибыл наследник русского престола Александр Николаевич, который был всего на год старше незамужней еще королевы Великобритании и Ирландии. Он произвел сильное впечатление на Викторию. На балу она несколько раз с ним танцевала, а в перерывах усаживала рядом с собой и «оживленно болтала». Жене премьер-министра королева призналась, что русский принц ей «чрезвычайно понравился» и что «они стали друзьями». Русскому же гостю английская хозяйка не приглянулась. «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает», — записал цесаревич в дневнике. В придворных кругах Лондона и Петербурга тогда возникли слухи о возможности династического союза, но эти разговоры не имели под собой никакой реальной основы. Королева Виктория всю жизнь, а находилась она на троне 64 года, придерживалась антирусских настроений, принимавших порой характер русофобии. Кто знает, может быть, кроме имперских интересов и амбиций, эта антипатия питалась и тем давним неразделенным чувством?

Однако роль России в Европе и мире была столь велика, а матримониальные связи императорской фамилии столь широки и многообразны, что Виктории — «королеве Великобритании и Ирландии и императрице Индии» — все-таки пришлось породниться с Домом Романовых. Ее четвертый ребенок, сын Альфред-Эрнст-Альберт герцог Саксен-Кобург-Готский, граф Кентский, герцог Эдинбургский в 1874 году женился на единственной дочери императора Александра II, великой княжне Марии Александровне, подарившей своей свекрови — хозяйке Букингэмского дворца — внука Альфреда (1874—1899) и внучек: Марию (1875—1938), Викторию (1876—1936), Александру (1878—1942), Беатрису (1884—1966).

В конце прошлого века возникла и еще одна прочная личная уния. Две внучки Виктории, дети ее второй дочери Алисы (1843—1878), гессенские красавицы — принцессы Елизавета (1864—1918) и Алиса (1872—1918) нашли свое семейное счастье в России. В 1884 году Елизавета стала женой сына императора Александра II великого князя Сергея Александровича, а в 1894 году Алиса, приняв православие и получив при миропомазании имя Александры Федоровны, вышла замуж за императора Николая II. Но первая близкая родственная связь между русским и английским владетельными домами установилась через замужество датской принцессы Дагмар.

Когда цесаревич Николай Александрович ехал в Копенгаген, он не имел серьезных намерений. Он лишь хотел посмотреть на датскую чаровницу, которую так расхваливал «дорогой Папá». Сердце молодого впечатлительного русского она пленила. Дагмар не блистала яркой красотой, не отличалась незаурядным умом, но в ней было нечто такое, что притягивало и завораживало. Она обладала тем, что французы обозначают словом «шарм».

Принцесса выросла в большой и дружной семье. У Христианы IX и королевы Луизы было шестеро детей: Фредерик — наследник престола, с 1906 года — король Дании Фредерик VIII (1843—1912), Александра (1844—1925), Вильгельм — греческий король Георг I (1845—1913), Дагмар (1847—1928), Тира (1853—1933) и Вальдемар (1858—1934). Но наибольшей любовью родителей пользовалась именно Дагмар за свою доброту, искренность и деликатность. Она умела всем нравиться и могла завоевать симпатию даже у самых ворчливых и неуживчивых тетюшек и дядюшек, каковых было немало. Датский королевский дом находился в родстве со многими династиями Европы, а в Германии подобные узы охватывали немало графских и княжеских родов.

Принцесса Дагмар знала о тайном смысле миссии русского цесаревича, о чем ей говорили мать и отец. Послушная дочь не сомневалась, если так было нужно, как ей поступить. Она согласилась без колебаний поменять религию и перейти из лютеранской веры в православие, так как это было непременным условием замужества. Принцесса внимательно и подолгу рассматривала фотографию Николая Александровича: на нее глядело простое, несколько даже грубоватое лицо молодого человека. Выражение глаз, несомненно, свидетельствовало о характере и уме. Он мог показаться скованным и нелюдимым, но при первой же встрече эти опасения исчезли без следа. Русский цесаревич ей понравился.

Русский принц ощущал расположение, выражаемое ему, но несколько дней не решался приступить к объяснению. Наконец 16 сентября 1864 года оно состоялось и Дагмар сразу же дала согласие. Это желанное «да» вознесло Никса от радости почти на небеса. В дальнем уголке парка загородной королевской резиденции Никс и Дагмар страстно целовались. Они были счастливы. О помолвке было объявлено официально, и весь этот день был полон сумасшедшей суеты. Все их поздравляли, высказывали добрые пожелания. Был праздничный обед с шампанским и тостами. На следующее утро, все еще в состоянии крайнего возбуждения, Николай Александрович писал отцу: «Дагмар была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу

руки, и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил у Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставит».

Через несколько дней нареченные жених и невеста уехали обратно во Фреденсборг. Здесь они оказались вдали от официальных церемоний и могли проводить время вдвоем, рассказывая друг другу о себе, о своей жизни, мечтах и надеждах. В укромных уголках парка они целовались и целовались, пьянея от счастья. И для нее, и для него это были первые, еще совсем девственные поцелуи. Никс много рассказывал о России, о которой Дагмар почти ничего не знала, и его повествования она слушала с большим интересом и вниманием. Цесаревич был тронут этим, и с каждым днем чувство к ней становилось все больше и крепче. Он уже звал ее Мария, и она принимала это как должное. Император Александр II и императрица Мария Александровна прислали послание, где выражали радость и поздравляли молодых.

Примерный сын писал отцу 24 сентября: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высокорелигиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества. Надеюсь, что Дагмар душою предается нашей вере и нашей церкви; это теперь главный вопрос, и, сколько могу судить, дело пойдет хорошо».

Весть о помолвке цесаревича стала в России важной новостью, превратилась в предмет оживленных обсуждений. В аристократических дворцах и салонах на все лады спрягались плюсы и минусы наметившейся брачной партии, обсуждались мыслимые и немыслимые политические последствия данного брака. Многие искренне радовались, что наконец-то женой цесаревича и в будущем русской царицей станет не очередная немецкая принцесса из захудалого княжества, а дочь короля Дании, страны, к которой в России не было предубеждения. Другие же просто были рады за Николая Александровича, которому посчастливилось встретить достойную невесту. На имя императора шел поток поздравлений от его подданных. Скоро фотографии дат-

ской принцессы поступили в продажу в нескольких фешенебельных магазинах Петербурга и пользовались у публики большим спросом.

Но оставался один близкий родственник, задушевный друг цесаревича, не выражавший особых восторгов: второй сын императора Александра II великий князь Александр Александрович. Он был моложе Никса на полтора года, но с самого детства являлся ближайшим товарищем — конфиденнтом старшего брата, которого просто обожал. Брату Саше Никс платил взаимностью, и они почти всегда были неразлучны. Постепенно, по мере взросления, у каждого появлялись личные обязанности, но всякую свободную минуту они старались проводить вместе. Александр, которого в семейном кругу звали «Мака», хоть и был моложе Николая, но, несомненно, превосходил его в физической силе. Однако в их бесконечных играх и возне младший брат не всегда одерживал верх, так как старший брат, уступая младшему в силе, превосходил его в ловкости.

Еще задолго до осени 1864 года среди родни оживленно обсуждались перспективы возможной брачной партии для цесаревича. Мнение «милого Маки» родителей не интересовало, и принимать участие в этих обсуждениях ему не довелось, но он многое знал, слыша обрывки разговоров «дорогих Мамá и Папá», но главным образом — из рассказов самого Никса. Великий князь Александр, понимая неизбежность брака, угодного родителям и России, старался не думать об этом, так как это его лишь расстраивало. Его ближайший друг, его милый Никса скоро расстанется с ним. А как же он? Как он теперь будет жить? С кем будет проводить время? С кем длинными зимними вечерами будет вести задушевные беседы и обсуждать события истекшего дня? Но эти переживания молодого человека никого не интересовали. Все были заняты возвышенными темами и проблемами.

Александр не сомневался, что брак по расчету, а именно таким, по его мнению, только и мог быть династический брак, не будет радостным. Жениться надо непременно по любви. Лишь тогда люди будут по-настоящему счастливыми и создадут действительно крепкую семью. Правда, перед глазами был пример отца и матери, живших в полном согласии, но это он воспринимал как исключение. Ему вообще не нравился обычай привозить невест для русских великих князей из каких-то дальних стран. Становясь великими княгинями, некоторые из принцесс, как он знал хорошо по личным наблюдениям, так и оставались иностранками, не знавшими толком ни языка своей страны, ни ее преданий, ни ее обрядов. Он видел, как мало во дворцах самых родовитых семей русского духа, как все там про-

низано какими-то отвлеченными от России заботами и интересами, а французский язык звучал куда чаще, чем русский. Но такова была традиция, так было уже давно, и из романовских предков еще Петр I положил тому начало, женившись второй раз не на русской. Конечно, бедный Никса выбора не имел; он ведь цесаревич. А что будет с ним? Точного ответа не находил, но одно Александр знал наверняка: он-то женится лишь по любви на той, которая и его полюбит.

Летом 1864 года Никс уехал в турне по Европе и «милый Мака» остался почти один. Папá все время был занят, «дорогая Мамá» уехала лечиться на воды в Киссинген, а досуг скрашивали братья Владимир, Алексей и кузен Николай Константинович. Они были добрые малые, но с ними было не особенно интересно. И каждый день ждал письма от Никса. Тот пару раз написал, а потом — кончено. Почему? Что случилось? Неужели их дружба забыта? От других узнал о помолвке, чужие рассказывали подробности всей этой истории: все прошло как нельзя лучше, невеста очень хороша, свадьба назначена на лето будущего года. Ему хотелось услышать все от самого брата, но тот молчал. 10 октября Александр послал письмо матери, где с горечью заметил: «Никса ничего не пишет с тех пор, как жених, так что я не знаю ничего про время, которое он провел в Дании... Теперь он меня окончательно забудет, потому что у него только и на уме, что Dagmar, конечно, это очень натурально».

Прошло еще несколько недель, и наконец Мака получил подробное письмо от своего Никсы. Старший брат был счастлив, благодарил Бога за ниспосланное счастье и восклицал: «Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным и знать, что тебя любят так же. Грустно быть так далеко в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты ее увидел и узнал, то верно бы полюбил, как сестру. Я ношу с ее портретом и локон ее темных волос. Мы часто друг другу пишем, и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви! Хорошо было тогда, скучно теперь: вдали от милой подруги. Желаю тебе от души так же любить и быть любимому».

Жених и невеста расстались в октябре. Она осталась с родителями. Он же продолжил свою поездку, чтобы встретиться со своей матерью императрицей Марией Александровной в Ницце, где та с младшими детьми намеревалась провести зиму. У нее были слабые легкие, и врачи рекомендовали ей пожить в теплом климате. Николай и Дагмар условились, что, если все будет благополучно, она приедет к нему в Ниццу. А пока часто писали друг другу письма, объяснялись в любви, описывали свою тоску в разлуке.

После отъезда ее дорогого суженого она писала и в Петербург, «дорогому Папá», которому сообщала не только о своих чувствах. Осенью 1864 года Германия навязала Дании условия аннексии Шлезвиг — Гольштейна, и Дагмар немедленно обратилась за политическим содействием к царю. «Извините, что я обращаюсь к Вам впервые с прошением, — писала она 29 октября из Фреденсборга, — Но, видя моего бедного Папá, нашу страну и народ, согнувшихся под игом несправедливости, я естественно обратила мои взоры к Вам, мой дорогой Папá, с которым меня связывают узы любви и доверия. Вот почему я, как дочь, идущая за своим отцом, умоляю Вас употребить Вашу власть, чтобы облегчить те ужасные условия, которые Отца вынудила принять грубая сила Германии. Вы знаете, как глубоко мое доверие к Вам. От имени моего Отца я прошу у Вас помощи, если это возможно, и защиты от наших ужасных врагов». Россия была возмущена агрессивным поведением Германии, но предпринять сильные, решительные дипломатические шаги в этом случае не имела никакой возможности. В Петербурге лишь однозначно и откровенно высказывали расположение к Дании, что несколько охладило пыл берлинских экспансионистов.

Но политика политикой, а человеческие радости и горести существовали сами по себе. Перспектива безоблачной и счастливой жизни для Дагмар неожиданно омрачилась. Вначале ничто не предвещало серьезного и необратимого хода событий. Еще летом, на военных учениях в Красном Селе под Петербургом, слезая с лошади, цесаревич Николай вдруг ощутил страшный приступ боли в области поясницы. Он не придавал тогда никакого значения этому, тем более что вскоре все прошло без следа. В ноябре, уже в Италии, то же самое, но в еще более тяжелой форме, проявилось снова. Причем боль не отпускала несколько дней. Никса с трудом препроводили в Ниццу, где врачи прописали постельный режим. Врачи нашли, что у него развилась болезнь почек, как следствие простудного заболевания. О недомогании стало быстро известно. Невеста серьезно забеспокоилась. Она писала в Ниццу, в Петербург, откуда приходили успокоительные известия. Казалось, ничего серьезного, и это лишь неприятный эпизод. В феврале 1865 года Дагмар хотела поехать навестить жениха, но ее родители нашли это «неудобным».

В конце марта болезнь стала быстро прогрессировать, и к началу апреля положение наследника русского престола сделалось угрожающим. Императрица Мария Александровна, все это время находившаяся рядом с сыном, была в ужасном состоянии. Предположения врачей были самые безрадостные. На юг Франции выехал император Александр II. Он приехал в Ниццу 10 ап-

реля. Никс находился при смерти. В тот же день из Копенгагена вместе с матерью прибыла Дагмар. Она была раздавлена, сокрушена. Ей предстояло перенести страшное жизненное испытание; первое — в череде отведенных ей судьбой. На шикарном вилле Бермон, где помешался ее жених, царил траурная атмосфера. Некоторые плакали. На следующий день, в 10 часов утра, ей разрешили подняться к нему на второй этаж. Что она пережила! В углу большой полутемной комнаты, в постели, она увидела того, которого так искренне любила. На изможденном, худом, желто-землистого цвета лице появилась слабая улыбка. Он ее узнал и был рад этой встрече. Она не могла сдержаться и разрыдалась.

Цесаревич взял ее за руку, и она поцеловала его. Несколько часов принцесса провела рядом, и он все время держал ее руку в своей. А с другой стороны сидел его брат Александр, державший вторую руку дорогого Никса. Здесь, у тела умирающего, дочь датского короля впервые увидела того, кому суждено было стать самым важным человеком в ее жизни, стать ее судьбой. Реальная жизнь создала фантазмагорический сюжет, который мог бы сочинить лишь талантливый драматург с богатым воображением. Потом Александр и Мария Федоровна будут бесчисленное число раз возвращаться к этой истории и увидят в ней Промысел Всевышнего. Но это все будет потом.

Тогда же, в тот драматический момент, никто этого не знал и никто ни о чем не думал. Все ждали чего-то, молились, плакали и молчали. Днем Николай Александрович причастился и попрощался со всеми. В медицинском журнале за этот день записано: «Его Высочество, окруженный Августейшим семейством, общается Святых Тайн с глубоким умилением. Силы совершенно истощены». Вскоре после полуночи, в 00 часов 50 минут, цесаревич скончался. По заключению врачей, смерть наступила в результате «ревматизма почечных мышц и поясничной спинной фации». Все было кончено. И для Дагмар тоже. Ей еще не исполнилось восемнадцати лет, но она уже невеста-вдова. И где было взять силы, чтобы жить дальше? Все в ней омертвело. Небольшая, хрупкая, она сделалась как бы еще меньше, еще тоньше. Она присутствовала на заупокойных панихидах, и от вида ее сжималось сердце. По окончании первой панихиды ее с большим трудом удалось увести. Родители умершего, сами находившиеся в состоянии тяжелого потрясения, трогательно опекали датскую принцессу, ставшую для них родной.

Уже рано утром 12 апреля в России были получены телеграммы о смерти наследника престола. В империи был объявлен траур. О болезни Николая Александровича знали давно, но все еще оставалась надежда, что Господь не допустит непоправимо-

го и сохранит его для России. Многие искренне горевали. Тютчев посвятил печальному событию проникновенные строки.

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред Богом был достоин
Другого, лучшего венца —
Другого, лучшего наследства,
Наследства Бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был Его...

Потрясал и сам факт и все сопутствующие ему обстоятельства. Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в дневнике: «На пороге брачного ложа и на первой ступени к престолу, — и вместо того и другого, смертный одр на чужой земле!». К горю всегда было чутко русское сердце, оно всегда глубоко отзывалось в русской душе. В России жалели не только безвременно умершего цесаревича и несчастных родителей; сочувствовали невесте и переживали за нее. Князь Николай Мещерский написал в то время стихи, очень точно передающие эти настроения.

С тобою смерть нас породнила —
И пред страдальческим одром,
Вся Русь тебя усыновила
В благословении немом.
Ты сердцу Русскому открылась
Любвеобильною душой,
Когда, рыдая, ты стремилась
Туда, к нему, в час роковой.
Ты наша. Будь благословенна!
Тебя Россия поняла.
Тебя, коленнопоклоненно,
В молитвах Русской нарекла...

16 апреля 1865 года гроб с телом цесаревича Николая Александровича был перенесен на фрегат «Александр Невский», на котором отбыл в Петербург. Туда он должен был прибыть примерно через месяц. Нищю покидали русские. Император Александр II, императрица Мария Александровна, дети и приближенные отбыли в Россию по железной дороге. По пути домой царская семья на несколько дней задержалась у брата русской императрицы, Великого Гессенского герцога Людвига III. Они уговорили побывать там с ними и Дагмар. В фамильном замке гессенских герцогов Югенхайм, в живописном месте на берегу Рейна, безутешная Дагмар провела несколько дней в окружении родственников своего скончавшегося жениха. Затем они расстались. Она поехала домой в неизвестности и печали, а царская семья в Петербург, готовиться к последнему прощанию с дорогим Никсом. «Александр Невский» прибыл в Кронштадт 21 мая,

откуда гроб на императорской яхте «Александрия» доставили в Петербург. Через неделю, 28 мая, тело великого князя цесаревича Николая Александровича было погребено в царской усыпальнице, в Петропавловском соборе Петропавловской крепости, там, где покоились его предки, начиная с Петра I.

Глава 2

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Александр Александрович появился на свет 26 февраля 1845 года в Александровском дворце Царского Села. Его отцом был наследник престола, старший сын императора Николая I великий князь Александр Николаевич, а матерью — цесаревна Мария Александровна, урожденная Гессен-Дармштадская принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария. Его нарекли Александром, именем, которое носили отец и двоюродный дед император Александр I.

Пройдет ровно десять лет, и его отец станет императором Александром II. В этой семье родится всего восемь детей: Александра (1842—1849), Николай (1843—1865), как уже говорилось, Александр (1845—1894), Владимир (1847—1909), Алексей (1850—1908), Мария (1853—1920), Сергей (1857—1905), Павел (1860—1919). Никто из них не прожил безоблачную жизнь: преждевременные смерти, гибель от рук убийц, тяжелые болезни, горькие разочарования, потеря детей, отказ от личного счастья, общественные крушения сопровождали их в земном пути.

Великие князья и великие княжны с рождения являлись государственными людьми, были мишенью сокрушительных воздействий и соблазнов, постоянно подвергались тяжелейшим моральным и психологическим испытаниям. Они самой судьбой обязаны были нести тяжелую ношу царскородного происхождения. Жизнь в хрустальном дворце, жизнь на виду у всех, была трудна и порой непереносима. Не все выдержали. Некоторые оступились и отступили. Но большинство нашло в себе силы удержаться. Наиболее же крепким и стойким среди них оказался Александр Александрович.

Ему с детства была уготована обычная великокняжеская судьба: учеба и учеба, служба в гвардии, женитьба на пресной, бледнолицей, костлявой (или дородной) принцессе, а затем какая-нибудь заметная (или не очень) должность в системе военного или гражданского управления. Это имя могло остаться в ряду нескольких десятков великих князей, но Его Величеству

Случаю было угодно перевернуть обычный ход вещей и сделать из второго сына императора Александра II Русского Царя.

Под неусыпным контролем отца и матери его готовили к жизни, воспитывали по меркам, принятым в императорской фамилии, в соответствии с традицией и потребностями времени. Общеобразовательные предметы чередовались с военной подготовкой, фехтованием, вольтижировкой, фортификацией. Основательно обучали иностранным языкам: немецкому (родной язык матери), французскому и английскому. Наилучшие знания имел по французскому языку, которым владел свободно, но и на других умел неплохо изъясняться. Но самым любимым языком для него был родной, и он никогда не пользовался иностранным, если можно было говорить по-русски. Уже когда стал вполне взрослым и посещал аристократические рауты, нередко случалось, что какая-нибудь очередная «роза бала» мило начинала с ним щебетать на языке Вольтера и Гюго. Он же, почти всегда, с упрямой последовательностью отвечал на языке Державина, Пушкина и Лермонтова (последний являлся любимейшим его поэтом). Это могло быть воспринято как неучтивость, но происхождение и положение молодого человека не позволяли обвинять его в нарушении светских норм.

Учителями его были блестящие знатоки своего предмета и интеллектуалы. Русскую словесность преподавали профессор Я. К. Грот и лицейский товарищ А. С. Пушкина, затем директор Публичной библиотеки в Петербурге, писатель барон М. А. Корф; русской истории обучал знаменитый историк, профессор С. М. Соловьев, праву — профессор К. П. Победоносцев, военному делу — генерал М. И. Драгомиров. Воспитателем к своему внуку императором Николаем I был определен граф Борис Алексеевич Перовский, возглавлявший раньше Корпус путей сообщения (Высшее учебное заведение, готовившее инженеров-путейцев). Человек этот был строгий и педантичный, что не могло нравиться молодому великому князю, который, тем не менее, относился к воспитателю с неизменным уважением. Установка родителей для воспитателей всех детей была одна: вырастить достойных, честных, трудолюбивых и богобоязненных людей.

С самых ранних пор великий князь Александр Александрович выказывал неподдельный интерес к военному делу и к истории, которой очень увлекался и занимался ею без принуждения. Затаив дыхание, часами готов был слушать повествования о военных баталиях, о тяжелых военных буднях, о трудных переходах и о замечательных победах русской армии. Его привлекали и рассказы живых участников событий, тех офицеров, кто прошел горнило мужественно-безнадежной Крымской войны. Он

очень переживал, узнавая о неудачах «наших», и в такой момент не мог сдерживать своих восклицаний и вопросов. Александр рос живым и непосредственным ребенком, не умевшим врать и лукавить. Воспитание и придворный этикет ломали натуру, принуждали вести себя «как надо» и говорить «что надо» и «когда надо», но природная естественность все равно прорывалась наружу время от времени.

Это была русская натура не по составу крови (критики высчитали, что у него всего 1/64 часть русской крови!), а по строю своих мыслей, чувств, восприятий. Он искренне верил в Бога, никогда не испытывая никаких великосветских сомнений, почитал старших, любил простоту и ясность во всем. Обожал животных, а с любимыми собаками охотно проводил время и мог часами бродить с ними по окрестным лесам, не ощущая тоски или одиночества. Ценил доброту и честность. Если убеждался, что человек его любит, всегда помнил об этом и не стеснялся демонстрировать свою признательность. Родовитость не имела значения. Вот, например, его бонна — няня, англичанка Екатерина Струтон, которая служила ему многие десятилетия. Он обожал «дорогую Китти», знавшую и хранившую его детские тайны. И когда она умерла, он, уже император, нашел необходимым отдать ей последний долг и пойти за ее гробом. Это был человек, в котором было много естественного, даже стихийного.

Великий князь Александр хорошо с детства знал, что ему не суждено быть царем и не испытывал по этому поводу никаких сожалений. Он начисто был лишен амбициозных черт характера, которые могли бы хоть на минуту раздражить его самолюбие. Более того. Ему претила сама мысль о возможности стать царем именно по складу характера: человека, любившего уединение и простые занятия, всю жизнь с трудом переносившего официальные церемонии, тяжелые кандалы придворного этикета. Он ни с кем не говорил об этом, только с Никсом, который его понимал, так как тому-то выпал как раз царский жребий. Но наступил апрель 1865 года, и все переменялось...

Александр Александрович выехал из Петербурга в Ниццу 4 апреля. Он не думал, что положение брата безнадежно, и когда в Берлине, 6 апреля, узнал, что Никс причащался, пришел в ужас. Но надежда оставалась, и, даже подъезжая к Ницце, до конца он все еще не осознавал грядущих потрясений и не мог представить, что Господь допустит, чтобы его брат, «милый Никса», покинул их. И, лишь когда прибыл на виллу Бермон, до него дошел весь трагизм ситуации. Он тут многое понял, переживал и повзрослел.

Через год занес в дневник проникновенную исповедь-воспоминание: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда я не забуду этот день в Нишце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали и только слышались со всех сторон рыдания и рыдания неподдельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слез; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели и жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого Матерью больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга, и что всего ужаснее — это его наследство, которое он мне передал. Я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать, только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое мое назначение. Может, я часто забывал в глазах других мое назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность. Но, «Да будет Воля Твоя, Боже», — эти слова я твержу постоянно и они меня утешают и поддерживают всегда, потому что все, что не случится, все это Воля Божия и потому я спокоен и Уповаю на Господа!»

В тот день Александр впервые увидел датскую принцессу, увидел, как она убита горем, и в его душе пробудились жалость и симпатия. Под грузом трагических обстоятельств, сделавших его 12 апреля 1865 года наследником престола, он плохо соображал, мало обращал внимания на окружающую обстановку. Чувствовал лишь тяжелую утрату, понимая, что все милое прошлое ушло без следа, что теперь ему придется жить совсем иначе. Но как? Что теперь делать, у кого спросить и можно ли спросить? «Дорогой Папá» успел ему сказать несколько слов, призвал его к стойкости и мужеству, выразил уверенность, что Александр будет достоин своей новой роли. Больше разговора не получалось. Мама́ же была убита горем, занемогла и почти не вставала с постели. Ее и в Россию пришлось везти в таком положении.

Среди родни и свиты был совсем один, и не с кем было поговорить запросто, некому излить свою душу. Всегда ощущал нехватку друзей — людей искренне любящих, преданных, понимающих и верных; многие годы все еще надеялся, что, может быть, таковые у него появятся. Но не появлялись. Родственников, знакомых, сопровождающих было всегда достаточно, а вот друзей не хватало. Жизненный опыт убедит, что в его положении рассчитывать на истинную, рыцарскую дружбу невозможно; что те, кто клянется в верности и преданности, почти всегда преследуют тайные или явные, но непременно корыстные цели. Понимая это умом, он сердцем не мог смириться и всегда зави-

довал тем, кто богат друзьями. И самый близкий его друг ушел от него навсегда, и они на земле уже больше не встретятся.

Никса никто заменить не мог. Александра одолевали тяжелые мысли. Немного легче стало в Югенхайме, где он с родителями и Дагмар провел несколько дней по пути в Россию. Здесь молодой человек близко познакомился с датской принцессой, и она вызвала сочувственную симпатию. Бедная! Ей ведь тоже, как и ему, так нелегко!

Горе сблизило молодых людей. Они подолгу гуляли вдоль Рейна. Разговаривали и почти всегда об усопшем, память которого была дорога обоим. Эти прогулки и собеседования протекали под неусыпным и поощрительным взглядом императора Александра II. Трудно сказать, в какой момент в голове царя возникла, казалось бы, тогда совсем неуместная мысль: женить сына Александра на датской принцессе. Во всяком случае именно в Югенхайме царь высказал вполне определенно мечту «оставить дорогую Дагмар возле нас». Тогда никто не принял всерьез это замечание царя. Никто... кроме, может быть, самой Дагмар.

Потом, когда самое невероятное случится и дочь датского короля все-таки сделает такую блестящую брачную партию, при разных дворах, в высшем свете России будут многократно обсуждать эту необычную историю. Некоторые станут злословить, утверждая, что принцесса после смерти одного цесаревича «бежала» за другим, осаждала его и в конце концов «взяла штурмом крепость». Среди великосветских «львиц» и «пантер» быстро утвердилась именно эта точка зрения. Ее разделяли и некоторые другие завсегдатаи петербургских салонов, не понимавшие, как же так получилось, что невеста одного брата стала женой другого? Это действительно было достаточно необычно для брака лиц императорской фамилии. Была здесь некая тайна или все произошло по воле случая? Был ли это брак исключительно по расчету или он являлся союзом любящих сердец?

Дагмар дала свое согласие стать женой Николая Александровича лишь тогда, когда в ее душе появилось большое чувство к русскому престолонаследнику. Они полюбили друг друга. Но, когда через два года после того она венчалась с младшим братом умершего, она и тогда любила своего суженого. Она любила одного, она любила и второго. Здесь не было притворства. Вся ее жизнь с Александром III наглядно подтвердила искренность ее чувств. Конечно, наивно полагать, что юную Дагмар не манила сладостная перспектива стать царицей огромной империи, жить и сверкать при самом богатом и блестящем дворе Европы.

Ее самолюбивая и чрезвычайно чуткая натура не могла оставить без внимания и практическую сторону замужества. Став русской царицей, она смогла бы помогать своей бедной Дании, которой грозили опасности со всех сторон. Но, при всех трезвых расчетах и прагматических раскладах, в основе брака все-таки была чистая и возвышенная любовь к человеку, которому она сказала «да». Как зарождалось это чувство, почему оно зародилось, — тайна непостижимая. И не надо ее разгадывать; она навсегда останется достоянием лишь тех, кому дана, кому ниспослана.

Ничего в Югенхайме Дагмар императору не ответила. В состоянии глубокого потрясения вернулась во Фреденсбург и проводила дни в молитвах и слезах. Родители и близкие не на шутку встревожились. Их милая Минни, такая живая, такая беззаботная превратилась в тень, обрекла себя на горькое одиночество. Она никого не хотела видеть, потеряла аппетит, и улыбка не появлялась на ее лице. Почти через две недели после возвращения домой принцесса получила письмо из Югенхайма от русского царя, полное ласки, добрых слов утешения. В нем же она нашла и нечто такое, что заставило ее истомленное сердце затрепетать. Александр II написал, что очень, очень желал бы, чтобы Дагмар навсегда осталась в их семье. Намек был достаточно очевиден. Речь могла идти лишь о замужестве.

Дочь короля многое передумала и перечувствовала. Она не только любила умершего, но и уже сильно привязалась к царской семье, к загадочной стране России, религию, обычаи и язык которой она усердно изучала еще с прошлой осени. Принцесса жила этим последние месяцы и вдруг потеряла все сразу. В этой непростой ситуации нельзя было сказать лишнее слово, невозможно было проявить не деликатность. Ее знакомство с принцем Александром столь мимолетно, так окрашено горестным событием, что ни о чем другом думать не было сил. Молчаливый, совсем непохожий на покойного жениха, он не пытался завоевать ее расположение, что было вполне понятно и объяснимо. Они вместе рыдали у тела Никса, и эти слезы, эта тяжелая потеря их сблизила. Потом уже, когда они беседовали на берегу Рейна, он много ей рассказывал о старшем брате, и она поняла как он ему был дорог. И душевные симпатии двух молодых людей, чувства к уже умершему, объединили живых. Расстались друзьями и договорились писать друг другу.

Дагмар не думала, что уже скоро надо будет отвечать на определенное предложение, надо будет искать трудные слова о себе, о своем будущем. Она их нашла. Она написала замечательное письмо царю, которое, при самом пристальном анализе, не могло бросить тень на ее добропорядочность, но оставляло на-

дежду. «Мне очень приятно слышать, — писала Дагмар, — что Вы повторяете о Вашем желании оставить меня подле Вас. Но что я могу ответить? Моя потеря такая недавняя, что сейчас я просто боюсь проявить перед ней свою непреданность. С другой стороны, я хотела бы это услышать от самого Саши, действительно ли он хочет быть вместе со мной, потому что ни за что в жизни я не хочу стать причиной его несчастья. Да и меня бы это скорее всего также не сделало бы счастливой. Я надеюсь, дорогой Папа, что Вы понимаете, что я этим хочу сказать. Но я смотрю на вещи так и считаю, что должна об этом Вам честно сказать». Она оставляла право решающего хода за цесаревичем, проявив этим и такт, и ум.

Цесаревич, выказывая симпатию к датской «сестре и подруге», не склонен был строить далеко идущих планов. Но расположение к ней у него уже было. Еще в начале мая он писал матери: «Грустно было покидать милый Югенхайм, где так приятно живется, и в особенности было хорошо, когда была там с нами милая душка Дагмар; когда-то мы ее увидим, неужели она не приедет сюда? Можно сказать, что вся Россия ее полюбила и считает ее Русскою». Однако Александр был противником скорых решений, а обсуждать свою женитьбу чуть ли не у гроба умершего брата считал просто неприличным. Вскоре после похорон отправил небольшое любезное письмо Дагмар, и в их переписке наступил затяжной перерыв. Она не могла ему писать по нормам этикета. Ведь она все еще в трауре и что она может сообщить? Он же не писал потому, что не знал, что сказать, так как еще не мог разобраться в своих чувствах. Но на стороне маленькой датчанки было время и еще один мощный союзник: император Александр II.

Шли недели, и цесаревич Александр все чаще и чаще вспоминал такое милое существо, с которым его свела судьба в Ницце. Раны душевные затягивались, и земные заботы и страсти проявлялись сами собой. 25 июня 1865 года занес в дневник: «С тех пор, что я в Петергофе, я больше думаю о Dagmar и молю Бога каждый день, чтобы Он устроил это дело, которое будет счастьем на всю жизнь. Я чувствую потребность все больше и больше иметь жену, любить ее и быть ею любимым». Эти настроения постоянно подогревали разговорами отец и мать. Мария Александровна даже написала датской королеве Луизе и пригласила ее с дочерью погостить у них в Петергофе. Королева откликнулась любезным письмом, благодарила царя и царицу, но с грустью сообщила о невозможности приехать «в этом сезоне», так как Дагмар требуется теперь полный покой и ей необходимо принимать морские купания. К этому королева сочла нуж-

ным присовокупить, что дочь будет и дальше заниматься русским языком.

Александр II объяснил сыну, что такой ответ на языке династической дипломатии означает следующее: мать просто опасается, как бы подобный приезд не вызвал разговоры о том, что королева и король желают любой ценой поскорее выдать свою дочь замуж, лишь бы не потерять случай. Император предложил выждать время, и тогда все будет хорошо. Цесаревич же был настроен вполне определенно и записал: «Кажется, сама Дагмар желает выйти замуж за меня. Что же касается меня, то я только об этом и думаю и молю Бога, чтобы Он устроил это дело и благословил бы его». Но дорога к брачному венцу требовала времени и терпения.

Глава 3

ДИНАСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Судьба семейной жизни, как казалось, была окончательно решена. Император Александр II условился с датским королем Христианом, что его сын приедет в начале лета 1866 года в Копенгаген. Цель визита была вполне очевидна, и все исподволь начали готовиться к важному событию. Цесаревич знал, что обязан отправиться в Данию и попытаться там добиться согласия Дагмар стать его женой. Королевская дочь ему нравилась, она была именно той, с кем только и мог соединить жизнь. В последние дни марта на семейном совете было решено, что Александр вместе с братом Владимиром отправится в Данию в конце мая, проведет там недели три, а по возвращении совершит большое путешествие по России. Все шло как должно было идти, но вдруг 4 апреля случилось ужасное, невероятное, страшное: на императора Александра II совершили покушение.

Около пяти часов вечера, возвращаясь в Зимний дворец, цесаревич узнал, что в Государя стреляли. «Услыхав это я выбежал вон из комнаты, сказал Владимиру и побежали оба к Папа. У него в кабинете застал почти все семейство, а Папа сам принимал Государственный Совет. Я кинулся к Папа на шею, и он только мне сказал: «меня Бог спас». Скоро стали выясняться детали. Император с сестрой Марией и ее сыном, как это он часто делал перед обедом, гулял в Летнем саду. Когда прогулка завершилась и он сел в коляску, услышал выстрел и увидел человека с пистолетом в руках, на которого уже успели набро-

ситься несколько прохожих. Злодеем оказался студент, выходец из бедной дворянской семьи, некто Дмитрий Каракозов. Вскоре установили, что он давно принадлежал к тайному обществу нигилистов, вознамерившихся свергнуть царскую власть и установить какую-то социалистическую республику.

Александр был в бешенстве. Боже мой, что за люди! Стрелять в Государя! Какие-то выродки! Что он им сделал, как у них могла подняться рука! Безумцы! Ведь Папá так много делает для России: он отменил крепостное право, проводит многие реформы, которые должны укрепить государство и привести к миру и процветанию. Он работает целыми днями, не жалея себя, не покладая рук, но находятся выродки, не дорожащие Россией, ум которых отравлен ядом европейских учений. А если бы злодейство удалось, то ведь вместо «дорогого Папá» он бы мог оказаться на троне! Уму непостижимо! Нет, нет об этом даже страшно подумать!

В последующие дни служились благодарственные молебны, возносилась хвала Всевышнему, спасшему жизнь Русского Царя. Казалось, что это лишь печальное недоразумение, которое не должно (не может!) повториться. Но все только начиналось. Разворачивалась беспощадная и абсурдная «охота» на монарха-реформатора, в которую включались группки разношерстной молодежи, объединенные лишь ненавистью к исконной России, презрением к ее истории и культуре. И будут звучать новые выстрелы, и молодые люди с лицами невротиков будут стрелять в царя еще не раз, будут покушаться до тех пор, пока с шестой попытки не добьются осуществления своего безумного намерения. Но этот роковой взрыв прозвучит лишь через пятнадцать лет.

29 мая 1866 года, в 3 часа пополудни, от рейда Кронштадтского порта отошла императорская яхта «Штандарт», на которой отбыл в Данию цесаревич Александр со свитой.

В 12 часов 2 июня царская яхта подошла к пригороду датской столицы, где и стала на якорь. До Копенгагена было рукой подать. Вскоре пришвартовался катер с русским послом при датском дворе и с датским адмиралом Ермингером, назначенным сопровождать его императорское высочество. На пристани Александра ожидал Христиан IX со свитой. Представление сопровождающих, обмен любезностями... По завершении необходимой официальной церемонии король пригласил Александра и Владимира в свою карету, которая направилась во Фреденсборг.

Во Фреденсборгском парке кортеж был встречен экипажем, в котором находились королева и Дагмар. Александр конфузился, но старался этого не показать. Встреча с принцессой вызвала много чувств. Вечером занес в дневник: «Ее милое лицо

мне напоминает столько грустных впечатлений в Нишсе и то милое и задушевное время, которое мы провели с нею в Югенхайме. Опять мысль и желание на ней жениться снова возникли во мне». Было целование рук, приветствия. Король и Александр пересели к дамам, и кортеж тронулся. Через несколько минут сквозь густые зеленые заросли показалось светлое массивное здание королевского дворца. У парадной лестницы стояли придворные и младшие дети короля: дочь Тира (12 лет) и сын Вольдемар (7 лет).

Король лично проводил русского наследника до его апартаментов, не скрыв от него, что именно в этих комнатах останавливался его брат Николай. Александр внимательно осмотрел помещения и нашел на стекле одного из окон нацарапанные имена Nix и Dagmar и вспомнил, что милый Никса написал ему об этом эпизоде. Александру стало невыразимо грустно, и ком подступил к горлу. Но он сдержался, не заплакал. Цесаревич помолился и обратился к дорогому брату с просьбой молиться за него и попросил Бога устроить его земное счастье, его счастье с Дагмар. Затем был поздний завтрак в присутствии лишь членов королевской фамилии и русских гостей. Александр сидел между королевой и Дагмар. Он чувствовал себя очень стесненно, почти ничего не ел и произнес за столом всего несколько общих фраз. Он не знал, как себя вести, что говорить, какие темы обсуждать. Он впервые в жизни оказался далеко от дома, окруженный малознакомыми и незнакомыми людьми, которые проявляли к нему повышенный интерес. И надо было не потерять лицо, надо было суметь показать себя светским и учтивым. А это было трудно, ой как трудно, в особенности для такой несветской натуры.

На следующий день Александр Александрович чувствовал себя значительно уверенней. Неловкость исчезала и роль дорогого гостя королевской семьи переставала угнетать. Завтракать все поехали в парк. Столы были сервированы на берегу озера, и обстановка была совсем непринужденной. Много говорили, шутили. После завтрака пили вино, болтали обо всем на свете. Всем было хорошо. Александр настолько раскрепостился, что вместе с Владимиром рискнул спеть несколько куплетов из новой оперетты Жана Оффенбаха «Прекрасная Елена», которая тогда вошла уже в моду в Петербурге, но которой еще не слышали хозяева Фреденсборга.

Датская принцесса цесаревичу все больше и больше нравилась. Но сумеет ли он убедить ее стать его женой, сможет ли найти нужные слова, способные тронуть ее душу и сказать желанное «да». Этого не знал, но очень хотел, чтобы Дагмар его полюбила. Они все время были вместе: на прогулках, за столом

на завтраках и обедах, вечером, играя у короля в лотто-дофин. Он находил ее «очень милой». Ее манера разговаривать с ним, как с давним знакомым, была так симпатична. На второй день своего пребывания в Дании сын писал отцу: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более, что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучит. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе».

Александру нравилась и общая обстановка жизни королевской семьи, где отношения были значительно проще и сердечней, чем те, которые наблюдал в Петербурге. Здесь меньше придавалось значения формальностям, а люди могли общаться, не обращая особого внимания на династическую субординацию и придворный этикет. При дворе дозволялось быть самим собой почти всегда, в любой обстановке. 4 июня вернулся из путешествия брат Дагмар Фреди, которого Александр уже считал своим давним другом. Время проходило во встречах, прогулках, беседах, посещениях различных мест. В один из дней русских гостей отвезли в замок Эльсинор, где провел свою короткую жизнь несчастный, легендарный шекспировский принц Гамлет и где визитерам показали даже его могилу. Александр знакомился с интересной страной, где прошлое и настоящее теснейшим образом переплеталось. Здесь жили гордые, спокойные и независимые люди, здесь царил жизненный уклад, ранее ему совсем незнакомый. Он полюбит Данию всей душой и это чувство пронесет через всю жизнь. Возникло же оно у Александра Александровича тогда, в том переломном для него 1866 году.

Дни шли, а наследник русского престола все никак не отваживался на объяснение. Ситуация становилась двусмысленной. Все знали, зачем русский принц приехал в Данию, все были уверены в благоприятном исходе его миссии, все, кроме самого Александра. Что-то ему все время мешало превозмочь себя и выяснить все и до конца. Он писал родителям, объясняя им свое состояние. «Она мне еще больше понравилась теперь, и я чувствую, что я ее люблю, и что я достоин ее любить, но, дай Бог, чтобы и она меня полюбила. Ах, как я этого желаю и молюсь постоянно об этом. Я чувствую, что моя любовь к Минни не простая, а самая искренняя и что я готов сейчас же все высказать ей, но боюсь».

Тень умершего Николая незримо витала над Фреденсборгом, сковывая действия и решения Александра. Несколько раз он уже почти подходил к важнейшей для него теме, но в последний момент опять «духу не хватало». Минни ему становилась близкой. Он радовался каждой новой встрече, ему нравилось,

как она играет на фортепьяно, как она рисует, как она смотрит, как она смеется. И чем сильнее становилось это чувство, тем больше он боялся ненароком разрушить его. Дагмар постоянно говорила о Никсе, все время вспоминала его прошлогоднее пребывание в Дании. Это трепетное внимание свидетельствовало о том, что она любила и все еще любит покойного. Но надо было что-то делать.

Христиан IX в семейном кругу начинал выражать беспокойство. Он раньше совсем не знал второго сына царя Александра II, и когда тот приехал в Копенгаген, внимательно и придирчиво присматривался к молодому русскому, стараясь понять и оценить его. Впечатление складывалось благоприятное: серьезный, основательный, добросердечный человек, говоривший мало, но всегда весомо. К тому же истинный христианин. Про него никак нельзя было сказать, что это светский жуир или салонный бонвиван. Может быть, ему несколько не хватало аристократического лоска и изящества манер, но это такие мелочи, которые поддавались исправлению. Главное, чтобы Минни и Александр любили друг друга.

Вступив на датский престол в ноябре 1863 года, Христиан IX был заинтересован в брачной унии с Домом Романовых. Эта заинтересованность постоянно возрастала. Общеполитическая ситуация в Центральной Европе обострялась, и будущее Датского королевства делалось труднопредсказуемым. В 1864—1865 годах территория королевства уже сократилась чуть ли не наполовину, а впереди маячили новые опасности. Эпоха посленаполеоновского устройства в Европе подходила к концу. Созданный на Венском конгрессе 1815 года Германский союз — конфедерация юридически самостоятельных немецких государств (к 1866 году их число достигало 32), в котором главенствующую роль играла Австрийская империя (с 1867 года — Австро-Венгрия), явно доживал свой век. В 1864 году Дания потерпела поражение в войне с Пруссией и Австрией и уступила победителям Шлезвиг, Гольштейн и Люнебург, районы, населенные по преимуществу немцами. Кроме того, Дания фактически лишалась всякого влияния в делах Германского союза и оттеснялась на далекую периферию европейской политики.

В 1866 году началась война между Пруссией и Австрией за гегемонию в Германии. В те дни, когда наследник русского престола прибыл в Копенгаген, прусская армия развернула свое продвижение на Юг и на Запад, овладев Дрезденом, Ганновером, Касселем. Через несколько недель Пруссия завершила военную кампанию полным разгромом Австрии, что привело к ликвидации Германского союза и ускорило создание в будущем консолидированного Германского государства под главен-

ством династии Гогенцоллернов. Для Датского королевства соседство с Пруссией — причина постоянных тревог и волнений. Династическая уния с Россией могла бы стать одной из опор датского суверенитета. Но осуществление подобного проекта непосредственно зависело от того, смогут ли договориться датская принцесса и русский наследник, сумеют ли они понять и полюбить друг друга.

Долгожданное для всех объяснение случилось на десятый день пребывания цесаревича Александра Александровича в Дании. Была суббота, 11 июня. Дело происходило во Фреденсборге. День начался как и предыдущие. После утреннего чая русский престолонаследник гулял с Алексеем, Владимиром и Фредериком. Затем все сели рисовать. Ближе к завтраку Минни пригласила посмотреть ее комнаты, где Александр еще не бывал. Поднялись наверх вместе с королем, но король и Алексей скоро ушли. Александр и Дагмар остались одни в небольшой уютной гостиной принцессы. В этот момент предусмотрительная Тира закрыла их на ключ. Путь к отступлению был отрезан. Должно было случиться неизбежное, и оно случилось.

Дальнейшее развитие сюжета описал сам будущий русский царь. «Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями... Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы решиться начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и сказал ей: говорил ли с Вами король о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье. Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».

Наконец-то долгожданное событие произошло. Дверь отперли, и к молодым пришли с поздравлениями: королева, король, родственники и приближенные. Многие плакали от радости. Этот день был полон сумбурной суеты. Александр сиял, и страшная ноша спала у него с плеч. Минни плакала, смеялась и была счастлива. Объявили о помолвке. Затем был обед на воздухе на берегу моря и тосты звучали много раз.

Послали телеграмму в Россию и на следующий день получили ответ от родителей: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божье на вас». Александр подарил Дагмар подарки, которые произвели большое впечатление на всех. Блеск бриллиантов, изумрудов, жемчугов привел датскую принцессу в неописуемый восторг. Она восторгалась, как дитя. Всю свою жизнь она любила украшения и, переехав в Россию, имела огромную и изысканную коллекцию, состоявшую из подарков родственников, и главным образом ее дорогого Саши.

На следующий день Александр послал обстоятельное письмо отцу и матери, которое начал так: «Милые мои Па и Ма, обнимите меня и поздравьте от всей души. Так счастлив я еще никогда не был, как теперь». В этот день в Петербург отправлялся нарочный, чтобы передать русскому царю письма, которых там уже с нетерпением ждали. Послала свою депешу царю и Дагмар: «Душка Па! Я обращаюсь к вам сегодня как невеста нашего дорогого Саши. Я знаю, что Вы меня примете с любовью! Теперь мне только остается добавить, что я себя чувствую вдвойне привязанной к Вам и что я вновь Ваш ребенок. Я прошу Бога, чтобы он нас благословил, чтобы я смогла сделать счастливым дорогого Сашу, чего он заслуживает!».

Александр провел в Дании еще две недели. Они стали для него радостными и приятными. Король Христиан использовал помолвку своей дочери с наследником русского престола и в политических целях. В Германии грохотали залпы австро-прусской войны, а в Датском королевстве с нарочитой пышностью отмечали новую династическую унию между Домом Романовых и Домом Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургских.

День летел за днем, и приближалось время разлуки. Об этом ни Александру, ни Дагмар не хотелось думать. Они были счастливы и веселы, как никогда еще не были прежде. В один из дней они поднялись на верхний этаж дворца во Фреденсборге и на окошке нацарапали перстнем свои имена. И много раз потом, приезжая сюда, они, как молодые влюбленные, непременно будут подниматься на антресольный этаж дворца, «навешая» эту надпись-талисман, и будут стоять обнявшись и вспоминать.

В том июне было много фотосъемки. Придворный фотограф Хансен делал фотографии групп и портреты. Впервые Александр снимался с Минни. Потом все те фотографии будут вклеены в несколько специальных альбомов, которые останутся с Марией Федоровной до сокрушительного 1917 года. Эти мемориальные документы переживут всех действующих лиц того фреденсбург-

ского июня, переживут падение династии и монархии в России. В обшарпанном и поврежденном виде, на дальних стеллажах архивов, они сохраняются до конца XX века. И почти через сто пятьдесят лет эти пожелтевшие и местами попорченные изображения донесут память тех дней, память радости и надежды людей, обреченных на неповторимую, феерическую и трагическую жизнь. Сидящий в кресле наследник русского престола в темном костюме и галстуке в полоску (рисунки и цвета датского государственного флага), с гвоздикой в петлице. А рядом стоит Дагмар, молодая, улыбающаяся, с непокорными выюющимися волосами, расчесанными на прямой пробор. На ней простое закрытое светлое платье, на шее, на темном шнурке, камешек... Непринужденно разместившаяся, прямо на лестнице королевского дворца, группа лиц: король Христиан, королева Луиза, принц Фредерик, принц Вольдемар, принцесса Тира, великий князь Владимир, а в центре — Дагмар и цесаревич Александр. Они молодые, и у них еще столько всего впереди.

День расставания жениха и невесты наступил 28 июня 1866 года. Цесаревича провожала вся королевская семья. Накануне Александр и Дагмар провели несколько часов в уединении, о многом в очередной раз переговорили, объяснились в любви. Минни плакала, а Александр с трудом сдерживал слезы. Ему очень не хотелось покидать милую Данию, таких добрых и теперь уже почти совсем родных хозяев, но надо было возвращаться. Он увозил сладкие воспоминания и послание Дагмар царю, составленное накануне.

«Это письмо Вам передаст Саша, потому что, к несчастью, момент нашего расставания уже пришел. Я очень сожалею, что он уезжает. Но я также очень признательна Вам, дорогие родители, что Вы позволили ему так долго побыть у нас. Мы пользовались этим, чтобы лучше узнать друг друга. Каждый день сближал наши сердца все больше, и я могу сказать Вам, что уже чувствую себя счастливой. Заканчивая, я хочу еще раз выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши дорогие письма, адресованные нам обоим, которые нас так тронули! Шлю Вам также просьбу прислать ко мне его осенью! Я Вас покидаю, дорогие родители, чтобы побыть с ним еще немного до его отъезда. Обнимая Вас от всего сердца, остаюсь навсегда Вашей Минни». Свадьба была назначена на май следующего года, а до того времени русский принц обещал часто писать и непременно еще приехать.

Великий князь Александр Александрович вернулся в Россию 1 июля 1866 года и быстро понял, что теперь ему без Дагмар будет трудно, очень трудно! Принцесса вспоминалась все время, и эти мысли окрашены были такой нежностью, так согревали

душу, и представить было невозможно, как же ему теперь быть так долго вдали от милой суженой! Уже в день приезда записал в дневнике: «Так грустно без милой душки Минни, так постоянно об ней думаю. Ее мне страшно не достает, я не в духе и долго еще не успокоюсь». У Александра созрел план: дожидаться приезда Мамá, все ей рассказать и попробовать добиться приближения срока свадьбы. Ну почему надо ждать еще почти целый год; неужели нельзя все решить хотя бы осенью? Он написал об этом Дагмар, не скрыв, что главная причина такого решения — его любовь. Ответ не заставил себя долго ждать: принцесса согласилась.

10 июля 1866 года в Петергофе во дворце «Коттедж» состоялось объяснение наследника с родителями. Александр показал письма Дагмар, рассказал о своих чувствах и заметил, что ему очень хотелось бы ускорить свадьбу. Мария Александровна сказала, что ей тоже этого бы хотелось, но она не знает, как это поделикатней и получше осуществить, но немедленно напишет королю и королеве об этом предложении. Цесаревич не сомневался, что король и Дагмар будут целиком на его стороне, но вот королева... Здесь возникала неуверенность, так как «мама Луиза» была слишком щепетильна, слишком придавала большое значение формальной стороне дела, и не исключено, что у нее могли возникнуть возражения. В этих видах сын попросил мать написать послание в сильных и решительных тонах, что Мария Александровна и обещала. Они все подробно обговорили и пришли к заключению, что Минни могла бы приехать в сентябре, с тем, чтобы свадьба состоялась в октябре.

Через три недели из Копенгагена пришло долгожданное известие: Дагмар и ее родители согласны.

Глава 4

СЧАСТЬЕ ПРИНЦЕССЫ

Последующие недели были для цесаревича полны разнообразных забот. К тем, что были раньше: встречи, военные учения в Красном, присутствие на докладах у императора, вечера у императрицы, беседы с друзьями, чтение, — прибавились и новые. Они были связаны с будущей семейной жизнью. До того Александр жил вроде бы и самостоятельно, но под крылом родителей, а теперь надлежало готовиться к устройству семейного гнезда, собственного дома.

Александр II и Мария Александровна договорились с сыном, что ему переходит Аничков дворец. Это было большое здание в самом центре Петербурга на берегу реки Фонтанки. Дворец боковым фасадом выходил на главную магистраль столицы — Невский проспект и был окружен тенистым парком. Это здание очень нравилось Александру, и он с энтузиазмом принялся за обустройство. Дворец несколько обветшал и требовал основательного ремонта. Но в Аничков они переедут на зиму, а первое время будут жить в Царском Селе, в Александровском дворце, который был построен когда-то по распоряжению императрицы Екатерины II для ее любимого внука Александра, будущего императора Александра I.

1 сентября 1866 года в Копенгаген отбыла на «Штандарте» представительная русская делегация под руководством флигель-адъютанта и контр-адмирала графа А. Ф. Гейдена, которая должна была сопровождать в Россию датскую принцессу. Через две недели, 14 сентября, цесаревич уже встречал свою невесту. Стояла удивительная погода. В Петербурге было по-летнему тепло (более 20 градусов в тени), и небо казалось каким-то особенно голубым и бездонным, что необычайно редко случалось в «Северной Пальмире». По пути в Россию Дагмар многое пережила и многое перечувствовала. Она давно знала, что ей предстоит покинуть отчий дом и навсегда переселиться в далекую, неведомую страну.

Встречать Дагмар в Кронштадте выехали царь, царица и их дети: Владимир, Алексей, Мария; ну и, конечно, Александр. Навстречу королевскому «Шлезвигу» вышла императорская яхта «Александрия» с членами царской семьи, а по периметру акватории стояла русская военная эскадра из более чем 20 судов. Все было исполнено высокой торжественности. На палубе «Шлезвига» Александр наконец-то обнялся с Минни. Затем датчане перешли на катер и поехали на «Штандарт». Здесь была устроен шумная встреча. Объятия, поцелуи, вопросы, рассказы.

«Александрия» отбыла в Петергоф, и ей салютовали корабли и орудия прибрежных фортов. На петергофской пристани творилось что-то невообразимое: такого количества народу здесь давно никто не видел. Сюда собрались не только жители этого столичного пригорода, но многие специально приехали ради такого события из Петербурга. Дагмар впервые сошла на русскую землю в Петергофе. Императрица Мария Александровна сразу взяла под свое покровительство принцессу, посадила ее с собой рядом в открытый экипаж, который скоро двинулся по направлению Царского Села, где Дагмар предстояло провести несколько дней.

И наступило 17 сентября — торжественный въезд невесты цесаревича в столицу. День был ясный, солнечный, и многие удивлялись: что это за итальянская погода установилась! И какой контраст во всем, через полвека, когда русская царица Мария Федоровна, холодным и серо-безликим днем, без всяких торжественных церемониалов, выедет в своем поезде из Петербурга (к тому времени переименованного уже в Петроград) в Киев. Ей думалось, что она ненадолго отлучается из столицы, а окажется, что — навсегда. Но она свято верила в предначертанность жизненного пути. На пороге своего сорокалетия написала: «Это все Божия милость, что будущее сокрыто от нас, и мы не знаем заранее о будущих ужасных несчастьях и испытаниях; тогда мы не смогли бы наслаждаться настоящим и жизнь была бы лишь длительной пыткой». К этому времени она уже была умудрена опытом, пережила немало невосполнимых потерь и невзгод.

Но тогда, в том 1866 году, она о своем будущем ничего не знала и старалась вести себя с подобающим торжественности момента достоинством. Датская принцесса вместе с императрицей Марией Александровной ехала в золотой карете в Петербург и поражалась пышности церемонии, атмосфере праздника, которой была захвачена многочисленная публика на всех дорогах. Невесте кричали «ура», махали руками и шляпами. Особо ретивые посылали воздушные поцелуи, и она с трудом сдерживала улыбку. С левой стороны кареты ехал цесаревич и время от времени отдавал какие-то распоряжения. Почти через два часа доехали до центра Петербурга и у Казанского собора, фамильного собора династии Романовых, сделали остановку. Вышли из экипажей, приложились к образу Казанской Божией Матери. Затем тронулись дальше к Зимнему Дворцу — главной императорской резиденции.

В Зимнем неспешно поднялись по парадной лестнице, прошли по нарядным залам и вошли в церковь. Здесь был молебен. Затем — завтрак в покоях императрицы, но Дагмар почти ничего не ела, и царица заставила ее хоть немножко подкрепиться. После трапезы принцессу проводили в отведенные ей комнаты, где она смогла перевести дух. Вечером в окружении царя, царицы, цесаревича и почти всех членов фамилии Дагмар присутствовала на иллюминации. Толпы народа приветствовали высоких особ. Крики «ура» почти не смолкали.

Принцессу внимательно разглядывали и придирчиво оценивали. Одним она показалась очень миловидной, другие нашли, что она «слишком проста», третьи решили, что она красавица. Умный и язвительный министр внутренних дел граф Петр Александрович Валуев записал в дневнике: «Торжественный въезд

состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу, впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица». Общее мнение, несомненно, было в пользу будущей цесаревны.

На пути к брачному венцу Дагмар предстояло преодолеть несколько рубежей. Главный — миропомазание. Она была девушкой воспитанной и благонаправной, соблюдавшей все христианские обряды, знавшей и почитавшей символы веры. Но в православии имелось много специфического, существовали вещи и явления, неизвестные в Датском королевстве. Там не было монастырей, монахов, чудотворных икон и еще много чего не было из того, что принцессу ждало в России. Да и власть монарха воспринималась в империи двуглавого орла совсем иначе. В Дании король правил, опираясь на мирские учреждения, по воле своих подданных, а русский царь — по благоволению Всевышнего, перед которым только и держал ответ за дела свои. В России даже время оказалось другим. Здесь все еще жили по Юлианскому календарю, тогда как в Европе перешли на Григорианский, а разница составляла 12 дней. Она приехала в Россию 14 сентября, в то время как в Дании уже было 26-е, а 14-го она была еще дома.

Дагмар предстояло научиться определенным правилам, молитвам и кодексу поведения. Но не только этому. Нужно теперь научиться чувствовать и жить по-иному. Понимая это, из всех сил стремилась стать своей среди нового, но уже дорогого для нее мира. Царская фамилия трогательно опекала принцессу, которую все как-то сразу стали за глаза любовно звать Минни. В ее присутствии никто не позволял себе говорить по-русски; все старались изъясняться или по-французски, или по-немецки. На этих языках при русском дворе говорили многие, и ими свободно владела и датская, пока еще, гостя.

Но, конечно, основное внимание уделял ей цесаревич Александр Александрович, находившийся рядом каждую свободную минуту. Он многое показывал и объяснял. В первые же дни отвез невесту в Петропавловскую крепость, в Петропавловский собор, на могилу Никса. Молча стояли рядом со слезами на глазах. Рассказал о других родственниках, покоившихся рядом: дедушке императоре Николае I, бабушке императрице Александре Федоровне, старшей сестре Александре («Лине»), умершей в семилетнем возрасте в 1849 году.

Дагмар были вновь величественность и богатство, окружавшие царскую семью. Бессчетное количество прислуги, готовой удовлетворить любое желание, строгие придворные ритуалы, множество сопутствующих лиц при любых выходах и поездках

императора и его близких, роскошная сервировка стола и изысканные яства на царских трапезах. И эти бессчетные толпы народа на улицах, красочность кортежей... Она приняла новую обстановку как должное и со стороны могло показаться, что в атмосфере богатства и надменной чопорности дочь Христиана IX прожила все предыдущие годы. Но это было не так. До того как отец стал королем в 1863 году, она была удалена от придворного мира. В ее детстве все было скромным, тихим, бесхитростным. Прекрасно научилась обходиться без слуг, умела сама убирать поутру постель, причесываться и умываться без посторонней помощи, запросто общаться с простыми людьми. Когда же судьба сделала ее дочерью короля, многое вокруг стало иным. С легкостью и удовольствием приняла новые правила жизни-игры.

В России Дагмар пришлось меняться. Нельзя было задавать лишних вопросов, предосудительным считалось более мгновения смотреть на кого-либо, начинать самый разговор с царем и царицей, надевать туалеты по собственному усмотрению, без предварительного согласования с гофмейстериней. Здесь немислимо было выбежать после дождя в парк и босиком пробежать по теплым лужам, или, заскочив перед обедом в столовую, утащить со стола тартинку, или пойти одной на конюшню и кормить лошадей, или, без напыщенных придворных, посидеть в одиночестве с книгой в парке. Иногда правила приличия озадачивали. С некоторым удивлением, например, узнала, что увлекательные романы француженки Жорж Санд, которые она читала с большим интересом, в России хоть и не были запрещены, но считались почти вульгарными. И многое другое ей надо было открывать, узнавать и осваивать без предубеждения в этой странной, своеобразной стране, в которую она прибыла навсегда. Природная чуткость, доброжелательность и воспитанность помогли ей справиться с новой ролью. Многие удивляло на первых порах, но она не показывала вида и никогда не ставила неловких вопросов.

Принцесса Дагмар приехала в Россию уже влюбленной в русского престолонаследника и чувствовала, что и он к ней питает большое чувство. Нельзя было не заметить, как он волнуется, когда остаются одни, с какой нежностью смотрит, как трепещет при поцелуе. Она старалась не разочаровать своего жениха. Не отличаясь яркой природной красотой, принцесса покоряла добротой, искренностью, какой-то чарующей женственностью, что на такого открытого человека, как цесаревич Александр, производило самое благоприятное впечатление. Дочь датского короля была удивительно элегантно на вечерах, балах, царских охотах. Когда впервые, в том сентябре 1866 года, присутствовала

на царской охоте в окрестностях Царского Села, сумела произвести должный эффект. В облегающей ее еще совсем девичий стан амазонке, в маленькой, под стать наезднице шляпке, на рысистой лошади со стеком в руке Дагмар выглядела великолепно и невольно выделялась из группы дам, сопровождавших охотников-мужчин. Александр был очарован, и даже образ его кузины и подруги, принцессы Евгении Лейхтенбергской («Эжени»), слывшей первой красавицей династии, сильно поблек рядом с «его Минни».

Александр Александрович видел ее раньше на праздниках в копенгагенских дворцах, но был приятно удивлен, что и в России, в мало знакомой еще обстановке, невеста вела себя так же непринужденно. При этом ни на секунду не выходила за рамки принятого этикета, что говорило об уме и воспитанности. На первом своем балу в Царском веселилась от души; танцевала и танцевала. Жених исполнил с ней мазурку, но на большее духу не хватило. Она же, почти без перерыва, два часа не останавливалась. Партнеров было более чем достаточно, так как каждому молодому великому князю и члену императорской фамилии (не говоря уже о чинах двора) хотелось исполнить тур с будущей цесаревной.

Дагмар всю жизнь любила блеск огней, звуки музыки, калейдоскоп туалетов, лиц, настроений. Она обожала балы. И всегда чувствовала себя легко и свободно в водовороте веселой суеты. Став женой, матерью, а затем — императрицей, не изменила этой своей привязанности. До последних лет жизни Александра III с удовольствием, с каким-то даже самоотрешением, погружалась в бальную стихию; часами, со знанием дела, исполняла все полагающиеся тому или иному танцу проходы, наклоны и фигуры. Император Александр III знал об этой слабости жены и даже, когда себя неважно чувствовал, порой оставался на балу дольше желаемого, лишь бы «сделать приятное» жене. Та же могла до трех — четырех часов утра танцевать, не утомляясь. Лишь возвратившись домой, ощущала изнеможение и падала в постель почти без сил. Но наступал следующий вечер, начинался новый бал, и опять все повторялось. Это был какой-то сладостный наркотик, от которого ее с трудом избавили лишь время и годы.

Чем ближе узнавал принцессу Александр, чем больше с ней общался, тем сильнее и удивительнее были впечатления. В один из дней он сидел у нее, они мирно беседовали, и вдруг будущая цесаревна совершенно неожиданно встала, оперлась руками на два кресла и совершила переворот через голову. Жених был потрясен, и потом они вдвоем хохотали от души. Он знал, что Дагмар каждое утро делает гимнастику, что она ежедневно тре-

нируется, обливается холодной водой, но что она способна на нечто подобное — даже не подозревал. Цесаревич видел выступление акробатов в цирке, а теперь выяснилось, что и его будущая жена способна выделывать «подобные кренделя». При этом Дагмар сказала, что не очень хорошо себя чувствовала, так как грустила после полученных из Дании писем и к тому же целый день мучилась желудком. Но внешне это было совсем незаметно. Она была такая шаловливая, такая непосредственная, и это тоже вызывало симпатию. Она и потом много раз, к вящей радости мужа, будет делать при нем «колесо», и эти «забавные манипуляции» прекратятся лишь в зрелых годах.

По своему темпераменту они были довольно разные люди, но это различие не отдаляло друг от друга, а — сближало. Принцесса была благодарна жениху, такому большому, милому, доброму. Ей нравилось, как он улыбался, как он курил свои любимые сигары, как гордо восседал на лошади; нравилась его молчаливая сосредоточенность, серьезная основательность. У него была своя лодка, и когда ей перевели, что она называется «Увалень», она не могла не рассмеяться. Увалень, ее увалень... И не было сомнений, что цесаревич защитит ее, слабую иностранку, от всех жизненных неурядиц, от злых, нехороших людей. Рядом с ним было надежно и спокойно.

Во всем же остальном существовало полное взаимопонимание. Они начали играть дуэтом: он — на корнете, она — на фортепьяно. Незатейливые, веселые мелодии Штрауса и Оффенбаха у них стали получаться сразу. Вместе рисовали. Дагмар уже неплохо владела карандашом и пером, а ее излюбленной темой были морские пейзажи. Она выросла у моря, и водная стихия никогда не оставляла ее равнодушной. Каждый день Дагмар приходилось по несколько часов заниматься. Нормам православия ее обучал священник Иван (Иоанн) Леонтьевич Янышев (позднее он станет духовником царской семьи), помогал и Александр. Она ему вслух читала по-русски молитвы, и цесаревич удивлялся, как хорошо и быстро она выучилась. Службу миропомазания несколько раз повторили, а затем показали императрице. Мария Александровна была удовлетворена и в маленькой домово́й церкви учила будущую невестку, как надо подходить к образам и как делать поклоны. Все получалось неплохо.

В среду, 12 октября 1866 года, наступил день миропомазания. Церемония происходила в Зимнем дворце. Около 11 часов из царских апартаментов по залам дворца тронулась торжественная процессия. Виновница торжества была в простом белом платье и впервые — без всяких украшений. Она была сосредоточенна. Вошли в Большую дворцовую церковь. Молитва прочитана безукоризненно. Свидетельницей по чину миропомазания была

сама императрица, которая подводила будущую жену сына к иконам и святому причастию.

В России появилась новая благоверная великая княгиня Мария Федоровна. Затем отслужили обедню. Вся процедура заняла не более полутора часов. В этот день была перевернута последняя страница в книге о датской принцессе Дагмар. Начинаясь совсем другой жизнью. Еще давно, когда впервые возникли предположения о переходе в православие, она получила заверение императора Александра II, что в России будет сохранено ее первое имя — Мария. Все исполнилось, как хотела, и она была благодарна.

На церемонии присутствовала блестящая публика: члены императорской фамилии, дипломаты, высшие сановники империи. Некоторые из них впервые увидели ту, которой суждено в будущем стать царицей. Интерес был неподдельный, и все детали, малейшие нюансы процедуры и поведения пристально запечатлевались, чтобы затем рассказывать и пересказывать бесчисленное число раз в богатых гостиных впечатления того дня. Формально придаться было не к чему, но все равно, как всегда бывало, какие-то вещи кого-то непременно не устраивали. Одним казалось, что принцесса говорила «металлическим голосом», что она произносила слова, не понимая их смысла; другим привиделось, что она не чувствовала торжественности момента, так как у нее «были сухие глаза». Находились и такие, кто горевал об императрице, которая, как показалось, была «излишне» грустна. Когда они стояли рядом, Мария Федоровна и Мария Александровна, молодость и зрелость, то впечатление было не в пользу царицы. Но ведь по-другому и быть не могло: весна всегда (почти всегда) радостней глазу, чем осень...

На следующий день, 13 октября, состоялся обряд обручения. Опять, тем порядком, что и накануне, процессия прошла по залам Зимнего и вошла в церковь. Службу служил митрополит. Император взял за руку сына и его невесту и подвел их к алтарю. У молодых сильно бились сердца, и цесаревич позднее написал, что его сердце никогда раньше «так не билось». Слова были сказаны, молитвы прочитаны. Александр и Мария вышли из церкви с кольцами на руках. Все было трогательно и торжественно. «Итак первый шаг сделан! Дай Бог мне и ей счастливую супружескую жизнь».

Свадьба была назначена на 26 октября. Но затем, по нездоровью императрицы, была перенесена на два дня.

За день до свадьбы состоялось освящение церкви в Аничковом. Был молебен и затем окропление всех комнат. Присутствовали царь, царица, их дочь Мария. Императрица лично взялась украшать будуар Минни. В тот день отец дал наставления сыну

насчет семейной жизни. Днем была еще встреча с принцем Уэльским, который позабавил веселым рассказом о своей свадьбе и времени накануне ее. Этот последний предсвадебный день так долго тянулся. Вечером отец и мать благословили Александра и Марию образами, обняли, поцеловали, пожелали счастья. Императрица не могла сдержать слез, а Минни хоть и крепилась, но тоже была недалеко от того, чтобы разрыдаться. Вечером была еще одна беседа, очень важная для цесаревича. К нему пришел лейб-медик Николай Федорович Здекауэр и имел с женихом разговор весьма интимного свойства. Он сообщил ему то, что должен знать невинный юноша, которому предстоит встреча с новобрачной в опочивальне. В ночь перед свадьбой Александр плохо спал, его мучили разные мысли, да к тому же брат Владимир, с которым его поместили в одной комнате в Зимнем дворце, «храпел как лошадь». Наконец-то наступило это долгожданное число, этот день — 28 октября, который навсегда останется в их жизни самым радостным и счастливым. Не только они его будут отмечать; на несколько десятилетий он станет праздником всей императорской фамилии. Встали около половины девятого. Чашка кофе, приход друзей и родственников. Затем — обедня в Малой церкви, где присутствовали только четверо: царь, царица, Минни и Александр. По окончании разошлись по своим комнатам и стали одеваться к свадьбе. Цесаревич быстро надел щеголеватый мундир казачьего Атаманского полка, шефом которого состоял. Но потом долго пришлось ждать, когда закончат облачать в свадебный наряд невесту. Когда двери отворились, Александр замер в восхищении: на его Минни был сарафан из серебряной парчи, малиновая бархатная мантия, обшитая горностаем, на голове — малая бриллиантовая корона. Невеста была великолепна.

Процессия тронулась в церковь. В начале второго часа по полудни состоялось бракосочетание по обычному чину. Император Александр II взял их за руки и подвел к алтарю. Венцы над головами держали: у него — братья Владимир и Алексей, над ней — датский принц Фредерик и Николай Лейхтенбергский. Вся церемония не заняла много времени, но стоила многих переживаний и жениху, и невесте, теперь соединивших свои жизни перед алтарем.

Последующее явилось утомительным и малоинтересным для новобрачных. Парадный обед в Николаевской зале с музыкой и пением. Поздравления, тосты за счастье молодых. Вечером в концертном зале молодые принимали поздравления дипломатического корпуса, а по окончании в Георгиевском зале — полонезный бал. Народу «была пропасть», и стояла страшная духота. Затем, пройдя торжественным шествием по всем парадным

залам, молодые в золотой карете отбыли в Аничков, где был накрыт ужин для членов фамилии. Цесаревна первый раз оказалась в своем доме, она теперь здесь хозяйка, но мало что видела и никак не могла освоиться. Ужин тянулся утомительно долго, все устали, особенно новобрачные. Наконец гости разъехались, остались лишь Александр II и Мария Александровна. Царица удалилась в комнаты Минни, а император остался с сыном. Родители готовили детей к брачному ложу.

Согласно старой традиции, в первый раз жених должен войти к невесте в тяжелом и громоздком халате из серебряной нити. Но Александр не чувствовал ноши. Он был как в лихорадке, плохо соображал, мысли путались. Без четверти час ночи императрица вошла к мужчинам и со слезами на глазах сказала, что «пора, Минни ждет». Александр встал, попросил родительского благословения и на подгибающихся ногах вошел в спальню, запер за собой дверь. Огни были потушены, горела лишь одна свеча на маленьком столике. В полумраке на постели он увидел испуганное лицо Минни. Он подошел, обнял ее... И провалились куда-то, и закружились, и полетели вдвоем. И перестал существовать весь остальной мир, а лишь он и она, вместе, в едином порыве, в радостном вздохе, навсегда. Они стали мужем и женой.

Глава 5

РОДИТЕЛЬСКИЕ ЗАБОТЫ

Переезжая в Россию, принцесса Дагмар понимала, что среди ее обязанностей будет одна, самая важная — стать матерью. Девушка впечатлительная и романтическая, она боялась этого, сознавая, что должна произвести на свет здоровое потомство, умножающее царский род. Об этой страшной ответственности она много раз говорила с мужем, который и сам переживал, однако всецело полагался на милость Господа. Она тоже усердно молилась, но ее тревожила мысль, что человек, изменивший один раз своей вере, — грешник, и он заслуживает кары небесной.

Близкие уверяли, что ее переход в православие — угодное Богу дело. Однако тревога оставалась, и мысль о собственной греховности невольно возвращалась снова и снова. Тем более что долго не удавалось забеременеть. Несколько раз казалось, что наконец случилось, но выяснялось, что это ошибка. Порой, просыпаясь ночью, тихо плакала, а Саша, который спал очень

чутко, тут же пробуждался, начинал утешать. Он был такой милый, такой «душка», и Марии больше всего хотелось доставить ему радость. Лишь только в конце 1867 года врачи определенно заявили, что она действительно беременна.

К весне 1868 года уже все окружающие знали, что цесаревна к началу лета будет матерью. Новость была «горячей», и в свете внимательно наблюдали и оценивали поведение Марии Федоровны, ее вид. Интерес подогревался слухами о том, что цесаревна не может стать матерью, что у нее все время открываются болезненные кровотечения. Беременность действительно протекала сложно, ей нередко приходилось проводить по нескольку дней в постели, но все же она появлялась на публике и держалась при этом безукоризненно. Действительных поводов для злословия молодая великая княгиня не давала. Как и раньше, аккуратно выполняла свои обязанности: посещала свекровь, бывала на вечерах, в театрах, на приемах. Внешне она мало изменилась. Только при внимательном взгляде можно было различить некоторую деформацию фигуры, да те, кто достаточно знал, не могли не заметить, что фасоны платьев стали более свободными.

Об истинном состоянии цесаревны были осведомлены лишь единицы, но и этого хватало, чтобы все стало секретом полишинеля. Аристократический мир не умеет хранить тайны. Все так или иначе становилось известно, обрастая попутно немислимыми подробностями. Достаточно было императрице Марии Александровне за утренним туалетом лишь выразить сочувствие состоянию здоровья невестки. Дальше шло обычным порядком: ближайшая фрейлина сказала об этом сестре, матери или подруге, та — другой, а затем пошло — поехало. Некоторые светские дамы целый день тем и занимались, что объезжали дома людей своего круга, чтобы поделиться последними новостями. В числе главных — здоровье цесаревны.

Как только Мария Федоровна появлялась на публике, сотни внимательных глаз буквально впивались к ее невысокую фигуру. А тем же вечером и на следующий день начинали обсуждать. Вы видели, как она бледна? Вы заметили, с каким трудом она ходит, как она неулыбчива, какие у нее появились странные пятна на лице? Некоторые так увлекались нагнетанием страстей, что приходили к выводу: «Цесаревна угасает».

Подобные предположения были совершенно беспочвенными. Несмотря на приступы болезненной слабости, Мария Федоровна сохраняла крепость духа. Она была счастлива. Счастливы был и Александр. Оба знали, что, если появится сын, его назовут Николаем, в память о дорогом Никсе, который «там, на небесах», молится за них...

С конца апреля 1868 года семья цесаревича жила в Александровском дворце Царского Села, а рядом, в Большом дворце, обосновались царь с царицей. С начала мая важного события можно было ждать в любую минуту. Александр в эти дни почти не отлучался (лишь в самом крайнем случае), находясь все время или вместе с женой, или поблизости. 6 мая, в начале пятого утра, Мария Федоровна проснулась, ощущая сильную боль в нижней части живота. Она тут же разбудила мужа, но тот не знал, что делать. Позвал акушерку, которая сказала: «Начинается»...

Цесаревич отправил записку матери: «Милая душка, Ма! Сегодня утром, около 4-х часов, Минни почувствовала снова боли, но сильнее, чем вчера, и почти вовсе не спала. Теперь боли продолжаются, и приходила м-ль Михайлова, которая говорит, что это уже решительно начало родов. Минни порядочно страдает по временам, но теперь одевается, и я ей позволил даже ходить по комнате. Я хотел приехать сам к Тебе и Папа, но Минни умоляет меня не выходить от нее. Дай Бог, чтобы все прошло благополучно, как до сих пор, и тогда-то будет радость и счастье». Но прошло еще порядочно времени, пока все окончательно определилось.

Дальнейший ход событий запечатлен в дневнике цесаревича: «Мама с Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 1/2 3 час. пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно».

Чувства были естественны и понятны. У них — сын! Они дождались наконец благословения Господня! И палили пушки, и гремели салюты, и сыпались высочайшие милости. У императора Александра II появился первый внук. Родился последний русский царь, человек, которому уготована была небывалая судьба...

Через две недели были крестины. Великий князь Николай Александрович впервые покинул отчий кров. В золотой царской карете его отвезли в Большой дворец. Восприемниками были: царь, великая княгиня Елена Павловна, датский наследный принц Фредерик, датская королева Луиза и русская царица

Мария Александровна. Датские бабушка и дядя специально ради этого случая приехали в Россию. Почти через тринадцать лет Николай Александрович станет цесаревичем, а через двадцать шесть лет — императором. С того времени 6 (18) мая будет государственным праздником России вплоть до последнего, 1917 года. А затем эта дата превратится в день памяти последнего русского царя. (Порой неверно датируют это событие 19 мая по Григорианскому календарю, хотя разница между новым и старым стилем для XIX века составляла 12 дней.)

Ребенок был здоровым и жизнерадостным. Он редко плакал; няньки и кормилицы поражались его спокойному нраву. Но больше всех радовались родители. Минни после родов сразу как-то заново ожила, а Александр испытывал чувство блаженства. Он каждый день, как только вставал, направлялся к сыну, и душа радовалась глядеть на улыбчивого малыша, который почти всегда «был в духе». Вскоре после появления сына цесаревич записал: «Да будет Воля Твоя, Господи! Не оставь нас в будущем, как Ты не оставлял нас троих в прошлом, Аминь». Их теперь уже было трое, и цесаревич молился за всех.

Императрица Мария Александровна находила, что мальчик очень похож на отца. Сейчас трудно установить, насколько подобное утверждение справедливо (младенческих изображений Александра III просто нет), но фотографии юного Николая Александровича, несомненно, свидетельствуют, что он очень походил на мать. Датская принцесса не только наградила сына правильными чертами лица, выражением и цветом глаз, но и передала ему то, чем всегда владела, — очарованием натуры. Это был тот ребенок, который неизменно всем нравился, и многие любили его искренне.

В июне царь с царицей переехали в Петергоф, куда последовали и цесаревич с цесаревной. Они разместились во дворце «Коттедж», в том самом, где много времени в раннем возрасте проводил Александр Александрович. Лето было спокойным и радостным. Спал с души груз затаенных страхов и опасений. Мария Федоровна была умиротворена сознанием того, что смогла произвести на свет здорового сына, а то уж, в какой-то момент, начала разувериваться в возможности стать матерью. Цесаревич тоже все время находился в ровно-спокойном настроении. У них теперь был сын, и, что бы ни случилось, продолжение рода обеспечено. И не надо больше ничего объяснять, и не надо бояться снисходительно-сочувственных взглядов родных и придворных. Они веселились, как молодыежены. Сами давали балы, ездили на праздники к другим. Благо в Петергофе в тот год собралось блестящее общество. Почти все родственники и «родственники родственников»: Лейхтенбергские, Ольден-

бургские, Мекленбург-Стрелицкие. Цесаревича каскад балов и гуляний впервые не раздражал. Сам усердно танцевал и с удовольствием наблюдал за женой, которая танцевала почти без перерыва, часами.

Прошел еще год, и 20 мая 1869 года Мария Федоровна решилась от бремени сыном, которому дали имя Александр. В роду Романовых было много Александров, и вот одним стало больше. Двое детей — какое это счастье, какое богатство, какая отрада родительскому глазу. Мария Федоровна проводила с ними каждую свободную минуту.

А в апреле 1870 года случилось большое горе: второй сын Александра Александровича и Марии Федоровны малютка Александр заболел. Он простудился. Первое время не было никаких опасений, но через пару дней состояние одиннадцатимесячного великого князя резко стало ухудшаться. Пригласили лучших врачей: Шмидта, Раухфуса, Гирша. Мария Федоровна не отходила ни днем ни ночью от ребенка. И Александр был рядом. Он отменил (впервые в жизни) прочие дела и находился возле малютки. Ездили в соборы, молились там, молились и в своей церкви. 17 апреля — день рождения Александра II, царю исполнилось 52 года. Радости не было. В Аничковом впервые царила тягостная атмосфера.

Наступило 20 апреля. В половине четвертого дня маленький Александр Александрович умер на руках у Марии Федоровны. Родители были убиты горем. «Боже, что за день Ты нам послал и что за испытание, которое мы никогда не забудем до конца нашей жизни, но «Да будет Воля Твоя, Господи», и мы смиряемся пред Тобой и Твоею волей. Господи, упокой душу младенца нашего, ангела Александра», — записал цесаревич. Художник Иван Крамской сделал карандашный рисунок умершего. На следующий день рассказали старшему сыну Николаю, что его братик умер. Двухлетний Николай воспринял все спокойно и, когда повели прощаться с Александром, совсем не боялся, поцеловал мертвого в лоб и положил на него красную розу, как ему было сказано.

Тяжелей же всех переживала мать. На Марию Федоровну было жалко смотреть. Она за несколько дней осунулась, почернела и постарела. Опять смерть вслед за радостью, снова слезы, горе, когда казалось, что все вокруг так светло и безоблачно. Неисповедимы пути Господа и замысел Его смертным не ведан. Надо смириться, надо жить.

Господь послал Марии Федоровне и Александру Александровичу еще четверых детей. 27 апреля 1871 года родился Георгий, 25 марта 1875 года — Ксения, 22 октября 1878 года — Михаил. Младшенькая Ольга появилась на свет 1 июня 1882

года. Она — единственный порфирородный ребенок, так как к тому времени отец уже находился на троне.

«Дорогая Мамá» являлась для детей непререкаемым авторитетом, как и отец, но с последним им видеться доводилось меньше, хотя Александр III был даже более склонен баловать детей и смотреть сквозь пальцы на их шалости и забавы. Мария Федоровна, напротив, наследовала принципы воспитания, проверенные на ней самой при датском дворе. Она не занималась мелкой опекой, никогда не сюсюкала с сыновьями и дочерьми, но всегда требовала выполнения ими своих обязанностей и безусловно-го подчинения. Еще требовала правдивости, честности и открытости.

Со стороны семья Александра III производила впечатление патриархальной русской семьи. Признанным главой являлся отец, которому все подчинялись. Повседневный уклад и духовные ценности тоже были традиционными: почитание старших, вера в Бога, соблюдение всех церковных обрядов и бытовых норм. Но внешнее восприятие фиксировало лишь формальную сторону. На деле все было не совсем так. Муж, оставаясь безусловным хозяином, передал Марии Федоровне все права по управлению семейной жизнью. Как воспитывать детей, каких учителей к ним приглашать, куда ехать отдыхать, какие книги им читать, кому писать письма, когда читать молитвы — за это, как и за многое другое отвечала именно мать. Конечно, она согласовывала свои действия и решения с мужем, но тот почти никогда не менял ничего по существу, а порой только вносил некоторые коррективы.

Мать, не уставая, все время повторяла детям: никогда не забывайте о своем происхождении и предназначении, ни на минуту не позволяйте себе забыть, что на вас всегда обращено множество глаз и вы не имеете права своим поведением бросить тень на высокий общественный статус семьи, на роль и престиж своего отца. Ноша царскородного происхождения была трудна, порой непереносима, и не все дети Александра III достойно прожили свою жизнь. Случалось всякое. Лучше всех следовать наставлениям родителей с детства удавалось именно Николаю Александровичу.

Дети делились на «старших» (Николай, Георгий, Ксения) и «младших» (Михаил, Ольга). Родители любили всех, но некоторые нюансы этого чувства все-таки можно уловить по сохранившимся документам. Мария Федоровна отдавала предпочтение старшим. Нельзя сказать, чтобы она их больше любила. Нет. Просто им больше уделяла внимания именно в силу того, что с ними были сопряжены более серьезные в семейном и важные в общественном отношениях проблемы. Николай — первенец, бу-

дущее рода, наследник престола. Все, что его касалось — перво-степенный вопрос. Георгий — «Милый Джорджи» — нежный и ласковый, отрада матери. Когда стал взрослеть, обнаружилась его болезненность. А затем этот кошмар — чахотка. И почти десять лет борьба за жизнь сына, и слезы, и молитвы. И ужас преждевременной кончины, и материнская душевная рана навсегда.

Ксения же была любимицей. Она так походила на мать: тот же овал лица, взгляд, походка, манера поведения. Старшая дочь не копировала мать; она просто унаследовала от нее многое. Ей не хватало лишь очарования Марии Федоровны, душевного магнетизма, рождавшего симпатию. В великой княжне было то, что начисто отсутствовало у родительницы: желчность, пренебрежение к людям. После того, как стала в 1894 года женой великого князя Александра Михайловича («Сандро»), эти качества, которые ранее только просматривались, под покровительством красавца-мужа расцвели с невероятной пышностью. Ксения Александровна, беспредельно любя и восхищаясь своим Сандро, сделалась его вторым «я». Она мыслила, как он, оценивала все и всех, как он, видела мир, как «ненаглядный Сандро». Невольно напрашивается сравнение с чеховской «Душечкой», но в Ксении было слишком много амбициозной фанаберии. К матери она относилась с ровной симпатией, которая со временем стала лишь данью традиции.

Младшие же дети, Михаил и Ольга, так на всю жизнь для матери и остались «маленькими». Ольгу она вообще до самых последних лет и называла по привычке «беби». Покорность младшей дочери слову «дорогой Мамá» стала причиной ее семейного несчастья. Она безропотно вышла в августе 1901 года замуж за болезненного и индифферентного принца Петра Ольденбургского. Принц был всего на четырнадцать лет старше Ольги Александровны, но был уже почти рамоликом. Мария Федоровна, настояв на этом браке, потом не хотела себе признаться, что совершила ошибку. Ей долго казалось, что Ольга сама виновата в неудачной семейной жизни. Прозрение давалось с большим трудом.

Михаил же много лет был неотлучно при матери. Мария Федоровна оставалась с ним, когда другие дети обзавелись семьями, у них появились свои заботы, и они отдалились от матери. Миша же был рядом, с ним она ездила навещать Георгия на Кавказ, отдыхала в Ливадии, посещала родных в Копенгагене и Лондоне. И только когда в 1899 году, после смерти Георгия, Михаил Александрович сделался наследником престола, мать поняла, что ее «душке Мише» может выпасть великая и тяжелая судьба. Но согласиться с тем, что он взрослый, не могла и про-

должала относиться к нему как к ребенку, со снисходительной любовью. Уже когда сыну было за тридцать, мать писала ему: «Ты должен подавать всем хороший пример и никогда не забывать, что ты сын своего Отца. И это только из-за любви к тебе, мой дорогой Миша, я пишу эти слова, а не для того, чтобы огорчить тебя. Но иногда я так беспокоюсь за твое будущее и боюсь, что по причине твоего доброго сердца ты позволяешь себе втягиваться в какие-то истории, и тогда ты кажешься не таким, какой ты есть на самом деле. Я прошу у Бога, чтобы Он сохранил тебя и управлял тобой и чтобы Он сохранил в тебе веру в Него».

Много лет мать беспокоило устройство семейной жизни младшего сына, но долго из этого ничего не получалось. Михаил Александрович все время увлекался дамами, которые ни при каких обстоятельствах не могли стать женами. Значительная часть мужского состава императорской фамилии отличалась страстностью натур, и Михаил был в их числе. Его увлечения, бурные и эмоциональные, беспокоили Марию Федоровну. Несколько раз брала с сына слово, что он не совершит недопустимого и не вступит в разнородный брак. Он давал обещания. Долго крепился. Но осенью 1912 года все рухнуло. Великий князь Михаил Александрович в возрасте 34 лет тайно, за границей, обвенчался с дочерью присяжного поверенного (адвоката) из Москвы Натальей Сергеевной Шереметьевской (по первому браку Мамонтовой, по второму — Вульферт).

Это известие стало для матери потрясением. 4 ноября 1912 года она писала из Дании императору Николаю II: «Теперь я должна тебе сказать о новом ужасно жестоком ударе! Я только что получила письмо от Миши, в котором он сообщает о своей женитьбе! Даже не верится и не понимаю, что я пишу, так это невыразимо отвратительно и меня совершенно убивает! Я только об одном прошу, чтобы это осталось в секрете... Я думаю, что это единственное, что можно сделать, иначе я уже больше не покажусь, такой позор и срам! Бог ему простит, я только о нем могу сожалеть».

Но скрыть скандальный брак брата царя не было никакой возможности. Император уволил Михаила Александровича со службы, ему был воспрещен въезд в Россию. Лишь с началом мировой войны великий князь был прощен, восстановлен в званиях. Его жене была пожалована фамилия Брасова (по названию имения Михаила Александровича), а их сыну Георгию присвоен титул графа Брасова. Мария Федоровна, сохранив нежные отношения с сыном, так и не смогла преодолеть себя и ни разу не встретилась с женой Михаила. Даже в изгнании, где Брасова

очень бедствовала, императрица не изменила к ней своего отношения.

Но центром внимания и забот матери всегда был старший сын, «милый Ники». Он рос крепким, здоровым и с ранних пор совершал с родителями дальние поездки и прогулки. Первый раз он отправился за пределы России в 1870 году. Семья цесаревича тем летом гостила в Дании. В следующий свой приезд, через два года, в возрасте четырех лет он заметно превосходил даже более старших детей по своей физической крепости. Александр Александрович сообщал матери, что старший сын «делает огромные прогулки и никогда не устает».

Мальчик был живым, любознательным и с ранних пор отличался воспитанностью и учтивостью. Он, как и другие, шалил и проказил, но всегда беспрекословно подчинялся воле отца и матери. Он их любил искренней и неизбывной любовью, а когда отец умер, сохранил о нем самые светлые воспоминания. С матерью же был всегда нежен, неизменно проявлял в отношениях с ней деликатность, внимательность. И уж после крушения, находясь в заточении, переживал, что разлучен «с дорогой Мамá». В свой последний земной час, на пороге небытия, поверженный царь горевал о том, что лишен общения с родным, навсегда близким человеком, с которым связан неразрывными узами душевной близости.

Мария Федоровна с малолетства приучала Николая к неукоснительному выполнению своих обязанностей, и под ее постоянным контролем сын вырос аккуратным, даже педантичным человеком, редко позволявшим себе расслабиться и отложить исполнение «того, что надо». И взрослого мать не оставляла без внимания. Когда Николай уже служил офицером в лейб-гвардии Преображенском полку (самом престижном подразделении императорской гвардии), наставляла: «Никогда не забывай, что все глаза обращены на тебя, ожидая, каковы будут твои первые самостоятельные шаги в жизни. Всегда будь воспитанным и вежливым с каждым, так, чтобы у тебя были хорошие отношения со всеми товарищами без исключения, и в то же время без налета фамильярности или интимности, и никогда не слушай сплетников».

Когда цесаревич находился в Индии в 1891 году, Мария Федоровна писала: «Я хочу думать, что ты очень вежлив со всеми англичанами, которые стараются оказать тебе лучшие, по мере возможности, прием, охоту и т. д. Я хорошо знаю, что балы и другие официальные дела не очень занимательны, особенно в такую жару, но ты должен понять, что твое положение тебя обязывает к этому. Отставь свой личный комфорт в сторону, будь вдвойне вежлив и дружелюбен и, более того, никогда не

показывай, что тебе скучно. Будешь ли ты так делать, мой Ники? На балах ты должен считать своим долгом больше танцевать и меньше курить в саду с офицерами, хотя это и более приятно. Иначе просто нельзя, мой милый, но я знаю, ты понимаешь все это прекрасно, и ты знаешь только одно мое желание, чтобы ничего нельзя было сказать против тебя, и чтобы ты оставил о себе самое лучшее впечатление у всех и всюду».

Будучи цельной и честной натурой, Мария Федоровна учила тому, в чем не сомневалась, призывала к тому, чему сама всю жизнь следовала. Она, как никто, знала, что это очень нелегко. Став императрицей, не сомневалась и в другом: умение держать себя в руках, мастерство самообладания, не только показывает воспитание, такт. Эти качества позволяют преодолевать жизненные невзгоды, не дают совершить под влиянием минутного настроения опрометчивого поступка, сказать резкость и этим нанести кому-то душевную рану. В их положении обидеть человека, сокрушить его можно походя. Общественный статус семьи обязывал быть великодушным. Этому мать учила детей, и сын Николай сумел усвоить подобные истины. Он, как и мать, не сомневался в том, что если иметь доброе сердце, открытую перед Богом душу, тебе воздастся по заслугам. И, подвергая тяжелейшим, порой просто невыносимым испытаниям, Господь никогда тебя не оставит. То была школа воспитания смирения. Императрица Мария Федоровна и ее сын император Николай II всей своей жизнью показали, что этой великой добродетелью они овладели в полной мере.

Порой же возникали ситуации, когда мать ничего толком своему сыну объяснить не могла. Так случилось осенью 1880 года, когда семья цесаревича по просьбе Александра II приехала отдыхать в Ливадию. Николай с детства любил бывать в Крыму, но то, с чем он, двенадцатилетний, столкнулся здесь тогда, озадачило, удивило. Мать и отец не знали, как рассказать об ужасном происшествии, потрясшем династию.

Император Александр II, похоронив в мае 1880 года свою супругу императрицу Марию Александровну, уже в июле женился на княгине Екатерине Михайловне Юрьевской, с которой более десяти лет был в связи и которая к тому времени имела от императора уже троих детей. Этот эпатазирующий брак держался в секрете, но тайна императора всех интересует и всем принадлежит. Придворные и родственники монарха прекрасно обо всем знали, но молча склонялись перед волей самодержца, хотя и понимали, что переступил канон, нарушил законы и традиции тот, кто первым должен был их охранять. Царь сам сообщил наследнику о браке, сказав об этом таким тоном, что возразить было нельзя.

Цесаревич Александр и Мария Федоровна, отправляясь со всеми детьми в Крым (о чем особо просил Александр II), тешили себя надеждой, что государь сдержит обещание и не будет навязывать им общество своей новой семьи. Они знали, что в прошлые годы, во время пребывания в Крыму императора, Юрьевская тоже бывала там, но жила уединенно и при дворе не показывалась. Как-то будет теперь? Дорога была длинной: от Петербурга до главной военно-морской базы русского флота на Черном море Севастополя ехали в поезде почти двое суток. Затем еще надо было плыть на пароходе. Но лишь одна тема волновала, хотя вслух ничего не говорили.

Ситуация сразу же стала проявляться по прибытии на рейд Ялты. Их встретил Александр II. После первых приветствий и поцелуев он огоршил заявлением, что княгиня нездорова и не могла приехать на встречу. Мария Федоровна не знала, как реагировать, а лишь спросила: «Как же я могу с ней видаться, если ваш брак содержится в тайне?» Императора вопрос не смутил, и с видом беспечного ребенка он заявил: «О, здесь так трудно что-либо скрыть, моя свита не может ничего не знать». «Но моя-то совершенно ничего не знает, потому что я верно хранила доверенную мне тайну», — возразила цесаревна и разрыдалась к неудовольствию императора.

Цесаревич сохранял самообладание, но для цесаревны все походило на непрекращающийся кошмар. Войдя в Ливадийский дворец, прибывшие были встречены Юрьевской и ее детьми, и сразу стало ясно, что она здесь — полноправная хозяйка. И это в доме, который так долго, любовно и заботливо создавался покойной императрицей, где все было пронизано воспоминаниями о Марии Александровне, где кругом были ее портреты и личные вещи! Мария Федоровна находилась в состоянии глубокого потрясения. (За что нам такое наказание, чем мы провинились перед Тобой, Господи, получив эту страшную душевную муку!) Цесаревна испытывала стыд перед слугами, и ей казалось, что все они возмущены и опечалены происходившим. Беззаботна была лишь новая хозяйка. Да и император не чувствовал неловкости и двусмысленности сложившейся ситуации.

Александр II, несомненно, не только любил эту женщину, но и находился под сильным ее влиянием, не замечая даже бестактностей по своему адресу, которые всем остальным бросались в глаза. Она на людях говорила ему «ты», могла, без стеснения, прервать его на полуслове, и тот принимал все как должное! Однажды Александр II пригласил цесаревича и цесаревну с собой на прогулку в коляске и не нашел ничего лучше, как привести их к тайному домику, где он встречался раньше с Юрьевской, заставил их пить там чай, и «ублажал» рассказом о

том, как ему здесь было хорошо вдвоем с княгиней! Во время этой интермедии Марии Федоровне все время казалось, что она вот-вот упадет в обморок!

Александр держался как мог, а Минни плакала чуть не каждую ночь, и однажды «эта женщина» позволила ей, цесаревне, сделать замечание, что у нее почему-то по утрам красные глаза! Поводы для слез возникали постоянно. Как можно было сдержаться, когда видишь собак, лежащих в кресле покойной царицы; как можно было сохранять самообладание, когда за семейным обедом княгиня по любому поводу начинала учить и давать советы. И эта брошка на ее груди, с выложенной бриллиантами датой тайного брака: 6 июля. Она ее почти не снимала, хотя у нее имелось вдоволь других украшений, и Мария Федоровна, понимая в этом толк, не могла не заметить, что все драгоценности Юрьевской — высокого качества и очень дорогие. Уже позже, комментируя это обстоятельство, она язвительно заметила, что «у императора, несомненно, был вкус».

А эти ужасные дети, эти «бастарды»! Они совершенно не воспитанны и ведут себя, «как в конюшне». Особенно досаждал старший, Георгий, «их Гого». Редкий день он не выделял что-нибудь такое, от чего хотелось встать и выйти. Он все время приставал то к императору, то к матери, то к ее Ники. И никакой управы на него не было.

Мария Федоровна не могла не заметить, что император с такой нежностью и лаской относился к нему, с какой никогда не относился к своим законным внукам. И невольно возникали в душе смутные опасения и всплывали в памяти, как казалось, совершенно абсурдные слухи о том, что император со временем намерен короновать Юрьевскую и сделать этого самого Гого наследником. Конечно, подобный шаг мог совершить лишь безумец. Это привело бы к катастрофе, к распаду всех основ, к трагическому расколу не только династии, но и всей империи. Об этом страшно подумать, и самодержец не сможет подобного допустить. Но, с другой стороны, то, что казалось абсурдным в Петербурге, здесь, при каждодневном общении, не виделось столь уж нереальным. Царь, несомненно, полностью закабален, почти лишен воли, и «эта дама» может заставить его сделать что угодно.

Особенно нестерпимым было то, что все это неприличие разворачивалось на глазах ее детей, и она горько сожалела, что послушала мужа и привезла их в Ливадию. Какое воздействие подобное зрелище окажет на них, в первую очередь на старшего, Николая, которому исполнилось двенадцать лет, и он уже многое видит и понимает. Мария Федоровна воспитывала его

честным и правдивым человеком. Теперь же ей самой приходилось лукавить, а иногда и просто лгать, объясняя происходящее.

Уже на первом семейном обеде Юрьевская так амикошонски вела себя с императором, что мальчик спросил: «Эта дама нам родственница?» Мария Федоровна обомлела и рассказала сыну сочиненную наскоро историю о том, что император женился на вдове и усыновил ее детей. Матери показалось, что Ники ей не поверил, так как тут же последовал новый вопрос: «Как он мог это сделать, мама? Ты ведь сама знаешь, что в нашей семье нельзя жениться так, чтобы об этом не узнали все». Позднее он сказал своему гувернеру: «Нет, тут что-то неясно, и мне нужно хорошенько поразмыслить, чтобы понять». У Марии Федоровны разрывалось сердце от горечи и досады.

Александр II забыл об обещании «не навязывать общество княгини» и всячески старался сблизить родственников. Тут проявила характер цесаревна. Она мирилась, когда их ставили в оскорбительные ситуации, но интересы детей — выше собственных амбиций. При молчаливо-отстраненном поведении мужа она одна встала за защиту своего потомства и выиграла это тяжелое сражение. Уже вернувшись в столицу, поделилась с одной доброй знакомой «незабываемыми» впечатлениями «от отдыха» в Крыму.

«Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать. Чтобы избежать этого отвратительного общества, мы часто уходили в горы на охоту, но по возвращении нас ожидало прежнее существование, глубоко оскорбительное для меня. Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вздохнуть. Так или иначе я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали как бы между прочим, пытаюсь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и императором разглагольствия тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к бабушке поздороваться. Однажды в воскресенье перед обедней, в присутствии всего общества, он жестоко упрекнул меня, но все же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила мне, что не понимает, почему я отношусь к ее детям, как к зачумленным».

Николай видел, что родители расстроены, что вокруг происходит много непонятного, но вопросами не досаждал. Он уже в том юном возрасте понимал, что ему надо знать лишь то, что надо, и не более.

Глава 6

НА ПУТИ К ЦАРСКОМУ СЛУЖЕНИЮ

Великий князь Николай Александрович появился на свет тогда, когда его отец был наследником престола. Сын цесаревича становился в перспективе сам цесаревичем, а затем — монархом. Его готовили к будущей ответственной роли правителя с малолетства. Воспитывали по нормам, принятым в то время в высшем свете, давали образование в соответствии с порядком и традицией, установленными в императорской фамилии. Регулярные занятия у великого князя начались в восьмилетнем возрасте.

Руководителем их и воспитателем Николая был назначен генерал Г. Г. Данилович. Он составил специальную учебную программу, которую внимательно изучили и одобрили родители. Она включала восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний — высших наук. В основе лежала измененная программа классической гимназии: вместо латинского и греческого языков было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. В то же время курсы истории, русской литературы и иностранных языков были существенно расширены. Цикл высшего образования включал: политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба). Кроме того, были еще занятия по вольтижировке, фехтованию, рисованию, музыке.

Учителям и воспитателям отец Николая Александровича наказывал: «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру». «Учите хорошенько, послаблений не делайте, спрашивайте по всей строгости, не поощряйте лень в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это самое мое первое требование». Александр III, при всей своей внешней строгости и, как считали многие, жесткости, по отношению к близким

неизменно оставался преданным семьянином и любящим отцом. Ни разу в жизни пальцем детей не тронул и даже резким словом никогда не обидел.

В десятилетнем возрасте Николай Александрович имел еженедельно 24 урока, а к пятнадцати годам их количество превысило 30. Весь день был расписан по минутам, и старшему сыну цесаревича, а затем императора надо было почти каждодневно проводить по несколько часов на уроках, а затем заниматься самоподготовкой. Даже летом, когда оказывались вдалеке от дома, в гостях, распорядок мало менялся.

Летом 1883 года пятнадцатилетний престолонаследник сообщал из Дании своему другу юности великому князю Александру Михайловичу («Сандро»): «Вот описание дня, который мы проводим здесь: встаем позже чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 наш второй урок; иногда от 11 — половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три — гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день».

Преподаватели выбирались тщательно и должны были не только давать сумму знаний, но и прививать отроку духовно-нравственные представления и навыки: аккуратность, исполнительность, уважение к старшим. Генерал Г. Г. Данилович регулярно сообщал родителям о ходе обучения, и те строго и пристрастно относились ко всему, что касалось столь важного вопроса. Царь Александр III и мать, царица Мария Федоровна, и сами интересовались успехами сына.

В числе преподавателей, как уже говорилось, — блестящие знатоки своего предмета, заметные государственные и военные деятели: К. П. Победоносцев (маститый правовед, профессор Московского университета, с 1880 года обер-прокурор Святейшего Синода); Н. Х. Бунге (профессор-экономист Киевского университета, в 1881—1886 годах — министр финансов); М. И. Драгомиров (профессор Академии Генерального штаба); Н. Н. Обручев (начальник Генерального штаба, автор военно-научных трудов); А. Р. Дрентельн (генерал-адъютант, генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877—1878 годов); Н. К. Гирс (министр иностранных дел в 1882—1895 годах).

Преподаватели не могли ставить оценки за успеваемость высокородному ученику, но все они отмечали усидчивость и аккуратность Николая Александровича. Он имел прекрасную память. Раз прочитанное или услышанное запоминал навсегда. То же касалось и людей, их имен и должностей. Общавшиеся с последним царем поражались порой тому, что монарх мог в разговоре с кем-нибудь вдруг вспомнить эпизод служебной биографии собеседника многолетней давности. Прекрасно владел английским, французским и немецким языками, писал очень грамотно по-русски. Из всех предметов ему особо нравились литература и история. Еще с детства он стал страстным книгочеем и сохранял эту привязанность буквально до последних дней своего земного бытия. Всегда переживал, если в какой-то день у него не было достаточно времени для чтения. Его пристрастия с годами вполне определились: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов.

С ранних пор последний русский царь испытывал большой интерес и тягу к военному делу. Это было у Романовых в крови. Многие его родственники служили с юности в различных войсках, занимали командные должности в гвардии, в системе военного управления. В 1887 году в письме великому князю Александру Михайловичу наследник престола писал: «Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить мою радость; я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил Папа и Он мне позволил служить. Разумеется, я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерно-офицера. Ура!!!»

Николай Александрович был, что называется, прирожденным офицером; традиции офицерской среды и воинские уставы он неукоснительно соблюдал, чего требовал и от других. Любой командир, запятнавший недостойным поведением мундир офицера, для него переставал существовать. По отношению к солдатам чувствовал себя покровителем-наставником и не чурался общаться с ними, а в пасхальные дни обязательно христосовался со служащими конвоя. Смотры, парады, учения Николая Александровича никогда не утомляли, и он мужественно и безропотно переносил случавшиеся неудобства армейских будней на лагерных сборах или маневрах.

В марте 1889 года писал: «Я проделал уже два лагеря в Преображенском полку, страшно сроднился и полюбил службу; в особенности наших молодцов-солдат! Я уверен, что эта летняя служба принесла мне огромную пользу, и с тех пор заметил в

себе большие перемены. Через месяц поступаю в Гусарский полк, чтобы начать и кавалерийскую службу».

Природной педантичности, аккуратности и обязательности Николая с юности импонировала армейская среда. Но главное было в другом: Русская армия олицетворяла для него величие и мощь империи, незыблемость и силу России, что вызывало в душе самые восторженные чувства. В августе 1890 года он впервые оказался на больших военных маневрах, проводившихся в тот год в районе Лудка. В письме Александру Михайловичу восклицал: «Войска произвели на меня такое отрадное впечатление, о котором я вовсе не помышлял, и, по-моему, не только можно, но и должно сравнивать их действия с действиями гвардии, и по виду также. Все время стояла холодная, дождливая погода, местность для маневрирования была трудная, переходы огромные и, несмотря на все эти невзгоды, на параде все войска представились в таком виде, в котором, дай Бог, они всегда бы оставались впредь. В строю было 128 000 человек и 468 орудий, из которых был дан залп в момент поднятия императорского штандарта. Я в жизнь свою не забуду этого чудесного зрелища; каждое орудие дало по три выстрела в течение двух минут, и все это сливалось с потрясающим ура! Приятно было видеть и чувствовать эту мощь, сосредоточенную на небольшом пространстве, и сознавать, что это только десятая часть всей нашей армии. Я тебя уверяю, что у меня редко так сильно билось сердце».

Согласно традиции первый внук императора Александра II сразу после рождения был зачислен в списки гвардейских полков (Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Кавалергардского и других) и назначен шефом 65-го пехотного Московского полка. В пятилетнем возрасте, в 1873 году, Николай Александрович назначен шефом лейб-гвардии Резервного пехотного полка, а в 1875 году зачислен в лейб-гвардии Эриванский полк. Шли годы, мальчик вырос, и служебная «военная карьера» продолжалась. В день именин, 6 декабря 1875 года, Николай Александрович получил свое первое воинское звание — прапорщика. В 1880 году молодой великий князь производится в подпоручики.

Коренной перелом в судьбе Николая Александровича произошёл 1 марта 1881 года, когда от рук убийц погиб император Александр II. Одна из фрейлин позже записала рассказ самого Николая II о событиях того давнего дня, когда в центре имперской столицы раздался страшный взрыв. Эхо того взрыва, как говорил сам Николай II, навсегда запечатлелось в памяти. Последний монарх редко делился с окружающими воспоминаниями; лишь только с самыми доверенными из родни, членов двора и свиты. В число этих близких входила и фрейлина, баронесса

Софья Карловна Буксгевден, сохранившая верность царской семье до конца и после отречения Николая II последовавшая за ней в Сибирь. Позже ей удалось выбраться из России и написать воспоминания, куда включен и фрагмент о перво-мартовских событиях 1881 года в том виде, как его запомнила мемуаристка.

Баронесса благоговейно относилась к памяти венценосной семьи, бережно сохраняла и описывала самые мелкие подробности ее быта и времяпрепровождения. В силу этого рассказу баронессы безусловно можно доверять.

В середине дня 1 марта 1881 года семья наследника завтракала в Аничковом дворце, когда вбежал слуга и сообщил, что с царем несчастье. Цесаревич тотчас бросился на улицу, крикнув детям, Николаю и Георгию, чтобы они немедленно ехали в Зимний дворец. И они в сопровождении генерала Г. Г. Даниловича поехали.

Обо всем, что там представилось их взору, Николай II так рассказывал баронессе: «Когда мы поднимались по лестнице я видел, что у всех встречных были бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тети. Никто не говорил. Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели: «Папа, — сказал он повышая голос, — Ваш «луч солнца» здесь». Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, он не мог поднять руки ни сказать то, что он хотел, но он несомненно узнал меня. Протопресвитер Бажанов подошел и причастил Его в последний раз. Мы все опустились на колени и Император тихо скончался. Так Господу угодно было». Императором стал Александр III. В тот день его старший сын стал цесаревичем и одновременно Атаманом всех Казачьих войск.

В 1884 году Николай Александрович поступает на действительную военную службу, а 6 мая того года приносит воинскую присягу в Большой церкви Зимнего дворца. Очевидец этого события великий князь Константин Константинович (президент Российской академии наук, переводчик, поэт — литературный псевдоним «К. Р.») записал в тот день в дневнике: «Нашему цесаревичу сегодня 16 лет, он достиг совершеннолетия и принес присягу на верность Престолу и Отечеству. Торжество было в высшей степени умильное и трогательное. Наследник, с

виду еще совсем ребенок, и очень невелик ростом. Прочитал он присягу, в особенности первую, в церкви детским, но прочувствованным голосом; заметно было, что он вник в каждое слово и произносил свою клятву осмысленно, растроганно, но совершенно спокойно. Слезы слышались в его детском голосе. Государь, Императрица, многие окружающие, и я в том числе, не могли удержать слез».

Изменение общественного положения Николая Александровича не отразилось существенно на чинопроизводстве, и воинские звания присваивались почти всегда лишь по выслуге лет. В августе 1884 года цесаревич стал поручиком. В июле 1887 года девятнадцатилетний юноша приступает к регулярной военной службе в Преображенском полку и производится в штабс-капитаны. В апреле 1891 года наследник престола получает звание капитана, а через год, в мае 1891 года, — полковника. На этом производство завершилось, и в чине полковника он оставался до самого конца. Считал неприличным, в силу своего положения, присваивать себе новые воинские звания.

Наследник русского престола получал высшие награды иностранных государств, что служило выражением уважения к России, признанием ее роли мировой державы. Главами и правителями многих стран цесаревичу Николаю Александровичу жаловались ордена: Подвязки (Великобритания), Святого Льва (Нидерланды), Восходящего Солнца (Япония), Белого Сокола (Саксен-Веймарское герцогство), Золотого Руна (Испания), Черного Орла (Пруссия), Святого Стефана (Австро-Венгрия), Почетного легиона (Франция), Спасителя (Греция), Слона (Дания), Звезды (Румыния), Святого Александра (Болгария), Южного Креста (Бразилия), Чакр-Ки (Сиам — Таиланд), Леопольда (Бельгия), Османие (Турция) и другие.

С ранних лет его отличала одна черта, которая, с одной стороны, свидетельствовала о нравственном облике, а с другой — предвещала трудную жизнь: он не умел врать. Этим напоминал своего отца, всю жизнь не терпевшего вранья и с трудом выносившего лицемеров. Но монарх находился в эпицентре власти, там, где перекрещивались все нити скрытых интересов, закулисных интриг, высокого лицедейства. Николаю II с трудом приходилось овладевать искусством повседневного дипломатического маневрирования. Не все у него получалось так, как надлежало, так, как издревле принято было на Руси, и к чему давно привыкли и управители, и управляемые. Императрица Мария Федоровна однажды сказала про своего старшего сына: «Он такой чистый, что не допускает и мысли, что есть люди совершенно иного нрава». Мать не заблуждалась. Николай II был, как

тогда говорили, «натуральным человеком», ценившим и принимавшим простое, ясное, искреннее, доброе.

Александр III «умел поставить на место», мог без обиняков прилюдно назвать труса трусом, бездельника бездельником, дурака дураком, в одночасье выгнать со службы и лишить регалий. Последний же царь, в силу природной деликатности, благожелательного характера, подобного никогда не делал. Если даже не любил кого-то, то никогда не высказывался уничижительно, а публично лишь демонстрировал холодность. Расставаясь с должностным лицом, старался обставить все учтиво, награждая при увольнении «своих слуг» чинами, орденами, благодарственными рескриптами, денежными пособиями. Но редко вступал в прямые объяснения, понимая, что это будет неприятно, тяжело и ему, и тому, кто потерял расположение и должность.

Николай Александрович рос в атмосфере патриархальной русской семьи, которая, в силу исторических обстоятельств, занимала исключительное место в общественной жизни. Он мог себе позволить мало из того, на что имели право сверстники. Нельзя было себя шумно вести, возбранялось привлекать к себе внимание играми и детской возней, не допускались неразрешенные прогулки, бесконтрольные забавы. Все свое детство Николай Александрович провел в императорских резиденциях: зимой жили в Петербурге в Аничковом дворце, а летом — или в Гатчине, или в Царском Селе, или в Петергофе. Крутом были придворные, слуги и наставники, и нельзя было побежать на пруд, когда хотелось, и невозможно было общаться, с кем хотелось. Его друзьями могли быть только лица определенного происхождения.

В юности царь Николай II постоянно общался с небольшим кружком сверстников-родственников и детей близких ко двору царедворцев. Это были: брат, великий князь Георгий Александрович; двоюродные дяди — великий князь Александр Михайлович и великий князь Сергей Михайлович, а также дети министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова и дети обер-егермейстера графа С. Д. Шереметева. Зимой они вместе катались на коньках, строили ледяные горки в парке Аничкова дворца, а летом плавали на лодках, удили рыбу, играли в различные игры и обязательно пекли в укромном уголке парка картошку на костре. Это кушанье считалось лакомством, и молодые аристократы воспринимали весь этот ритуал как некое таинство, а участвовавших и посвященных называли «картофелем».

Но жизнь не состояла только из учебных занятий и приятно-го времяпрепровождения с друзьями. Постоянно приходилось сталкиваться со сложными, а порой и трагическими обстоятель-

ствами. Первая такая ситуация возникла весной 1877 года, когда его отец, которого Николай обожал, покинул семью и почти целый год отсутствовал, принимая участие в русско-турецкой войне. Сыну тогда еще и десяти лет не было, но он знал, что его «дорогой Папá» выполняет свой долг, и ужасно переживал вместе с матушкой, ожидая известий с фронта. И когда Александр Александрович вернулся в феврале 1878 года, радость была в семье великая.

Когда 1 марта 1881 года отец Николая Александровича стал императором, а сам он — наследником престола, в его жизни немало произошло изменений. Родители стали очень занятыми, им меньше удавалось проводить времени вместе. Много общались лишь во время совместных путешествий, которых в первые годы после воцарения Александра III было немного. Раньше часто навещали дедушку и бабушку в Копенгагене, где собирались шумные компании родственников со всех концов Европы. Здесь редко устраивались учебные занятия, почти отсутствовали различные представительские обязанности, да и придворный этикет не так строг, как в России. Данию Николай II полюбил с детства и всегда отправлялся туда с большой радостью. Куда бы теперь ни приезжали, везде встречали иное отношение. Его «дорогой Папá» теперь — царь, а он сам — наследник русского престола.

В 1881 году выехали всей семьей лишь один раз: летом посетили Москву, Нижний Новгород, затем проехали на пароходе до Рыбинска, откуда вернулись в Петербург. На следующий год вообще никаких путешествий не было. Зато 1883 год оказался наполненным событиями и впечатлениями. В мае в Москве состоялись пышные коронационные торжества, и цесаревич был в центре событий. Сама коронация Александра III происходила в Успенском соборе Кремля 15 мая, но приехали в первопрестольную за неделю до того и оставались здесь до конца месяца. И каждый день был полон торжественных церемоний, праздничных шествий, официальных приемов, красочных салютов, величественных парадов. В те дни пятнадцатилетний цесаревич посетил Троицко-Сергиеву лавру под Москвой и был на освящении грандиозного Храма Христа Спасителя, построенного в память победы России над Наполеоном.

Николай, на удивление всех, ни разу не пожаловался на усталость. Он осознавал торжественность момента и уезжал из Москвы с радостным чувством. Именно тогда впервые по-настоящему, глубоко и искренне, почувствовал свой непростой земной удел, ощутил тяжесть и ответственность царского предназначения. Но это все было еще слишком удалено от настоящего, и молодой человек оставался таким, каким был до того,

сохранял все те черты поведения, наклонности и пристрастия, которые имел и раньше.

К началу 80-х годов относится и еще одно примечательное событие в жизни Николая Александровича: он начал вести дневник. До нас дошло пятьдесят толстых тетрадей, последняя записана в которых оставлена за три дня до убийства семьи Николая II в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Первая же запись сделана 1 января 1882 года, когда ему еще не исполнилось и четырнадцати лет. Более тридцати шести лет постоянно, каждый вечер, с неизменной аккуратностью цесаревич, потом император записывал несколько фраз о прошедшем дне. Потом уже, когда рухнула монархия, когда достоянием публики стали многие свидетельства и документы, исследователи (и неисследователи) стали с пристрастной скрупулезностью изучать царские тексты, находя в них, как им казалось, ответы на важнейшие вопросы русской истории: почему пала монархия, почему власть оказалась бессильной отстоять исконные основы и принципы. Ну и, конечно же, всех интересовал вопрос: что представлял из себя последний царь; что это был за человек и политик? На основании дневниковых записей бесчисленное количество раз делались выводы, в подавляющем большинстве случаев неблагоприятные для Николая II.

Самое удивительное в подобных умозаключениях, что они построены на документе, который не позволяет делать никаких широких исторических обобщений. Но их, тем не менее, делали и делают. На самом деле дневники Николая II — своеобразный каждодневный каталог встреч и событий, позволяющий с достаточной полнотой и последовательностью установить лишь два момента его биографии: где он был и с кем общался. Это сугубо личный, глубоко камерный документ, отражавший в самой общей форме повседневное времяпрепровождение.

Николай Александрович не думал оставлять потомкам историческое свидетельство; никогда не предполагал, что его личные, лапидарные поденные заметки будут использовать в политических целях. Он писал, потому что «так надо», потому что это было принято в его кругу. Первоначально его мать, тогда еще цесаревна Мария Федоровна, рекомендовала сыну обзавестись дневником. Затем вел его уже по привычке и любил в зрелые лета иногда перечитать о своем житье-бытье в давние годы. И сколько всего высвечивалось в памяти, и как приятно было вспоминать ушедшее, но такое милое и радостное время. На страницах дневника довольно редко встречаются эмоциональные пассажи, а с годами они почти совсем исчезают. Что же касается каких-либо политических оценок и суждений, то они практически отсутствуют.

Только в последние месяцы своей жизни, находясь в униженном положении заключенного, запечатлел на бумаге свою боль за судьбу страны, за положение дорогой и любимой России. Не о себе думал, не о себе пекся и переживал, когда через год после отречения, 2 (15) 1918 года, занес в дневник горькие слова: «Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего делать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его Святая!» Но никогда последний царь даже не пытался лично себя оправдать или возвеличить, чем отличались авторы многих других дневников и мемуаров, стремившихся запечатлеть свой образ в истории «в благоприятном освещении». Николай II начисто был лишен подобных устремлений.

Помимо династических (присутствие на семейных собраниях, посещение родни в дни их праздников, участие в различных фамилно-государственных мероприятиях), существовали и конкретные служебные обязанности. Чем старше становился Николай Александрович, тем больше времени ему приходилось отдавать подобному служению. Надо было представлять особу государя и Россию за границей. В марте 1888 года цесаревич присутствовал на погребении германского императора Вильгельма I в Берлине; в ноябре того же года представлял русского царя на 25-летнем юбилее царствования датского короля Христиана IX в Копенгагене; в июне 1889 года с подобной же миссией был на торжествах в Штутгарте у короля Вюртембергского, а в октябре представлял царскую фамилию в Афинах на бракосочетании наследника греческого престола Константина и принцессы Прусской Софии.

Представительская миссия входила в круг его обязанностей и в последующие годы. В октябре 1892 года присутствовал в Афинах на двадцатипятилетнем юбилее свадьбы короля Георга и королевы Ольги, в январе 1893 года — в Берлине на бракосочетании сестры императора Вильгельма II принцессы Маргариты с принцем Фридрихом-Карлом Гессенским. В июне того же года провел десять дней в Англии по случаю бракосочетания принца Йоркского (будущего короля Георга V) и принцессы Марии Текской. Это был фактически первый его визит в Лондон (в Англии с родителями бывал еще в 1873 году, но от той поездки ничего в памяти не сохранилось). Матери сообщал: «Я никогда не думал, что город так сильно мне понравится». Здесь собралось приятное общество: родственники со всей Европы, большинство которых он хорошо знал. В тот визит случались забавные истории: из-за их сходства с принцем Георгом придворные

несколько раз путались, поздравляя Николая со счастливым браком!

Обязанностей год от года становилось все больше. В 1889 году цесаревичу было пожаловано флигель-адъютантство. Теперь не только по положению, но и по должности, как член свиты, выполнял определенные функции (присутствия, дежурства). Одновременно с этим именным высочайшим указом он был назначен членом Государственного Совета и членом Комитета министров. Вскоре, описывая свое житье-бытье в послании Сандро, Николай Александрович заметил: «Во-первых, я стал твоим товарищем по свите, сделавшись флигель-адъютантом; мой восторг не имел границ! Кроме того, я назначен членом Государственного Совета и Комитета министров, предоставляю тебе судить об этом! Во-вторых, я служу с 1 мая в Гусарском полку и крепко полюбил свое новое дело».

Несомненно, что ему всегда была в радость военная служба. Сидеть в Государственном Совете и Комитете министров, слушать споры и пререкания сановников по различным вопросам государственного управления не всегда интересно. Здесь было много рутины, утомительных и продолжительных схоластических споров. И хоть своими обязанностями он никогда не пренебрегал и аккуратно высиживал на заседаниях, душа рвалась в родную и близкую гвардейскую среду, где властвовали порядок, дисциплина, где он был нужен, где чувствовался дух товарищества и дружбы. Но его положение и здесь налагало ограничения: нельзя забывать о своем происхождении и непозволительно сближаться с кем-либо более положенного по службе.

Родители зорко следили за поведением старшего сына. Особо шепетильной была мать, придававшая огромное значение соблюдению писаных и неписаных норм и правил, всему тому, что называлось «приличием». Цесаревич это знал и старался ничем не огорчать «дорогую Мамá», которой постоянно отправлял подробные письма-отчеты о своих служебных делах. В одном из первых таких посланий, относящихся к лету 1887 года, сообщал: «Теперь я вне себя от радости служить и с каждым днем все более и более свыкаюсь с лагерною жизнью. Каждый день у нас занятия: или утром стрельба, а вечером батальонные учения, или наоборот. Встаем утром довольно рано; сегодня мы начали стрельбу в 6 часов; для меня это очень приятно, потому что я привык вставать рано... Всегда я буду стараться следовать твоим советам, моя душа Мама; нужно быть осторожным во всем на первых порах!».

С января 1893 года цесаревич служил в должности командира 1-го («царского») батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Очень дорожил службой, безусловно исполнял требова-

ния уставов, весь «воинский артикул». Его непосредственный начальник — командир Преображенского полка великий князь Константин Константинович — записал в своем дневнике 8 января 1893 года: «Ники держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность; ни тени фамильярности и много скромности и естественности». Прошел год, и впечатления командира не изменились: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его».

Никто не знал, когда наступит срок воцарения старшего сына Александра III. Не знал этого и сам Николай Александрович. Но мысль о том, что ему в будущем грядет невероятно тяжелая и ответственная царская ноша, как позже признался, повергала его в ужас. Никогда и ни с кем, ни письменно, ни устно, цесаревич ни разу не затронул эту тему. Он старался об этом не думать и делал то, что ему надлежало делать. В 1890 году окончились его учебные занятия, «раз и навсегда», как заметил в дневнике. Дальше ждала регулярная военная служба и участие в деятельности государственных учреждений.

Присутствие в заседаниях Государственного Совета и Комитета министров расширяло кругозор и, хоть эти «сидения» удовольствия не доставляли, но позволяли многое и многих узнать и понять. В январе 1893 года был назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги, в ведение которого входили все вопросы по сооружению самой протяженной в мире железнодорожной магистрали. А еще раньше, в ноябре 1891 года, цесаревич возглавил Особый комитет для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем. В тот год в ряде губерний наблюдался сильный недород и положение крестьян там сделалось критическим. В видах оказания им поддержки и был учрежден вышеназванный орган, нацеленный на организацию помощи нуждающимся. Комитет собирал частные благотворительные пожертвования со всей России и распределял их по районам, охваченным бедствием.

Цесаревич тогда понял, как много в повседневной русской жизни нераспорядительности, халатности, преступного безразличия. Его, человека, ревностно исполнявшего свой долг, поражала легкомысленная бездеятельность многих должностных лиц, игнорирование своих обязанностей. Летом 1892 года, когда на восточные районы Европейской России стало надвигаться бедствие — холера, в письме великому князю Александру Михайловичу заметил: «А холера-то подвигается медленно, но основа-

тельно. Это меня удивляет всякий раз, как к нам приходит эта болезнь; сейчас же беспорядки. Так было при Николае Павловиче, так случилось теперь в Астрахани, а потом в Саратове! Уж эта русская беспечность и авось! Портит нам половину успеха во всяком деле и всегда и всюду!».

С ранних пор Николай Александрович испытывал большую тягу к театру, его особенно увлекали музыкальные и балетные спектакли. Интерес к драматическому искусству у него пробудился позже. Незамысловатые оперетты, комедии положений веселили и развлекали. Но и большие, серьезные вещи волновали и запоминались. В пятнадцатилетнем возрасте, 6 февраля 1884 года, был на премьере в Мариинском театре и вечером записал: «В половине восьмого поехали в Большой театр, где давалась в первый раз опера Чайковского «Мазепа». Она мне совершенно понравилась. В ней три акта, все одинаково хорошо, актеры и актрисы пели превосходно». Музыка Петра Ильича Чайковского вообще была особенно им почитаема. Он навсегда остался любимейшим композитором.

Театр являлся непрменным атрибутом жизни, увлечением, которое не прошло с годами. Зимними месяцами успевал побывать на десятках спектаклей. Вот, например, январь 1890 года. Цесаревич три раза был в балете «Спящая красавица», четыре — на опере «Борис Годунов», наслаждался «Русланом и Людмилой», «Евгением Онегиным», «Мефистофелем». Посмотрел 6 пьесок-водевилей в Михайловском (французском) театре; в Александринском театре присутствовал на спектакле «Бесприданница» (бенефис знаменитой М. С. Савиной) и на спектакле «Царь Федор Иоаннович» на сцене домашнего театра князей Волконских. Не менее напряженный «театральный график» — и в последующие недели.

Той зимой в жизни молодого русского принца произошло и одно удивительное событие: он дебютировал на сцене. Жена его дяди великого князя Сергея Александровича великая княгиня Елизавета Федоровна загорелась мыслью поставить пьесу на сцене своего домашнего театра. После долгих размышлений и собеседований выбор пал на популярного «Евгения Онегина». Решили сыграть некоторые сцены, причем роль Татьяны должна была исполнять сама Елизавета Федоровна, а роль Онегина — цесаревич. Николай согласился на предложение тетушки не без некоторых колебаний. В силу своей стеснительности ему было очень непросто выйти на сцену, но в конце концов принял предложение. В феврале 1890 года начались репетиции. Обладая прекрасной памятью, очень быстро выучил текст, а вот «тете Элле» русские стихи давались значительно сложнее. Репетиции проходили под наблюдением великого князя Сергея Алек-

сандровича, внимательно и придирчиво оценивавшего результаты, так как спектакль приурочивался к дню рождения императора Александра III, которому 26 февраля исполнялось 45 лет.

На следующий день, 27 февраля 1890 года, во дворце великого князя Сергея состоялась премьера. Вечером цесаревич записал в дневнике: «В 5 часов началось представление нашими двумя сценами с тетенькой, прошедшими удачно. Публика — одно семейство». Были аплодисменты, поцелуи, поздравления. Всем было весело. Слух об этом необычном спектакле быстро распространился в высшем свете, и актерам, под воздействием просьб и увещаний, пришлось выступать еще раз, но уже перед более широкой аудиторией. По окончании «сценического дебюта» тетя Элла наградила племянника лавровым венком, а он послал ей браслет. Через неделю после спектакля Елизавета Федоровна и Николай Александрович поехали к известному петербургскому фотографу Бергамаско, где запечатлели себя в сценических костюмах. Один альбом с этими изображениями потом хранился у Николая II, а второй — в доме великой княгини Елизаветы Федоровны. Николай Александрович выросл, радовался жизни сам и радовал других. Все, кто его знал, относились к нему с неизменной симпатией. Он был, как тогда говорили, «шармёр».

Глава 7

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

Уже более ста лет ведутся страстные дискуссии и споры о личности императора Александра II, о его планах и делах. Он вошел в историю под именем Царя-Освободителя. Этот человек, несомненно, обладал широким кругозором и большим личным мужеством. Взойдя на престол, видя неполадки в работе государственной машины, несуразности в экономике и быту, он, после нескольких лет колебаний и раздумий, сделался сторонником глубоких преобразований. В его правление произошла грандиозная перестройка всей хозяйственной и общественной жизни России.

19 февраля 1861 года был подписан высочайший Манифест и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Юридическая принадлежность простого земледельца барину безусловно ликвидировалась, и крестьяне получали личную свободу и участок земли. Так как эти наделы выделялись из

угодий помещиков, главным образом дворян, крестьянам надлежало выкупать недвижимость. В виду их неплатежеспособности эти деньги вносило государство, которому крестьяне и должны были погашать свою задолженность небольшими ежегодными взносами («выкупные платежи»).

Существовавшее несколько столетий унизирующее крепостное право было упразднено при сильном сопротивлении влиятельной части дворянства, но по желанию самодержца. Хотя значительная часть населения Российской империи не испытывала уже на себе тягот крайней личной несвободы, реформа 19 февраля 1861 года освободила от уз полурабства почти 20 миллионов селян, или около 25% населения России.

В царском манифесте говорилось: «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие». Раскрепощалась частная инициатива и частное предпринимательство. Эпоха жесткого административного контроля за общественной и хозяйственной деятельностью уходила в прошлое. В 1864 году было утверждено Положение о земских учреждениях, и в России стало вводиться местное самоуправление, построенное на избирательной основе. К земствам перешло попечение о местных нуждах: пути сообщения, медицинское обслуживание, образование, продовольственное дело. Каждому земству в пределах своей территории разрешалось устанавливать свои налоги («земские сборы»).

В 1862 году началось осуществление коренной реформы судопроизводства. На смену суду зависимому, сословному, долгому, закрытому и часто неправому, должен был прийти суд самостоятельный, независимый, гласный. Вводилось участие присяжных заседателей, выбираемых от населения. Устанавливалось полное равенство обвинения и защиты и устное их состязание между собой. Каждый подданный русской короны получал возможность отстаивать свои права в суде. Была проведена и военная реформа. Срок службы в армии первоначально сокращался с 25 до 15 лет, а в 1874 году была введена всеобщая воинская повинность, уравнивавшая в правах лиц всех сословий и распространявшаяся и на дворянство, ранее свободное от этой государственной обязанности.

В царствование императора Александра II было осуществлено и еще много более локальных мер, нацеленных на превращение России из закрытой, авторитарной страны в правовое государство, где властвует не безотчетный и всемогущий начальник, а закон. Бурно развивалась экономика, росли города, строились железные дороги. Были существенно облегчены цензурные ограничения, и в 60—70-е годы число газет и журналов умножалось с

каждым годом. Повышалась грамотность населения; открывались тысячи новых школ, училищ. Увеличилось и количество университетов. Власть разрешила свободный выезд за границу, и тысячи русских туристов и путешественников ежегодно начали посещать Европу и иные места; многие обучались там.

Хотя изменений в системе политического управления не произошло, но в последние годы своей жизни Александр II стал склоняться к мысли о возможности конституционных преобразований, к учреждению высшего представительного органа с законодательно-совещательными функциями. Но прозвучали первомартовские взрывы, и все эти мечты и проекты рассеялись как дым.

В политике царя Александра II Николаевича отчетливо проступали либеральные черты, и он, несомненно, хотел перенять опыт западноевропейских стран в деле создания правового государства. Но этот процесс рассчитан был на длительный срок; ему требовались поддержка и понимание всех политически сознательных элементов. Формирование гражданского общества, социальное структурирование его в перспективе неизбежно должны были привести к появлению на политической арене общественных сил и течений, способных стать полноправными партнерами верховной власти. Однако курс императора встречал скрытое, но ожесточенное сопротивление со стороны русских консерваторов, считавших незбылемыми исконные традиции и основы, исключавшие развитие самостоятельности и инициативы снизу.

Несравненно большей являлась другая опасность, проявившаяся во всей своей угрожающей силе в 60-е, но особенно в 70-е годы XIX века: левый радикализм. Европейские эгалитарно-социалистические учения опьянили немало русских сердец и стали в России необычайно популярными, особенно в среде учащейся молодежи и выпускников различных учебных заведений. Либеральный внутригосударственный курс и прекращение преследований за вольнодумство привели к тому, что теории о радикальном переустройстве всей жизни сделались в этой среде необычайно модными. Некоторые юноши и девушки, как правило, выходцы из малообеспеченных семей, в подавляющем большинстве получившие образование и профессии благодаря реформам Александра II, стали с маниакальной одержимостью ратовать за уничтожение не только политического строя, но и всего традиционного жизненного уклада, намереваясь на этих обломках построить «царство света и справедливости».

Русский характер всегда отличал максимализм во всем, что касалось веры и преданности. Или безграничная вера в Бога и Царя, безмерное раболепие перед земной и небесной властью,

или полное отречение от того и другого, абсолютное игнорирование традиций и национальных святынь. Русская натура — это чаще всего стихия, порыв. Ее обуревают страсти, заставляющие совершать труднообъяснимые с прагматических позиций (или вообще необъяснимые) поступки, приносят себя в жертву во имя веры, любви — или ненависти. Русскому человеку тесно в «сегодня». Его душа, мысли и мечты устремлены во «вчера», в «завтра», а нередко и вообще в запредельную высь. Поэтому именно на русской почве дали такие страшные плоды схемы и теории, направленные на насильственное разрушение реального мира и сочиненные по большей части в благополучной Западной Европе. Русский радикализм — это болезнь души, отринувшей Бога, болезнь личности, потерявшей национальную почву и исторические корни.

Этих анархистов и радикалов, с легкой руки писателя Ивана Тургенева называемых в России нигилистами, насчитывалось всегда немного, но они являлись чрезвычайно деятельными и отличались фанатической преданностью своим фантастическим идеям. Эта одержимость производила сильное впечатление не только на последователей, но даже на врагов. Начитавшись сочинений Прудона, Фурье, Маркса и других светочей теорий социализма и радикализма, они были уверены, что только социальная революция может открыть дорогу к «светлому будущему людей». Но так как, по их представлениям, народ пребывал в темноте и невежестве, не мог сам освободиться от грабителей и угнетателей, его необходимо было «просветить и просветлить».

В 60-е годы толпы одержимых молодых людей отправились в русские деревни, чтобы там вести «разъяснительную работу». Они устраивались фельдшерами, учителями, агрономами, ветеринарами и в свободное от трудов праведных время вели беседы «с бедными тружениками», не скупясь на критику общественного устройства. Подобные собеседования заканчивались почти всегда одинаково: возмущенные богохульными речами «стриженных девок» и «худосочных мужиков» крестьяне или сдавали их полиции, или расправлялись с ними сами, и немалому числу «борцов за народное счастье» с трудом удавалось уносить ноги от разъяренной толпы. Несколько лет продолжалось это «хождение в народ», закончившееся полным провалом.

Осознав, что поднять восстание таким путем не удастся, радикалы избрали тактику беспощадного террора против представителей власти. В их воспаленном мозгу возникла маниакальная идея: убить монарха и этим вызвать повсеместное брожение, а может быть, и революцию. Каждая либеральная мера властей воспринималась ими как уступка, как проявление слабости. Они не хотели преобразований, они грезили о крушении.

Самодержавный Олимп был немало озадачен: реформы, нацеленные на мирное преобразование жизни, улучшение материального благосостояния и правовой защиты населения, казалось бы, должны были встретить поддержку грамотных и просвещенных подданных империи. Получалось же наоборот. Но чего добивались эти молодые люди, вместо того чтобы учиться и служить стране, становившиеся ненавистниками государства? Здравомыслящим и ответственным людям невозможно было принять очевидное и согласиться с тем, что юноши и девушки жертвовали карьерой, благополучием, а иногда и жизнью (и не только своей) лишь для того, чтобы сделать абсурдное реальным. Но это было именно так.

Разгул террора вызывал возмущение и негодование в различных кругах общества. Причем возмущались не столько нигилистами, сколько беспомощностью властей, не умеющих (а может, «не желающих»?) принять надлежащие меры и покончить с этой кровавой оргией. Чего стоил один эпизод с некой Верой Засулич! Говорили, что это девушка из хорошей дворянской семьи, закончившая пансион, которая почему-то связалась с этими ужасными анархистами и в январе 1878 года совершила дерзкое покушение на жизнь петербургского градоначальника (шефа столичной полиции) Ф. Ф. Трепова. Террористку предали суду, но на суде, проходившем под гром обличительных тирад в адрес властей, коллегия присяжных оправдала ее, покушавшуюся на убийство и ранившую верного царского слугу! Правоверным монархистам было от чего негодовать.

Цесаревич Александр Александрович, как верный сын и преданный подданный, никогда не ставил под сомнение распоряжения и указы «дорогого Папá». У него иногда возникало внутреннее несогласие, он порой не одобрял назначения на высшие посты в империи, но никогда публично не выражал неудовольствия и не стремился изменить свершившееся. На заседаниях Государственного Совета ему случалось спорить и пререкаться с всеильным шефом жандармов графом П. А. Шуваловым, с министром внутренних дел П. А. Валуевым, министром финансов М. Х. Рейтерном, другими высшими сановниками империи по частным вопросам, но цесаревич никогда не критиковал правительственный курс.

Престолонаследник знал, что отцу наушничают на него, что недоброжелатели в невыгодном свете рисуют его слова. Однажды он прямо сказал отцу, что есть люди, желающие их поссорить, и спросил, не потерял ли самодержец к нему расположение? В ответ же услышал слова, которые помнил всегда и которые согрели его сердце: «Я скорее начну сомневаться в себе, чем в тебе». Потом были другие случаи, иные эпизоды, вызывав-

шие неудовольствие монарха поведением наследника, но расположение к сыну он сохранял до последних дней своей жизни. Только в конце царствования Александра II цесаревич почувствовал, что государь начал меняться; что-то в нем надломилось, и сын уже не был уверен, что пользуется прежней любовью отца. Потом наступило 1 марта 1881 года, и Александр Александрович навсегда отбросил душевные неудовольствия, а память его об отце осталась высокой и светлой.

С душевным трепетом, со слезами на глазах читал Александр III завещание Александра II. «Я уверен, — писал отец, — что сын мой, Император Александр Александрович, поймет всю важность и трудность высокого своего призвания и будет и впредь во всех отношениях достоин прозвания честного человека, которым величал его покойный старший брат его Никса. Да поможет ему Бог оправдать мои надежды и довершить то, что мне не удалось сделать для улучшения благоденствия дорогого нашего Отечества... Благодарю его, в последний раз, от глубины нежно любящего его сердца, за его дружбу, за усердие, с которым он исполнял служебные свои обязанности и помогал мне в Государственных делах». Александр Александрович не мечтал о короне, но, когда смерть отняла отца, проявил удивительное самообладание и смирение, приняв то, что давалось лишь по воле Всевышнего.

Тринадцать с половиной лет Александр III находился на троне и после смерти получил имя «Царя-Миротворца». За время его правления не случилось ни одной войны и ни капли русской крови не пролилось на полях сражений. Такого давно уже не бывало. Жестокие военные кампании случались в царствование всех его предшественников: Александра I, Николая I, Александра II. Войны непрестанно происходили и в более отдаленные времена. За всю историю России можно с трудом отыскать лишь несколько мирных периодов, длившихся более десяти лет. Один из них — время царствования Александра III. Он проводил уверенную и открытую дипломатию, и с мнением России приходилось считаться всем мировым державам.

В 60-е и 70-е годы XIX века в Европе происходили важные пертурбации, менявшие всю геополитическую расстановку сил. Франция потерпела сокрушительное поражение в войне с Германией в 1870 году и вынуждена была уступить ей свои западные области. Образовалось консолидированное Итальянское государство на Апеннинском полуострове под главенством Савойской династии. Турецкая империя находилась в состоянии коллапса. Война с Россией 1877—1878 годов ее серьезно ослабила, а независимость балканских государств укрепилась. Но самым важным событием той эпохи было создание единой и

сильной Германской империи под главенством Прусской династии Гогенцоллернов. Ее экономическая и военная мощь постоянно возрастали, а ее агрессивные амбиции и претензии вызывали беспокойство во многих столицах. Стало уже ясным, что Австро-Венгерская империя, сломленная войной с Пруссией еще в середине 60-х годов, не может больше служить противовесом германской экспансии в Европе, постепенно превращаясь во второстепенную державу с политической ориентацией на Берлин.

К началу 80-х годов XIX века у России не было надежных союзников на политической арене (крошечное княжество Черногория, затерянное в Балканских горах, в счет идти не могло). Германский император Вильгельм I, которому Александр III приходился внучатым племянником, выказывал признаки дружеского расположения к России, но в Петербурге хорошо знали, насколько коварной и лицемерной была позиция Берлина по отношению к России на протяжении предыдущих десятилетий, хотя Александр II проявлял несомненную симпатию к Пруссии. К тому же кайзер стар (он родился еще в 1797 году), всей политикой вершит канцлер Отто фон Бисмарк, которому доверять нельзя. Александр III, в отличие от отца, начисто был лишен прогерманских симпатий.

После заключения в 1882 году Тройственного союза между Берлином, Веной и Римом, их ближайшие соседи не чувствовали больше себя в безопасности. И в конце концов Россия пошла на политический и военный союз с Францией, со страной, где господствовали республиканские порядки и где находили пристанище чуть ли не все русские анархисты, нигилисты и прочие престолоненавистники. Но интересы геополитики требовали отказа от старых предубеждений, и в 1891—1892 годах Париж и Петербург взяли на себя обязательства по взаимной обороне и политической поддержке.

Еще в 1870 году, в письме к матери, императрице Марии Александровне, размышляя о последствиях франко-прусской войны (симпатии цесаревича были целиком на стороне Франции), Александр Александрович заметил: «Как укрепитесь и увеличится вся Германия, что невыгодно для нас, и рано или поздно, я убежден, мы должны будем на собственных плечах почувствовать силу Германии». Его предвидение сбылось через 44 года, когда началась первая мировая война.

С Лондоном отношения оставались традиционно прохладными. Правительство Ее Величества неизменно придерживалось антирусских настроений, питаемых все время вспыхивавшими трениями между двумя ведущими державами. Сложные коллизии возникали на Балканах, на Ближнем Востоке, но особенно в

Средней Азии. Россия медленно, но верно продвигалась в глубь обширных, малонаселенных территорий на Востоке от Каспийского моря. По мере этого движения русская граница все ближе и ближе подходила к владениям Британии в Индии. Естественно, что в Лондоне с большим опасением относились к русской экспансии, видя в ней угрозу своим владениям в Азии. Уже вскоре после воцарения Александра III наметился конфликт из-за района Мерва, чуть не приведший к войне между двумя крупнейшими мировыми империями.

Не менее острая обстановка сложилась через четыре года в том же районе Средней Азии. В начале 1885 года отряд афганских племен, вооруженный англичанами и под руководством английского инструктора, занял территории, расположенные по соседству с крепостью Кушка, угрожая форпосту русских войск. Возмущенный русский царь отправил командующему грозный циркуляр, предписывавший выгнать пришельцев и «проучить их как следует». Воля монарха была исполнена: афганцы бежали, а англичанин-инструктор попал в плен. Посол Британии в Петербурге получил предписание потребовать от царского правительства извинений. Александр III не только не собирался извиняться, но даже демонстративно наградил начальника пограничного отряда полковника Александра Комарова Георгиевским крестом. В Лондоне негодовали. Была произведена частичная мобилизация армии, а флот приведен в боевую готовность.

Петербург получил новую, еще более грозную ноту, и русские дипломаты нервничали. Но сам царь сохранял хладнокровие и на замечание министра иностранных дел Николая Гирса, что России угрожает война, меланхолически изрек: «Хотя бы и так». Тема была исчерпана, а Англии пришлось уступить и проглотить «горькую русскую пилюлю». Через два месяца, находясь в Дармштадте, королева Виктория передала через брата царя, великого князя Сергея Александровича письмо Александру III, где писала, что «искренне желает мира и только журналисты кричат о войне».

Ситуация выглядела довольно необычно. В Англии и в России на престолах находились монархи, связанные тесными родственными узами. Женой одного сына королевы Виктории была сестра русского царя, а другого — сестра царицы. Но это не делало отношения более теплыми. Интересы империй нередко прямо противоречат желаниям людей, подчеркивая простые и искренние отношения и разрушают родственные связи. Когда уже в XX веке началась эта жуткая, беспощадная и такая абсурдная первая мировая война, она не только погубила миллионы человеческих жизней, принесла неисчислимые страдания, но и внесла глубокий раскол в семью европейских династий, поссо-

рила (часто навсегда) людей одного мира, одного общественного положения, связанных не только узами родственной близости, но и психологией, культурными ориентациями, своим прошлым и прошлым своих предков. Эта война нанесла непоправимый исторический удар по монархическому принципу.

Во внутренней политике Александр III придерживался твердого авторитарного курса. Были введены некоторые ограничения в права местного самоуправления, урезана автономия университетов, ставших анклавами противоправительственных настроений; упорядочена система финансов, кредита, судопроизводства. Царь не сомневался, что будущее России зависит от развития нравственных и духовных начал народа, и чрезвычайно был озабочен двумя вещами: строительством школ и церквей (за годы его правления было открыто более 25 000 церковно-приходских школ и построено около 5000 церквей и часовен).

Его заботило и экономическое положение страны. Вопросам промышленности и торговли уделялось немалое внимание. Была отменена подушная подать, сокращены выкупные платежи, приняты меры для развития кредита и стабилизации государственных финансов. Бюджет России в его царствование стал сбалансированным (ранее расходы неизменно превышали доходы), что позволило, уже при Николае II, перейти к золотому обращению. Развивалась промышленность, в том числе и в новых районах, а начатое при Александре III строительство Транссибирской магистрали дало тяжелой индустрии мощный импульс. Росло благосостояние населения: если в 1881 году в сберегательных кассах России общая сумма вкладов едва достигала 10 миллионов рублей, то в год кончины Александра III она превысила 330 миллионов.

Самодержец ценил людей честных, знающих дело и умеющих его делать и не стеснялся приглашать на государственную службу, на высшие посты, совсем безвестных лиц. Среди этих выдвинутых находился и один из самых известных политиков последних двух царствований Сергей Витте, которого Александр III в 1892 году назначил министром путей сообщения, а затем — министром финансов.

Новый царь немало изменил и в повседневной жизни династии. Было сокращено количество помпезных торжественных церемоний, уменьшен придворный штат и введены ограничения в составе императорской фамилии. Званием великого князя, соответствующим денежным содержанием и титулом «императорского высочества» могли теперь пользоваться исключительно дети и внуки императора и их жены. Все же остальные получали звание князей императорской крови и право на титул «высочества». Они уже не могли рассчитывать на постоянное денежное до-

вольствие; им полагалась лишь единовременная субсидия. Решение царя вызвало ропот среди родни, некоторые негодовали.

Жена председателя Государственного Совета великого князя Михаила Николаевича (дяди Александра III) великая княгиня Ольга Федоровна желчно заметила в январе 1885 года: «Если императрица попросит меня дать бал, то я отвечу, что у меня нет средств для этого, так как я должна делать сбережения для своих внуков». В некоторых великокняжеских дворцах зазвучали непроизвольные речи о том, что Александр «плохо правит», что он «не годится для этой роли», что в молодости отказывался от короны и т. д. и т. п. Но неудовольствия амбициозных членов династии не поколебали волю монарха.

Изменилась география жизни венценосцев. Александр III не любил главную императорскую резиденцию — Зимний дворец, а став царем, просто возненавидел это место. С ним было связано столько горького, тяжелого, невыносимого. Здесь умер его дед, здесь скончалась обожаемая матушка, здесь простился с жизнью и «дорогой Папá». А вечера с Юрьевской, эта пошлость и глупость, разве можно такое забыть? И никогда не было ощущения, что ты у себя дома. Все время казалось, что ты или на плацу, или в манеже. Толпы придворных, какой-то вечный шум и гам. И погулять некуда выйти. Разве в этот чахлый садик у западного фасада да в оранжереях внутри. Вокруг же дворца какая-то каменная пустыня! В плохую погоду, особенно зимой и осенью, так дуло, что чуть с ног не сбивало у самого дворца.

Марии Федоровне этот помпезный дворец тоже не нравился. Она любила природу, тишину, а здесь разве мыслимо это? Они менее двух недель прожили в Зимнем: переехали сюда через два дня после смерти Александра II и уехали сразу после его похорон. С тех пор цари уже здесь не жили. Огромное здание в центре Петербурга осталось главной императорской резиденцией, где порой проходили приемы и балы, но этот дворец уже не был царским домом.

Семья Александра III зимой жила в Аничковом дворце, а с весны переезжала в Гатчину, в двенадцати верстах от имперской столицы. В 60-е годы XVIII века это было имение известного фаворита императрицы Екатерины II графа Григория Орлова, одного из главных участников переворота 1762 года, приведшего к власти Екатерину. После его смерти в 1783 году усадьба была куплена императрицей, подарившей ее своему сыну Павлу — будущему императору Павлу I. Более десяти лет нелюбимый сын провел здесь, деятельно занимаясь переустройством дворца и благоустройством парка. С тех пор Гатчина стала одной из загородных резиденций царской семьи. Казавшийся огромным Гатчинский дворец (некоторые даже находили сходство с Виндзор-

ским замком) был устроен внутри так удобно, что масштабы здания почти не ощущались. Небольшие светлые комнаты, пологие лестницы, изумительная отделка стен, изысканная и уютная мебель. Дворец окружал великолепный парк с множеством павильонов, искусственных озер, каналов, мостов. Здесь было приятно жить, работать и отдыхать. Мария Федоровна особенно ценила это, понимая, что мужу очень трудно, а в Гатчине он часто может бывать на воздухе и совершать полезные для здоровья прогулки.

Император работал много и напряженно. Редко ложился раньше полуночи, а вставал часто еще затемно. Мария Федоровна обычно уже ложилась, а император все еще работал в кабинете, и просыпалась, когда мужа уже не было. Она все понимала и никогда не упрекала, а только сочувствовала. В исключительных случаях удавалось целый день провести вместе. Это случалось лишь на короткое время или когда плавали на яхте, или во время отдыха в Ливадии, Спале, Беловеже. Да еще были счастливые семейные дни, когда раз в год выезжали к родителям в Данию. Там уже не разлучались. Но император не мог долго отсутствовать и, погостив неделю-две у тестя и тещи, уезжал. Мария Федоровна позволяла себе в этом случае большую свободу и оставалась подольше, а порой совершала поездки к своим многочисленным родственникам в различные районы Германии.

Александр III не раз говорил, что «его дело за него никто не сделает» и он не имеет права игнорировать свои обязанности. Царица, конечно, все понимала, видя постоянно множество папок с докладами и бумагами, требовавших высочайших резолюций. Александр III не раз возмущался, что от него требовали санкций по второстепенным вопросам, спокойно решаемым на уровне ведомств. Но нет, чтобы не попасть впросак, «на всякий случай», посылали на его «благоволение».

Он на всю жизнь запомнил «дурацкий случай», происшедший с ним еще в молодости, когда он решил перестроить свои конюшни. Все было обсуждено и решено с управляющим двором и архитектором, но шло время, а работы не начинались. Когда спросил через несколько недель, почему, узнал, что прежде чем начинать работы, необходимо одобрение проекта царем. Чертежи посланы на высочайшее имя, но ответа еще нет. (Боже мой, на такую ерунду отвлекать государя!) Александр Александрович был возмущен. Возмущение еще более усилилось, когда выяснилось, что посланные бумаги «где-то потерялись». Почти полгода длилась эта канитель, пока цесаревич получил у монарха необходимую резолюцию. «Случай с сараем» многому научил. Когда сам стал императором, сделал немало для упрощения и ускорения решения текущих государственных дел. Однако каче-

ственно изменить психологию служилого люда Александр III был не в силах, да такое «преображение» было и невозможно при авторитарной власти.

Строгая административная иерархия неизбежно заставляла нижестоящих должностных лиц ждать санкции сверху, а возможности проявления чиновной инициативы были весьма ограничены. Редко кто готов был брать на себя ответственность в тех случаях, когда можно было ее избежать. На закате империи все это вело к параличу государственной власти, так как Николай II в силу деликатности натуры почти не прибегал к серьезным наказаниям в тех случаях, когда его распоряжения не исполнялись и даже откровенно игнорировались. С его же отцом шутки были плохи, Расхлябанности, неделовитости и красноречия терпеть не мог, о чем знали все.

Распоряжения Александра III исполнялись, и самодержавная система работала на полную мощность, но это требовало огромных затрат времени и душевных сил от самого самодержца. Царь не жалел себя. И лучше всех об этом знала царица. Мария Федоровна всю свою семейную жизнь боролась против чрезмерностей в жизни мужа, но добиться победы «на этом фронте» ей так и не удалось. Александр III всегда выслушивал суждения жены, но к «царской работе» относился с полной самоотдачей. Он ведь себе не принадлежал и ничего в собственной судьбе изменить не мог.

Несмотря на солидную комплекцию, император в пище себя ограничивал, очень хотел похудеть. Его с юности мучило недовольство от собственного вида, который он находил «нехорошим». Пилка и рубка дров, разгребание снега, езда на лодке, колка льда и тому подобные занятия, по его мнению, способствовали уменьшению веса. Царь отдавался таким трудам с рвением и усердием.

Он никогда не злоупотреблял алкоголем. Про него же пустили сплетню, ставшую неперменным атрибутом многих сочинений об Александре III: будто бы он чуть ли не заправский пьяница. Злонамеренную ложь с упоением тиражировали (и до сих пор тиражируют) многочисленные враги трона и династии. Иногда выпивал рюмку-другую водки, но ни разу в жизни не был пьян. На официальных приемах употреблял лишь шампанское, разбавленное водой. Из всех напитков больше всего любил квас, угощал им и иностранных гостей, для которых напитков являлся «русской экзотикой».

Мария Федоровна радовалась, когда семье удавалось уехать из Петербурга. В Дании или в царских резиденциях в Ливадии, Спале (недалеко от Варшавы), в Беловеже было значительно спокойней. Хоть и туда через день-два прибывали фельдъегери с

толстыми пакетами бумаг из столицы, но там «ее Саша» имел возможность больше отдыхать. Она понимала, как ему тяжело, видела, что с каждым годом он выглядел все хуже. Но не могла сломить упорство мужа, категорически не соглашавшегося обследоваться у докторов. Симпатией царя пользовался лейб-медик Сергей Петрович Боткин, известнейший врач, родоначальник школы русских клиницистов, но он умер в 1889 году.

К другим же «эскулапам» у Александра III доверия не было, и когда случались простуды или недомогания, он лечился народными средствами. Малина, мед, парная баня, обтирание холодной водой, травяные настои — вот основные методы лечения. Мария Федоровна, напротив, к врачам относилась с большим почтением и даже делала иногда невероятные исключения из правил повседневной жизни. Так, с лейб-хирургом Густавом Гиршем она говорила на его родном языке — немецком, хотя в иных случаях никогда не пользовалась «языком гуннов». Царица внимательно слушала рекомендации врачей, которым непременно следовала, когда это касалось здоровья ее и детей. Побороть же медицинский скептицизм мужа у нее не хватало сил.

На отдыхе царица имела больше возможностей находиться неотлучно около супруга и устанавливать более шадящий для него распорядок дня. Муж любил бывать на охоте, и Мария Федоровна с удовольствием разделяла это давнее увлечение. Она сама стреляла и затаив дыхание могла часами сидеть «на номере», ожидая появления дичи. В Спале охотились главным образом на оленей, и стены двухэтажного царского дворца были увешаны огромными рогами. По окончании охоты устраивались трапезы в лесу, во время которых живо обсуждали впечатления происшедшего.

Мария Федоровна там всегда распоряжалась. Все, что касалось стола, ее живо интересовало, она вникала в малейшие детали организации как торжественных застолий, так и камерных завтраков и обедов в кругу своих. А дневной чай — это в буквальном смысле целиком и непременно ее рук дело. Сама заваривала его и разливала гостям. Заботливая хозяйка никого не обделяла вниманием. Царица устраивала «чайную церемонию» в английском вкусе, которая продолжалась обычно около часа.

Царь в семейной жизни почти всегда повиновался жене, но некоторые вещи вводились в оборот по его инициативе. С детьми разговаривали всегда только по-русски, и некоторое время лишь для маленькой княжны Ольги делалось исключение: выросший на руках няни-англичанки порфирородный ребенок первые годы умел изъясняться лишь по-английски. Сама императрица тоже старалась говорить на языке своей «второй родины», но акцент сохранился, и некоторые слова она так и не

научилась правильно произносить. Например, вместо «воспрещается» упорно говорила «уоспрещается». Между собой царь и царица говорили нередко и по-французски. Этим же языком пользовались часто и в обществе, где французский давно являлся вторым (для многих и первым) родным языком. На официальных церемониях, на встречах при поездках по России, из уст венценосцев слышалась только русская речь.

Александр III и по прошествии десятилетий неизменно питал к своей Минни чувство искренней и большой любви. Она делалась ему все ближе и нужнее. Расставания становились мучительными. Даже когда не видел жены, работая часами у себя в кабинете, или присутствовал на различных мероприятиях, и тогда сердце согревала мысль, что вот только освободится и сразу же пойдет к ней. Если она была рядом, ему было хорошо и спокойно. Но как только супруга уезжала (к родственникам в Европу или к сыну в Абастуман), царю становилось несказанно пусто и тоскливо.

С годами у Александра III все реже проявлялось желание общаться в своем доме с чужими. Пустые разговоры, жеманные позы, льстивые и лживые слова... Сам преданный и верный, он ценил преданность и верность других, но, кроме самых близких, ни у кого не находил ни того, ни другого. Без Минни царь всегда скучал, а ее письма читал и перечитывал по многу раз. У него не было друзей (а у какого правителя они были?). В ранние годы переживал по этому поводу, но потом успокоился и стал воспринимать обделенность дружбой как должное, как неизбежную плату за свое происхождение и положение. Поэтому так любил собак и когда они умирали, то переживал искренне.

«Сегодня я воздержался кого-либо приглашать. Была закуска у меня в кабинете и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя бы собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и повсюду был со мною; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминая про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, но что же делать — оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пес может, и Камчатка был такой», — делился своими мыслями в письме Марии Федоровне от 14 апреля 1892 года. Через две недели вернулся к этой теме: «Теперь я много бываю один, поневоле много думаешь, а крутом все невеселые вещи, радости почти никакой! Конечно, огромное утешение дети, только с ними и отдыхаешь, наслаждаешься ими и радуешься, глядя на них».

Но старшие дети уходили в свой мир, у них появлялись собственные интересы и привязанности, где места «дорогому Папá» не было. В апреле 1892 года, когда императрица в очередной раз поехала к сыну Георгию на Кавказ, царь писал ей из Гатчины: «Ники все еще в Петербурге, что он делает — не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивает у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает что делать, а знать, что он остается здесь только по обязанности и видеть скучающую фигуру для меня невесело. С маленькими детьми гораздо лучше, и они, и я довольны, и нам отлично вместе. Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать дома — невесело родителям, да что же делать? Так оно в натуре человеческой».

Одинокая душа русского царя! Об этом никто не знал, никто не догадывался, кроме самой близкой и дорогой. Мария Федоровна, находясь в вынужденном отъезде, часто писала супругу, понимая и чувствуя, как ему грустно. Она подробно сообщала о переездах, встречах, времяпрепровождении. Успокаивала и старалась развеять тоску супруга, описывая всякие мелкие происшествия и бытовые детали. В Абастумане у Джорджи ездили в горы на пикники, и Мария Федоровна посылала затем подробный отчет мужу, сообщая, как было хорошо и они «почти весь день смеялись». Она хотела, чтобы он все, все знал и чувствовал, что и на расстоянии они вместе. Она любила Александра, как и раньше, и все, что его касалось, оставалось для нее делом перво-степенной важности. Но царица видела окружающее в более радужных красках и считала, что меланхолия пройдет, так как «мир прекрасен».

И сын Ники тоже так считал. Жизнь была полна впечатлений, удивительных событий, трепетных встреч. Все самое главное у него было впереди...

Глава 8

ГОДЫ И ДНИ

В 1890—1891 годы в жизни престолонаследника произошло примечательное событие: он совершил многомесячное путешествие вокруг Азии. Смысл этой экспедиции состоял в том, чтобы, с одной стороны, способствовать расширению кругозора будущего царя, а с другой — научить его самостоятельно принимать решения и нести полную ответственность за слова и по-

ступки. Программа путешествия обсуждалась несколько месяцев и предусматривала осмотр достопримечательностей различных стран, посещение высших должностных лиц и правителей. Для Николая II эта поездка стала важным экзаменом на зрелость, а впечатлений хватило на многие годы.

Разрабатывались различные маршруты: один вокруг Азии до Японии, затем в Америку и далее домой. Второй, который понравился самому Николаю, пролегал из Японии через всю Сибирь. Он никогда ранее не был в столь экзотических местах и заметил, что пребывание в таких странах, как Япония и Китай, «должно быть крайне интересно». Когда же ему говорили, что надо обязательно посмотреть Америку, не считал это первоочередным делом. Его манила, притягивала Сибирь, представлявшаяся сказочной, заповедной страной. В Соединенных Штатах Америки он намеревался побывать «когда-нибудь потом». Но этого не произошло, и ему так и не довелось посетить Американский континент.

В сопровождении небольшой свиты цесаревич Николай и его брат Георгий выехали из Гатчины 23 октября 1890 года. По железной дороге прибыли в Вену, а оттуда в Триест и там 26 октября пересели на фрегат «Память Азова». Сошли на берег в Греции, недолго погостили у короля Георга и королевы Ольги, здесь к экспедиции присоединился двоюродный брат цесаревича греческий принц Георгий. Русский фрегат покинул греческие воды 7 ноября и через три дня причалил в Порт-Саиде. Затем отправились по Суэцкому каналу на юг, до Исмаилии; там их встречал правитель (хедив) Египта Хусейн. Далее в экипажах отбыли в Каир. Здесь ждали высшие сановники, дипломатический корпус и представители различных европейских стран, засвидетельствовавшие свое почтение наследнику царской короны. Пробыли в Каире несколько дней, и цесаревич сожалел, что нельзя задержаться там подольше: программа поездки была насыщенной. Путешествовали по Нилу, осматривали древние храмы, любовались неповторимыми пейзажами.

Все три брата были молоды: Николаю — 22 года, греческому принцу — 21, а великому князю Георгию Александровичу — 20. Их, несомненно, тяготили почти каждодневные торжественные церемонии и обязательные многочасовые экскурсии по историческим местам. Всем, но особенно Николаю, хотелось побродить по узким арабским улицам, по базарам, посетить всякие экзотические заведения. В Луксоре выдался случай: в резиденции русского консула специально для высоких гостей организовали представление, гвоздем которого были танцы восточных красавиц. Визитеры напоили танцовщиц, и далее, как писал цесаревич, «они разделись и проделывали все в костюме Евы.

Давно мы так не катались со смеху, при виде этих темных тел, которые набросились на Пупи (брата Георгия. — А. Б.). Одна окончательно присосалась к нему, так что только палками мы его освободили от нее». Пребывание в Египте длилось три недели.

Затем через Аден проследовали в Бомбей, куда пришли 11 декабря. В Индии и на Цейлоне провели почти два месяца. Впечатлений было много. Но случилось и неприятное: брат цесаревича великий князь Георгий Александрович тяжело заболел и из Бомбея отправился обратно домой. Несчастье с «милым Джорджи» опечалило Николая. У великого князя обострилась болезнь, которую потом диагностируют как туберкулез. По предписанию врачей Георгий Александрович (наследник престола в 1894—1899 годах) будет находиться все последующие годы почти безвыездно в высокогорном местечке Абастуман, находившемся на дальнем юге империи, почти на границе с Турцией. Здесь он и скончается 28 июня 1899 года в возрасте 28 лет.

Но и приятного в путешествии было много. В феврале, после нескольких дней путешествия цесаревича по Цейлону, в порт Коломбо прибыла яхта «Тамара», на которой находились друзья: родственники цесаревича великие князья Александр и Сергей Михайловичи. После радостной встречи состоялась совместная охота. Николай еще в Индии отказался стрелять в слонов, считая, что «такое полезное животное» убивать нельзя. Он всю жизнь, как и его отец, был заядлым охотником, называя это занятие настоящим «мужским делом».

В Индии пришлось много увидеть нового, непривычного. Английские колониальные власти и местные правители несколько раз устраивали для русских гостей выезды на охоту. Хотя самому Николаю, кроме мелкой птицы, никого добыть не пришлось (другим везло больше, даже пантер убивали), но было столько яркого, незабываемого. Мир джунглей завораживал. Огромные деревья, полумрак, какие-то нескончаемые звуки отовсюду. Кругом множество разноцветных птиц, и молодого человека не переставало удивлять, что попугаи, которых раньше видел лишь в клетках, свободно порхали повсюду.

После Индии и Цейлона посетили Сингапур, остров Яву (Индонезия-«Батавия»), Сиам (Таиланд), Сайгон (Французский Индокитай), Гонконг, Ханькоу, Шанхай (Китай). 15 апреля 1891 года экспедиция русского престолонаследника прибыла в Нагасаки (Япония), где была торжественно встречена. Затем началась поездка по Японии, а 29 апреля 1891 года, при посещении города Отцу, на Николая Александровича было совершено покушение. Второй раз в жизни он оказался буквально на волосок от смерти.

Первый раз это случилось еще осенью 1888 года. Тогда царская семья в полном составе возвращалась после посещения

Кавказа. Царский поезд тянули два локомотива. Состав включал пятнадцать вагонов и двигался со средней скоростью 65 верст в час. 17 октября был обычный дорожный день. В полдень сели завтракать. В столовой собралась вся царская семья и свита — всего 23 человека. За большим столом сидел Александр III, Мария Федоровна, несколько свитских дам, министр путей сообщения генерал-адъютант Константин Посыет, военный министр Петр Ванновский. За невысокой перегородкой, за отдельным столом, завтракали дети и гофмаршал Владимир Оболенский. Трапеза должна была скоро закончиться, так как до Харькова, где ожидалась торжественная встреча, оставалось ехать менее часа. Лакеи, как всегда, обслуживали безукоризненно. В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, очень любимую Александром III гурьевскую кашу, и лакей поднес государю сливки, все вдруг куда-то исчезло.

Сохранился рассказ императрицы об этом событии. Мария Федоровна помнила, что все вокруг как-то сразу закачалось, раздался страшный треск, и она пришла в себя под грудой обломков. В разорванном платье, с растрепанными волосами, с ссадинами на теле выбралась на свет и оказалась перед грудой щепок и искорверканного металла — это все, что осталось от вагона-ресторана императорского поезда. И ни одной живой души... Ужас объял ее. И вдруг откуда-то перед ней появилась дочь Ксения. «Она, — вспоминала императрица, — явилась мне как ангел, явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался голос сына Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же, как брат его Михаил. После них удалось наконец государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненых возле нас. Во всем этом была видна рука Провидения, нас спасшего».

Вяснилось, что поезд сошел с рельсов и большинство вагонов полностью разрушены. Погибли 23 человека, в том числе и лакей, подававший сливки государю. Из царской семьи серьезно не пострадал никто. Лишь у Марии Федоровны была помята левая рука, а у шестилетней княжны Ольги ушиблена спина. Имелось много раненых из числа прислуги и свиты. Позднее была образована государственная следственная комиссия, на основании выводов которой принимались надлежащие меры: кого-то уволили в отставку, кого-то повысили в должности. До конца своих дней Николай Александрович будет вспоминать тот трагический случай, рассматривая спасение как милость Господа.

В 1891 году, в Японии, все обстояло иначе, но угроза жизни цесаревича была не меньшей. 29 апреля, после двух недель пребывания в Стране восходящего солнца, престолонаследник и сопровождающие из древней японской столицы Киото отправились в город Отцу. Осмотрели древний храм, затем состоялся обед у губернатора. По окончании трапезы сели в повозки-рикши и отправились обратно. Вот тут-то и произошло покушение, которое наследник описал в письме к матери: «Не успели мы отъехать двухсот шагов, как вдруг на середину улицы бросается японский полицейский и, держа саблю обеими руками, ударяет меня сзади по голове! Я крикнул ему по-русски: что тебе? и сделал прыжок через моего джиприксу. Обернувшись, я увидел, что он бежит на меня с еще раз поднятой саблей, я со всех ног бросился по улице, придавив рану на голове рукой». Все произошло так быстро, так неожиданно, что сопровождающие просто оцепенели. Быстрее всех опомнился кузен Николая греческий принц Георгий — рослый и крепкий молодой человек, бросился на убийцу и одним ударом повалил на землю. Позже выяснилось, что злоумышленник — психически ненормальный человек.

Вокруг негодовали, выражали сочувствие цесаревичу. Японский император с семьей принесли свои извинения. На его имя пришло более тысячи телеграмм со всех концов Японии с выражением сожаления. Все переживали, но больше всех — в России, куда весть об этом пришла по телеграфу в тот же день. Поэт Аполлон Майков под впечатлением события написал стихотворение, посвященное чудесному спасению.

Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукратно Руси умиленной
Божия Промысла щит над Тобой!
Вихрем промчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой всей русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
Шествуй же в путь свой и бодр и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой.

Но больше всех известие потрясло родителей. Мария Федоровна чуть не лишилась чувств и первые дни не раз плакала. Император Александр III через неделю после инцидента написал сыну: «От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что все это не сон, не отвратительный кошмар... Я воображаю отчаяние Микадо (императора. — А. Б.) и всех сановников японских, и как жаль: для них и все приготовления и празднества — все пропало и не к чему! Но

Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что благодаря всему этому, ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернешься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дожидаться этого не могу от нетерпения».

Все обошлось. Фанатик-психопат не успел нанести смертельного удара: цесаревич увернулся, и сабля лишь задела его голову, не причинив серьезных повреждений. Александр III приказал прервать путешествие и возвратиться в Россию, куда цесаревич и прибыл 11 мая 1891 года. Здесь уже ждали домашние обязанности. Наследник престола присутствовал во Владивостоке на закладке памятника адмиралу Г. И. Невельскому и сухого дока во владивостокской гавани. На Дальнем Востоке цесаревич получил императорский рескрипт на свое имя, где говорилось: «Повелев ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою, по вступлении Вами вновь на Русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока». Наследнику поручалось совершить закладку Уссурийского участка Сибирской магистрали. Все было исполнено в точности: сын царя принял участие в начале строительства главной железной дороги России, а 19 мая 1891 года — в закладке здания вокзала на станции Владивосток.

Затем — длинная дорога домой, через всю Сибирь, знакомство с людьми и природой этого замечательного края. Виденное здесь произвело неизгладимое впечатление на молодого человека, и сила этого воздействия была не меньше, чем от увиденного за границей. Все осматривал с жадным интересом. Через Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург, Москву и прибыл 4 августа в Петербург, где с большой радостью встретили его родственники. Через несколько дней отправил весточку своему другу великому князю Александру Михайловичу: «Я перед тобой страшно виноват за то, что не отвечал на твои письма, но подумай сам, где мне было сыскать время в Сибири, когда каждый день и без того был переполнен до изнеможения. Несмотря на это, я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам, русским! Нечего говорить о будущности Восточной Сибири и особенно Южно-Уссурийского края». По возвращении из кругосветного плавания череда дел и забот обступила, закружила. Николай Александрович вел обычную жизнь для столичных гвардейских офицеров, большая часть которых

происходила из известных дворянских семей. Здесь были и пирушки в дружеском кругу, посещения различных зрелищ, неперенные романтические увлечения и, конечно же, театр, в первую очередь музыкальный. Как уже говорилось, его всегда восхищала музыка П. И. Чайковского, а любимыми сценическими постановками были оперы «Пиковая дама», «Иоланта», «Евгений Онегин», а балетами — «Щелкунчик», но в первую очередь «Спящая красавица». Эти спектакли он смотрел много раз и всегда испытывал радостное чувство. Интерес к балету сохранил на всю жизнь.

Помимо служебных обязанностей и приятного времяпрепровождения в кругу сослуживцев, приходилось задумываться и над своим семейным будущим. Многие определяла родительская воля. Брак наследника русского престола — важное политическое событие, и все имело значение. Это была сфера высокой государственной политики. Но многое зависело и от самого Николая, хотя решающее слово принадлежало императору и особенно императрице. В 1888 году Николаю Александровичу исполнилось двадцать лет, и хотя время женитьбы еще не наступило, Мария Федоровна уже думала о его семейном будущем. Ничего определенного долго не было. Она знала, что германский император Вильгельм II, после восшествия на престол в 1888 году, первое время вынашивал абсурдный план женить цесаревича на своей сестре Маргарите.

Прусская принцесса не блистала красотой, но была молода (родилась в 1872 году) и, как говорили, довольна умна. Но это ничего не меняло. Антипруссские настроения царя и царицы были непреодолимы. Марию Федоровну глубоко возмутило отношение кайзера к другой своей сестре, принцессе Софии Прусской, вышедшей в 1888 году замуж за племянника царицы, наследного греческого принца Константина. Когда германский император узнал, что София приняла православие, а во время пребывания в Берлине бывала в церкви русского посольства на службе, он потребовал от Софии обязательно посещать и лютеранские храмы. Когда же та отказалась, взбешенный Вильгельм II вообще запретил родственнице навещать в Германию!

Цесаревич не проявлял никакого желания связать свою жизнь с костлявой Маргаритой. Отец и мать никогда не смогли бы заставить сына жениться. Они слишком дорожили счастьем своих детей, чтобы принуждать их. Но для Ники подыскать невесту было нелегко. Брак непременно должен быть равнородным. Этого требовала традиция, престиж династии и империи. Одно время Мария Федоровна хотела заинтересовать сына принцессой Еленой — дочерью претендента на французский престол Людовика-Филиппа-Альбера герцога Орлеанского,

графа Парижского, но в душе Николая Александровича эта партия не вызвала никакого отклика.

У Николая Александровича было несколько сердечных увлечений. В юношеские лета воображение захватила кузина-ровесница, дочь Альберта-Эдуарда и Александры, английская принцесса Виктория Уэльская. Цесаревич начал с ней переписываться еще почти ребенком. Виктория нравилась ему своей серьезностью, основательностью, «неженским» умом. В 1889 году, характеризуя принцессу-кузину, он писал Александру Михайловичу: «Она действительно чудное существо, и чем больше и глубже вникаешь в ее душу, тем яснее видишь все ее достоинства и качества. Я должен сознаться, что ее очень трудно сначала разгадать, т. е. узнать ее взгляд на вещи и людей, но эта трудность составляет для меня особую прелесть, объяснить которую я не в состоянии».

Английская принцесса, помимо цесаревича, очаровала еще двух русских великих князей. Она очень нравилась великому князю Александру Михайловичу («Сандро»), а уже значительно позже в нее влюбился брат Николая II великий князь Михаил Александрович. Но жизнь распорядилась так, что Виктория умерла старой девой в 1935 году, пережив всех своих русских поклонников.

Какое-то время русский престолонаследник симпатизировал княжне Ольге Александровне Долгорукой (в замужестве — Дитрихштейн), а позже у него возникла связь с балериной! Это была восходящая звезда императорской сцены Матильда Кшесинская (1872—1971). Их роман развивался исподволь несколько лет.

Они познакомились в марте 1890 года на выпускном акте императорского балетного училища. В дальнейшем встречались от случая к случаю. Цесаревичу все больше и больше нравилась эта маленькая танцовщица, и, глядя на нее, он чувствовал, как в нем просыпалось странное чувство восторга и трепета. Не знал, что происходит, но раньше ничего подобного не случалось. Правда, в театр выдавалось вырваться не всегда: то спектаклей не было, то ему приходилось быть или на службе, или в отъезде.

Сестре Ксении рассказал о том, что у него есть теперь «друг» — балерина Кшесинская. Сестра, сгоравшая от любопытства, стала хранителем его сердечной тайны. Через несколько дней после отбытия Николая в кругосветное путешествие, в октябре 1890 года, она писала ему из Гатчины: «Жалею, что не могу рассказать тебе кое-что о твоём друге Кшесинской, т. к., к несчастью, она слишком далеко от меня. Надеюсь часто ее видеть зимою, чтобы тебе сообщать о ней». Через месяц продолжала: «Видела твоего друга, маленькую *Кшесинскую* тот раз в Пиковой даме! Она танцевала в балете на балу, и мне очень тебя

напомнила». Ничего особенного она о балерине не знала, хотя очень хотела узнать. Ведь все актриски, как в том не сомневалась великая княжна, должны быть «страшно развратны». Но ничего скандального не выяснялось. Брату передавала лишь невинные слухи: где выступала, что о ней говорили. Ксения не умела хранить тайны: многим рассказывала «по секрету» об увлечении брата и с упоением обсуждала его сердечные дела.

Роман с «Малечкой» достиг кульминации зимой 1892/93 года. Цесаревич регулярно посещал живую, раскованную, лишенную предрассудков и условностей танцовщицу, оставался нередко у нее на ночь. Дневник Николая позволяет довольно точно установить «хронологию» любовного увлечения молодого наследника престола. Здесь постоянно встречаются записи такого рода: «В 12 час. отправился к М. К., у которой оставался до 4 час. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились»; «отправился к М. К.; провел чудесных три часа с ней»; «закусывали в 7 1/2 час., как раз в то время начиналась «Спящая красавица», и думы мои были там, так как главным действующим лицом являлась М. К.», «посетил мою М. К., где оставался до 6 часов»; «провел большую часть вечера у М. К.»; «отправился к М. К., где ужинал по обыкновению и провел прекрасно время» и т. д.

В столичном обществе связь наследника с танцовщицей стала темой пересудов. Хозяйка влиятельного петербургского салона генеральша Богданович заносила в дневник самые острые столичные новости, в том числе и о романе престолонаследника: «Она (Кшесинская) не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая, зовут ее Матильдой. Цесаревич говорил этой «Мале», что упротил царя два года не жениться. Она всем и каждому хвалится своими отношениями с ним» (21 февраля 1893 года); «Кшесинская очень заважничала с тех пор, как находится для особых милостей» (10 апреля). В свою очередь, издатель влиятельной петербургской газеты «Новое время», писатель и публицист Алексей Суворин записал 8 февраля 1893 года: «Наследник посещает Кшесинскую и е... ее. Она живет у родителей, которые устраниются и притворяются, что ничего не знают». О том увлечении цесаревича много и другого насочиняли.

Почти через семьдесят лет после того, в Париже, «Великолепная Матильда» обнародовала свои воспоминания, где написала немало о последнем русском царе и об их мимолетном романе. Правдивость этого повествования приняли на веру многие. Утверждения знаменитой балерины стали фигурировать в книгах, кинофильмах, спектаклях, посвященных императору Николаю II. На самом деле словам старой женщины, отдавшей свою жизнь сцене и любви, следует доверять с большой осторожностью. Она многое перепутала, переиначила и не обо всем

написала. Ее мемуары — это скорее художественное произведение, чем правдивый рассказ о давних временах и встречах.

Николай Александрович действительно увлекся молодой балериной, но никогда не забывал о том, «кто он» и «кто она», и знал, что дистанция между ними непреодолима. Как человек, преданный долгу, уж по одной этой причине не мог ставить под сомнение свое будущее, престиж династии и связывать жизнь с танцовщицей. Между тем о том, что у него существовало подобное намерение, «Малечка» намекала не раз. Обладая богатым воображением, Кшесинская запечатлела слова и ситуации, свидетелем которых никто не был.

Но многое другое, о чем написала, опровергается достоверными документами. О важном умолчала. Например, «забыла» упомянуть о том, что, когда цесаревич был уже обручен, отвергнутая прима императорской сцены отправляла его невесте в Англию подметные письма, где чернила бывшего возлюбленного как могла. И Николай Александрович возненавидел некогда «свою М. К.», все рассказал будущей жене, а когда после длительного перерыва увидел в 1896 году Матильду на сцене Императорского Мариинского театра, то признался сестре Ксении, что ему «было очень неприятно».

Императрица Мария Федоровна знала об увлечении сына. Ей обо всем подробно рассказала ее верная подруга, бывшая фрейлина и жена гофмаршала Александра Оболенская (урожденная графиня Апраксина, которую близкие называли «Апрак»). Но и без рассказов Апрак Минни знала, что сын, живший с родителями под одной крышей в Аничковом дворце, возвращается или очень поздно, или даже утром. Установить же, где он проводит вечера и ночи, не представляло особого труда. Мария Федоровна сочла нужным уведомить мужа, но тот не придавал всей этой истории серьезного значения. Увлечения молодости! Императрица тоже особо не переживала, не сомневаясь, что ее Ники достаточно серьезен и слишком ответствен, чтобы позволить себе перейти допустимые пределы. Эту тему родители ни с кем не обсуждали.

Разрыв между балериной и цесаревичем произошел за несколько месяцев до его помолвки. Инициатором стал наследник. У него была своя судьба. У нее — своя. Первое время Матильда ужасно переживала, рыдала, несколько раз, сославшись на болезнь, не выходила на сцену. Но вскоре она нашла утешение в объятиях великого князя Сергея Михайловича (двоюродного дяди Николая II), сожительствуя при этом еще и с кузеном царя, великим князем Андреем Владимировичем, от которого в 1902 году родила сына Владимира. В 1921 году, в Париже, Анд-

рей Владимирович и Малечка обвенчались и прожили вместе потом еще более тридцати лет.

Разрыв с Матильдой произошел тогда, когда Николай окончательно решил расстаться с холостой жизнью. Он давно уже об этом думал. Еще в 1891 году признавался другу Сандро: «Я знаю, что мне пора жениться, так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивые лица. Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить свое гнездышко». Он уже знал имя той, с кем «хотел бы свить гнездышко». Это была немецко-английская принцесса Алиса (полное имя: Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса). Она родилась в 1872 году в семье гессенского герцога Людвиг (1837—1892), ставшего правителем Гессена в 1877 году. Ее мать — вторая дочь королевы Виктории, урожденная английская принцесса Алиса (1843—1878).

21 декабря 1891 года наследник занес в дневник: «Вечером у Мама втроем с Апрак рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества: невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и надежду, которыми я живу изо дня в день... Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 года, когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy (сын принца Эдинбургского, делавший предложение Алисе, но получивший отказ. — А. Б.) оставил или был отказан, единственное препятствие или пропасть между нею и мною — это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милость, я спокойно и покорно смотрю в будущее». Через месяц вернулся к этой теме и записал: «В разговоре с Мама она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери графа Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а по-видимому Мама желает, чтобы я следовал по этой! Что будет?» Никто тогда на подобный вопрос ответить не мог.

Но жребий пал на гессенскую принцессу. Перипетии судьбы императрицы Александры, высокая история любви последнего царя и царицы описывались и комментировались многократно. Может быть, и не надо было бы подробно говорить об этом в очередной раз, если бы не некоторые существенные обстоятельства. Во-первых, сколько-нибудь достоверно эта история так и не была описана, хотя браку последнего царя и роли царицы Александры очень многие придавали (и придают) роковой для России характер.

Именно она, как нередко уверяют сочинители, «закабалила» царя, «подчинила» его своей «сильной воле» и «заставляла» проводить гибельную для империи политику. Этот плоский, но очень расхожий исторический стереотип часто используется для объяснения «скрытых причин» крушения монархии. Во-вторых, в большинстве случаев историю жизни и судьбы последних венценосцев излагали явные недоброжелатели, а нередко и откровенные невежды. Исключения единичны.

Но вне зависимости от степени объективности и компетенции авторов все признают одно: Александра Федоровна играла в жизни Николая II огромную роль, что, конечно же, соответствовало действительности. Они прожили в мире и согласии почти четверть века, и никогда этот союз не омрачила ни одна ссора или серьезная размолвка. И через годы после свадьбы они любили друг друга, как молодожены. А люди злословили, сочиняли небылицы, распространяли всякие пошлости о сторонних «интимных привязанностях» царицы, о каких-то «греховных утехах» императора. Отголоски тех лживых измышлений до сих пор можно найти в некоторых публикациях. Никогда эти сплетни не имели под собой никакой реальной основы.

Что бы ни происходило вокруг них, какие бы крушения и разочарования ни испытывали, Николай II и Александра Федоровна в одном были абсолютно уверены всегда: в нерасторжимости собственных чувств и собственных жизней. Трудно себе даже представить, как один из них мог бы (и мог ли?) пережить другого. И Господь наградил их горькой, но сладостной судьбой: они покинули земные пределы вместе, в один и тот же миг.

Алиса Гессенская родилась в столице Гессенского герцогства городе Дармштадте. В семье Людвига IV (стал правителем в 1877 году) родилось семеро детей: Виктория (1863—1950), Елизавета (1864—1918), Эрнст-Людвиг (1868—1937), Ирена (1866—1953), Фридрих (1870—1873), Алиса (1872—1918), Мария (1874—1878).

Когда Алисе исполнилось шесть лет, в Дармштадте случилось большое горе: во время эпидемии дифтерии умерла сначала младшая сестра Мария, а через две недели и мать, которой было всего 35 лет. Осиротевшую малютку взяла на воспитание бабушка, и большую часть своего детства и юности Алиса провела в Англии при дворе королевы Виктории, которая души не чаяла в своей младшей внучке. Алиса не отличалась в юные годы красотой (это пришло позднее), но являлась удивительно ласковым, нежным ребенком. Близкие называли ее «Санни» (Солнышко). Все биографы уверяют, что смерть матери серьезно повлияла на характер будущей царицы, и из жизнерадостного ребенка она превратилась в замкнутое и печальное создание. Не подлежит сомнению, что то трагическое событие маленькая Алиса-Аликс

переживала глубоко и долго. Душевная рана от потери матери сохранилась на всю жизнь. Она до самого замужества чувствовала себя сиротой.

О том, в какой степени это действительно повлияло на натуру, сказать сложно, так как достоверных свидетельств той поры ее жизни сохранилось чрезвычайно мало. В то же время хорошо известно, что из всех детей Людвига IV именно Алиса с ранних пор отличалась невероятной аккуратностью, как и тягой к серьезным занятиям и предметам. Была чрезвычайно религиозна. Великолепно выучилась играть на фортепьяно, и ее мастерство граничило с виртуозностью, прекрасно шила, вязала, вышивала, знала названия многих растений и птиц, разбиралась в европейской литературе и истории.

Окружающих удивляло, что принцесса еще с юности тянулась к серьезным сочинениям по теологии и философии. Она не увлекалась чтением романтических рыцарских романов, которыми упивались сестры и сверстницы ее круга. Ее интересовали сущностные вопросы бытия, вопросы жизни и смерти. Она читала и конспектировала сочинения философов и мыслителей, и это занятие не могло не вызвать добродушных снисходительных улыбок у сестер, которых подобные вещи совсем не занимали. Позже получила степень доктора философии Оксфордского университета.

Впервые в Россию принцесса Алиса приехала в начале лета 1884 года. Ей было тогда двенадцать лет. Она прибыла вместе с родственниками на свадьбу своей старшей сестры Елизаветы, вышедшей замуж за брата царя Александра III великого князя Сергея Александровича. Церемонность встречи, грандиозность всего происходившего поразили Алису. Подобной роскоши и великолепия, такого скопления народа, величия и торжественности никогда раньше она не видела. Принцесса была очарована и смущена, так как целыми днями приходилось быть на публике, находиться под пристальными взорами тысяч глаз. Для нее это стало тяжелым испытанием. По складу своего характера она была затворницей, и многолюдье ее пугало, утомляло. Но судьба так распорядилась, что ей пришлось стать объектом пристального внимания толпы на протяжении десятилетий.

Тогда, в 1884 году, свою дальнюю родственницу (бабка Николая II императрица Мария Александровна приходилась сестрой деда Алисы гессенской герцогини Людвига III) впервые увидел и цесаревич Николай. Молодой человек сам находился в состоянии волнения, так как ему на предстоящей свадьбе предназначалась ответственная роль шафера. Но он не мог не заметить, как красивы эти «дармштадтские цветы». После первого дня, проведенного вместе, записал: «В 1/2 восьмого обедали со

всем семейством. Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась; Ella — еще больше». Но прошло немного времени, всего несколько дней, а Николай уже полностью был очарован молодой золотокудрой принцессой, которая при близком знакомстве оказалась умной и приятной девочкой. Ей он тоже очень и очень понравился. Пройдет 32 года и, в 1916 году, в письме Николаю II, вспоминая давнее время, Александра Федоровна напишет, что тогда «мое детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью».

31 мая (9 июня) 1884 года они тайком от всех нацарапали свои имена на окошке итальянского домика в Петергофе: Alix, Niki. Вечером цесаревич занес в дневник: «Мы друг друга любим». Но все имело свой срок. Через две недели по приезде родственники принцессы Елизаветы, ставшей после свадьбы благоверной русской великой княгиней Елизаветой Федоровной, должны были уезжать. Цесаревич был опечален. «Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а еще больше, что милая Аликс покинет меня», — запечатлел он свои чувства в дневнике 8 (20) июня 1884 года.

В следующий раз Алиса приехала в Россию зимой 1889 года, когда провела несколько недель в гостях у своей сестры Елизаветы. Тогда она неоднократно встречалась на балах и вечерах с престолонаследником. В четверг, на масляной неделе, традиционно давался большой танцевальный вечер («фолль-журнэ»). В тот год он состоялся 19 февраля в Александровском дворце Царского Села, где Алиса стала «дамой мазурки» цесаревича. Они провели несколько часов в оживленной беседе, много танцевали.

Записные знатоки «светской кухни» уверенно уже утверждали, что гессенская принцесса вскоре будет обручена с Николаем Александровичем. Но тогда под этими разговорами не существовало никакой почвы. Нет, самому наследнику Аликс более чем нравилась; он был просто очарован. Но выбор невесты для будущего русского царя был сопряжен с интересами большой политики; здесь всегда фокусировались различные скрытые стремления и потаенные намерения. Это являлось делом первостепенной государственной важности; и решать его мог лишь сам монарх. Но ни Александр III, ни императрица Мария Федоровна не считали тогда, что наступило необходимое для их дорогого Ники время.

Сам Николай не решился поднять эту тему в разговоре с родителями, и все окончилось ничем. В марте 1889 года престолонаследник с грустью писал великому князю Александру Михайловичу: «Ты, разумеется, слышал, что моя помолвка с Аликс Гессенской будто состоялась, но это сущая неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен. Я никогда так внут-

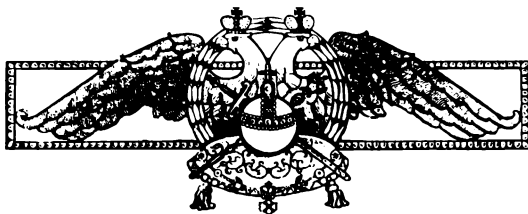
ренне не страдал, как в эту зиму; даже раньше, чем они приехали в город, стали ходить слухи об этом; подумай, какое было мое положение перед всеми на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась; такая милая и простая, очень возмужала...»

Не прошло и года, как гессенская принцесса приехала снова в гости к сестре Элле, но наследника тогда не видела: он находился в кругосветном плавании. Однако разговоры о нем неизбежно возникали, и окружающие не могли не заметить, что гостью чрезвычайно волнует эта тема. Сестра Николая, великая княжна Ксения Александровна, писала ему в конце декабря 1890 года: «Милую Аликс видим каждую субботу; она действительно прелестна! Помнишь наш разговор в Спале про нее? Тебя ей очень не достает. Она всегда думает о тебе».

Трудно сказать, как бы развивались в дальнейшем отношения между русским престолонаследником и гессенской принцессой, если бы на стороне этой партии не оказались мощные союзники: брат Александра III великий князь Сергей Александрович и его жена, великая княгиня Елизавета Федоровна. Об этом мало знали тогда, почти не писали потом, хотя без их содействия вряд ли на русском престоле оказалась бы Александра Федоровна.

Елизавета Федоровна, став женой Сергея Александровича и переселившись в Россию, поддерживала близкие отношения со своими сестрами, особенно с Аликс, и довольно быстро узнала, что ее сердце целиком завоевано русским принцем. Будучи рассудительным человеком, княгиня Елизавета вначале не придавала этому особого значения, так как все это походило лишь на детское увлечение. Но годы шли, и Аликс своих симпатий от старшей сестры не скрывала, а когда в 1889 году приехала погостить в Россию, то давнее чувство вспыхнуло с новой силой. Цесаревич Николай ответил ей взаимностью, но признаться никому не мог, кроме дяди и тети. И пять лет Сергей Александрович и его жена были не просто хранителями этой тайны, но всячески стремились помочь молодым влюбленным. В силу династических традиций и великосветского этикета переписываться наследник русского престола и гессенская принцесса не могли. Каналом связи для них стали письма Елизаветы Федоровны. Сергей Александрович исподволь зондировал почву на предмет возможного брака у своего тестя гессенского герцога, а через него и у королевы Виктории.

Конспиративная деятельность по устройству брака цесаревича длилась несколько лет. Здесь были свои периоды подъемов, моменты всплеска надежд, сменявшиеся временем безысходности и уныния.

ЧАСТЬ II

Царское служение

Глава 9

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Роль дяди и тети в брачной истории цесаревича была ключевой. Елизавета Федоровна проявила необычайную целеустремленность, делая все возможное (и невозможное) для устройства женитьбы престолонаследника на своей младшей сестре, которой надлежало преодолеть немало препятствий. Труднейшее среди них — перемена религии. Будущая русская царица не имела права оставаться вне православия. Алиса Гессенская любила русского принца и не скрывала от Эллы своих чувств. Летом 1890 года принцесса посетила Россию в третий раз, однако с Ники тогда встретиться не удалось. Но ее мысли и чувства уже все время устремлены на Восток. Вернувшись в Англию, сообщала сестре: «Мне было так грустно уезжать из России. Не знаю отчего, но каждый раз, когда я покидаю место, где мне было хорошо, и страну, где живут особенно дорогие мне люди, к горлу подступает комок. Когда не знаешь, вернешься ли сюда снова когда-нибудь, и что произойдет за это время, и будет ли так же хорошо, как прежде».

Старшая же сестра была более уверена в будущем. В октябре 1890 года в письме цесаревичу заметила: «Посылаю тебе фотографию, которую она передала мне для тебя и просила, чтобы ты хранил ее тайно, только для себя. Твоя фотография, которую

я послала ей, находится на ее письменном столе под моей фотографией, невидимая и близкая. И она может в любое время посмотреть на нее. Мы можем лишь молиться и молиться. Я верую в то, что Бог даст решимость и силу». Тетушка постоянно сообщала русскому престолонаследнику о своей сестре, о ее любви к нему. Весной 1891 года она определенно уже утверждала, что Аликс обожает русского принца. В мае 1891 года Елизавета Федоровна писала Николаю Александровичу: «Теперь все в руках Божьих, в твоей смелости и в том, как ты проявишь себя. Будет трудно, но я не могу не надеяться. Бедняжка, она так страдает, я единственный человек, кому она пишет и с кем она говорит об этом, и оттого ее письма часто так печальны».

И великий князь Сергей Александрович деятельно был занят тем, чтобы «свеча любви» не погасла в душе Ники. 30 августа 1890 года делился своими соображениями с наследником престола: «Большое смущение — религия — оно понятно, но это препятствие будет преодолено — это можно заключить из ее разговоров. Элла смотрит на это так серьезно и *добросовестно*; по-моему, это *хороший* залог и верный. Вообще ты можешь быть спокоен — ее чувство слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем *крепко* надеяться на Бога; с его помощью все сладится в будущем году». Завершая свое интимное послание, великий князь изрек: «Если кто осмелится прочесть это письмо кроме тебя — да будет ему постыдно во веки!!!». Закулисная деятельность по устройству брака русского престолонаследника выплыла наружу лишь в конце 1893 года.

Императрица думала о будущей женитьбе сына, но была спокойна и уверена, что все решится по милости Всевышнего, для счастья самого Ники и благополучия России. Ей и в голову не могло прийти, на это просто не хватило фантазии, что в столь важном, первостепенном деле они с императором окажутся в стороне до самого последнего момента. Цесаревич несколько раз говорил ей о своей любви к гессенской принцессе, но Мария Федоровна не принимала близко эти уверения и старалась переключить беседу на другие темы. Эта партия ей не нравилась.

Нет, ничего компрометирующего Алису она не знала. Но какое-то тайное женское чувство ей подсказывало, что эта холодная красавица не может сделать Ники счастливым. Перед ней неоднократно возникал такой простой, вечный материнский вопрос: что сын в ней нашел? Ответов вразумительных не было. Ники лишь сказал, что «любит Аликс». Он-то, может быть, ее и любит, но вот любит ли она его? Мария Федоровна знала, что гессенская принцесса не хочет менять религию, а раз это так, то и говорить не о чем. Значит, надо думать о других комбинациях. И вдруг она узнает, что Сергей и Элла несколько лет заняты

устройством брака Ники! Это был страшный удар. Мария Федоровна была потрясена и решила во всем разобраться до конца.

Сын, который никогда не обманывал мать, показал ей всю переписку по этому случаю с дядей Сергеем и тетей Эллой. Выяснились потрясающие вещи! Оказывается, Сергей и Элла давно вели переговоры и с Аликс, и с ее отцом, а после его смерти в 1892 году — с ее братом Эрнстом-Людвигом, ставшим владетельным гессенским герцогом. К осени 1893 года дело очень подвинулось вперед, и Элла была убеждена, что вопрос о религии уже не станет препятствием. Дядя Сергей убеждал цесаревича поехать в Германию и самому провести решительное объяснение. Однако наследник не мог отправиться в путешествие без согласия отца и матери. Он спросил у Марии Федоровны соизволения поехать. У той возникли вопросы, и мало-помалу стала вырисовываться вся картина. Императрица была оскорблена до глубины души. Она немедленно все рассказала мужу, и того «эта странная история» удивила и озадачила. Согласия на поездку сына император не дал.

Еще ничего не зная о том, что эта история уже стала достоянием царя и царицы, но получив ответ Ники, где тот сообщал о невозможности своего приезда в Германию, великий князь Сергей Александрович, в состоянии крайнего возбуждения, 14 октября 1893 года писал племяннику: «Какое фатальное впечатление произведет на нее твой ответ. Или у тебя нет ни характера ни воли, или же твои чувства совсем изменились, а в таком случае более чем прискорбно, что ты прямо не сказал это жене или мне, когда мы с тобой об этом говорили в августе. Ты сам уполномочил жену поднять с нею этот вопрос; она *все* сделала и когда все было готово — появляется твой *непонятный* ответ. Еще раз повторяю, что после этого *все кончено* и жена тебя просит больше с нею никогда не поднимать этого вопроса». Но все еще лишь только по-настоящему начиналось.

Когда Сергей и Элла вернулись из-за границы в ноябре 1893 года, для них и грянул гром. Мария Федоровна просто хлопотала от негодования. Она имела резкое объяснение с Сергеем, но тот проявил, как потом она говорила, «удивительную безтактность» и не только не ощутил неловкости от всей этой истории, но и стал выговаривать ей, матери, и даже уверять ее, что она губит счастье своего сына! Царица же заявила, что требует от Сергея и его жены, чтобы они никогда больше не касались этой темы и раз и навсегда усвоили, что это не их дело. Но великий князь Сергей считал, что это и «его дело», что как член династии и как русский человек он обязан содействовать тому, чтобы женой наследника и будущей русской царицей стала де-

вушка серьезная, образованная, любящая своего супруга, и лучше гессенской принцессы невесты для Ники не найти.

После неприятного объяснения с царицей Сергей Александрович сообщал брату Павлу, что свидание Ники и Аликс могло бы все решить, но оно «не состоялось только из-за каприза Минни, из глупого чувства ревности к нам! Теперь ей горько придется в этом каяться; конечно, Ники теперь пустится во все *нелегкие*... Просто *страшно* подумать — и мне делается нравственно и физически *холодно*! Все это тем кончится, что Ники женится *без любви* на первой попавшейся принцессе или, чего доброго, на черногорке! (князь имел в виду двух слишком эмансипированных дочерей князя Черногорского Милицу и Анастасию, ставших женами членов династии) и все из-за каприза Минни... Вот уж именно «счастье было так близко, так возможно», ибо, разумеется, при личном свидании *любовь* пересилила бы рассудок. Я глубоко скорблю *и возмущаюсь* на преступное легкомыслие Минни — это страшный *грех на ее душе*».

Александр III ни с братом, ни со свояченицей обо всей этой истории не говорил, но Мария Федоровна знала, что он одного с ней мнения. Ну хорошо: Сергей мог себе это позволить. От него всего можно ожидать. Но Элла? Казалась такой чистосердечной, такой открытой. Она-то как посмела? И хватило же характера, нашла в себе мужество так вести себя! Какая интриганка! Когда императрица стала с ней об этом говорить, Мария Федоровна не заметила у Эллы ни тени раскаяния.

Мало того, великая княгиня заявила, что без ее помощи уговорить Аликс не удастся. И почему кого-то надо годами уговаривать? Ее сын — наследник престола великой империи, он красивый и умный молодой человек, и царицу шокировали все эти «уговоры». Они ей казались оскорбительными. Боже мой, ни на кого нельзя положиться, только и жди неприятностей от родственников. И этот «дармштадтский цветочек» тоже многого стоит. Не хочет менять религию, а не может отказаться от Ники, все водит его за нос. Но как день ясно: без православия у нее нет никаких шансов. Все это не добавляло Марии Федоровне симпатий к будущей невестке.

В декабре 1893 года царица заключила, что гессенская история завершилась. Ники получил сообщение от Аликс, что она окончательно решила не менять свою веру, а следовательно, вопрос о браке, как казалось матери, отпал сам собой. Но Николай все еще не терял надежды и упросил родителей позволить ему самому переговорить со строптивой принцессой, которую одну он только и любит. Ну что ж, пусть попробует и сам во всем удостоверится, решила Мария Федоровна.

Случай представился весной 1894 года, когда в Кобурге должна была происходить свадьба гессенского герцога Эрнста-Людвига с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских принцессой Викторией-Мелитой («Даки»). В столицу Саксен-Кобург-Готского герцогства съезжались именитые гости со всей Европы во главе с королевой Викторией. Цесаревич должен был возглавить делегацию, представлявшую Дом Романовых. Мария Федоровна была убеждена, что вся эта «скучная история» близка к завершению и сын лишь испытает новые моральные мучения. Она сочувствовала ему. 2 апреля 1894 года из Петербурга вышел поезд, в котором ехали: наследник Николай Александрович, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великий князь Павел Александрович.

Мария Федоровна оставалась в России, ждала известий и переживала. 7 апреля она писала сыну Георгию на Кавказ: «Бедный Ники был на грани отчаяния, потому что именно в день его отъезда Ксения получила письмо от сестры Эллы, в котором она сообщала, что никогда не переменит религию и просит сообщить об этом Ники. Ты представляешь, как приятно нам было это узнать и, главным образом, Ники уезжать под ударом этой новости. Если бы она написала об этом раньше, он бы, конечно, не поехал. Но в последний момент уже невозможно было изменить решение. От всего этого я ужасно переживаю за Ники, которого все эти годы ложно обнадеживали «два Сержа». Это же настоящий грех. В этот раз я говорила об этом с Сержем, а он ответил, что разочарован моими взглядами. Ну в общем — это самая идиотская история, какую только можно представить. Она не только грустная, но и показательная. Все мои надежды только на Бога. Он все делает к лучшему, и если Он хочет, чтобы это свершилось, это свершится, или же Он поможет нам найти настоящую (невесту). — А.Б.)».

Действительно, накануне отъезда брата Ксения Александровна получила письмо, где, размышляя о возможности своего брака с Ники, Алиса писала: «Душка, зачем ты опять говорила об этом предмете, который мы не хотели упоминать никогда? Это жестоко, ведь ты знаешь, что этого *никогда* не может быть — я всегда говорила это, и подумай, как это тяжело, если знаешь, что ты причиняешь боль тому человеку, которого больше всех ты хотела бы порадовать. Но этого не может быть — он это знает — и потому, молю тебя, не говори об этом снова. Я знаю, Элла опять начнет, но что в том толку, и жестоко все время говорить, что я ломаю ему жизнь, если для того, чтобы сделать его счас-

тливый, я совершила бы осознанный грех. Все и так уже тяжело, и начинать все снова и снова так немилосердно».

На исходе дня 4 апреля 1894 года поезд из России подошел к Кобургу. На станции ждала пышная встреча: помимо герцога и герцогини Эдинбургских, много и других лиц, в том числе и Алиса с братом Эрнстом. Мысли цесаревича были заняты лишь одним предстоящим объяснением, но как это произойдет и где это случится — того не знал. Тетя Элла еще в поезде дала твердое обещание посодействовать, то же обещал и дядя Сергей. Гостеприимные хозяева разместили русских гостей в огромном Кобургском замке, возвышающемся монументальной глыбой над всей окрестностью. Виды из окон были замечательные, но Николай Александрович, всегда любивший изучать незнакомую местность, в окна не глядел: Некогда было. Да и настроение не соответствовало такому занятию. Вечером состоялся фамильный обед, а затем поехали в театр. Шла веселая оперетта «Продавец птиц». Золотоволосая гессенская принцесса на спектакле не появилась.

Следующий день прошел в суете и без радости. Главным событием для цесаревича стал разговор с Алисой. Около десяти утра он встретился с ней в комнатах тети Эллы и дяди Сергея, которые немедленно оставили молодых людей вдвоем. Сразу же начался разговор, который мысленно Николай Александрович вел уже не один раз, но который в действительности совсем не походил на рисовавшийся в воображении. Сказал ей о любви, о том, что только ее может любить, что лишь о ней думает. Просит стать его женой. Старался доказать, что перемена религии — не есть грех, что так случается. Вот тетя Элла, ее сестра, приняла же в 1891 году православие по зову сердца, и ничего, все поняли. Сказал, что родители очень просят дать согласие и сделают все, чтобы она чувствовала себя в России как дома.

Звучавшие фразы казались ему плоскими и скучными, мучило сознание недосказанности, собственного неумения выразить и донести словами до Аликс то, что накопилось в душе. Он надеялся, что она — умная, чуткая, образованная — сама поймет остальное. Два часа продолжался разговор, больше походивший на монолог русского престолонаследника. Аликс мало говорила. Плакала почти не переставая, и сквозь слезы лишь произносила «не могу» и «прости». Николай сам был готов разрыдаться, комок подступал к горлу, голос дрожал, но сдержался. Уже в конце все-таки услышал и нечто обнадеживающее: принцесса призналась, что любит его. Готов был с ней не расставаться, говорить и говорить о собственных чувствах и снова услышать ее признания. Однако надо было уходить. Ждали иные, совсем неинтересные для него дела.

Вскоре после полудня состоялся общий завтрак, далее — визиты вежливости. Около четырех часов все поехали встречать английскую королеву Викторию. Это было крупнейшее событие: во многих странах пристально наблюдали за тем, что происходило в маленьком, затерянном в глубине Германии герцогстве, куда съезжались именитые гости. Первая среди них — королева Великобритании и Ирландии и императрица Индии.

С Кобургом ее многое связывало: ее мать, Виктория, была урожденной принцессой Саксен-Саальфельд-Кобургской, и будущая английская королева провела детство в этих местах. Ее отец, герцог Кентский — четвертый сын короля Георга III (1760—1820), не был королем; она взошла на престол в 1837 году, так как прямых наследников по мужской линии в Ганноверском доме уже не осталось. Ее дяди, короли-предшественники: Георг IV (1820—1830) и Вильгельм IV (1830—1837) вели слишком фривольный образ жизни, и хотя у них имелись дети, но все — незаконнорожденные.

Когда Виктория заняла престол в 1837 году, правившая в Англии с начала XVIII века династия находилась в полном упадке. Скандальные любовные истории, пьяные оргии, незаконнорожденные дети, мотовство, душевные болезни Ганноверов дискредитировали королевскую власть, престиж которой в Англии был очень невысок. Многие во весь голос говорили о необходимости упразднения института монархии и перехода к республике. Республиканские настроения в середине XIX века в Англии были чрезвычайно сильны. Монархию не просто критиковали, ее поносили. Известный философ Герберт Спенсер публично называл королевскую семью «преступным классом»; на страницах газет и журналов публиковалось множество карикатур и язвительных памфлетов. В центре Лондона регулярно собирались шумные митинги антироялистов, где королеву именovali «мусором», а ее супруга Альберта — «вшивым ублодком».

Ум и сила характера молодой королевы мало-помалу меняли критическое отношение в обществе. Через пятьдесят лет после восшествия на престол уже мало кто в Англии ставил под сомнение и само монархическое устройство, и огромный моральный авторитет королевы. Она умела проявлять ум, такт и волю, а ее беззаветное служение интересам Британии признавалось даже врагами и недоброжелателями. Росту престижа королевы способствовала и ее безупречная семейная жизнь: никаких скандалов и адольтеров. Такого в Англии уж давно не бывало.

В 1840 году она вышла замуж за 22-летнего принца Альберта Саксен-Кобургского и любила его беззаветно. Принц был видным молодым человеком, но не блистал умом, и в обществе злословили, что «у королевы великая любовь к великому ничто-

жеству». Викторию все это не смущало: она знала многому и многим истинную цену. Однажды, когда ей передали отзыв о ней одного министра, заметила: «Меня не интересует, что он обо мне думает. Важно, что я думаю о нем». Это была ее «социальная философия». Когда Альберт умер в декабре 1861 года, королева испытала страшное потрясение и до конца жизни не снимала траур. У Виктории и принца-консорта (специально изобретенный официальный титул для Альберта, означавший «принц-супруг») было девять человек детей. К концу XIX века английская королева имела уже 40 внуков и являлась общепризнанным патриархом среди европейских монархов.

В Кобург, в свою родовую вотчину, принадлежавшую теперь ее второму сыну принцу Альфреду, герцогу Эдинбургскому, она приехала на свадьбу его дочери, своей внучки принцессы Виктории-Мелиты, вышедшей замуж за владетельного гессенского герцога. Статус Гессенского дома в европейской династической иерархии котиrowался очень высоко, и королеве льстила партия «милой Даки». Она знала и другое: в Кобург приехал наследник русского престола Николай, чтобы просить руки ее внучки Алисы. Королева лично познакомилась с русским принцем за год до того, в Лондоне, на церемонии бракосочетания ее внука Георга. Русский юноша произвел хорошее впечатление. Воспитанный, красивый молодой человек и, очевидно, искренне любит ее внучку, как ей о том передавали.

Если бы она была просто бабушкой, то, конечно, не стала бы спорить и только приветствовала такой брак. В данном же случае все было значительно сложнее. Королева все еще не могла забыть унижения, пережитого в 1887 году, когда в Лондон приезжал другой русский — великий князь Михаил Михайлович. Тогда между нею и Александром III существовала неофициальная договоренность, что князь Михаил будет просить руки ее внучки принцессы Виктории Уэльской (первой влюбленности цесаревича Николая). Но случилось невероятное. При первом же объяснении этот странный русский сразу заявил потенциальной невесте, что ее «не любит и любить не будет», но что «если это нужно», он готов на ней жениться. С принцессой случилась истерика, родители были потрясены, а королеву эта история возмутила до глубины души. Какой стыд! Какое неприличие! Как можно себя вести таким образом! Виктория лишней раз утвердилась в своем давнем убеждении, что от этих русских «всего можно ожидать».

Она долго однозначно выступала против всяких возможных брачных комбинаций, где фигурировали русские. Когда впервые услышала о том, что ее внучка Алиса любит Николая, не стала даже это обсуждать, сочтя такие разговоры недоразумением. У

нее были свои виды на брак любимой внучки. Она хотела, чтобы та соединилась в браке с ее внуком, старшим сыном принца Уэльского принцем Альбертом-Виктором. Но Алиса категорически ему отказала. Бабушка была обескуражена и в одном из писем заметила, что «это показывает ее фамильную силу характера, поскольку вопреки всем нам, желавшим этого, она отказалась от возможности занять самое высокое положение».

Сильные характеры у королевы всегда вызывали симпатию, и она предоставила самой Алисе право выбора, прекрасно понимая, что гессенская внучка никогда не пойдет против ее воли. Когда возникла тема «русской партии», Виктория однозначно высказалась против, заявив, что не подобает «двум сестрам находиться в одной стране». Внучка-красавица Елизавета состояла в браке с великим князем Сергеем Александровичем, и королева считала, что по этой причине «русская тема» должна быть закрыта. Конечно, это был слабый аргумент. Ее дочери Виктория и Беатриса были замужем за немцами и жили в Германии, а младший сын Артур состоял в браке с Луизой, принцессой Прусской. Но одно дело родная Германия, а совсем другое — чужая Россия.

Самым стойким ходатаем оказалась Елизавета, не раз говорившая бабушке о желательности брака Алисы и Ники. В ноябре 1893 года великая княгиня писала королеве: «Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но все как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу. Да, все в руках Божиих... Увы, мир такой злобный. Не понимая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злые языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение. Будет ли это когда-нибудь? Хотела бы я знать. Я прекрасно понимаю все, что Вы говорите, только я желаю этого потому, что мне нравится этот молодой человек». Королева сама имела разговор с Алисой и спросила: правда ли, что она любит Николая. Та потупилась, сильно покраснела, но ясно и твердо сказала: «Да». Бабушка не нашлась, что возразить, и больше к этому разговору не возвращалась.

Когда королева прибыла в Кобург, она сразу же узнала, что внучка сказала цесаревичу «нет», впад при этом в состояние, близкое к обмороку. Бабушка искренне жалела «бедное дитя» и провела успокоительную беседу. Она уговаривала внучку дать согласие и даже пыталась убедить ее в том, что православие и протестантство в своей основе «мало отличаются друг от друга». Прошло еще два дня, наполненных различными событиями и

церемониями. Но так уже получилось, что помолвка русского престолонаследника затмила все свадебные торжества. Об этом только все и говорили, сочувствовали, стремились помочь. Когда 6 апреля в Кобург приехал внук королевы Виктории император Вильгельм II, то и он не упустил случая и «по-братски» поговорил с кузиной.

Все решилось 8 апреля. Вскоре после первого завтрака Ники сообщили, что Аликс ждет его в апартаментах дяди Владимира и тети Марии («Михень»). Пошел, сердце сжималось, но было приятное предчувствие. Оно его не обмануло. Их оставили вдвоем. Аликс почти сразу согласилась. Не прошло и двадцати минут, как вышли в соседнюю комнату, где их ждали. Первыми поздравили дядя Сергей, тетя Элла, дядя Павел и кайзер, который воспринял это как свою победу. Он много говорил, жестикулировал, все время бросал какие-то реплики. Но теперь Николай поведение Вильгельма II не раздражало: он почти на него и внимания не обращал. Целиком погрузился в блаженное состояние. Сразу же пошли к королеве Виктории, которая обняла и поцеловала обоих, пожелала счастья. Затем и другие поздравляли, а после завтрака в церкви отслужили благодарственный молебен. Но больше всех ликовал цесаревич, написавший вечером в дневнике, что 8 апреля — «чудный, незабываемый день в моей жизни».

В тот же день цесаревич послал письмо родителям. «Милая Мама, я тебе сказать не могу как я счастлив и также как я грустен, что не с вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другой: веселою и смешной и разговорчивой и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние». Жениху было почти 26 лет, а невесте — 22 года.

В Россию весть о помолвке цесаревича пришла в тот же день, вечером. Событие сразу стало первоочередным. Как всегда, все обсуждали с видом знатоков. Вроде бы все решилось наконец-то благополучно, но вопросы оставались. Брат Николая Георгий, как только узнал новость, сразу же написал сестре Ксении: «Ты не поверишь, как я этому обрадовался; это великое счастье, что она согласилась в конце концов, а то могла бы выйти весьма неприятная история, в особенности из-за Малечки... Интересно было знать, почему Аликс сначала отказала Ники, что очень странно».

Царь и царица послали поздравительную телеграмму, с нетерпением ждали подробностей. Через несколько дней в Петер-

бург вернулись великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна, привезли письма от Ники и свои свидетельства очевидцев. Александр III и Мария Федоровна несколько часов слушали их подробный рассказ. Лишь после этого император отправил с фельдъегерем личное послание, датированное 14 апреля, которое Николай получил утром 16-го.

«Милый, дорогой Ники, ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его милости. Если бы ты видел, с какою радостью и ликованием все приняли это известие; мы сейчас же начали получать телеграммы и завалены ими и до сих пор... Теперь я уверен, что ты вдвойне наслаждаешься и все пройденное, хотя и забыто, но я уверен принесло тебе пользу доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь! Не могу тебя представить женихом, так это странно и необычно! Как нам с мама было тяжело не быть с тобой в такие минуты, не обнять тебя, не говорить с тобой, ничего не знать и ждать только письма с подробностями».

Мария Федоровна была счастлива тоже. Она предала забвению все свои опасения и неудовольствия. На все воля Божья, а с этим спорить было невозможно. Императрица писала сыну: «Наша дорогая Аликс уже совсем как дочь для меня... Я более не хочу, чтобы она звала меня «тетушка»; «дорогая мама» — вот кем я для нее буду с этого момента».

Свадьба предположительно намечалась на весну следующего года. Надлежало основательно подготовиться к важному государственному событию. Но события вскоре начали принимать трагический оборот, и все пошло совсем по-другому...

Еще в январе 1894 года Александр III простудился и тяжело заболел. У него была высокая температура, беспрестанно мучил кашель. Старый лейб-медик Гирш успокаивал царицу, говорил, что это инфлюэнца, но волнение не проходило. По настоянию царицы пригласили других врачей, которых сначала не хотел видеть царь. Но Минни проявила такой напор, что он отступил и позволил себя осмотреть и прослушать. Мнение было единодушным: положение серьезное, но не очень опасное. Так оно и оказалось. Но теперь он выполнял все предписания врачей, и жена зорко следила за этим. В конце января монарх оправился от простуды. Мария Федоровна взяла в свои руки заботу о здоровье супруга. Однако даже тогда обстоятельного обследования

не провели. Врачи не разглядели острую форму сердечной недостаточности, что в конечном итоге и свело царя в могилу.

После нескольких недель болезни и связанных с ней переживаний вроде бы все нормализовалось. Царь стал появляться на официальных церемониях, принимал, посещал смотры и парады. 26 февраля ему исполнилось 49 лет, и никто не предполагал, что это последний день его рождения. Внешне он мало изменился, но состояние было неважным. Летом же наступило резкое ухудшение, скрывать это уже было невозможно. Гириш диагностировал хроническое заболевание почек.

Однажды на учениях в Красном Селе царю стало очень плохо, от резкой опоясывающей боли он чуть не потерял сознание, и его пришлось спешно отправить домой, прекратив учебные занятия войск. То лето царская семья жила в Петергофе, в миле Коттедже. Одно время наступило кратковременное улучшение. В начале августа для консультаций был приглашен известный врач — терапевт из Москвы Григорий Захарьин. После осмотра пациента он без обиняков сказал царице, что опасается за ближайшее будущее и что следует принимать решительные меры. Во-первых, необходима строжайшая диета, а во-вторых, следует немедленно перейти на лечебный режим и покинуть столицу.

После обсуждения с придворными, родными и лейб-медиками решили ехать в Беловеж, где император любил бывать на охотах. В начале сентября перебрались еще западнее, в Спалу. Положение не улучшалось. Здесь, 8 сентября 1894 года, Александр III написал письмо дочери Ксении, находившейся в Крыму, где рассказал о самочувствии: «Прости, что только теперь отвечаю на твои милейшие письма, которые доставили мне огромное удовольствие. С тех пор, что переехали сюда, чувствую себя немного лучше и бодрее, но сна — никакого, и это меня мучит и утомляет ужасно, до отчаяния. В Беловеже я совсем не охотился, и бывали дни, что не выходил из дома, такая мерзкая была погода. Здесь я почти каждый день на охоте, и погода чудная, летняя... Сегодня катались с мама и беби (дочь Ольга). Мама и беби набрали много грибов, а я больше сидел в экипаже, так как очень слаб сегодня и ходить мне трудно. К сожалению, я не обедаю и не завтракаю со всеми, а один у себя, так как сижу на строгой диете и ничего мясного, даже рыбы не дают, а вдобавок у меня такой ужасный вкус, что мне все противно, что я ем или пью. Больше писать сегодня не могу; так меня утомляет это». Он больше уже вообще никому не написал. Ему оставалось всего 42 дня жизни.

В Спале пробыли недолго, и 21 сентября были уже в Крыму. Врачи полагали, что сухой южный климат может улучшить со-

стояние. В Ливадии царь поселился не в Большом дворце, а в той сравнительно небольшой вилле, где жил еще цесаревичем. Ему все время было плохо. Пульс не опускался ниже 100, ноги сильно опухли, полная бессонница по ночам и сонливость днем, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, сильная слабость. Он почти не мог ходить. Последний раз его вывели на улицу 2 октября, когда с женой совершил небольшую поездку в коляске. Со следующего дня он уже больше не покидал комнат на втором этаже. Ужасно похудел. Некогда большой и мощный, он как-то усох; исчезли его могучие плечи, большая голова вдруг стала маленькой, с трудом державшейся на тонкой шее.

К началу октября 1894 года почти все приближенные чувствовали и знали, что царь долго не проживет (об этом вполне определенно говорили врачи). Цесаревич, все время находившийся рядом с отцом, полагался на милость Всевышнего. Императрица тоже не теряла надежды и верила, что Господь не допустит такой несправедливости: она останется жить, а Саша умрет? Не раз говорила мужу, что уверена в том, что умрет раньше. Александр III не любил таких ернических разговоров и всегда порицал ее за них. Никому не дано знать о своем земном сроке. Но она даже вообразить не могла, что расстанется с бесценным мужем.

Царица делала все, что могла. В Ливадии Мария Федоровна почти полностью изолировала монарха от всех визитеров (кроме врачей и членов семьи, к нему никто не допускался), день и ночь не отходила от больного. Последние недели своей жизни Александр III передал большинство поступающих к нему бумаг на рассмотрение цесаревича, оставив за собой лишь дела по дипломатическому и военному ведомствам (последний приказ подписал за день до кончины).

По настоянию императрицы в Ливадию приглашались не только самые лучшие врачи из России. Сюда прибыл европейская знаменитость, профессор нескольких германских университетов доктор Эрнст Лейден. Уже потом выяснилось, что этот врач имел конфиденциальное поручение кайзера Вильгельма II каждый день сообщать о положении дел в Ливадии. Через потайную систему профессор регулярно отправлял агентурные данные в Берлин.

Врачи осматривали умирающего, что-то советовали, но Александр III отказывался исполнять их предписания, и лишь мольбами и слезами жене удавалось заставить мужа принять лекарство, сделать новую перевязку, согласиться на осмотр медиков. У царя, вследствие сильного отека ног, все время был сильнейший кожный зуд, и он из последних сил расчесывал руки и

ноги. Врачи умоляли этого избегать, и императрица сама часами делала ему легкий успокаивающий массаж. Но как только она отвлеклась, случалось непредвиденное.

Царь несколько раз заставлял сына Михаила, предварительно заперев дверь на ключ, чесать ему ноги щеткой. Узнав это, Мария Федоровна весь свой гнев обрушила на сына. Все кругом находились в каком-то оцепенении, и Марии Федоровне часто приходилось неоднократно просить о чем-то, прежде чем ее желание-повеление исполнялось. Одному из врачей она в сердцах призналась, что «ее опутывают интригами даже в эти тяжелые минуты». А минуты были действительно тяжелые. Александр III убедил супругу, что надо послать вызов невесте цесаревича принцессе Алисе Гессенской. Он хотел успеть благословить детей. Со слезами на глазах Мария Федоровна дала согласие, и принцесса уже шестого октября была на пути в Крым.

С начала октября в Ливадию стали съезжаться члены династии. Приехали братья царя великие князья Владимир, Алексей, Сергей, Павел, великие княгини Александра Иосифовна, Мария Павловна, Елизавета Федоровна. Из Афин с детьми прибыла греческая королева, кузина царя Ольга Константиновна. Недалеко от Ливадии в своем имени Ай-Тодор находился великий князь Михаил Николаевич, его сыновья и великая княгиня Ксения Александровна со своим Сандро.

Настроение у всех было подавленное, и, чтобы его поднять у окружающих, царь распорядился устроить 9 октября семейный завтрак с оркестром. Когда все собрались за большим гофмаршальским столом и под музыкальное сопровождение, казавшееся кошунственным, пытались принимать пищу, царь у себя, тайно от всех, кроме императрицы, исповедовался и причастился Святых Таин у своего духовника отца Иоанна Янышева. Многие чувствовали, что грядет трагическое событие, способное перевернуть весь ход вещей. В Ливадию пригласили и известного проповедника отца Иоанна Кронштадтского, находившегося рядом с царем до последней минуты.

10 октября в сопровождении великой княгини Елизаветы Федоровны прибыла Алиса Гессенская. Ее на дороге из Симферополя встретил цесаревич, около пяти вечера они прибыли в Ливадию и сразу же из экипажа прошли к царю. Невеста держала в руках большой букет белых роз, который и оставила в комнате императора. Царь был очень рад встрече, обнял, поцеловал. Он так изменился, что Алиса в первое мгновение даже его не узнала. «Будьте счастливы, дети мои», — сказал император. Принцесса вышла из комнаты со слезами на глазах. Это были ее первые слезы в России. Здесь их у нее потом будет еще очень много.

И наступило 20 октября. Всю ночь царь не смыкал глаз, закуривал и тут же бросал одну папиросу за другой, чтобы хоть как-то отвлечь себя. С ним в комнате были императрица и один из врачей. Они пытались занять больного разговорами. В пять утра он выпил кофе с женой. Больного посадили в кресло в середине комнаты. В восемь утра пришел цесаревич. Затем стали приходить другие: брат, великий князь Владимир, и сестра, герцогиня Эдинбургская, только накануне вечером приехавшая. Постепенно собралась вся фамилия.

Государь был со всеми ласков, но мало говорил. Большей частью лишь улыбался и кивал головой. Полулежал в глубоком кресле, рядом сидела царица, а остальные стояли: кто ближе, кто дальше в коридоре. Но почти никто не говорил. Все в каком-то оцепенении смотрели на того, кто олицетворял силу и мощь огромной империи, был повелителем всех и вся, символом и хранителем власти и страны, а теперь готовился покинуть земные чертоги. Монарх сохранил самообладание до последней минуты. Вспомнил и поздравил с днем рождения великую княгиню Елизавету Федоровну, которой в этот день исполнилось тридцать лет.

В половине одиннадцатого Александр III пожелал причаститься еще раз. Вся семья встала на колени, и умирающий неожиданно уверенным голосом стал читать молитву «Верую Господи...». И не было ни одного человека в ливадийском доме, кто бы не плакал. Императрица была в сомнамбулическом состоянии. Она измоталась вконец. Почти не спала последние ночи и ничего не ела. Но усталости не было. Наступило какое-то оцепенение. Происходившее, всех окружающих она видела как в тумане и лишь одного различала ясно, за одного молилась, не переставая. Ее Саша, ее любовь, радость, жизнь, ее — все. Нет, нет этого никогда не может случиться! Господи, спаси нас, пощади!

Она готова пожертвовать чем угодно, только бы он остался с ней! Не плакала. Не было сил. Стояла на коленях у края кресла, обняв его голову руками, закрыв глаза, и крепко-крепко, как только могла, прижимала его к себе. Голова к голове, сердце к сердцу, как всегда, как всю жизнь. Никто и никогда их разлучить не сможет! Она чувствовала его тихое дыхание и не слышала и не чувствовала больше ничего. Священник читал отходную молитву, вокруг рыдали. Около трех часов дня доктор Лейден потрогал руку императора и сказал, что «пульса нет». Самодержец скончался. Обливаясь слезами, родные стали подходить прощаться, но Мария Федоровна все сидела в том же положении, и, когда прощание уже заканчивалось, лишь тогда заметили, что царица без сознания.

Русская великая княгиня и греческая королева Ольга Константиновна через несколько дней в письме своему брату, великому князю Константину Константиновичу, описала смерть императора в Ливадии и свое состояние: «Надо только удивляться, что сердце человеческое может вынести подобное волнение! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается все больше, пустота ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая бы не ощущала глубокой скорби, это собственная боль каждого русского человека! Он умер как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... В 10 часов утра, когда Он причащался, Он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайный» и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали... Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица... Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо».

Греческая королева стояла вечером 20 октября 1894 года на коленях перед гробом усопшего монарха рядом с новым императором Николаем II. Уже через полтора часа после смерти отца, в маленькой ливадийской церкви ему стали присягать лица императорской свиты и другие должностные чины. Началась эпоха последнего царствования, длившаяся более 22 лет. «Милый Ники» превратился в самодержца, наделенного огромными властными функциями. Он стал руководителем великой мировой державы и главой императорской фамилии. Ему только в мае исполнилось 26 лет.

Глава 10

МОНАРШИЙ ДОЛГ

Очень много всегда говорили о том, что Николай II «не был готов» к царствованию, что «он был слишком молод», «неопытен» для того, чтобы управлять огромной империей и принимать ответственные и «мудрые» решения. Он действительно страшился участи правителя, той ответственной роли, которой не искал, но в судьбе своей ничего изменить не мог. А кто был готов к царской роли?

Из пяти монархов, правивших в России с начала XIX века, лишь двое — Александр II и Александр III — приняли монарший скипетр в зрелых годах: первому было при восшествии на престол 37 лет, а второму — 36. В то же время Николай I стал царем в 29 лет, а Александр I — в неполные 24 года. И никто из них не считал, что «он готов». Все, в большей или меньшей степени, неизбежно испытывали сомнения, страхи, колебания. И при каждом воцарении придворные и всезнающие «светские кумушки» всегда шушукались о том, что «царь не тот», что «у него мало опыта», что он «недостаточно образован».

Николай II надел корону на 27-м году жизни, хотя до последней земной минуты Александра III надеялся на то, что Господь не допустит несчастья и оставит на земле его искренне почитаемого отца. Но случилось то, что случилось, и «милому Ники» пришлось принять бразды правления в огромной стране, полной противоречий и контрастов, скрытых и явных несуразностей и конфликтов. Никто не знал, когда наступит срок воцарения старшего сына Александра III. Не ведал того и сам Николай Александрович. Но мысль о будущей грядущей тяжелой царской ноше, как он позже признавался, повергала его в ужас. Никогда и ни с кем, ни письменно, ни устно, цесаревич о том раньше не говорил.

Для Николая II смерть отца стала глубоким потрясением. 20 октября 1894 года занес в дневник: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность».

Любящий и послушный сын переживал не только потерю близкого человека. Его мучили страхи и опасения, связанные с новой для себя общественной ролью, с той невероятной ношей, которая была возложена судьбой на его плечи. Через шесть месяцев после воцарения Николай II писал своему дяде, великому князю Сергею Александровичу: «Иногда, я должен сознаться, слезы навертываются на глаза при мысли о том, какую спокойною, чудною жизнь могла быть для меня еще на много лет, если бы не 20-е октября! Но эти слезы показывают слабость человеческую, это слезы — сожаления над самим собой, и я стараюсь как можно скорее их прогнать и нести безропотно свое тяжелое и ответственное служение России».

При жизни Александра III цесаревич хоть и касался дел государственного управления, однако никаких ответственных решений не принимал. Теперь же все взоры устремлены на него. Он стал центром огромной империи, ее верховным хранителем и поводырем. В связи с воцарением Николая II много было разговоров о том, успел ли отец передать сыну какие-либо на-

ставления по управлению государством. В некоторых публикациях можно даже найти цитаты из завещания Александра III, содержащие перечень рекомендаций и заповедей. На самом деле это не более чем апокриф.

Великий князь Константин Константинович имел разговор по этому поводу с молодым царем. «Я спрашивал, — записал К. Р. в своем дневнике 7 декабря 1894 года, — слышал ли Он советы от Отца перед кончиной? Ники ответил, что Отец ни разу и не намекнул Ему о предстоящих обязанностях. Перед исповедью отец Янышев спрашивал умирающего Государя, говорил ли Он с наследником? Государь ответил нет: он сам все знает». Да и не существовало никаких магических секретов, никаких сформулированных правил по управлению державой, которые умирающий монарх мог бы открыть сыну. Надо было иметь чистое сердце, искренне любить Россию и верить в Бога. Этими качествами Николай Александрович обладал, и Александр III знал об этом.

Для Николая II самодержавие было священным символом веры, тем догматом, который не мог подлежать не только пересмотру, но и обсуждению. Россия и самодержавие были вещи неразрывные. В том никогда не сомневался, и когда уж в конце, под воздействием трагических событий, отрекся от прав на прародительский престол, с болью в сердце увидел правоту своего давнего убеждения: падение власти царей неизбежно ведет и к крушению самой России. Он прекрасно знал русскую историю, дела своих предков, а любимыми и особо почитаемыми среди них были второй царь из династии Романовых Алексей Михайлович и отец, император Александр III.

Через три года после смерти отца Николай II написал матери, что «Его святой пример во всех его деяниях постоянно в моих мыслях и в моем сердце; он укрепляет меня и дает мне силы и надежды. И этот же пример *не дает* мне падать духом, когда приходят иногда минуты отчаяния — я чувствую, что я не один, что за меня молится Кто-то, который очень близок к Господу Богу, и тогда настает душевное спокойствие и новое желание продолжать то, что начал делать дорогой Папа!!!».

Николай II на первых порах во многие тайнства государственного управления не был посвящен. Но одно он знал наверняка с самого начала: надо следовать курсом, каким вел страну его отец, при котором, как он это знал наверняка, страна добилась социальной стабильности и завоевала прочные позиции на мировой арене. Но в первые недели царствования знакомиться с глобальными проблемами просто не имелось никакой возможности. Навалилась такая лавина текущих дел и забот, что и дух перевести было некогда.

Надлежало немедленно решать уйму вопросов, и все обращались теперь к нему. Самые первоочередные: похороны и бракосочетание. Невеста находилась в Ливадии и 21 октября в 10 часов утра в маленькой ливадийской дворцовой церкви была миропомазана, став православной благоверной великой княгиней Александрой Федоровной. Надлежало определиться со свадьбой. Гессенская невеста получила благословение Александра III. Но возникла драматическая коллизия: как устроить свадьбу, чтобы не оскорбить память ушедшего и не нарушить церковный закон и традицию. Жизнь и смерть, горе и радость, надежда и безысходность, можно ли их совместить? Как соединить несоединимое?

И мать и сын пришли к мысли, что уместно провести скромный обряд венчания сразу же после миропомазания, под крышей ливадийского дома, пока их незабвенный отец и муж находится с ними. Но это предложение вызвало бурную реакцию в императорской фамилии. Большинство родственников считало, что нельзя этого делать в семейной обстановке, что брак царя — акт государственного значения, и это все надлежит осуществлять лишь в столице. У Марии Федоровны не было сил спорить, а Николай II еще слишком терялся перед своими старшими по возрасту родственниками и не находил в себе мужества им противоречить. Было решено отложить бракосочетание до Петербурга. Пока же главные заботы вызвали предстоящие похороны.

Молодой монарх целыми днями был затормошен, передыху в первое время почти и не было. Страшное горе, растерянность, страх владели душой. Какое счастье, что рядом находилась Аликс, теперь «его невеста». Она скрашивала скорбные дни, и он с ней проводил каждую свободную минуту. Вечерами она помогала ему разбирать телеграммы, составлять ответы. Царю допоздна каждый вечер приходилось знакомиться с государственными бумагами, которые привозили специальные курьеры из Петербурга целыми кипами. Алисе-Александрке было трудно, но она никак не выказывала это, понимая, что дорогому Ники еще тяжелей. Все близкие императора, свита, многочисленные должностные лица были целиком заняты траурными событиями и на будущую царицу мало обращали внимания.

И опять, как уже случалось раньше в этой огромной и холодной стране, она порой ощущала себя лишней и одинокой. Однако теперь на душе было значительно спокойней. Одиночество скрашивали сестра Элла и, конечно же, Николай, который, однако, был так занят. Она ничего не просила, ни на чем не настаивала, ничем не возмущалась. Бесконечно долго, не шевелясь, могла сидеть в углу комнаты и созерцать обожаемого же-

ниха за работой. Когда тот оборачивался, дарила ему улыбку, и он улыбался в ответ. Радость молчаливого общения друг с другом они пронесли через всю жизнь. Они могли часами находиться рядом, не говоря ни единого слова, и быть бесконечно счастливыми.

Николай и Александра понимали, что, отдавая долг умершему отцу, необходимо уделять особое внимание императрице, скорбь которой была беспредельной. Они старались облегчить ее горе любовью, вниманием, заботой.

Царица-вдова была безутешна. 23 октября в Ливадию прибыли ее сестра Александра, герцогиня Уэльская, с мужем. Мария Федоровна была счастлива горьким счастьем, что ее милая Аликс будет с ней теперь. И герцогиня Уэльская осталась надолго. Она провела в России два с половиной месяца, не отходя почти от «несчастной Минни».

Через неделю после смерти Александра III, 27 октября, в половине девятого утра гроб с телом покойного покинул царскую резиденцию в Ливадии. Его на плечах несли казаки и стрелки конвоя. Эти несколько километров до Ялты Мария Федоровна шла пешком за гробом, и из уважения к ней все остальные тоже двигались пешком. Сохранились фотографии той печальной церемонии, на которой с большим трудом можно разглядеть небольшую женскую фигуру Марии Федоровны, почти слившуюся с толпой женщин в траурных одеяниях. В тот же день, ближе к вечеру, прибыли в Севастополь, где уже ждал специальный поезд.

Царица-мать по дороге в Петербург написала письмо сыну Георгию, где многое сказала о своем состоянии: «Ты знаешь, как тяжело опять быть в разлуке с тобой, особенно теперь, в это ужасное время! И это путешествие в том самом вагоне, где только пять недель назад наш Ангел Папа был вместе с нами! Видеть его место на диване всегда пустым! Повсюду, повсюду мне кажется, что в любой момент он может войти. Мне чудится, что я вижу, как сейчас появится его дорогая фигура. И я все не могу осознать и заставить войти в мою голову эту страшную мысль, что все кончено, правда кончено, и что мы должны продолжать жить на этой грустной земле уже без него!»

В Петербург прибыли 1 ноября в 10 часов утра. Траурная процессия от вокзала до Петропавловской крепости двигалась почти четыре часа. Там каждый день служились панихиды в крепости и в Аничкове, и ни одной императрица не пропустила. Было неимоверно трудно. 2 ноября Мария Федоровна потеряла сознание по пути в церковь. Забеспокоились, забегали. Но, как только пришла в себя, не сетуя и не плача, продолжала нести земную тяжелую ношу и как вдова, и как царица. Мысль о Саше

ее не оставляла и, порой делалось так спокойно за него. «Мое единственное утешение сознавать, что он покоится в мире, что он счастлив и больше не страдает... Сейчас он молится за нас и готовит нам дорогу. Мы должны стараться следовать его хорошему примеру, который он показал здесь, и жить так, как Бог считает достойным, а затем присоединиться к нему, когда настанет наш час», — писала сыну Георгию.

Погребение Александра III состоялось в Петропавловской крепости 7 ноября. Царь-миротворец нашел последнее пристанище рядом с гробницами дорогих его Александра II, Марии Александровны, деда, императора Николая I, и брата Никса. День был теплый, но густой туман заволакивал все перспективы «Северной Пальмиры». Когда гроб опускали в могилу, зазвучали оружейные выстрелы, загремели артиллерийские залпы. Люди снимали шапки, крестились. Народу в крепости собралось великое множество, и у большинства на глазах были слезы. Плакали дети: Ксения, Ольга, Михаил. Даже Николай, теперь уже император, и тот не сдержался.

На лице Марии Федоровны слез не было. Она была величественна в своей горести и страдание своего сердца не выносила на обозрение. Боль оставалась внутри и никогда не проходила. Когда подходила к гробу для прощального поцелуя, не открыла глаз и не помнила, как это произошло. Она так ни разу своего обожаемого супруга после Ливадии и не видела. Ей рассказывали, что лицо мало изменилось, а в профиль он совсем «как живой». Ей не говорили, конечно, что балзамирование провели неудачно и признаки разложения стали проступать на теле царя уже вскоре после смерти. Их в течение двух недель скрывали различными медицинскими и косметическими ухищрениями. Она этого не знала, и ей этого не надо было знать.

«О как это было страшно и ужасно — последнее прощание. Это было повторением незабываемого 20 октября, когда добрый Бог отобрал у меня того, которого я лелеяла и любила больше всего на свете и который всем вам был лучшим из отцов», — признавалась в письме больному сыну. Она все время думала: почему так случилось, почему именно он, «ее Саша», должен был уйти так рано, так необъяснимо скоро. Ведь Александр нужен не только ей и детям, но и стране. Она ощущала людскую скорбь, видела, как искренне оплакивают его кончину разные, большей частью совсем незнакомые, люди, и понимала, что это не только ее потеря. Но для нее она самая большая и невосполнимая.

Воспитание и самообладание помогали Марии Федоровне соблюдать все траурные ритуалы. Она не только присутствовала на траурных церемониях, но и встречалась со множеством

людей. На похороны Александра III приехали делегации со всех концов света, в том числе и представители королевских домов: король Дании Христиан IX, король Греции Георг I, наследник британской короны принц Альберт-Эдуард, князь Черногорский, брат германского кайзера Генрих Прусский, брат Австрийского императора эрц-герцог Карл-Людвиг, герцог и герцогиня Эдинбургские и многие другие принцы и принцессы. Более ста именитых гостей почти из всех владетельных домов Европы сочли необходимым отдать последний долг русскому царю. Такого представительного съезда столица Российской империи уже больше не видела.

Через неделю после похорон, 14 ноября 1894 года, в день рождения императрицы Марии Федоровны, когда православная традиция позволяла ослабить строгий траур, в большой церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание Николая II и Александры Федоровны. Торжественное шествие в церковь по дворцовым анфиладам открывала Мария Федоровна под руку со своим отцом, датским королем. За ней шли Николай II и Александра Федоровна. По окончании венчания из церкви двигались другим порядком, и вторая пара шествовала первой.

В тот день в России появилась новая царица, а Мария Федоровна получила официальный титул «вдовствующая императрица». Но переход на вторую роль мало беспокоил. Ее сердце переполняли совсем другие чувства, и горечь одиночества осознавалась все острее. Чуткий и наблюдательный великий князь Константин Константинович после церемонии записал в дневнике: «Больно было глядеть на бедную Императрицу. В простом, крытом белым крепом вырезном платье, с жемчугами на шее, она казалась еще бледнее и тоньше обыкновенного, точно жертва, ведомая на закланье; ей невыразимо тяжело было явиться перед тысячами глаз в это трудное и неуютное для нее время».

Марии Федоровне все это казалось дурным сном, ее душа не принимала этих торжеств чуть ли не у свежевырытой могилы. Но так было надо, а следовать долгу — ее земной удел, ее святая обязанность. В письме же сыну Георгию позволила выплеснуться потаенным чувствам: «У нас два дня назад наш дорогой Ники женился. И это большая радость видеть их счастливыми. Слава Богу, этот день прошел. Для меня это был настоящий кошмар и такое страдание. Эта церемония с помпой при такой массе народа! Когда думаешь, что это должно проходить публично, сердце обливается кровью и совершенно разбито. Это более, чем грех. Я все еще не понимаю, как я смогла это перенести. Это было жутко, но добрый Бог дал сверхчеловеческие силы, чтобы перенести все это. Без Него это было бы невозможно. Ты представ-

ляешь, как же должно быть страшно, несмотря на эмоции и резкую боль, присутствовать на свадьбе Ники без любимого Ангела Папы. Однако я чувствовала его присутствие рядом с нами и что он молился за счастье нашего дорогого Ники и что его благословение все время снисходит на нас свысока».

Публично же свой душевный дискомфорт она не демонстрировала. Из Зимнего дворца уехала первой и в Аничкове готовилась к торжественному приему новобрачных. Когда те прибыли, встречала их на пороге с хлебом-солью, а затем распоряжалась на торжественном обеде. Но в тот день праздничного настроения в этом дворце, где все еще витал дух умершего Александра III, не было. Зато в других местах почти открыто выказывали радость.

В Виндзорском замке в день свадьбы русского царя был устроен большой банкет, на который было приглашено все высшее общество и русское посольство в полном составе. На нем престарелая королева подняла бокал и провозгласила: «Хочу предложить тост за здоровье их величеств русского императора и императрицы, моих дорогих внучат». Затем Виктория стоя выслушала русский гимн, а по окончании банкета имела любезную беседу с русским послом. Она открыто проявляла расположение к новому правителю России, как бы подчеркивая, что эпоха англо-русских размолвок подходит к концу.

Марии Федоровне было неприятно ощущать новые веяния. Она видела в этом оскорбление памяти умершего монарха. Трудно было не заметить, как быстро становится прошлым все, связанное с правлением ее Саши, как моментально стали переориентировать внимание на новый двор многие сановники и царедворцы, которых царица-вдова переставала интересоваться. Лишь отношение Ники оставалось неизменным. Николай Александрович любил мать, и никогда это светлое сыновнее чувство не омрачали интриги, наветы и недоразумения, которых было немало более чем в 22-летней истории последнего царствования.

Император сохранил все prerogatives и привилегии, принадлежавшие раньше Марии Федоровне: назначение статс-дам и фрейлин, заведование Ведомством учреждений Императрицы Марии (крупнейшее благотворительное ведомство России, занятое призрением больных и бедных, учреждено еще в конце XVIII века женой императора Павла I Марией Федоровной, урожденной принцессой Софией-Доротеей Вюртембергской) и Обществом Красного Креста. На всех же церемониях вдовствующая царица занимала место впереди царствующей. За Марией Федоровной сохранялись все прежние резиденции и двор, содержание которого новый монарх принял на свой счет.

Живя зиму 1894/95 года под одной крышей в Аничковом дворце, встречаясь ежедневно, молодой царь проявлял к матери не только теплые сыновние чувства. Он советовался с ней и по вопросам государственного управления, особенно внимательно прислушиваясь к ее рекомендациям при назначениях на высшие административные посты. Она, конечно же, знала сановный мир лучше, чем он. Другие политические темы с «дорогой Мамá» мало обсуждались, а в скором времени они вообще почти исчезли из разговоров и корреспонденции. Весной 1895 года Мария Федоровна уехала на несколько месяцев к родителям в Данию.

Тем летом произошло недоразумение между сыном и матерью. Николай II впервые отказался удовлетворить ее просьбу. Повод был малозначительный. В Копенгагене к вдовствующей царице сумела попасть княгиня Ольга Лопухина-Демидова (урожденная Столыпина), жена свитского генерала Николая Петровича Лопухина-Демидова. Она рассказала печальную историю своей жизни. Семья оказалась совершенно без средств, имущество заложено, нет денег платить проценты, кругом одни долги, княгине не на что жить и «в пору идти по миру с сумой». Она была так убедительна, так искренне плакала, что сердце Марии Федоровны не выдержало и она написала сыну, прося его помочь несчастной, списать долги и выдать миллионную ссуду из казны.

Император был обескуражен. Он не хотел отказом обидеть «дорогую Мамá», но, с другой стороны, сумма долга была очень значительной (500 тыс. руб.), а выдача ссуды вообще выходила за все рамки возможного. Он написал ответ матери, преподав ей первый в ее жизни урок политэкономии: «Самое большое облегчение, которое ей можно оказать (и то очень много!), — это простить долг; но после этого подарить ей миллион — это сумасшествие, и я, милая Мама, именно зная, как незабвенный Папа относился к такого рода просьбам, никогда на это не соглашусь... Хороши были бы порядки в Государственном Казначействе, если бы я за спиной Витте отдал бы тому миллион, этой два и т. д. Таким способом все то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц царствования дорогого Папа, а именно финансы будут уничтожены в весьма немого лет».

Царь был возмущен поведением просительницы и задал вопрос: могла бы она с подобным ходатайством обратиться к его отцу? Отрицательный ответ был очевиден, и Мария Федоровна это знала. Ее Саша не только бы не сделал никаких послаблений, но мог бы устроить настоящий разнос и ей, и просителям. Она это понимала, но ей так хотелось помочь. Хотя Николай II распорядился погасить долг княжеской четы, чувство неудовле-

творенности у матери осталось. Больше она не обращалась к сыну с подобными просьбами.

Николай II бесконечно почитал отца, память о нем навсегда осталась для него светлой и высокой. Потом нередко думал о том, что бы сказал его «дорогой Папá», как бы оценил его намерения и дела? Он словно вел с умершим заочные беседы, уверенный, что в самые тяжелые минуты отец понял бы его, поддерживал советом, утешил словом. Не раз благодарил Бога, что Папá успел благословить их брак с Аликс. Это такое счастье, что они вдвоем, что вместе, ведь без нее он и не знал, как смог бы выдержать.

Вскоре после женитьбы писал брату Георгию на Кавказ: «День свадьбы был ужасным мучением для нее и меня. Мысль о том, что дорогого беззаветно любимого нашего Папа не было между нами и что ты далек от семьи и совсем один, не покидала меня во время венчания; нужно было напрячь все свои силы, чтобы не разреветься тут в церкви при всех. Теперь все немного успокоилось — жизнь пошла совсем новая для меня. Мне еще не верится, что я женат, так все последние события случились скоро. Я не могу достаточно благодарить Бога за то сокровище, какое он мне послал в виде жены. Я неизмеримо счастлив с моей душкой Аликс и чувствую, что также счастливо доживем мы оба до конца жизни нашей. Но за то Господь дал мне нести и тяжелый крест; надежда на Его помощь и светлый пример незабвенного Папа — помогут мне служить и трудиться на пользу и славу нашей дорогой родины».

Первые годы после воцарения и во внешней и во внутренней политике России ничего существенно не менялось. Большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли при правлении отца, царя-миротворца Александра III. Это известные деятели консервативного толка, сторонники неограниченной монархии: возглавлявший с 1880 года Ведомство Святейшего Синода его обер-прокурор К. П. Победоносцев; издатель правого журнала «Гражданин», неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных поползновений государственной власти князь В. П. Мещерский (внук историка Н. М. Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, военный министр, генерал-от-инфантерии П. С. Ванновский и другие.

В состоявшем почти исключительно из сановно-аристократических персон чванливом «петербургском свете» сначала были убеждены, что царь молод и неопытен, в силу чего ему нужен умный и вполне благонадежный наставник в государственных делах, естественно, из числа тех, кто по праву своего рождения

или служебного положения принадлежал к высшему обществу. В богатых столичных гостиных внимательно следили и заинтересованно обсуждали каждый шаг нового правителя, каждый реальный или намечавшийся «извив» политики. Позднее в этих кругах возобладало мнение: император «слишком слаб», чтобы железной рукой навести порядок в стране, покончить с беспреstandной «революционной смутой», а в своей деятельности руководствуется советами «не тех людей».

Для истории последнего царствования характерна особенность, не присущая предыдущему периоду: фрондирование скептическим отношением ко всем начинаниям власти. Либерализация общей атмосферы в стране, отмирание старых приемов и норм государственного управления постепенно меняли отношение к государственной службе, к особе монарха. Решения царя уже не спешили исполнять даже те, кто был связан клятвой верности. Ее давали при вступлении в должность все государственные служащие, как военные, так и гражданские. Какое бы решение он ни принял по совету одних, оно тут же встречало противодействие и критику других. Воля монарха далеко не всегда превращалась в дело России. Традиционный (самодержавный) монархизм сходил на нет.

После восшествия на престол Николая II быстро стало выясняться, что новый царь, в отличие от предыдущего, не обладает крутым нравом, а нерадивое исполнение его поручений и приказов не чревато немедленной потерей должности, содержания и уж тем более ссылкой. А раз так, то не надо спешить делать порученное дело, можно выжидать, воляничать. Стало возможным распространять немыслимые домыслы о венценосцах, чему не только не препятствовали, но с жадным интересом подхватывали, их охотно распространяли. За сплетни и слухи уже не наказывали плетью, не пытали каленым железом и не ссылали в дальние углы империи (как, например, при столь чтимом отечественными интеллектуалами-европейцами Петре I).

С первых дней воцарения на имя Николая II шел огромный поток писем и телеграмм с выражением верноподданнейших чувств. В некоторых содержались намеки на желательность привлечения представителей общественных кругов к принятию политических решений. Особенно отчетливо это прозвучало в адресе тверского земства, давно являвшегося лидером либеральных устремлений среди органов местного самоуправления. Через три месяца после восшествия на трон новый император решил положить конец этим поползновениям.

17 января 1895 года, принимая в Зимнем дворце представителей от земства и городов, Николай II сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях

ях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель». Император сказал то, что думал, во что искренне верил и в чем не сомневался.

Эта речь произвела сильное впечатление в России. Одни приветствовали «твердое слово государя», другие же, и таких было немало, выражали неудовольствие и даже возмущение. Конечно, открыто свое несогласие не высказывали. Власть еще побаивались, да и условия общественной жизни были таковы, что не имелось возможности критиковать публично действия самого монарха. Но зато в узком кругу, в частных беседах позволяли себе говорить без обиняков.

Гостиные барских особняков, столичные аристократические салоны, отдельные залы фешенебельных ресторанов и дорогих трактиров стали аренами бурных дискуссий. Здесь формировалось то, что издавна в России считалось «общественным мнением». Оно в общем складывалось не в пользу нового монарха. Постепенно оно распространялось на все новые и новые социальные элементы, и к началу XX века критическое отношение к самодержавию и к самодержцу стало признаком «хорошего тона» в кругах так называемого «образованного общества», где пользовались популярностью либеральные идеи. Прослыть «прогрессивным» было довольно легко: надо было лишь постоянно выступать против «деспотизма», «произвола», критикуя и осмеивая все начинания власти. Подобные сетования в первые годы царствования Николая II мало кто слышал. Эти разрушительные голоса зазвучали со всей силой значительно позднее.

Жизнь, начавшаяся у Николая Александровича 20 октября 1894 года, являлась во многом незнакомой и пугающей. Нужно столько всего узнать о делах управления, о вопросах международных! Как только в России появился новый монарх, сразу стали обсуждать, будет ли он следовать прежним курсом на мировой арене. Особо важным пунктом оставался франко-русский союз. За несколько дней до похорон Александра III русским дипломатическим представителям за границей был разослан циркуляр, опубликованный затем и в газете «Правительственный вестник», где говорилось: «Россия ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению». Это служило подтверждением неизменности внешнеполитического курса.

До вступления на престол Николай II не был посвящен во многие подробности дипломатической деятельности, а содержа-

Император Александр II.

**Императрица Мария
Александровна.**

Цесаревич Николай
Александрович («Никс»)
1864 г.

Великий князь Александр
Александрович. 1864 г.

Датская принцесса ►
Дагмар. 1866 г.

**Цесаревич Александр
Александрович и
цесаревна Мария
Федоровна. 1866 г.**

**Великий князь
Николай
Александрович. 1872 г.**

Наследник английского престола Альберт-Эдуард, герцог Уэльский, его супруга Александра и их дети (слева направо): Георг, Альберт-Виктор, Луиза. 1868 г.

Император Александр II на смертном одре. *Март 1881 г.*

Зимний дворец в Петербурге. *Фото начала XX века.*

Император Александр III. Фото конца 80-х гг.

**Цесаревич Николай с
сестрой Ксенией. 1886 г.**

**Цесаревич Николай и
великая княгиня
Елизавета Федоровна в
сценических костюмах
после спектакля
«Евгений Онегин».
1890 г.**

Николай
Александрович
(сидит второй
слева) среди друзей и
родственников на катке
в саду Аничкова
дворца. 1890 г.

Балерина Матильда
Кшесинская. 1892 г.

Цесаревич Николай
Александрович. 1884 г.

На Цейлоне.
Справа налево
сидят: цесаревич
Николай
Александрович,
великий князь
Сергей Михайлович,
великий князь
Александр
Михайлович.
Стоит греческий
принц Георгий. 1891 г.

Цесаревич Николай во время пребывания в Японии. 1891 г.

Греческий принц Георгий по прозвищу «Атлет».

Великий князь
Сергей
Александрович и
великая княгиня
Елизавета
Федоровна. 1892 г.

Гессенские
сестры-принцессы
(слева направо):
Ирэн, Виктория,
Елизавета, Алиса.
Начало 80-х гг.

«Династический съезд». Кобург, Германия. Апрель 1894 г.

Апартаменты в Кобургском замке, где произошло решающее объяснение цесаревича Николая Александровича с Алисой Гессенской.

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Алиса Гессенская после помолвки. Кобург. 1894 г. ►

Николай Александрович в
форме полковника
Преображенского полка. 1893 г.

Цесаревич Николай
Александрович (к р а й н и й
с л е в а) и его невеста Алиса
Гессенская. Дармштадт.
Апрель 1894 г.

ние статей франко-русского союза знал в самой общей форме. Но очень скоро он ознакомился со всеми деталями дипломатических переговоров, а также условиями заключенных Россией соглашений и конвенций. Принимая главу официальной делегации Франции генерала Р. Буадефра, прибывшего на похороны Александра III, царь заверил его, что и во внутренней, и во внешней политике «будет свято продолжать дело отца».

Внешнеполитическая ориентация России не изменилась: союз с Францией и поддержание дружественных связей с другими державами. Особая роль отводилась Германии, экономическая и военная мощь которой росла год от года, а ее международное влияние постоянно усиливалось. Берлин был заинтересован в политическом сближении с Петербургом. Вильгельм II пропагандировал идею необходимости возобновления альянса двух монархий для поддержания равновесия в мире и укрепления консервативных принципов в политике.

Эти сигналы не находили желанного для Германии отклика в России. В начале 1895 года русский МИД отправил послу в Берлине директиву, где говорилось, что в случае попыток кайзера возобновить существовавший ранее политический договор необходимо недвусмысленно дать понять, что Николаю II «не утотно возобновлять какое-либо письменное соглашение», поскольку оно оказалось бы «в некотором противоречии с установившимися отношениями нашими и Франции». Послу предписывалось «поддерживать и развивать самые дружеские отношения лично с Вильгельмом II и Берлинским кабинетом, не поощряя, однако, его стремление к заключению секретного соглашения».

Германский император не был человеком, способным принять очевидное. Многие годы он питал иллюзию, что ему удастся разорвать опасный для Германии союз России и Франции. В этих видах он использовал свою конфиденциальную переписку с «милым Ники», где много раз подвергал Францию уничижительной критике. В октябре 1895 года Николай II получил от кайзера очередное послание, где тот заявлял: «Французская Республика возникла из великой революции, она распространяет и неизбежно должна распространять идеи революции... Ники, поверь моему слову, проклятье Бога навсегда заклеило этот народ! Мы, христианские короли и императоры, имеем лишь один священный долг, возложенный на нас небом, — это поддерживать принцип «Божией милостью». Но страстные призывы импульсивного Вильгельма никак не отражались на русской внешней политике.

Великобритания, находившаяся к концу XIX века в политическом «блистательном одиночестве», тоже проявляла признаки

внимания к России. Приход к власти нового правителя давал возможность изыскать обоюдоприемлемую формулу сосуществования двух империй. Подобная стратегическая цель манила и Россию: во всех отношениях представлялось гораздо более выгодным иметь с Альбионом если уж не дружеские, то хотя бы приемлемые отношения. Королева Виктория, для которой внешняя политика являлась излюбленной сферой внимания, во имя интересов Британии готова была переступить через свои антирусские предубеждения. Династические матримониальные связи, как казалось, открывали для этого большие возможности.

Николай II уважал престарелую королеву, которую так любила Александра Федоровна. Однако родственные симпатии — симпатиями, а интересы государства — прежде всего. В одном из своих первых посланий в Англию «любимый внук» заметил: «Увы! Политика, это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями. Подлинный учитель в этих вещах — история, а передо мной лично, кроме этого, всегда священный пример моего любимого Отца, как и результаты его деяний!» Виктория все это знала как никто. Упоминание же имени умершего царя не могло не воскресить в памяти королевы неприятные минуты и дипломатические неудачи, которые она всегда остро переживала.

Каждое письмо Николая II «дорогой бабушке» полно изъяслений нежных чувств. Но рядом с этим встречаются пассажи уже совсем иного свойства, где звучит голос правителя мировой державы. В октябре 1896 года царь писал: «Что касается Египта, дорогая Бабушка, то это очень серьезный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были свободны и открыты ее кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Египта — это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у когò в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света и обе страны желают реальной независимости канала».

В начале 1899 года царь, обращаясь к Виктории, подчеркнул: «Как Вам известно, дражайшая Бабушка, я теперь стремлюсь только к возможно более длительному миру во всем мире, это ясно доказали последние события в Китае — я имею в виду новое соглашение о постройке железной дороги. Все, чего хочет Россия, — чтобы ее оставили в покое и дали развивать свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской дер-

жавы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий».

Осенью 1899 года, когда развернулась жестокая война Англии против буров, за овладение всей южной частью Африканского континента, царь, гостивший в то время с женой в Гессене, писал британскому монарху: «Не могу высказать Вам, как много я думаю о Вас, как Вас должна расстраивать война в Трансваале и ужасные потери, которые уже понесли Ваши войска. Дай Бог, чтобы это скоро кончилось». Николай II, конечно же, не сообщил «дражайшей бабушке», что его симпатии были целиком на стороне буров. Им же сочувствовала и любимая внучка королевы Алиса.

Зато в письме сестре Ксении от 21 октября 1899 года император писал без обиняков: «Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне *приятно сознание*, что *только в моих руках* находятся средства в конец изменить ход войны в Африке. Средство это — отдать приказ по телеграфу всем Туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте. Но время для этого еще не пристало». Английская королева и не подозревала, что «милому внуку» могут прийти в голову подобные антибританские идеи. Она искренне верила, что он мягче и покладистее своего отца.

Когда Николай II писал королеве Виктории «о стремлении к длительному миру», это не было с его стороны пустой фразой. Император первые годы серьезно размышлял о путях и средствах решения двух взаимосвязанных проблем: сокращения военной угрозы и сбережения государственных ресурсов. Царь выступил с международной политической инициативой, о которой обычно мало говорили, а то и вообще умалчивали — созвать международную конференцию для обуздания гонки вооружений.

Эта идея несколько месяцев обсуждалась в дипломатическом ведомстве России, а 12 августа 1898 года представителям иностранных держав в Петербурге была вручена нота министра иностранных дел России. В ней излагалась точка зрения царского правительства на мировую гонку вооружений, признавалась ее порочность для финансового благополучия отдельных стран и констатировалась угроза мировому спокойствию. В документе говорилось: «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелел мне обратить-

ся к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века». Россия предлагала конкретные шаги: неувеличение в течение нескольких лет личного и материального состава вооружений; установление процентного соотношения между численностью армии и численностью населения, а также между военными расходами и бюджетом каждой страны; сокращения рекрутского набора уже в 1899 году и другие.

Антимилитаристский призыв из России прозвучал тогда, когда ведущие мировые державы или уже реализовали обширные военные программы, или готовились к тому. В силу этого реакция Берлина, Лондона, Вены, Парижа, Вашингтона и Токио оказалась, мягко говоря, более чем сдержанной. Естественно, никто не мог решиться сразу отбросить подобные предложения, отвечавшие чаяниям и мечтам многих и многих. Но энтузиазма не наблюдалось. В правительственных кругах европейских стран отнеслись к призыву России критически, расценивая его как «несвоевременную акцию».

Однако известный результат русская инициатива имела. В начале лета 1899 года в голландском городе Гааге, под председательством русского посла в Лондоне барона Е. Е. Стааля, состоялась первая международная конференция полномочных представителей двадцати семи стран. На ней были приняты важные международные правовые нормы, касающиеся важнейших вопросов войны и мира: декларации о мирном разрешении военных споров; о законах и обычаях сухопутной войны и о ведении морской войны. В соответствии с решениями конференции был учрежден Международный суд в Гааге (действующий и поныне под эгидой ООН), ставший международной арбитражной инстанцией в разрешении межгосударственных спорных ситуаций.

Однако каких-либо существенных изменений в безудержную военную гонку акция России не внесла. К ней отнеслись критически не только руководители иностранных держав, но и многие подданные царя в самой империи двуглавого орла. Среди «либеральной публики» мало кто верил, что данная мера продиктована доброй волей верховного правителя, который, согласно всем модным представлениям, должен был олицетворять лишь «реакцию» и «империализм». Отчуждение от власти той части общества, кого было принято называть «образованными слоями», проявлялось уже вполне отчетливо. Однако этот внутренний социальный разлом со стороны был еще трудноразличим, и в международном ландшафте империя царей представлялась мощным монолитом.

К началу XX века позиции России на мировой арене были прочны и общепризнаны. У нее была самая большая армия в мире (около 900 тысяч человек), третий в мире флот (после Англии и Франции). Хотя вооруженные силы России уступали ведущим мировым странам по уровню военно-технического оснащения, с конца прошлого века этот разрыв начал стремительно сокращаться. Противоречия между Россией и европейскими державами на Балканах, в Турции (старая и большая проблема черноморских проливов), в Средней Азии и на Дальнем Востоке сохранялись и порой приводили к острым конфронтациям в различных географических пунктах, но до военного столкновения дело не доходило.

России боялись и с ней считались. Случившаяся в самом начале XX века русско-японская война и последующие социальные волнения в Российской империи сильно поколебали эти представления. Некоторые политические лидеры, например, германский император Вильгельм II, буквально начали воспринимать Россию как «колосса на глиняных ногах». Это было опасное заблуждение, неблагоприятно повлиявшее на развитие последующих событий в мире.

Глава 11

ЛЮБОВЬ АЛИКС

14 ноября 1894 года в церкви Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце венчался император Николай II Александрович и благоверная великая княгиня Александра Федоровна, ставшая в тот день императрицей. Последней в истории России.

С ранних лет она искала искренности и простоты, безусловно верила в истинную, высшую справедливость, стремилась пройти земной путь смиренно, честно, добродетельно и без лукавства. Но на страницах исторических летописей ее образ запечатлен почти исключительно в мрачных тонах. Ее дела, помыслы и поступки не вызывали ни понимания, ни снисхождения. Царице уверенно приписывали то, о чем она никогда и не помышляла, обвиняли в том, что было чуждо ее натуре. Она жила не понятой и не принятой.

Даже после смерти Александры Федоровны имя ее сочувствия не вызывало: ей в памяти потомков отводилась роль нелицеприятная, роль «злого гения» династии и империи. Она играла свою историческую партию в стране, где у нее не могло быть иной судьбы. Она не знала, что так будет, но, если бы и знала,

вряд ли бы пошла иным путем. Последняя царица не умела выбирать удобную дорогу, была не способна «сыграть жизнь». Но ни одного дня своего земного бытия она не сомневалась, что все решает Господь Бог, и коль Он уготовил тяжелый земной удел, изменить того никто не в силах.

Ее связь с Россией стала нерасторжимой в Кобурге, 8 апреля 1894 года, когда Аликс дала согласие стать женой любимого беспредельно цесаревича Николая. Тогда и потом много размышляли над тем: почему же Алиса Гессенская так долго отвергала предложение? Некоторые считали это капризом, другие — самодурством, третьи уверенно говорили о том, что принцесса, «кривляясь», старалась «набить цену». Но все эти объяснения не подходят; они не отражают душевного облика, характера последней царицы. Прагматические расчеты, эгоистические устремления, тонкие интриги — это не ее арсенал средств, и к подобному она никогда не прибегала. Это была искренняя и добропорядочная натура. Как женщина и как мать Алиса-Александра проявляла себя безукоризненно.

Перед глазами же публики она представала в первую очередь как императрица, обязанная «играть по правилам», не ею избранным, должна была приспособливаться и участвовать в неинтересных ей церемониях, любезничать с неприятными людьми, лицемерить. Подобное насилие над собой всегда выносила с трудом и нередко переступала через устоявшиеся «нормы поведения». Такого не прощали и не забывали. Ей всегда в обществе не хватало куртуазности, тонкого мастерства «светскости», которым в совершенстве владела ее свекровь, императрица Мария Федоровна.

На свой счет Александра Федоровна не заблуждалась. Уже будучи императрицей, призналась в письме фрейлине Марии Барятинской: «Я не могу блистать в обществе, я не обладаю ни легкостью, ни остроумием, столь необходимыми для этого. Я люблю духовное содержание жизни, и это притягивает меня с огромной силой. Думаю, что я представляю тип проповедника. Я хочу помогать другим в жизни, помогать им бороться и нести свой крест». Но с первых шагов пребывания в России ей нужно было помогать нести свой крест самой себе.

Немецкие принцессы, выходя замуж за членов Дома Романовых, могли сохранять свою преданность фамильной конфессии. Например, Мария Мекленбург-Шверинская (в России — великая княгиня Мария Павловна), став в 1874 году женою третьего сына Александра II — Владимира, лишь в 1908 году приняла православие. Сестра последней царицы, великая княгиня Елизавета Федоровна, только в 1891 году, после семи лет замужества с великим князем Сергеем Александровичем, приня-

ла религию своей новой родины. Несколько десятилетий оставалась вне православия жена великого князя Константина Константиновича Елизавета Саксен-Альтенбургская (в России — великая княгиня Елизавета Маврикиевна). Перемена веры считалась личным и сугубо добровольным делом.

Однако у жены наследника русского престола, а уж тем более у императрицы, права выбора не было. Принадлежность к государственной религии — православию считалась обязательной. Это непререкаемая традиция, свято соблюдаемая на протяжении столетий существования монархии. Несомненно, что природное упрямство и незыблемость убеждений Алисы Гессенской не позволяли легко изменить религиозные привязанности.

Принцесса долго мучилась, колебалась и переживала, когда выяснилось, что для соединения с любимым необходимо изменить клятве верности, данной при конфирмации, и отречься от лютеранской веры. При стойкости ее убеждений подобное сделать было очень нелегко. Объясняя собственное упорство, именно это обстоятельство всегда и приводила. Но есть основания полагать, что существовала и еще одна тайная причина, о чем она боялась говорить, но которая многое объясняет. Причина эта была медицинского свойства.

Алиса знала, что ей надлежит не только соединить свою жизнь с жизнью Ники, не только в будущем стать царицей в огромной империи, но и исполнить свой первый и важнейший долг — дать продолжение императорскому роду, подарить мужу и России наследника престола. И здесь возникало опасение, связанное со страшной болезнью — гемофилией (несвертываемостью крови). Недуг передавался по женской линии, но лишь представителям мужского пола. Гемофилия считалась (и до сих пор считается) неизлечимой, но особенно опасной бывает в первые 15—20 лет жизни. У страдающего гемофилией человека любой ушиб, царапина, кашель, удаление зуба и какая-нибудь иная жизненная ситуация, связанная с кровотечением, может привести к летальному исходу.

Происхождение недуга было неясным, проявления его являлись неожиданными, и каждый приступ мог стать роковым. Эту болезнь крови, вызываемую загадочными генетическими мутациями и особо распространенную в высшем свете, иногда называли «болезнью королей». По непонятной причине она проявлялась у королев Виктории, прямые потомки которой стали ее носителями. Восьмой ребенок королев Виктории, ее четвертый сын Леопольд, родившийся в 1853 году, оказался гемофиликом. Мать была потрясена, когда о том узнала. Он скончался в 1884 году, в возрасте 31 года, и королева горько переживала. Матри-

мониальные связи привели к тому, что от английской королевы, через ее дочерей и внуков, гемофилия перешла к монархическим домам Испании, России, Германии.

Когда умер дядя Алисы, принц Леопольд, принцессе исполнилось двенадцать лет. Но еще раньше, в 1873 году, от этой болезни погиб ее старший брат, трехлетний Фридрих. Хотя она сама того не помнила, но, повзрослев, слышала рассказы о мучениях маленького Фритти. Потом, уже в девические лета, узнала, что сыновья ее старшей сестры Ирэны, вышедшей замуж за принца Генриха Прусского в 1888 году, — гемофилики.

Мимо сознания Алисы не могли пройти подобные вещи. Всю жизнь она трепетно относилась к несчастьям, трагическим случаям и предзнаменованиям. Загадочная болезнь, в которой некоторые видели Божью кару за несправедливую жизнь, беспокоила внука королевы Виктории. Известно, что она читала труды австрийского естествоиспытателя Менделя, где анализировались важнейшие факторы наследственности. Она боялась. Боялась, что ей выпадет эта жуткая участь — произвести на свет мальчика-гемофилика. Эти страхи в неменьшей степени, чем перемена христианской конфессии, заставляли упорно говорить «нет» на предложение брака из России.

Если бы не полюбила цесаревича Николая так пламенно, так страстно и глубоко, никогда бы не согласилась. Но зов сердца победил потаенные опасения и страхи. Она дала согласие, в конце концов уверившись, что, раз все этого желают, значит, не грех, значит, так угодно Господу. Ведь любовь, искренняя и настоящая, в том не сомневалась, — дар Божий. Это как жизнь, как смерть. Этого нельзя отринуть, нельзя избежать, это надлежит смиренно и благодарственно принимать. Она приняла, став по-настоящему счастливой, как никогда уже не была с самого детства. «Да, воистину, любовь высшее земное благо, и жаль того, кто ее не знает», — написала в одном из писем своему жениху.

Знала, что сама любима, любима честным и преданным человеком, и думала только об одном: что сделать, как вести себя, чтобы быть достойной высокого, святого чувства. После помолвки она провела с Ники незабываемые двенадцать дней. Они были такими радостными. Тяжелая ноша спала с души. Цесаревич был просто поражен. Он и не предполагал, что его милая может быть такой веселой, так заразительно смеяться, что делало ее еще красивей, еще желанней. В том весеннем месяце они много фотографировались.

Самая примечательная фотография была сделана в Кобурге 9 апреля, когда у дверей замка фотограф запечатлел тридцать человек. Это удивительный документ эпохи. Аналогов ему про-

сто нет. В центре — с неизменной тростью королева Виктория со своей старшей дочерью, вдовствующей германской императрицей Викторией-Фредерикой и сыном последней, своим внуком, германским императором Вильгельмом II. А дальше — другие именитые со всей Европы: князья, герцоги, принцы и принцессы. Здесь запечатлены и цесаревич со своей невестой Алисой (по-английски имя ее звучало как «Алиис», а по-немецки «Аликс»). Он в строгом темном сюртуке с котелком на голове, она — в светлом платье, поверх которого накинуто длинное меховое боа, в маленькой шляпке, с букетом фиалок на тулье.

Те дни для жениха и невесты пронеслись быстро. Утром непременно пили кофе у королевы Виктории, днем ездили кататься. Только на прогулках удавалось остаться вдвоем, да порой вечером могли посидеть час-другой без посторонних. Все же остальное время кругом были люди, бесконечные встречи, завтраки и обеды в присутствии десятков лиц; они получали множество поздравительных телеграмм, на которые непременно следовало ответить. Вечерами — концерты и спектакли. На два дня уехали в Дармштадт, где их радушно встречали Эрни и Даки. Николай внимательно осматривал комнаты Аликс во дворце. Ему здесь все было интересно. Невеста их сама показывала. Повезла на могилы своих родителей, со слезами рассказала, как они умирали. Каждый день лишь укреплял их взаимную любовь, и уж ни он, ни она и представить не могли, как бы жили друг без друга.

Через две недели после помолвки невеста призналась в письме Николаю Александровичу: «Я никогда не забуду этих первых дней, и какая гадкая я была с тобой; прости меня, мой дорогой. Если бы ты только знал, как я тебя обожаю, а годы только укрепили и углубили мою любовь; я бы только хотела быть достойной твоей любви и нежности. Ты *слишком* хорош для меня».

Сестре цесаревича великой княжне Ксении Александровне писала из Кобурга: «Осталось только 2 дня, а потом мы расстаемся. Я чувствую себя несчастной при мысли об этом — но чего не вылечишь, надо вытерпеть. Тебе можно позавидовать, ведь ты видишь Сандро каждый день, а я не увижу моего Ники более месяца. Не могу описать моего счастья — оно так велико, и я могу лишь на коленях благодарить Бога за то, что он меня вот так наставил. А какой ангел милый Мальчик — как рады вы будете, когда он к вам вернется».

20 апреля наступил день прощания. Он уезжал в Россию, а она в Дармштадт, а оттуда к бабушке в Англию. Все дни обсуждали срок свадьбы: цесаревич хотел устроить ее как можно скорее, желательно уже осенью, а Аликс, напротив, считала, что не

надо спешить, что она должна еще серьезно подготовиться к жизни в России. Следовало изучить православные каноны, узнать законы и традиции далекой страны, хоть в самой общей форме овладеть языком. Но последнее слово здесь оставалось за императором и императрицей. Договорились: вернувшись домой, Ники сразу же все выяснит и ей сообщит. Обещал, что как только представится случай и закончатся военные учения, непременно приедет к ней в Англию, «наверное, в июне». Когда наступила последняя минута — не плакали: предстоящая разлука, хоть и была неприятной, виделась непродолжительной. На следующей день, в вагоне поезда, цесаревич записал: «Как ни грустно теперь не видется, все же при мысли о том, что случилось, невольно сердце радуется и обращается с благодарною молитвою к Господу!»

В апреле 1894 года началась переписка Николая Александровича и Александры Федоровны, тогда еще лишь Алисы. Она длилась 23 года и донесла до потомков мысли, чувства, боль и радость жизни этих людей, их земные заботы, надежды и печали, их живые голоса. Всегда друг перед другом были абсолютно откровенны, никогда не лукавили, думали и воспринимали мир в одних цветах, хотя у Александры Федоровны и преобладали более темные тона. В одном из первых писем гессенская принцесса заметила: «Я такая же, как ты, я тоже стесняюсь выражать мои чувства, и мне хотелось так много тебе сказать и о стольком спросить, но я не посмела. Нам придется побороть эту слабость, как ты думаешь?» С годами они стали понимать друг друга с полуслова без всяких недомолвок. При этом каждый оставался самим собой, и их человеческие индивидуальности в полной мере отразили сохранившиеся послания. Став мужем и женой, они редко расставались: лишь с началом первой мировой войны начались их длительные разлуки. Поэтому и основной массив этих документов отражает главным образом досвадебный и военный периоды их жизни.

В 1922 году в Берлине была опубликована часть этой корреспонденции, нелегально вывезенная из России и охватывавшая последние годы царствования, вызывавшие особый интерес. И сразу же в кругах эмиграции разгорелась полемика: насколько этично «заглядывать в замочную скважину» для установления исторической истины. Писатель Александр Куприн писал: «Не знаю, да и не хочу знать, каким путем были украдены (другого глагола нет) письма Государыни Александры Федоровны к императору Николаю II, где их переписывали, на каких условиях их продали за границу и кто их печатал. Знаю только, что это было темное и подлое дело, но совсем не удивляюсь». В свою очередь, Зинаида Гиппиус считала, что без этих писем «не знали

бы мы правды, отныне твердой и неоспоримой, об этой женщине... Не знали бы с потрясающей, неумолимой точностью, как послужила она своему страшному времени. А нам надо знать. Эта правда ей не принадлежит». С последним утверждением «неистойой Зинаиды» нельзя не согласиться.

В то же время трудно без смущения читать такие строки Александры Федоровны из ее писем мужу: «Благословляю тебя, целую твое дорогое лицо, милую шею и дорогие любимые ручки со всем пылом горячо любящего сердца»; «О, если бы у меня были крылья, чтобы прилетать каждый вечер к тебе и радовать тебя моей любовью! Жажду обнять тебя, осыпать поцелуями и почувствовать, что ты мой собственный». Интимными чувствами пронизаны и многие послания Николая. «Как мне благодарить тебя за два твоих милых письма и за ландыши? Я прижимаюсь к ним носом и часто целую — мне кажется, те места, которых касались твои милые губы...»; «Дорогая моя, я тоскую по тебе, по твоим поцелуям и ласкам!»

В середине двадцатых годов в нашей стране было опубликовано три обширных тома переписки царя и царицы, охватывающих последние три года его правления. Самое характерное в этих документах: безграничная, всепоглощающая любовь женщины к мужчине. О глубине и масштабе этих чувств мало кто подозревал в то время. Эта сфера была исключительно внутренним делом, их частной жизнью, неприкосновенность которой они оба так тщательно охраняли, но уберечь не смогли.

Первое свое письмо любимому Алиса написала еще 20 апреля 1894 года, в день расставания. Она напомнила ему о своем самом важном, о чем до того не раз говорили. «Ах, как тяжело расставаться на такой долгий срок, но ты будешь часто писать, не правда ли? Это меня хоть немножко утешит, но как мне будет недоставать твоих поцелуев, дорогой мой!!! Как радостны были эти дни, и еще и еще благодарю тебя за всю твою доброту и любовь. Обладание такой любовью — поистине дар небес. Не забудь поговорить с твоим Отцом, о чем я просила, т. е. о том, чтобы мне не пришлось «клятвенно отречься» от моего прежнего вероисповедания. Дорогой мой, ты мне поможешь, не правда ли? Ведь ты знаешь, что будет тяжело, но с Божьей помощью я научусь любить твою религию и постараюсь быть лучшей христианкой, а имя около себя тебя — все будет легче».

Сообщала в письмах о разном, но всегда и неизменно о главном: о своей любви. «О, как я хотела бы прижать тебя к моему сердцу и поцеловать твою голову, дорогой мой, милый! Я так одинока без тебя. Да благословит и да сохранит тебя Бог, дорогой мой, и да ниспошлет Он тебе безмятежный и сладкий сон». «Такое счастье быть любимой — опять начинаешь верить в

жизнь. Только бы ты не разочаровался в сове, ты должен ее учить, чтобы она была умная, как ты».

В Дармштадте Алиса провела всего один день и прибыла в Виндзорский замок уже 4 мая. Здесь ей было хорошо, дорогая бабушка была рядом. Но с ней видаться удавалось нечасто: она очень была занята. Много работала, днем отдыхала, а вечером непременно собиралось общество приближенных и родственников. Внучке же так хотелось поговорить с ней подробно обо всем: о своих чувствах, о мучивших страхах, смутных надеждах. Но у королевы совсем не было времени. Она высказывала не раз свою радость по поводу будущего брака Аликс и относилась к ней теперь особенно ласково. Гессенская принцесса чувствовала это. С грустью думала, что скоро покинет Англию, этот свой второй дом, а как часто сможет сюда наведываться, того не знала.

Через четыре дня по приезде писала цесаревичу: «Бабушка сегодня плохо ходит, и это ее, бедную, очень угнетает. Милый мой, ты ведь будешь иногда получать отпуск, чтобы мы могли навещать ее; кто знает, долго ли она проживет среди нас, и она так огорчается при мысли о том, что я буду так далеко, тем более, что мы все постоянно бывали здесь и она была для нас второй матерью и смотрела на нас больше как на своих детей, чем как на внучат. Мне страшно думать, что с ней что-нибудь может случиться; ведь тогда вся семья распадется — не будет главы; вокруг которого все собирались! Дай Бог, чтобы она сохранилась на многие годы для нас».

Королева Виктория проживет еще почти семь лет, но любимица, внучка Алиса, после 1894 года сможет лишь один раз навестить ее. В сентябре 1896 года Николай II, Александра Федоровна и их первенец — дочь Ольга погостят несколько дней у старой королевы в замке Бальморал в Шотландии. В январе 1901 года, когда патриарх европейских монархов скончается, Александра Федоровна не сможет поехать на похороны, будет горевать и плакать в России. Воспоминание о бабушке всегда будет вызывать слезы.

Послания Александры Федоровны очень исповедальны; здесь и признания в любви, и размышления о жизни, смерти, о мире. Она всегда так писала; это существовало в душе нераздельно. Той весной в Греции произошло страшное землетрясение, было много разрушений и человеческих жертв. Ее кузина София (жена наследника греческого престола Константина, урожденная прусская принцесса) прислала письмо с описанием подробностей. Аликс несколько дней не могла успокоиться. «Нет, это слишком ужасно, слов нет, чтобы это выразить, как они жили в постоянном страхе быть распыленными в атомы.

Это будто наказание за великий грех — это непонятно, — но Бог знает, за что он ниспослал на них такое бедствие, хотя оно и кажется нам жестоким. Сколько горя в жизни и сколько испытаний, и как трудно перенести их терпеливо, а с другой стороны, дорогой мой, мы недостаточно благодарны за все те радости, которые нам дает жизнь. Я уверена, что эти пять лет были полезны для нас обоих. Знаю, что они заставили думать о Боге гораздо больше, чем прежде. Страдания нас приближают к Богу, не так ли? А когда думаешь о том, что Иисус Христос перенес ради нас, наши горести кажутся ничтожными, а мы жалуемся и ропщем и не терпим, как Он терпел».

Молодая, впечатлительная принцесса не знала того, что грядет. Не ведала, что самые страшные испытания в будущем выпадут не кому-то, а именно ей, желавшей жить праведно, смиренно, в соответствии с волей Всевышнего. Именно она окажется в эпицентре грандиозных исторических событий, в водовороте таких политических страстей, такой ненависти и безысходности, что все другие примеры и случаи из жизни, которые знала, померкнут перед собственной участью. Но это все случится потом, в «другом веке», а пока на душе лишь радость и надежда. Она любит и сама любима. Тем летом мир и жизнь для нее являлись особо прекрасными. Летом 1894 года записала: «Поскольку прошлое миновало и никогда не вернется, а будущего мы не знаем, лишь настоящее можно назвать нашей собственностью».

Она хотела умно распорядиться этим своим достоянием. Горела желанием немедленно начать приобщаться к истории и религии своей будущей родины. Особо важным являлся вопрос о языке. Алиса в совершенстве владела немецким и английским. На последнем они почти все время общались с Ники. Французский знала хуже и в разговоре делала ошибки. Понимая, что в России язык Вольтера, Бальзака и Гюго широко распространен в высшем свете, старалась самостоятельно совершенствоваться в нем. Но главное — усвоить русский язык. Сестра Элла в Кобурге пообещала, что сразу же пришлет к ней свою учительницу русского языка Екатерину Шнейдер. Недели шли, а она все никак не приезжала. Алиса несколько раз спрашивала в письмах жениха, «куда подевалась дамочка». Долго не было и священника: ректор Петербургской духовной академии и духовник царской семьи отец Иоанн Янышев прибыл к ней лишь в середине лета. Пока же читала книги о России, о православии, которые оставил ей муж сестры Эллы Сергей.

Постоянно думала о том, как сложится ее жизнь в далекой и непонятной пока еще стране. Своими соображениями и опасениями делилась с Ники. «Дорогой мой, если бы ты был всегда около меня, ты бы помогал мне и направлял меня на путь исти-

ны. Я не стою тебя, я знаю, что мне еще надо многому научиться, потому повторяю — отложим пока нашу свадьбу, хоть разлука и тяжела, но лучше не спешить. Подумай хотя бы о религиозном вопросе, — ты не сможешь ожидать, чтобы я все поняла сразу, а знать что-либо наполовину нехорошо; я должна хоть немножко знать язык, чтобы быть в состоянии хоть немного следить за службами».

Ее волновал и другой вопрос: как сложатся отношения с родителями Ники. Она хотела, чтобы здесь была полная определенность. 4 мая (22 апреля) писала из Виндзора: «Хорошо представила себе твой восторг по прибытии домой; какое счастье целовать родителей и получить их благословение! Хорошо тому, кто не сирота. Как мило со стороны твоей матери, что она попросила меня не называть ее больше тетей. Я с радостью буду их называть Отцом и Матерью, но говорить Папа и Мама еще не могу пока решиться; это мне слишком живо напоминает прошлое, и опять пробуждается тоска по дорогим моим. Но твои Родители всегда будут моими, и я буду их любить и уважать».

Наконец 3 (15) июня в Англию приехал цесаревич. Почти шесть недель были вместе, разлучившись за это время лишь на два дня. Гостили у старшей сестры Аликс Виктории в ее поместье Уолтон-на-Темзе, но большую часть времени — у королевы в ее резиденциях: Виндзорском замке и в Осборне, на острове Уайт. Жених преподнес свои подарки: кольцо с розовой жемчужиной, ожерелье из розового жемчуга, браслет-цепочку с крупным изумрудом и бриллиантовую брошь с сапфиром. Самое сильное впечатление произвел дар императора и императрицы — массивное жемчужное ожерелье, сделанное специально к этому случаю известным петербургским ювелиром Фаберже. Все родственники с интересом рассматривали великолепные драгоценности, а кузен Алисы Джорджи и его жена Мэй, узнав, что только ожерелье оценивается почти в 25 тысяч фунтов стерлингов, не могли скрыть своей зависти. Ведь это — целое состояние!

Николай и Аликс много времени проводили вдвоем. Королева была так любезна, что разрешила им уединяться без сопровождающих. Они уезжали или уходили в дальние уголки великолепных английских парков, говорили и целовались снова и снова. Погода была жаркая, кругом все благоухало. Позднее Александра Федоровна скажет, что то были «райские дни». Цесаревич показал невесте свой дневник, рассказал его историю. Алиса с трепетом перелистывала страницы, исписанные аккуратным, убористым почерком, и, хотя ничего не могла понять, трепетала, ибо чувствовала — перед ней была жизнь ее любимого, о которой она хотела знать все. Она попросила разрешения писать иногда там от себя, и он с радостью согласился. «С безза-

ветной преданностью, которую мне трудно выразить словами», — вписала 21 июня. Ники умилился и заметил, что его «глубоко трогают» эти слова.

Тем летом она многое узнала. Из России к ней пришло какое-то странное послание без подписи, содержавшее гадости о Ники. Она после первых строк и читать дальше не стала. Но любимого спросила. Он сразу же понял, что это — Малечка. Вечером 7 июля в Осборне жених поведал невесте о своем романе с балериной, рассказал все, ничего не утаил. Она была вначале ошарашена, но, видя, как ему больно и стыдно за ту свою слабость, простила его сразу же и никогда ни одного упрека в дальнейшем не высказала.

На страницах дневника цесаревича 8 июля 1894 года запечатлела свои мысли и чувства: «Мой дорогой мальчик, никогда не меняющийся, всегда преданный. Верь и полагайся на свою девочку, которая не в силах выразить словами своей глубокой и преданной любви к тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить любовь мою, восхищение и уважение — что прошло, прошло и никогда не вернется, и мы можем спокойно оглянуться назад — мы все на этом свете поддаемся искушениям, и в юности бывает трудно бороться и противостоять им, но как только мы раскаяваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас... Господь прощает кающихся. Прости, что я так много пишу, мне хотелось бы, чтобы ты был во мне вполне уверен и знал, что я люблю тебя еще больше после того, что ты мне рассказал. Твое доверие меня глубоко тронуло, и я молю Господа быть всегда его достойной. Да благословит тебя Господь, бесценный Ники».

Ей временами казалось, что она значительно старше, сильнее своего суженого, которого поджидают опасности со всех сторон. Так хотелось обогреть, утешить лаской, сказать то, что доставит ему покой и радость. И она делала все, что могла. Но не всегда с любимым соглашалась. За время «английских каникул» русского престолонаследника один вопрос, о свадьбе, так и не был решен. Царь и царица считали, что здесь не надо спешить. Пусть молодые сами решают. Сходной была и позиция королевы Виктории. Аликс же оставалась тверда в убеждении, что пока еще рано назначать точную дату, хотя по-человечески готова была просто бежать к алтарю. Сдерживалась, убеждала Ники подождать. Он согласился.

10 июля наступил их последний день. Они весь вечер провели вдвоем, говорили, целовались, молчали. Она ему поиграла на фортепьяно некоторые вещи своего любимого Грига. Он тоже пытался исполнить что-то, но плохо получилось. Перед сном она записала в его дневнике: «Всегда верная и любящая, предан-

ная, чистая и сильная, как смерть». Всей своей последующей жизнью она доказала это.

Они расстались. Он поехал в Россию, чтобы несколько месяцев находиться при умирающем отце, а она вскоре из Англии уехала в Дармштадт, где много занималась русским языком, изучала православие и переживала за жениха. Писали друг другу почти ежедневно. 26 августа Николай Александрович сообщил сестре Ксении из Беловежа: «Наша переписка в полном разгаре — это меня только и поддерживает во время разлуки; мы уже дожили до 93 номера в письмах». В середине октября (в России было пятое число, а в Германии — 17-е) Аликс получила телеграмму от Ники, где тот, ссылаясь на просьбу отца, просил ее немедленно прибыть в Ливадию. Бросив все дела, она устремилась туда, чувствуя сердцем, что надо спешить. И не ошиблась. Она оказалась у одра умирающего императора. Ники был расстроен, но встретил невесту с восторгом. Она была счастлива.

В те ливадийские дни и в последующие, когда перевозили тело усопшего в Петербург, Аликс, ставшая уже Александрой Федоровной, оказалась в центре драматических событий. Ничего подобного в ее жизни еще не случалось. Нет, сама она ничего не решала и к ней мало кто обращался, но вот Ники стал главным объектом тяжелых испытаний. Чуткая и эмоциональная, сразу же заметила, что вокруг столько лжи и нераспорядительности. За каждой мелочью бежали к царю, а затем, получив его указание, не спешили исполнять.

Как же так можно, неужели люди не понимают, что таким путем во всяком деле можно лишь навредить. А тем более в таком, как управление государством. Она уже знала много из русской истории и не сомневалась, что в России надо править жесткой и властной рукой. Ее же возлюбленный такой деликатный, добросердечный, и она ощущала, что его с первого дня опутывают интригами. 15 октября записала в дневнике Ники: «Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому, Гиршу, приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать... Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты». Это наставление она потом будет бесчисленное количество раз повторять супругу устно и письменно.

Последнюю царицу не любили. С первого дня «каждое лыко» ставили «в строку». Амбициозный министр финансов Сергей Витте, увидев ее первый раз, нашел, что она красива, но успел разглядеть «нечто сердитое в складке губ». Генералыша

Александра Богданович, наслушавшись разговоров сановников, записала в дневнике: «Новую царицу не хвалят, находят, что у нее злое выражение лица и смотрит она исподлобья», а Зинаида Гиппиус уже в эмиграции заметила: «Царица никому не нравилась и тогда давно, когда была юною невестой наследника. Не нравилось ее острое лицо, красивое, но злое и унылое, с тонкими, поджатыми губами, не нравилась немецкая угловатая ростость».

Александра Федоровна, с детства испытав и многократно пережив одиночество и нелюбовь окружающих, встретив подобное отношение в России, о чем она быстро узнала, отнеслась к нему с чувством пренебрежительного безразличия. Почти до самого конца не стремилась ничего изменить. Выполняя многочисленные церемониально-династические обязанности, она смотрела на окружающий придворно-аристократический мир с холодным отчуждением, прекрасно сознавая всю фальшь и враждебность его. Дорогой Ники заполнял ее жизнь, и она старалась поддержать и утешить этого человека, несшего тяжелое бремя исторической ответственности. Уже через несколько месяцев после замужества царица писала своей немецкой приятельнице: «Я чувствую, что все, кто окружает моего мужа, неискренни, и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России. Все служат ему из-за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что мой муж очень молод и неопытен, чем все пользуются».

Не складывались теплые отношения и со свекровью, императрицей Марией Федоровной. Две царицы и один царь. Две женщины и один мужчина. Сама судьба должна была создать внутреннее напряжение, которое неизбежно и возникало. Они так не походили друг на друга. Старая царица — милая, обходительная, умеющая нравиться, знавшая назубок правила поведения во всех ситуациях и почти никогда не пренебрегавшая своими венценосными обязанностями. Александра Федоровна во многом являла прямую противоположность: замкнутая, даже нелюдимая, мало склонная завоевывать популярность, не желавшая знать и видеть тех, кто не отвечал ее представлениям о благонадежности и добропорядочности. Мария Федоровна считала, что Алиса, при всей своей внешней красоте, лишена того, что всегда ценила в людях: душевной экспрессии. Конечно, она не подозревала, что ее невестка походит на потухший с виду вулкан, что у нее внутри пылает пламя безбрежных чувств, беспошадный огонь, сжигавший и ее, и все вокруг.

Нельзя сказать, чтобы Мария Федоровна не любила Александру Федоровну. Нет, нелюбви не было. Но не было и душевного расположения. По отношению к себе она его тоже не ощу-

шала. Отношение свекрови к невестке эволюционировало. Сначала было безразличие, потом ласковая снисходительность, сменявшаяся сожалением и сочувствием к сыну, к Александре Федоровне и ко всем, кто оказался заложником драматических коллизий последнего царствования. Она видела, что Ники любит Аликс, и это было самое главное. Своим чувствам здесь она не придавала особого значения. Но самолюбие нередко уязвлялось.

Вот, например, поздней осенью 1900 года, когда Николай II серьезно заболел брюшным тифом в Ливадии. Мать тогда находилась в Дании, но, получив известие, сильно обеспокоилась. Немедленно в Крым из Копенгагена полетели телеграммы, где настоятельно рекомендовалось выписать врачей из Европы и содержалась просьба сообщить, когда ей приехать. Но Аликс сделала все по-своему. Она лишь сухо поблагодарила, но приглашения не последовало. Эта холодная деликатность была оскорбительна, но Мария Федоровна не нагнетала страсти.

Нет, формально Александра Федоровна вела себя безукоризненно: она писала свекрови письма, наносила ей визиты, передавала приветы, непременно поздравляла с праздниками, не роптала, когда шла сзади нее на торжественных церемониях. Но Мария Федоровна чем дальше, тем больше убеждалась, что невестке она не нужна, что та тяготится ее присутствием и не расположена продолжать общения дольше приличествующего. Жена сына не искала сближения. Вдовствующая царица платила ей тем же. Это так не походило на отношения, сложившиеся у самой Марии Федоровны со своей свекровью, императрицей Марией Александровной.

Александра Федоровна, любя мужа больше жизни, ни с кем не желала делить свое полное и неоспоримое право на него. Через две недели после свадьбы она записала в дневник мужа: «Отныне нет больше разлуки. Наконец мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда земной жизни придет конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе». Она не умела отступать и не считала нужным, во имя большого, переступать через личные пристрастия и представления. С трудом шла на компромисс и, часто лишь превозмогая себя, делала «что надо». Она не умела нравиться. Это отражалось на многих ее отношениях, в том числе и с Марией Федоровной.

Вдовствующую императрицу расстраивало дуновение «ледяного ветерка» со стороны Александры Федоровны и ее окружения. О том, что две царицы не питали расположения друг к другу, приближенные знали, как обычно, раньше, чем это нерасположение хоть как-то проявилось на самом деле. В салонах, конечно же, появились разговоры о ненависти, о том, что старая

царица не хотела отдавать молодой коронные драгоценности, что она устраивает истерики сыну, а молодая царица осаждает мужа жалобами на свекровь и т. д. Словом, пошло — поехало, как обычно бывало в свете. Вдовствующая императрица мало придавала значения великосветским суждениям, хорошо понимая их истинную цену.

Но она не могла не обратить внимания на то, что в подругах у невестки появились три дамы, о которых ничего приятного сказать не могла. Две черногорские принцессы, Милица Николаевна (жена великого князя Петра Николаевича), Анастасия Николаевна (жена герцога Георгия Лейхтенбергского) и великая княгиня Мария Павловна, которую вся родня называла «Михень». Двух первых Мария Федоровна почти не знала; говорили о них разное, часто неприятное. Но вот третья была известна не понаслышке. Там, где Михень, там непременно жди эпатажа, сплетни, скандала. Бедная Аликс, она еще так неопытна в придворном мире, ее могут легко обмануть!

Но Мария Федоровна недооценивала невестку. Александра Федоровна была далеко не так проста, как могло показаться, и уж меньше всего ее можно было сделать управляемой. Напористой и самоуверенной Марии Павловне пришлось быстро убедиться, что невозможно стать ментором Александры Федоровны, и их близкие отношения скоро сошли на нет. У последней царицы в России было только два человека, кому она доверяла бесконечно: любимый муж, обожаемый Ники, и Григорий Распутин. Но последний стал таковым лишь в заключительном акте русской монархической трагедии.

Мария Федоровна постоянно переживала, так как все время до нее доходили какие-то безрадостные вести. Нет, сама ничего специально не узнавала. С молодости не любила эти светские разговоры и сплетни. Почти им и не доверяла. Но укрыться от них не имела никакой возможности. Родственники и приближенные обязательно что-нибудь неприятное сообщали. Очень и очень многие были недовольны ее невесткой. Мария Федоровна знала, что Аликс не умеет нравиться, что замкнута и даже нелюдима. Она не раз ей говорила, что надо стараться завоевывать расположение, но та считала, что царица не должна «гоняться за популярностью». Но ведь царица должна быть любима! А любовь надо завоевывать, надо ее добиваться, а не делать вид, что тебя это не касается.

Ну что мешает улыбнуться, сказать несколько ласковых слов на приеме? Нет, будет стоять как ледяное изваяние, и только слепой не увидит, что она тяготеет официальными церемониями. А это плохо. Люди не прощают пренебрежения к себе даже со стороны царей. Можно же было устроить бал или организо-

вать вечер. Ничего этого нет. Говорят, что Аликс часами молится. Религиозное усердие похвально, но ведь она не монахиня, а императрица. Она обязана блистать и очаровывать. Это так необходимо, когда престиж династии все время подрывается какими-то скандалами и компрометирующими разговорами.

Мария Федоровна чувствовала, что милый Ники все время отдаляется от нее. Он был по-прежнему любезен и внимателен, но она ощущала, что душа его закрыта от всех, в том числе и от матери. А ведь когда-то он был абсолютно откровенен с ней. Сын очень любит Аликс, и та оказывает на него большое влияние. Но сама ни с кем и ни с чем не желает считаться, полагая, что все знает лучше всех. Как она характером напоминает свою бабуку, королеву Викторию! Но у той ведь было достаточно здравого смысла, и она никогда не бросала вызов окружающему миру, всегда охраняла свою репутацию. Аликс же ни с кем и ни с чем не считается, думает, что имеет право и возможность вести себя, не глядя по сторонам. Мария Федоровна своими наблюдениями и опасениями мало с кем делилась, но даже те, избранные, кому доверялась, ничего в тайне не сохраняли. Пересказывали, переиначивали, извращали. В пересказах вырисовывалась вражда двух женщин и двух цариц, чего на самом деле не было. Но правда не имела значения. Тема эта стала излюбленной в столичных салонах.

При всей недружественности отношений Александра Федоровна никогда не позволила себе ни одного выпада по поводу царицы-матери, зная, что Ники очень ее любит. Во многих других случаях вела себя совершенно иначе и нередко открыто демонстрировала нерасположение и даже пренебрежение. Сановно-придворный мир простил бы многое, но только не это. Для отравленных ядом злословия стрел нашлась подходящая мишень.

Глава 12

ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ

Законы о престолонаследии появились в России в самом конце XVIII века, когда император Павел I в 1797 году издал особый указ и собрание нормативных актов, получившее название «Учреждение об императорской фамилии». Прожив много лет под угрозой отлучения от прав на трон, нелюбимый сын Екатерины II решил придать законодательную форму процессу перехода власти и кодифицировать статус всех членов импера-

торской фамилии. Эти положения определяли права и преимущества членов правящей династии на протяжении почти всего XIX века, вплоть до 1886 года, когда император Александр III внес изменения в династическую практику.

Если раньше все потомки императора имели звания великих князей, титуловались императорскими высочествами и имели право получать ежегодное денежное содержание, то после 1886 года это право получили лишь дети и внуки императора. Остальные же именовались «князьями императорской крови», титуловались просто «высочествами» и получали лишь единоразовую денежную выплату при рождении. Все великие князья награждались при рождении орденом Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и первыми степенями Анны и Станислава. Князья императорской крови получали эти отличия при совершеннолети.

По своему положению члены фамилии подразделялись на несколько степеней, в зависимости от их родственной близости к монарху. С начала XIX века состав династии постоянно расширялся. У императора Павла I было девять детей, а у его сына, императора Николая I, — семь. За исключением лишь Ольги Павловны (1792—1795), все остальные имели собственные семьи, и эти родственные узы связали царский дом плотной сетью родовых связей со многими владетельными домами, особенно в Германии, которую злоязычный германский канцлер князь Бисмарк называл «племенной фермой Европы». В XIX веке в составе императорской фамилии появились носители иностранных титулов, узаконенные в России: герцоги Мекленбург-Стрелицкие (брак племянницы Николая I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким в 1851 году); принцы Ольденбургские (брак дочери Павла I Екатерины с принцем Петром-Фридрихом Ольденбургским в 1809 году); герцоги Лейхтенбергские (брак дочери Николая I Марии с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 году).

С середины XIX века династические связи Романовых заметно расширяются и постепенно выходят за пределы многочисленных германских княжеств, герцогств и королевств. Королевой Нидерландов (Нассаутская династия) с 1840 года являлась сестра Николая I великая княгиня Анна Павловна (1795—1865), еще в 1816 году вышедшая замуж за наследника нидерландской короны принца Вильгельма (Вильгельм II). Женидьба в 1866 году цесаревича Александра Александровича на датской принцессе Дагмар способствовала возникновению династических уний между Романовыми и датским королевским домом, а также английским (Ганноверская династия) и гречес-

ким королевскими домами (Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургская династия).

Старшая сестра Марии Федоровны принцесса Александра (1844—1925) с 1863 года состояла в браке с наследником английского престола Альбертом-Эдуардом, принцем Уэльским (король Эдуард VII в 1901—1910 гг.), а брат цесаревны Вильгельм (1845—1913) правил с 1865 года в Греции под именем Георга I (с 1867 года женат на внучке Николая I великой княгине Ольге Константиновне). В 1874 году возникла и еще одна связь между английским королевским домом и царской семьей: единственная дочь Александра II Мария (1853—1920) вышла замуж за второго сына королевы Виктории принца Альфреда-Эрнста-Альберта, герцога Эдинбургского (1844—1900).

В конце XIX века возникла и личная уния между Романовыми и правившей в маленьком княжестве Черногория династией Негошей. В 1889 году Милица (1866—1951), старшая дочь черногорского господаря Николая I, вышла замуж за внука царя Николая I великого князя Петра Николаевича (1864—1931), а его вторая дочь Стана-Анастасия (1868—1935) стала в 1890 году супругой другого внука (по женской линии) императора Николая Павловича герцога Георгия (Юрия) Максимилиановича Лейхтенбергского, князя Романовского (1852—1912).

Согласно законам о престолонаследии, корона могла переходить лишь к лицам мужского пола, и женские ветви династии считались второстепенными. Иностранные же принцы, женатые на великих княгинях, вообще представляли боковые ветви рода и прав на престол не имели никаких. Иное дело русские великие князья — дети и внуки императоров. В конце XIX века в составе династии существовало несколько параллельных фамильных линий, старшинство которых определялось степенью родства с венценосцем. Александровичи (от Александра III), Владимировичи (от имени третьего сына Александра II Владимира), Павловичи (от младшего сына Александра II Павла), Константиновичи, Николаевичи, Михайловичи (от сыновей Николая I — Константина, Николая, Михаила). В конце XIX века в состав императорского дома входило около 50, а к началу 1917 года — более 60 персон. Это было небольшое, но чрезвычайно влиятельное сообщество, представители которого занимали многие важные посты в государственном аппарате и оказывали большое воздействие на различные стороны внешней и внутренней политики империи.

Старшим в роду (не по возрасту, а по положению) всегда был царь, который, согласно закону, являлся «на всегдашнее время попечителем и покровителем» фамилии. Всем прочим членам династии надлежало беспрекословно ему подчиняться и

быть первыми и верными слугами государя. Такова давняя традиция. Таковы заповеди предков. В своем духовном завещании император Александр II восклицал: «Заклинаю их (детей) не забывать никогда слов их Дедушки, которые я им часто повторял, что вся их жизнь должна быть посвящена службе России и ее Государю. Чувство, которое в сердце их *должно быть нераздельно*. Тоже заклиною и всем прочим членам нашего семейства... Заклинаю всех сыновей моих и всех членов нашего многочисленного семейства любить и чтить своего Государя от всей души, служить Ему верно, неутомимо, безропотно, до последней капли крови, до последнего издыхания и помнить, что им надлежит примером быть другим, как служить должно верноподданым, из которых они — первые».

Император Николай II был своим в европейском династическом мире, где его близкие родственники всегда занимали самые заметные места. Когда он родился в 1868 году, его дедушка был королем Дании, а дядя — королем Греции. Когда же отрекся от престола в 1917 году, один его двоюродный брат являлся английским королем (Георг V), другой — королем Греции (Константин I), а третий — королем Дании (Христиан X). Его кузены и кузины, племянники и племянницы, дяди и тети носили самые высокородные титулы чуть ли не во всех европейских странах, занимали видные места в общественной жизни своих государств.

Правившую в России династию в европейских справочниках с конца XVIII века именовали не как династию Романовых, а как династию Романовых-Гольштейн-Готторпов. В буквальном, родственно-генетическом смысле, это было справедливым: отцом императора Петра III был Карл-Фридрих герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский. Но в России подобное титулование официально не употреблялось, хотя разговоры на тему о том, насколько цари были русскими, велись постоянно в различных кругах.

Эти разговоры, малозначительные сами по себе, затрагивают куда более масштабную и важную тему: об этнокультурном и национально-психологическом значении понятий «русский» и «русскость». Что делает человека русским? Какие черты характера, привязанности, взгляды и представления примечательны для подобного исторического типа? Это особая, большая и спорная проблема, непосредственно связанная с исторической судьбой русского народа и его национально-духовным самоопределением.

Умозаключений по этому поводу существует много, но приведем лишь одно, принадлежащее перу писателя Ивана Шмелева. «Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто

знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю, Русскую Историю, великие ее страницы. Кто чтит родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты — для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым. Она ведет нас в будущее; Она — водитель наш, извечный и верный». Данная формула в полной мере отражает духовный облик и мировоззренческие ориентиры последнего царя.

Дотошные критики установили, что у Николая II была лишь 1/128 часть «русской крови». С примитивно-обывательских позиций это якобы свидетельствует о «нерусскости» царя и косвенно служит подтверждением расхожего тезиса о его безразличии к судьбам России. Но подобные вульгарные построения в действительности ничего не объясняют. Ведь не «состав крови» делает человека русским! Применять же подобный подход к правящей династии вообще абсурдно. Это касается не только русских царей, начиная с детей от второго брака Петра I, но и, в меньшей степени, других монархов.

В подавляющем большинстве случаев династические браки заключались между представителями различных владетельных домов, что само по себе исключало «чистоту национальной крови». Здесь наиболее яркий пример — английская королева Виктория, находившаяся на троне более шестидесяти лет и ставшая символом целой исторической эпохи. Она представляла немецкую Ганноверскую династию и была замужем за немецким принцем! Но никто в Великобритании не обвинял ее в этом и не занимался подсчетами долей «чисто английской крови»!

Царь всегда находился в эпицентре, где перекрещивались интересы многих и многих персонажей из числа тех, кто или действительно играл историческую роль, или тех, кто не был различим на политическом небосклоне, но кто желал потешить свое самолюбие у подножия трона. С первого дня воцарения и буквально до последнего мгновения приближенные всех уровней часто считали возможным использовать свое положение для воздействия на венценосца. Делалось это порой беззастенчиво. Мотивы и методы были различны: «наставить на путь истинный», «открыть глаза», «предупредить об опасности», «засвидетельствовать свою преданность», «добиться милости», но суть всегда оставалась одна — получить от царя угодное отдельным лицам или группам решение. Трудно найти в истории России другой пример подобного натиска на верховную власть. Такому положению в большой степени способствовала мягкость и деликатность натуры Николая II, его неспособность сказать резкость

или грубость и напомнить своему очередному собеседнику-просителю о том, кто есть кто.

Шумную и порою довольно надоедливую компанию, от общения с которой царь не мог уклониться, представляли те, кто по праву рождения был вхож в императорские апартаменты, — члены Дома Романовых. Николай Александрович вступил на престол, когда здравствовали влиятельные четыре брата его отца: Владимир (1847—1909), Алексей (1850—1908), Сергей (1857—1905), Павел (1860—1919) и двоюродный дед Михаил Николаевич (1832—1909).

Кроме великого князя Павла, все остальные имели видные должности в государственном управлении. Владимир с 1884 по 1905 год занимал посты главноуправляющего гвардией и командующего войсками Петербургского военного округа. Алексей в 1880—1905 годы являлся главным начальником флота и морского ведомства; Сергей с 1891 по 1905 год был московским генерал-губернатором и командующим войсками московского военного округа, а Михаил Николаевич (сын Николая I) с 1881 по 1905 год исполнял обязанности председателя Государственного Совета.

Воспитанный в духе безусловного почитания старших, Николай II первые годы во многом находился под влиянием старших в роду и, хотя далеко не всегда внутренне одобрял навязывавшиеся ему решения, боялся отказом обидеть дорогих родственников. Однако приходилось порой «ставить на место» членов династии. Особенно вызывающе вели себя великий князь Владимир Александрович и его супруга великая княгиня Мария Павловна. Последняя, которой еще Александр III не раз делал выговоры, теперь не желала себя ни в чем ограничивать. Для нее царь был всего лишь «милым Ники», а царица — просто «Аликс». Ее муж придерживался той же линии поведения. Происходили неприятные объяснения.

В 1896 году командующий войсками гвардии великий князь Владимир Александрович открыто проигнорировал прозвучавший как просьба приказ царя о назначении на должность в гвардии одного офицера. Монарх был уязвлен и написал своему дяде: «Чтобы только не ссориться и не портить семейных отношений, я постоянно уступаю и в конце концов остаюсь болваном, без воли и без характера. Теперь я тебя не только прошу, но и предписываю исполнять мою волю».

Но все оставалось по-прежнему. Наконец в начале 1897 года дело дошло до скандала. Повод был частный, но характерный. Царская чета посетила спектакль в Мариинском театре, а затем, как нередко до того бывало, ужинала в своих апартаментах при театре. Без предупреждения туда вдруг пришел дядя Владимир с

тетей Михень в сопровождении каких-то незнакомых царю и царице лиц. Мало того: Мария Павловна пригласила этих людей к столу. Это было возмутительно. Николай II был оскорблен, а Александра Федоровна просто хлопотала от негодования. Они покинули застолье тотчас.

После инцидента император написал письмо дяде, в котором заявил: «Моя жена и я считаем это совсем неприличным и надеемся, что такой случай в той или другой царской ложе больше не повторится! Мне было в особенности обидно то, что вы сделали это без всякого разрешения с моей стороны. При Папа ничего подобного не случилось бы; а ты знаешь, как я держусь всего, что было при Нем. Несправедливо пользоваться *теперь* тем обстоятельством, что я молод, а также ваш племянник. Не забывай, что я стал главой семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными или неуместными. Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету своего Деда. И Тебе бы первому следовало бы мне в этом помогать».

Великий князь Владимир и его супруга приняли волю царя, но остались при убеждении, что правота на их стороне. Эта великокняжеская чета почему-то считала, что они и их дети заслуживают отношения, на которые иные члены династии рассчитывать не могли. Когда в 1905 году их сын Кирилл, нарушив закон и свое честное слово, данное царю, женился на своей кузине Виктории-Мелите, родители просили Николая II не применять к их отпрыску мер воздействия, полагая, что законы и нормы не для них. Когда же все-таки кара последовала, великая княгиня Мария Павловна просто неистовствовала. Главе императорской фамилии она этого не простила. Уже в годы мировой войны ее салон стал одним из центров инсинуаций против царя и царицы. Она настолько вошла в раж, что даже публично, в присутствии многих лиц, в том числе и иностранных дипломатов, обсуждала план династического переворота!

Число кузенов, кузин, племянников, племянниц, не говоря уже о более дальних степенях родства, у последнего императора исчислялось десятками человек. В их числе были лишь несколько близких по духу, тех, с кем император и императрица общались в интимной обстановке. Состав этих особо приближенных лиц менялся со временем, но было несколько человек родственников-друзей, остававшихся в этом кругу длительное время. Это дядя Сергей (убитый в феврале 1905 года), дядя Павел, двоюродные дяди Александр Михайлович (Сандро) и Сергей Михайлович, великая княгиня Елизавета Федоровна. Очень тесные и теплые отношения Николай Александрович поддерживал со сво-

ими родными сестрами Ксенией и Ольгой и братом Михаилом. Последнего, наряду с Павлом, он считал беззаветно верным престолу, в то время как в лояльности большинства остальных Романовых стал сомневаться.

Отношения с родственниками отнимали много времени и сил. Без понимания специфического характера этих связей и их роли в жизни Николая II трудно представить окружающий мир императора. Здесь существовали строгие нормы, своя шкала ценностей. Ближайшим родственникам надлежало жениться или выходить замуж за представителей «владельческих домов», хотя и здесь имелись исключения. Сестра Ксения после нескольких лет сложных переговоров в 1894 году стала женой своего дальнего родственника великого князя Александра Михайловича. Николай Александрович, тогда еще цесаревич, принимал ближайшее участие в устройении их семейных дел и был тогда убежденным сторонником брака по любви, радостно приветствуя «счастье Ксении», питавшей глубокое чувство к своему будущему мужу. Со временем Николай II стал в таких делах руководствоваться исключительно династическими интересами, и ничьи чувства его уже не трогали.

Династические скандалы то стихали, то разгорались с новой силой, но никогда на протяжении практически всего XIX века не прекращались. Особо эпатажными являлись мorganатические союзы, и самый известный среди них — брак Александра II с княгиней Юрьевской в 1880 году. Но и других случаев хватало.

Когда Александр III вступил на престол, ему «по наследству» достались скандальные «амурные истории» его дядей, братьев Александра II. Председатель Государственного Совета великий князь Константин Николаевич (1827—1892) с начала 70-х годов жил с бывшей балериной Анной Кузнецовой, имевшей от него детей. Супруга же, великая княгиня Александра Иосифовна, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская (1830—1911), горько переживала крушение семейного счастья.

Она пользовалась авторитетом среди членов династии, и ее любовно называли «тетя Сани». В 50—60-е годы она считалась если и не первой, то одной из первых красавиц русского двора. Константин Николаевич без всякого стеснения ездил отдыхать с Анной Кузнецовой в Крым, прогуливался с ней в людных местах. Передавали, что он, представляя ее знакомым, говорил: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная». Эта история долго волновала императрицу Марию Федоровну. Она не могла понять и уж тем более принять подобное и искренне жалела великую княгиню Александру Иосифовну.

Какое неприличие! Бедная тетя Сани, что ей только придется переживать! Она, конечно, взбалмошная дама, с причуда-

ми. У русских это называется «с зайчиком в голове». Каждый визит к ней — жди сюрприза. Несколько раз Мария Федоровна заставляла ее в странном виде: в каком-то то ли шлафроке, то ли пеньюаре, с немыслимым чепчиком на голове, с Евангелием в руках, лежавшую почти без чувств на кушетке в комнате с опущенными шторами. Зрелище было не из приятных, и царица первый раз испугалась, тем более что Александра Иосифовна начала говорить, что она ждет смерти, что уже «чувствует ее приближение», а жить ей осталось недолго. Когда нечто подобное царица увидела во второй раз, она уже не беспокоилась, а когда та же интермедия была разыграна снова, это вызвало улыбку.

Сколько же можно сетовать на жизнь и убиваться! У нее ведь пятеро детей (шестой сын, Вячеслав, умер семнадцатилетним в 1879 году). Правда, старший Николай изгнан из столицы, но ведь у остальных все благополучно. Дочь Ольга замужем за ее братом Вильгельмом и, хотя живет в Афинах, часто приезжает в Россию. У них большая и дружная семья. То же и у второй дочери тети Сани, Веры, вышедшей в 1874 году замуж за принца Вюртембергского. А ее сын Константин? Учитель, образованный человек. Поэт. Он читал Марии Федоровне свои стихи, и они ей понравились. Кроме того, занимается переводами Шекспира, и, говорят, у него хорошо выходит. Живет вместе с матерью в Мраморном дворце и так заботлив и внимателен. Младший же, Дмитрий, такой честный, добрый, серьезный, религиозный. Императрица была бы счастлива, если бы подобный молодой человек стал мужем ее дочери Ксении.

От всех от них, по сути дела, отрекся отец! И во имя кого и во имя чего? Александр III неоднократно рассказывал своей супруге, что в свое время Константин Николаевич (дядя Коко) слыл заядлым либералом, все подталкивал Папá, Александра II, к каким-то реформам и чуть ли не за конституцию ратовал. Законник! А Божеский закон преступил и уж сколько лет живет во грехе!

Гордой и самолюбивой великой княгине Александре Иосифовне пришлось испытать множество унижений и во время бессмысленных объяснений с мужем, который ей все рассказал сам, и от сочувственных взглядов и вздохов окружающих. В сорок лет княгиня стала совсем седой. Приняв полную меру женских страданий, она проявила истинное великодушие и настоящее христианское смирение и три последних года жизни своего мужа (умер в январе 1892 года) неотступно ухаживала за ним, впадшим в состояние маразма. Заточив себя вместе с больным в Павловске, днями и ночами находилась она рядом с тем, кто когда-то был ее счастьем и любовью. Теперь же перед ней был выживший из ума рамолик, который не отличал ночь от

дня, почти никого не узнавал и часами издавал какие-то нечленораздельные звуки.

Александр Иосифовне довелось пережить и еще одну тяжелую трагедию, ставшую притчей во языцех. Ее старший сын, умный и воспитанный великий князь Николай Константинович (1850—1918), «ее Никола», в 1874 году опозорил и их семью, и всю династию. Молодой человек увлекся заезжей из «этой ужасной Америки» актриской и певичкой по имени Фанни Лир. Во имя этой кафешантанной дивы, «этой еврейки», готов был всем пожертвовать и собирался даже на ней жениться! А когда она была в Петербурге, осыпал ее подарками и деньгами и совершил страшное святотатство: похитил с оклада их фамильной иконы в Мраморном дворце драгоценные камни, а затем долго отпирался, лгал, сваливая свою вину на других. Чтобы спасти престиж фамилии, Николая Константиновича объявили сумасшедшим и выслали под арестом из столицы. Мать навсегда потеряла сына.

Семейная жизнь другого брата Александра II, генерал-фельдмаршала, командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича (1831—1891), тоже была далеко не праведной. Он, как и брат Константин, увлекся балериной — Екатериной Числовой. Увлечение оказалось столь сильным, что «дядя Низи» забыл обо всем на свете и целиком попал под влияние смешливой инженер, выделявавшей такие антраша, что выдавшие виды салонные завсегдатаи лишь руками разводили. Она, что называется, вертела великим князем как хотела. Перейдя полностью на его содержание, балерина оставила сцену и целиком занялась «устройством гнездышка», где Николая Николаевича ждали не только ласки.

С годами «мадам Числова» вошла в такую власть, что устраивала своему высокородному мужу-любовнику скандалы, гремевшие на весь Петербург. Говорили, что она даже била этого высоченного мужчину, а любимым «орудием» служили дамские туфли, которыми она его и колошматила. Балерина-содержанка родила от великого князя четверых детей, во имя которых тот забыл двух своих законнорожденных отпрысков: великого князя Николая Николаевича (младшего) и великого князя Петра Николаевича. Жену же свою, великую княгиню Александру Петровну, урожденную принцессу Ольденбургскую (1838—1900), Николай Николаевич выгнал из дома, и та долго скиталась, пока не приняла монашество и не поселилась в монастыре в Киеве.

Ореол скандала, окружавший семейную жизнь братьев Константина и Николая, вызывал неудовольствие императора Александра II. Но что он им мог сказать? Царь, несомненно, понимал двусмысленность собственного положения, но ничего не

мог с собой поделаться. Его привязанность к княжне Долгорукой (Юрьевской) приобрела маниакальный характер. Чувство долга уступило чувству любви. То, чему учил своих сыновей, нарушалось им самим. Это было тяжелым испытанием и для него, и для его близких.

Когда на престоле оказался Александр III, они с Марией Федоровной не раз обсуждали сложившуюся ситуацию. Положение было скандальным. Император не хотел обижать дядей, но не мог оставить все как есть. Когда в свое время его отец узнал об этих историях, он ужасно негодовал. Потом смирился, а история с Юрьевской была тому причиной. В конце концов Александр III принял решение, порадовавшее «дядю Коко» и «дядю Низи». Их гражданским женам и детям были пожалованы дворянские права и новые фамилии: Князевы (семье Константина Николаевича) и Николаевы (семье Николая Николаевича).

Этот великодушный акт оказался спасительным в будущем. Когда большевики начали охоту на представителей Дома Романовых, незаконнорожденным внукам и правнукам царя Николая I повезло. Простые и распространенные русские фамилии позволили им затеряться в людской массе. Хотя многие из них немало претерпели, их потомки живут в России и поныне, в то время как почти все другие ветви и линии царской династии или растворились за границей, или были беспощадно уничтожены на родине. Даже престарелого и больного внебрачного сына великого князя Алексея Александровича (брата Александра III) и Александры Васильевны Жуковской (дочери поэта) не пощадили. Алексею Алексеевичу монаршей милостью были пожалованы дворянские права и родовой титул графа Белевского. После революции «бывший граф» тихо и скромно жил на юге в городе Тбилиси. Но здесь его настигла рука советских убийц: в 1932 году его безжалостно расстреляли. Графу был тогда 61 год.

Вступление на престол Николая II совпало со временем затишья брачно-династических неурядиц, к которым последний император, Александра Федоровна и вдовствующая императрица относились очень серьезно. Они подробно и внимательно обсуждали каждый случай и непременно выступали на стороне традиции и престижа власти. Осуждению подвергались те, кто личные интересы ставил на первый план. Однако осуждение монархами морганатических (разнородных) браков, шумных адюльтеров, скандальных разводов и мезальянсов мало что меняло: подобные скандалы в царской фамилии не прекратились. Судьба представителей правящей фамилии не всегда была счастливой, и им, во имя соображений династического величия, сплошь и рядом приходилось перешагивать через желания, симпатии, наклонности и приносить в жертву династическому пре-

стижу собственную жизнь и личное благополучие. Строгие нравы в среде императорской родни испытывали сильный натиск нового времени, несшего с собой более простые и династически не регламентированные отношения.

Еще когда Николай Александрович был наследником, его двоюродный дядя, великий князь Михаил Михайлович (1861—1929) позволил себе влюбиться и жениться в 1891 году на внучке А. С. Пушкина графине С. Н. Меренберг, что вызвало гнев императора Александра III, заявившего: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующий моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места». Возмущенные таким решением супруги навсегда поселились в Англии, и хотя через десять лет Николай II их простил, в Россию они уже больше не вернулись.

Много неприятностей доставляли последнему царю семейные дела брата Михаила и сестры Ольги. Николай II был солидарен с матерью в неприятии выбора младшего брата, который умаляет достоинство высшей власти. После получения известия о тайном венчании Михаила Александровича за границей царь горестно заметил в письме к матери 7 ноября 1912 года: «Я собирался написать Тебе по поводу нового горя, случившегося в нашей семье, и вот Ты уже узнала об этой отвратительной новости... Между мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам мне говорил, не я его просил, а он сам давал слово, на ней не жениться. И я ему безгранично верил!.. Ему дела нет ни до Твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело». Через несколько дней уже более спокойно продолжал: «Бедный Миша очевидно стал на время невменяемым, он думает и мыслит, как она прикажет, и спорить с ним совершенно напрасно... Она не только читает, но и снимает копии с телеграмм, писем и записок, показывает своим и затем хранит все это в Москве вместе с деньгами. (Отцом избранницы был присяжный поверенный С. А. Шереметьевский, игравший заметную роль в финансовом мире Москвы.) Это такая хитрая и злая бестия, что противно о ней говорить».

Михаилу Александровичу воспретили въезд в Россию, уволили со службы, лишили званий, а над его имуществом учредили опеку. Доброта и отходчивость Николая II в этой истории довольно быстро дали о себе знать. После начала первой мировой войны брат императора был прощен и вернулся в Россию. Сердечные отношения между ним и братом-монархом постепен-

но восстановились. Брак его признали, но жену Михаила так ни разу не приняли при дворе.

Сестра Николая, «порфирородная» Ольга, в 1901 году стала женой принца П. А. Ольденбургского. Один из крупнейших сановников, сенатор и член Государственного Совета А. А. Половцев, после свадебной церемонии летом 1901 года в Гатчине записал в своем дневнике: «Великая княжна некрасивая, ее вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми и умными, прямо на нас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского. При родовитости своей и значительности денежного состояния... принц во всех отношениях посредственный, а во внешности своей ниже посредственного человека; несмотря на свои годы, он почти не имеет волос на голове и вообще производит впечатление хилого, далеко не дышащего здоровьем и никак не обещающего многочисленного потомства человека. Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чем едва ли не придется со временем пожалеть». Автор этих слов оказался прав. Семейного счастья здесь не было, и после пятнадцатилетних фальшиво-обязательных отношений сестра царя в 1916 году развелась с принцем и вышла замуж по любви за ротмистра лейб-гвардии Кирасирского полка Николая Куликовского.

На царствование Николая II пришлось еще два громких династических скандала. Осенью 1905 года высшие круги России, помимо революционных потрясений, волновала и интересовала еще одна тема: брак кузена Николая II, великого князя Кирилла Владимировича (1876—1938), женившегося в том же году без разрешения на своей двоюродной сестре Виктории-Мелите (1876—1936), урожденной принцессе Саксен-Кобург-Готской. В 1894 году она стала женой брата царицы Александры Федоровны Эрнста-Людвига Гессенского, а в 1901 году развелась с герцогом. Бравого морского офицера Кирилла Владимировича, участника войны с Японией, в октябре 1905 года лишили звания флигель-адъютанта (звание члена императорской свиты), исключили со службы, и он получил приказ в 24 часа покинуть Россию. Царя и царицу настолько возмутил поступок родственника, что даже обсуждался вопрос о лишении его великокняжеского достоинства.

Его родители, Владимир Александрович и Мария Павловна, всеми путями добивались снисхождения к сыну. Через два года император сменил гнев на милость. Кирилл был прощен, восстановлен в службе, ему возвратили звания и должности. Его с

женой, получившей звание великой княгини Виктории Федоровны, стали принимать при дворе.

Много лет слухи и сплетни окружали личную жизнь дяди Николая II, великого князя Павла Александровича (младшего из шести сыновей императора Александра II), входившего в последние годы монархии в ближайшее царское окружение. Этот великий князь заметной политической роли не играл, но имел престижные посты командиров лейб-гвардии конного полка и гвардейского корпуса. Первым браком был женат на греческой принцессе и имел двоих детей: Дмитрия (1891—1942) и Марию (1890—1958). Павел овдовел, когда ему был 31 год.

В 1893 году он увлекся женой гвардейского офицера Ольгой Валерьяновной Пистолькорс, урожденной Карнович (1865—1929). В доме Пистолькорсов на Большой Морской в Петербурге и на даче в Красном Селе часто собирался тогда цвет дворянских фамилий из числа чинов гвардии. Бывал здесь и цесаревич Николай, питавший симпатии к хозяйке этого салона. Он даже вел с ней переписку. Например, летом 1893 года писал: «Милая Мама-Леля! Очень прошу простить меня, но ввиду более раннего моего отъезда в Англию я не буду иметь удовольствия завтракать у вас в городе, как было условлено раньше. Я тем более сожалею, что завтрак у вас мог бы служить продолжением того прекрасного вечера 8-го июня, который так весело прошел у вас в Красном».

Со временем «дядя Павел» и замужняя «Мама-Леля», презрев светские условности, стали появляться вместе на людях. Все это служило темой бесконечных пересудов, но внешне не вызывало нареканий, так как «романтические отношения» сами по себе были в порядке вещей; надо лишь блюсти матримониальные каноны. Положение изменилось, когда влюбленные, имевшие к этому времени сына Владимира, «рожденного во грехе», решили узаконить свои отношения.

В начале 1902 года А. А. Половцев свидетельствовал: «Город занят большим скандалом. Уже много лет великий князь Павел Александрович состоит в связи с женой адъютанта великого князя Владимира Александровича — Пистолькорса. Бесцеремонность влюбленных достигла крайних пределов. Путешествия и прогулки вдвоем, обхождение с рожденным сыном, носящим фамилию Пистолькорса, и т. п., все это принималось публикой как выражение совершившегося факта. Ныне летом г-жа Пистолькорс объявила, что в. к. решил на ней жениться и что для сего ею немедленно получен развод... Великий князь Павел объявил, что он женится на г-же Пистолькорс во что бы то ни стало, бросив, если нужно, все и уехав из России». Вскоре ему действительно пришлось, потеряв свое положение на родине,

отбыть во Францию, где несколько лет супруги дожидались царского прощения.

В России остались сын и дочь князя, которые отца очень любили, и заботу о которых взяли на себя великий князь Сергей Александрович и его жена Елизавета Федоровна. Большое участие в воспитании детей Павла принимал и царь, особенно нежно относившийся к своему двоюродному брату Дмитрию, ставшему для него почти сыном. Последний платил императору ответной любовью и навсегда сохранил к нему большую привязанность, хотя в результате распутинской истории потерял расположение императорской четы.

До того же времени Дмитрий — ближайший член династии, входящий во дворец постоянно и во время первой мировой войны находившийся около Николая II многие месяцы. Во время отлучек он часто писал царю, которого всегда называл «дядя», и эта корреспонденция наглядно рисует близкий характер отношений между ними. Вот выдержка из письма от 17 ноября 1911 года, посланного из Петербурга в Ливадию: «Дорогой дядя! Страшно благодарю тебя за твое милое письмо... Часто читаю в газетах про то, что ты в Ливадии делаешь. И признаюсь, мне каждый раз жалко делается, думая, что меня там нет с вами. Как танцевальные вечера? Это был бы чудный случай для меня схватить Зизишку (Нарышкину.—А. Б.) за бока и помчаться с ней, или, например, сладостно прижимать Фредерикс и танцевать с ней, забывая все кругом... До меня доходят слухи, что мамаша моя (царица.—А. Б.) плохо ведет себя. Плохо в смысле здоровья. Это нехорошо. Скажи ей, что этим очень недоволен. Пускай она меня или бедного чиновника почтового вспомнит, и, может быть, тогда ей лучше станет. Ну, а засим крепко обнимаю тебя... Твой Дмитрий». Одно время упорно говорили о предполагавшейся женитьбе Дмитрия на старшей дочери Николая II Ольге, но в силу ряда причин эта свадьба не состоялась.

Отцу Дмитрия, Павлу Александровичу, пришлось прожить почти десять лет за границей, ожидая перемен в настроениях самодержца. В 1905 году князь приехал ненадолго на похороны своего брата, московского генерал-губернатора Сергея Александровича, убитого в феврале террористом. Во время беседы царь заявил дяде, что «уже на него не сердится». Великий князь и его новотитулованная супруга (к этому времени она получила от баварского короля титул графини Гогенфельзен) ликовали, надеясь теперь вернуться в Россию. Однако вскоре пришлось известие, что им совместно запрещено появляться на публике. Объясняя мотивы своего решения, император писал дяде Павлу: «Во всяком случае, за мною остается право решения вопроса о времени, когда тебе разрешено будет приехать сюда с женою. Ты

должен терпеливо ожидать, не забегая вперед. Позволив тебе приезжать в Россию от времени к времени, я желал этим дать утешение твоим детям видиться с тобою. Они потеряли в дяде Сергее, в сущности, второго отца. Не забудь, что ты покинул их для личного своего счастья».

Великий князь воспринял это как оскорбление и отказался появляться на родине без жены. Не изменил он своему решению даже тогда, когда его дочь, великая княгиня Мария Павловна (младшая), в 1908 году выходила замуж за наследника шведского престола герцога Вильгельма Зюндерманландского (в 1913 году бросила его, а через год развелась с ним). Окончательное примирение между царем и последним его дядей наступило лишь в годы мировой войны, когда жена Павла, получив титул княгини Палей, стала «персоной грата» в царском дворце. Произошло это всего за несколько месяцев до падения монархии.

Вышеуказанные истории непосредственно затрагивали династические интересы, к чему последний царь был очень внимателен. Чувство долга и общественная обязанность стоять на страже престижа власти были для него превыше всего, и здесь личные симпатии не играли определяющей роли. Будучи примерным семьянином и отцом, он не одобрял легкомысленного отношения к супружеским узам и всегда считал такое поведение предосудительным. Николай II был искренне счастлив в своей семейной жизни, и хотя вокруг императорского дома носилось множество сплетен и слухов, он никогда не позволял себе ничего, что могло бы бросить тень на добропорядочный образ его как мужа, отца и главы династии.

Глава 13

ПРАВИТЕЛЬ ИМПЕРИИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Александр III укрепил монархический авторитаризм, несколько поколебленный в эпоху реформ, а Николай II унаследовал сильную административную власть от отца своего. Самодержавие, как казалось, стояло прочно и нерушимо. Государственная система работала в ранее заданном режиме, и решения монарха становились волей подданных. Страна интенсивно развивалась.

Динамические процессы в народном хозяйстве обозначились еще раньше. В первой составленной для Николая II росписи государственных доходов и расходов на 1895 год министр фи-

нансов приводил достаточно наглядные показатели. С 1881 по 1893 год выплавка чугуна в империи поднялась с 27,3 млн. пудов до 70,8 млн. пудов (+160 %), выплавка стали — с 18,7 млн. пудов до 59,3 млн. пудов (+59, 3 %), добыча угля — с 200,9 млн. пудов до 460,2 (+129 %), нефти — с 21,4 до 337 (+ 1475 %). Если средний показатель сбора хлебов за 1881—1887 годы составлял 263 млн. четвертей, то в 1894 году превысил 332 млн. четвертей. Протяженность железнодорожного пути к 1 января 1881 года в России составляла 21 226 верст, а к 1 января 1894 года — 33 869 верст (+60 %).

90-е годы XIX века стали периодом бурного развития промышленного сектора экономики. По темпам среднегодового прироста промышленной продукции Россия в этот период обогнала все европейские страны и шла вровень с США. С 1890 по 1897 год стоимость продукции отраслей по обработке волокнистых веществ увеличилась с 519 365 тыс. рублей до 946 296 тыс. рублей, а число занятых в этих производствах возросло с 433 320 до 642 520 человек; в горной и горнозаводской промышленности стоимостный показатель изменился с 202 894 до 393 749 тыс. рублей, (рабочих соответственно: 426 635 и 544 333); в металлургии и машиностроении стоимость продукции в 1890 году составляла 127 920 тыс. рублей (рабочих 106 982), а в 1897 году 310 626 тыс. рублей (214 311) и т. д. В конце 90-х годов XIX века средний прирост промышленной продукции в ведущих отраслях промышленности составлял 12 % и более в год. Россия являла миру пример «экономического чуда».

Особенно ускоренно развивались новые отрасли производства: тяжелое машиностроение, химические производства, электроиндустрия, железнодорожный транспорт, добыча полезных ископаемых. В 1895 году Россия произвела 338 млн. пудов нефти и стала крупнейшим мировым производителем этого важнейшего продукта. В девяностые годы удельный вес промышленного сектора в валовом национальном продукте постоянно возрастал, и страна постепенно превращалась из аграрной в аграрно-индустриальную. Наряду со старыми промышленными зонами, такими, как Центральный промышленный район, Польский регион, Урал, к концу XIX века возникли новые, выросшие на волне капиталистической индустриализации: Донбасс, Бакинский район, Кузбасс. В повседневную хозяйственную жизнь уже прочно вошли такие структуры и понятия, как «коммерческий кредит», «коммерческий банк», «биржа», «акционерная компания», «вексель», «дивидендная бумага», «он-коль».

Однако при всех очевидных успехах индустриального развития империя все еще оставалась по преимуществу аграрной страной, где подавляющая часть населения была занята в сель-

ском хозяйстве. По данным Общероссийской переписи населения 1897 года в городах проживало чуть больше 13 % (общее число жителей империи составило около 130 миллионов человек, а ежегодный прирост равнялся 5%). В 1895 году в России насчитывалось 26,6 миллиона лошадей и 31,6 миллиона крупного рогатого скота.

Главными статьями экспорта являлись предметы земледелия и животноводства. Россия с конца XIX века занимала лидирующее положение на мировом сельскохозяйственном рынке. Основная часть экспортной продукции поставлялась большими («помещичьими») аграрными хозяйствами. В крестьянско-общинном же землепользовании преобладали рутинные агротехнические приемы и архаичные сельскохозяйственные орудия. Эффективность подобного производства была чрезвычайно низка.

В политическом отношении никаких изменений, по сравнению с предыдущим периодом, не наблюдалось. Главные функции власти (законодательной, исполнительной и судебной) сосредоточивались в руках императора, но реализация каждой из них осуществлялась через систему государственных институтов. Высшим органом оставался Государственный Совет, наделенный законосовещательными правами. Он состоял из лиц, назначенных царем, и министров. В большинстве своем это были известные царедворцы и сановники, многие из которых были в весьма преклонных летах, что позволяло фрондирующей публике в салонах именовать их не иначе как «госсоветовские старцы».

Законодательной инициативы Государственный Совет не имел; его компетенция состояла лишь в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и при его согласии и разработанные в соответствующих министерствах. В некоторых случаях, когда тот или иной вопрос затрагивал интересы нескольких ведомств, учреждались по монаршей воле специальные межведомственные комиссии, заключения которых рассматривались отдельными департаментами, а затем обсуждались в общем заседании Государственного Совета. Решение этого сановного синклита передавалось императору, который и делал выбор между мнением большинства и меньшинства (если при голосовании обнаруживались различные точки зрения). Проект приобретал силу закона лишь после утверждения императором, вступал в действие со дня опубликования и обратной силы не имел.

Главным органом административной власти являлся Комитет министров, и его возглавлял председатель, функции которого были весьма ограничены. В состав Комитета министров входили

не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министров. Комитет министров не был единым органом, координирующим деятельность отдельных ведомств. Это было собрание административно независимых друг от друга сановников. Каждый министр имел право прямого доклада императору и руководствовался его указаниями и распоряжениями.

К началу царствования Николая II действовало 15 министерств и равнозначных им государственных установлений: Министерство иностранных дел, Министерство военное, морское, внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения, Министерство императорского двора, Главное управление Государственного коннозаводства, Государственный контроль, Собственная Его Величества канцелярия, Собственная Его Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии, Собственная Его Величества канцелярия по принятию прошений на Высочайшее Имя. Министр назначался исключительно монархом, имел от одного до трех заместителей («товарищей») и особый совет министра.

Наиболее обширную компетенцию имели два министерства: внутренних дел и финансов. Первое занималось поддержанием внутреннего порядка в империи, осуществляло цензуру, ведало общей статистикой, почтой и телеграфом, сословными учреждениями и земским самоуправлением, ветеринарным и медицинским делом, народным продовольствием и общественным призрением, делами исповеданий (кроме православного). В ведении Министерства финансов находились дела финансов, торговли и промышленности, прямые и косвенные налоги, таможенные сборы, винная монополия, вся кредитная часть, торговое мореплавание, железнодорожная тарифная политика.

Император считался главой суда и судебного управления, а весь суд осуществлялся от его имени. На конкретное судопроизводство компетенция монарха фактически не распространялась; ему принадлежала роль высшего и последнего арбитра. Свой надзор за судом и администрацией самодержец осуществлял через Правительствующий Сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти надлежащим образом исполнялись на местах, и разрешавший жалобы на действия и распоряжения всех властей и лиц до министров включительно.

Царь являлся и главой Русской Православной Церкви, но непосредственными делами церковного управления ведал Священный Синод, учрежденный еще при Петре I. Он состоял из присутствия и собственно управления. Присутствие объединяло

высших иерархов православной церкви, выносивших решения по важнейшим вопросам жизни церкви. Компетенции Святейшего Синода принадлежали все дела церкви: истолкование церковных догматов, распоряжения по обрядовости и молитвам, назначение должностных лиц, заведование имуществом, просвещение, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура, судебные дела духовных лиц. Возглавлял это влиятельное ведомство обер-прокурор Святейшего Синода.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. В состав Российской империи с 1809 года входила и Финляндия («Великое княжество Финляндское»). Княжество имело широкую внутреннюю автономию: собственное правительство — Сенат, внутреннюю таможню, полицию, собственную денежную единицу. Кроме того, четыре города (Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь-Еникале) были выведены из состава губерний и управлялись градоначальниками, непосредственно подчиненными центральной власти. Губернии делились на уезды, а области — на округа. Уезд являлся низшей общеадминистративной единицей, и дальнейшее деление его имело уже специальное назначение: волость — для крестьянского самоуправления, участки земских начальников, участки судебных следователей и т. д. Земское самоуправление было введено только в 34 губерниях Европейской России, а в остальных районах делами местного хозяйства ведали правительственные органы.

В общественном отношении люди не были равны, а, согласно закону, подразделялись на отдельные категории — сословия. В Своде законов Российской империи говорилось, что «в составе городского и сельского населения, по различию прав состояния, различаются четыре главные рода людей: дворянство; духовенство; городские обыватели; сельские обыватели». Дворянство делилось на личное и потомственное. «Благородное сословие» всегда было высшим в сословной иерархии, имело систему льгот и привилегий, законодательно зафиксированных еще при Екатерине II, в Жалованной грамоте дворянству 1785 года. Духовенство подразделялось на «белое» (священники, дьяконы, дьячки) и «черное» (монахи).

В разряд горожан входили следующие сословия: потомственные почетные граждане, купцы, мещане или посадские, ремесленники или цеховые. К числу «сельских обывателей» относились крестьяне и поселяне разных наименований: однодворцы, казаки, бывшие заводские, горнозаводские и фабричные «государственные люди», колонисты-поселенцы и некоторые другие категории лиц, занимавшихся сельскохозяйственным трудом в различных районах Российской Империи, а также те, кто порвал

с сельскохозяйственным промыслом, переселился в города, но все еще оставался «приписанным» к своему сословию. Так, основная масса рабочих на крупнейших фабриках и заводах числилась «крестьянами».

Существовавшая строгая административная вертикаль власти вела к тому, что все так или иначе замыкалось на пик иерархической пирамиды, на самого монарха. Всякое сколько-нибудь значительное решение почти на любом уровне в конечном итоге санкционировалось царем. Эта система, работавшая эффективно не одно столетие, начала давать заметные сбои как раз в период правления Николая II. Суть дела состояла не в том, «хорош» царь или «плох», имелась у него «сильная воля» или нет. Исторические возможности монархического авторитаризма подходили к концу. Время ускоряло бег, социальная природа общества усложнялась, что требовало быстрых, оперативных решений, развития полицентризма и инициативы снизу. А это вступало в принципиальное противоречие со сложившейся практикой, возможностями самодержавной системы, жизнестойкостью империи. Эту трагическую дилемму должны были решить еще реформы Александра II. Но не решили. Следующая попытка пришлась на время Николая II, уже в XX веке.

Как глава государства, имевший огромные полномочия, Николай II обязан был стоять на страже порядка в империи. Консерватизм же политических воззрений отнюдь не означал, что монарх раз и навсегда был противником всяческих новаций и преобразований; если убеждался, что та или иная мера будет способствовать укреплению государства, росту его престижа, то почти всегда ее поддерживал. Он не мог не видеть, что улучшения нужны в различных областях жизни, но в то же время до конца был уверен, что важнейший и основополагающий принцип — самодержавие — является неременным условием существования российского государства.

Самодержавие и Россия в представлении последнего царя существовали неразрывно. В опросном листе первой Общероссийской переписи населения в 1897 году на вопрос о роде занятий написал: «Хозяин Земли Русской». Этому мировоззренческому принципу поклонялся всю жизнь, и никакие политические бури не могли поколебать его. Он целиком разделял точку зрения известного консерватора князя В. П. Мещерского, в 1914 году писавшего: «Как в себе ни зажигай конституционализм, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России». Эти, как тогда казалось многим, совершенно абсурдные пророчества всего через несколько лет полностью сбылись.

С первых же месяцев по восшествии на престол Николай II убедился, что единого координирующего органа административной власти в стране нет. Каждый министр вел свою политику, и очень часто рекомендации и желания главы одного ведомства прямо противоречили тому, что предлагал другой. Император начал практиковать создание «межведомственных» комиссий и проводить небольшие совещания, на которых председательствовал сам. На них обсуждались различные общие вопросы, и молодой царь внимательно выслушивал аргументы и доводы сановников, имевших за спиной многолетний административный опыт. Эти меры не привели к созданию единого сплоченного правительства. Оно начало формироваться лишь в конце 1905 года.

Все годы правления Николай II оставался центром жизни огромной империи, главным авторитетом и судьей. Это требовало от монарха огромного напряжения. Целыми днями был занят. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Вся эта лавина оседала в Императорской канцелярии и различных других центральных учреждениях. Определенная часть попадала к императору, который все это внимательно читал, на что ежедневно уходило несколько часов. У Николая II, как и у его отца, не было личного секретаря: он считал, что сам должен работать со своими бумагами.

Каждый день на приеме бывали министры, крупные военные чины, родственники, занимавшие различные должности в госаппарате, русские и иностранные дипломаты и многие другие. Почти каждый ставил какой-нибудь вопрос, который часто требовал незамедлительного разрешения. Во многих случаях именно императору приходилось формулировать решения в широком диапазоне проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны. Уклониться от принятия решений было невозможно. Много времени отнимали смотры и парады войск, участие в торжественных церемониях.

Достаточно точное суждение о Николае II принадлежит Уинстону Черчиллю, заметившему: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога». Последнее наблюдение известного английского политика очень точно.

Вера в Бога, искренняя и глубокая, с ранних лет и до последнего земного часа, многое объясняет в жизни последнего русского царя. В 1894 году, еще цесаревичем, он писал матери:

«Во всем волен Бог один, Он делает все для нашего блага, и нужно с молитвой покориться Его святой воле! Это верно, но иногда чрезвычайно тяжело!»

Этот мотив звучит постоянно в письмах Николая Александровича матери. Мария Федоровна сама отличалась глубоким религиозным чувством, любила сына и понимала его. Он ей сообщал самое заветное, что хранилось в глубине души. «Я с покорностью и уверенностью смотрю в будущее, известное только Господу Богу. Он всегда все устраивает для нашего блага, хотя иногда Его испытания и кажутся нам тяжелыми; поэтому надо с верою повторять: «Да будет воля Твоя» (3 августа 1898 года); «Нужно положиться всецело на милосердие Божие в уверенности, что Он знает, зачем нужно испытывать нас здесь. Я постоянно повторяю себе внутренно, что никогда не следует падать духом, а, напротив, нужно с твердою верою смотреть на будущее и надеяться на помощь и благость Господа» (7 марта 1901 года); «Господь поставил меня на трудное место, и я твердо верю, что Он поэтому не оставит меня без своего благословения и помощи» (4 апреля 1902 года); «Господь в своей благости ниспосылает нам грешным людям испытания, в то же время прибавляет нам и силы для безропотного перенесения этих испытаний» (20 августа 1902 года); «Я несу страшную ответственность перед Богом и готов дать Ему отчет ежеминутно, но пока я жив, я буду поступать убежденно, как велит мне моя совесть. Я не говорю, что я всегда прав, ибо всякий человек ошибается, но мой разум говорит мне, что я должен так вести дело» (20 октября 1902 года).

Вера давала надежную опору в окружающем мире, помогала мужественно и достойно переносить любые испытания, неприятности, трагедии. Но эта же великая вера делала монарха нередко больше созерцателем, чем активным фигурантом политического действия. Среди цинизма, безверия, нигилизма, конформизма, социальной демагогии и непримиримости, характеризовавших русскую политическую сцену в конце XIX—начале XX века, верующий в Бога, почитающий традицию, милосердный и доброжелательный политик не мог не проиграть свою историческую партию. И его проигрыш стал проигрышем всех и вся в России.

Мысль о грядущем крушении самодержавной империи в конце XIX века казалась совершенно абсурдной. Все кругом представлялось надежным, крепким, привлекательным. Николай II уверен был, что надо лишь поддерживать и развивать то, что создали его предшественники. Бог поможет, не оставит своей милостью. Рядом была Аликс, его другая надежная опора.

Конец 1894-го и почти весь следующий, 1895 год прошли в обстановке траура. Венценосцы никаких путешествий не совер-

шали, народу показывались мало. Сначала обустроивались. Первую зиму провели в Аничкове. Дальше надо было переезжать в свой дом. Аликс, когда муж после свадьбы на пять дней увез ее в Царское, была очарована красотой и уединенностью Александровского дворца. Она здесь оказалась первый раз еще в 1889 году, но тогда не успела толком оглядеться. Теперь дворец ей пришелся по душе. Понравились его просторные коридоры, широкие окна в комнатах, уютная планировка помещений. Дворец располагался в глубине парка, кругом было много деревьев и кустов. Ники рассказал, что весной здесь необычайно хорошо: ароматы сирени, пение соловьев, тишина... Решили весной сюда перебраться. Пока же переделывали левое крыло, правое, где были апартаменты отца и матери, Николай Александрович оставил без изменений.

Весной 1895 года стало известно, что Аликс беременна. Радостное волнение охватило мужа. Он старался еще бережней относиться к своей любимой, которая порой чувствовала себя неважно. В июне сообщал матери: «Почти каждый день к завтраку у нас бывал кто-нибудь из семейства, так что даже тут (в Петергофе) мы очень мало видимся вдвоем за едой, а это очень скучно, потому что бедную Аликс все время тошнит (вчера 4 раза), отчего она чувствует себя слабою и очень изводится своим состоянием». Алиса-Александра с детства не отличалась физической крепостью. Мигрени случались постоянно, мучили боли в суставах. Она еще невестой переживала по этому поводу и писала жениху, что усиленно лечится, так как не хочет, чтобы у того была «жена-инвалид». Николай II всегда с пониманием относился к недомоганиям Александры Федоровны. Его они не раздражали, а вызывали лишь сочувствие.

В июле 1895 года в царской фамилии случилось приметное событие: великая княгиня Ксения Александровна родила дочку, которую назвали Ириной. Это была первая внучка императрицы Марии Федоровны и первая родная племянница Николая II. Но самое большое впечатление это событие произвело на Александру Федоровну. Будущую мать целиком захватила радость Ксении: ее интересовало все, что касалось малютки, которую она несколько раз на дню посещала. Царица была чрезвычайно горда, что та к ней быстро привязалась.

Когда они оставались с мужем вдвоем, проводили время тихо, уединенно. Читали, разговаривали о самом для них важном. Николай Александрович в начале сентября сообщал матери: «Ежедневно мы говорим между собою: я о дорогом Папе, она — о своем отце. Я хочу, чтобы она как можно лучше и вернее знала Его, и я надеюсь, что скоро это мне удастся сделать до конца!»

Александра Федоровна тоже часто писала: брату, сестрам, бабушке. В России у нее адресатов еще не было. Но вот в конце лета 1895 года сестра мужа Ксения вместе с императрицей Марией Федоровной уехала проводить брата Георгия в Абас-туман. Его состояние вдруг резко ухудшилось. Царица оставалась в столице и обещала взять все заботы о маленькой Ирине на себя.

22 августа 1895 года писала Ксении на Кавказ: «Позволь мне прямо тебе сказать, что твоя Крошка вполне здорова. Каждое утро мы заканчиваем нашу прогулку визитом к ней, а затем я езжу к ней в семь посмотреть, как ее купают. Она в самом деле такая милая, могу представить, как ты по ней скучаешь. Она так хорошо растет, такая дружелюбная и улыбается так славно! Малышка спит почти весь день и редко просыпается ночью... В воскресенье мы ходили в церковь, потом смотрели на новых солдат и раздавали медали и фотографии старым. Дядя Владимир завтракал, пил чай и обедал у нас, Павел приехал пить чай и обедать, а Стана, дядя Миша и Сергей (Михайлович.—А. Б.) приехали вечером. Я почти закончила девятое стеганое одеяло, получается так быстро, и оно такое приятное, из толстой шерсти. Я делаю их на все случаи жизни, одно совсем большое сделала синим с малиновым для старого матроса, который живет недалеко от купальни, а остальные — в основном для детских кроваток».

Прибыв в Россию, Алиса-Александра не оставила своих давних занятий. Почти каждый день рукодельничала: шила, вышивала, штопала. Еще занималась благотворительностью. В Дармштадте этим рьяно занималась мать, что передалось дочерям. Повзрослев, гессенская принцесса уже сама принимала участие в благотворительных начинаниях и в Германии, и в Англии. Переехав в Россию, с тем не расставалась. Под ее покровительством оказались родильные приюты и «дома трудолюбия», где призревались, получая профессию, сироты и падшие женщины. Уже в первый год своей русской жизни Александра Федоровна загорелась мыслью устроить большой благотворительный базар, чтобы собрать средства на нужды этих богоугодных заведений. Заведующий ее канцелярией, граф Николай Ламздорф, которого она хорошо знала еще по Германии, где тот несколько лет возглавлял российскую миссию в Вюртемберге, посоветовал провести мероприятие в самом центре столицы, в Эрмитаже.

Александре Федоровне идея понравилась. Она сказала о том Ники, и тот сразу же одобрил. Начались приготовления. Но у многих в столице новость вызвала явное недовольство. Возмущались торговцы: их обошли, пригласили организовать торгов-

лю какого-то Франсиса, пастора-англичанина, выписывавшего массу товаров из-за границы. Возмущались великосветские дамы-патронессы различных благотворительных организаций: их не нашли нужным привлечь. Чины полиции и дворцового ведомства сетовали: такое мероприятие будет проведено рядом с царскими покоями в Зимнем дворце, туда бесконтрольно привозят множество нераспечатанных ящиков, а вдруг в них спрятана бомба!

Конечно, никто открыто не высказывался, но в своем кругу много шушукались и осуждали, осуждали, осуждали. К началу декабря 1895 года, к открытию самого базара, столичная публика уже была настроена соответственно. Народу в залах собралось множество; все горело желанием не столько принять участие в судьбе «бедных сироток» (хотя и покупок много делалось, но большей частью по мелочи), сколько поглазеть на царский выход. Это было одно из редких за тот год появлений венценосцев перед своими подданными. Впечатления столичного «бомонда» отразил в своем дневнике граф Владимир Ламздорф.

«Появившись вчера на базаре, их величества, видимо, произвели не очень благоприятное впечатление. Они, как рассказывают, имели боязливый вид: особенно застенчиво держала себя молодая государыня; правда, она вошла в зал величественно, но потом ограничилась поклонами, которые были слишком подчекнутыми и слишком частыми; не произнесла при этом почти ни единого слова. Присутствующие заметили нервные взгляды, которые ее величество бросала на потолок. Имелась целая тысяча других признаков того, что она чувствовала себя далеко не свободно. Руку она протягивала с некоторой напряженностью; поскольку она высокого роста, рука оказывалась прямо у губ тех дам, которых ей представляли, и она лишь предоставляла им поцеловать руку. То немногое, что государыня говорила, выглядело жеманно; она оказалась менее красивой, чем на портретах, где ее лицо изображается овальным, в то время как оно скорее квадратное». Столичный высший свет вынес свой беспощадный вердикт.

Александре Федоровне надо было приложить немало усилий, чтобы побороть предубеждения против собственной персоны. В силу природной застенчивости сделать это было очень непросто. И она специально никогда не пыталась добиться расположения столичного общества, хотя чувствовала, что ей мало симпатизируют. Царица знала: Петербург еще не Россия. Все эти именитые и родовитые слишком тщеславны, амбициозны, а часто и пусты, чтобы считаться с их мнением. Они давно забыли Бога и заняты лишь сплетнями и праздным времяпрепровожде-

нием; это какой-то закрытый клуб. Высшее столичное общество презрительно называла «бриджистами». Своей сестре Виктории Баттенбергской (Мильфорд-Хэвен) написала: «Петербург — исковерканный город, в котором нет ничего русского. Русский народ глубоко и искренне предан своему царю... Я люблю мою новую страну. Она так молода, могущественна и таит в себе так много добра. Только ужасно не сбалансирована и наивна. Бедный Ники! У него тяжелая и горькая судьба».

Тем годом случилась в семье венценосцев большая радость: у них родился ребенок. Родители решили: если будет мальчик, назовут Павлом, а если девочка — Ольгой. Этот выбор имен согласовали с «дорогой Мамá», которая его одобрила. 3 ноября 1895 года в Царском Селе в императорской семье появилась на свет девочка.

Вот как описал это событие счастливый отец: «Вечно памятный для меня день, в течение которого я много-много выстрадал! — писал он в дневнике. — Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях — бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 час. дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем с ней и Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 час. ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы называли Ольгой. Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодрою». Ребенок оказался крупным: 10 фунтов весом и 55 сантиметров ростом! Наступили дни полного семейного счастья. На душе у царя было благостно. «Дай Бог, чтобы он прошел так же мирно, тихо и счастливо для нас и для матушки России, как и предыдущий», — записал он в дневнике накануне наступления нового, 1896 года.

Впереди виделось много светлых и торжественных дней. Главное событие — коронация. По давней традиции, восходящей еще к Византийской Империи, существовал особый ритуал Венчания на Царство. Само название «Помазанник Божий» говорило о том, что монархи в России получали свои prerogatives, неоспоримые права не от народа, а от Всевышнего, наделявшего их властью на земле. По законам империи царь становился правителем сразу же, как только умирал его предшественник. Но то было земное установление. Существовал еще закон сакральный. Он вступал в действие после акта миропомазания, когда правитель молился Всевышнему у алтаря, прося того ниспослать ему премудрость, даровать способность управлять царством. Высшее благословение самодержец получал именно тогда. Коронация

являлась великим национальным событием, происходившим через год-два после восшествия на престол. К нему всегда долго готовились, подробно разрабатывая все детали. Церемониальные торжества неизменно происходили в древней столице России-Руси, в «ее сердце» — городе Москве.

Первого января 1896 года Николай II подписал высочайший манифест, объявлявший «всем верным Нашим подданным, что вознамерились Мы, в мае месяце сего года, в первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей, Предков наших, возложить на Себя Корону и воспринять, по святому чину, Святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезную Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Федоровну». Император отдал распоряжение, чтобы протокол предстоящих торжеств был таким же, как в 1883 году, когда на царство венчался Александр III. Программа расписывалась по часам и должна была продлиться три недели.

Сразу же после манифеста в Москве начались ремонтные и строительные работы в Успенском соборе, в дворцовых помещениях Кремля. На главных площадях воздвигали триумфальные арки, а на Лубянской площади соорудили огромный павильон в виде шапки Мономаха. Город красился, чистился, украшался. С апреля в Москву стали съезжаться должностные лица. Прибыли императорские регалии: короны, держава, скипетр, царские порфиры (мантии), коронные знаки ордена Святого Андрея Первозванного, Государственный меч, Государственная печать.

В начале мая стали съезжаться гости: греческая королева Ольга, брат германского кайзера принц Генрих Прусский, сын английской королевы Артур герцог Коннаутский, наследник итальянской короны принц Виктор-Эммануил, князь Николай Черногорский, наследник датской короны принц Фредерик и другие. Всего в церемонии приняли участие: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс. Представительные делегации прибыли из многих стран мира. Коронация Николая II стала первым событием отечественной истории, запечатленным кинохроникой.

В день рождения, 6 мая 1896 года, Николай II с Александрой Федоровной прибыли в Москву. Остановились в старом путевом Петровском дворце, при въезде в первопрестольную. Торжественный въезд в столицу состоялся 9 мая. Процессия растянулась на несколько километров. Зрелище было грандиозным: мундиры всех цветов радуги, величественные всадники на конях с развевающимися плюмажами, живописные одеяния различных народов России, делегации которых принимали участие в торжест-

вах, скороходы со страусовыми перьями на причудливых головных уборах, придворные лакеи в треуголках на головах и в расшитых золотом камзолах, чины царской охоты в старинных кафтанях с кинжалами за поясом. Аксельбанты, эполеты, блеск позументов, праздничные наряды публики — все сливалось в единую, необычайно яркую картину.

Царь ехал на белом коне, подкованном по традиции серебряными подковами. За ним верхом следовали другие члены фамилии, чины двора, генералы свиты, флигель-адъютанты. Дамы ехали в каретах. В первой золотой, запряженной четырьмя парами белых лошадей, — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Следом, точно в такой же — императрица Александра Федоровна. У Иверской часовни процессию встречали делегации земства и дворянства. В Успенском и Архангельском соборах Кремля царь и царицы прикладывались к мощам и иконам. Затем герои торжеств поднялись на Красное крыльцо, где отвесили поясной поклон народу, что вызвало бурный восторг тысяч приглашенных на церемонию. Звучавшие бесчисленное количество раз крики «ура» оглашали центр старой столицы. Все это время не переставая звонили колокола сотен московских церквей. Как на следующий день писала газета «Московские ведомости», «чувствовался величественный подъем народного духа».

Главное событие состоялось 14 мая. В половине десятого началось шествие из дворцовых покоев в Успенский собор. Первой в собор вошла императрица Мария Федоровна. Следом, по специальному помосту, проложенному от дворца до собора, следовали, сопровождаемые колокольным звоном и громогласным «ура», Николай II и Александра Федоровна. На паперти царя встретило духовенство во главе с митрополитом Московским Сергием, сказавшим напутственные слова: «Благочестивый Государь! Настоящее твое шествие, соединенное с необыкновенным величием, имеет цель необычной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя Царский венец и воспринять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит Тебе Единому, как Царю Единодержавному, но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно не повторяемо. Если же предложить Тебе воспринять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так нет и труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее Царского служения. Через помазание видимое да подается Тебе невидимая сила свыше действующая, к возвышению твоих царских доблестей озаряющая твою самодержавную деятельность ко благу и счастью твоих верных подданных».

Уже в храме произнес приветственное слово митрополит Петербургский и Ладожский Палладий, затем последовало богослужение и чтение царем Символа Веры. По окончании ему поднесли большую императорскую корону, и он стоя надел ее, а в руки взял скипетр и державу и сел на трон. Через несколько минут к нему подошла императрица Александра Федоровна и опустилась на колени. Царь снял свою корону, прикоснулся ею ко лбу жены, после чего надел ей на голову малую корону, обнял и поцеловал. Мария Федоровна подошла и обняла сына и невестку, а за нею стали подходить с поздравлениями члены императорской фамилии. Вскоре началось торжественное богослужение. Николай II сошел с помоста и вошел через царские врата в алтарь, где причастился и принял миропомазание. Затем Палладий произнес традиционную речь-поучение, входившую в чин венчания на царство. На этом церковная церемония, продолжавшаяся три часа, закончилась.

Царь занес в дневник: «Все, что произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь». Александра Федоровна писала сестре Виктории: «Служба меня совсем не утомила, скорее вдохновила сознанием того, что я вступаю в мистический брак с Россией. Теперь я действительно царица».

Далее началась череда приемов и балов. Город был необычайно иллюминирован. В Кремле построили специальную электрическую станцию, и вечером 14 мая, когда на балконе Кремлевского дворца Александра Федоровна зажгла освещение, вспыхнули тысячи электрических лампочек. Мириады огней осветили кремлевские стены, башни и купола; высветили контуры зданий на Софийской набережной. Зрелище было невиданным и вызвало искренний восторг не только у русских, но и у иностранных гостей.

Все сошло ровно, гладко, торжественно и умирительно. Царь и царица находились в приподнятом расположении духа. На душе было тихо и спокойно и, когда поздними вечерами венценосцам удавалось остаться вдвоем, они ничего уже и не обсуждали. Слова глубину впечатления передать не могли. Они чувствовали единым сердцем грандиозность, вселенскую важность события. Александра Федоровна тогда впервые и навсегда поняла и почувствовала, что есть Россия, что есть служение ей, какая великая ответственность возложена теперь на Ники, и она, верная и любящая, должна ему помогать во всем. Это угодно Господу, и в том она теперь не сомневалась.

ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

На коронации случилось и большое несчастье: первое в истории последнего царствования. Никто не мог того предвидеть, и никто его не ожидал. Но случилось... Рано утром 18 мая, на тринадцатый день коронационных торжеств, за Тверской заставой, на Ходынском поле, там, где собрались сотни тысяч людей, чтобы получить царские подарки, произошла давка и погибло 1282 человека, несколько сот было ранено. Как все случилось, почему случилось?

Программа включала традиционную для Руси бесплатную раздачу «царских гостинцев». Для этих целей, как и в коронацию Александра III, определили восточную часть обширного Ходынского поля — место народных гуляний и смотров войск. На пространстве в один квадратный километр выстроили 150 буфетов и 10 павильонов для раздачи вина и пива. Проходы к ним ограждали заборы и рвы. Так было и в 1883 году, тогда раздаточных палаток соорудили меньше, всего 100, а пришедших, в количестве около двухсот тысяч человек, удалось обслужить без всяких происшествий. Коронационная комиссия, сформированная министром Императорского двора И. И. Воронцовым-Дашковым, решила в 1896 году воспроизвести в точности то, что происходило тринадцатью годами ранее.

«Народный праздник» начинался в 10 часов утра 18 мая, но уже накануне, вечером 17-го, из прилегающих к Москве районов на Ходынку собралось не менее полумиллиона человек. Много женщин и детей. Все жаждали получить бесплатные гостинцы, которые, как рассказывали в толпе, представлялись необычайно богатыми. Уверенно утверждали, что будут раздавать и деньги. На самом же деле «коронационный подарок» включал памятную кружку, большой пряник, колбасу и сайку.

Вначале толпа вела себя смирно: кто сидел у костра, кто спал на земле, кто угощался водкой, иные пели и плясали. Но вскоре после полуночи атмосфера начала накаляться. Прошел слух: буфетчики начали выдавать «своим» и на всех заготовленного не хватит. Толпа необычайно заволновалась, люди плотным кольцом обступили палатки. С рассветом началось то, что некоторые очевидцы потом назовут «светопрествлением». Народная стихия проявилась во всем своем ужасе. Полицию в количестве примерно двухсот человек смели. Людское море бушевало. Задние ряды напирали на передних, многие падали, проваливались в ямы, наспех закрытые деревянными настилами

и присыпанные сверху землей. Живые бежали по телам, не имея уже возможности остановиться и не обращая внимания на крики, вопли и стоны.

Буфеты трещали, раздатчики в страхе выбрасывали в толпу узелки, и это лишь усиливало неразбериху и сумятицу. Один из артельщиков-добровольцев позднее рассказал на следствии: «Я выглянул из будки и увидел, что в том месте, где ждала публика раздачи, лежат люди на земле один на другом, и по ним идет народ к буфетам. Люди эти лежали как-то странно: точно их целым рядом повалило. Часто тело одного покрывало часть тела другого — рядышком. Видел я такой ряд мертвых людей на протяжении 15 аршин. Лежали они головами к будке, а ногами к шоссе». Сколько продолжалось это безумие, никто точно сказать не мог: одни говорили, несколько часов, другие — всего час, третьи — пятнадцать минут. Но к 7 утра все успокоилось. Прибыли полицейские подкрепления, толпа рассеялась, оставив после себя тела убитых и изувеченных.

Уже в 8 утра к генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу поступило сообщение о происшедшем. Первоначально полагали, что погибло около ста человек. Но вскоре стало вырисовываться настоящее положение. В половине десятого утра доложили Николаю II. Он был потрясен. В мирные дни, во время национального праздника — такое несчастье, такие жертвы, такой великий грех! Император сам расспросил полицмейстера, но тот находился в шоке и ничего внятного сказать не мог. Дядя Сергей и граф Воронцов-Дашков более вразумительно все объяснили. Но ясность лишь умножила печаль. Император отдал распоряжение провести тщательное расследование причин трагедии.

В полдень царь и царица поехали на Ходынское поле. По дороге им встретились подводы, на которых под рогожами просматривались тела погибших. Николай II остановил карету, вышел, поговорил с возщиками. Те ничего толком не знали, сказали лишь, что перевозят в Екатерининскую больницу убиенных. На самом Ходынском поле уже ничто не напоминало о происшедшем: развевались флаги, радостная толпа кричала, «ура», и оркестр непрестанно исполнял «Боже, Царя храни» и «Слався». Венценосцы проехали в Петровский дворец, где, как было запланировано заранее, им представлялись депутаты и где был дан царский обед волостным старшинам. Вечером же Николай II и Александра Федоровна присутствовали на бале, устроенном французским послом графом Густавом Монтебелло. По соображениям высокой политики, отказаться от раута они не сочли возможным.

На следующий день царь и царица присутствовали на панихиде по погибшим, а затем посетили Старо-Екатерининскую больницу, где обошли палаты, поговорили с пострадавшими. Многие из них переживали, со слезами на глазах просили царя простить их, «неразумных», испортивших «такой праздник». Николай Александрович зла не держал. Простых людей не винил. Распорядился: выдать по 1000 рублей на каждую семью погибших, для осиротевших детей учредить особый приют, а все расходы на похороны принять на его счет. Хотя страна, как утверждали монархоненавистники, находилась «в тисках самовластья», ограничений на информацию не налагалось, и газеты подробно описывали происшествие.

Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 19 мая: «Вчерашнюю катастрофу раздувают сильно возможно и враги и друзья. Ники спокоен и *удивительно* рассудителен». Московский генерал-губернатор отметил критическое настроение, охватившее различные круги вслед за известием о трагедии. Радикалы и нелегалы всех мастей ликовали: они получили такой сильный козырь! В листках и брошюрах потом на годы Ходынка станет излюбленной темой для политических спекуляций. Вывод радикалы всегда делали один: «виноваты общие условия русской жизни», а для изменения их надо свергнуть тирана, «Царя Ходынского» и тогда только народ сможет свободно вздохнуть.

Так далеко большинство других общественных групп в своей критике не заходило (пока не заходило!). Но отравленные стрелы были уже пущены во многих должностных лиц. Как могло случиться, что не были приняты соответствующие меры? Где полиция, городские власти? Почему так бездарно обустроили Ходынское поле? В России давно уж повелось: чтобы объяснить причины неудач, надо найти конкретных виновников. И их находили. Кто во всем винил Московского генерал-губернатора Сергея Александровича, кто — министра двора Воронцова-Дашкова, кто — министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, кто чинов полиции, кто всех сразу. Следственная комиссия под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева провела расследование и через два месяца подготовила заключение, где назвала фамилии ответственных: московского полицмейстера, его помощников и начальника «Особого установления по устройству народных зрелищ».

Но это уже мало кого волновало. «Просвещенная публика» знала все заранее. Чем выше должностное лицо, тем больше ему вменялось в вину. Некоторые во весь голос говорили в московских салонах, что великого князя Сергея и министра двора надо судить и отправить в Сибирь. Нечто подобное можно было ус-

лышать в те майские дни и в ближайшем царском окружении. Особенно неистовствовали двоюродные дяди Николая II, великие князья Николай и Александр Михайловичи.

Их умершая в 1891 году мать, великая княгиня Ольга Федоровна (урожденная принцесса Цецилия Баденская), вполне заслуженно многие годы слыла «первой сплетницей империи». Кто не искал ее расположения, не заискивал перед ней — становился личным врагом. Из ее гостиной вылетали жестокие клеветы, дискредитировавшие среди прочих и членов императорской фамилии. Именно она, например, озвучила гнусность, что великий князь Сергей Александрович, который «тетю Олю» и ее отпрысков терпеть не мог, — «садомит». («Труды» Цили Баденской не пропали даром: бредни о «любовных похождениях» князя Сергея до сих пор встречаются в некоторых работах.)

После кончины «ненаглядной матушки» ее сыновья подхватили эстафету. Несчастье в Москве позволило им показать себя, что называется, во всей красе. Уже с утра 18 мая друзья-князья развили бурную активность, каждому говорили о своем возмущении, обвиняли всех, но особенно нелюбимого ими московского генерал-губернатора. С царем несколько раз заводили о том разговор. Но Николай II был куда более рассудительным, чем его родственники. Ну при чем тут дядя Сергей? Он что, должен был сидеть в этих самых буфетах или командовать полицейскими? Там имелось достаточно других, непосредственно ответственных, которые многое не продумали и еще больше не учли. Несчастье везде может случиться; нельзя же отдавать под суд безоглядно.

Николаю II некоторые не советовали ехать на бал к французам, так как это «превратно истолкуют». Но ведь такое происходит потому, что толкователи недобросовестны. Они видят плохое везде, и тут ничего не изменишь. Французское посольство готовилось к этому приему несколько месяцев. Он имел важную политическую подоплеку: демонстрацию союза между Россией и Францией. Николай II знал, что в день его коронации Париж был украшен русскими флагами, там прошли дружеские демонстрации. Занятия во французских школах и лицеях в тот день отменили, солдаты получили увольнения, а чиновники раньше времени отпущены по домам. Президент Феликс Фор и члены правительства присутствовали на торжественном богослужении в русском соборе Святого Александра Невского на рю Дарю.

Такого открытого выражения дружеских симпатий к России не наблюдалось ни в одной другой стране. И вот теперь что же, император должен отказаться от посещения приема и этим нанести обиду французским союзникам. Николай II был уверен: за границей этого не поймут, начнутся кривотолки. По соображе-

ниям международного престижа на это не мог пойти. Он с Александрой Федоровной поехал к Монтебелло, но оставался там недолго. Большой же бал у австрийского посла, который Берлин и Вена готовили в противовес французскому, был отменен...

Но пока продолжались торжества в Москве, слухи и обвинения не смолкали. Великий князь Александр Михайлович, пользуясь своей ролью зятя, решил воздействовать на тещу — императрицу Марию Федоровну, чтобы та повлияла на сына и Сергея Александровича убрали. Однако со стороны императрицы-матери встретил такой отпор, которого раньше никогда не видывал. Марию Федоровну возмущали эти салонные краснобаи. Хотя она уже не питала расположения к великому князю Сергею (история со сватовством Ники не прошла бесследно), но была далека от мысли все сваливать на него и уж тем более не считала, что можно использовать этот печальный случай для безответственной критики.

Она столкнулась с новым для себя явлением, с невиданно резкими чувствами и необычно критическими настроениями. Откуда в людях обнаружилось столько ненависти, нетерпимости? Как многие досаждают бедному Ники, требуя от него безответственных решений. И в других странах случалось такое. Вот в Англии, в 1887 году, когда отмечали «золотой юбилей» — пятидесятилетие вступления на престол королевы Виктории, тоже случилась давка и сотни людей погибли. Но там никто не обвинял власть и не требовал сменить всех высших должностных лиц. В первую очередь ведь сами люди виноваты: ну почему надо было устраивать это столпотворение? Но об этом никто не говорит. Возмутительно поведение «Михайловичей» — Сандро и Николая. Они смеют учить Ники, самодержца и главу фамилии, как ему себя вести и что делать!.. Ее попытки урезонить их успеха не имели.

Расстроенная, с непроходившей головной болью, 26 мая вдовствующая императрица покинула Москву. Лишь вернувшись в Гатчину, смогла перевести дух. Оттуда написала письмо сыну Георгию, полное горьких и печальных чувств. «Наконец-то я счастлива, оттого, что все это уже *позади*. Я благодарна Богу за то, что Он помог мне справиться с моими собственными чувствами, и за то, что Он помог мне выполнить этот *страшный*, но *священный* долг, присутствовать на коронавании моего дорогого Ники и помолиться за него и рядом с ним в этот самый большой и важный момент, самый серьезный в его жизни. У него был такой трогательный и проникновенный вид, что я этого никогда не забуду». Мать была счастлива за сына-императора, но не могла обойти молчанием и печальную сторону события.

«Ужасная катастрофа на народном празднике, с этими массовыми жертвами, опустила как бы черную вуаль на все это хорошее время. Это было *такое несчастье* во всех отношениях, превратившее в игру все человеческие страсти. Теперь только и говорят об этом в мало симпатичной манере, сожалея о несчастных погибших и раненых. Только *критика*, которая так легка *после*! Я была очень расстроена, увидев всех этих несчастных раненых, наполовину раздавленных, в госпитале, и почти каждый из них потерял кого-нибудь из своих близких. Это было душераздирающе. Но в то же время они были такие значимые и возвышенные в своей простоте, что они просто вызвали желание встать перед ними на колени. Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме их самих. Они говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они как всегда были возвышенными, и можно более, чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу. Другие классы должны бы были с них брать пример, а не пожирать друг друга, и главным образом, своей жестокостью возбуждать умы до такого состояния, которого я еще *никогда* не видела за 30 лет моего пребывания в России. Это ужасно, и семья Михайловичей везде сеет раздор с насильем и злобой, совершенно неприличными».

Венценосцы выдержали коронационные испытания, хотя Александре Федоровне порой было трудно. Приходилось находиться целый день на публике, улыбаться и разговаривать со многими и многими людьми. Кроме того, понимая уже много по-русски, она стеснялась разговаривать. Могла без запинки произнести лишь некоторые молитвы, «Отче Наш», например, и общеупотребительные фразы. Да и французским, широко распространенным в высшем обществе, не владела в совершенстве. Допускала в разговоре досадные ошибки и знала об этом. Родными же ее языками, английским и немецким, в России мало пользовались. Поэтому часто приходилось молчать, что производило неблагоприятное впечатление.

Череда празднеств тянулась до 26 мая, когда все завершилось военным парадом на Ходынском поле и большим обедом для московских властей и представителей сословий. Вечером венценосцы уезжали с радостью от сознания прошедшего великого события, но с привкусом горечи в душе. Ходынская трагедия омрачила праздник. Следующий раз Николай II и Александра Федоровна приедут в Москву лишь через несколько лет: весной 1900 года проведут тут без всякой помпы Страстную неделю и лишь тогда окончательно избавятся от давних, «ходынских» переживаний.

Николай II и Александра Федоровна сразу после коронации решили погостить у Сергея и Эллы в их подмосковном имении Ильинское, которое великий князь Сергей унаследовал от матери, императрицы Марии Александровны. Усадьба была обширна, а местность вокруг необычайно живописна: величественный сосновый лес, широкие луга, изломанное русло Москвы-реки. Николай II записал в день прибытия в дневнике: «Радость неописанная попасть в это хорошее тихое место! А главное утешение знать, что все эти торжества и церемонии кончены!»

Ники и Аликс радовались возможности после трехнедельных утомительных празднеств перевести дух на лоне природы. Вместе с ними сюда же приехала старшая сестра царицы Виктория с мужем Людвигом и брат Эрнст с женой Викторией-Мелитой. Погостить в Ильинском остановилась и сестра хозяина великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская вместе со своим супругом Альфредом. Почти каждый день бывали: великий князь Павел Александрович (его поместье Усово располагалось рядом), великий князь Константин Константинович, чета князей Юсуповых.

Общество подобралось интересное, и они славно проводили время. Катались на лодках, гуляли пешком и на лошадях, удили рыбу. Царица почти каждый день собирала цветы и букетами сирени, ландышей, васильков, ромашек украшала комнаты. По вечерам много читали, устраивали представления «живых картин», играли на бильярде, дамы музицировали на фортепиано. Разговаривали о многом, но никогда не затрагивали политических тем. Так повелось сразу же после восшествия на престол Николая II: дела государственного управления не подлежат обсуждению на семейных собраниях. Николай Александрович советовался по некоторым вопросам лишь с матерью, а позже стал рассказывать кое-что Аликс.

Несколько раз всем обществом из Ильинского отправлялись в гости к Юсуповым в Архангельское, где слушали в их театре итальянскую оперу, изучали замечательные юсуповские художественные коллекции, знакомились с уникальным парком. У Александры Федоровны сложились в тот период теплые отношения с умной и образованной княгиней Зинаидой Николаевной Юсуповой, с которой проводила немало времени. Княгиня осталась последней представительницей старого и богатейшего аристократического рода. В 1882 году вышла замуж за графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона, а в 1891 году император Александр III разрешил мужу, жене и их потомству именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстон.

Так сложилось, что эта графско-княжеская семья все время находилась в ближайшем соприкосновении с монархами. Муж

Зинаиды Николаевны приходился внуком прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, первому германскому императору Вильгельму I (внебрачная связь кайзера и внучки Михаила Кутузова Екатерины Тизенгаузен), а сын Зинаиды Николаевны Феликс Феликсович (младший) в 1914 году женится на первой внучке императрицы Марии Федоровны, племяннице Николая II и его крестнице — княжне Ирине Александровне. Почти через три года после того молодой Юсупов станет убийцей друга царицы Григория Распутина. Зинаида же Николаевна превратится к тому времени в одну из самых ярких противниц царской четы. Но до тех печальных коллизий было далеко, еще шел XIX век, и ничто не предвещало грядущих расколов и разладов.

Тихая сельская идиллия продолжалась более трех недель. Со стороны могло показаться, что здесь пребывает не повелитель огромной державы, а обычный старосветский барин со своими чадами и домочадцами. На самом же деле все обстояло совсем не так. Николай II и удалившись в Ильинское остался главным центром власти великой империи, высшим средоточием ее. Каждые два-три дня прибывали из Петербурга фельдъегери, привозившие пакеты бумаг, которые император внимательно изучал.

Несколько раз приезжали должностные лица, до министра иностранных дел включительно. Император уединялся с ними, чтобы решать безотлагательные дела. Государственная машина работала вполне исправно, и царь мог себе позволить времяпрепровождение для души. Однако ношу своего тяжелого служения ощущал постоянно. В те дни, вспомнив пребывание женихом в Англии, заметил: «Какая тогда еще была беззаботная жизнь!» Теперь жизнь была совсем иная. Даже в удалении приходилось много обдумывать, готовиться к важным государственным акциям.

Тем летом Николай II и Александра Федоровна совершили большие поездки. Первая в июле, когда посетили Всероссийскую выставку и ярмарку в Нижнем Новгороде. Грандиозность увиденного поражала. Какая Россия большая, могучая, обильная; сколько заключено в ней всего необычного, чего не встретишь ни в какой другой стране мира. Хозяйственные успехи впечатляли. Николая II особенно привлекли экспозиции текстильного и горнозаводского разделов, а также выставка пушнины. Аликс же интересовало все и, несмотря на изнуряющую жару, с трудом выносимую, она осматривала экспонаты стойчески. Раздражала лишь огромная толпа зевак, целыми днями следовавшая сзади, но от этого уже никуда не денешься. Она понимала, что в России с этим надо мириться как с неизбежным.

В середине августа нанесли визит престарелому австрийскому императору Францу-Иосифу. Провели у него два дня и из Вены проехали в Киев. Затем посетили Вильгельма II в Германии, который, как всегда, замучил парадами и приемами. Далее проследовали в Данию, где ждала Мария Федоровна и другие родственники. Оттуда — напрямик в Бальморал.

Но самым важным визитом того года стало посещение Франции, куда царь с царицей прибыли из Англии 23 сентября. Провели там пять незабываемых дней. Все они были наполнены необычной торжественностью, отношение президента и правительства — выше всяких похвал, а восторг французов мог сравниться лишь с тем, что ощутили по приезде на коронацию в Москву. Конечно, грандиозность встречи и беспримерное радушие не объяснялись лишь природной экспансивностью французов.

Существовало обстоятельство несравнимо более важное: Россия в то время выступала фактически гарантом суверенитета Франции. Если бы не царская империя, не «русский щит», жестокий «тевтонский меч» неизбежно обрушился бы на «галльского петуха». Еще Бисмарк вынашивал план «довести до конца» войну 1870 года и окончательно уничтожить Францию как мировую державу, присвоив ее имперское наследство. Союзников у нее тогда не было. Однако русское правительство однозначно выступило против, дав понять Берлину, что не допустит этого. Бисмарк отступил.

В дальнейшем угроза не исчезла, но союзнический русско-французский договор дал Франции то, чего она искала давно: твердую гарантию существования. В начале первой мировой войны, наперекор стратегическим расчетам, руководствуясь лишь союзническим долгом, Россия бросит в бой против немцев свои лучшие войска и тем спасет Париж, спасет Францию от германского порабощения. Потом, когда рухнет Россия, когда «первого друга Франции», как тогда называли царя в парижских газетах, уничтожат в подвале, бывшие союзники постараются забыть о спасительной миссии России. Историки же начнут обходить эту «щекотливую тему» в своих многостраничных «объективных» и «независимых» трудах. Так будет, но тогда, на заре XX века, все выглядело по-другому.

Летом 1896 года, когда царская чета направлялась в Киев, случилось несчастье: прямо в царском поезде умер министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Он являлся вторым министром, назначенным Николаем II (первым был министр путей сообщения князь М. И. Хилков, занявший должность после смерти своего предшественника в январе 1895 года). Князь Лобанов-Ростовский заступил на важнейший государст-

венный пост лишь в феврале 1895 года, и вот опять надо решать эту проблему.

Поиск достойных кандидатов всегда волновал и озадачивал царя. Монарх был убежден, что на ответственных постах должны находиться знающие, преданные люди, способные правильно вести дело и умеющие сами намечать перспективу в своей работе и, когда надо, принимать решения, а не прятаться за спину царя. Но эта задача всегда решалась трудно. Легко было ошибиться, а случайный человек у власти мог такого натворить, что долго потом не расхлебашь. Если царь не знал кого-то лично, то интересовался мнением о претенденте у своих высокопоставленных родственников. При этом всегда происходило одно и то же: некоторые чуть ли не с пеной у рта доказывали, что указанное лицо несомненно достойно выдвижения, другие же с неменьшим пылом начинали убеждать, что ни в коем случае этого господина выдвигать нельзя. Постепенно Николай II начал избегать советов своей родни, уяснив, что во многих случаях суждения великих князей слишком пристрастны.

Нередко эту тему он обсуждал лишь с Марией Федоровной, в одном из писем к которой осенью 1897 года заметил: «Просто несносно думать все время о замене старых людей новыми». Многие сановники были в преклонных летах, просились в отставку, другие же плохо вели дело, что приводило к нежелательным последствиям. Даже самые надежные родственники, занимаемая высокие управленческие должности, доставляли массу хлопот.

Вот московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, которого назначил на этот важнейший пост Александр III еще в 1891 году. Несколько лет дела шли у него гладко. Но случилась эта Ходынка, а за ней последовали, почти каждый год, различные истории в московских учебных заведениях. До поры все обходилось довольно мирно: собирались группы молодых людей, шумели в аудиториях, принимали резолюции, осуждающие начальство. Этого нельзя одобрять, но особо страшного ничего в том не было.

Но постепенно учащаяся молодежь перестала этим довольствоваться. Начали устраивать уличные шествия, организовывать беспорядки в городе, произносили противоправительственные речи. Это уже было недопустимо; надлежало сразу же подобное пресечь. Не сумели. Николай II знал, что дядя Сергей много делал для водворения порядка в учебных центрах. Несколько раз полиция разгоняла гимназистов и студентов, и, слава Богу, обошлось без жертв. В одном случае полиция вовремя вмешалась, иначе бы смутьянам несдобровать. Послушав кучку бунтарей, толпа обывателей так разъярилась, что чуть не растерзала сту-

дентов. Но дядя Сергей погрузился в меланхолию, стал всех и все критиковать и весной 1901 года прислал письмо, говоря, что собирается уйти в отставку. Царь был обескуражен. Быстро составил ответ.

«По-моему, действительно сильное правительство именно сильно тем, что оно, открыто сознавая свои ошибки и промахи, тут же приступает к исправлению их, нисколько не смущаясь тем, что подумают или скажут. Меня всего более огорчило из твоего письма то, что ты высказал желание, когда наступит спокойное время, просить об увольнении тебя от обязанностей генерал-губернаторской должности. Извини меня, друг мой, но разве так поступать справедливо и по долгу? Служба вещь тяжелая, я это первый знаю, и она не всегда обставлена удобствами и наградами только!.. Я всегда утешаю себя мыслью: что значат эти беспорядки и проявления неудовольствия известной среды в городах в сравнении со спокойствием нашей необъятной России? Пожалуйста, не думай, чтобы я не отдавал себе полного отчета о серьезности этих событий, но я резко отделяю беспорядки в университетах от уличных демонстраций. Тем не менее я сознаю необходимость переделки всего нашего учебного строя». Наставление императора подействовало на Сергея Александровича, остававшегося на своем посту вплоть до гибели его от рук убийц в начале февраля 1905 года.

Уже в первые годы своего правления император удостоверился, что некоторые люди удивительно безответственно относятся к службе, к исполнению долга. А ведь все, принимая важный пост, дают присягу «пред Святым Евангелием», обещая «до последней капли крови» служить «Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу». Когда же случается затруднение, встречается сложная проблема, недоумение, иные ничего лучше не находят, как уйти с должности, переждать до лучших времен. Размахивают перед ним своими прошениями, надеясь отсидеться в имении, в Париже или на Лазурном берегу.

Истинных служак становится все меньше, а это грустно; без них ему тяжело. Требуются крепкие руководители, люди государственного масштаба, которых так много было в прошлом и имена которых навсегда запечатлены на скрижалях истории России. Сейчас же многие заняты лишь чинами, орденами, семейным благополучием, а служба сама по себе, долг перед Россией далеко не у всех на первом месте.

А ему куда бежать, кому подавать прошение об отставке? Разве не хотелось бы жить тихой, частной жизнью, радостями семьи, которой ему в нынешней роли не удастся уделять необхо-

димого внимания. У царя выбора нет. Он поставлен раз и навсегда, и такова его ноша. Какое счастье, что Аликс все это понимает, чувствует его настроение, сочувствует ему, старается поддержать в тяжелые минуты. Каждый день перед сном, в прошальной молитве благодарил Господа за все, что Тот ему дал.

Александра Федоровна с первых шагов своей жизни в России поняла, как тяжело здесь Ники, как много проблем и мало желающих взять их решение на себя. Все идут к нему, каждодневно докучают, на него взваливают груду больших и малых проблем, а он — честный, добрый, смиренный — тянет и тянет. Если бы была способна, если бы имела опыт и знания, то помогала бы день и ночь, отдала бы этому все свои силы. Но не умела и не знала. Лишь прожив два десятилетия в России, увидев, постигнув и перестрадав многое, рискнет предложить делу управления себя. И Николай II примет ее помощь с радостью. Однако это случится уже незадолго до крушения монархии.

Пока же царица лишь жена и мать, целиком погруженная в семейные заботы. Она всегда много читала, отдавая предпочтение книгам духовно-назидательного характера. Сохранилась целая тетрадь ее выписок из книги Дж.-Р. Миллера «Домостроительство, или Идеальная семейная жизнь». Здесь нашла подтверждение своим мыслям и представлениям. «Смысл брака в том, чтобы приносить радость. Подразумевается, что супружеская жизнь — жизнь самая счастливая, полная, чистая, богатая. Это установление Господа о совершенстве». «Долгом в семье является бескорыстная любовь. Каждый должен забыть свое «я», посвятив себя другому». «Пусть оба сердца разделяют и радость, и страдание. Пусть они делят пополам груз забот. Пусть все у них в жизни будет общим». «Если знание — сила мужчины, то мягкость — это сила женщины. Небо всегда благословляет дом той, которая живет для добра». «Дети — это апостолы Бога, которых день за днем Он посылает нам, чтобы говорить о любви, мире, надежде».

Семья была ее заботой, ее миром, «ее царством». Там она правила нераздельно, для счастья Ники и России. Когда появились дети, целиком погрузилась в материнские заботы. Именно в детской чувствовала себя надежно, уверенно, спокойно. Здесь она полностью раскрывалась, здесь все было интересно. Радость великая видеть этих крошек, таких забавных, трогательно беспомощных, которых надо ограждать от опасностей, воспитывать и выводить в жизнь. Глядя на своих детей, императрица часто улыбалась, в других же случаях улыбка озаряла ее лицо крайне редко.

Она стала матерью четырех дочерей. После Ольги 29 мая 1897 года родилась Татьяна; 14 июня 1899 года — Мария, а 5 июня 1901 года — Анастасия. ОТМА — таково было их условное общее обозначение, составленное по первым буквам личных имен, которым пользовались в царской семье. О великих князях известно чрезвычайно мало, так как близко они общались с очень ограниченным кругом лиц, из которых почти никто не пережил кровавый вихрь революции. Здесь особо интересны наблюдения швейцарца Пьера Жильяра, более десяти лет близко наблюдавшего жизнь царской семьи сначала в качестве учителя старших дочерей царя, а затем — гувернера наследника.

«Старшая Ольга Николаевна отличалась быстротой сообразительности и, будучи весьма рассудительной, в то же время проявляла своеволие, большую независимость в обращении и высказывала быстрые и забавные возражения... Она усваивала все чрезвычайно быстро и умела высказывать своеобразное мнение относительно того, что она изучала... Она очень любила читать в часы, свободные от занятий». «Татьяна Николаевна, по натуре более осторожная, очень спокойная, с большой силой воли, но менее открытая и своевольная, чем старшая сестра. Она не отличалась большими способностями, но она вознаграждала этот недостаток своей последовательностью и уравновешенностью характера. Она была очень красива, но не так очаровательна, как Ольга Николаевна... Благодаря своей красоте и качествам, которыми она обладала, Татьяна Николаевна в обществе затмевала свою старшую сестру, которая, менее внимательная к своей особе, была не так заметна. Однако эти две сестры нежно любили друг друга».

«Мария Николаевна была красивая девочка, велика для своего возраста, отличалась цветущим здоровьем и обладала чудными серыми глазами. Будучи простою в обращении, отличаясь сердечною добротою, она была одно самодовольствие... Анастасия Николаевна, наоборот, была очень резвая и лукавая. Она живо усваивала смешное, благодаря чему трудно было противостоять ее остротам. Она была слегка бедовым ребенком, недостаток, который исправляется с возрастом. Обладая ленью, очень присущей детям, она имела прекрасное французское произношение и играла небольшие сцены из комедий с истинным талантом... Словом, то, что было самого лучшего у этих четырех сестер и довольно трудно поддавалось описанию, — это их простота, естественность, искренность и безотчетная доброта. Их мать, которую они обожали, была как бы непогрешимой в их глазах...»

Девочки рождались крепкими и здоровыми, и делу их образования и воспитания Александра Федоровна посвящала много

времени. Сама составляла программы занятий, подбирала учителей, много занималась лично, обучая манерам, языкам, рукоделию, беседуя на духовные темы. С годами ей приходилось все больше и больше задумываться над будущим дочерей, которым, в силу исключительного положения, было чрезвычайно трудно устроить семейное счастье. В ноябре 1915 года царица писала мужу: «Жизнь — загадка, будущее скрыто завесой и когда я гляжу на нашу взрослую Ольгу, мое сердце наполняется тревогой и волнением: что ее ожидает? Какая будет ее судьба?»

К тому времени старшей дочери исполнилось уже двадцать лет, и, по всем представлениям того времени, следовало решать вопрос с ее замужеством, но ничего определенного не было. Александра Федоровна твердо знала: любой брак станет возможным лишь на основе взаимной любви. Рассматривалось несколько претендентов. Первого, великого князя Бориса Владимировича (двоюродный брат Николая II), человека почти на двадцать лет старше Ольги, этого великосветского и великовозрастного повесы-бонвивана, Александра Федоровна отвергла сразу и бесповоротно. Одно время возникло предположение о партии Ольги и великого князя Дмитрия Павловича, но и здесь сорвалось: Ольга не выказывала симпатии, да и родители не считали Дмитрия серьезным человеком.

Внимание царя и царицы привлек другой жених — наследник румынского престола — Кароль, который, правда, вновь не вызвал в душе Ольги никаких глубоких чувств. Эта партия рассматривалась несколько лет, и в начале 1917 года дело быстро продвигалось вперед, хотя румынскую королеву беспокоила возможная «гессенская болезнь» романовских невест. Однако до брака дело не дошло.

Почти все первые десять лет супружества радость и счастье Александры Федоровны были неполными. Ее все больше мучило чувство вины перед «дорогим Ники» и перед страной за то, что она не может подарить им наследника. Мы не знаем и теперь никогда уже не узнаем, сколько времени она провела в молитвах, как просила Всевышнего смилостивиться и послать ей и Николаю сына.

Терпение и настойчивость были вознаграждены. Летом 1904 года в Петергофе, в самый разгар бесславной русско-японской войны и почти через десять лет после замужества, царица родила сына. Это событие запечатлел счастливый отец в дневниковой записи 30 июля того года: «Незабвенный великий день для нас, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама, затем принял доклад Коков-

цова и раненного при Вафангоу арт. офицера Клепикова. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы суметь отблагодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к которому собралось все семейство. Писал массу телеграмм».

Эта радость была вызвана не только естественным чувством отца, получившего известие о рождении сына. На свет появился наследник престола, человек, к которому должно перейти вековое «семейное дело Романовых» — управление великой империей. Александра Федоровна блаженствовала, а Николай Александрович каждый день ощущал непреходящую радость, которой давно уж не испытывал. Но не прошло и шести недель, как выяснилось нечто ужасное. 8 сентября 1904 года император записал: «Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины!» Пригласили лейб-медиков, наложили повязку.

Царица первое время была сокрушена: неужели у маленького эта страшная гемофилия, против которой медицина бессильна? Но остается Господь: Он подарил им сына и дальше не оставит своей милостью. Но эту благодать надо заслужить, а для этого жить по-христиански. Она пыталась реализовать это намерение в меру своих представлений, почерпнутых из евангельских текстов и житий православных святых. Царь разделял настроения жены. Надо было вести образ жизни, угодный Богу, и избегать мирской суеты.

Царская чета свела к минимуму демонстрации роскоши и величия императорского двора. Были прекращены пышные, грандиозные и дорогие царские увеселения (последний раз в истории империи грандиозный костюмированный бал состоялся в начале 1903 года).

Постепенно сокращалось количество церемоний, которые царица всегда не любила, а после рождения сына стала просто ненавидеть. Повседневный уклад романовской семьи становился простым и бесхитростным. Венценосцы проявляли удивительное безразличие к изысканности и богатству, не имевшим для них никакого значения. Так, например, дорогие фрукты и сласти, тонкие вина и необыкновенные блюда можно было видеть на царском столе лишь в дни официальных приемов и торжеств.

Однако целиком самоустраниться от традиций, роскоши и представительских обязанностей императрица, конечно же, не

могла. Она вынуждена была присутствовать на парадных мероприятиях даже тогда, когда сердце разрывалось от горя, должна была встречаться постоянно с какими-то людьми, когда душевных сил для общения почти не было, когда все помыслы были устремлены туда, где лежал ее тяжело больной ребенок.

На свои обязанности императрица стала смотреть как на акт самопожертвования, но в душе негодовала, когда другие начинали жаловаться ей на свою тяжелую участь. По ее мнению, груз ноши самодержцев ни с чем не мог сравниться. Вращение в фальшивой и чванливой придворной среде и бесконечные встречи с докучливыми родственниками ей никогда не доставляли удовольствия, но с этим тоже приходилось мириться.

Радость и покой она обрела лишь в семье, когда там все было благополучно, и этот мир строго охраняла от глаз посторонних, что удавалось с большим трудом. Желание Александры Федоровны изолировать себя и детей от любопытных взоров лишь подогревало интерес в свете, и чем меньше здесь было действительных сведений о жизни царей, тем больше появлялось домыслов и предположений. При такой нелюбви, которую вызывала императрица, они во многих случаях были неблагоприятными.

Злоязыкий и беспощадный аристократический свет скорее бы простил ей адюльтер, чем пренебрежение к себе. Он платил ей фабрикацией слухов и сплетен, к чему постепенно подключились и либеральные круги, где критические суждения, а потом и осуждение Романовых, и в первую очередь Александры Федоровны, сделалось как бы «хорошим тоном». Развитию этого своего рода промысла способствовало два обстоятельства: замкнутость жизни венценосцев и безнаказанность инсинуаторов.

Природа самодержавия не давала возможности воспрепятствовать распространению домыслов. В печати о жизни семьи практически ничего не публиковалось, кроме официальных известий о царских поездках, приемах и присутствиях. Сделать же свой дом доступным для обозрения алчной до сенсаций толпы ни Николай II, ни Александра Федоровна никогда бы не смогли; для них это явилось бы кощунством. Но и опуститься до публичного опровержения циркулировавших слухов также не имели возможности. И все оставалось годами неизменным: одни инспирировали сплетни, которые, не встречая никакого противодействия, охватывали все более широкие общественные круги, а другие старались делать вид, что выше сплетен, и все более обособливались от этого враждебного мира.

ВРЕМЯ БОЛИ, СТРАХОВ И НАДЕЖД

Рождение цесаревича наполнило жизнь царской семьи радостью, страхами и волнениями за судьбу Алексея Николаевича. Особенно сильно переживала Александра Федоровна. Она так давно и так страстно ждала мальчика, так молила Господа ниспослать им благословение и подарить ей и Ники сына, а России наследника престола, будущего царя. Она всегда была религиозна, но после появления Алексея и обнаружения у него страшного недуга ее вера в милость Всевышнего стала для нее единственной надеждой.

Очень много всегда говорили и писали о том, что царь, а особенно царица, являлись «мистически настроенными» людьми. Из этого часто делали неблагоприятные для них выводы. Само понятие «мистика» происходит от греческого слова «mystika» и в буквальном смысле означает «тайнство». Христианство без сакрального, трансцендентного существовать не может. Вера в тайнство, принятие его является неразрывной частью мировосприятия каждого христианина. Если для атеиста и прагматика существование сверхъестественного представляется абсурдным, то для верующего «нереальное» не только возможно, но и желанно, а чудо воспринимается как проявление Высшей воли, Божественного промысла.

Царь и царица, как верующие люди, воспринимали происходящее и реагировали на него часто совсем не так, как то делали многие их оппоненты и враги, давно расставшиеся с ценностями православия. Жизненные символы и ориентиры последних находились в иной плоскости: они упивались «прогрессивными моделями», социальными химерами, порожденными или в западноевропейских странах, или сочиненными в России; пели осанну «здоровому смыслу». Царь же склонялся перед волей Господа; Ему доносил боль своего сердца. Когда случалось несчастье, вслух не сетовал, а шел в храм, к алтарю, к Божественному Образу и там, на коленях, раскрывал все, что накопилось в душе, все, что волновало и мучило. Так же примерно поступала и Александра Федоровна. Для христианина подобное поведение являлось естественным.

Однако тем, кто воспринимал происходившее со стороны, для кого церковь, крест, икона являлись лишь предметами в лучшем случае эстетического любования, а литургия только впечатляющим действием, поведение царя казалось непонятым, вызывало осуждение. Действительно: случилось неприятное

происшествие или даже убийство кого-то из сановников, и что же царь? Совсем, как могло показаться, и не переживал. Когда узнавал о том, задумывался лишь ненадолго, а потом вроде бы как ни в чем не бывало продолжал разговор о разных разностях. В соответствии с расхожим представлением это якобы свидетельствовало о «бездушии», «безразличии» монарха. Данное, очень распространенное, умозаключение лишь подчеркивает, что его распространителям неведомы никакие иные формы проявления чувств правителя, кроме публично-театральных.

Вот, скажем, один из самых известных случаев. 1 сентября 1911 года в присутствии царя и его дочерей в Киевском театре совершено злодейское покушение на премьера Петра Столыпина. Сколько потом судачили и злословили по поводу поведения царя: не так себя вел, проявил безучастность, не засвидетельствовал расположение! А ведь все было совсем не так. Когда узнал о смерти верного премьера, перво-наперво поехал в клинику, где скончался Столыпин, где и состоялась панихида. Там царь молился за упокоевание души того, кто несколько лет возглавлял правительственную власть в России. А что он должен был сделать: собрать ассамблею, выступить с поминальной речью? Но такого не могло случиться потому, что Николай II с детских лет твердо усвоил, что сетовать на смерть бессмысленно: срок жизни и последний день определяет Господь, и как распорядился, так тому и быть. Со смертью близких и верных людей последнему царю пришлось соприкаться множество раз.

Безумная оргия убийств верных царю людей началась за десять лет до гибели Петра Столыпина. Точкой того кровавого мартиролога жертв стал выстрел в феврале 1901 года. Тогда студент-недоучка П. Карпович без всяких видимых причин застрелил министра просвещения Н. П. Боголепова. Затем каждый год случались новые и новые убийства, покушения на должностных лиц всех уровней. И царь всегда переживал, узнавая об очередном злодеянии. Но на публике редко выказывал свое возмущение, а в душе оставались горечь и досада. После гибели летом 1904 года министра внутренних дел В. К. Плеве записал в дневнике: «Строго посещает нас Господь гневом Своим».

Случались и происшествия, когда самообладание не удавалось сохранять и на какое-то (правда, непродолжительное) время терял душевное равновесие. Когда в апреле 1902 года молодой террорист Балмашев прямо в здании Государственного Совета убил министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина, для царя это стало страшным ударом. Возмущал и сам факт, и дерзкие обстоятельства, ему сопутствовавшие. Негодяй, переодевшись в военную форму, свободно в середине дня под видом адъютанта великого князя Сергея Александровича про-

шел в государственное учреждение. Потом выяснилось, что ему всего 21 год, но он являлся уже членом боевой организации партии эсеров.

Николай II Сипягина хорошо знал лично. Тот был ранее товарищем министра внутренних дел и несколько лет возглавлял Канцелярию по принятию прошений на Высочайшее Имя. Это был милый, добрый человек, но твердый в своих убеждениях и преданный без лукавства, без лести и бескорыстно. Царь и царица тепло относились и к его супруге, Александре (Аре) Павловне, урожденной княжне Вяземской, внучке поэта Вяземского. Они неоднократно и запросто бывали в доме Сипягиных, и император считал Дмитрия Сергеевича одним из своих немногочисленных друзей. И вот его не стало. Через три дня после покушения в письме матери Николай II признался: «Для меня это очень тяжелая потеря, потому что из всех министров ему я доверял больше всего, а также любил его как друга. Что он исполнял свой долг честно и открыто это все признают, даже его враги... Душою я совершенно спокоен и уверен в себе, разумеется, всецело приписывая это состояние особой милости Божией».

У Александры Федоровны вера в то, что «сердце царево в руках Божьих», проявлялась значительно ярче. Она ко всему относилась более страстно. Это обнаружилось уже в первые годы замужества. Поиск скрытого смысла в окружающем реальном мире заставлял царя, но особенно царицу, серьезно относиться к непонятному, загадочному, необъяснимому. Одно время они увлеклись телепатией. Сохранилось письмо Александры Федоровны Ксении Александровне, где описывается подобный сеанс. Дело происходило во время посещения Дармштадта осенью 1899 года.

Там тогда собралось приятное общество. Родственники и близкие по интересам люди: сестры Виктория и Ирэна с мужьями, герцог и герцогиня Эдинбургские, Эрнст и Виктория-Мелита Гессенские, а также греческий принц Николай и три великих князя из России: Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи. Время проводили весело: гуляли, читали, играли в различные игры. Дамы были заняты серьезным делом: готовили вещи к благотворительному базару. Несколько дней все вместе вели археологические раскопки в окрестностях Дармштадта, на древнем городище. Археологам-энтузиастам повезло. Нашли несколько керамических горшков и изделия из бронзы: семь колец, две серьги и цепь.

Но самым примечательным стало событие, о котором царица поведала в письме от 10 октября. «У нас здесь был весьма занятный телепат вчера вечером. Не прикасаясь к нему, мы его заставили выделять разные вещи. Мы заставили его найти

брошь Вики, которую мы прикололи сзади к пиджаку одного из мужчин. Он не знал, что было спрятано, но нашел ее очень быстро, описав ее как красный камень с белым вокруг, что было правильно. Он способен угадывать слова. Он ни к чему не прикасался и ничего не переворачивал. Слишком долго описывать дальше, но это было совершенно чудесно. Вот одна из самых необычных вещей, что он сделал: заставил нас сесть, как нам нравится, в большой комнате полной вещей, затем один раз хорошо осмотрел нас всех, опустил глаза, мы поменялись местами и он должен был нас рассадить снова на наши стулья (без чьих-либо подсказок), когда он ошибся один раз, сразу это заметил и пересадил снова. Никого не забыл и снова усадил Даки (Викторию-Мелиту.—А. Б.) мне на колени».

Александра Федоровна не ради простого любопытства тянулась к непонятному, потустороннему. Она искренне надеялась, что «найдет ключик к заповедной двери», сможет добиться благорасположения небес. Это особенно касалось одного, в первые десять лет ее жизни в России самого важного, первостепенного — рождения наследника. Веря с детства в силу различных примет, пророчеств, знамений и чудес, она уверовала в чудодейственные способности одного хироманта и целителя из города Лиона, француза месье Филиппа. Он ей предсказал рождение сына, и она всегда вспоминала имя этого человека с глубоким почтением.

Царская чета познакомилась с этим гипнотизером и спиритом, лечившим нервные болезни, в замке Компьен, во Франции, 20 сентября 1901 года. Его горячо рекомендовали великий князь Петр Николаевич и его супруга великая княгиня Милица Николаевна, бывавшие на его спиритических сеансах и пользовавшиеся его лекарскими способностями: он излечил их маленького сына Романа от приступов эпилепсии (падучей). Подобная заслуга сразу внушила доверие Александре Федоровне. Этот целитель без диплома, мэтр оккультных наук и гипнотизер произвел сильное впечатление на царскую чету и позднее несколько раз полуофициально приезжал в Россию, где его всегда охотно принимали в великокняжеских салонах и интимных царских покоях.

Во французских правящих кругах с удивлением отнеслись к вниманию и расположению, которые вызывал у императора России этот человек, имевший в полицейских сферах репутацию авантюриста. Секретарь французского президента Эмиля Лубе, после пребывания царя осенью 1901 года во Франции, написал о Филиппе: «Этот печальный персонаж является французским врачом или называющим себя таковым, занимающим должность при дворе императора Николая (он был назначен номинально

врачом русской армии и получил чин действительного статского советника.—А. Б.). У него нет никакого другого патента на занятия медициной, кроме какого-то американского диплома... Как может быть, что Николай II проявляет такой интерес к этому псевдоврачу, который в действительности является магнетизером и шарлатаном? Мы уже знаем, что император провел с ним с глазу на глаз добрую часть того вечера, который программа празднеств оставляла свободной».

О чем говорили и чем занимались французский чародей и коронованные особы на тайных вечерах-посиделках, остается неизвестным. Придворные сплетничали, что француз вызывал дух императора Александра III и родителей Александры Федоровны. Так или иначе, но несколько раз Николай II и его супруга встречались с «месье Филиппом». При русском дворе, особенно со времен Александра II, европейские маги, хироманты и чародеи появлялись нередко. При Александре III царский дом закрылся для подобной публики, но в аристократических особняках они продолжали оставаться желанными гостями. Трудно было найти в столице империи великосветское «палаццо», где бы не устраивались спиритические сеансы. Николай II и Александра Федоровна, принимая у себя Филиппа, лишь следовали распространенному повертию.

Колоритную зарисовку этого человека оставил русский полицейский агент, журналист и аферист И. Ф. Манасевич-Мануйлов, сопровождавший в России французского визитера: «Я увидел, как вошел толстый человек с большими усами, одетый в черное, скромного и серьезного вида, похожий на учителя в воскресный день, его костюм был очень прост, но удивительно чистый. В этом человеке не было ничего примечательного, кроме его голубых глаз, полузакрытых тяжелыми веками, но которые иногда вспыхивали и светились странной мягкостью. У него на шее был треугольный платок из черного шелка. Я его спросил, что это такое? Он таинственно извинился, сказав, что не может на это ответить».

Мнение французской полиции об этом человеке было доведено до сведения царя, но не произвело на него сильного впечатления. Император и особенно императрица верили в первую очередь себе, своему чувству и собственным ощущениям, что часто и определяло их отношения к людям вне рамок протокола. Николай II обретал в общении с Филиппом душевный покой. О своих ощущениях царь поведал в письме своей тетке Марии Максимилиановне Баденской. Оно написано вскоре после последнего посещения «месье Филиппом» России и датировано 30 апреля 1902 года. «Наш друг, — сообщал Николай II, — провел 4 дня с нами в Петербурге, как раз перед самым этим собы-

тием (речь идет об убийстве министра внутренних дел Д. С. Сипягина.—А. Б.), что значительно облегчило мне перенесение ниспосланного испытания. Словами невозможно передать впечатления, через которые мы все прошли от бесед его. Мы часто думали о Тебе и сожалели о Твоем отсутствии. Кажется, летом он снова придет и будет жить опять на Знаменке. После всего слышанного от него — так легко жить и переносить всякие невзгоды».

Царица жаждала не только покоя; ей нужна была надежда, которую Филипп и давал. С «мэтром оккультных наук» в биографии Александры Федоровны связан один удивительный эпизод. Огромная сила воли царицы проявилась самым неожиданным образом в том, что под воздействием предсказаний лионского чародея тридцатилетняя женщина, мать четверых детей, летом 1902 года заключила, что она беременна. Об этом сразу же стало широко известно. Знаток закулисной придворной жизни статс-секретарь А. А. Половцев в дневнике записал, что в середине августа царица «призвала лейб-акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Объяснение об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить и т. д. Такой эпизод не поколебал однако доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в глазах их быть превосходным и вдохновенным человеком».

Последующие события многое изменили в жизни венценосцев. Они отказались и от всякого рода «светских забав» и всего того, что выходило за пределы православной традиции. Перелом наступил летом 1903 года, когда в июле состоялись национальные торжества, связанные с канонизацией Серафима Саровского. Сам этот акт, долго встречавший сопротивление даже среди церковных иерархов, стал возможным лишь благодаря поддержке Николая II.

15 июля 1903 года из Петергофа в далекую Саровскую пустынь, уединенное место на границе Тамбовской и Нижегородской губерний, вышел императорский поезд, в котором находился царь, две царицы, некоторые члены императорской фамилии. Утром 17 июля прибыли к городу Арзамасу, откуда в открытых экипажах двинулись дальше. Надо было таким путем преодолеть около ста верст. Туда же двигались толпы простого народа, встававшие на колени и замиравшие в благоговейном почтении, как только видели проезжающего царя со свитой. В Саров собралось тогда, по разным оценкам, от 150 до 300 тысяч богомольцев со всей России.

18 июля началось самое важное. Утром царь и другие прибывшие отправились в скит, где проводил свои дни преподобный, умерший еще в 1833 году и давно почитаемый в народе за святого. Затем состоялся перенос мощей праведника в Успенский собор, где проходило торжественное богослужение и прославление. Процедура длилась почти пять часов. Присутствовавшие ощущали необычайный подъем духа, не чувствуя усталости. Даже Александра Федоровна всю службу простояла. Торжества длились три дня.

Именно там, в Саровской обители, царица по-новому ощутила свое предназначение, заново многое остро и глубоко почувствовала. Она знала, что если совершить омовение в саровском источнике, то излечишься от недуга, а еще можно загадать желание, и оно сбудется. Александра Федоровна искупалась в чудодейственных водах. Самое сокровенное желание оставалось неизменным — рождение сына. Через год счастье сбылось.

Алексей Николаевич появился на свет, когда Россия вела войну да далеко на востоке, войну, не принесшую славы. Почему она случилась и почему она именно так протекала? Об этом много всегда размышляли, а оценки, как уж давно повелось, делались прямо полярные. Одни уверяли, что это безумная и абсурдная авантюра, в которую правящие круги втянулись, преследуя агрессивные имперские цели (точка зрения, до сих пор воспроизводимая во многих сочинениях). Другие же считали, что России навязали войну ее враги и недоброжелатели. Царь тоже так считал и не сомневался, что его долг — поднять перчатку, брошенную империи, и достойно ответить на вражеский выпад. В любом случае говорить о том печальном событии отечественной истории надо лишь с учетом реальных обстоятельств, глобальной расстановки сил мировых держав, что и определяло имперскую политику России.

Еще со времени Петра I, с 1721 года, Россия именовалась империей. Термин «империя» происходит от латинского слова «*imperiū*», обозначающий собственно власть. В европейской политической культуре XIX—XX веков этим понятием определялись крупные, главным образом монархические, государственные образования, возникшие в результате подчинения различных территорий за пределами исконной метрополии. Такими государствами были Британская империя, Французская империя, Германская империя и некоторые другие.

Имперская судьба России носила немало специфических черт и во многом принципиально отличалась от истории Англии или Франции. Территориальные приращения здесь осуществлялись веками в процессе борьбы за выживание, против агрессии с Юга, Запада и Востока. Россия оказалась сильнее многих своих

соседей и еще задолго до Петра I начала интегрировать в свой состав разнородные племена и обширные области. Однако Россия, в общем-то, никогда не была колониальной державой в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У нее никогда не было метрополии как таковой; исторический центр был, а метрополии не было. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной безопасности и государственной стабильности.

Существование любой империи определяется факторами, часто не поддающимися прогнозированию и регуляции правил. Инерция имперского мышления, имперских интересов и амбиций диктует политику, определяет государственные решения, ведущие нередко к трагическим результатам.

Россия имела обширные владения на Дальнем Востоке. Эти территории были чрезвычайно удалены от центра страны и слабо задействованы в общегосударственном хозяйственном обороте. Изменить ситуацию должна была Сибирская железнодорожная магистраль, строительство которой началось в 1891 году. Ее намечалось проложить по южным районам Сибири с выходом к Тихому океану во Владивостоке. Общая протяженность ее от Челябинска на Урале до конечного пункта составляла около 8 тысяч километров. Это была самая длинная железная дорога в мире.

В 1894 году Япония начала войну против Китая за овладение Кореей, являвшейся вассальным Китаю государством. Война сразу же выявила военное и стратегическое превосходство агрессора, и в апреле 1895 года китайское правительство подписало унижительный Симоносекский договор, предусматривавший отторжение от Китая Тайваня (Формозы), некоторых других островов и Ляодунского полуострова. Выполнение этих условий резко усилило бы мощь Японии, что не отвечало интересам европейских государств. Россия, Германия и Франция добились изменения кабальных условий, в результате чего Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова. В 1898 году по соглашению с Китаем Россия арендовала полуостров и начала создавать здесь укрепленный форпост и военно-морскую базу Порт-Артур.

В 1896 году русскому правительству удалось добиться от Китая концессии на прокладку восточного участка дороги по территории Маньчжурии. Этим путем достигалось, как казалось в Петербурге, две цели. Во-первых, укорачивалась протяженность железнодорожного полотна и резко сокращались строительные затраты, а во-вторых, железная дорога становилась удобным орудием утверждения российского влияния в Северном

Китае, чтобы не допустить утверждения в этом важном стратегическом районе Японии, вступившей в полосу активного индустриального развития и все явственней демонстрировавшей свои экспансионистские претензии. Между Россией, Японией, Китаем, Англией, Францией, Германией в конце XIX—начале XX века проводились интенсивные консультации и совещания, делались попытки изыскать приемлемую формулу сосуществования разноименных интересов. В правящих кругах России относительно дальневосточной политики отчетливо обозначились две тенденции, два подхода, две партии.

К первой, условно называемой «партией силы», принадлежали: наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев, председатель Комитета министров И. Н. Дурново, министр внутренних дел В. К. Плеве и некоторые другие весьма высокопоставленные лица, а лидером этого направления выступал шурин императора Николая II великий князь Александр Михайлович. Эти деятели, являясь носителями традиционных имперских представлений, ратовали за проведение жесткого внешнеполитического курса в сопредельных с Россией районах, считая, что любые уступки и компромиссы вредны для престижа государства.

Второе направление олицетворяли министры иностранных дел М.Н. Муравьев, В.Н. Ламздорф и министр финансов С.Ю. Витте.

Николай II в вопросах внешней политики был чрезвычайно чувствителен ко всему, что хоть как-то задевало имперский престиж России. Политика мирного сосуществования была близка и понятна Николаю II, она отвечала его внутренним убеждениям и соответствовала ориентирам, унаследованным от императора Александра III. Но время такой политики еще не пришло.

К началу XX века главным узлом международных противоречий для России стал Дальний Восток и важнейшим направлением внешнеполитической деятельности — отношения с Японией. Русское правительство сознавало возможность военного столкновения, но не стремилось к нему. В 1902 и 1903 годах происходили интенсивные переговоры между Петербургом, Токио, Лондоном, Берлином и Парижем, которые ни к чему не привели. Япония добивалась признания своего господства в Корее и требовала от России ухода из Маньчжурии, на что царское правительство, конечно же, пойти не могло, хотя и готово было на некоторые уступки. Уже в 1903 году стало ясно, что японские правящие круги деятельно готовятся к войне. Россия начала предпринимать ответные действия. В начале 1904 года она имела на Дальнем Востоке сотысячную армию, флот насчитывал 69 боевых кораблей. Однако этого было недостаточно.

Япония обладала значительным превосходством и на суше, и на море.

Ночью 27 января 1904 года 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. На следующий день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Лишь 28 января Япония объявила войну России. Вероломство Японии вызвало бурю возмущения в России. Положение на Дальнем Востоке было постоянно в центре внимания императора, о чем свидетельствуют его краткие дневниковые записи. «Вечером получил известие и прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда» (24 января); «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим... Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!» (26 января).

России была навязана война, которой она не хотела, но которая явилась логическим следствием имперской политики. Она продолжалась полтора года и оказалась бесславной для страны. Причины общих неудач и отдельных конкретных военных поражений вызывались различными факторами, но к числу главных относились: незавершенность военно-стратегической подготовки вооруженных сил, значительная удаленность театра военных действий от главных центров армии и управления и чрезвычайная ограниченность сети коммуникационных связей. Бесперспективность войны со всей определенностью проявилась уже к концу 1904 года. После падения 20 декабря крепости Порт-Артур мало кто в России уже верил в благоприятный исход кампании. Первоначальный патриотический подъем сменился унынием и раздражением. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений.

Власть находилась в состоянии оцепенения; никто не мог предположить, что война, которая, по всем предварительным предположениям, должна была быть непродолжительной, так надолго затянулась и оказалась столь неудачной. Император долго не соглашался признать дальневосточный провал, считая, что это лишь временные неудачи и что России надлежит мобилизовать свои усилия для удара по Японии и восстановления престижа армии и страны. Он, несомненно, хотел мира, но только лишь *почетного мира*, который могла обеспечить сильная геополитическая позиция, серьезно поколебленная военными неудачами. К концу весны 1905 года стало очевидным, что воз-

возможность изменения военной ситуации существует лишь в отдаленном будущем, а в ближайшей перспективе надлежит незамедлительно приступить в мирному разрешению бесперспективного конфликта. К этому вынуждали не только соображения военно-стратегического характера, но и осложнения внутренней ситуации в России.

В мае 1905 года Николай II согласился на посредничество президента США Теодора Рузвельта по заключению мира. 29 июня царь подписал указ о назначении С. Ю. Витте первым уполномоченным России на переговорах. На следующий день бывший министр финансов был принят монархом, получил соответствующие инструкции и 6 июля 1905 года вместе с группой экспертов по дальневосточным делам выехал в США, в город Портсмут, где намечались переговоры.

Ситуация для российской стороны осложнялась не только военно-стратегическими поражениями на Дальнем Востоке, но и отсутствием предварительно выработанных условий возможного соглашения с Японией. Глава делегации получил лишь указание ни в коем случае не соглашаться ни на какие формы выплаты контрибуции, которую никогда в истории Россия не платила, и не уступать «ни пяди русской земли», хотя к тому времени японцы оккупировали уже южную часть острова Сахалин. Япония заняла первоначально в Портсмуте жесткую позицию, потребовав в ультимативной форме от России полного ухода из Кореи и Маньчжурии, передачи российского дальневосточного флота, выплаты контрибуции и согласия на аннексию Сахалина.

Русской делегации удалось в итоге добиться почти невозможного: удачного завершения трудных переговоров с благоприятным результатом. 23 августа стороны заключили соглашение. В соответствии с ним Россия уступала Японии арендные права на территории в Южной Маньчжурии, половину Сахалина, признавала Корею сферой японских интересов. Стороны обязались вывести войска из Маньчжурии, использовать железнодорожные линии исключительно в коммерческих интересах и не препятствовать свободе мореплавания и торговли. Портсмутские договоренности стали несомненным успехом России, ее дипломатии. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не на договор, заключенный после неудачной войны.

Осенью того же года в России развернулись бурные политические события, не имевшие аналогов в прошлом. Вторая половина 1905 года — время наивысшего подъема того, что одни называли первой русской революцией, а другие — хаосом и анархией.

Отсчет хронологии этого «политического землетрясения» ведется от воскресенья 9 января 1905 года, когда в Петербурге

состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся трагически. Тот день получил название Кровавого воскресенья и навсегда остался в летописи отечества днем скорби. В центре драмы оказался уроженец Полтавской губернии священник Г. А. Гапон — личность во многих отношениях темная. Обладая даром слова и убеждения, он занял заметное место в рабочей среде Петербурга, организовав и возглавив в 1904 году легальную общественную организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Гапоновская ассоциация пользовалась расположением властей, и ее деятельность первоначально протекала под покровительством Департамента полиции. Этот период, получивший позднее название «полицейского социализма», неразрывно связан с именем полковника С. В. Зубатова, возглавлявшего в 1896—1902 годах Московское охранное отделение, а затем занявшего в центральном аппарате Министерства внутренних дел пост начальника Особого отдела. В молодости он сам увлекался революционным движением, но затем разочаровался в нем и стал убежденным сторонником самодержавия, считая, что гибель монархии станет гибелью России. «Те, кто идут против монархии в России, — наставлял С. В. Зубатов, — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

Широко мыслившие правоверные монархисты, к числу которых относился полковник С. В. Зубатов, еще задолго до 1905 года разглядели новую и невиданную раньше опасность — рабочее движение. Имущественное и бытовое положение этой категории населения было чрезвычайно трудным. Рабочие концентрировались компактными массами вокруг промышленных заведений в крупных индустриальных центрах. Проблемы и нужды рабочего люда капиталистов интересовали мало, что делало их восприимчивыми к радикальной, в первую очередь социалистической, агитации, исходившей от нарождавшихся радикальных группировок марксистского толка. Рабочая среда могла стать угрожающим «взрывным материалом». С целью предотвратить подобное развитие событий С. В. Зубатовым была предложена идея создания под контролем властей легальных союзов, выражающих и отстаивающих интересы рабочих. Идеологически замысел базировался на том, что русский царь находился вне партий, был главой всего русского народа, а не какой-то отдельной его части. Поэтому беды рабочих не могли оставаться безразличны властям, монархом поставленным. Министерство внутренних дел и его глава в 1899—1902 годах Д. С. Сипягин выступали в известном смысле антиподом Министерства финансов, возглавляемого С. Ю. Витте, питавшего преувеличенное расположение к промышленникам. Идею создания под патрона-

жем власти рабочих союзов, как и самого С. В. Зубатова, деятельно поддержал дядя Николай II, Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. В начале февраля 1902 года князь Сергей писал своему брату Павлу: «Сегодня у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав общества самопомощи. Дело *очень* интересное, серьезное, даже скажу *опасное* — обоюдоострое, но, по моему крайнему разумению, *необходимое* по теперешним временам».

Власть стремилась выступать беспристрастным арбитром в социальных спорах и конфликтах между рабочими и предпринимателями, дать рабочему люду надежду и поддержку против «акул капитализма» и «хищников наживы». Подобный социальный романтизм способствовал возникновению и гапоновской организации в Петербурге, устав которой был утвержден Министерством внутренних дел 15 февраля 1904 года. К концу года она уже имела 17 отделений (отделов) во всех рабочих районах столицы. Задача общества состояла в том, чтобы способствовать трезвому и разумному времяпрепровождению, укреплению русского самосознания, правовому просвещению. Члены организации платили небольшие взносы, имели возможность пользоваться бесплатной юридической консультацией, библиотекой, посещать лекции, концерты. Собирались рабочие в специальных помещениях, клубах или чайных, где и происходили встречи и беседы. Такие собрания посещали тысячи человек. И постоянно перед ними выступал Георгий Гапон, страстно клеймивший хищников — хозяев, рисовавший проникновенные картины общественной несправедливости, что вызывало живой отклик у слушателей. «Батюшка» быстро прослыл радетелем за «народное дело».

Трудно точно установить, когда именно возникла идея идти к царю и просить у него «правды и защиты», но уже в декабре 1904 года она широко обсуждалась на собраниях. В начале января 1905 года на крупнейшем предприятии Петербурга — Путиловском заводе вспыхнула стачка, вызванная увольнением нескольких рабочих. Забастовка быстро начала распространяться, и к ней стали примыкать рабочие других предприятий. Это событие ускорило ход дел, и рабочие почти единогласно принимали решение идти к царю с петицией. Но с полным перечнем самих требований рабочие в массе своей ознакомлены не были; он был составлен небольшой «группой уполномоченных» под председательством Гапона. Рабочие лишь знали, что они идут к царю просить «помощи трудовому люду». Между тем, наряду с экономическими пунктами, петиция содержала ряд политических требований, причем некоторые затрагивали основы государ-

ственного устройства и носили откровенно провокационный характер. В их числе: созыв «народного представительства», полная политическая свобода, «передача земли народу».

Знали ли сам Гапон и кучка его приспешников, что выдвигают требования, заведомо невыполнимые, что сам акт «народного шествия» может привести к непредсказуемым результатам? Да, безусловно, знал и надеялся как раз на это. Составители петиции не только выдвигали перечень требований, но и желали, чтобы царь тут же перед толпой «покаялся выполнить их», что было совершенно невероятно.

Провокация 9 января 1905 года в полной мере удалась. Уже потом выяснилось, что Гапон давно замыслил общественное действие, способное поколебать устои и вызвать смуту в стране. Этот человек был абсолютно аморален. Он лгал властям, изображая из себя законопослушного гражданина, лгал людям, уверяя, что их интересы и чаяния ему ближе всего на свете, лгал Богу, говоря о мире и любви, а в душе поклоняясь террору и насилию. Он мастерски лицедействовал.

Власти военные и полицейские показали свою беспомощность и вместо того, чтобы изолировать десяток организаторов, полагались на «слово Гапона», уверявшего их, что шествие не состоится. Император ничего не знал о готовящемся действии; ему сообщили о том в последний момент. Министр внутренних дел уверял, что «беспорядков допущено не будет». Вечером 8 января император записал в дневнике: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 человек. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон».

Николай II в эти дни находился в Царском, и идея вручить ему петицию в Зимнем дворце являлась заведомо невыполнимой. Должностные лица наконец уразумели, что Гапон ведет двойную игру, и 8 января приняли решение ввести в столицу большие контингенты войск и блокировать центр города. В конце концов тысячи человек все-таки прорвались к Зимнему дворцу. В разных местах города была открыта стрельба и имелись многочисленные жертвы. Спустя два дня за подписью министра внутренних дел П. Н. Дурново и министра финансов В. Н. Коковцова, было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что во время событий 9 января погибло 96 и ранено 333 человека. Враги же трона и династии во много раз завысили количество жертв и говорили (и до сих пор пишут) о «тысячах убитых».

Кровавое воскресенье случилось. Имелось много виноватых и много жертв. Царь, находившийся в Царском Селе, узнав о случившемся, горько переживал. «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» — записал он в дневнике 9 января. Но изменить уже ничего было нельзя. Престиж власти серьезно пострадал.

Недовольство и возмущение охватили даже тех, кто не был замешан в антигосударственной деятельности. Как могло все это случиться? Почему власти проявили такую нераспорядительность? Как могла полиция поддерживать такого негодяя, как Гапон? Вопросы возникали, но ответы мало кого удовлетворяли. Царь уволил начальника петербургской полиции и министра внутренних дел. Но это мало кого удовлетворило. Отрицательное психологическое воздействие события 9 января имели огромное. В выигрыше оказались те, кто грезил о разрушении. Радикалы всех мастей в своей беспощадной политической игре получили такую «козырную карту», о которой еще совсем недавно и мечтать не могли. Революция перевернула весь уклад жизни страны, видоизменила традиционные и привычные формы. Она выдвинула на авансцену много новых людей, а некоторые другие сумели запечатлеть собственное имя в истории лишь благодаря революционным пертурбациям. Именно в период великой смуты, в 1905—1907 годы, на арене политического действия проявили себя два наиболее известных сановника последнего царствования, две наиболее крупные политические фигуры времен Николая II — Сергей Витте и Петр Столыпин.

Глава 16

«РУССКИЙ БИСМАРК»

На русском политическом Олимпе периода царствования Николая II фигура Сергея Юльевича Витте занимает исключительное место. Этот сановник оказал заметное воздействие на различные направления внутренней и внешней политики России. Глава Министерства путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), глава Комитета министров (1903—1905), первый председатель объединенного Совета министров (1905—1906), затем член Государственного Совета. Его имя неразрывно связа-

но с Русской хартией вольностей — Манифестом 17 октября 1905 года, — с введением в России политических свобод и государственных представительных учреждений. Но в первую очередь деятельность Витте ассоциируется с бурной индустриальной модернизацией России, происходившей под его патронажем.

Витте был человеком резким, целеустремленным, амбициозным, готовым преодолевать неблагоприятные обстоятельства без оглядки на устоявшиеся каноны и представления. Это была широкая русская натура, которой порой было тесно в настоящем; натура, соединявшая противоположные качества, представления и нередко поддававшаяся импульсивным порывам, которые вызывали непонимание и осуждение. Мнение окружающих его мало беспокоило; он с ранних лет был убежден, что должен выполнить на земле некую исключительную миссию.

Родился Сергей Юльевич Витте 17 июня 1849 года в Тифлисе в небогатой дворянской семье. Его отец, Юлий Федорович (потомок выходцев из Голландии), служил в канцелярии Кавказского наместничества. Мать, урожденная Е. А. Фадеева, находилась в родстве с известнейшим княжеским родом Долгоруких. Детские и юношеские годы С. Ю. Витте провел в доме своего дяди, известного военного писателя и адъютанта Кавказского наместника генерала Р. А. Фадеева, близкого к славянофильским кругам. Сдав экстерном экзамен за гимназический курс, Сергей Юльевич поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета, а в 1869 году начал службу в канцелярии Одесского генерал-губернатора, где занимался учетом железнодорожного движения. Через год назначается начальником службы движения казенной Одесской железной дороги. Позже перешел на службу в частную железнодорожную компанию.

В конце 70-х годов Сергей Юльевич женился на Н. А. Спиридоновой, урожденной Иваненко, дочери предводителя дворянства Черниговской губернии, скоропостижно умершей в 1890 году. Примерно через год он случайно в театре встретился с молодой красивой женщиной, которая ему необычайно понравилась. Это была Матильда Ивановна Лисаневич, урожденная Хотимская (по другим источникам — Нурок). Между молодым вдовцом и очаровательной замужней дамой возникло большое чувство, и С. Ю. Витте деятельно способствовал расторжению брака Лисаневичей (в обществе упорно говорили, что согласие на развод было получено благодаря щедрым откупным, врученным мужу). Вскоре действительный статский советник и безродная красавица-бесприданница обвенчались, причем Сергей Юльевич удочерил дочь жены от первого брака Веру.

Этот брачный союз стал для С. Ю. Витте радостью, но одновременно служил причиной множества неудобных и щекотливых ситуаций. Действительно: важный государственный чиновник, которому мирволил сам государь, женился, как полагали в свете, на женщине сомнительной репутации («разводка»), да еще еврейке! Чванливое петербургское общество не могло принять эту партию. Более двадцати лет, просто с маниакальной одержимостью, Сергей Юльевич различными путями пытался добиться для своей «дорогой Матильды Ивановны» подобающего ей положения. Но не помогало даже обращение к монархам, хотя император Александр III и императрица Мария Федоровна питали большую личную симпатию к министру. Положение не изменилось и в дальнейшем. Традиционные предрассудки и устоявшие нормы были выше личных расположений.

В начале 1895 года будущий министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф записал в дневнике: «Господин Витте хотел во что бы то ни стало добиться, чтобы его жена участвовала в целовании руки у молодой государыни; не добившись успеха в переговорах с гофмейстериной княгиней Голицыной, он обратился к графу Воронцову-Дашкову (министр императорского двора. — А. Б.); последний, находясь в хороших отношениях с министром финансов и не видя никаких препятствий к допущению г-жи Витте (невзирая на ее прошлое) во дворец, посоветовал ее честолюбивому супругу обратиться к императрице-матери; Витте попробовал разжалобить ее, рассказывая о трудностях положения своей жены; ее величество, увидя, к чему клонит, внезапно остановила его, сказав: «Вы пользуетесь доверием императора, чего же Вам больше?» К императорской руке Матильда Ивановна так и не была допущена, несмотря на известность и авторитет мужа, совершившего головокружительный служебный взлет.

Бюрократическая карьера С. Ю. Витте началась в 1888 году. Именно тогда он стал лично известен Александру III, когда предупредил об опасности проводить тяжелые царские поезда с той скоростью, какая требовалась царской свитой, и этим вызвал неудовольствие влиятельных придворных. Этот эпизод мог бы так и остаться лишь курьезным случаем недопустимой строптивости, если бы не последовавшие затем события. Через два месяца, в октябре, около местечка Борки, под Харьковом, императорский поезд потерпел страшное крушение, в результате которого погибло несколько десятков человек. «Инцидент с гнилой шпалой» напомнил Александру III о личной преданности железнодорожного служащего и его предостережениях.

В начале 1889 года Сергею Юльевичу был предложен важный пост директора департамента железнодорожных дел Минис-

терства финансов. Причем Александр III распорядился резко повысить ему оклад по должности, чтобы тот не испытывал «материальных неудобств» (ответственные служащие в ведущих акционерных компаниях получали значительно больше, чем в госаппарате). Сенсацией в сановно-бюрократических кругах стало и производство в марте 1889 года молодого директора департамента из титулярных советников (IX класс по табели о рангах) сразу в действительные статские советники (IV класс, соответствующий званию генерал-майора в армии). Первое время в Петербурге он чувствовал себя очень неудобно, был здесь «чужаком». Но интерес вызывал, так как необычная история его вознесения в высшие сановные сферы была хорошо известна. Первоначальная скованность, провинциальная сдержанность довольно быстро исчезли без следа.

В феврале 1892 года С. Ю. Витте стал министром путей сообщения, а в августе того же года занял один из ключевых постов в высшей администрации, возглавив Министерство финансов. Это было огромное ведомство, включавшее в конце XIX века одиннадцать подразделений. Ему подчинялись Государственный банк, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Монетный двор. Только в центральном аппарате министерства работало свыше тысячи чиновников. Министр финансов имел собственных официальных агентов в крупнейших странах мира.

Один из ближайших сподвижников нового министра позднее писал о «патроне»: «Человек сильного ума, твердой воли, бьющей оригинальности во внешности, образе мыслей и действий. В нем все дышало страстностью, порывом, непосредственностью, нечеловеческой энергией. По натуре борец сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприща для состязания и, когда встречал противника, вступал с ним в решительный бой... На глазах у всех со сказочной быстротой проявлялась могучая натура, которая постепенно всем овладевала и всех вольно или невольно подчиняла себе... В работе его интересовала основная мысль и общее направление. К мелочам он никогда не придирался и не требовал условного канцелярского языка. Работать с ним было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на лету». На посту министра финансов С. Ю. Витте оставался бессменно одиннадцать лет, вплоть до августа 1903 года, и с его именем связано осуществление ряда важных преобразований.

Еще в молодости воображение Витте захватила судьба немца Фридриха Листа, уроженца далекого швабского городка Рейтлингена, умершего за три года до появления на свет его русского адепта. Биография Листа, полная самых невероят-

ных приключений и эскапад, интересна сама по себе. Но внимание Витте привлекало главным образом другое: его теория «национальной экономики», которую Лист разработал и пропагандировал в противовес «космополитической политической экономии», олицетворяемой учениями Сея, Смита, Милля, Рикардо. Она оказалась чрезвычайно уместной в Германии, и, по мнению Витте, могла быть применена в России. Витте познакомил русскую публику с мыслями и личностью «истинного сына Германии», издав в 1889 году за свой счет брошюру о нем.

Русский экономист-практик был целиком согласен с германским экономистом-теоретиком и предпринимателем, что универсальная политическая экономия, базирующаяся на неких абстрактных, вневременных и вненациональных категориях и постулатах, не способна ответить на вопрос о том, как преобразовать аграрную страну в индустриальную. Подобное превращение диктовалось настоятельной необходимостью ускорения экономического прогресса, который без индустриализации был невозможен. В странах, где переход к индустриальной стадии задержался, главным препятствием к развитию собственной промышленности, как считал Лист, а вслед за ним и его русский эпигон, была конкуренция ушедших вперед стран. Для преодоления подобной «дисгармонии» необходима «сильная политика» и непрерывное соблюдение двух основополагающих условий: последовательная протекционистская таможенная политика и целенаправленное государственное регулирование в области индустрии. Критики потом назовут это «политикой насаждения промышленности», но ее результаты были слишком впечатляющими, чтобы считать подобный курс ошибочным.

Вряд ли мысли и соображения Фридриха Листа произвели бы сильное впечатление на русского политика, если бы у него не стояли перед глазами впечатляющие успехи, достигнутые Германией за относительно короткий срок. Можно ли быстро превратить страну в мощное индустриальное государство? В конце XIX века положительный ответ на этот вопрос был очевидным. Пример Германии убедительно подтверждал возможность подобного превращения. Ведь еще совсем недавно она представляла собой конгломерат отдельных и беспомощных образований и являлась в большей степени географическим и историческим понятием, чем единой государственной структурой. Во внутригерманских делах были непосредственно задействованы иностранные державы и политики, их решали в Лондоне, Париже, Вене и Петербурге. И за какие-то два десятка лет Германия превратилась в мощнейшую мировую державу, стала важ-

нейшим фактором геополитики, одним из солистов в «концерте мировых держав».

Витте связывал этот триумфальный взлет с именем канцлера Отто Бисмарка. К числу его главных достижений он относил не только национальную консолидацию, утверждение единого, сильного государства, но и в неменьшей степени — экономический прорыв Германии. По его наблюдениям, именно Бисмарк воссоздал величие государства «по началам доктрины Листа», сочинения которого являлись настольными книгами германского канцлера. По заключению Витте, то, что намечалось Листом, «получило осуществление благодаря тому, что Провидение дало Германии другого великого человека в лице князя Бисмарка».

В ряду политиков-современников крупнейшей фигурой ему представлялся как раз Бисмарк, политическая биография которого завершалась в тот период, когда начиналась государственная карьера Витте. Русскому сановнику не довелось встретиться с именитым князем, но ему льстило прозвище «русский Бисмарк», которое иные, кто с издевкой, кто с уважением, применяли по адресу министра финансов, а затем главы правительства.

Амбициозному и самолюбивому Витте было приятно узнать, что, как ему передавал русский посол в Берлине граф Павел Шувалов, отставной канцлер очень интересовался личностью новой «звезды» на петербургском бюрократическом Олимпе. Подтверждение этого он получил во время встречи в начале своей служебной деятельности с близким к экс-канцлеру журналистом Максимилианом Гарденом, сообщившим наблюдение Бисмарка касательно русского министра финансов: «В последние десятилетия я в первый раз встретил человека, который имеет силу характера и волю и знает, чего он хочет», — и предрек Витте блестящую государственную карьеру. Предсказание «железного канцлера» сбылось.

При ближайшем участии С. Ю. Витте в империи были проведены крупные экономические преобразования, укрепившие государственные финансы и ускорившие промышленное развитие России. В их числе: введение казенной винной монополии (1894), строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, заключение таможенных договоров с Германией (1894 и 1904 годов), развитие сети технических и профессиональных училищ. Узловым же пунктом виттевской экономической программы стало введение в середине 90-х годов в обращение золотого рубля. Это привело к стабилизации русской денежной единицы и стимулировало крупные инвестиции из-за границы в ведущие отрасли промышленности.

Нестандартность фигуры С. Ю. Витте, его ум, тщеславие, доходившее нередко до пренебрежительного отношения к людям, постоянно плодили недругов и недоброжелателей. Граф В. Н. Коковцов, много лет близко знавший «русского Бисмарка», справедливо написал, что «самовозвеличение, присвоение себе небывалых деяний, похвальба тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение».

Вся служебная карьера Сергея Юльевича сопровождалась то нарастающей, то ослабевающей, но никогда не прекращавшейся кампанией оскорбительных измышлений. Какие только небылицы не сочинялись о нем в салонах! Утверждали, что он взяточник, что женился чуть ли не на куртизанке, что он сумасшедший, что проданся еврейским банкирам, что Витте — тайный масон, задумавший погубить Россию, и т. д. Симпатии императора Александра III, а затем поддержка Николая II лишь множили завистников и врагов.

Введение золотой валюты резко усилило нападки. Ибо оно существенно затронуло имущественные интересы тех, кто всегда считался в России хозяином положения, — крупнейших земельных собственников. Укрепление положения рубля переходом на универсальный золотой паритет отвечало главным образом задачам развития промышленности. Аграрному же сектору реформа не сулила никаких особых выгод и даже наоборот: стабилизация отечественной денежной единицы, повышение ее курсовой стоимости неизбежно вели к удорожанию экспорта, главными предметами которого традиционно служили продукты сельского хозяйства.

Намечаемые преобразования непосредственно ущемляли экспортные выгоды землевладельцев. Именно их противодействие затягивало давно назревшую реформу. Влиятельные силы из кругов Государственного Совета неоднократно пытались торпедировать законодательные предложения министра финансов. Реализация узловых пунктов виттевской программы, превращение идей в законы происходило прямыми царскими указами, что и гарантировало успех.

Самым важным условием, позволявшим, с одной стороны, приступать к непопулярным реформам, а с другой — надеяться на их благоприятную реализацию, была поддержка Николая II. Царь не питал расположения к сановнику, но в интересах дела считал нужным сохранять его на важнейших государственных постах. О реформах Витте написано невероятно много; почти все всегда высоко оценивали их. Но почти никогда не писали о том, что, по сути своей, они являлись реформами царя, осуществ-

вляемыми министром финансов. Без покровительства Николая II звезда сановника закатилась бы очень быстро. В своих мемуарах, говоря о введении золотого рубля, экс-министр и экс-премьер вынужденно признавал: «Я имел за собою доверие его величества, и благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования императора Николая II».

Позиции министра финансов в конце XIX века оставались устойчивыми и потому, что наблюдался очевидный и уверенный подъем производительных сил. Так, из 1292 русских акционерных компаний, действовавших в 1903 году, 794 были учреждены в 1892—1902 годах, а из 241 иностранной компании — 205 появились в России в указанное десятилетие. В 90-е годы прокладывалось ежегодно в среднем 2, 5 тысячи верст новых железнодорожных магистралей (этот показатель никогда не был впоследствии превышен). При Витте в русскую экономику было инвестировано из-за границы более миллиарда рублей. В частновладельческом секторе наблюдалась бурная деловая активность, подтверждавшая правильность проводимого экономического курса. Однако на рубеже веков ситуация резко ухудшилась. Изменение мировой экономической конъюнктуры привело сначала к спаду, а с начала 1900 года к кризису в ведущих отраслях производства. Иностранные фирмы одна за другой терпели банкротства. В российских деловых кругах царили уныние и растерянность, усугублявшиеся громким крахом нескольких ведущих отечественных промышленных и финансовых групп: П. П. фон Дервиза, С. И. Мамонтова, А. К. Алчевского. Это активизировало противников министра финансов, во весь голос заговоривших о том, что его политика — авантюра. Особенно большой общественный резонанс вызвало крушение промышленного дела Саввы Мамонтова, известнейшего предпринимателя и мецената. Беспощадная молва приписывала его падение не экономическим факторам, а исключительно злой воле министра финансов и якобы стоявших за ним «еврейских банкиров».

Все усилия по капиталистической перестройке народного хозяйства России неизбежно поднимали важнейшую социально-экономическую проблему, связанную с характером землевладения и землепользования. Без коренных преобразований в этой области создать устойчивую экономику, емкий внутренний рынок было невозможно. Основная часть российского крестьянства и в конце XIX века замыкалась в традиционной общинной среде, была лишена права собственности на основное средство

производства — землю, находившуюся в коллективном владении.

Община — архаичный продукт ушедших эпох — не давала крестьянину умереть с голоду, но эта форма ведения хозяйства не способствовала проявлению хозяйственной инициативы, мешала наиболее способным, трудолюбивым и предприимчивым людям вырасти в крепких самостоятельных хозяев. Она сдерживала прогресс агрокультуры, продуктивность сельского производства. Рост населения и вызванные этим постоянные переделы владений вели к обезземеливанию крестьянства. Община формировала и духовно-нравственные представления, особую социальную этику, исключавшую уважительное отношение к «кулакам» и «миродедам».

Разрушение общины и предоставление каждому крестьянину свободы хозяйственной деятельности на собственной земле, испытание его ответственностью и риском свободного рынка было настоятельно необходимо. После отмены крепостного права эту очевидность понимали многие в высших эшелонах власти. Но постоянно возникали опасения социальных осложнений: появление большого числа лишних людей на селе, наплыв их в города и возникновение массы недовольных. Эти соображения мешали принять сколько-нибудь кардинальных решений.

Играли свою роль и соображения фискально-полицейского свойства: заключенную в общину крестьянскую массу легче было контролировать, «держат в узде». При подобной организации проще собирались и государственные подати. Сами крестьяне-общинники в большинстве своем не проявляли желания расстаться с жизненным укладом, который вели отцы и деды. Власть учитывала и эти настроения, поддерживала их и долго не решалась выступить инициатором преобразований.

Витте не мог не видеть очевидных диспропорций и противоречий экономической и социальной среды. При заметном развитии индустриального сектора в аграрной сфере царил застой. Возникавшие крупные промышленные предприятия, оснащенные по последнему слову техники, выпускавшие первоклассные изделия, сплошь и рядом соседствовали с бедными, убогими жилищами, лишенными элементарных удобств. В разных направлениях были проложены железнодорожные магистрали, а на проносившиеся по ним составы смотрели люди, пользовавшиеся инвентарем, который был в ходу еще до воцарения Романовых.

Эти несуразности российской действительности С. Ю. Витте осознавал, но довольно долго придерживался убеждения, что улучшение, осовременивание хозяйственного уклада в деревне надо проводить лишь после того, как промышленность крепко станет на ноги. В первые годы на посту министра он являлся

сторонником сохранения общины и поддержал без всяких оговорок закон 14 декабря 1893 года, запрещающий выход из общины без согласия двух третей домохозяев и ограничивавший залог и продажу выделенных в собственность наделов земли. Он был тогда убежден, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищеты и бездомности».

Понадобилось время, чтобы С. Ю. Витте осознал необходимость проведения преобразований и в этой области. Министр финансов возглавил работу специального межведомственного «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», действовавшего около трех лет (1902—1905 гг.) и разрабатывавшего новые принципы сельскохозяйственной политики. И внутри этого органа, и в более широких общественных кругах шла в это время ожесточенная тайная и явная борьба между теми, кто отстаивал незыблемость, неизменность организации жизни на селе, считая общину краеугольным камнем стабильности и порядка; и теми, кто, опираясь на трезвый расчет и мировой опыт, выступал сторонником реформ.

Лагерь последних в этот период возглавлял С. Ю. Витте. По его инициативе были проведены такие важные решения, как отмена круговой поруки (закон 12 марта 1903 года) и облегчение паспортного режима для крестьян. Свои взгляды он изложил в специальной работе, вышедшей в 1904 году. Суть его рекомендаций состояла в том, чтобы снять с крестьян административные ограничения, юридически уравнивать их с другими гражданами империи и укрепить права собственности, он не призывал ликвидировать общину как таковую, ратуя лишь за ее преобразование в свободную ассоциацию производителей. Он выступал сторонником разрешения для крестьян, внесших выкупные платежи, выходить из общины с наделом. Административные же функции должны были отойти от общины к волостным земствам.

Однако предоставление некоторых юридических прав и закрепление в личную собственность мизерного крестьянского надела вряд ли могли вызвать коренные сдвиги. Крестьянину было очень трудно, а чаще всего и невозможно вырасти в современного агриария, стать полноценным субъектом развитой рыночной экономики. Ему нужна была широкая государственная финансовая и социальная поддержка. Но сколько-нибудь внятных рекомендаций в этой области министр не предложил. Очень скоро этот пробел стал очевиден и ему. В своих мемуарах, писавшихся в годы столыпинских преобразований, экс-министр и экс-премьер пытался задним числом приписать себе заслуги в области

аграрного переустройства, которых у него в действительности не было. В начале XX века положение С. Ю. Витте становится шатким. Против него объединяются влиятельные придворные и правительственные силы, недовольные и самим сановником, и многими аспектами его политической деятельности. Помимо возмущения курсом на ускоренную индустриальную модернизацию страны, ущемлявшую интересы крупных землевладельцев, министр финансов стал объектом критики и в связи с его неприятием внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, того курса, который в конце концов завершился русско-японской войной. Главе финансового ведомства была понятна и близка имперская экспансия России. Однако он неизменно отдавал предпочтение экономическим методам, считая опасным «демонстрацию мускулов» перед лицом своих соседей. Министр финансов не сомневался, что любой военный конфликт неизбежно приведет к финансовым потерям и социальным потрясениям.

Призывы к осторожности не способствовали укреплению позиции министра финансов в правящих верхах. В 1902—1903 годах антивиттевские настроения объединили весьма влиятельные фигуры. Его врагом был муж сестры царя, великий князь Александр Михайлович, министр внутренних дел В. К. Плеве, контр-адмирал, управляющий Особым комитетом Дальнего Востока А. М. Абаза, наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев, председатель Комитета министров И. Н. Дурново. В обществе хорошо знали и о нелюбви к главе финансового ведомства императрицы Александры Федоровны, возмущенной и оскорбленной поведением сановника по время тяжелой болезни Николая II осенью 1900 года, когда тот посмел публично обсуждать последствия смерти императора и воцарения младшего брата царя великого князя Михаила Александровича.

Натиску этой сильной партии стал уступать Николай II, его поддержка министра финансов начала ослабевать. Развязка наступила в августе 1903 года, когда С. Ю. Витте был снят с должности министра и переведен на почетный, но почти декоративный пост главы Комитета министров.

Однако это не являлось окончательным крушением карьеры. В последующие несколько лет Сергей Юльевич сумел неоднократно заявить о себе, ему удалось вознестись на вершину успеха и известности. В августе 1905 года делегации во главе с Витте удалось заключить в Портсмуте (США) мир с Японией, лишь незначительно ущемлявший русские интересы. За эту заслугу перед Россией ему был высочайше пожалован титул графа, о чем ему сообщил сам император, которого Витте посетил сразу по

возвращении. В письме Марии Федоровне Николай II сообщил: «После длинного разговора, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти сделался «столчок» и затем он три раза старался поцеловать руку!»

Осенью 1905 года С. Ю. Витте становится «крестным отцом» русских политических свобод — Манифеста 17 октября. С середины октября 1905-го до конца апреля 1906 года возглавляет объединенный Совет министров. В период острого дефицита бюджета при деятельном участии главы кабинета в начале 1906 года правительству удалось разместить во Франции заем и стабилизировать финансовую ситуацию. За несколько дней до открытия 27 апреля 1906 года сессии Первой Государственной Думы глава правительства покинул свой пост. 22 апреля 1906 года появился высочайший рескрипт на имя С. Ю. Витте, в котором перечислялись его заслуги (борьба с крамолой, подготовка законодательных учреждений, заключение внешнего займа) и объявлялось о награждении орденом Святого Александра Невского с бриллиантами. Служебная карьера фактически завершилась, и хотя Сергей Юльевич оставался членом Государственного Совета, от случая к случаю появлялся там и даже иногда произносил речи, заметной роли он уже не играл.

До последних дней своей жизни (умер в Петрограде в ночь на 25 февраля 1915 года, немного не дожив до 66 лет), граф не оставлял надежд на возвращение к активной политической деятельности. Будучи опытным царедворцем, не имевшим за собой поддержки никаких общественных групп или течений, но мастерски владевшим правилами закулисных ходов, он не брезговал никакими средствами. При последнем свидании монарх предложил ему обдумать возможность занять пост посла «в одной из европейских стран», но Сергей Юльевич не проявил тогда интереса к подобной должности. Он не мог себе представить, что отлучение от власти продлится сколь-нибудь долго. Но прошел год, минул другой, а его все не призывали. Наконец, в октябре 1906 года решил напомнить государю о том давнем предложении и отправил ему приторно-льстивое письмо. Ответа не последовало.

В обществе циркулировали слухи о том, что для своего возвращения из политического небытия экс-премьер прибегал к протекции Григория Распутина. В этом сюжете до сих пор больше сомнительных утверждений (кочующих из книги в книгу), чем документальных свидетельств. Доподлинно известно мало. Сам С. Ю. Витте общений с одиозным старцем не имел (один раз они лишь виделись в церкви), но жена, Матильда Ивановна, с ним встречалась и, как установила Чрезвычайная следственная

комиссия Временного правительства в 1917 году, по крайней мере дважды была в распутинской квартире на Гороховой улице. О чем на этих встречах графиня говорила с «отцом Григорием», неизвестно. Нет до сих пор и надежных подтверждений версии о том, что Григорий Распутин якобы ходатайствовал за опального сановника перед царем. Подобное, несомненно, могло происходить лишь с ведома «его сиятельства».

До своей отставки с поста премьера С. Ю. Витте особой набожностью не отличался, его отношение к вере не распространялось далее общепринятого в высшем обществе, но последние годы жизни стал проявлять признаки необычного религиозного рвения. Близко сошелся с известным монахом, а затем епископом Каргопольским, позднее епископом Тобольским и Сибирским Варнавой, ставшим его духовником и состоявшим в теснейших отношениях с Распутиным. Этот полуграмотный простец с плохими манерами сделался желанным гостем в особняке на Каменноостровском проспекте в Петербурге, где граф и графиня вели с ним в интимной обстановке духовные беседы.

Его сиятельство уверял Варнаву, что является бескорыстным почитателем «старца Григория». Летом 1914 года, когда стало известно, что в Сибири совершено покушение на Распутина (первые сообщения гласили, что он убит), С. Ю. Витте, находившийся в Германии, послал письмом Варнаве, где писал: «Сейчас я прочел телеграмму об убийстве старца. Я его видел один раз в жизни, семь лет тому назад. Отказался от дальнейших свиданий, дабы не давать ядовитую пищу в руки врагов моих и его. Убийство это в высшей степени возмутительно».

Все попытки вернуться к власти разбивались о непреклонность императора, раз и навсегда решившего в 1906 году не прибегать больше к услугам этого человека. В письме матери 2 ноября 1906 года Николай II заметил: «Сюда вернулся на днях гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границей, потому что сейчас же около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций... Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела». Еще ранее, в апреле, вскоре после отставки премьера, император заметил В. Н. Коковцову, что «окончательно расстался с графом Витте и мы с ним больше уже не встретимся». По монаршей милости Сергей Юльевич вознесся на сановные верхи и по царской же немилости был оттуда низвергнут!

Нежелание использовать сановника на государственной службе нельзя объяснять каким-то капризом монарха, только его личным нерасположением. Император никогда не питал личных симпатий к Витте, но довольно долго считал необходимым в

интересах дела использовать его навыки, опыт и организаторские дарования. Но наступили другие времена, менялись условия политической деятельности, что требовало новых людей, иных приемов реализации государственных решений. Когда в 1905 году началось общественное брожение, переросшее в анархию и хаос, когда возникла реальная угроза трону, верховная власть ощутила острую потребность в умных, целеустремленных людях, искренне преданных самому монарху и идее монархизма. К числу этих людей Николай II Витте уже не относил. Его постоянное лавирование и конформизм вели к беспринципности, что являлось чрезвычайно опасным в сложной ситуации.

Граф получил свой карт-бланш в октябре 1905 года, сформировал по собственному усмотрению кабинет, но его шестимесячное премьерство было явно неудачным; решения и декларации оказывались порой противоречивыми, что только усугубляло обстановку. Умиротворения не произошло, а это, в свою очередь, исключало возможность проведения реформ. Граф хотел понравиться всем, но не вызвал симпатий ни у кого. Чувствовал, что политическая почва ускользает из-под ног, но изменить уже ничего не мог, и прошение об отставке являлось вполне логичным и своевременным. Его время ушло. Он не был способен публично и достойно, с трибуны Государственной Думы, отстаивать правительственный курс, смело и терпеливо разъяснять различные аспекты государственной политики под шиканье, а порой и улюлюканье думской аудитории, как делал это позже премьер Петр Столыпин.

Одно дело интриговать в бюрократических кулуарах (здесь равных Витте трудно было найти), а совсем другое — действовать открыто, при пристальном внимании всей России. И недаром на совещаниях в феврале 1906 года по выработке положения о Государственной Думе С. Ю. Витте, к удивлению всех собравшихся, ратовал за недопустимость публичных заседаний, так как «невежественная публика» забросает министров «мочеными яблоками да ревушими кошками». Эта позиция возмутила даже такого консерватора, как К. П. Победоносцев, заметившего: «Зачем же было заводить все дело, писать Манифесты, проводить широкие программы обновления нашего государственного строя, чтобы теперь говорить, что мы созрели только для скандалов, да моченых яблок и дохлых кошек». Но свои ошибки и просчеты Сергей Юльевич никогда не признавал и всегда, на протяжении всей своей карьеры, неизменно винил в собственных неудачах других.

Сановная биография Витте непосредственно затрагивает важную для понимания причин крушения государственной

власти тему: о внутренних убеждениях должностных лиц. Глубина монархических убеждений проявлялась в соотношении личного «я» и основополагающего государственного принципа: безусловного подчинения воле самодержца. Однажды, в 1905 году, министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф преподнес Сергею Юльевичу своеобразный «урок монархизма», сказав, что, когда намечается какое-то решение, не отвечающее его представлениям, он обязан довести до государя свою точку зрения. Однако как только та или иная мера утверждена монархом, его обязанность «лишь исполнять».

Витте такой подход уже не принимал. Последние годы своей должностной карьеры не столько служил царю и России, сколько тешил собственное тщеславие, угождал личным амбициям. Когда поступали не так, как хотелось графу, не смирался: оспаривал, злословил, интриговал. Патологическое самомнение ослепило «его сиятельство», уверившегося в том, что лишь он один — безгрешный, умный, дальновидный, а кругом него — сплошь невежи и ничтожества. Страшно негодовал Витте на Николая II, когда «умного провидца» окончательно устранили от рычагов государственного управления.

Отставной премьер не мог примириться со своим отлучением от власти и решил отомстить «неблагодарному монарху». Орудием мести сделал свои пространные мемуары, к написанию которых приступил в 1907 году. Эту «книгу-бомбу» граф сочинял в большой тайне от всех. «Воспоминания», наполненные множеством утверждений, дискредитирующих царя, появились вскоре после падения монархии, когда самого автора уже не было в живых. Оценки опального сановника сразу начали широко использовать, как «бесспорное доказательство» «ущербности» и «мелкости» Николая II. До сих пор выдержки из мемуаров Витте часто воспроизводятся как некие священные тексты, не подлежащие критическому осмыслению, хотя тенденциозность и пристрастность, а местами и откровенную лживость этого сочинения трудно не заметить.

Испытав на своем веку жестокость людской молвы, беспощадность клеветы, Сергей Витте сам явился инспиратором слухов и сплетен. В своем разоблачительном угаре он опускался до невероятной низости, когда, например, писал, что осенью 1905 года Николай II собирался бежать из России, или когда сообщал, что Александра Федоровна якобы «состояла в мистериозной связи» с фрейлиной Анной Вырубовой и генералом Александром Орловым. Много других пошлостей запечатлел граф на страницах своей «книги жизни». Уязвленное самолюбие и непомерные амбиции помешали Витте достойно уйти с политической сцены.

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

Начиная с 1904 года у Николая II редко выдавался день, когда политические события радовали. Война с Японией оказалась неудачной, и русскую армию преследовали тяжелые потери. Кто мог это представить! Он был уверен, что победа будет на стороне России, подвергшейся вероломному нападению. Никто не сомневался в успехе, и кампания разворачивалась в атмосфере невиданного подъема. Война на какое-то время всех объединила. Даже студенты успокоились и провели серию шествий с национальными флагами и с пением «Боже, Царя храни». Но как только стали поступать сообщения о неудачах, ситуация начала меняться. В «его России» происходило странное, непонятное и до сих пор — просто непредставимое. Все, чуть не поголовно, начинали выражать недовольство государственной политикой. Требовали изменений.

Царь был готов обсуждать проблемы управления, не сомневался, что улучшения и реформы нужны во многих областях, но оставался при стойкой позиции, что новации ни в коем случае не должны касаться основополагающего принципа политического устройства. Идея самодержавия — правления единодержавного, полновластного, неограниченного — являлась для него не политической, а религиозной идеей и в силу этого не могла подвергаться реформированию. Но наступил такой момент, когда необходимо было принимать трудные решения, которые ранее считал неприемлемыми. Николай II не являлся преобразователем по натуре. Однако он обладал очень важным для политика качеством: умел соглашаться с новыми реальностями, находил силы переступить через собственное «я».

Признаки грядущей социальной бури делались различимыми уже в 1904 году. Недовольство стало открыто проявляться на страницах газет и журналов, на собраниях земских и городских деятелей. Учебные заведения, в первую очередь университеты, бурлили; по стране прокатилась волна стачек и манифестаций. И на первом месте стояло требование политических перемен, которых желали очень и очень многие. Неудачная война усугубила старые проблемы, породила новые. Вопросы реформирования системы выходили на первый план общественной жизни. В высших коридорах власти отчетливо начинали это сознавать.

В июле 1904 года в центре Петербурга бомбой террориста был убит министр внутренних дел В. К. Плеве — человек крайних консервативных взглядов, не желавший принимать никаких

новых идей и считавший, что мир и порядок в империи можно поддерживать только жесткой, бескомпромиссной политикой. Подобные представления были все еще достаточно широко распространены. Но вместе с тем в правительственных кругах начинали проявляться и иные подходы, нацеленные на сотрудничество власти и общественных сил в лице земско-либеральной оппозиции. В августе 1904 года на ключевой пост министра внутренних дел был назначен бывший товарищ министра, бывший виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший политику доверия к общественным кругам. Началась «осенняя весна» надежд и ожиданий.

В правящих кругах противодействовали две тенденции, два взгляда на будущее развитие. Один представляли русские традиционалисты-монархисты, сторонники неограниченной монархии, строгого единоначалия в общественной жизни, приверженцы твердой внешней и внутренней политики. К началу XX века наиболее известными лидерами этого направления, помимо В. К. Плеве, являлись обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и издатель журнала «Гражданин» князь В. П. Мецкерский.

Но консерватизм никогда не был однородным. В его русле существовали различные течения. Некоторые консерваторы признавали необходимость и возможность изменений, считали допустимым проведение политических преобразований при сохранении в неприкосновенности самодержавного института. Они были уверены, что для укрепления власти нужно создать сильное единое правительство во главе с премьером, наделенное широкими полномочиями (объединенного кабинета до осени 1905 года не существовало). Согласно этим представлениям, следует проводить различие между подпольными революционерами и общественными элементами и силами, выступавшими не против системы, а лишь против произвола и мелочной регламентации общественной деятельности. К числу таких либеральных консерваторов относился и князь П. Д. Святополк-Мирский.

Назначение его на этот важнейший пост, чему противились непримиримые, отражало изменение позиции императора, склонявшегося к конструктивному диалогу с умеренными оппозиционерами. 25 августа 1904 года князь получил аудиенцию, на которой Николай II сообщил ему о принятом решении. Министр дал несколько интервью газетам, встречался с представителями либеральных кругов и популяризировал свою политическую программу, узловыми пунктами которой были: веротерпимость, расширение местного самоуправления, предоставление больших

Николай

Александр III и Мария Федоровна обходят столы, накрытые для крестьян, принимавших участие в царской охоте.

Семья Александра III ► (слева направо): Николай, Георгий, Мария Федоровна, Ольга, Михаил, Ксения, Александр III. Ливадия. 1893 г.

Цесаревич Николай Александрович и его английский кузен Георг, герцог Йоркский. Англия. 1893 г.

Император Александр III в гробу. *Ливадия. Октябрь 1894 г.*

Малый дворец в Ливадии, в котором скончался Александр III.

Коронация Николая II. *Москва. Май 1896 г.*

Члены императорской фамилии в Ливадии. 1902 г.

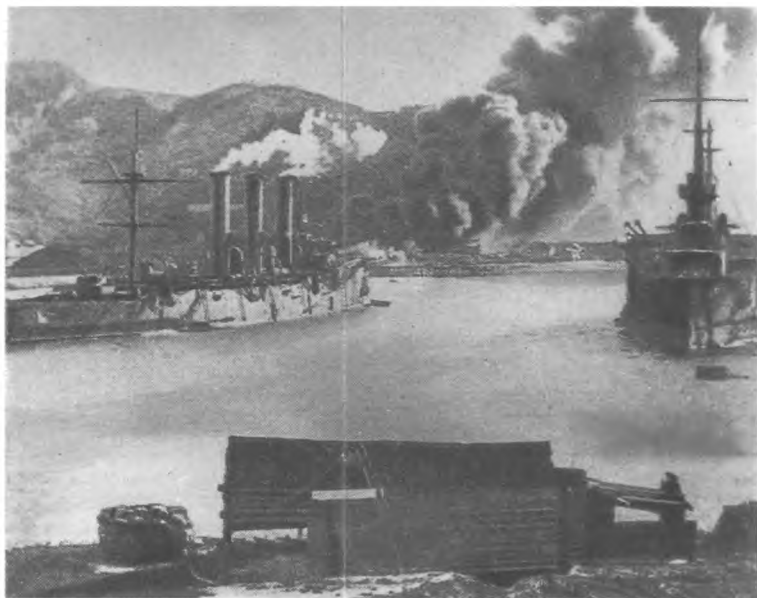
Русская православная церковь Марии Магdalины, построенная в Дармштадте на средства Николая II в память его бабушки, императрицы Марии Александровны. Освящена в 1899 году.

Нижний дворец в Петергофе — место рождения цесаревича Алексея.

Цесаревич Алексей с сестрой Анастасией и дядькой Деревенько.
Царское Село. 1913 г.

Русско-японская война.
Оборона Порт-Артура, пожар над Золотой горой.

Офицерский блиндаж.

Прибытие войск из Петербурга в Кронштадт для подавления восстания. 1905 г.

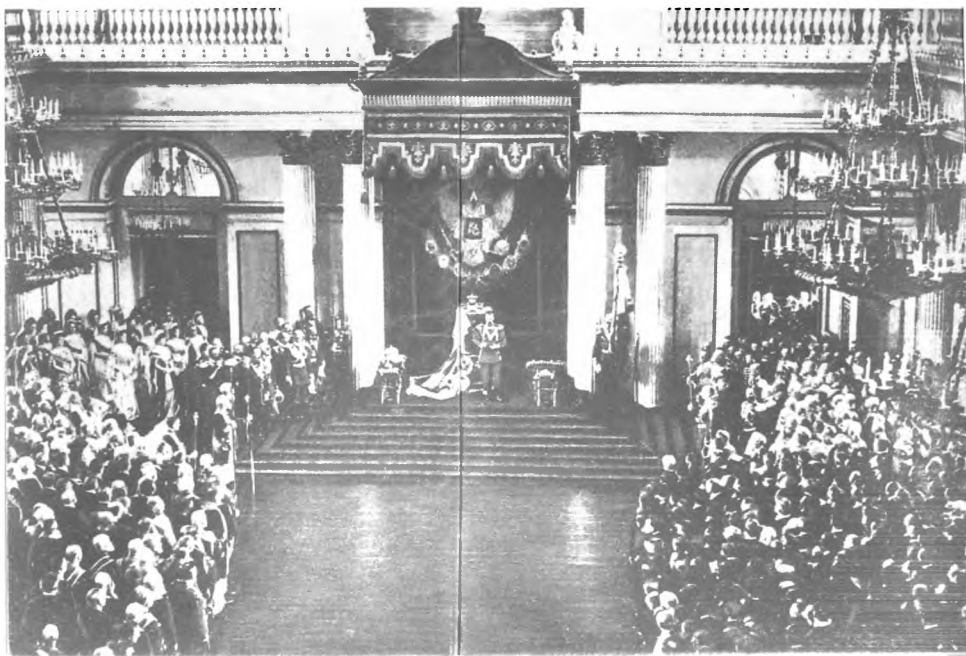
Студенческая демонстрация в Петербурге. 1905 г.

Граф С. Ю. Витте.
1905 г.

Открытие Первой
Государственной Думы.
Тронная речь Николая II
в Зимнем дворце
27 апреля 1906 года.

прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, разрешение рабочих сходов для обсуждения экономических вопросов. Эти заявления производили сенсацию. Политические деятели либерального толка отнеслись к ним весьма скептически. Они были уверены, что время самодержавия подходит к концу, и не хотели связывать себя никакими обязательствами с «уходящей властью». Один из самых известных деятелей либерального толка Павел Николаевич Милюков на страницах нелегального журнала «Освобождение» писал летом 1904 года: «Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой «народной поговорке» «Долой самодержавие!». Это тоже патриотично, а заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе реакционеров».

В самый разгар «святополковой весны», в конце сентября—начале октября 1904 года, ведущая группа отечественных либералов, группировавшаяся вокруг журнала «Освобождение», который издавался с 1902 года под редакцией П. Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже, инициировала проведение в Париже съезда оппозиционных партий. В нем участвовали различные либеральные и радикальные объединения. Из наиболее заметных отсутствовала лишь РСДРП. Это собрание единогласно одобрило резолюции о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России».

На съезде присутствовал цвет русской либеральной интеллигенции, составивший позднее костяк кадетской партии. Эти господа, борцы за свободу и «европейские порядки» сочли уместным определять совместные действия с крайними течениями и группами, с теми, кто запятнал себя кровавыми убийствами, например, с партией социалистов-революционеров («эсеров»), возникшей в 1902 году и поставившей террор во главу угла своей «стратегии и тактики».

Уже после революции, когда все прекраснодушные мечты либеральных краснобаев развеяла грубая реальность русской жизни, некоторые из них прозрели и осознали свое преступное легкомыслие. В начале 30-х годов в эмиграции известный кадет В. А. Маклаков, говоря о пресловутом парижском конгрессе, писал: «Со стороны либерализма это соглашение было союзом с грозящей ему самой революцией. Спасти Россию от революции могло только примирение исторической власти с либерализмом, т. е. искреннее превращение самодержавия в конституционную монархию. Заключая вместо этого союз с революцией, либерализм «Освобождения» этот исход устранил; он предпочитал слушать торжеству революции».

Провозглашенная Мирским «эпоха доверия» очень скоро начала демонстрировать свою бесперспективность. Оказалось, что легко давать обещания, но очень трудно их исполнять. Собственно сразу в центре дискуссий и обсуждений стал уже старый и такой болезненный вопрос о создании общероссийского представительного органа, о его компетенции и путях формирования. Он непосредственно замыкался на незыблемость prerogative монарха. Князь П. Д. Святополк-Мирский был убежден, что самодержавие и представительство совместимы, но многие другие в правящих кругах не разделяли этой позиции. Они опасались, что создание любого, не назначенного, а выборного органа неизбежно породит неразбериху в управлении и будет способствовать параличу власти, чем непременно и воспользуются враги трона и династии. Поводов для таких опасений в конце 1904 года становилось все больше.

Страсти накалились особенно во время и после съезда земских деятелей, происходившего в Петербурге 7—9 ноября 1904 года. Министр внутренних дел съезд разрешил, но попросил участников заняться обсуждением «практических вопросов земской жизни». Однако в атмосфере социальной напряженности и резкой политизации всей общественной деятельности добиться этого было практически невозможно. Земцы вкратце обсудили некоторые свои специфические вопросы, но центр их внимания находился в русле общеполитических проблем. Было признано необходимым созвать «народное представительство», провести политическую амнистию, прекратить «административный произвол» и отменить «положения об усиленной охране», гарантировать неприкосновенность личности, утвердить веротерпимость. Хотя собравшиеся оставили за властью инициативу проведения преобразований и отвергли призывы некоторых участников поддержать требования созыва Учредительного собрания, все равно это событие являлось беспрецедентным. Впервые подданные царя, собравшиеся в имперской столице, не просили монарха по частным поводам, а выступили с требованием политического характера.

Наиболее вызывающим был один, самый важный пункт резолюции, десятый, гласивший, что только конституционный строй, ограничивающий самодержавную власть, может удовлетворить общественное мнение и дать России «спокойное развитие государственной жизни». Этот тезис вызвал решительные возражения умеренных участников съезда во главе с известным деятелем земско-либерального движения Д. Н. Шиповым, категорически заявившим, что не разделяет конституционных воззрений. В своей пространной речи он отстаивал старый славянофильский тезис: «Народу мнение, царю решение» и не допускал

никаких бумажных договоров и гарантий между властью и народом, считая, что их отношения зиждятся не на юридических, формальных началах, а на незыблемых началах нравственных. Его доводы не возымели действия, и при голосовании большинства голосов было отдано за конституцию.

Решения земского съезда вызвали значительный интерес и стали темой оживленных обсуждений в прессе, в частных собраниях. Первоначально появились предположения, что депутация земцев будет принята министром внутренних дел и царем, в чем усматривали поворот власти к конституционности. Консерваторы-традиционалисты негодовали. Великий князь Сергей Александрович 10 ноября записал в дневнике: «Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! (Она принята не была. — А. Б.) Несчастный человек», — и далее добавил: «Мне иногда кажется, что с ума схожу».

Власть была шокирована; удовлетворить подобные крайние требования она не могла, так как это фактически означало самоликвидацию исторической власти, но и оставить все по-прежнему не имела возможности. В начале декабря 1904 года в Царском Селе прошли совещания высших должностных лиц империи, где обсуждались неотложные меры для преобразования внутреннего строя. В центре дискуссий оказалась программа, предложенная министром внутренних дел. Особое внимание участников привлек пункт о выборных представителях в составе Государственного Совета (до того все члены назначались лично монархом). Большинство собравшихся высказалось против. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев Христом Богом заклинал царя не ограничивать самодержавие, и эту позицию поддерживали министр финансов В. Н. Коковцов, председатель Комитета министров С. Ю. Витте и большинство других. Царь вначале колебался, но вскоре однозначно выступил за сохранение незыблемости власти и заметил: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!»

По окончании царскосельских совещаний был опубликован указ Сенату, содержащий положения о расширении местного самоуправления, пересмотре положений о печати, утверждавший необходимость установить веротерпимость. О выборных представителях в нем не было сказано ничего. Либералы же надеялись, что выборное начало там будет оговорено. Но царь еще не считал, что настала пора резких перемен. (Они наступили позднее, в следующем году.)

В январе 1905 года произошли кровавые события в Петербурге, и П. Д. Святополк-Мирский получил отставку. Им были

недовольны все, а представители «партии власти» обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, заигрыванием с оппозицией он расшатал порядок и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы. Министром был назначен бывший Московский губернатор, ближайший друг великого князя Сергея Александровича А. Г. Булыгин. Чтобы смягчить ситуацию, император принял 19 января депутацию рабочих, к которым обратился с речью: «Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многое надо улучшать и упорядочивать, но имейте терпение». Далее, возвращаясь к событиям 9 января, заметил, что «мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах преступно». Эта аудиенция ни на кого не произвела особого впечатления.

Страсти в стране накалялись. Зимой и весной 1905 года начались беспорядки в деревне, сопровождавшиеся захватом, разграблением и поджогами дворянских усадеб. Волнения охватили и армию. Летом произошло невероятное событие, произведшее сильное впечатление и в России, и за границей: 14 июня взбунтовалась команда эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический». Это был один из лучших кораблей флота, вступивший в строй всего лишь за год до того. Восстание вспыхнуло стихийно и продолжалось до 25 июня. Эти двенадцать дней и командование флотом, и военные власти, и высшая администрация в Петербурге, как и множество других лиц по всей империи, внимательно наблюдали и заинтересованно обсуждали всю потемкинскую одиссею, закончившуюся в румынском порту Констанца сдачей корабля румынским властям.

Император был ошарашен. Ничего подобного не случалось раньше. 15 июня записал в дневнике: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин-Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится». Но это была горькая правда. Опора монархии, «его армия», оказалась не так надежна, как еще недавно думалось.

Натиск на власть все более смелевшего либерального общественного мнения не ослабевал. Общественные деятели открыто уже призывали к конституции. В мае в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, где призыв к конституционным преобразованиям был принят подавляющим большинством голосов. Съезд избрал делегацию, которую 6 июня 1905 года принял в Петергофе император и которая вручила ему свои требования. Это была первая встреча самодержца с представителями либеральных кругов.

К этому времени монарх уже был уверен в необходимости введения представительного органа с выборным началом. В ответ на речь главы делегации князя С. Н. Трубецкого Николай II сказал: «Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война, и которые необходимо еще предвидеть, и о всех наших внутренних неурядицах. Отбросьте сомнения: Моя Воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе».

Царь не лукавил. Но в кругах «образованного общества» этим словам значения не придали. Через тридцать лет, когда все участники тех бурных событий «стали историей», один из главных действующих лиц, страстный противник самодержавия, известнейший либеральный деятель В. А. Маклаков написал: «Государь сам не хотел ввести конституцию, боролся против нее и дал ее против желания. По натуре он реформатором не был. Все это правда. Но зато он умел уступать, даже более, чем нужно». Подобные прозрения наступили слишком поздно и ничего уже изменить в истории России не могли.

Конец зимы, весна и лето 1905 года стали временем выработки новых подходов, поиском адекватных форм разрешения социальной напряженности. 18 февраля 1905 года был опубликован царский манифест, объявлявший о намерении создать законосовещательную Государственную Думу, а 6 августа появился новый манифест, устанавливавший создание в России законосовещательного органа на выборной основе. Этот проект по имени министра внутренних дел получил название «Булыгинской Думы», которая должна была собраться не позднее середины января 1906 года. Выборы не были прямыми и равными, а некоторые категории населения исключались из выборной процедуры: женщины, военнослужащие, учащиеся, рабочие. Для крестьян предполагалось установить четырехстепенные выборы, для землевладельцев и горожан, имевших имущественный ценз, — двухстепенные. Этот проект означал существенные перемены в представительных функциях власти. Через несколько недель события приняли столь драматический оборот, что власти пришлось идти значительно дальше по пути уступок.

В сентябре — октябре 1905 года Россию охватила почти всеобщая политическая стачка. События начались 19 сентября в Москве, где печатники объявили забастовку с экономическими требованиями. Скоро к ней присоединились представители других профессий, забастовки стали объявляться в других городах, а

требования стали носить главным образом политический характер вплоть до созыва Учредительного собрания. Центральная власть оказалась неспособной противодействовать расширяющемуся хаосу и анархии, которые проявлялись повсеместно в грабеже и насилии. В правящих кругах заговорили о диктатуре. О царившей тогда атмосфере на самом верху иерархической пирамиды поведал начальник Канцелярии министра императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов: «Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие — за создание совещательного органа, третьи — за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами».

На авансцене политического действия оказался С. Ю. Витте, только недавно вернувшийся триумфатором из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мир. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек «может все». Ранее он не являлся сторонником выборных органов и неоднократно заявлял, что «представители и самодержавие несовместимы». Теперь взгляды «его сиятельства» (враги присвоили ему кличку «граф Полу-Сахалинский») сильно изменились и заметно «порозовели»: он уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными, а не только совещательными правами. Им была составлена специальная записка, представленная царю 9 октября.

Витте убеждал императора, что полнота царской власти сохранится и при выборном представительстве. Главное — одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в данную критическую минуту, а потом все можно будет «урегулировать». Император очень серьезно отнесся к доводам и аргументам Сергея Витте и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для «восстановления порядка повсеместно».

Однако граф этим не удовлетворился и заявил, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить на совещании лиц «по усмотрению государя». Эти обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 года самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», текст которого был составлен главой правительства и его давним близким знакомым, членом Государственного Совета князем А. Д. Оболенским. Это была важнейшая политическая декларация последнего царствования.

Она содержала обещания «даровать народу незаблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов; привлечь к выборам в Государственную Думу все слои населения; признать Думу законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу.

Манифест 17 октября 1905 года — переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия страны монархическая власть отказывалась от исконных, освященных веками истории и Божественным соизволением прерогатив. Под напором событий Николай II принял новую реальность.

Описывая происшедшее, император сообщал матери в Данию: «В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это в сущности и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент... Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать».

Октябрьский манифест, как и предполагал С. Ю. Витте, внес некоторое замешательство в ряды оппозиции, умеренно либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя они не были сторонниками правительства, но на некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению. Однако восторженный энтузиазм в либеральной среде разделяли далеко не все. Павел Милюков находился в момент опубликования манифеста в Москве. Здесь, в Литературном кружке, по получении известия о манифесте, восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанный залы, поставили на стол, дали в руки бокал шампанского и заставили произнести речь. Будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него никто не ожидал: «Ничто не изменилось, война продолжается».

Ученик известного историка В. О. Ключевского, много лет изучавший историю России, не принимал от власти никаких частичных уступок. Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, полных гражданских прав, всеобщего избирательного права, а пока «власть этого не дала, мы будем с ней бороться». И боролись. На банкетах в ресторанах, в своих имениях, на модных и дорогих европейских курортах, на страницах множества газет и журналов.

Но самым отталкивающим в либерализме милюковского толка являлось то, что его представители, по сути дела, выступали соучастниками кровавых преступлений левых радикалов — убийц. Конечно же, сами эти господа рук не пачкали, но никогда и не осуждали насилие, давая ему как бы моральное благословение. Однозначному осуждению подвергались лишь силовые действия властей. Когда же убивали губернатора, министра или просто городского, голосов возмущения в либеральной среде не звучало.

Манифест 17 октября не погасил революционного пожара, который достиг наивысшего накала в конце 1905 года. Забастовки, митинги, манифестации, погромы усадеб, террористические нападения на должностных лиц, восстания в армии и флоте в первые недели «весны свободы» лишь множились. В середине декабря дело дошло даже до вооруженного восстания в Москве. За несколько дней до того царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить манифест и подтвердить незыблемость царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли, и акт, не подлежащий изменению».

Первое время после 17 октября С. Ю. Витте находился в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе правительства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть находилась в состоянии паралича. В письмах матери Николай II писал: «Вообще он (Витте. — А. Б.) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение» (27 октября). «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять» (10 ноября).

Главе кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с представителями либеральных общественных кругов, хотя некоторым известным деятелям и предлагались министер-

ские посты. Но свое согласие на занятие министерского кабинета эти «радетели и спасатели» обставили такими условиями и оговорками, принять которые было невозможно. Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Он явно недооценил инерционных сил революции и, конечно, не предполагал, что после манифеста вместо успокоения в стране усилятся антигосударственные выступления.

Власть сделала невероятные уступки, а результат оказался обратный ожидаемому. От правительства требовалось принять силовые решения, и они принимались. Войска для усмирения беспорядков использовались многократно. Имелось много жертв и разрушений. События произвели на многих сильное впечатление. Резко изменились и взгляды главы кабинета. Эта неожиданная метаморфоза озадачила царя, который в письме к матери заметил: «Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона».

Подпись под Манифестом 17 октября далась императору нелегко. Он долго переживал, колебался, но в конце концов принял то решение, которое не отвечало его собственным представлениям, но, как его убеждали окружающие, было необходимо стране, благу России. К этому последний царь всегда был очень чувствителен и мог переступить через собственные взгляды во имя благополучия империи. Когда Николай II подписывал манифест, он не сомневался, что у власти достаточно сил для подавления «крамолы».

Царь не прибег к этому средству по причинам, о которых поведал в письме матери, с которой был всегда абсолютно откровенен. Говоря о возможности применения жестких мер, заметил: «Но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться». Здесь примечательны последние слова. В 1905 году Николай II уже не сомневался, что реформы нужны, что их непременно надлежит проводить. Речь теперь шла о том, как это делать и кто это должен делать.

Манифест 17 октября не был конституцией; это была *декларация намерений*. Власть намечала перспективу преобразований, которые надлежало проводить постепенно, в атмосфере стабильности и порядка. Перво-наперво следовало разработать законодательную основу для выборов в Государственную Думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями манифеста и находившиеся в компетенции исполнительной власти. Была объявлена амнистия полити-

ческим заключенным, введены новые правила о печати, упраздненные предварительную цензуру, резко сокращены размеры выкупных платежей для крестьян (с 1907 года они вообще отменялись). В разгар московского восстания, 11 декабря 1905 года, появился закон о выборах в Государственную Думу.

Принятию последнего акта предшествовали острые дискуссии в правительственных кругах. Собственно, дебатировались два различных подхода: сделать ли выборы общими, прямыми, равными и тайными («четыреххвостка») или остановиться на более осторожном варианте. 8 декабря 1905 года Николай II в письме к матери заметил: «У меня на этой неделе идут очень серьезные и утомительные совещания по вопросам о выборах в Государственную Думу. Ее будущая судьба зависит от разрешения этого важнейшего вопроса. Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия». Николай II понимал то, что иные в расчет не принимали: реальные условия России, психологию народной среды, уровень политической зрелости основной массы будущих избирателей.

В конце концов была утверждена пропорциональная система. Ее горячо отстаивал глава правительства, опасавшийся, как и монарх, что в крестьянской стране, где большинство населения ничего не понимает в политике, свободные и прямые выборы приведут к победе безответственных демагогов, и в законодательном органе будут заседать по преимуществу адвокаты. В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы стали многоступенчатыми. Создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но, с другой стороны, гарантировал присутствие в Государственной Думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени. Общая численность Государственной Думы определялась в 524 депутата.

В конце апреля 1906 года царь утвердил новую редакцию «Основных законов Российской Империи». Они подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому, — гласила статья 4, — принадлежит верховная самодержавная власть». Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников. Но в Основных законах появился и новый момент,

которого не было раньше. В статье 86-й говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора». Следующая, 87-я статья, позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме «чрезвычайных указов». Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, утверждение штатов и смет различных ведомств, отчета Государственного контроля.

Государственный Совет реформировался и принимал форму высшей законодательной палаты, половина членов которой избиралась от различных групп населения, а половина назначалась царем. Государственный Совет и Государственная Дума были наделены правом законодательной инициативы. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора.

Возникшая система мало походила на сколь-нибудь развитый парламентский строй, который существовал к тому времени в ряде европейских государств. Были существенно ограничены избирательные права населения, а представительный орган получал весьма скромные возможности воздействия на власть. Все это так. Об этом писали бесчисленное количество раз, и вряд ли кто рискнет с этим спорить. Но очень часто при этом игнорировалось и игнорируется одно очень важное обстоятельство: реальные условия и возможности не столько самой власти, сколько того, что было принято в марксистской историографии называть «народными массами». Готовы ли были они к восприятию широкой демократии западноевропейского образца в тот период? Любой ответ здесь в большей или меньшей степени будет носить гипотетический характер.

С учетом последующих событий отрицательный кажется более обоснованным, так как и через двенадцать лет, когда состоялись в 1917 году в нескольких десятках губерний выборы в Учредительное собрание, основная часть избирателей отдала предпочтение не «свободе» и «демократии» и поддерживавшим их силам, не воспитанникам европейской политической культуры, а течениям и группам, являвшимся носителями и пропагандистами социального мифа о равенстве. Господам либералам с их шампанским, севрюгой и хартиями прав и свобод удалось получить считанные проценты. Нет оснований сомневаться, что свободные, равные и тайные выборы в высший законодательный орган России тогда, в 1905 году, привели бы не просто к

социальным потрясениям, а к крушению всего миропорядка. И в этом отношении то, что предложила власть, являлось пределом допустимого. Далее начиналась не переделка государственного здания, а его слом.

В результате преобразований конца 1905-го — начала 1906 года правовой и политический облик государственной системы существенно изменился. Новая редакция «Основных законов Российской Империи» отразила новые социальные условия. Законы увидели свет накануне открытия Первой Государственной Думы и включали 223 статьи. В их числе: о гарантиях личности в случае ареста и суда, о неприкосновенности жилища, о неприкосновенности собственности (исключение составляли лишь случаи судебного преследования, но и тогда предусматривалось, что конфискация может происходить лишь при государственной надобности и при неременной компенсации), право на свободное избрание местожительства и профессии, право свободного выезда за границу, свобода вероисповедания, право «в пределах, установленных законом», выражать и распространять «свои мысли». Все эти положения отвечали универсальным принципам гражданской свободы.

В части общеполитической говорилось о том, что Россия — страна «единая и неделимая», и определялась роль государственного языка: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». Монарх сохранял титул «самодержец», но уже не было положения о том, что прерогативы его «неограничены». Согласно Основным законам 1906 года, никакой выработанный правительством законопроект не мог стать законом без одобрения Думы и Государственного Совета. Тем самым власть императора утрачивала свой абсолютистский характер. Правда, законопроект, принятый обеими палатами, не мог стать законом без согласия царя, а его вето имело неоспоримый характер. Но, согласно статье 122, Дума наделялась правом возвращаться к обсуждению законопроекта даже в случае отклонения верховной властью.

Обе палаты не только были уполномочены одобрять представленные законопроекты, но и были наделены правом законодательной инициативы, которая, впрочем, не распространялась на Основные законы. Кроме того, законодательно было закреплено положение о несменяемости судей, что на правовом уровне определило разделение властей — исполнительную, законодательную, судебную, что является основополагающим принципом конституционного строя.

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, стала ли Россия после 1905 года конституционным государством или все нововведения меняли лишь внешнюю сторону, не затрагивали сути?

Споры по этому поводу разгорелись сразу же после появления Манифеста 17 октября 1905 года и с новой силой возобновились после издания новой редакции Основных законов. Дискуссии по этому поводу не утихли по сию пору. На главный вопрос, что собой представляют вышеуказанные акты, всегда существовало два наиболее расхожих ответа. Одни уверяли, что, раз сохранилось само понятие «самодержавие», ни о каком конституционном строе говорить не приходится, и все эти законодательные нововведения лишь «лже-конституция». Другие же, наоборот, указывая на основополагающие законодательные положения, считают, что конституция в России была и что с 1906 года страна стала конституционной монархией. Правда, никто не спорил с тем, что царь сохранял огромные властные prerogatives и его права законодательно почти не ограничивались. Из этого некоторые заключали, что абсолютизм лишь поменял свое обличье, а другие, ссылаясь на различные примеры из истории иных стран, утверждали, что подобное положение не было исключительным и что это тип не «парламентской», а «дуалистической» конституции, или основного закона, характерного для переходного периода от авторитаризма к классическому парламентаризму.

Много было потрачено сил и времени на то, что можно назвать «войной слов». Либералы придрались к сохранившемуся в законе понятию «самодержец» и постоянно упрекали власть, что она не пользуется словом «конституция», которое действительно было нелюбимо царем и его окружением. Но ведь в конце концов дело было не в словах, а в сути происходивших социальных нововведений. С формально-правовой точки зрения термин «конституция» означает совокупность законов, определяющих государственный строй. А эти законы в 1905—1906 годах претерпели качественные изменения. Титул «самодержец» сохранился лишь как дань исторической традиции. Более того, сами либералы, в лице в первую очередь кадетской партии, признали, что этот титул не противоречит понятию «конституция», и без оговорок подписали депутатскую присягу.

Из консервативных кругов все время звучали голоса, предупреждавшие царя об опасности «конституционного эксперимента». Многие были убеждены, что любое избранное представительство вполне может превратиться в Учредительное собрание и изменит основополагающие принципы государственного устройства. Эти опасения разделял царь, и они стали главным побудительным мотивом издания новой редакции Ос-

новых законов до открытия Думы. В то же время глава кабинета Витте, в первые месяцы своего премьерства обуреваемый пре-
краснодушными мечтами, старался уверить Николая II в том, что в лице Думы он получит «опору и помощь». Однажды, в самом конце 1905 года, царь не выдержал и заметил: «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Реальность не подтвердила этих ожиданий.

Глава 18

СТРАСТИ В «БАЛЬНОЙ ЗАЛЕ»

Выборы в Государственную Думу проходили в марте 1906 года. В стране еще бушевала общественная стихия, и ежедневно из различных мест империи поступали сообщения о погромах, поджогах, насилиях и убийствах на политической почве. Хотя ситуация уже начинала поддаваться контролю со стороны властей, в некоторых окраинных районах (западные области, Кавказ) продолжала сохраняться нестабильность, и там не везде удалось организовать процедуру «народного волеизъявления». Экстремистские группировки, например, большевики-ленинцы вообще призывали к бойкоту. Они все еще надеялись на возможность народного восстания. Выборами пренебрегали также эсеры и небольшие объединения правых.

В общей сложности в Первую Думу было избрано 478 депутатов. По своей политической принадлежности они распределились следующим образом: кадеты — 176 человек, октябристы — 16, беспартийные — 105, крестьяне-трудовики — 97, социал-демократы (меньшевики) — 18, а остальные входили в состав национально-окраинных партий и объединений, в значительной своей части примыкавших к либеральному крылу. Первая Дума получилась кадетской. Почему так случилось? Неужели население вдруг сплошь стало либеральным? Конечно же, нет. Все было значительно сложнее.

Во-первых, правительство совершенно отстранилось от участия в кампании и никакой поддержки никаким, даже самым преданным объединениям, не оказывало. Во-вторых, при непрямых и многоступенчатых выборах связи между простым жителем

(«рядовым избирателем») той или иной местности и победителем от того же района практически не существовало. Своих «избранников» большинство и в глаза никогда не видело. Крестьяне, например, в волости избирали лишь уполномоченных, которые, в свою очередь, выдвигали представителей на уездный и губернский съезды, где и происходила баллотировка собственностью лишь те, кто обещал добиться для них побольше земли и сократить государственные повинности. Начальство таким речам не препятствовало, значит, «все по закону».

В различных фазах избирательной процедуры участвовало лишь около 20 процентов населения. По этой причине считать думцев представителями «всего народа» имелось мало оснований. Но подобным демагогическим приемом пользовались непрестанно. Особенно отличались кадеты. В их рядах состояло много преподавателей, профессоров и юристов, особенно адвокатов, поднаторевших в искусстве публичных выступлений.

Кадетская партия, организационно оформившаяся лишь в начале 1906 года, являлась интеллектуальным штабом всей легальной оппозиции. Таковой она оставалась и в последующем. В годы мировой войны возник «Прогрессивный блок», объединивший под главенством кадетов основные фракции IV Государственной Думы и явившийся мощным рычагом сокрушения власти.

За несколько дней до открытия Первой Государственной Думы состоялся съезд конституционно-демократической партии, осудивший новую редакцию Основных Законов. По предложению своего лидера Павла Милюкова делегаты приняли резолюцию, в которой говорилось: «Накануне открытия Государственной Думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Государственную Думу, средочение надежд страдавшей страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства, никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ».

Подобные настроения свидетельствовали, что сотрудничество впереди не предвидится и конфронтационная борьба неизбежно разгорится с новой силой уже в условиях существования представительного органа. Так оно и случилось. Выразители «чаяний несчастной России» из числа интеллектуальной элиты все еще видели «угрозу свободе» там, где ее уже не было, боролись с теми, с кем во имя будущего, во имя спасения и себя, и страны, надлежало заключать долговременное перемирие. Глубокий раскол страны и общества был уже налицо.

Через тридцать лет, в эмиграции, бывший соратник Милюкова и один из виднейших отечественных общественных деятелей Петр Струве написал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг., — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К сожалению, вся русская оппозиция, с конституционно-демократической партией во главе, не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялась не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 года брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина, в частности». Горькое и позднее прозрение! Но тогда, в период революции, в те переломные годы, ни Струве, ни его друзья и единомышленники ничего подобного не писали и не говорили. Их настроения и представления в тот период носили совсем иной характер.

Еще летом 1902 года за границей начал выходить, под редакцией все того же Петра Струве, нелегальный журнал «Освобождение», ставший фактически главным рупором либеральных сил, выражая интересы значительной части земско-либеральной общественности. В первых номерах того известного журнала была опубликована политическая программа, перечень первоочередных задач: введение народного представительства, независимость суда, гарантии гражданских прав и свобод (печати, собраний, союзов, петиций), свобода вероисповедания. Все остальные проблемы: аграрный вопрос, рабочее законодательство, административная реформа, культурно-образовательные преобразования должны были разрешаться лишь после конституирования основных политических и социальных прав и свобод.

Прошло три года, и «насущенные требования» получили свое законодательное оформление почти в том виде, как их сформулировали либералы в 1902 году. Казалось, это открывало реальные возможности для конструктивного сотрудничества с властью. Но «общественность» к тому времени стала еще «более прогрессивной», и теперь ее уже не устраивало то, что еще вчера являлось желанной мечтой. Лидеры либерализма решили, что отныне они должны требовать не выполнения программ, а предоставления им, просвещенным и передовым, всей полноты власти. С этой целью стала популяризироваться идея создания «ответственного правительства» — кабинета, формируемого и подотчетного не монарху, а им, депутатам, выразителям «чаяний и нужд». В связи с тем, что мысль об «ответственном министерстве» приняла характер навязчивой идеи фикс (*idée fixe*), стала

своего рода умственным недугом для немалого числа политических деятелей в России, уместно сделать некоторые пояснения.

Согласно закону, члены Думы пользовались определенными правами. Они не могли подлежать судебному преследованию (согласие на это могла дать лишь пленарная сессия собрания), получали ежедневное денежное довольствие из казны в размере 10 рублей за каждый день заседаний, имели право на оплачиваемый из казны проезд по России от места жительства до Петербурга. В законе говорилось, что «при вступлении в Думу» депутатам надлежало подписать «торжественное обещание», гласившее: «Мы, нижепоименованные, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной Думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся». Данную присягу давали все, но лишь немногие готовы были ее выполнять.

Статья 14 закона о Государственной Думе определяла: «Члены Государственной Думы пользуются полной свободой суждений и мыслей по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями». Это положение являлось чрезвычайно важным и показательным. Критикуя Основные законы, вынося беспощадные уничтожительные вердикты российскому законодательству и всему порядку организации и деятельности Думы, ни один из «просвещенных и либеральных» никогда не заикнулся о несуразности данной правовой нормы, утверждавшей *политическую безответственность* депутатов. Это положение являлось очень удобным. Думцы ни перед чем и ни перед кем отчета не держали и, являясь, по сути, собранием безответственных деятелей, требовали создания подотчетного им правительства! Многие не несли даже моральной ответственности и перед Богом, так как русские либералы (не говоря уже о радикалах) в подавляющей массе являлись стойкими атеистами (слова «Бог» и «Церковь» были не из их лексикона).

Когда царь после трудных и долгих размышлений и под сильным напором приближенных решил созвать выборное представительство и когда уже в правительственных кругах разрабатывались законоположения о деятельности будущего законодательного органа, лишь немногие полагали, что Дума безболезненно «впишется» в систему государственных институтов и норм. Но существовала уверенность, что, невзирая на неизбежные политические эксцессы и скандальные эскапады, основная часть депутатского корпуса ответственно отнесется к своим обязанностям и, в сотрудничестве с властью, займется

разработкой первоочередных законов, касавшихся земельной реформы, рабочего законодательства, реорганизации местного самоуправления. Случилось же совсем иное. Сразу обозначился непреодолимый рубеж между правительством («исторической властью») и общественностью («просвещенными кругами»).

В либеральной среде много было потрачено слов и аргументов на доказательство того, что правительство царя не хотело «действительных реформ», что во всех бедах виновато исключительно оно. Этот тезис различные общественные деятели страстно отстаивали и в России, а когда оказались в эмиграции, то и там не смогли избавиться от подобного мировоззрения, походившего уже на наваждение. Один из самых непримиримых кадетских лидеров И. И. Петрункевич и через двадцать лет после 1905 года писал: «Император Николай II в своем манифесте 17 Октября торжественно обещал установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы. Тем не менее, все законы, опубликованные в промежутке времени от манифеста до созыва первой Думы, были изданы без одобрения Государственной Думы и, следовательно, были нелегалы и не могли иметь силы».

Подобной зашоренности сознания можно только удивляться. Что же должна была сделать власть, чтобы расположить к себе подобных деятелей? Ведь, согласно подобной перевернутой логике, нельзя было вообще проводить выборы, так как избирательный закон, «опубликованный в промежутке», не одобрялся Государственной Думой! Но своих полномочий ни Петрункевич и ни кто-либо из его соратников не сложил.

Когда вышел Манифест 17 октября, кадетско-либеральная фронда стала требовать, чтобы его положения начали реализовываться чуть ли не на следующий день, и стали призывать «немедленно составить» кабинет из «общественных деятелей». Никто при этом не задумывался над тем, сколько бы времени просуществовало такое правительство и когда бы наступило всеобщее крушение. А оно неизбежно последовало бы очень скоро, потому что либеральные деятели являлись людьми фразы и позы, а не людьми дела, что со всей очевидностью и проявилось позднее.

Той страны, где жили, политически лицедействовали, от имени которой выступали, той страны либералы не знали и настроения ее народной массы не понимали и не чувствовали. Россия являлась страной специфической исконно сельской культуры и цивилизации, а жизнь подавляющей части населения не имела ничего общего с европейскими нормами и традициями управления и мироустройства, которыми желали «осчастливить» народ отечественные интеллектуалы.

До сих пор немало пишущих на темы русской истории продолжают повторять, что Николай II, не желая создавать «кабинета из общественных деятелей», проявил себя политиком, не «обладающим даром предвидения». Хотелось бы спросить современных эпигонов Милюкова: кто же в России начала XX века этим качеством обладал? Футурологических способностей у царя действительно не было, но у него имелось то, что напрочь отсутствовало у его оппонентов и противников. Он обладал даром предчувствия. И сердце подсказывало ему: рано еще проводить глубокую государственно-управленческую реорганизацию, нелзя ни в коем случае спешить, иначе можно вызвать непредсказуемые последствия.

Он долго колебался, когда возникала необходимость корректировать устоявшиеся представления. С трудом соглашался с новыми условиями, но никогда не хотел заново «пересдать карты» и еще раз «сыграть партию». Примечателен следующий эпизод. Несколько дней в апреле 1906 года на совещании сановников в Царском Селе обсуждалась новая редакция Основных Законов. Особо остро встал вопрос о формулировании 1-й статьи, гласившей: «Императору Всероссийскому принадлежит самодержавная и неограниченная власть».

В первый день совещания, 9 апреля, Николай II сказал: «Вот — главный вопрос... Целый месяц я держал этот проект у себя. Меня все время мучит чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил». Далее продолжал: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье I Основных Законов уже 109 лет. Может быть, обвинение в неискренности, — не к правительству, но ко мне лично? Принимаю на себя укоры, — но с чьей они стороны? Уверен, что 80 процентов народа будут со мною. Это дело моей совести, и я решу его сам». После колебаний и размышлений через три дня император вычеркнул слово «неограниченный», оставив лишь «самодержавный». Сохраненный титул правителя являлся данью исторической традиции.

В конце XX века, когда прошедшее время многое уже прояснило и пояснило, невозможно не признать, что либеральные противники царя в начале века не замечали. То самое легендарное «русское общество», представители которого говорили, и писали, и кричали о конституции и ответственном министерстве — составляло в лучшем случае пять-семь процентов всего населения империи. Но деятели думского призыва имели обыкновение выдвигать политические претензии не от себя или кучки едино-

мышленников и приспешников, а исключительно от имени страны, России, народа. Болезненное самомнение мешало законодателям, «антрепренерам» думского действия, объективно оценить ситуацию и не конфронтировать бесконечно с властью, а искать соглашения с ней на приемлемых для обеих сторон условиях.

Через много лет, накануне второй мировой войны, это с грустью констатировал участник тех событий, один из главных лидеров кадетской партии Василий Маклаков: «Но что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной Думы? Она оказалась способна только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам... А своих государственных людей она не выдвинула потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью; а этого кадетская партия не захотела, так как легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не может», «революционеры» им подчинятся и что они все смогут одни. И жизнь прошла мимо этих детских претензий». Однако «колесо истории» всегда движется лишь в одну сторону...

Открытие Думы стало крупным общественным событием; его подробно описывали все газеты. Накануне открытия первой сессии, 27 апреля 1906 года, депутатам Государственной Думы и членам Государственного Совета устроили торжественный прием в Зимнем дворце. Событие это было совершенно необычным. Утром Николай II с Александрой Федоровной и Марией Федоровной прибыл на катере из Петергофа в Петербург и сразу же отправился в Петропавловскую крепость, где час молился у гробницы отца. Что он говорил обожаемому родителю, какие мысли и чувства его обуревали, того никому не сказал, и о том никто никогда уже не узнает. Кончалась одна эпоха, начиналась другая, а что впереди — одному Богу известно...

В середине дня началось действо в Зимнем дворце. Около двух часов из внутренних покоев дворца тронулось торжественное шествие во главе с императором и двумя императрицами. Члены царской фамилии, придворные, высшие сановники блистали парадными мундирами, лентами, орденами. На дамах, невзирая на необычно раннее время, много драгоценностей. На царе — мундир Преображенского полка, обе царицы — в белых русских сарафанах с жемчужными кокошниками на головах. Парадные одежды резко контрастировали с теми, что были на многих думских депутатах: простые косоворотки, сапоги, невзрачные серые и черные пиджаки и сюртуки.

Через пятнадцать минут под звуки национального гимна блестящая процессия вошла в тронный (Георгиевский) зал, где

уже собрались депутаты Государственной Думы и Государственного Совета: первые — слева от трона, а вторые — справа. Внесли государственные регалии: знамя, печать, скипетр, державу и большую бриллиантовую корону, которые сопровождали дворцовые гренадеры в высоких медвежьих шапках. Процессия остановилась в центре зала, а регалии разместили на особых красных табуретах рядом с тронном. Затем внесли аналой и царь принял окропление святой водой от петербургского митрополита. Состоялся краткий молебен. По окончании Николай II поднялся на тронное место, где министр двора подал лист бумаги с речью, которую тот стоя и зачитал.

Среди прочего он сказал: «С пламенной верой в светлое будущее России, Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудные и сложные работы предстоят вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас». Царь выражал надежду, что думы отдадут «все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права».

На многих участников эта церемония произвела сильное впечатление, особенно на тех, кто стоял вокруг трона и олицетворял историческую власть. От серо-темной депутатской массы, впервые виденной в главной царской резиденции, словно исходила какая-то угроза. Дворцовый комендант разместил в соседнем зале караул Преображенского полка, готовый, в случае необходимости, навести порядок и не допустить никаких выходов против монарха. Но, к облегчению всех, прием прошел благополучно, все обошлось, хотя ощущения были не из приятных. Министр императорского двора барон (с 1913 года — граф) Владимир Борисович Фредерикс не выдержал и заметил, что «от таких можно всего ожидать». Но наступал период, когда с «такими» надлежало считаться. Время именитых, родовитых и изысканных подходило к концу.

Императрица Александра Федоровна весь этот период находилась в угнетенном состоянии. Она очень переживала за Ники, когда тот в октябре 1905 года оказался в эпицентре тяжелых событий. Горько плакала, узнав, что ему пришлось пойти на подписание Манифеста, дарующего невероятные свободы и права. Она уже давно жила в России и считала, что здесь эти нормы не годятся, что только недалёковидные или злокозненные люди могут советовать вводить конституцию и всеобщие выборы в стране, где большинство населения не умеет ни чи-

тать, ни писать. В России ведь все совсем не так, как в Европе. Здесь нельзя руководствоваться европейскими примерами. Народ еще слишком непосвящен, необразован; в нем так много детскости, его так легко сбить с правильного пути. Теперь же все демагоги и политические мошенники получают право свободно действовать. Сестре Виктории писала весной 1906 года: «Так много безрадостного вокруг, я часто плачу и не знаю, как помочь Ники».

Александра Федоровна знала, какие тяжелые муки испытывает супруг. После многочасовых совещаний он возвращался такой грустный, изможденный, что ей не нужны были никакие слова и пояснения. Николай Александрович, в свою очередь, старался не расстраивать Алику; ведь ей приходилось тоже нелегко. Бедный Алексей! За него все время было страшно и чуть не каждый месяц опасность возникала: то царапина, то ушиб, и потом днями и неделями приходилось лечить, ставить компрессы, примочки, смазывать кремами. А маленькому бывало больно, он плакал, и мать часами баюкала его на руках. Когда царь и царица оставались наедине, мало говорили о политике. Речь шла или о сыне, или о разных событиях в семье и фамилии, или о каких-то пустяках. Он, как и в первые годы, вечерами читал ей что-нибудь. Она слушала всегда молча и была счастлива. Но такие милые, теплые часы выдавались все реже и реже.

Александра Федоровна не сомневалась, что Ники прекрасно понимает положение вещей, но не всегда может противостоять волевому напору других и порой соглашается на то, на что соглашаться нельзя. Была убеждена, что если бы не Витте и великий князь Николай Николаевич, Ники никогда не подписал бы Манифест 17 октября. Это они, легкомысленные советчики-родственники и беспринципные царедворцы, выпросили, вырвали документ, который привел лишь к кровавым событиям. Никому ведь лучше и легче не стало. Даже наоборот. Русским людям не конституция нужна. Им совсем другого не хватает: самодисциплины, порядка, трудолюбия и чувства ответственности. И еще главного — веры в Бога.

Когда Александра Федоровна оказалась 27 апреля 1906 года перед толпой депутатов, потаенные страхи ожили с новой силой. Но ничего не поделаешь: надо смириться и надеяться на Всевышнего. Теперь Дума — реальность, с которой придется считаться. Император реагировал на происшедшее значительно спокойнее и вечером 27 апреля, этого, по его словам, «знаменательного дня», записал в дневнике: «Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества».

Местом заседаний Думы был определен Таврический дворец. Он располагался в центре Петербурга, и его окружал старый тенистый парк. С этим местом было связано множество исторических случаев и баснословных сказаний. В 1783 году, по приказанию Екатерины II, архитектор Иван Старов начал строить роскошный дворец, «наподобие Пантеона». Постройка продолжалась шесть лет, и дворец получил название Таврического. Он стал подарком императрицы своему фавориту, победителю турок и присоединителю Тавриды (Крыма) генерал-фельдмаршалу князю Григорию Потемкину. Здесь 28 февраля 1791 года «Его светлость князь Потемкин-Таврический» торжественно праздновал взятие Измаила и чествовал императрицу Екатерину II. То был один из самых легендарных балов в истории Российской империи.

Горело 140 тысяч лампад и 20 тысяч восковых свечей, присутствовало три тысячи приглашенных. Многими чудесами и необычностью поражал гостей хозяин, но больше всего — невиданным садом, напоминавшим сказку из «Тысячи и одной ночи». Он занимал всю центральную огромную «бальную залу». Зеленый дерновый скат был обсажен цветущими апельсиновыми деревьями, кустами жасмина и розами. Среди ветвей виднелись гнезда соловьев и других птиц, оглашавших сад пением. Между кустами располагались курильницы с благовониями и бил фонтан из лавандовой воды. Все были в восторге и танцевали до утра.

Через 115 лет в потемкинской «бальной зале» зазвучали совсем иные «трели». Во второй половине дня 27 апреля 1906 года, после краткого молебна, здесь приступила к работе Государственная Дума. К этому времени кабинет Витте пал и премьером был назначен известный царедворец Иван Логинович Горемыкин, убедивший царя пригласить на пост министра внутренних дел бывшего Гродненского, а затем Саратовского губернатора Петра Аркадьевича Столыпина. Новому правительству досталось тяжелое наследство. Кабинет Витте за шесть месяцев не подготовил к открытию Думы никаких законопроектов, которые должны были бы стать предметом рассмотрения народных представителей, считая, что Дума сама должна заняться законотворчеством. И она занялась. Буквально с первых часов своды Таврического дворца стали оглашать призывы и декларации крайне радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное перед думами министерство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т. д. Либеральные газеты, ежедневно публикуя подробные и сочувственные материалы о работе законодательного органа, единодушно называли его «думой народного гнева».

Господа депутаты хотели всего сразу, и это их страстное желание делало Думу больше похожей на антиправительственный митинг, чем на серьезный и ответственный государственный орган. Большинство депутатского корпуса не было заинтересовано в конструктивной работе. Разгоряченные батальями революционных битв, многие смотрели на думскую трибуну лишь как на новый инструмент социальной борьбы, позволявший делать бесплатную рекламу и конкретным лицам, и определенным политическим течениям. Все это происходило в атмосфере непрекращавшегося террора революционеров против должностных лиц. По неполным данным, в январе 1906 года было совершено 80 убийств, в феврале — 64, в марте — 50, в апреле — 56, в мае — 122, в июне — 127. Сотни людей стали жертвами беспощадных актов «борцов за свободу», и ни один из них не был осужден не только левыми, но и кадетами.

Первое время исполнительная власть находилась в состоянии растерянности. Конечно, зная состав участников думской ассамблеи, правительство не питало особых иллюзий. Однако столь резкий антиправительственный тон думского собрания, столь беспощадные и оскорбительные выпады по адресу отдельных лиц и государственных учреждений, предпринятые большинством депутатов, оказались неожиданными. Правда, правительство не оставляло надежд на сотрудничество и выказывало Думе знаки внимания. Перед депутатами выступал глава кабинета, министры.

Дума имела право делать запросы высшим инстанциям о неправомочных действиях лиц и учреждений. Это стало любимым занятием большинства. Достаточно было столичной газете написать о «произволе» властей, привести какие-то «факты» (в большинстве своем сфабрикованные бойкими «мастерами пера»), как тут же следовал запрос, и перед негодующей толпой народных избранников представало высшее должностное лицо. Далее начиналось своего рода судилище. Для высших сановников это часто становилось настоящим потрясением. Некоторые из них потом долго не могли прийти в себя. Но пасовали не все.

Находились и такие, кто смело «шел в бой», спокойно и аргументированно отвечал на нападки и этим поддерживал престиж власти. В этом ряду на первое место быстро выдвинулся новый министр внутренних дел, которому неоднократно пришлось пройти «думское чистилище». Он не оправдывался (как делали многие другие), не заискивал, но излагал факты и свои взгляды по различным животрепещущим вопросам. Выступая 8 июня 1906 года, П. А. Столыпин говорил с думской трибуны: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая

всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона».

Первая Дума просуществовала чуть больше двух месяцев и основную часть времени уделила обсуждению самого жгучего вопроса социальной жизни — аграрного. В центре дискуссий оказались два законопроекта. Первый внесли кадеты. Он предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет земель казенных, монастырских, удельных, а также за счет частичного отчуждения частновладельческих земель за выкуп «по справедливой (но не рыночной) оценке». Второй проект представила фракция трудовиков. Он носил еще более радикальный характер и предусматривал отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», создание «народного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования. Обсуждение этих предложений вылилось в громкое обличение общественного строя. Поднимавшиеся на трибуну ораторы произносили эмоциональные монологи о том, что «простой труженик» почти лишен «средств пропитания», в то время как правительство защищает и охраняет интересы и привилегии помещиков.

Эти обвинения не являлись беспочвенными. Суть же проблемы коренилась глубже. Простым перераспределением земельных наделов аграрный вопрос в России решить было нельзя. Требовалось не просто у одних отнять, а другим дать; надлежало изменить не столько *размер землевладения*, сколько *качество землепользования*, отличавшегося допотопностью, чрезвычайно низкой эффективностью, позволявшей крестьянам существовать на уровне минимальной достаточности. Для коренной модернизации требовалось не отнимать землю, а создавать крепкого индивидуального землевладельца, умеющего и желающего вести современное аграрное производство, стабильно нацеленное на рынок. Именно эти цели преследовала столыпинская аграрная реформа, начавшая разворачиваться в конце 1906 года. То же, что предлагали в Первой Государственной Думе кадеты и трудовики (последним подыгрывали и социал-демократы), носило характер политической демагогии, направленной лишь на дискредитацию власти.

Царь был категорическим противником всех форм отчуждения собственности, не без основания считая, что потакание низменным инстинктам толпы безответственно, что какое-либо по-

кушение на незыблемость прав собственности чревато непредсказуемыми социальными потрясениями, что любое «частичное изъятие» создаст сокрушительный прецедент. Противники громко и открыто обвиняли царскую власть в том, что она стоит на страже «интересов помещиков и капиталистов». На самом деле монарх стоял на страже принципа неприкосновенности частной собственности и этому принципу оставался верен всегда.

Свои взгляды Николай II несколько раз излагал публично. В сентябре 1902 года, выступая в Курске перед волостными старшинами нескольких губерний, сказал: «Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим». Принимая в январе 1905 года в Царском Селе депутацию крестьян, заявил: «Всякое право собственности неприкосновенно; то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Я желаю, чтобы вы передали это своим односельчанам. В моих заботах о вас я не забуду крестьян, ваши нужды мне дороги, и я об них буду заботиться постоянно так же, как об них заботился мой покойный отец. Созовется Государственная Дума и совместно со мною она обсудит, как это лучше решить. На меня вы все можете рассчитывать. Я вам помогу, но помните всегда, что право собственности должно быть неприкосновенно».

Желание думского большинства принять законопроект, предусматривающий насильственное перераспределение земли, вызвало возмущение в высших кругах. Царь был раздосадован. Допустить подобного не мог. 20 июня правительство выступило с заявлением, где говорилось о неприкосновенности частной собственности на землю. Демарш власти не произвел на депутатов никакого впечатления, и думцы продолжали готовить свой «перераспределительный» закон. 9 июля 1906 года Первая Государственная Дума была распущена и были объявлены новые выборы. На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в городе Выборге, где они составили так называемое «Выборгское воззвание», в котором, в знак протеста «против роспуска народного представительства», население призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займы. Акция «перводумцев» никакого успеха не имела.

Выборы во Вторую Государственную Думу проходили в начале 1907 года, и первая сессия ее открылась 20 февраля. В общей сложности было избрано 518 депутатов: кадетов — 98,

трудовиков — 104, социал-демократов — 68, эсеров — 37, беспартийных — 50, октябристов — 44. Остальные голоса получили правые (националисты), представители регионально-национальных партий, казаки и некоторые мелкие политические объединения.

Состав Второй Думы в сильной степени отразил поляризацию сил в обществе. Хотя среди депутатов появилась значительная группа правых, перевес оказался на стороне левых, так как кадеты часто солидаризировались с ними. Противостояние с властью обнаружилось сразу же. Правые предложили выразить благодарность государю в адресе, при оглашении которого левые и кадеты отказались встать и не выразили никаких верноподданнейших чувств. Монархисты негодовали, а царь написал матери 1 марта: «Конечно, ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая не встав, когда кричали «ура» правые!... До сих пор члены занимаются внутренними вопросами, а главное проверкой собственных полномочий, т. е. правильно ли каждый из них выбран. Кажется, завтра или в субботу Столыпин будет читать свою речь, и тогда скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время и свой небольшой престиж болтовней и ругательствами. Поживем — увидим!»

Аграрный вопрос опять оказался в фокусе внимания, но теперь уже существовала правительственная программа переустройства землевладения и землепользования, ставшая объектом ожесточенных нападок. Довольно быстро власти стало ясно, что ждать конструктивной работы от новой Думы не приходится. К тому же начали поступать сведения, что левые, прикрываясь своим депутатским иммунитетом, занялись откровенной антиправительственной деятельностью вне стен Таврического дворца. Дума отказалась лишить депутатских полномочий социал-демократическую фракцию. В ночь на 3 июня 1907 года полиция арестовала, а затем передала суду группу думских социалистов. Через несколько часов последовало сообщение о роспуске Второй Думы.

Одновременно увидел свет новый избирательный закон, видоизменявший пропорции представительства отдельных групп населения. Предпочтение отдавалось наиболее состоятельным общественным элементам. Если по старому закону крестьяне выбирали 42 процента выборщиков, землевладельцы — 31, горожане и рабочие — 27, то теперь крестьяне получали 22,5 процента, землевладельцы — 50,5, горожане и рабочие — 27, но при этом горожане разделялись на две курии, голосовавшие отдельно. Сокращалось представительство окраин: Польша — с 29 до 12 депутатов, Кавказа — с 29 до 10.

Неудачный опыт кратковременного существования первых двух Дум обострил дискуссии в правящих кругах России о характере избираемого представительства и его нужности. Крайне правые деятели, борцы «за чистоту монархической идеи», вообще стали ратовать за ликвидацию Думы или, по крайней мере, за отсрочку ее созыва на неопределенное время. Они считали, что «пропаганда нигилистов и радикалов» сделала избранных антигосударственными людьми. Но находились и такие, кто честно смотрел правде в глаза и не стремился абсолютизировать частности. К числу последних относился Петр Аркадьевич Столыпин, занявший летом 1906 года и пост главы правительства. Противником ликвидации народного представительства неизменно оставался и Николай II, никогда всерьез не воспринимавший призывы вернуться к прошлому.

Глава 19

СЛУЖИТЬ, БОРОТЬСЯ, УМЕРЕТЬ

Третья Государственная Дума проработала весь положенный ей пятилетний срок. Этот период отечественной истории неразрывно связан с именем Петра Столыпина.

Дума начала свои занятия 1 ноября 1907 года, и ее состав оказался несравненно более консервативным, чем состав предыдущих. Численность депутатского корпуса была законодательно сокращена. Из 442 мест — 146 получили правые, 155 — октябристы и близкие им группы, 108 — кадеты и сочувствующие, 13 — трудовики и 20 — социал-демократы. Думским центром стала партия Союз 17 октября, а председателем был избран октябрист Н. А. Хомяков. В марте 1910 года его сменил лидер октябристов А. И. Гучков, а через год главой парламента избрали октябриста М. В. Родзянко, ставшего затем председателем и Четвертой Думы (1912—1917).

Свой взгляд на работу законодательного органа сформулировал царь. Принимая 6 января 1908 года в Большом Царскосельском дворце 300 депутатов (группы правых и центра), он сказал: «Помните, что вы созданы Мною для разработки нужных России законов и для содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов внесенных, по моим указаниям, в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит Моего одобрения; права соб-

ственности должны быть священны и прочно обеспечены законом».

Правительство подготовило серию законопроектов, ставших предметом обсуждения. Они касались широкого круга вопросов, охватывавших в той или иной степени все стороны жизни страны и нацеленных на постепенное реформирование традиционных экономических укладов и социальных структур. Центральным среди них был острейший вопрос — аграрный. Революция 1905—1907 годов с невероятной до того силой обнажила глубину и масштаб общественных противоречий в империи, заставила правящие круги заново взглянуть на многие проблемы и понять, что откладывать их разрешение «на потом» уже больше нельзя. Выяснилось, что крестьянство, которое, по всем представлениям официальной идеологии, являлось опорой традиционной власти, во многих случаях поддержало антиправительственные силы, ратовавшие за изменение политической системы и передел собственности.

В этот чрезвычайный момент на авансцене русской истории появилась мощная фигура Петра Аркадьевича Столыпина, ставшая ярким символом правительственной власти в последнее десятилетие существования монархии. Его личность и деятельность находились в центре общественного интереса и тогда, когда он жил, и все последующие десятилетия после его кончины.

Как человека и политика, Петра Столыпина отличали два основных качества, которые были присущи далеко не всем даже в высших эшелонах власти, не говоря уже о представителях пресловутой «общественности»: вера в Бога и любовь к России. Он готов был ради Отечества пойти на любые жертвы и принес на его алтарь собственную жизнь. Конечно, эта личность во многих отношениях была неоднозначной, можно даже сказать, противоречивой, но эта противоречивость присуща в той или иной степени всем выдающимся историческим персонажам, вне зависимости от места их действия. Петр Аркадьевич не был чиновником-прожектором, которых немало сидело в высоких сановных кабинетах; он — волевой администратор-преобразователь, которых стране всегда не хватало. В отличие от многих других, он знал, *что делать* и *как делать*, чтобы избавить Россию от угрозы социального взрыва, укрепить правопорядок и провести постепенные преобразования, способные превратить страну в стабильное правовое государство под монаршим скипетром.

Он являлся русским консерватором новой формации, понимавшим, что для защиты исконных государственных начал надлежит не только демонстрировать силу, «давить и не пущать»;

необходимо изменить социальную природу общества, создать массу крепких собственников-хозяев, которые стали бы естественной базой социального умиротворения. Он никогда не сомневался, что авторитаризм (самодержавие) и Россия — вещи неразрывные, что все серьезные преобразования можно проводить лишь сильной, властной и честной рукой, что введение правового строя процесс длительный и сложный, требующий многолетних, постоянных усилий сверху, поддержки и понимания снизу.

Ему многое удалось сделать, но многое осталось и нереализованным, так как за те пять лет, с середины 1906 года до середины 1911 года, что он находился на второй роли в государстве, добиться качественной перестройки всего громоздкого государственного здания было невозможно. Требовалось не просто осуществить программу реорганизации хозяйственной деятельности; необходимо было создать условия для возникновения нового социокультурного типа крестьянина-агрия, сформированного не в уравнилельно-перераспределительной атмосфере русской общины, а являвшегося полноправным элементом рыночной экономики, носителем и субъектом права в европейском его понимании. Эта грандиозная задача была рассчитана на длительную перспективу, и не вина П. А. Столыпина, что история этого срока России не предоставила.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин в 1862 году в родовитой дворянской семье и детство провел в имении Средниково под Москвой, а затем в родительском имении Колноберже под городом Ковно (Каунас) в Западном Крае. После окончания гимназии в Вильно (Вильнюс) он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с отличием. С 1884 года начал службу в Министерстве земледелия и государственных имуществ, где работал в департаменте земледелия, а в 1889 году перешел на службу в Министерство внутренних дел, получив должность Ковенского уездного предводителя дворянства.

Эта служба дала ему первый значительный административный опыт и близко познакомила с проблемами и нуждами сельского хозяйства. Его работоспособность, честность, открытость нравились далеко не всем, но большинство дворянства и местной администрации относилось к нему с симпатией. В 1899 году занял должность Ковенского губернского предводителя дворянства, а в 1902 году получил пост Гродненского губернатора. В следующем, 1903 году, П. А. Столыпин стал Саратовским губернатором. В этой роли ему пришлось встретиться с революционными волнениями 1905 года, которые не миновали и Поволжье. Один факт из его тогдашней деятельности получил широ-

кую огласку. Во время ликвидации беспорядков в Балашовском уезде он смело вышел один к толпе и лишь словом утихомирил ее.

26 апреля 1906 года П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел, а 8 июля к этому добавился и пост председателя Совета министров. Такой невероятный взлет был достаточно необычным для бюрократического Олимпа, и данный факт сделался предметом оживленных обсуждений в столичных гостиных. Эта же тема стала объектом всевозможных домыслов и предположений в различных сочинениях на исторические темы. Высказывались разные догадки, выдвигались немыслимые теории, и мало кого привлекал наиболее простой и документально подтвержденный ответ: Столыпин был призван в высший эшелон власти не в силу каких-то родственных уз и мифических протекций, а потому, что проявил себя, как сильный и смелый администратор, что было замечено и оценено монархом.

Тема Петр Столыпин и Николай II является чрезвычайно важной для понимания политических коллизий отечественной истории начала XX века. Вокруг этого сюжета существует множество идеологически и политически ангажированных спекуляций и конъюнктурных умозаключений, нацеленных на подтверждение или опровержение тех или иных мировоззренческих концепций. Многие уверены, что царь лишь «терпел» своего премьера, что он не позволял ему действовать смело и решительно, что падение Столыпина было предопределено еще до его гибели, что монарх оказался под полным влиянием «придворной камарильи», стремившейся уничтожить все нововведения и отказать от курса перемен, олицетворяемых Петром Столыпиным. При этом игнорируется одна очевидность: сановник оставался на своих постах *исключительно* благодаря поддержке императора, который, вне зависимости от личных симпатий и антипатий, видел глубокий смысл в преобразовании хозяйственной и социальной жизни империи.

В отличие от некоторых других высших чиновников, Петр Аркадьевич никогда не позволял нелицеприятных для самодержца высказываний даже в самом узком кругу. Это был истинный русский монархист, один из последних в петербургских коридорах власти, для которого воля монарха и воля России являли одно целое. Он был абсолютно искренен, когда летом 1906 года в письме заверял Николая II: «...жизнь моя принадлежит Вам, Государь, что все помыслы мои, стремления мои — благо России; что молитва моя ко Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Россию на путь законности, спокойствия и порядка».

Будучи просвещенным и целеустремленным политиком, Столыпин понимал, что реформы необходимы и неизбежны. Он видел дальше, острее осознавал причинно-следственные связи в решении проблем, чем многие современники. Девиз премьера был прост и в тех условиях логичен: сначала успокоение, а затем реформы. Однако откладывать назревшие изменения было невозможно, и реформы приходилось осуществлять в атмосфере неутраченных беспорядков. Хотя с 1907 года волна насилия в стране пошла на спад, она не прекратилась: с января 1908 года по май 1910 года было отмечено 19 957 случаев террористических актов и экспроприаций, от которых пострадали по всей империи 7634 человека (в 1905—1907 годах в результате деятельности революционных террористов было убито и ранено не менее 9000 человек).

Главную стратегическую цель премьер видел в принципиальной реорганизации землепользования и землевладения крестьянства, понимая всю пагубность существования общины. Еще будучи Саратовским губернатором, во всеподданнейшем отчете за 1904 год писал: «У русского крестьянина — страсть всех уравнивать, все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привести к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки».

Неблагоустройство значительной части крестьянства давно уже заботило и Николая II. Когда возник кабинет С. Ю. Витте, осенью 1905 года император поставил перед ним главную задачу: приступить к улучшению положения крестьян. На заседании Совета министров 3 ноября 1905 года глава правительства предложил в этих видах избавить крестьян от выкупных платежей. Царь тут же заявил, «что находит меру совершенно недостаточною» и решительно высказался за переход от слов и обещаний к крупным мерам «по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится», и призвал для достижения этой цели «не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми сильными мерами». Кабинету С. Ю. Витте не удалось принять никаких «сильных мер», хотя предварительная работа в этой области велась. Когда же собралась Первая Государственная Дума, сразу выяснилось, что резерва времени у власти уже больше нет. Ношу трудоемкого реформирования крестьянского

землеустройства принял на себя кабинет П. А. Столыпина и особенно его глава.

Надлежало решить две тесно взаимосвязанные организационно-правовые и экономические проблемы. Во-первых, снять все необоснованные и архаичные юридические ограничения прав крестьянства и, во-вторых, создать условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства. Сохранение власти общины вело к упадку крестьянского сельскохозяйственного производства, способствовало нищете самой многочисленной группы населения.

Столыпинская реформа в большинстве случаев реализовывалась царскими указами, что гарантировало оперативность ее проведения. Она базировалась на принципе неприкосновенности частной собственности на землю, последняя не могла ни в какой форме насильственно отчуждаться. 12 августа 1906 года последовал указ о передаче Крестьянскому банку сельскохозяйственных уделных земель (собственность императорской фамилии); 27 августа — о порядке продажи казенных земель; 19 сентября — о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); 19 октября — о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог надельной земли, чем признавалась крестьянская личная собственность на землю. Этими решениями был создан национальный земельный фонд, позволявший развернуть широкую программу переселения земледельцев из зон аграрного перенаселения (главным образом губерний центральной части Европейской России) на Восток.

Вслед за этим последовало несколько законодательных актов, изменявших юридический и правовой статус крестьянства: 5 октября 1906 года — указ об отмене всех сохранявшихся ограничений для крестьянского сословия; оно было уравнено в правах со всеми гражданами в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях. Наконец, 9 ноября 1906 года последовала самая важная в этом ряду мера — появился царский указ о раскрепощении общины. Каждый крестьянин получал право свободного выхода из общины вместе со своим, закрепленным в личную собственность наделом, который принадлежал ему до того на правах временного владения. Крестьянин и раньше имел право выделиться из общины, но лишь с согласия «мира» и после выплаты выкупных платежей. Теперь положение изменилось.

Указ 9 ноября свидетельствовал о том, что власть отказалась от старой своей политики сохранения общины и перешла к поддержке мелкого частного собственника. Это была довольно жесткая социальная политика, начисто лишенная тех благотво-

рительно-патерналистских начал, на которых длительное время строились отношения государства с крестьянством. Подобная мера неизбежно вела к резкому усилению дифференциации сельского населения, к разорению части его. Однако это было необходимо в новых условиях хозяйственной деятельности, когда полноценным субъектом рыночной экономики мог стать лишь крепкий, выдержавший испытание жестокой конкурентной борьбой хозяин.

Столыпину приходилось действовать тогда, когда мало было одного лишь расположения верховной власти в лице монарха. Продуктивная государственная работа зависела и от обстоятельств, еще совсем недавно или не существовавших, или не игравших никакой роли. В первую очередь это проявлялось в наличии выборного представительства, к которому министр и премьер относился вполне серьезно, рассматривая его как историческую реальность. Второй фактор был тесно связан с первым: существование либерального общественного мнения, которое выражали не только представители различных организаций и партий, но и значительная часть периодической печати, показавшая в годы революции свою мощную общественную силу.

С первых дней своего премьерства Столыпин стремился решить важную политическую задачу: привлечь в состав правительства некоторых деятелей не из бюрократической среды, придерживавшихся умеренной позиции. Велись переговоры, происходили встречи, но добиться на этом направлении результатов не удалось. Как и в свое время в случае с кабинетом Витте, общественные деятели обставляли свое вхождение в правительство такими оговорками и условиями, которые власть принять не могла в силу исторической традиции и законов. Ведь правительство назначалось исключительно царем и несло ответственность только перед ним. Но попытки эти продолжались с полным одобрения императора и при его непосредственном участии.

Летом 1906 года Николай II писал главе правительства: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет. мин. Надо искать ближе». Через несколько дней, возвращаясь к той же теме и поясняя свою позицию, царь заметил: «Мне известно о пущенном слухе, будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления *целой группы* лиц с какой-либо программой». Глава кабинета пользовался в этот период полной симпатией и поддержкой монарха. В октябре 1906 года в письме матери Николай II заметил: «Я тебе не могу сказать, как я его

поллюбил и уважаю. Старик Горемыкин дал мне добрый совет, указавши на него. И за то спасибо ему».

Деятельность кабинета П. А. Столыпина вызывала острую критику со всех сторон. Левые поносили правительство, прекрасно понимая, что реорганизация экономической и социальной среды, создание массового слоя мелких собственников подорвут их влияние и сведут на нет все их попытки заручиться общественной поддержкой для свержения самодержавного строя. Либералы, в первую очередь в лице кадетов, которые, как казалось, должны быть целиком на стороне реформатора, содействовавшего буржуазной трансформации страны, соглашаясь на словах с необходимостью преобразований, на деле, в силу исторической традиции российского либерализма, не могли принять и одобрить меры, инициированные исторической властью. Главный рупор кадетской партии газета «Речь» почти в каждом номере публиковала резко критические, а порой и просто оскорбительно-разносные материалы о правительстве и о его главе.

Консервативные элементы тоже в значительной своей части были настроены скептически, а многие и откровенно враждебно к столыпинскому курсу. Их не устраивало то, что премьер, как им казалось, «заигрывал» с либералами, но в еще большей степени то, что он покушался на вековой уклад российской жизни, собиравшись разрушить то, на чем «исстари стояла Россия». С первого дня существования кабинета Столыпина правые элементы плодили слухи о скором падении правительства, о том, что премьер потерял расположение государя, о деловой непригодности главы правительства и т. д.

Но непредвзятые наблюдатели не могли не видеть административных дарований Петра Аркадьевича. Он обладал огромной работоспособностью, умением кратко и ясно излагать свою мысль, внимательно и заинтересованно слушать и слышать специалистов и знатоков. Сильное впечатление производили его целеустремленность, искренняя заинтересованность в успехе общего дела на благо России. При нем правительство перестало напоминать дискуссионный клуб, а стало единым и дееспособным органом управления. Он не боялся вызова оппозиционеров, нападок откровенных врагов, смело поднимался на трибуну Государственной Думы, излагая и разъясняя политику правительства, стремясь заручиться пониманием и поддержкой. Столыпин стал первым главой кабинета, которому приходилось выполнять сложную и неблагодарную роль публичного защитника и пропагандиста государственной политики.

Первая программная речь П. А. Столыпина прозвучала перед депутатами Второй Государственной Думы 6 марта 1907 года. Этого выступления ждали кто с опасением, кто со злорад-

ством, а кто с простым интересом. Еще были свежи в памяти воспоминания, связанные с неудачным дебютом в начале мая 1906 года на сцене Первой Думы И. Л. Горемыкина, которого ошарашивали, затопали и захлопали. Теперь все прошло совсем иначе. Министра императорского двора барона В. Б. Фредерикса поразило внимание, с которым депутаты прослушали речь главы правительства, а по окончании даже раздались аплодисменты. Влиятельный сановник не удержался и заметил, что «это странно», и высказал предположение, что «Дума как будто одобряет правительство, а между тем все были убеждены в том, что будет то же самое, как при Горемыкине». Однако «громы и стрелы» полетели в адрес администрации буквально через несколько минут после того, как премьер покинул думскую трибуну.

Для премьер-министра подобная реакция не была неожиданной; он, зная о преобладающих политических пристрастиях втородумцев, не питал радужных надежд. Однако речь свою составил в деловом, конструктивном тоне, лишенном полемической риторики. Спокойно и обстоятельно обрисовал главные пункты программы правительства и очертил основные направления дальнейшей деятельности на пути превращения России в правовое государство. П. А. Столыпин считал, что главными в комплексе проводимых мер являются законы об устройстве быта крестьян. На рассмотрение Государственной Думы были вынесены все те решения власти, которые реализовались в форме царских указов в соответствии со статьей 87 Основных Законов.

Вниманию депутатов были предложены и некоторые законопроектные более общего характера, вытекающие из положений Манифеста 17 октября 1905 года: о веротерпимости, о пересмотре временных правил о печати, о равноправии всех граждан, о неприкосновенности личности, о реорганизации местного самоуправления, о реформировании суда, о пересмотре рабочего законодательства и некоторые другие. Заканчивая свое выступление, глава кабинета сказал: «Изложив перед Государственной Думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины». Но приглашение к сотрудничеству услышали во Второй Думе лишь немногие.

Несмотря на враждебный характер многих думских речей, П. А. Столыпин за три с небольшим месяца существования Второй Думы неоднократно выступал перед депутатами, стараясь пояснить позицию правительства. Особой заботой и попечением

премьера пользовалась аграрная программа. Он неустанно повторял, что уравнилельные тенденции, насильственное перераспределение земли аграрного вопроса не решит, что административное отчуждение земли приведет не к благополучию в этой области, а к непредсказуемым социальным потрясениям, что правительство не намерено насильно разрушать общину и общинный уклад, оно лишь создаст условия, позволяющие отдельному крестьянину выбирать способ ведения хозяйства.

Выступая 10 мая 1907 года, П. А. Столыпин заметил: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

В Третьей Государственной Думе правительство, как уже говорилось выше, имело солидную поддержку, которую обеспечивали октябристы и националисты. Лидер октябристов А. И. Гучков несколько лет был ближайшим союзником П. А. Столыпина. Кадетская партия в этот период тоже заметно поправела. Некоторые видные представители интеллигенции вообще публично отмежевались от левого крена в стратегии и тактике российского либерализма, стали практически оценивать революцию. В 1909 году группа публицистов и общественных деятелей кадетского и «околокадетского» толка издала сборник «Вехи», отразивший эти умонастроения.

Первая сессия Третьей Государственной Думы прошла в атмосфере спокойной работы, в духе взаимопонимания с правительством. Отдельные попытки левых и кадетов разжечь конфликты по некоторым малозначительным поводам окончились неудачей, так как большинство не хотело конфронтации с властью. В центре работы Думы оказался аграрный вопрос. Перво-наперво надлежало утвердить указ от 9 ноября 1906 года, вступивший в силу с 1 января 1907 года. Одобренный и дополненный думской земельной комиссией, он начал обсуждаться на общей сессии 23 октября 1908 года. Записалось выступать 213 депутатов — около половины всего депутатского корпуса. Если бы не факт реального существования указа, было бы мало надежд на то, что законопроект удастся быстро провести через Думу. Многие из числа правых являлись противниками аграрного переустройства и в конечном итоге голосовали «за», желая поддержать решение монарха.

Выступая перед Думой 5 декабря 1908 года, премьер-министр сказал: «Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера в царя, в силу русского народа и русского крестьянина. Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту, правительство приняло на себя большую ответственность, проводя в порядке статьи 87 (Основных Законов) закон 9 ноября 1906 года, оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более трех миллионов двухсот тысяч десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство». Но обсуждение этого важнейшего акта в Думе растянулось на несколько лет, и он был окончательно одобрен и опубликован лишь 14 июня 1910 года, хотя фактически уже действовал более трех с половиной лет.

За пять лет своего существования Государственная Дума третьего созыва приняла целый ряд важных законопроектов в области народного просвещения, укрепления армии, местного самоуправления. П. А. Столыпин в общем был удовлетворен ходом государственных преобразований и осенью 1909 года в интервью саратовской газете «Волга» еще раз подчеркнул свою стратегическую цель: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность... Эта великая задача наша — создание единого собственника — надежнейшего оплота государственности и культуры — неуклонно проводится в жизнь».

Реформы, проводимые в России, имели дальние цели. Последние четыре-пять лет перед первой мировой войной стали периодом ощутимого прорыва в различных отраслях хозяйства, но в центре внимания власти оставалась аграрная проблема. В сентябре 1910 года Николай II писал П. А. Столыпину: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах — о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову».

Премьеру, имевшему опору в Думе, удавалось добиваться одобрения большинства вносимых законопроектов. Однако недовольных правительственной политикой всегда хватало в стенах Таврического дворца. Когда проявились явные признаки со-

циального умиротворения в стране, критического тона все чаще стали придерживаться октябристы и националисты. Они, согласные в принципе с курсом кабинета, порой не поддерживали конкретных решений, казавшихся им недостаточными или непродуманными. Более же правые элементы политического спектра, сторонники неограниченного самодержавия в духе Николая I или Александра III, выступали однозначно резко против премьера за его нежелание пойти навстречу утопическим призывам: отказаться от Манифеста 17 октября 1905 года и признать все формы выборного представительства и гражданских свобод недопустимыми.

Официоз правительства, газета «Россия», растолковывая правым политическую ситуацию, писала осенью 1907 года: «Консерватизм необходим в государственной жизни каждого народа, и только глупый будет отрицать его законность и необходимость в России. Надо знать, что консервировать, что охранять. Охранять надо живое, а не мертвое. В этом и ошибка наших крайних правых, что они охраняют формы, а не дух, обряды, а не ту сущность, которую они символизировали... После подавления революции разумные люди обязаны пересмотреть ее причины, разобраться в них и уничтожить их. Разумная политика после революции требует реформ, а не восстановления прошлого в его неприкосновенности и целостности».

В различных кругах общества постоянно муссировались слухи о скорой отставке главы кабинета, о том, что он потерял расположение монарха. Чуть больше пяти лет Петр Аркадьевич возглавлял правительство, и все это время подобные слухи не стихали. Они особенно были популярны в салонах крайне правых, завсегдатаи которых имели разнообразные и давние связи с окружением царя. Но разговоры о падении Столыпина так и оставались разговорами, благодаря сохранявшейся поддержке Николая II. На императора оказывалось постоянное воздействие (следы его явственно просматриваются в документах той поры) в неблагоприятном для первого министра духе, но они не производили должного эффекта.

Серьезному испытанию государственная карьера П. А. Столыпина подверглась весной 1911 года в связи с утверждением законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях. Глава кабинета с особым вниманием относился к этому вопросу, так как с Западным Краем он был тесно связан и месторасположением собственного имения, и деятельностью на различных должностях. Под его руководством был разработан законопроект, представленный законодателям. Он предусматривал введение земства в тех губерниях, где был силен русский эле-

мент: Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской.

В то же время премьер считал, что следует временно воздержаться от введения земского самоуправления в тех местностях, где русские составляли меньшинство (Ковенская, Виленская, Гродненская губернии). Так как в Западном Крае значительная часть крупного землевладения была сосредоточена в руках поляков, предлагалось понизить землевладельческий ценз при выборах по сравнению с общерусским; избиратели разделялись на две курии, польскую и русскую, причем русская избирала в два раза больше гласных. Этот проект обсуждался в Государственной Думе в начале 1910 года. Дискуссия носила бурный характер, так как вопрос затрагивал не только административную сферу, но и сферу национальных чувств и предрассудков. В конце концов проект был принят, но в него были внесены некоторые изменения и дополнения, смягчавшие его антипольский характер. В частности, было исключено требование о том, чтобы председатели управ и большинство служащих непременно являлись русскими, но сохранялся принцип национальных курий. Принятая редакция в общем устраивала правительство.

Для введения закона в действие требовалось одобрение его верхней палатой и царем. Прошло почти восемь месяцев, прежде чем «госсоветовские старцы» приступили к обсуждению. Здесь доминировали представители русского барства, и законопроект столкнулся с неожиданными для правительства трудностями, а вся история постепенно стала приобретать характер политического кризиса. Император через председателя Государственного Совета обратился с просьбой поддержать предложения правительства. Некоторые влиятельные члены Совета, выступавшие вообще против национальной польской курии и распространения земства в западных губерниях, восприняли это как недопустимый нажим. Один из видных противников премьера В. Ф. Трепов добился аудиенции у государя и поинтересовался, следует ли рассматривать подобное пожелание как царский приказ. Николай II ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Эти слова немедленно были истолкованы как недоверие главе правительства. На пленарной сессии правые выступили совместно с левыми членами Государственного Совета и 4 марта 1911 года 92 голосами (против 68) провалили законопроект.

Премьера особенно возмутило, что правительству «вставляю- ют палки в колеса» те, кто громкогласно объявлял себя радетелем имперских интересов России и чьи позиции в конечном счете проект защищал. В этой обстановке самообладание Петру Аркадьевичу, очевидно, изменило. Тяжелая повседневная работа на

двух ответственных государственных постах, упорное противодействие, которое он постоянно ощущал, не могли не сказаться даже на такой сильной натуре. На следующий день после голосования премьер посетил императора и заявил ему о своем решении подать в отставку. Царь был невероятно удивлен этой просьбой и заявил: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить исход под влиянием частичного несогласия Совета» и попросил П. А. Столыпина предложить «какой-либо иной исход».

Тогда премьер предложил путь, неоднократно ранее уже испытанный и позволявший оперативно решать сложные задачи, не откладывая их в долгий ящик всевозможных обсуждений и согласований. Речь шла о том, чтобы распустить на несколько дней обе палаты и провести законопроект по статье 87 Основных Законов. У императора предложение вызвало сомнения именно в силу того, что амбиции господ депутатов не позволят им молча проглотить такую «горькую пилюлю» и страсти могут разгореться с невероятной силой. Но эти опасения представлялись главе правительства несущественными. Он был уверен, что большинство Думы поймет и поддержит подобный шаг. В конце концов он убедил монарха в уместности этого решения. Но глава правительства пошел еще дальше и попросил царя «примерно наказать» лидеров правых в Государственном Совете П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова и рекомендовать этим лицам прервать их работу в Совете и выехать из Петербурга. Царь был озадачен и попросил время на обдумывание подобных мер.

Обдумывание продолжалось пять дней, и весь этот период правительство находилось в подвешенном состоянии. Премьер не питал особых надежд на благоприятный исход, понимая, что его предложения уязвляли самолюбие монарха, получившего, по сути дела, ультиматум. Потом говорили, что в защиту позиции П. А. Столыпина выступили некоторые влиятельные члены императорской фамилии, в том числе и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Так или иначе, но случилось почти невероятное: 10 марта Петр Аркадьевич был вызван в Царское Село, где император подписал указы о перерыве сессий Государственного Совета и Государственной Думы и поручил объявить П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову повеление выехать из Петербурга. Это был, по словам одного из современников, действительно «неслыханный триумф Столыпина».

Но дальше произошли события, показавшие обоснованность опасений царя. Как только появился указ о перерыве занятий законодательных палат, немедленно последовала бурная реакция тех, на кого Столыпин опирался в предыдущие годы. Взбунтова-

лись октябристы. Они сочли, что этот шаг ведет к недопустимому умалению авторитета представительных учреждений и означает поворот к прошлому. Когда же 14 марта был издан по статье 87 закон о западном земстве, возмущение охватило даже самых преданных столыпинских сторонников. Председатель Думы А. И. Гучков в знак протеста демонстративно сложил с себя свои полномочия, а несколько думских фракций внесли запросы о нарушении Основных Законов. Негодовали и правые, возмущенные репрессиями против своих лидеров. Вся печать ополчилась на премьера. Глава кабинета выступил с разъяснениями и в верхней палате, и в нижней, но лавров не снискал.

П. А. Столыпин оставался на своих постах еще несколько месяцев, и его государственная карьера была прервана насильственно: 1 сентября 1911 года он стал жертвой террористического покушения. Об этом событии всегда много писали и говорили, а детали всей драматической истории излагались и интерпретировались бесчисленное количество раз. Все выглядело настолько просто и неправдоподобно, объяснения властей казались столь невнятными и неубедительными, что невольно возникали контрверсии. Некоторые в пылу разоблачительного угара доходили до немислимых утверждений: убийство было организовано охранкой, которая действовала чуть ли не с благословения самого царя, не знавшего, как избавиться от Столыпина. Через тридцать лет Павел Милюков в своих мемуарах уподобил судьбу русского премьера судьбе архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета, убитого в 1170 году по желанию короля Генриха II. Этот абсурд написал человек, который начинал как историк!

Фабула трагического финала жизни Петра Аркадьевича разворачивалась в Киеве, где в конце августа 1911 года проходили пышные торжества, связанные с открытием памятника Александру II в связи с 50-летием крестьянской реформы 1861 года. На эти празднества прибыла царская семья, высшие должностные лица империи. Премьер приехал на несколько дней раньше, чтобы организовать встречу, которая состоялась 29 августа. Последующие три дня прошли в круговерти приемов, торжественных молебнов, смотров и парадов. Вечером 1 сентября, в последний день торжеств, в Киевском городском театре шла красочная опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». На спектакле присутствовал царь со старшими дочерьми, министры, генералитет, «сливки» киевского общества. Во время второго антракта, примерно в 23 часа 30 минут, к премьеру, стоявшему перед первым рядом кресел, подошел молодой человек во фраке и дважды выстрелил. Столыпин был помещен в одну из киевских клиник, где несколько дней находился между

жизнью и смертью, а 5 сентября в 10 часов 12 минут вечера Петр Аркадьевич скончался и 9 сентября был торжественно похоронен в Киево-Печерской лавре.

Убийцей премьера оказался двадцатичетырехлетний Д. Г. Богров, сын богатого киевского домовладельца-еврея, несколько лет тесно сотрудничавший с тайной полицией. Он получил хорошее образование: сначала гимназия, затем юридический факультет Киевского университета, который он окончил в 1910 году. С гимназических лет Богров увлекался чтением нелегальной эсеров-анархистской литературы и уже к моменту окончания гимназии отличался радикальным настроением. Будучи студентом университета, сблизился с киевскими анархистами-коммунистами, участвовал в нелегальных собраниях, где обсуждались планы террористических актов и экспроприаций. В 1907 году, по доброй воле, Богров стал агентом киевского охранного отделения и выдал полиции планы, имена и явки нелегалов. Этой деятельностью он занимался несколько лет, получая за свою осведомительную работу денежные субсидии. Связи в полиции помогли ему получить доступ в Киевский театр.

В 1908 году, в письме министру просвещения А. Н. Шварцу, премьер заметил: «Я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком с бомбою в руках по направлению к власти!» Дмитрий (Мордко) Богров — характерный представитель заблудшего поколения российской молодежи, чье сознание было отравлено ядом антигосударственных учений и доктрин. Человек с неуравновешенной психикой, мучимый комплексом неполноценности, этими своими качествами очень напоминал другого революционера-provokatora — Гапона. На допросах после покушения, охотно рассказывая о себе, он не смог внятно объяснить мотивы своего поступка, заявив лишь, что глава правительства — «главный виновник реакции». Военный суд приговорил убийцу к высшей мере.

Покушение на П. А. Столыпина гулким эхом отозвалось по всей России; этому событию уделили большое внимание российские и иностранные газеты. Кровавые эксцессы, как казалось многим, начинали стихать, жизнь понемногу входила в нормальное и спокойное русло, и вдруг эти выстрелы в Киеве!

Николай II, находившийся в театре в момент покушения, негодовал, и ему изменило самообладание: искренне пожалел, что полиции удалось вырвать террориста из рук разъяренной толпы, чуть того не разорвавшей. В последующие дни постоянно интересовался здоровьем раненого, и лейб-медик Е. С. Боткин уверял царя, что все образуется, «Столыпин выздоровеет». Затем

наступило 5 сентября, когда утром, вернувшись в Киев после поездки по окрестным достопримечательностям, Николай II узнал: Петр Аркадьевич скончался. Тут же поспешил в клинику, встал на колени перед усопшим и долго молился. Присутствовавшие слышали, как монарх несколько раз сказал «прости». Затем отслужили панихиду. Царь потерял верного сановника...

Глава 20

ДОРОГОЙ ГРИГОРИЙ

Распутин... Его разоблачали при жизни, клеймили и высмеивали после смерти, но этот человек-легенда вызывает интерес до сих пор.

В неповторимо-феерической истории жизни сибирского крестьянина всегда искали тайну, какую-то баснословную и роковую «иглу», способную поразить воображение. И, как часто казалось, находили. В алькове («сексуальный маньяк, подчинивший своему влиянию выродившихся неудовлетворенных столичных матрон»), в особенностях психики последней царицы («истеричка, легко поддающаяся гипнотическому воздействию»), в наличии разветвленного иностранного заговора («распутинская шайка врагов России окружила трон»).

Ни одно из этих расхожих утверждений никогда документально не подтверждалось. Миф оказывался сильнее документа, а порой и здравого смысла. Легенда принималась за достоверный факт. Русская история периода заката монархии дала немало примеров общественной истерии и один из самых ярких — распутинская история.

Хотя рассказов и упоминаний об этом человеке великое множество, конкретных данных о нем не так уж и много. Родился Григорий в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина среднего достатка Ефима Яковлевича Распутина, очевидно, в 1869 году (в переписном листе переписи 1897 года его возраст определен в 28 лет). Фамилия Распутин довольно широко распространена в Сибири и на русском Севере и встречается в летописях уже в первой половине XVII века. В 1906 году Распутин решил свою фамилию пояснить, объясняя это намерение в письме царю следующим образом: «Проживая в селе Покровском я ношу фамилию Распутина в то время, как и многие другие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества

и прошу: дабы повелено было мне и моему потомству именовать по фамилии «Распутин Новый». Далее шла подпись: «Вашего Императорского Величества верноподданный Григорий».

В начале 90-х годов XIX века Григорий Ефимович женился на тихой девушке Прасковии, от брака с которой имел двух дочерей, Марию (Матрену) и Варвару, и сына Дмитрия. Жизнь вел тогда самую обычную, ничем не примечательную. Перелом произошел в тридцатилетнем возрасте, во время посещения Верхотурского монастыря в Пермской губернии. Это путешествие на богомолье способствовало перерождению Григория, и очевидцы отмечали эту разительную перемену. «Спустя несколько недель после ухода Распутина в Верхотурье, я со своей матерью поехал в Тюмень, — свидетельствовал позднее односельчанин, — и дорогой встретил возвращавшегося из Верхотурья Распутина, причем на этот раз он мне показался человеком ненормальным. Возвращался тогда он домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Удивлялись и другие. «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом», — констатировал еще один житель Покровского.

Распутин бросил пить, курить, есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, часами испуганно молился. Затем начались его паломничества по святым местам. За свою жизнь он посетил множество обителей в России, бывал на Афоне и в Иерусалиме. Вокруг него в Покровском сложился небольшой кружок единомышленников из числа друзей и родственников: читали молитвы, пели псалмы и религиозные песни. К моменту появления в Петербурге он уже хорошо знал Священное Писание и мог часами вести беседы на религиозные темы. Григорий ни в каком учебном заведении не обучался. Со временем ему удалось научиться выводить слова, но техникой письма в полном смысле этого слова так и не овладел.

Распутин отличался природным умом, крестьянской сметкой и удивительной интуицией, много раз проявлявшейся к вящей славе его как прорицателя. Все это создавало образ сильный и цельный, способный производить впечатление особенно на людей слабых, рефлексирующих, находившихся в состоянии глубоких колебаний и сомнений. В самом начале XX века слух о появлении замечательного провидца и предсказателя распространился далеко за пределы Тюменского уезда. Многие называли его «старцем»...

Старчество имело в России давнюю и глубокую традицию. Оно являлось неотъемлемой частью православного христианства, утвердившегося на огромных просторах Европейской равнины, на Украине, на Урале и в Сибири. Старец не был ни священником, ни монахом, но пользовался высочайшим моральным авторитетом, так как считалось, что опытом своей жизни он постиг бесценные христианские добродетели. О сути старчества прекрасно написал Федор Михайлович Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: «Старец — это беруший вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь бродили, а себя не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное послушание, всегда бывшее в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвижающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным».

Понять удивительный феномен Распутина трудно, если оторвать его от исторических народных представлений о нравственной жизни. Православному человеку требовался наставник, духовный друг, советчик и поводырь, способный указать правильную дорогу в жизни. Православные христиане ждут чудес, знамений, отражающих Божественный промысел. Толкователями их исстари выступали «Божьи люди». Первые среди них — старцы. Старец — это бесспорный праведник, благочестивый человек и христианин, строго соблюдавший все канонические принципы веры. Вот почему, когда началась борьба с Распутиным, очень много усилий было положено на то, чтобы доказать всем, но в первую очередь венценосцам, что пресловутый «Гришка» — сектант, «хлыстовец», и по этой причине его деятельность не может быть угодна Богу.

Судьбу этого человека следует рассматривать с учетом русского исторического духовно-нравственного контекста, иначе получается жуткая картина, которую так часто рисовали: какой-то «грязный», «развратный мужик» пробрался в царские чертоги, «подчинил» своей воле царя и правит огромной страной. Было от чего содрогнуться, сделать вывод о том, что «царь полоумный», и призывать к его свержению. Царь и царица увидели в

Распутине одного из тех праведников и светочей, которыми так богата история России.

После падения монархии архиепископ Феофан заметил следователю Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Он, Распутин, не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал». Так ли все было в действительности или владыка сам оказался жертвой массового психоза, сказать трудно. Как трудно доказать или опровергнуть большинство растиражированных «эпизодов падения».

Впервые в Петербург Распутин приехал, очевидно, в 1903 году, успев к тому времени «покорить сердце» казанского епископа Хрисанфа, рекомендовавшего его ректору Петербургской духовной академии епископу Сергию (Страгородский), который в свою очередь представил Распутина профессору, иеромонаху Вениамину и инспектору академии (затем ректору), архимандриту Феофану (Быстрову).

В кругах церковных иерархов и учеников академии Распутин вращался довольно долго, прошел здесь «свои университеты» и, обладая живым, цепким умом и прекрасной памятью, многое почерпнул. Уже в 1905 году Феофан испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику, увидев в нем «носителя новой и истинной силы веры». «Старец Григорий» произвел сильное впечатление и на известного в начале века проповедника, благочестивого пастыря, имевшего огромный моральный авторитет в России — отца Иоанна Кронштадтского, благословившего его.

Духовник великого князя Петра Николаевича и его жены великой княгини Милицы Николаевны, отец Феофан ввел «сибирского старца» в великокняжеские покои. Дочери черногорского князя Николая великие княгини Милица и Стана (Анастасия) играли заметную роль в великосветском мире Петербурга. Особенно выделялась Милица, истово преданная «поиску глубинного смысла в иррациональном» и даже, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных мистиков, специально изучившая языки народов Востока. Усадьба Знаменка под Петербургом, недалеко от Петергофа, где Милица с мужем проживала с весны до поздней осени, стала центром «поисков и прозрений», которые несло с собой все то, что не поддавалось обычному объяснению. Здесь жил и «кудесничал» месье Филипп; бывали тут и многочисленные маги и провидцы; здесь же весьма успешно произошел «великокняжеский дебют» Григория Распутина.

От салона Милицы уже был всего лишь шаг до царских чертогов. Роковая встреча должна была состояться, и она в конце концов произошла 1 ноября 1905 года в Петергофе. В дневнике Николая II записано: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губернии». Царь и царица находились в подавленном состоянии духа. Общее положение дел в стране было безрадостным. Несмотря на Манифест 17 октября, умиротворение не наступило. Отовсюду шли сигналы о беспорядках и насилиях. В такой мрачной атмосфере и появился тот, кто утешил их беседой, предсказав благоприятное и скорое завершение смут и волнений.

Черногорки выступали покровительницами Распутина, расхваливая его дар предсказателя, его способности врачевателя. 9 декабря 1906 года Николай II занес в дневник: «Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории». До 1909 года сестры принимали в Распутине большое участие, а Милица даже подарила ему несколько тысяч рублей, на которые был построен в Покровском большой и добротный дом для распутинской семьи. Позже эти дамы, как и их мужья, великие князья Петр и Николай Николаевичи, превратились в наиболее непримиримых врагов «старца Григория». Природа этой метафоры не совсем ясна, но Александра Федоровна считала, что «эти черные женщины» пытались превратить их друга в инструмент своего воздействия на монарха, а когда тот отказался им служить, стали люто злословить. Царица считала их поведение «бессовестным» и порвала всякие отношения с сестрами-княгинями.

Первые год-два после знакомства Григорий Распутин еще не стал для царя и царицы тем «дорогим Григорием», которому открывали душу. Они охотно слушали других носителей «высшей правды». «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни, — записал Николай II 14 января 1906 года. — Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривали с ним около полтора часа».

До конца 1907 года встречи императорской четы со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Вторая произошла через много месяцев после первой, летом 1906 года, когда царь и царица посетили усадьбу Анастасии Николаевны Сергиевку. Радость от общения возникла. Вот запись императора за 19 июня 1907 года: «В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке на Знаменку... Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к себе». Между тем слава сибирского

молитвенника и предсказателя в Петербурге постепенно росла, а слухи о том, что с ним виделась царская чета, лишь умножали ее.

Почти все первые десять лет, приезжая в Петербург, Григорий Распутин не имел здесь своего пристанища. Его охотно принимали почитатели, число которых, вопреки распространенным слухам, никогда не было особенно велико. Вначале он неоднократно проживал у Феофана. Много раз его охотно принимали в семье петербургского журналиста правой ориентации, кандидата прав Г. П. Сазонова, которого восхищало глубокое религиозное чувство этого человека. «Прислуга наша, — вспоминал Сазонов, — когда Распутин, случалось, ночевал у нас или приезжал к нам на дачу, говорила, что Распутин по ночам не спит, а молится. Когда мы жили в Харьковской губернии на даче, был такой случай, что дети видели его в лесу, погруженного в глубокую молитву. Это сообщение детишек заинтересовало нашу соседку-генеральшу, которая без отвращения не могла слышать имени Распутина. Она не поленилась пойти за ребяташками в лес, и действительно, хотя уже прошел час, увидела Распутина, погруженного в молитву».

По мере роста известности, в Петербурге начинали циркулировать компрометирующие Распутина слухи. Чад «леденящих кровь историй» о его невероятных эротических похождениях и о немыхлимых оргиях пьянил воображение образованных мещан. Много шуму наделал, например, рассказ, опубликованный в петербургских газетах нововременским журналистом И. Ф. Манасевичем-Мануйловым, поданный в форме доверительного признания «старца Григория». «Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц и среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Они приехали ко мне в Сибирь и хотели приблизиться к Богу... Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских — в бриллиантах и дорогих платьях, — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех раздел и заставил меня мыть». На обывателя, погрязшего в не приметных, серых буднях, подобные красочные рассказы производили огромное впечатление: светские дамы «в бриллиантах и дорогих платьях», моющиеся в бане крестьянского мужика, — это видение настолько сильно подействовало на публику, что навсегда осталось в распутинской мифологии. Удивительно не то, что подобное публиковали, а то, что этому безусловно верили. Пересказывали, смакуя подробности, и возмущались, возмущались без конца...

В первые свои наезды в Петербург Григорий Распутин расположил к себе многих из числа тех, кто пытался найти «истинного Бога». Знавший его тогда полковник Д. Н. Ломан расска-

зывать в 1917 году следователю Следственной комиссии Временного правительства: «Познакомившись с Распутиным, стал его посещать с женою, а равно и он бывал у меня, но встречи наши не были часты. В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничья. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение...»

С конца 1907 года идет отсчет систематических встреч Григория Распутина с царской семьей. Местом их в последующие годы чаще всего служил небольшой каменный дом на Церковной улице № 2 в Царском Селе, в котором поселилась ближайшая подруга и наперсница царицы Анна Александровна Вырубова. Она заняла в жизни императорской семьи исключительное место; у венценосцев не было от нее никаких секретов. Вырубова искренне дорожила этим доверием и платила за него бескорыстной преданностью, доходившей до самозабвения. Александра Федоровна и Аня Вырубова (Танеева) были единомышленницами: их душевные устремления и нравственные представления почти целиком совпадали, хотя по своей природе, по психологическому и эмоциональному складу эти женщины были очень несхожи.

Конфидентка царицы родилась в 1884 году в семье крупного сановника, главноуправляющего (с 1896 года) Собственной Его Величества канцелярии, музыканта, композитора, меломана и коллекционера Александра Сергеевича Танеева. Матерью ее была Надежда Илларионовна, урожденная графиня Толстая. Эта семья уже давно занимала видное место в императорской столице. Дочери статс-секретаря, обер-гофмейстера и члена Государственного Совета Анна и Александра (родилась в 1885 году) получили хорошее домашнее воспитание, знали языки, были музыкально образованны и прекрасно играли на фортепиано.

Анна Александровна с юности никаких светских претензий не имела, компаний сторонилась, а в обществе была молчалива. Девушка эта была очень религиозная, добрая и отзывчивая. Среди родственников имела репутацию человека абсолютно бескорыстного, старавшегося помогать всем, кто в ее помощи нуждался. В шестнадцать лет Анна серьезно заболела, и во время кризиса ей привиделось, что к ее постели подошла императрица, протянула ей руку и спасла от смерти. После этого сразу же наступило резкое улучшение, о чем родители не замедлили сообщить царице. Относясь чрезвычайно серьезно к знамениям,

Александра Федоровна навестила выздоравливающую девушку и благословила ее. Так императрица познакомилась с той, которая со временем стала в полном смысле слова ее вторым «я».

В 1902 году Аня Танеева выдержала экзамен при Петербургском учебном округе на звание домашней учительницы, а в 1903 году получила шифр (знак отличия), став фрейлиной большого императорского двора. Сближение Ани Танеевой с семьей царя началось в 1905 году, когда летом они взяли молодую и услужливую фрейлину в свою летнюю поездку на императорской яхте по финляндским шхерам. Николай и Александра любили такой отдых: на лоне природы, вдали от сложных государственных забот, от надоедливости света и от повседневной придворной суеты. Через год они взяли ее с собой снова. Фрейлина покорила тем, чему всегда симпатизировала царица: искренностью чувств и глубокой религиозностью. По возвращении в Петербург Анна Александровна стала устаивать невероятных в ее положении знаков внимания: она становится завсегдатаем на царских трапезах, а затем — участницей вечерних посиделок-собеседований в интимном царском кругу.

Александра Федоровна, исповедовавшая своего рода культ семьи, где, по ее глубокому убеждению, женщина только и могла получить настоящее счастье, приняла большое участие в устройстве личного благополучия «дорогой Анички». В январе 1907 года застенчивая «толстуха» была помолвлена с лейтенантом А. В. Вырубовым и вскоре стала его женой. Несмотря на высочайшее покровительство, этот брак не стал счастливым. Выяснилось, что муж бывшей фрейлины страдает приступами острого психического расстройства, маниакальными садистическими наклонностями и импотенцией. Прожив с ним в муках и слезах несколько месяцев, Аня Вырубова бежала от него при благосклонно-сочувственном отношении императорской четы, знавшей все перипетии этого неудачного супружества. Царская семья осталась для Вырубовой-Танеевой своей теперь уже до конца.

Императрицу и ее фрейлину-наперсницу сближало одинаковое отношение к Григорию Распутину, которого они обе глубоко почитали, видя в нем воистину Божьего человека, способного наставить на праведный путь и указать судьбу. Распутин благословил столь неудачный брак Анны Александровны незадолго до свадьбы, но предсказал, что он не будет счастливым. Это первое сбывшееся в жизни Анны Вырубовой пророчество дало серьезный толчок к появлению у нее беспредельной веры в сверхъестественные способности этого человека.

Удивительное расположение венценосцев к неприметной, не блиставшей ни красотой, ни талантами столичной барышне не-

избежно вызвало интерес в свете, порождало слухи и сплетни. Требовались объяснения. И они тут же появлялись.

Некоторые шли невероятно далеко по пути аномальных предположений. Вот, что, например, занесла в свой дневник генеральша А. В. Богданович 10 июня 1908 года: «Сегодня говорили, что в истории царицы, Танеевой и Орлова, последний — ширма, что неестественная якобы дружба существует между царицей и Танеевой, что будто муж этой Танеевой-Вырубовой — нашел к ней письма от царицы, которые наводят на печальные размышления... Какой скандал, если все это правда! Говорят, что уже в немецких газетах про все это написано. В Уланском полку про все это много говорят, верно, и в других тоже, но царь ничего не знает». Разговоры «о противоестественной любви».

Подобные сплетни высвечивают одну характерную сторону столичного высшего общества последнего царствования: удивительную эротическую истерию, надрывный культ плотской чувственности и вакханического экстаза, охвативший в первую очередь дам столичного света. Разнузданную похоть часто прикрывали разговорами о поисках простоты, искренности и истинности. Темы книг и лекций по вопросам пола в начале века стали чрезвычайно популярными. Разговоры на эти темы, еще совсем недавно немыслимые в православном русском обществе, сделались модными. Различные аванажные «эмансипэ» чуть ли не все поступки людей стали объяснять «половыми влечениями». Эта атмосфера способствовала росту известности, а затем и ажиотажу вокруг личности Григория Распутина.

Естественно, что в господствующих в обществе представлениях и настроениях так или иначе преломлялась жизнь императорской семьи, хотя царь и особенно царица были очень далеки от подобных модных течений, никогда такие темы публично не обсуждали и вообще не высказывали никакого интереса к ним. Через некоторое время беспощадная молва будет утверждать, что А. А. Вырубова, эта пресловутая «устрица» (такую оскорбительную кличку дали ей в свете) сожительствует с «грязным мужиком Распутиным».

Ничего плотского в этих отношениях никогда не существовало. Вырубова относилась к Распутину с почтением, даже с обожанием. «Он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать... Он объяснял Священное Писание... Он знал все Св. Писание, Библию всю...» — вспоминала о нем Анна Александровна. Она, как и царица, уверовала в то, что молитвы этого «посланца Божьего» дойдут до Всевышнего, спасут и сохранят царскую семью, приведут Россию к счастью и процвета-

нию. Для себя Анна ничего не просила, так как собственных интересов у нее и не было.

«Анин домик» в Царском Селе, по выражению министра внутренних дел А. Д. Протопопова, являлся своего рода «папертью власти». Он находился неподалеку от Александровского дворца. Минута все придворные условности, во время своих прогулок в неофициальной обстановке императорская чета могла видеть человека, «объясняющего жизнь». Судя по дневникам царя, первая такая встреча относится к весне 1908 года: «Вечером покатались и заехали к Ане. Видели Григория с Феофаном. Так было хорошо», — записал царь 12 марта.

Вскоре в этих беседах стали участвовать и царские дети: сначала старшие (Ольга и Татьяна), а затем и все остальные. Царь и царица принимали Распутина и в своих покоях, правда, такие встречи бывали довольно редкими и проходили они под покровом тайны. А после серии скандальных историй они совсем прекратились. «Сибирский старец» скоро стал своим и для детей Николая II, воспитанных в духе глубокой религиозности, беспредельно уважавших и ценивших все то, что было дорого родителям. 25 июня 1909 года Ольга Николаевна писала отцу из Петергофа: «Мой милый дорогой Папа. Сегодня чудесная погода, очень тепло. Маленькие (Анастасия и Алексей. — А. Б.) бегают босиком. Сегодня вечером у нас будет Григорий. Мы все так чудесно радуемся его еще раз увидеть...»

Впервые разговоры о Распутине возникли в столичном высшем обществе в 1908—1909 годах. Передавали друг другу сенсационную новость: в царской семье появился советчик, родом из Сибири, какой-то мужик. Говорили, что раньше он был конокрадом, а потом стал сектантом-хлыстом. Слухи были неопределенные, никто толком ничего не знал, но тем не менее они вызвали озабоченность у должностных лиц. Дворцовый комендант В. А. Дедюлин счел своим долгом сообщить начальнику петербургского охранного отделения генералу А. В. Герасимову, что у «Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер», который бывает там в присутствии царя и царицы. Довольно быстро удалось установить, что к революционной среде Распутин отношения не имеет и что у него уже в это время существовала известная духовная близость с императорской четой.

Последнее обстоятельство обеспокоило министра внутренних дел и премьера П. А. Столыпина, поручившего товарищу министра внутренних дел и шефу корпуса жандармов генералу П. Г. Курлову установить за Распутиным наблюдение. Выяснилось, что в прошлом этого человека имелось немало темных страниц, а о его жизни циркулируют неллицеприятные слухи.

Петр Аркадьевич прекрасно понимал, что нахождение около венценосца человека с сомнительной репутацией неизбежно будет дискредитировать его, тем более что об этом рано или поздно станет широко известно. Враги трона и династии получают еще один козырь.

Собранную информацию премьер решил представить царю. Объяснение произошло ранней весной 1911 года. В пересказе третьих лиц сцена выглядела следующим образом: император внимательно выслушал сообщение первого министра, поблагодарил и сказал: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, что Вы мне искренне преданы. Быть может, все, что Вы мне говорите, — правда. Но я прошу Вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу». Точная дата разговора неизвестна, но 4 июня, за три месяца до трагической гибели «сильного премьера», царь записал: «После обеда имели радость видеть Григория по возвращении из Иерусалима и с Афона».

«Радость видеть» император редко с кем испытывал. И уж если этой эмоции нашлось место среди лапидарных и сухих ежедневных дневниковых записей, то, надо думать, состояние духа у него было действительно приподнятым. Что же произошло? Под воздействием каких чар находился самодержец? Неужели только хорошее знание Священного Писания могло так покорить сердце царя? Знатоков Священного Писания было много. Хватало и предсказателей. Распутин появился в числе многих, а остался единственным не только по этим причинам, которые не были определяющими. Как заметила А. А. Вырубова, царь и царица «верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбою помолиться».

«Роковой цепью», связавшей, как оказалось, навсегда, семью последнего монарха и Григория, явилась болезнь цесаревича Алексея. В конце 1907 года Распутин, оказавшись рядом с заболевшим наследником, «сотворил молитву», и положение мальчика улучшилось. Прорицатель-целитель способствовал выздоровлению и по телефону, и такие эпизоды описаны очевидцами. Приведем один. В богатой петербургской квартире собралось небольшое общество. Пьют чай. Разговаривают. Старец наставляет. В разгар беседы раздается телефонный звонок из Царского, и к телефону подходит Распутин. Далее происходит следующий диалог: «Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону. Ты что, Алешенька, полуночицаешь? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи!» На этом разговор оборвался. Через не-

сколько минут раздался новый звонок и «отцу Григорию» сообщили, что «у Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул». О несомненных психотерапевтических способностях этого сибирского крестьянина сохранилось достаточно свидетельств. Факт, что подобное дарование у него было, можно считать исторически установленным.

Истинным «стержнем» распутинского исторического феномена были отношения между этим прорицателем-целителем и императрицей Александрой Федоровной. Без них жизнь этого человека вряд ли стала бы тем, чем стала: роковым знамением Романовской династии. В оцепеневшем от страшных предчувствий сознании императрицы мало-помалу укрепилась уверенность, что «друг Григорий» — бесспорно «человек Божий», надежда и опора ее семьи, что под защитой его молитвы ее семье и России не угрожает опасность. Она это знала точно. Она это чувствовала своим сердцем, «которое никогда не обманывало».

При всей неприглядности разнообразных слухов и сплетен, окружавших Распутина, она видела его лишь с одной стороны. По словам дворцового коменданта В. Н. Воейкова, Александра Федоровна на него смотрела, как на «святого человека», которых «всегда любила». Из царских покоев он виделся правове­рным христианином, ничего для себя не пожелавшим, а всегда печалившимся только о судьбе «простых людей» и просившим за униженных и оскорбленных.

За почти десять лет «неформальных отношений» царский друг ничего у монархов для себя не попросил. Императрица оставалась очень щепетильной в таких вопросах и всегда болезненно реагировала на попытки приближенных добиться определенных льгот и выгод. Ладанки, иконки, пояски, вышитые рубашки, платки, другие подобные мелочи и изделия домашнего рукоделия — это все, чем его одаривали в царской семье. Он, в свою очередь, посылал высочайшей своей последовательнице освященные куличи, пасхальные яйца, иконки, но главное, чему она всегда искренне радовалась, — напутствия и пожелания, даваемые лично или отправляемые по телеграфу. Кроме того, она ведь и на себе испытала удивительные целительные способности Григория. Он неоднократно избавлял ее от мигреней, снимал сердечные спазмы.

Распутин играл в жизни Александры Федоровны роль наставника-утешителя. А как иначе могла воспринимать любящая мать человека, спасавшего от гибели ее любимого больше всего на свете сына? Наверное, редкая женщина не стала бы боготворить того, кто нес такое счастье! Она была убеждена, что на это способен лишь истинный посланец Господа, заступничество которого перед Всевышним дает надежду на будущее.

Собственное понимание роли Распутина царица излагала в письмах мужу. В июне 1915 года Александра Федоровна написала: «Слушайся нашего Друга: верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорят на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы». Она была убеждена, что «та страна, государь которой направляется Божиим Человеком, не может погибнуть». Она получила в лице Григория Распутина утешителя, в общении с которым обретала покой ее истерзанная за многие годы душа. Ему верила и как простому человеку, и как прорицателю.

Многочратно разочаровываясь в людях, узнав на своем веку всю лживость и коварство людской молвы, она с каким-то сладострастным пренебрежением относилась к разговорам о недостойном поведении ее кумира, о бесконечных грязно-скандальных историях, в которых фигурировало это имя. Ну и что из того, что кто-то про него дурное говорит? Я же вижу, какое открытое у него сердце и чистая душа! Он столько раз помогал нашей семье! Его предсказания всегда сбываются! И наговаривают на него часто те люди, которые еще совсем недавно возносили до небес! Им не стыдно порочить человека только за то, что он не стал им служить, отказался стать исполнителем их воли! Как хорошо Григорий сам об этом рассказывал! И я ему верю, так как меня ведь нельзя обмануть, сердцем понимаю и чувствую людей! Его наставляет Господь, который всегда указывает единственно правильную дорогу. И то, что он оказался около царской семьи, — в том воля Всевышнего!

Общение с царями пьянило крестьянскую натуру. Распутин постепенно начинал мнить себя всемогущим, любил произвести впечатление рассказами о своем влиянии, и эти его застольные повествования (а во многих случаях рассказы) передавались из уст в уста. Общественное мнение, осуждая императрицу за ее веру в этого человека, тоже в известном смысле стало жертвой распутинского воздействия, безропотно принимая слово за дело. Однако очевидно и то, что в делах Григория Распутина имелось немало пренебрежения к традициям и порядкам. В этих вопросах вряд ли он действительно сколько-нибудь серьезно разбирался. В то же время прекрасно понимал, что его необразованность («неотесанность») и грубые манеры не мешали ему оставаться популярным и «царевым другом». «Меня не будет — царей не будет, России не будет», — в это мрачное распутинское пророчество уверовала царица, и он об этом знал. Все остальное рядом с таким предначертанием становилось несущественным.

Общение с «дорогим Григорием» давало успокоение душе, то, чего так не хватало последнему самодержцу в повседневной

жизни. В минуту откровенности царь заметил генерал-адъютанту В. А. Дедюлину, что Распутин — «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Подобные заявления не могли остаться незамеченными. Боже! До чего дожили! Что творится в России! «Образованное общество» начинало роптать. Чиновно-дворянский мир стал ужасаться.

Борьба с Распутиным постепенно приобрела характер общественной добродетели. После смерти П. А. Столыпина ей стали уделять внимание многие известные деятели. В начале 1912 года с трибуны Государственной Думы громкую речь произнес один из ведущих российских либеральных политиков, глава партии «Союз 17 октября» («октябристы»), бывший председатель Государственной Думы Александр Иванович Гучков. У него возникло убеждение, что внутрицерковные скандалы в 1910—1912 годах явились результатом сторонних влияний. Неожиданные перемещения в среде церковных иерархов в тот период позволили ему сделать вывод, что именно «темные силы» во главе с императрицей и ее другом стояли за этими событиями.

Незадолго до гучковского выступления председатель IV Думы М. В. Родзянко имел разговор с царем о Распутине. В своих воспоминаниях «этот толстяк», которому было суждено сыграть в истории не соответствующую его возможностям политическую роль, преподносил этот разговор, как акт великого героизма. 28 февраля 1912 года состоялось объяснение, при котором глава палаты депутатов заявил о недопустимости влияния Распутина, о том, что этот человек — «оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию», что под его влиянием перемещаются церковные иерархи, что он «хлыстовец» и развратник.

В беседе с главой Думы самообладание Николаю II изменило. Он несколько раз прерывал поток страстных инвектив и возвращал своего собеседника, что называется, на землю обычными и обоснованными вопросами: «У Вас есть факты о том, что Распутин сектант? Откуда Вы взяли, что он занимается развратом? Какие перемещения произведены под его влиянием?» Из прозвучавших ответов стало ясно, что все обличения построены на каких-то смутных свидетельствах. Хлыстовство Распутина выводилось из умозаключений автора одной брошюры, в обоснование его «развратных действий» лидер Думы привел сообщение, относившееся к какому-то давнему времени о том, что о, ужас! он ходил с женщинами в баню! На это Николай II, будучи более уравновешенным человеком, чем его собеседник,

спокойно заметил: «Так что же здесь особенного? У простолюдинов это принято».

О своей встрече глава Думы рассказывал в подробностях налево и направо, представляя себя борцом с «темными силами». Его шумная кулуарная деятельность, громкая речь А. И. Гучкова и антираспутинская записка премьера В. Н. Ковковцова, составленная примерно в то же время для царя, — все это делало свое дело. Страх, возмущение, злорадство, ненависть охватывали в той или иной степени многих. Признаки беспокойства начинали проявлять особо близкие к трону лица. Шум и скандал не могли не привлечь внимание вдовствующей императрицы. Всю жизнь Мария Федоровна помнила пророчество, слышанное ею еще в давние времена, когда она, молодая жена и молодая императрица, ждала своего первенца, будущего сына Николая. Рассказывали, что старушка-ясновидящая ей предсказала: «Будет сын твой царить, все будет на гору взбираться, чтобы богатство и большую честь занять. Только на самую гору не взберется — от руки мужицкой падет».

Имя Распутина и его роль вызывали у вдовствующей императрицы тяжелые предчувствия. Бедный Ники! В какое «общество» вовлекает его Алики! Неужели все это правда? Несколько раз Мария Федоровна пыталась поговорить со старшим сыном о «данном предмете», но сын не выказывал никакого желания говорить на эту тему, заверяя, что «все это ложь». Однажды, уже во время войны, когда Мария Федоровна в очередной раз затеяла разговор, он достаточно резко заметил, что она сама его всегда «учила не верить сплетням». Мать не нашлась, что возразить сыну...

Царь и царица имели к этому времени уже свой взгляд на Распутина и не желали уступать давлению родни и общества, требовавших выдворения «дорогого Григория» из Петербурга, на чем настаивал еще П. А. Столыпин. Отказ прогнать «исчадие ада» от подножия трона царь объяснял министру двора В. Б. Фредериксу: «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал», а высказывавшему возмущение дворцовому коменданту В. Н. Воейкову (зятю министра императорского двора) сказал, как отрезал: «Мы можем принимать кого хотим».

Сам прорицатель и целитель понимал, какое необычное положение приобрел, чувствовал, что окружающий мир его не любит и хочет его гибели. Каждый год на несколько месяцев он уезжал из Петербурга или к себе на родину, или по скитам и монастырям. С его отъездом разговоры стихали, а возвращение вызывало всегда новую волну интереса и слухов. Со временем жить в столице где придется становилось неудобным. Нужна

была постоянная крыша над головой. Свое последнее пристанище в Петербурге старец-проповедник получил незадолго до начала мировой войны, когда для него за счет царицы была нанята обширная квартира из нескольких комнат на третьем этаже большого доходного дома по Гороховой улице, 64. Здесь он жил с мая 1914 года. Отсюда же декабрьской ночью 1916 года уехал на встречу со своей смертью.

Распутин никому ничего не навязывал, он говорил для тех, кто хотел его слушать и слышал. Со временем приспособился посылать записочки, которые щедрой рукой раздавал многочисленным ходатаям и просителям, обращавшимся к «цареву другу» за помощью в своих житейских нуждах. Такому человеку вручался листок, на котором было написано что-нибудь вроде «милай сделай», «милай выслушай ево», «милай-хороший помоги ему». Этот клочок бумаги в силу удивительного положения писавшего нередко срабатывал в чиновных канцеляриях. Эта деятельность, о которой стало широко известно, вызвала негодование. Как он смеет, «такой прохвост», вмешиваться в государственные дела?! Это возмутительно и недопустимо!

Использовать утешителя и наставника царской семьи в своих корыстных целях хотели многие. В его окружение входили люди со скандально-темной репутацией. Общение Г. Е. Распутина с людьми, неприглядный облик которых был хорошо известен, конечно же, неизбежно вызывало предположения о том, что эти люди используют его в своих интересах. Эту версию исследовал П. А. Столыпин, но ничего «подозрительного» выявлено не было. Об этом, как уже о реальном факте, публично заявил А. И. Гучков. В последние годы монархии размышления и предположения о том, кто же действительно стоял «за этим Гришкой», стали любимой шарадой в различных кругах общества. В наше время, когда очень многое уже прояснилось, можно со всей определенностью заключить, что Распутин никто не направлял и никакой заговор за ним не стоял.

Основную часть распутинцев составляли женщины, о которых Бог весть что говорили! Приняв на веру все разговоры о любвеобильности Григория Распутина, общественное мнение было почти единодушно: в его квартире на Гороховой собирались ненормальные, сексуально неудовлетворенные и психически неуравновешенные женщины, предававшиеся там, как считали многие, невероятному, «просто разнузданному разврату». Говорили, что он гипнотизировал сознание разговорами о любви, а затем овладевал своей очередной жертвой, которая уже не могла освободиться от его чар и оставалась преданной ему до конца. Примерно так рассуждали многие — от кухарок в богатых домах до собеседников в профессорских кабинетах. Вообще раз-

говоров об эротических наклонностях и сексуальном магнетизме Распутина всегда было много.

Однако в большинстве случаев, по вполне понятным причинам, утверждать здесь что-нибудь наверняка невозможно. Никаких «достоверных свидетельств» не существует. Во всяком случае, и с царицей, и с А. А. Вырубовой никаких интимных отношений не существовало, а ведь именно они являлись опорой Григория, именно их расположение делало Распутина общественным явлением. Мало того, его «верная другиня», Анна Александровна, будучи человеком строгих нравов, не допускала в своем присутствии, а виделись они в последние годы очень часто, никаких вольностей и алкогольных возлияний.

Летом 1914 года имя Распутина вырвалось на первые полосы всех основных газет России. 29 июня в селе Покровском на него было совершено покушение. По описанию товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, «Распутин вышел из дому, направляясь в сопровождении сына в почтово-телеграфную контору. В это время какая-то женщина подошла к нему и попросила у него милостыню. Не успел Распутин ответить, как она, выхватив из-под платка большой тесак, ударила им его в живот, отчего Распутин упал, обливаясь кровью». Злоумышленницей оказалась больная сифилисом крестьянка Сызранского уезда Сибирской губернии Хиония Гусева, ранее почитательница Распутина, ставшая затем его ненавистницей.

Сообщения о подробностях происшествия публиковались под броскими заголовками на страницах всех крупных газет, где регулярно сообщалось и о его состоянии. Рана была серьезной, и первые день-два даже распространились слухи о том, что Распутин умер. Многие ликовали. Другие же, но таких были единицы, тяжело переживали. Потрясение испытала царская семья, и особенно императрица, пославшая семье «доброго друга» и ему самому несколько телеграмм. «Глубоко возмущены. Скорбим с Вами. Молимся всем сердцем. Александра» (30 июня); «Мысли, молитвы окружают. Скорбим неопишимо, надеемся на милосердие Божие. Александра» (2 июля).

Покушение изменило общественный статус крестьянина Тобольской губернии. По высочайшему распоряжению его еще в 1912 году начали охранять, но позже полицейская опека была снята. Теперь она возобновилась. Уже 30 июня 1914 года Николай II послал министру внутренних дел Н. А. Маклакову телеграмму, в которой писал: «В селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной. Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю Вам иметь по этому делу неос-

лабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений». Отныне утешитель царской семьи стал находиться под постоянным полицейским контролем, что, впрочем, его не спасло.

Вернулся он в столицу уже после начала мировой войны, в конце августа 1914 года, и сразу встретился с венценосцами. 22 августа царь записал: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения». Началась последняя глава жизни этого человека и последняя глава истории монархической России.

Глава 21

ПОСЛЕДНЕЕ ТОРЖЕСТВО

1913 год оказался необычайно длинным и радостным. Это был последний мирный год в истории монархической России, время большого национального торжества: трехсотлетия Дома Романовых.

В начале далекого 1613 года, после многих лет смуты и разорения, в Москве собрался Земский Собор, на котором присутствовали представители всех сословий, единогласно избравшие на царство Михаила Федоровича Романова, которому еще не исполнилось и семнадцати лет. Никакими талантами и подвигами молодой человек о себе не заявил; определяющую роль сыграла именитость рода. Он происходил из старой боярской семьи, находившейся в близком родстве с правившей на Руси еще с X века династией Рюриковичей: первая жена царя Ивана IV Васильевича (Грозного) Анастасия происходила из этого рода, и отец юного Михаила Романова Федор Никитич приходился двоюродным братом последнему царю-Рюриковичу Федору Иоанновичу. Когда после смерти в 1598 году болезненного сына царя Ивана Грозного, в результате сложной интриги, престол перешел к Борису Годунову, Романовы подверглись опале. Глава рода был пострижен в монахи, а его жену и детей сослали в дальние монастыри.

Затем наступила эпоха польского нашествия, господства лжедмитриев, полного хаоса и разорения. Сразу после изгнания интервентов и временщиков встал вопрос о законном правителе, и тогда по решению «лучших людей Земли русской», 21 февраля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля Михаила Федоровича Романова провозгласили царем. С той поры прошло три века. В 1913 году на престоле находился потомок первого

Романова-Царя, великолепно знавший историю своего рода и сложные коллизии, предшествовавшие воцарению Михаила Федоровича.

Николай II не только гордился прошлым; для него оно всегда оставалось живым, неразрывно связанным с настоящим. Свои решения и поступки стремился сопоставлять с делами предков; там, в минувшем, нередко старался найти ответы на сложные вопросы повседневности. В одном не сомневался: если бы не благословение Господа, разве смогли бы они, Романовы, сохранить за собой трон на протяжении столь продолжительного и невероятно сложного периода истории. Сколько всего за три века случилось: триумфы, горести, поражения — порой представлялось, что еще немного, и все сокрушится, превратится в прах. Но всегда России удавалось выстоять, в самый трудный момент приходило долгожданное спасение.

И в его царствование им с Аликс и бесконечно дорогой ему России пришлось многое пережить. Чего стоила только осень 1905 года, когда казалось, что все катится под откос, что остановить хаос и распад уже невозможно. А сколько тогда отовсюду несло мрачных предсказаний и пророчеств! В конце того года, когда были объявлены манифестом политические свободы и дано согласие на создание парламента, смута не стихла. Кое-кто уж начал прятаться, надеясь в тихом месте переждать потрясения. Даже среди родственников такие находились.

Друг его юности, двоюродный дядя великий князь Александр Михайлович, в самый тяжелый момент отбыл с семьей на несколько месяцев на французские курорты, уверяя, что это необходимо «для здоровья Ксении». Когда спросил позволения монарха, отказа не получил. Но Николай II и Александра Федоровна прекрасно все поняли: Сандро просто испугался. Вскоре пришло и подтверждение. Трусливый родственничек сподобился послать греческой королеве письмо, где сообщал, что в Россию в это время «ездить не стоит», что лучше переждать за границей! Милую тетю Олю подобное поведение не только смутило, но и возмутило. Чувства греческой королевы разделяла и Аликс, давно считавшая Сандро фигляр, а теперь лишь уверившаяся в том окончательно. Царь же реагировал спокойней и, хотя душевного расположения к своему давнему другу уже не испытывал, никогда не укорил того даже словом.

В тот тяжелый момент Россию и царя спасли не дворяне и чиновники, обязанные по долгу службы стоять на страже порядка и законности. Эти в большинстве своем самоотверженной верности не проявили. Отпор разрушителям дали простые люди, повсеместно выходившие на патриотические манифестации и грудью вставшие на защиту Престола и Отечества. Так случалось

в тяжелые моменты и раньше, так было всегда. Даст Бог, так будет и впредь.

Теперь же, в 1913 году, те еще совсем недавние и незабываемые переживания казались невероятными. Кругом царили мир, порядок, процветание. Россия уверенно шла вперед, беспорядков никаких не случалось. Промышленность работала на полную мощность, сельское хозяйство динамично развивалось, и каждый год приносил все большие урожаи. Росло благосостояние, покупательная способность населения увеличивалась год от года. Началось перевооружение армии, еще несколько лет — и русская военная мощь станет первой силой в мире. Конечно, оставались враги и в самой России, и за границей. Они продолжали действовать, смущать умы, сеять клеветы, пытаясь подорвать престиж империи. Даже в столице немало таких: в Думе время от времени звучали скандальные речи, в газетах порой печатали возмутительные статьи. Однако общего настроения эти голоса не определяли. Теперь никто не ставил под сомнение очевидное: тот курс, который царь проводил и отстаивал после переломных годов смуты, являлся единственно верным и принес свои плодотворные результаты.

Чего стоили недовольные голоса недоброжелателей и злопыхателей рядом с тем, что ощущал Николай II своим сердцем, что видел собственными глазами. Каждая встреча с подданными лишний раз убеждала: народ любит своего царя, благоговейно относится к прошлому, дорожит им. Царь это остро почувствовал в конце августа 1912 года, когда в Москве проходили торжества, посвященные столетию победы над Наполеоном. Неподдельный восторг огромных толп производил неизгладимое впечатление. В очередной раз Николай II удостоверился, как велика и могуча Россия, как искренне чтит своих героев.

Особо сильные эмоции испытали на Бородинском поле, где царь и царица растрогались почти до слез. В письме матери тогда сообщал: «Сколько впечатлений пережито и таких светлых, что становится трудно описать их. Конечно, самыми приятными днями было 25 и 26 августа в Бородине. Там все мы прониклись общим чувством благоговения к нашим предкам. Никакие описания сражений не дают той силы впечатления, которая проникает в сердце, когда сам находишься на этой земле, окрашенной кровью 58000 наших героев, убитых и раненых в эти два дня Бородинского сражения. Некоторые старые редуты и батареи восстановлены совершенно точно саперами: Шевардино и Семеновские флеши. Присутствие на панихиде и торжественном молебствии знаменитой иконы Божей Матери Одигитрии, той самой, которая была в сражении, и обнесение ее

вдоль фронта войск — это такие минуты, которые редко переживаются в наши дни!»

И вот теперь, в 1913 году, новое большое торжество. Когда обсуждалась программа предстоящих празднеств, император выразил желание, чтобы они не ограничивались лишь двумя столькими городами, Петербургом и Москвой. Он хотел, чтобы праздник прокатился по глубинной России, чтобы миллионы простых людей в других местах прикоснулись к истории, смогли стать живыми участниками эпохального события.

Трехсотлетие Дома Романовых отмечалось широко и торжественно. То было событие общегосударственное, знаменовавшее историческую преемственность, связь прошлого и настоящего, триумф государства, власти, национального духа. Сами торжества начались 21 февраля молебном в Казанском соборе Петербурга, где был оглашен царский манифест. В нем говорилось: «Совокупными трудами венценосных предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создано и крепко Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но народ русский, твердый в вере православною и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись и империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира».

По традиции в день юбилея было много пожалований чинов, орденов и званий, прощались государственные долги, сокращались сроки заключения, смягчались судебные приговоры. По всей России служились благодарственные молебны, звучали оркестры, устраивались парады, фейерверки, салюты. Издавались многочисленные книги и брошюры, в переполненных кинематографах шли фильмы, где воссоздавались главные эпизоды давнего прошлого. И никто не знал тогда, не мог и предположить, что это последний праздник в истории династии, монархии, в летописи той России, отсчет времени которой шел из легендарной эпохи первых киевских князей...

Молодая царица часто отсутствовала на церемониях, в то время как вдовствующая императрица непременно на них бывала. Ей уже скоро семьдесят лет, но она не делала себе никаких скидок на возраст. Мария Федоровна оказывалась в центре событий и выдерживала все церемонии стоически, хотя неважно себя чувствовала: приступы слабости одолевали, да и «поганый люмбаго» время от времени давал о себе знать. Как всегда, делала свое «царское дело» и не уклонялась. Не может же она оставить одного Ники в такой момент! Хотя внешне все шло как нельзя лучше, Марию Федоровну порой одолевали грустные

чувства. Она смотрела на торжества, на лица представляющихся, на уличные толпы, слышала высокие и хвалебные слова, крики «ура», но не могла не заметить, не могла не ощутить того, что внутренней радости и душевного подъема у многих из этих людей уже не было. Что-то изменилось в русском воздухе, какие-то неведомые превращения случились, и тех чувств и настроений, которые она улавливала своим сердцем раньше, теперь уже нет. Но, может быть, ей это только кажется?

Наиболее яркие впечатления у царя остались во время поездки в мае 1913 года по некоторым центральным областям России, где проходили главные события трехсотлетней давности: Москва, Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Ярославль, Ростов. 19 мая на пароходе царская семья со свитой прибыла в Кострому, где торжества отличались особой грандиозностью. С этим городом неразрывно связана судьба Романовых: здесь, в Ипатьевском монастыре, скрывалась инокиня Марфа со своим сыном Михаилом и сюда прибыли посланцы Земского Собора, несколько дней уговаривавшие Михаила Федоровича принять трон. Здесь он дал согласие и отсюда отбыл в Москву на царское служение.

О праздновании трехсотлетия Дома Романовых в Костроме сохранился документальный фильм. Кадры кинохроники запечатлели огромные массы людей, сплошь покрывавшие берега Волги при подходе парохода «Межень», на палубе которого стоял монарх со своими детьми. Развевались бесчисленные флаги, и шпалеры войск стояли на пристани. Затем — поднесение хлеба-соли отцами города и губернскими чинами, посещение Ипатьевского монастыря. От Ипатьевского монастыря в Костроме до дома Ипатьева в Екатеринбурге оставалось пять лет...

В помещениях киносъемка тогда почти не производилась (требовалось устанавливать громоздкую осветительную аппаратуру, что во многих случаях осуществить было нельзя), и немало эпизодов той поездки осталось за кадром: торжественные обеды, приемы, осмотр выставок, богослужения в церквях. Но и то, что можно рассмотреть на старой кинохронике, свидетельствует: это было поистине всенародный праздник.

Однако этот великий праздник имел для императора и привкус горечи. Его Аликс почти все это время чувствовала себя плохо: болело сердце, мучили головные боли и слабость случалась такая, что часто на ногах долго стоять не могла и на многих церемониях отсутствовала. Николай II понимал, что это сказывалось пережитое прошлой осенью, когда случилось несчастье с Алексеем, чуть не стоившее ему жизни. Тогда впервые отчаяние охватило царя, и впервые его посетила мысль, что их ждет страшное испытание и они могут потерять сына.

Все случилось неожиданно и началось с пустяка. Вскоре после Бородинских торжеств царская семья отбыла в Беловеж. Там цесаревич, садясь в лодку, ударился ногой. Никто не придал тому особого значения. Прошло несколько дней, и когда семья уже находилась в Спале, настали страшные дни: обнаружилось обширное внутреннее кровоизлияние. Дальнейшие события царь описал в письме к матери: «2 октября он начал жаловаться на сильную боль, и температура у него начала подниматься с каждым днем больше. Боткин объявил, что у него случилось серьезное кровоизлияние с левой стороны и что для Алексея нужен полный покой. Выписали сейчас же прекрасного хирурга Федорова, которого мы давно знаем и который специально изучал такого рода случаи, и затем доброго Раухфуса. Дни от 6 до 10 октября были самые тягостные. Несчастный мальчик страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: «Господи, помилуй». Я с трудом оставался в комнате, но должен был сменять Аликс при нем, потому что она понятно уставала, проводя целые дни у его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание».

Гувернер Алексея Николаевича швейцарец Пьер Жильяр позднее описал сцены, свидетелем которых явился в Спале: «Цесаревич лежит в кровати, жалобно стонет, прижавшись головой к руке матери и его тонкое, прекрасное, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он повторяет одно слово: «Мама», вкладывая в это слово все свое страдание. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть в него жизнь, которая, казалось, его уже покидала».

Тянулись безрадостные дни. Император не находил себе места; не знал, что делать, что говорить, как поддержать Аликс. Несмотря на все его самообладание, комок подступал к горлу, и несколько раз он с трудом сдержал слезы. Царица же не сдавалась и надеялась на милость Господа. Отчаяние ее не посещало. Муж просто поражался энергии и самоотверженности жены. Почти не спала. О себе совсем не думала. Не отходила от Алексея ни днем, ни ночью, часами баюкала его на своей груди. Сама делала перевязки, ставила компрессы. Но улучшения не наступало.

Мальчик большую часть времени находился в забытьи. После нескольких дней отчаянных усилий врачи опустили руки. Они в один голос заявили, что надо готовиться к самому худшему, что медицина бессильна. 10 октября цесаревича причастили,

готовая в дальний путь. Но даже в этот момент мать не теряла надежды и ждала чуда. И оно случилось. В те критические часы пришла телеграмма от Распутина из Сибири, где говорилось, что «маленький будет жить». Удивительным образом после этого состояние наследника стало резко улучшаться. Начала падать температура, он пришел в сознание и скоро впервые за неделю заснул ровным и глубоким сном.

Убедившись, что Алексей спит, царица прошла в комнату, где, понурясь, сидели придворные и врачи. Ее лицо сияло. Она знала, что страшное позади, и уверенно объявила об этом. Собравшиеся не проронили ни слова, некоторые решили, что Александра Федоровна «тронулась умом». Они не знали того, что открылось уже матери: молитва дорогого друга дошла до Всевышнего и Он послал спасение. Тем октябрем окончательно определилась нерасторжимая привязанность императрицы к сибирскому крестьянину. Теперь уже она ни секунды не сомневалась, что Григорий — их с Ники надежда и опора, что только он может добиться того, на что все остальные неспособны.

Последствия жестокой болезни сказывались на цесаревиче многие месяцы. Почти целый год он хромал и не мог долго стоять. Когда начались праздничные церемонии трехсотлетия и надо было предстать перед народом, Алексея почти всегда носил на руках дядька. Мать и отец понимали, что это производит на некоторых неблагоприятное впечатление, что в толпе шушукуются о том, что «царский сын — калека». Но другого выхода не было. Александра Федоровна была убеждена, что когда сын окончательно поправится, об этом все забудут. Она всегда сама придирчиво отбирала фотографии Алексея, которые должны были воспроизводиться в газетах, книгах и на открытках (без одобрения Министерства императорского двора изображения особ царской фамилии публиковаться не могли). Неизменно предпочтение отдавала тем, где наследник запечатлен стоя во весь рост.

Вторая половина 1913 — начало 1914 года прошли и в империи, и в царской семье тихо, никаких чрезвычайных происшествий не случилось. В феврале 1914 года в императорской фамилии произошло приметное событие. Первая внучка императрицы Марии Федоровны (дочь Ксении) и племянница Николая II Ирина Александровна вышла замуж за единственного в России князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона. Это была последняя пышная свадьба в истории царской фамилии. Действо, происходившее в Аничковом дворце, обставили красочно. Дворец утопал в цветах, парадные одеяния приглашенных слепили глаза.

Молодая пара подобралась на редкость удачно. Он, высокий, изящный, слывший первым теннисистом России. Она же была просто красавица. Мало походила на мать (не блиставшую красотой), но напоминала красавца-отца, великого князя Александра Михайловича: темно-каштановые, почти черные и густые волосы, большие карие глаза сочетались с удивительной, бело-матовой кожей лица. Молодые получили великолепные подарки от царя, царицы, бабушки невесты, членов императорской фамилии. Десятки уникальных ювелирных изделий: кольца, броши, диадемы, браслеты, колье, столовые приборы, заколки для галстука и многое другое. Их выставили на обозрение, и некоторые присутствовавшие не могли отвести глаз от сказочного блеска камней, умиляясь изысканности работы. Большинство вещей сделано было в мастерских петербургских ювелиров Фаберже. Оказавшись в эмиграции, Феликс Юсупов, которому удалось вывезти из России эти царские дары, будет несколько лет распродавать их на аукционах в Европе и в США.

В начале 1914 года на некоторых фабриках и заводах возникли забастовки с требованием повышения зарплаты. Они протекали мирно, особого беспокойства властям не доставили и не изменили общей картины умиротворения и уверенности. Но в этот период обозначилось неблагополучие на мировой политической арене. Во многих странах и газеты, и различные политические деятели начали предсказывать грядущую большую европейскую войну. Как эта тема появилась, почему подобная уверенность приняла фаталистический характер, сказать трудно. Но никто не сомневался, что в предстоящей схватке два старых соседа — Россия и Германия — непременно станут врагами. Причем о неизбежности такого развития событий говорили в обеих странах.

Николай II об этом никогда не говорил. Опыт русско-японской войны не пропал даром. Понимал, что военное столкновение с Германией будет жестоким, таким, какого еще не случилось в истории. В Берлине были настроены более агрессивно. Когда в ноябре 1913 года туда приехала русская правительственная делегация во главе с премьером В. Н. Коковцовым, кайзер откровенничал с ней сверх всякой меры. В беседах с русскими сановниками сетовал на «враждебный тон русской печати», говоря, что это ведет к катастрофе, что он видит «надвигающийся конфликт двух рас: славянской и германской», утверждал, что война может сделаться просто неизбежной, и тогда будет «совершенно безразлично, кто начнет ее».

По возвращении в Россию 20 ноября премьер сделал обстоятельный доклад государю, приведя все высказывания Вильгельма II. Дело происходило в Ливадии, где уже несколько недель

находилась царская семья. Выслушав сообщение, Николай II надолго погрузился в раздумья. Царь в оцепенении молча смотрел в окно на море, которое было необычно спокойным для такой поры года. В конце концов он обернулся к главе кабинета и сказал: «На все — воля Божия!»

Потом уже, когда отгремят залпы первой мировой войны, когда политическая карта мира радикально изменится, во многих странах будут анализировать это страшное бедствие, выяснять причины, искать виновных. Некоторые станут утверждать, что важным импульсом конфликта стала личная вражда между кайзером и царем, питаемая антигерманскими настроениями, широко распространенными в России. Подобные утверждения исторически недостоверны. В правящих кругах России антигерманские чувства существовали, но на самом верху, в среде императорской фамилии, они носили несколько иной характер. Даже вдовствующая императрица Мария Федоровна, которую традиционно считали главной в России германофобкой, на самом деле питала антипатию не к Германии вообще, а исключительно к Пруссии и к династии Гогенцоллернов. Для людей того мира и того круга Германия и Пруссия воспринимались по-разному. Сходным было восприятие и Александры Федоровны.

Николай II искренне стремился поддерживать дружеские отношения с Берлином. Во имя этой цели он готов был мириться с сумасбродством Вильгельма, молча вынося его выходки и бестактности. Правитель Германии внешне тоже выказывал расположение и порой нарочито подчеркивал близкие отношения между ним и царем, что всегда болезненно воспринималось в Париже и Лондоне.

Кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Николая II не надо было в этом убеждать. Но то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» для достижения этой «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна была дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить свое главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность». Это был излюбленный мотив Вильгельма II, звучавший из его уст постоянно. Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. Но эту тему кайзер почти всегда оставлял в стороне, прекрасно понимая, что здесь России он ничего предложить не мог.

На Балканах усилению позиций России противодействовала не только Турция (Оттоманская империя), но в неменьшей степени и Австро-Венгрия, ближайший партнер и союзник Германии. Но поступиться здесь ничем кайзер не желал. Для Берлина теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной.

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание добрососедских отношений с Германией. Но это было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран. В Берлине же твердо стояли на том, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия же между Германией и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине считали, что принадлежность этих территорий рейху не может быть темой никаких обсуждений, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны все политические партии и все общественные силы Французской республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — была близка. Это произошло в июне 1905 года, когда кайзер и царь подписали так называемый Бьеркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае, в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной. Внутри же страны с каждым днем множились социальные волнения.

На мировой дипломатической сцене дела также не были благоприятны. Франция, заключив в 1904 году союзнический договор с Англией, не оказала никакой практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В правительственных кругах Петербурга царила безрадостная атмосфера. В этих условиях царь согласился, во время краткосрочного отдыха на яхте, встретиться с германским императором, прибывшим в Бьерке (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн». Ничто не сулило осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую.

Однако кайзер считал иначе и заключил, что наступил подходящий момент, чтобы разрушить близость России с «французской потаскушкой». Он предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение оказалось неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же, сразу возникла тема о союзе с Францией, и кайзер заверил царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Царь был не настолько наивен, чтобы не понимать глубины и остроты франко-германских разногласий, но он полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. И Николай II поставил свою подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре после события Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самовосхваления описал происшедшее. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», — заметил кайзер, после того как царь трижды прочитал предложенный текст. Николай II ответил утвердительно. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная Звезда», в изложении германского императора, выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал «Николай». Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей». Свершилось! Исполнилось давнее заветное желание «дорогого Вилли». Кайзер не скрывает восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!»

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению кайзера, должно было вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? В пункте первом документа говорилось о том, что каждая из сторон обещает, в случае нападения на другую сторону, прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее говорилось, что стороны обязуются не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон. При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору. В Бьеркском соглашении имелся один очень важный пункт, предоставивший России свободу дипломатического маневра. Оно вступа-

ло в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого летом 1905 года казались неопределенными.

Когда с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, а затем, осенью 1905 года, и премьер С. Ю. Витте, они убедили Николая II отказаться от договора, так как он, по их мнению, противоречил интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией не пойдет. Царь остался верен французскому союзнику, и 13 ноября 1905 года послал Вильгельму II письмо, где сообщил, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статьи 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза». Подобная постановка вопроса являлась совершенно неприемлемой для Германии, и тонко задуманная интрига потерпела неудачу. Больше никаких попыток заключения русско-германского союза предпринято не было, хотя разговоры о его «желательности» или «нежелательности» не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала первой мировой войны.

Через двадцать лет, уже находясь в изгнании, германский экс-император все еще был уверен, что «мягкосердечие царя» погубило «дело мира в Европе». Он писал: «Заключенное между мной и царем Николаем II в Бьерке соглашение заложило фундамент для мирного и дружественного сожительства России и Германии. Задача эта была близка сердцам обоих государей. Действие этого соглашения было уничтожено русской дипломатией, высшими военными сановниками, влиятельными членами Думы и политическими деятелями. Мировая война, к которой они так стремились, не оправдала их надежд, опрокинула их планы и стоила как царю, так и мне престола». Кайзер все еще не излечился от прошлого величия и возлагал вину на кого угодно, но только не на себя. Подобное самомнение, уверенность в собственной непогрешимости, в тот период, когда этот человек играл руководящую роль в политике крупной мировой державы, пользовался огромными властными правами, ненамного меньшими, чем русский царь, не могло стать фактором стабилизации мира в Европе. «Германия — превыше всего» — было не просто лозунгом, — девизом националистов. Сам кайзер придерживался подобного мировоззрения, пропагандировал его, отстаивал и защищал. Ослепление национализмом дорого стоило Германии и многим другим странам и народам.

Складывание системы коалиций в начале XX века не привело и не могло привести к стабильности и долговременному со-

хранению статус-кво. Имперские амбиции, претензии и интересы ведущих мировых держав вольно или невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие. И хотя с окончанием франко-прусской войны и до самого начала XX века на Европейском континенте не было военных конфликтов, напряженность все время существовала. И главным центром подобной опасной напряженности неизбежно являлись Балканы. Именно здесь в начале XX века три раза возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый такой кризис, в 1914 году, закончился мировой войной.

В 1908 году возник «Боснийский кризис», когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально состояли в зависимости от Турции, которая в этот момент находилась в состоянии хаоса, вызванного революцией. Именно опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стало главной причиной решения венского правительства. Обессиленная, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала состоявшуюся аннексию. Но другие страны Балканского полуострова на это согласиться не могли.

Особенно сильным было возмущение в Сербии и Черногории, двух государств, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти страны, населенные православными, издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов в России. Но Петербург оказать реальной помощи своим «младшим братьям» в тот период не мог. После недавней русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы показывать силу на мировой арене. Дело закончилось устными декларациями, демонстрациями протеста и дипломатическими нотами.

Через четыре года на Балканах разразился новый кризис, грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на Европейском континенте. Ей принадлежала Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония. Турецкое иго было нестерпимым и в различных районах все время происходили возмущения, локальные восстания, которые жестоко подавлялись турецкими войсками. Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство».

В октябре 1912 года Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага более чем шестисоттысячную армию, и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее армия

потерпела ряд поражений и к началу ноября была почти разбита, а ее остатки укрепились недалеко от Стамбула. Турция просила мира и взывала к европейским державам, которые начали показывать признаки беспокойства.

Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой придерживались прогерманской ориентации, завладела Стамбулом и стала хозяином Черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить наступление. Австрия и стоявшая за ней Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало тревогу. В декабре 1912 года воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов ведущих европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксировавшие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Но в июне 1913 года в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в Первой балканской войне недолго оставались союзниками и не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз была создана коалиция против Болгарии, объединившая Сербию, Грецию, Черногорию и их «исторического врага» — Турцию. В числе союзников на этот раз оказалась и Румыния. Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей обширные районы, территориальных уступок в свою пользу. Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать ничего не хотели об уступках. Болгарские войска напали на сербские и греческие позиции. Это случилось 30 июня 1913 года. В военный конфликт быстро втянулись все сопредельные государства. Перевес сил был на стороне коалиции. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре в Бухаресте был заключен мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на юге, западе и севере. Достигнутое равновесие сил на Балканах являлось временной передышкой. «Балканский узел» не был развязан, и европейские политики это понимали.

России удалось избежать военной вовлеченности в балканские дела благодаря ответственности дипломатии и твердой позиции царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. Хотя, начиная с Боснийского кризиса, русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать, все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко и лидеры крупнейших дум-

ских фракций неоднократно призывали Николая II вмешаться в войну. Но их призывы не возымели действия.

Несмотря на то, что балканские войны не переросли в общеевропейский конфликт, напряженность на международной арене не ослабевала. Германия и Франция уже несколько лет ускоренно перевооружались, Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции. Весной 1913 года германский канцлер Бетман-Гольвег, обосновывая в рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Но он лишь повторял своего кайзера, после Первой балканской войны сказавшего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли» русский царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 года Николай II прибыл в Берлин, на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, вышедшей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию. Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от своих претензий на Черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия, со своей стороны, удержит Австрию от политики захватов на Балканах. Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился лишь разглагольствованиями на общие темы.

В январе 1914 года, принимая германского посла Пурталеса, царь с улыбкой сказал: «У меня теперь для Германии только приветливые улыбки». Читая доклад посла и встретив эту фразу, германский император сделал пометку: «Этого уже достаточно! Только это мы от него всегда и видели».

К началу 1914 года отчетливо обозначились контуры двух военно-политических коалиций. Среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин—Вена и Париж—Лондон—Петербург. В конце января 1914 года русский посол в Токио барон Р. Р. Розен, выступая в Государственном Совете, заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (имелись в виду Франция и Германия. — А. Б.) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущего, но такие чрез-

вычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать». Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло.

События начали стремительно развиваться летом 1914 года.

Глава 22

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Войны бывают большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще и абсурдные. Именно такой, кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, в огне которой сгорели великие старые монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов стала та, что началась 15 июля 1914 года с объявлением Австро-Венгерской империей войны маленькой Сербии. Россия, исстари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ союзница Австро-Венгрии Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в городе Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы; «выяснение отношений» между крупнейшими европейскими державами Австро-Венгрией и Германией с одной стороны, Россией, Францией и Англией — с другой, как-то само собой стало неизбежным.

Россия втянулась в войну, которой многие не хотели и возможность которой у немалого числа людей вызывала опасения и даже страх. Цели ее являлись отвлеченными, доступными пониманию лишь ограниченному кругу лиц, и призывы защитить братьев-славян, отстаять престиж империи, завоевать Черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле), вызвать глубокий отклик в народе не могли. Подавляющая часть населения даже не представляла, где находится Австро-Венгрия или Германия, и почему с ними

надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы какие-то там Дарданеллы, и он не мог понять, почему надо за них идти на смерть. Но случилось то, что случилось.

В начале июля 1914 года царь с семьей традиционно отдыхал на императорской яхте «Штандарт» в финских шхерах. Погода стояла жаркая, но неровная: страшная духота чередовалась с ураганными ветрами и проливными дождями. Николай II наслаждался красотами пейзажа и тихими семейными радостями. 7 июля с официальным визитом в Россию прибыл президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Ему была устроена пышная встреча, символизирующая тесные союзнические отношения между двумя державами. Четыре дня прошли в череде переговоров, парадов, смотров, торжественных приемов и обедов.

Писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский) уже в эмиграции оставил красочное описание тех дней: «Все было исполнено невиданной роскоши и великолепия незабываемого. Иллюминации, фейерверки, на много верст раскинувшиеся в зеленом поле летние лагеря. Пехотные полки, мерно отбивающие шаг; кавалерия, артиллерия, конная гвардия, желтые кирасиры, синие кирасиры, казаки, осетины, черкесы в огромных папах; широкогрудые русские матросы, словно вылитые из бронзы. Музыка Гвардейского Экипажа, парадный завтрак на яхте «Александрия». Голубые глаза русского императора. Царица в кружевной мантилье, с кружевным зонтиком в царских руках. Великие княжны, чуть-чуть угловатые, в нарядных летних шляпах с большими полями. Маленький цесаревич на руках матроса Деревенько. Великий князь Николай Николаевич, непомерно высокий, худощавый, статный, движения точные, рассчитанные, властные. А кругом министры, камергеры, свитские генералы в орденах, в лентах, и все залито золотом, золотом, золотом». Век девятнадцатый (реальный, а не календарный) заканчивался, «русская сказка» близилась к концу. Наступал последний акт. Впереди маячили немыслимые испытания, невероятные потрясения, кровь, холод, небытие.

Император не хотел войны. Он прекрасно сознавал, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет страдания, лишения, смерть. В глубине души всегда являлся противником насилия, а когда ему приходилось с ним сталкиваться, неизбежно испытывал сожаление, а часто и раскаяние. Понимал он и то, что любая неудачная война таила в себе угрозу революционного взрыва, повторения всего того кошмара, пережитого им и Россией в 1905—1906 годах. Знал он и то, что на пути победоносной и быстрой военной кампании много различных препятствий: начатое незадолго до того перевооружение русской армии было

еще в полном разгаре. Ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Все это Николай Александрович понимал. Однако пойти на предательство, совершить, по его мнению, аморальный поступок и бросить на растерзание дружественную страну — Сербию — теряя этим престиж и в России, и в мире, он не хотел и не имел права. Встать на защиту славян и России — в этом был его долг, а монарший долг — святая обязанность, это угодное Богу дело. Как же можно уклониться от него! Безысходность диктовала нежеланный выбор, и он был сделан.

Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал события, предшествовавшие войне. «19 июля, в день святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса, с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. — А. Б.), что у последнего был Пурталес (посол Германии. — А. Б.) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 час. ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длинейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам объявив нам войну) взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895—1905 годах состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 год возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и петербургского военного округа. Этот Романов пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило его назначение на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив 19 июля (1 августа) войну России, на следующий день оккупировала Люксембург, 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгнувшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал «ключом к бумаге». В тот же день Великобритания объявила войну Германии, вслед за чем войну рейху объявили английские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский союз. Война стала мировой. Уже в 1914 году на стороне Антанты в нее вступили Япония и Египет, а на стороне центральных держав Болгария и Турция. Всего в войне участвовало 33 государства.

Общая численность боевых частей в августе 1914 года составляла: в России — около 2,5 миллиона человек (к началу 1917 года число мобилизованных достигло почти 12 миллионов), во Франции — 2689 тысяч, в Германии — 2147, в Австро-Венгрии — 1412, в Англии — 567 тысяч. На вооружении стран Антанты к началу войны находилось около 14 тысяч артиллерийских орудий, 412 самолетов, а у центральных держав — 14 тысяч орудий и 232 самолета.

Война изменила облик России, уклад жизни людей и семей, в том числе и императорской. Все теперь должно было работать на победу. Для Николая II, Александры Федоровны и их детей служить России — святая обязанность. За победу они молились, к ней были направлены все их помыслы! В первый день войны, 20 июля 1914 года, принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, император обратился к ним со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Этой клятве Николай II оставался верен все месяцы войны и, вопреки циркулировавшим слухам, всегда являлся резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Взгляды мужа полностью разделяла и императрица Александра Федоровна.

В стране проходили спонтанные манифестации. Многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни» исполнялся непрерывно и на улицах, и во всех собраниях. Почти вся пресса заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы.

Хотя главой кабинета с конца января 1914 года (после отставки В. Н. Коковцова) являлся старый сановник Иван Горемыкин, нелюбимый большинством общественных фракций и

партий, видевших в нем неисправимого представителя бюрократического мира, после начала войны он перестал быть мишенью для критических стрел. Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия двух палат, единение правительственных и законодательных органов было полным. Государственная Дума без колебаний утвердила все кредиты и законопроекты, связанные с ведением войны.

В первые месяцы военной кампании порочащих власть сплетен и слухов было мало. Даже о Распутине на время забыли. Всех объединил единый патриотический порыв. Царица и ее старшие дочери Ольга и Татьяна пошли работать медсестрами в царскосельские лазареты. В конце октября 1914 года Александра Федоровна писала мужу: «В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны. Я сегодня все время работала одна». Далее сообщала ему, что «мы прошли полный фельдшерский курс с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек».

Новые раненые поступали постоянно, и царица лично занималась их размещением. «Боюсь, — писала 17 ноября 1914 года, — что некоторые из них обречены, — но я рада, что они у нас и что мы, по крайней мере, можем сделать все от нас зависящее, чтобы помочь им. Мне сейчас следовало бы отправиться посмотреть на остальных, но я слишком утомлена, так как у нас кроме этого было еще 2 операции, а в 4 я должна быть в Большом Дворце (Екатерининский дворец Царского Села. — А. Б.), так как хочу, чтобы княгиня (доктор медицины, старший врач Царско-сельского дворцового лазарета Вера Игнатьевна Гедройц. — А. Б.), также осмотрела бедного мальчика и одного офицера 2-го стрелкового полка, ноги которого уже стали темного цвета: опасаются, что придется прибегнуть к ампутации. Я вчера присутствовала при перевязке этого мальчика — ужасный вид, он прижался ко мне и держался спокойно, бедное дитя». Здесь слышится голос матери и женщины, но никак не императрицы.

В госпитале Александра Федоровна не чуралась выполнять самую сложную и неприятную работу. Вот, например, ее отчет о медицинской службе за 20 ноября 1914 года: «Сегодня утром мы присутствовали (я, по обыкновению, помогала подавать инструменты, Ольга продевала нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча). Затем мы все занимались перевязками (в нашем маленьком лазарете), а позже очень сложные перевязки в большом лазарете. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями... страшно смотреть, — я все промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, — все это вышло вполне

удачно, — мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача».

Вера в Бога, любовь к ненаглядному Ники и его России, обожание своего «солнечного луча» и нежность к милым дочерям — все это было с ней всегда. Война добавила иных забот и новых переживаний. Как там дела на фронте? Когда же кончится весь этот кровавый кошмар? Извещения о гибели своих близких стали получать и придворные, что огорчало императрицу, всегда находившую для них слова утешения и сочувствия. В царской семье никогда и раньше не были приняты шумные развлечения, а после начала войны уклад жизни стал почти аскетическим. Работа в госпиталях, беседы с ранеными, подготовка вещей для санитарных поездов, встречи с фронтовыми офицерами и, конечно же, ежедневная молитва заполняли большую часть времени. В феврале 1915 года сообщила мужу: «Я ненадолго пойду в церковь, это так облегчает, — это, да работа и уход за этими славными молодцами — вот вся моя утеха».

В силу эмоциональности натуры царице не всегда удавалось сохранять самообладание, а окружающее горе угнетало: «Я иногда мечтаю заснуть и проснуться только, когда все кончится и водворится повсюду мир — внутренний и внешний». Эта ее мечта не осуществилась; ей не суждено уже больше жить в спокойное время. Но свой долг женщины-христианки она выполняла с честью и до конца. Ее «госпитальная служба», ее удивительное сострадание простым солдатам и офицерам являлись беспрецедентными. Много в истории страны было войн, крови и страданий, но никогда, ни до, ни после, жена правителя в нашем Отечестве не сделала лично так много для простых раненых. Через ее руки прошли сотни человек; она успокоила и утешила множество беспокойных сердец.

В некоторых исторических романовских резиденциях, например, в Зимнем дворце, размещались раненые.

Работе в госпиталях и занятиям в благотворительных комитетах посвящали большую часть своего времени и царские дочери. Они считали это естественным и обязательным в тяжелое для страны время и воспринимали с осуждением всякие формы праздного времяпрепровождения. Ольга Николаевна сообщала отцу 5 марта 1915 года: «Были мы сегодня в Петрограде. Я имела удовольствие председательствовать 2 часа в большом комитете... Оттуда заехала к Ирине (Юсуповой. — А. Б.) за Татьяной. Она и тетя Ксения сидели у нее в гостях. Феликс (князь Юсупов, муж Ирины. — А. Б.) — «суший штатский», одет во все коричневое, ходил по комнате, рылся в разных шкафах с журналами и в сущности ничего не делал; весьма неприятное впечатление он производит — мужчина в такое время лодырничает».

В царской семье все понимали, что главные тяготы суровых испытаний несет император. Он оставался верховным правителем в стране, вступившей в жесточайшую военную схватку. Экономическая, общественная, административная стороны жизни огромной империи перестраивались, исходя из условий и потребностей времени. Приходилось спешно решать множество вопросов самого различного характера. Царь всегда проявлял особый интерес к военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) этот интерес стал всепоглощающим. Положение дел на двух основных фронтах — Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии, к концу года открылся еще и Кавказский фронт, против Турции) оставалось все время в поле его зрения.

Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но хорошо начатое наступление через две недели закончилось разгромом. Николай II записал 18 августа: «Получил тяжелое известие из 2 армии, что германцы обрушились с подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Ген. Самсонов (Александр Васильевич, генерал от кавалерии, командующий армией. — А. Б.) и многие другие погибли». Несмотря на все свое самообладание, император остро переживал самсоновскую катастрофу и, как позднее признавался, тогда впервые ощутил «свое старое сердце».

На Галицийском направлении против Австро-Венгрии дела разворачивались значительно успешней. 21 августа занес в дневник: «Днем получил радостную весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу!... Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии».

Первый свой визит в Ставку и поездку в прифронтовую полосу монарх осуществил во второй половине сентября. Начальник канцелярии императорского двора генерал А. А. Мосолов записал: «С утра жизнь в Императорском поезде была обычная, вся разница поездки в мирное время заключалась в том, что за столом салфетки для каждого в кольцо и что их не будут менять каждый раз, когда накрывают стол, и что завтрак и обед состоят из супа (щи или борщ), одного мясного блюда и сладкого. Государь-император был в хорошем настроении духа — утром было получено известие о взятии Сувалок и ускоренном отступлении немцев». Николай II прибыл в Барановичи в радужном настроении. После некоторых военных неудач положение дел на фронтах становилось лучше, и укреплялась надежда на скорое окончание войны.

Пребывание в Ставке на этот раз оказалось непродолжительным, и 26 сентября император «вернулся в лоно дорогой семьи».

Однако разлуки с «возлюбленной душкой-женой» и детьми становились неизбежными, и с этим следовало примириться. Александра Федоровна расставания воспринимала как драму; не успевал супруг еще доехать до места, а вслед ему летел крик отчаяния: «Мой ненаглядный! Как ужасно чувствовать одиночество после твоего отъезда, хоть со мною остались наши дорогие дети, — с тобой уходит часть моей жизни, — мы с тобой одно!» «Снова пишу тебе письмо. Ты прочтешь его завтра в поезде, который умчит тебя от нас. Эта разлука не будет долговременной, и все же она так тяжела, но я не стану жаловаться». «Так грустно было видеть тебя уезжающим в одиночестве, сердце кровью обливалось».

Вынужденные расставания оба воспринимали как неизбежность. В начале 1916 года Николай II писал жене: «Ты очень верно выразилась в одном из своих последних писем, что наша разлука является нашей собственной личной жертвой, которую мы приносим нашей стране в это тяжелое время. И эта мысль облегчает мне ее переносить».

Второй раз император поехал в Барановичи в конце октября. Вплоть до лета 1915 года царь посещал этот небольшой городок, где разместился «мозговой центр военной России», регулярно, через каждые три-четыре недели. Прибывая в Ставку к «Николаше», выслушивал доклады, гулял, принимал участие в совещаниях, но старался не вмешиваться в текущие оперативные дела командования. Ездил на позиции, осматривал поля сражений, военные укрепления и дислокации войск, принимал парады и смотры, встречался с офицерами, награждал медалями, орденами и памятным оружием, но своих суждений и представлений о ведении войны не навязывал, считая, как всегда, что разработкой конкретных планов должны заниматься специалисты в лице командного состава.

Проблемы армии были хорошо известны Николаю Александровичу; всегда старался помогать удовлетворению настоятельных нужд. «Единственным большим и серьезным затруднением для наших армий является то, что у нас опять не хватает снарядов, — писал 19 ноября 1914 года. — Поэтому во время сражений нашим войскам приходится соблюдать осторожность и экономию, а это значит, что вся тяжесть боев падает на пехоту; благодаря этому, потери сразу сделались колоссальными. Некоторые армейские корпуса превратились в дивизии; бригады растаяли в полки и т. д. Пополнения прибывают хорошо, но у половины нет винтовок, потому что войска теряют массу оружия». Эти трудности совместными усилиями государственных ведомств и общественных организаций удалось преодолеть лишь в 1916 году.

В первый год войны царь посещал не только Ставку и фронты, но и многие другие районы. Только в первые месяцы 1915 года побывал в Киеве, Полтаве, Севастополе, Екатеринославе, Гельсингфорсе (Хельсинки), Львове, Перемышле, Каменец-Подольском, Бродах и других местах Галиции, а также в Николаеве, Одессе, Твери. Знакомился с положением дел на месте, выслушивал рапорты должностных лиц, совершал объезды различных территорий, осматривал хозяйственные и военные объекты.

И при любой, самой непродолжительной разлуке муж и жена писали друг другу. Император признавался: «Каждый раз, как я вижу конверт с твоим твердым почерком, мое сердце подпрыгивает несколько раз и я скорей запираюсь и прочитываю, или, вернее, проглатываю письмо». Сам царь корреспондировал реже, в характерной для него манере отстраненности от событий. Чувствами пронизаны лишь те фрагменты, где говорится о военных поражениях или о победах, а также повествуется об отношении к жене и детям.

Венценосцы страстно молились вместе и порознь, прося у Всевышнего помощи. После встречи Нового, 1915 года, Николай II записал: «В 11 ч. 45 мин. пошли к молебну. Молились Господу Богу о даровании нам победы в наступающем году и о тихом и спокойном житии после нее. Благослови и укрепи, Господи, наше несравненное доблестное и безропотное воинство на дальнейшие подвиги».

Какие-либо закулисные переговоры с врагом о заключении сепаратного мира император безусловно отвергал. Ведь это предательство и России, и армии, и союзников! Царица придерживалась аналогичного убеждения. Летом 1915 года, когда стали циркулировать слухи о возможности скорого перемирия, они при каждом удобном случае категорически их опровергали. После разговора с великим князем Павлом Александровичем Александра Федоровна писала супругу: «Я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас, — потому-то немцы и стараются раздуть этот слух. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира». Предполагая это, она как в воду глядела. Довольно скоро подобные слухи получили широкое хождение.

Домыслы лично ее задевали мало. Было обидно и больно за Ники. Александра Федоровна верила в милость Господа. Он может ее навсегда единственному, которому приходилось так нелегко! С начала войны Ники сделался таким задумчивым! У него теперь такие грустные глаза, а сон его стал тревожным и

непродолжительным! И хотя супруг не жаловался на здоровье, но любящее сердце разве обманешь? Его, конечно же, угнетала эта ужасная война, конца которой все не видно! Заботы мужа, его тяжелые обязанности чрезвычайно волновали императрицу. «Ненавижу быть вдали от тебя, когда ты мучишься», — восклицала в письме. Раньше оказывала мужу лишь моральное сочувствие, теперь, во время этого «страшного испытания», она решила непосредственно помогать ему и в делах государственных.

Существовало ли вообще влияние царицы на дела государства? Да, она воздействовала на императора, стараясь добиться от него определенных решений. В принципе, само по себе, это не может выставляться в качестве обвинения. Ее интерес к политической деятельности не являлся следствием злокозненных устремлений, личных амбиций, а коренился в женском сердце. Александра Федоровна не сомневалась, что если мужу трудно, она должна разделить его ношу. Безбрежная любовь давала силы и уверенность.

Важнейшее обстоятельство, «стимулировавшее» политическую активность Александры Федоровны, заключалось в позиции самого царя. Его частые и все более продолжительные отлучки из столицы неблагоприятно сказывались на ходе дел, что он хорошо понимал. Нужно было принимать решения, и никто не мог взять на себя ответственность — это бремя монархов. Александра же редко куда выезжала, прекрасно была осведомлена о настроениях и мнениях самодержца и могла заменить его в некоторых случаях, тем более что он ей целиком доверял.

Императрица «втягивалась» в государственные дела постепенно. В первые месяцы войны она была занята исключительно благотворительной деятельностью и никаких советов и рекомендаций мужу не давала. «О, дорогой мой, как бесконечно ты мне дорог! Если бы я могла помочь тебе нести тяжелое бремя, ты так безмерно отягощен», — сетовала царица в октябре 1914 года. Пока она была еще убеждена, что не может давать советы мужу в политических делах. Однако эти представления постепенно менялись. Понимая, что для выполнения миссии правителя надо много и долго учиться, а просто так, в одночасье, царями не становятся, она заключила, что, довольно долго находясь рядом с самодержцем, сумела много увидеть и понять. Кроме того, у нее ведь есть великое чувство любви к мужу и к его России, сильная воля и благословение Господа! Разве этого не достаточно? Ведь «дорогой Григорий» много раз говорил, что сердце ее обмануть не может.

Начиная с весны 1915 года в потоке ее корреспонденции появляются первые просьбы и пожелания политического характера. Николай II благосклонно это принимал и был благодарен

дорогой Аликс за столь живое участие в государственных делах. Летом же 1915 года царь дал царице карт-бланш, заявив: «Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже...»

Сама же Александра Федоровна горела желанием разделить заботы любимого: «Ты все переносишь один, с таким мужеством! Позволь мне помочь тебе, мое сокровище! Наверное есть дела, в которых женщина может быть полезна. Мне так хочется облегчить тебя во всем». Ее участие вначале ограничивалось почти исключительно пересказом светских сплетен: «Извини меня за то, что так к тебе пристаю, мой бедный усталый друг, но я так жажду помочь тебе, и, может быть, могу быть полезна тем, что передаю тебе все эти слухи», — писала в июне 1915 года. Чуть ли не с восторженным пренебрежением воспринимала сесетования по поводу ее новой роли и заявляла, что люди боятся ее, «потому что знают, что у меня сильная воля, я лучше других вижу их насквозь и помогаю тебе быть твердым».

Она делает дело, угодное Богу, помыслы ее возвышенны и никто не вправе судить поступки Ники и ее. Один только Всевышний! «Ты, дружок, слушайся моих слов, — писала она мужу в сентябре 1915 года. — Это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо меня, чтобы помогать тебе». В этом она была абсолютно убеждена. «Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но моя обязанность — тебе помогать. Даже в этом меня осуждают некоторые министры и общество: они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет!» — констатировала Александра в сентябре 1915 года. Она не подменяла и не хотела подменять собой мужа, считая его мудрым руководителем, которому иногда не хватало лишь решительности и твердости характера, и была убеждена, что ее поддержка важна для дорогого Ники. Ведь это так необходимо для улучшения положения на фронте и в тылу!

Александра Федоровна начала принимать доклады некоторых министров, отдавать распоряжения по второстепенным текущим вопросам, но всегда непременно сообщала мужу о своей деятельности. Пристальное внимание и интерес императрицы привлекала важнейшая политическая область, находившаяся целиком в компетенции монарха, — назначения высших должностных лиц. Ее особенно интересовали претенденты на должности в церковной и гражданской администрации, так как здесь, в отличие от военной, она не сомневалась в своих возможностях рекомендовать достойных.

Перестановки на высших ступенях государственной лестницы, с легкой руки известного правового политика В. М. Пуришкевича, получили броское название «министерской чехарды». Действительно, за 31 военный месяц сменилось шесть министров внутренних дел, три министра иностранных дел, четыре премьера, четыре военных министра. Правда, в некоторых ведомствах смены руководства не происходило: в Министерстве финансов, морском, в Министерстве императорского двора.

И все же нестабильность в высшем административном эшелоне, несомненно, существовала. То же, что дела в России идут не так, как надо, не так, как хотелось бы, чувствовали и венцы. Для них не составляло секрета, что результаты государственной деятельности далеки от желаемых, а хорошие времена все никак не наступают. Они были убеждены — это во многом результат того, что к управлению приходят не те люди. Поэтому правильные решения до конца не выполняются, а некоторые игнорируются совсем.

В конце 1914 года на фронтах установилось позиционное затишье. Стало ясно, что первоначальные предположения о скором окончании войны, о том, что «будем встречать Рождество в Берлине», так и остались лишь мечтами. Приходилось готовиться к длительному и изнурительному противостоянию. В тылу оживились и стали вновь набирать силу противоправительственные настроения, угасшие было в первые месяцы войны. С новой силой стали проявляться старые распри и противоречия. И события на театре военных действий давали им мощный толчок.

Весной 1915 года начались успешные операции русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия понесла серьезные поражения и вновь уступила всю Галицию. Возникла реальная вероятность скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь предотвратить подобное развитие событий и воспользовавшись затишьем на Западном фронте, бросила против России большие военные силы, оснащенные мощной артиллерией. Весной и летом русская армия приняла участие в ряде кровопролитных сражений. В силу недостаточного обеспечения боеприпасами и современным вооружением, особенно артиллерией, потери оказались огромными. С конца апреля ситуация развивалась не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии — гвардейские части.

Император был удручен. Положение ухудшалось, а надежда на скорое окончание войны исчезала. Оставалось лишь уповать на милость Всевышнего. 21 июня 1915 года писал матери: «И Ты и Мы все здесь живем очевидно одними чувствами, одними

мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также посланы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; так что надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога, и потому надо верить в Его милость».

Натиск «проклятых тевтонов» вынудил русскую армию отойти на Восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно эвакуировать и Ставку Главнокомандующего из Барановичей. Она была перенесена в августе в город Могилев. События лета 1915 года походили на военную катастрофу, деморализовавшую высшее военное командование. Еще в мае, когда только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку и застал там картину полного уныния. «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич. — А. Б.), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком».

Общественные деятели всех политических направлений, оправившись от первого шока неожиданных поражений, негодовали. Как могло случиться, что у армии нет достаточного количества боеприпасов и артиллерии? Почему уроки кампании 1914 года не пошли впрок? И, конечно же, постоянно звучал традиционный русский вопрос: кто виноват? Требовали назвать конкретного виновного, и он был назван. Лидеры общественных организаций и столичные газеты чаще всего называли имя военного министра В. А. Сухомлинова. Занимая эту должность с 1909 года, он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Утверждали, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем зазвучали голоса, обвинившие его в государственной измене. Стремясь к общественному согласию, царь принял решение: министр был отрешен от должности 13 июня 1915 года, а его деятельность начала расследовать специальная комиссия. (На суде, уже в 1917 году, обвинения во взяточничестве и измене не подтвердились.)

Однако отставка непопулярного министра никого не удовлетворила. Особенно активизировались либеральные деятели кадетского толка, которые в первые месяцы войны, скрепя сердце, умерили свои нападки на власть, так как время заставляло консолидировать усилия. Поражения армии в конце весны—начале лета 1915 года вывели их из состояния оцепенения и предоставили прекрасную возможность «подать себя» в традиционной роли спасителей России. Они увидели, что режим ослаб и заколебался, а значит — наступило их время.

Старая власть «потеряла лицо», и, конечно, кто же должен повести страну, «стоящую на краю пропасти»? Только те, кто произнес так много красивых слов о величии России и о благе народа! Уже в мае некоторые органы печати высказались за создание кабинета национальной обороны. В качестве возможных кандидатов на министерские посты назывались многие политические деятели, но особенно часто фигурировали имена лидеров двух крупнейших партий, П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Звучало также требование срочно созвать Государственную Думу (последняя краткосрочная сессия, утвердившая бюджет, была в январе).

Но волновались и выражали свое беспокойство не только либеральные деятели; эти чувства становились всеобщими. Следовало предпринять действия, способные мобилизовать страну для отпора врагу и довести войну до победного конца. Об этом много думал царь. 10 июня 1915 года он выехал в Ставку, где провел серию совещаний с генералитетом и министрами, придя к заключению о необходимости обновления высшей администрации. Были уволены в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой ориентацией: министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер. Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально изменить не могли. К тому же во главе кабинета остался старый царедворец И. Л. Горемыкин, пользовавшийся большим расположением в царской семье за свою преданность и опыт, но вызывавший стойкое неприятие многих политических фракций.

Общественные деятели, приветствуя некоторые новые назначения, находили их недостаточными и выступали за создание ответственного перед Думой министерства. С лета 1915 года этот лозунг стал главнейшим для ведущих политических деятелей и объединений. В августе несколько думских и околодумских общественных групп объединились в так называемый «прогрессивный блок», центром которого стала партия кадетов. Их центральным требованием стало создание «кабинета общественного доверия». О «распутинском самовластии» заговорили, как о вполне очевидном факте.

Для царя, но особенно царицы «дорогой Григорий» попрежнему оставался надежной опорой. Во время войны, которой он не хотел и неоднократно утверждал, что если бы тогда находился в Петербурге, то ее бы не допустил, он стал уже совсем своим в семье. Чем сложнее становилась обстановка в стране, тем больше нуждался царь в обществе проповедника-утешителя, тихим, вкрадчивым голосом говорившего о мире, любви, надежде и благодати. Он дарил то, чего в последние годы особенно не

хватало царской чете — душевное умиротворение. Вот 17 октября 1914 года, день грусти и возмущения. Николай II получил известие о том, что накануне турки и немцы вероломно напали на русский флот в портах Крыма. Вечером занес в дневник: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером, под влиянием успокаивающей беседы Григория, душа пришла в равновесие».

Из этого отнюдь не следует, что Распутин подчинил царя своему влиянию. Духовная беседа — это хотя и важная, но только часть жизни монарха (этот вид досуга был широко распространен вообще во многих русских благочестивых семьях). Они разговаривали, затем молились перед сном, а утром жизнь царя шла своим чередом: утренняя краткая молитва и бесконечные встречи, приемы, поездки, доклады, бумаги. Из того, что Николай II с семьей любил беседы о добре и зле, о любви и смирении, о смысле жизни, никоим образом нельзя делать вывод о том, что он любил слышать из уст «дорогого Григория» высказывания и на государственные и политические темы. И уж тем более, констатируя сам факт таких встреч, нельзя признать достоверным расхожий тезис о безусловном воздействии Распутина на царя.

Царица же безоглядно верила, что благополучие ее семьи зависит от молитв «дорогого Григория». Именно царица создала ситуацию, при которой Распутин просто не мог оказаться в стороне от политических дел. Будучи умным и сообразительным мужиком, он, несомненно, понимал, что уклоняться от роли советчика «мамы земли русской» не может, иначе потеряет расположение романовской семьи. Что же, царица просит совета у своего духовного наставника, а он будет молчать? Сначала хватало откровений и рекомендаций самого общего свойства: «Сила душу укрепляет»; «любовь в сердце — надежда на завтра»; «ублажи раненых, Бог имя твое прославит за ласкоту и за подвиг твой»; «пусть небесная сила в пути с вами ангелы в ряды воинов наших спасенье непоколебимых героев с отрадой и победой».

Но положение царского советчика, чем Распутин упивался и бахвалился, требовало и другого: надо было определять для царицы, хороший или плохой тот или иной человек. Он ведь провидец и может узнать и понять то, что простым смертным не дано разглядеть!

Во многих сочинениях о последних Романовых неизменно встречаются утверждения, что Григорий Распутин «определял» или даже «назначал» на высшие должности в империи. Такие выводы не подтверждаются документами. Достоверно можно установить следующее. Из числа тех, кто занимал видное общест-

венное положение, содействию Распутина так или иначе были обязаны в общей сложности всего одиннадцать человек.

Приведем полный список этих «облагодетельствованных». Белецкий С.П., в 1912—1914 годах директор Департамента полиции, затем — сенатор. С сентября 1915 по февраль 1916 года — товарищ министра внутренних дел. Волжин А.Н. — Седлецкий, а затем Холмский губернатор, с июля 1914 года — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, а с сентября 1915 по август 1916 года — обер-прокурор Святейшего Синода. Добровольский Н.А., Гродненский губернатор, затем глава одного из департаментов Сената, а с 20 декабря 1916 года — министр юстиции. Князь Жевахов Н.Д., помощник статс-секретаря Государственного Совета, а с 15 сентября 1916 года — товарищ обер-прокурора Синода. Питирым, экзарх Грузии, архиепископ Самарский, Карталинский и Кахетинский, с 1915 года — митрополит Петроградский и Ладужский. Протопопов А. Д., с сентября 1916 года — министр внутренних дел. Раев Н. П. (сын умершего в 1898 году петербургского митрополита Палладия), член совета министра народного просвещения, директор Высших женских историко-литературных и юридических курсов, с 1916 года — обер-прокурор Синода, Хвостов А. Н., Вологодский и Нижегородский губернатор, член IV Государственной Думы, с ноября 1915 по март 1916 года — министр внутренних дел. Князь Шаховской В. Н., начальник управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства внутренних дел, а с мая 1915 года управляющий Министерством торговли и промышленности. Штюрмер Б. В., Новгородский и Ярославский губернатор, член Государственного Совета, с 20 января по 10 ноября 1916 года председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля министр внутренних дел, а с 7 июля по 10 ноября еще и министр иностранных дел. Орловский-Танаевский Н. В., управляющий Тобольской и Пермской казенными палатами, а с ноября 1915 года — Тобольский губернатор.

Перечисленные лица имели большую служебную биографию и, за исключением Раева, не могут считаться случайными людьми. Распутин подсказывал императрице имена «аспирантов», она собирала о них сведения, а император назначал их на пост лишь с учетом предыдущей деятельности и принимая в расчет рекомендации иных лиц. «Царев друг» лишь содействовал, но никогда не определял выбор.

В чиновном мире издавна существовали свои непреложные «правила игры». Чтобы сохранить положение, добиться продвижения по службе, надлежало получить «влиятельную протекцию». Важно было, чтобы кто-то «замолвил словечко» монарху,

похвалил, отметил заслуги, а еще лучше — устроил встречу. Даже сановники, занимавшие крупные государственные посты, не могли «запросто» видаться с государем. Иногда аудиенции приходилось ждать очень долго. А уж для того, чтобы добиться благоприятных решений, нужен был «верный ход». И Распутин давал шале. Симпатии и антипатии к нему часто определяющего значения не имели. Показательный в этом смысле разговор со своим шурином А. Ф. Треповым описал в воспоминаниях начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов. Дело происходило в ноябре 1916 года сразу же после назначения А. Ф. Трепова премьером. Новый глава кабинета Распутина терпеть не мог, и после всестороннего обсуждения ситуации родственники пришли к заключению, что «с ним нужно считаться», и А. А. Мосолов предложил свои услуги «для налаживания контактов». Вот это «нужно считаться» и определяло интерес к «грязному мужику» многих высокопоставленных лиц, в том числе и тех, которые добрых чувств к нему не питали.

Из всех перечисленных выше одиннадцати человек, помимо Тобольского губернатора, к разряду распутинских выдвиженцев, да и то с оговорками, можно отнести лишь князя Н. Д. Жевакова и Н. П. Раева. Остальные в разной степени стремились управлять влиянием самого Распутина и, конечно же, не были пешками в его руках. Перед Распутиным заискивали, его расположения добивались, а в душе часто ненавидели и презирали его.

Характерна в этом смысле история отношений С. П. Белецкого и А. Н. Хвостова, с одной стороны, и царского утешителя — с другой. В сложной амбициозной игре двух первых Распутину отводилось центральное место. В 1915—1916 годах эти сановники объединили усилия для достижения вполне определенных целей: А. Н. Хвостов хотел получить пост премьера, С. П. Белецкий грезил о должности министра внутренних дел. Им казалось, что «этого мужика» можно легко сделать орудием своих устремлений. Драматическая коллизия стала бурно развиваться со второй половины 1915 года, когда А. Н. Хвостов стал министром внутренних дел, а С. П. Белецкий его заместителем.

В этом качестве они продолжали «штурм высот». При встречах очаровывали А. А. Вырубову, которая одно время их часто принимала и выказывала им свое расположение. Это не осталось незамеченным императрицей, которая писала 3 ноября 1915 года супругу: «Хвост. и Бел. обедают у А. Это, по-моему, напрасно, — похоже, что она хочет играть роль в политике, она так горда и самоуверенна и недостаточно осторожна». В данном случае Александра Федоровна оказалась права.

Конечно же, сама по себе Вырубова этих интриганов не интересовала. Им нужна была узда для Распутина, а через него и «верная дорога» к монарху. В интересах «дела» им следовало завязать с Распутиным близкие отношения, но так, чтобы о них никто не знал, иначе не избежать скандала. Даже их жены были резкими противницами Распутина, и встречи «с ужасным человеком» происходили втайне от них. Когда жена Белецкого узнала об этом, то это была целая семейная драма. Естественно, что ни Хвостов, ни Белецкий никаких чар на себе не испытывали, хотя последний, например, чтобы угодить царскому советчику, посещал «благочестивые обеды» на Гороховой, где по воскресеньям на распутинскую уху собирались почитатели и почитательницы. Белецкий начал изображать сторонника «старца».

Для налаживания близких отношений Белецкий и Хвостов организовали «конспиративный обед», во время которого поставились снять все «шероховатости» в отношениях с Распутиным. Белецкий позднее вспоминал: «Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас ничего теперь не имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение как бы из его рук». Успех встречи решено было закрепить дальнейшей деятельностью по «приручению» Распутина. Руководители министерства решили начать выплачивать ему из секретного министерского фонда ежемесячную субсидию в 1500 рублей. Белецкий подыгрывал А. Н. Хвостову, стремившемуся провести на должность обер-прокурора Синода своего родственника А. К. Волжина, категорически не желавшего лично встречаться с «дорогим Григорием». Несмотря на это, комбинация удалась. С «подачи» Распутина эту кандидатуру поддержала Александра Федоровна, и в конце концов Волжин возглавил Синод, но сразу же занял резкую антираспутинскую позицию.

Нет возможности пересказывать сложные закулисные перипетии отношений между императрицей, Распутиным, Вырубой, Хвостовым, Белецким и Волжиным. Скажем лишь, что, убедившись в том, что подчинить Григория своим интересам не удастся, министр внутренних дел начинает вынашивать план убийства «грязного Гришки». Но С. П. Белецкий предал своего «патрона», и намерения министра стали известны царице. Хвостов сразу же убрал с должности. Потрясенная императрица восклицала в письме царю 2 марта 1916 года: «Я в отчаянии, что мы через Гр. рекомендовали тебе Хв. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала А., что мне нравится его большая энергия, но он слишком самоуверен и что это мне в нем антипатично, им овладел сам дьявол, нельзя его иначе назвать».

Влияние Распутина на императора всегда оставалось опосредованным и довольно условным и в силу этого не могло стать фатальным. В этой связи весьма примечателен один эпизод, относящийся к 1915 году.

В начале лета царица сообщила супругу, что из Покровского пришла телеграмма, в которой Распутин уведомлял, что собираются призвать в армию его сына Дмитрия. «Любимый мой, — писала Александра, — что можно для него сделать. Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына». Письмо с этим призывом датировано 20 июня. В написанных затем нескольких посланиях Николая II просьба «дорогого Григория» обойдена молчанием. Никаких попыток помочь ему сделано не было, но не от жестокосердия, а потому что уклонение от защиты Отечества, по мнению императора, противоречило долгу, святой обязанности каждого взрослого мужчины.

В конце августа Распутин прислал телеграмму «своей Аннушке», и Вырубова через царицу довела ее до сведения императора: «Первое объявление ратников вести, узнайте тщательно, когда губерния пойдет наша. Воля Божия это последние крохи всего мира, многомилостивец Никола творящий чудеса». Еще раньше им было передано прошение на имя царя, содержащее ходатайство об отсрочке призыва сына. Императрица считала, что «эту просьбу вполне можно удовлетворить».

Однако на все эти обращения император не реагировал. Через несколько дней Александра Федоровна опять обратилась к этой теме: «Наш Друг в отчаянии, что его сына призывают — это его единственный сын, который в отсутствии отца ведет хозяйство». Реакции на это жалостливое обращение опять не последовало. Было над чем призадуматься Распутину. Вот она, царская милость! Другом называют, совета спрашивают, он за их благополучие денно и нощно молится, а они? Единственного сына от солдатчины защитить не могут. Да скажи государь хоть одно слово за него, и никто бы не посмел тронуть! Но царь не вмешивался.

В середине сентября тема помощи «нашему другу» опять всплывает в переписке, и императрица довольно меланхолично по этому поводу замечает: «Гр. (Григорий. — А. Б.) прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк (военное подразделение, составленное из представителей всех полков гвардии и предназначенное для охраны царя. — А. Б.). Мы сказали, что это невозможно. А. (Вырубова. — А. Б.) просила Боейкова (дворцовый комендант. — А. Б.) что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде, или чем-нибудь вроде этого. Он всегда

ходил за лошадьми в деревне; он единственный сын, конечно, это ужасно тяжело. Хочется помочь и отцу и сыну. Какие чудные телеграммы Он опять прислал».

В конце концов распутинского отпрыска все-таки призвали, и единственное монаршее благодеяние для него состояло в том, что его определили в санитарный поезд императрицы, доставлявший с передовой раненых в царскосельские госпитали. И все это происходило тогда, когда в обществе уже уверенно говорили «о всемогуществе этого временщика».

Когда в середине 1915 года император осуществил перестановки должностных лиц и согласился на открытие сессии Государственной Думы, он понимал, что эти шаги мало кого удовлетворяют. Думская трибуна давно стала местом поношения высших сановников и почти всех аспектов государственной политики. А уж сколько оттуда несло на всю страну нападков на Распутина и прозрачных оскорбительных намеков на его связи с царской семьей! Император все это понимал, но хотел сделать примирительный шаг. Однако принять требование создания ответственного не перед монархом министерства не мог, чувствуя, что подобная мера будет началом конца порядка и государственности.

Лето 1915 года — время многих окончательных решений Николая II, время бесповоротного избрания им своей судьбы. Груз проблем нарастал, а изменений к лучшему не происходило. Страну все явственней охватывала волна общественного недовольства. Критические оценки и суждения о положении дел в стране делались общепринятыми. Антивоенная и антиправительственная пропаганда в России пресекалась вяло и непоследовательно, в то время как в других воюющих странах, например во Франции или Германии, за такую пропаганду наказывали жесточайшим образом, вплоть до расстрела. В империи же двуглавого орла, в газетах и на общественных собраниях можно было прочесть и услышать резкие выпады против военного и государственного руководства, немыслимые ни в одной из других стран.

Безнаказанность подогревала эти разговоры и настроения. Их множили не только собственные военные неудачи, слухи о «засилье темных сил», но и усугублявшиеся экономические трудности: нехватка сырья и энергии, застой в ряде отраслей промышленности, инфляция, рост дороговизны, расстройство транспорта.

Николай II не сомневался, что серьезные реформы, начатые за десять лет до того, надо продолжать и углублять. Но в то же время он был уверен, что проводить их во время войны — безумие! Он видел, что война обострила все старые проблемы и постоянно рождала новые, а срок ее окончания все отодвигался, и с лета 1915 года стал вообще неразличим.

Император постоянно думал о том, что же предпринять, чтобы переломить ход событий и добиться победоносного мира. В конце концов он пришел к решению возглавить руководство армией. Смысл этого поступка был довольно простым и объяснялся традиционными представлениями о безграничной любви народа к царю. Казалось, если во главе войск встанет Помазанник Божий, простые солдаты, воодушевленные его предводительством, воспрянут духом и сокрушат врага. Сам факт принятия командования в столь сложное время говорит о большом личном мужестве Николая II, подтверждает его преданность монаршему долгу.

Николай II всегда считал, что в дни военных испытаний обязан находиться на поле сражений. Еще в разгар русско-японской войны, в сентябре 1904 года писал из Петергофа своей матери в Данию: «Меня по временам сильно мучит совесть, что я сижу здесь, а не нахожусь там, чтобы делить страдания, лишения и трудности похода вместе с армией. Вчера я спросил дядю Алексея, что он думает? Он мне ответил, что не находит мое присутствие там нужным в эту войну. А здесь оставаться в такое время гораздо тяжелее!» Тогда осуществить намерение не удалось. Но вот теперь, «в эту войну», когда опасность еще более велика, ему необходимо поступить по зову сердца.

Раз армии плохо — император должен быть с ней. К тому же великий князь Николай Николаевич не мог оправиться от шока поражений и просил об отставке. Царь и царица подробно обсуждали этот шаг и окончательно убедились в его необходимости в конце июня 1915 года. Когда после выздоровления, в начале августа, вернулся из Покровского Распутин, было спрошено и его мнение. В царском дневнике за 4 августа читаем: «Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой».

Благословение Распутина положило конец сомнениям. Ни с кем больше не советовался. Даже «дорогой Мамá» лишь сообщил о принятом решении. Новая роль угодна Богу, и рядом с этим все остальное ничего не стоило. Дети царя разделяли настроения родителей. Провожая отца в армию, старшая дочь Ольга написала в конце августа: «Папа, золото мое! Как ни грустно, что ты уезжаешь, но в этот раз с особенным чувством радости Тебя провожаем, т. к. все мы горячо верим, что этот Твой приезд туда подымет как никогда кроткий дух нашей могучей армии. Помоги и храни Тебя Господь на этом новом и тяжелом, но святом пути. Все наши молитвы и мысли будут около Тебя. Папа Ангел, мой любимый. Крепко, как люблю Тебя, обнимаю и целую».

Однако многие не разделяли этих убеждений. Принятие на себя обязанностей главнокомандующего неизбежно делало царя

Григорий Ефимович
Распутин-Новых.

Царская семья. 1913 г.

◀ Великий князь
Дмитрий Павлович
в своем авто, в
котором 17 декабря
1916 года везли
убитого Распутина.

Прибытие государя в Ставку. 1914 г.

Раздача пасхальных куличей на фронте.

Солдатское кладбище.

Николай II с сыном Алексеем на военных позициях. 1916 г.

Сестры милосердия в
царскосельском
лазарете (слева
направо):
А. А. Вырубова,
Ольга Николаевна,
императрица
Александра Федоровна,
Татьяна Николаевна.
1914 г.

А. А. Вырубова
среди раненых в
санитарном поезде.

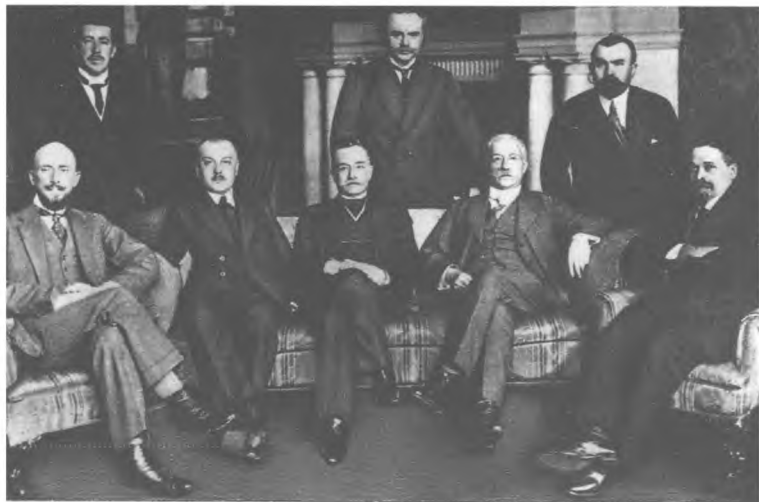

Великий князь Николай Николаевич.

Последний царский
министр
внутренних дел
А. Д. Протопопов.
1916 г.

А. Д. Протопопов с товарищами по
Государственной Думе в Лондоне. 1916 г.

Генерал-адъютант
М. В. Алексеев.

Генерал-адъютант
Н. И. Иванов.

Генерал-адъютант
Н. А. Рузский.

А. И. Гучков.

В. В. Шульгин.

Царский поезд, где Николай II
подписал отречение от
престола.

Ставка

Н а ч а л ь н и к у Ш т а б а .

Въ дни великой борьбы съ вѣншимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престоль Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, выйдѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

2 Марта 1/5 час. мин. 1917 г.

*Министръ Историографъ Двора
Генералъ Александръ Гречъ Александровъ*

Николай

Отречение Николая II.

Революционная гвардия. *Москва. 1917 г.*

А. Ф. Керенский.

Летучий отряд для поимки
шпионов и полицейских.
Москва. 1917 г.

Вид на Тобольский кремль и
губернаторский дом.

Ипатьевский дом в
Екатеринбурге.

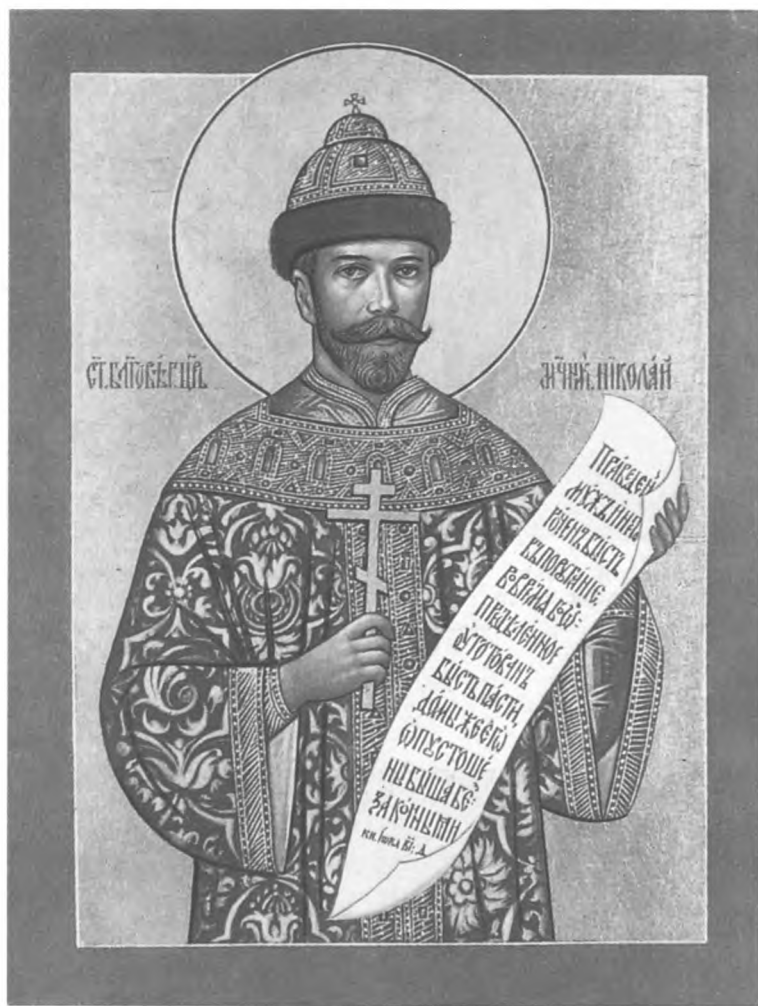

Иконы царской семьи,
найденные в доме после
убийства.

Дом Ипатьева со двора.
Дверь слева ведет во двор из
верхнего этажа, дверь справа —
из нижнего. Через эти двери
вели царскую семью на смерть.

Святой благоверный
царь-мученик Николай.
Икона Русской Зарубежной
Православной церкви.

лично ответственным за все возможные неудачи и провалы на фронте. Кроме того, царедворцы и сановники прекрасно понимали, что отъезд монарха из столицы приведет к усилению роли и влияния нелюбимой всеми императрицы. Из министров одобрил решение царя безусловно лишь премьер И. Л. Горемыкин, большинство же других, когда царь 20 августа о нем объявил, или промолчали, или высказали опасения и призвали отказаться от этого шага. На следующий день восемь из них послали императору письмо, в котором просили монарха не занимать поста главнокомандующего. Среди прочего они заявляли: «Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями». Все было тщетно. Жребий был брошен.

Император со свойственной ему спокойной решимостью приступил к новым обязанностям. 23 августа 1915 года увидел свет приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посрамим земли русской». Ему оставалось править полтора года, и большую часть этого времени он провел в Могилеве.

Глава 23

СУМЕРКИ ВЛАСТИ

В первой телеграмме из Ставки Николай II сообщил Александру Федоровне: «Благодарю за вести. Свидание сошло удивительно хорошо и просто. Он уезжает послезавтра, но смена состоялась уже сегодня. Теперь все сделано. Нежно целую тебя и детей. Ники». Через три дня после приезда монарха в Могилев бывший главнокомандующий с группой офицеров отбыл из Ставки к месту своего нового назначения: он сменил на посту Наместника Кавказа престарелого графа И. И. Воронцова-Дашкова.

Царь обжился на новом месте. 27 августа он из своего поезда переехал на жительство в старый двухэтажный губернаторский дом, расположенный на высоком холме над Днепром. Он занял под свои апартаменты две комнаты на втором этаже, обстановка которых была почти спартанской: простая кровать,

стол, несколько стульев, этажерки. К бывшей губернаторской резиденции примыкало здание присутственных мест, где располагался «мозговой центр» — штаб армии.

В Ставке постоянно находилось несколько сот офицеров (максимальное число достигало трехсот). Здесь за годы войны сложились определенные традиции, свой повседневный уклад. Присутствие императора внесло существенные коррективы в эту жизнь. Вместе с ним прибыли некоторые чины придворной свиты, обязанные находиться при особе государя: министр императорского двора граф В. Б. Фредерикс, дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков, генерал-адъютант и адмирал гвардейского экипажа К. Д. Нилов, генерал-лейтенант и начальник канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов, флигель-адъютант А. А. Мордвинов и др.

Частыми гостями Ставки теперь стали и многие члены императорской фамилии. Особенно часто и долго здесь пребывал великий князь Дмитрий Павлович, имевший звание флигель-лейтенанта, и контр-адмирал Гвардейского экипажа великий князь Кирилл Владимирович. Отношения между штабными офицерами и лицами свиты не были особенно дружественными, но сам император ко всем относился с ровным добродушием.

Вставал Николай II обычно около восьми часов. После утреннего туалета и легкого завтрака шел в штаб, где принимал доклады, продолжавшиеся полтора-два часа. Затем — завтрак, после которого опять доклады. Во второй половине дня, ближе к вечеру, почти всегда совершал прогулку в парке или за городом, куда выезжал на автомобиле в сопровождении кого-нибудь из свиты. Затем опять — доклады, приемы министров и иных лиц. После ужина, заканчивавшегося обычно в девятом часу вечера, час-два проводил за дружеской беседой или игрой в домино или трик-трак. В программу вечера входило чтение, которому неизменно посвящал время перед сном.

Уклад жизни был бесхитростным, трапеза непритязательной, а отношения с окружающими людьми простыми и откровенными. В Могилеве значительно меньше ощущалась вымученная обязательность придворного этикета, что царю, несомненно, нравилось. Протопресвитор Георгий Шавельский вспоминал: «Сидя за столом, государь запросто беседовал с ближайшими своими соседями. Делились воспоминаниями, наблюдениями; реже затрагивались научные вопросы. Когда касались истории, археологии и литературы, государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях... В тесном кругу, за столом, государь был чрезвычайно милым и интересным собеседником, а его непринужденность и простота могли очаровать кого угодно. С ним

можно было говорить решительно обо всем, говорить просто, не подбирая фраз, не считаясь с этикетом. Чем прямее, проще, сердечнее, бывало, подходишь к нему, тем проще и он относился к тебе».

Согласно существовавшей традиции в Ставку не допускались женщины. Даже императрица и великие княжны, приезжая в гости к мужу и отцу, жили в своем поезде, а пребывание их в губернаторском доме было всегда кратковременным. Остальных же вообще даже на порог не пускали. В июле 1916 года царю пришлось в этой связи иметь объяснение с матерью, компаньонка которой не смогла лично передать государю письма от вдовствующей императрицы. Внося ясность в ситуацию, Николай II писал: «Эту даму я не принял, так как никогда дам не принимаю. Я послал Васю Долгорукова (князь Василий Александрович состоял в свите в качестве гофмаршала. — А. Б.) к ней на станцию объяснить ей причину моего отказа».

Текущую оперативную военную работу в Ставке осуществлял генерал М. В. Алексеев, которого царь заслуженно считал крупным военным специалистом. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, Михаил Васильевич сначала преподавал в этой академии, затем был начальником штаба Киевского военного округа, начальником штаба армий Юго-Западного фронта, а в августе 1915 года получил назначение на второй по важности пост в армии — начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Воспользовавшись затишьем на фронтах, царь 22 сентября поехал «погостить» в Царское, где был с радостью встречен всеми членами семьи. Пробыв здесь несколько дней, уже 1 октября выехал обратно. Теперь его сопровождал наследник, который впервые выехал с отцом в Ставку (при Николае Николаевиче ни он, ни Александра Федоровна здесь не бывали). По пути следования устраивались смотры войск, которые Алексей принимал вместе с отцом. Несмотря на то, что ему было всего одиннадцать лет, цесаревич очень серьезно относился к своей миссии, а к военному делу вообще проявлял, как и отец, неподдельный интерес. Наследник никогда не жаловался на усталость.

Родители считали, что Алексея надо чаще показывать народу и войскам, которые должны были знать и любить своего будущего повелителя. Императрица вообще была уверена (в этом ее поддерживал Распутин), что зрелище ангелоподобного ее сына только усиливало симпатию людей к своим правителям, крепило основы монархии и развеивало зловредные слухи о физической неполноценности, природной ущербности цесаревича.

Николай II блаженствовал, проводя время в обществе сына. Они вместе гуляли, читали книги, разговаривали, писали письма в Царское. В Могилеве Алексей разместился в одной комнате с отцом; спал на такой же простой железной кровати и иногда даже присутствовал на докладах и официальных встречах.

«Его присутствие дает свет и жизнь всем нам — включая и иностранцев, — заявлял Николай в письме Александру 6 октября 1915 года. — Ужасно уютно спать друг возле друга; я молюсь с ним каждый вечер, с той поры, как мы находимся в поезде; он слишком быстро читает молитвы, и его трудно остановить; ему страшно понравился смотр, он следовал за мною и стоял все время, пока войска проходили маршем, что было великолепно... Только в первый день Алексей завтракал с Жильяром в моей комнате, но потом он стал сильно упрашивать позволить ему завтракать со всеми. Он сидит по левую руку от меня и ведет себя хорошо, но иногда становится чрезмерно весел и шумен, особенно, когда я беседую с другими в гостиной. Во всяком случае это им приятно и заставляет их улыбаться. Перед вечером мы выезжаем в моторе (по утрам он играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может и желает ходить, а дома не жалуется на усталость. Спит он спокойно, я тоже, несмотря на яркий свет его лампадки».

Императрица тяжело переживала свою разлуку сразу и с «Солнечным Светом» (Николаем) и с «Солнечным Лучом» (Алексеем). Уже на следующий день после их отбытия она в письме восклицала: «Ах, как мне обоим недостает! В час, когда он обыкновенно молится, я не выдержала, расплакалась, а затем убежала в свою комнату и там прочла все его молитвы на случай, если бы он забыл их прочитать. Прошу тебя, каждый день спрашивай его, не забывает ли он молиться?.. Мне кажется, что прошел целый век со дня вашего отъезда, такая тоска по вас, и так мне вас недостает, мои ангелы, что не могу этого выразить словами!» Императрица в Царском Селе занималась делами, которые считала важными и нужными Ники, России и, конечно же, ей с сыном. Приемы, встречи, бумаги (царь стал пересылать для просмотра и заключения часть предназначенной ему документации). Не порывала она и с лазаретами. В силу большой загруженности ассистировать при операциях теперь приходилось редко, но посещения раненых в госпиталях не прекратила.

Первый раз императрица с дочерьми приехала в Ставку 15 октября 1915 года. Очевидец этого события, «дама из могилевского общества» позднее вспоминала: «Царица в сопровождении дочерей вышла из поезда и медленно, еле передвигая ноги, пошла по направлению депутатов... Она подошла к дамам и

каждой протянула свою необыкновенно выхоленную и красивую руку. Дамы делали реверанс и целовали руку царицы. Четыре дочери стояли отдельно и всех поразили их костюмы. Они все, как одна, были одеты в светлые шляпы, коричневые короткие кофточки и юбки цвета бордо. Смесь этих цветов была так безвкусна, что вряд ли самая скромная провинциальная барышня могла бы так одеться. Сказалось ли в этом отсутствие вкуса у Государыни или же нарочно во время войны подчеркивалась скромность царской семьи, неизвестно, но костюмы царских дочерей осуждались всеми».

Естественно, что провинциальные барышни и матроны грезили лицедреть другое, куда более торжественное и пышно-помпезное зрелище. Всех, несомненно, разочаровала обыденность происходившего. Простые туалеты, обычные манеры — разве это надеялись увидеть жители захолустной губернии. Ведь для них царь и его семья символизировали нечто недостижимо-вышшенное и величественное.

Однако последние Романовы, особенно Александра Федоровна, полагали, что простота и доступность высочайших особ должны усиливать любовь к ним. Императрица постоянно убеждалась, какой искренний восторг охватывал народ при появлении царя и его семьи. Она видела радость на лицах людей и никогда не сомневалась, что эти чувства являются основой и залогом их долголетнего благополучия. Что бы там ни говорили изнеженные аристократы и эти фигляры и болтуны из Думы, сила ее Ники в той бескорыстной любви и обожании, испытываемом к ним простыми людьми, теми, у кого чистые и светлые души, не развращенные фальшью света и лживыми «истинами» различных политических учений.

В народной любви всегда убеждал царицу и «дорогой Григорий», ставший после отъезда царя в Ставку еще ближе императрице. Он счел необходимым познакомить с императорской семьей свою жену, которая вместе с дочерьми представлялась Александре Федоровне в доме у Вырубовой. Григорий правильно рассчитал, что его семья — простые крестьянки — несомненно, понравятся Александре и укрепят в ней чувства симпатии к нему, как уважаемому отцу семейства. Это было тем более необходимо, что носилось слишком много всяких слухов и рассказов о его безнравственном поведении. В своих расчетах «старец» не ошибся. Впечатление осталось самое благоприятное. Ольга Николаевна сообщила отцу 27 августа: «Видели мы у Ани жену и дочерей Григория Ефимовича. Она такая простая и хорошая». Царица же нашла необходимым в письме мужу упомянуть о том, что «жена Григория шлет тебе привет и молится архангелу Михаилу, чтобы он был с тобой».

Несмотря на очевидную привязанность царицы к Распутину, принимать его у себя она решалась лишь в самых крайних случаях, в последние годы лишь тогда, когда требовалось оказать помощь Алексею. Раньше же он к ним приезжал для беседы прямо во дворец. Теперь они встречались почти исключительно в «Анином домике». Здесь можно было общаться без широкой огласки. Приезд во дворец неизбежно становился известным многим и обязательно делался темой пересудов. При безразличном отношении Александры Федоровны к недоброжелательным мнениям, игнорировать их совершенно она не могла. Особенно после того, как получила хождение сплетня о ее сожительстве с Распутиным. Здесь уже было оскорблено и уязвлено ее женское самолюбие и достоинство. Как нужно было низко пасть людям, негодовала она, чтобы распространять такую мерзость. Но нигде укрыться от любопытных взоров было нельзя. Даже в доме Анны, как выяснилось позднее, следила прислуга...

В начале января 1916 года Александра Федоровна писала мужу в Могилев: «Мне бы хотелось повидаться с нашим другом, но я никогда не приглашаю Его к нам в твоё отсутствие, так как люди очень злоязненные. Теперь уверяют, что Он получил назначение в Федоровский Собор (на церковную должность по закону и по традиции Распутин никак не мог быть назначен, так как не имел никакого сана. — А. Б.), что связано с обязанностью зажигать все лампы во всех комнатах дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски-глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и я».

В обществе же ангел-хранитель царской семьи по-прежнему не вызывал никаких иных чувств, кроме зависти, ненависти и отвращения. Квартира его на Гороховой стала широко известной не только в Петербурге, но и в России. По высочайшему распоряжению с лета 1914 года здесь ежедневно дежурили чины полиции, которые выполняли двоякую функцию: охраняли царского друга и вели наблюдение за ним и его посетителями. После революции в печати появятся материалы, представляемые, как донесения полицейских о повседневной жизни Распутина. Из них публика узнает о том, как «царев друг» пьянствовал, встречался с проститутками, дебоширил. Научная экспертиза этих данных не оставляет сомнений в том, что эти «сенсационные документы» — очередная антиромановская фальшивка, которых в те смутные времена фабриковалось немало.

Время работало против Романовых. Положение на фронтах коренным образом не менялось: отдельные удачные локальные операции сменяли длительные периоды позиционного затишья. Отсутствие надежды на скорое окончание войны и вызванная ею дестабилизация жизни страны рождали отчаяние и возмущение

ние в стране. К 1916 году патриотические восторги уже давно были в прошлом, и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных разговорах о шпионах и предательстве. Ну кто мог быть виноват во всех бедах и неудачах! Конечно же, только агенты Германии, заседавшие на ключевых постах в государстве и стремившиеся погубить Россию! В обществе постоянно говорили об антигосударственной деятельности шпионов, и многие верили в их страшную и роковую силу. Под подозрение попадали обычные лавочники, профессора университетов, министры и даже члены правящей династии, а особенно Александра Федоровна. Распутина же вообще представляли главой шпионской шайки.

Царь ощущал внутренний раскол страны и понимал таившуюся здесь опасность. Несмотря на весь свой фатализм, игнорировать это он не мог. Но принимаемые им решения ничего, в сущности, изменить не могли. Все и всё в административной России находилось в состоянии оцепенения.

В начале 1916 года был сменен старый премьер Иван Горемыкин, которому было далеко за семьдесят лет (родился в 1839 году). После него в России «случилось» еще три премьера, назначенных Николаем II. Первым оказался Борис Владимирович Штюрмер. Ранее он занимал посты Новгородского, затем Ярославского губернатора, а с 1902 года находился на должности директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, состоял членом Государственного Совета. Лично царь знал его мало. По старой традиции Николай II в таких случаях спрашивал приближенных. Знавшие этого человека в основном говорили одно и то же: ревностный службист, примерный семьянин, благочестивый христианин. Правда, утверждали, что у него была любовница, но об этом добропорядочной царице не сообщали, а для других такая «деталь биографии» не имела особого значения. Но было два недостатка: возраст (родился в 1848 году) и фамилия.

Возрастным фактором в принципе можно было пренебречь. Преклонность лет никогда не являлась недостатком для политика в России, здесь всегда считалось, что такие деятели вооружены жизненным опытом, обширными знаниями, а также наделены чувством ответственности. Второй недостаток — фамилия — был более значительным. Происходил Штюрмер из тверских дворян. Его предки по мужской линии давным-давно осели в России. Отец служил в кавалерии, имел звание ротмистра. Мать, урожденная Панина, происходила из старинного дворянского рода. Но происхождение нового премьера никого не занимало. Главное — «неблагозвучная» для русского уха фамилия. В атмосфере истерической шпиономании, царившей в обществе, труд-

но было рассчитывать на то, что «властители дум» не заметят это обстоятельство и не сделают его предметом далеко идущих политических спекуляций (что в конечном итоге и произошло). Император решил в интересах дела рискнуть. Пост премьер-министра занял 20 января 1916 года и тут же начал демонстрировать симпатию к думским кругам.

Вслед за назначением Штюрмера последовал указ о созыве Государственной Думы, на сессии которой 9 февраля первый и последний раз выступил с краткой речью Николай II. С идеей «явления царя Государственной Думе» с трудом согласилась Александра Федоровна, всегда считавшая, что любое учреждение в России существовало как бы при императоре. Однако в поддержку такого шага выступил Распутин, и царица смирилась. Царь призвал депутатов к совместной работе на благо Отечества, и эти его слова были встречены думцами громом аплодисментов. Николай II был удовлетворен и записал в дневнике: «Удачный и оригинальный день». Но отгремели аплодисменты — и все осталось по-старому.

В последний период существования монархии власть предоставила массу возможностей для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше напоминал героев крыловской басни о лебеде, раке и щуке, чем центральный административно-координирующий орган. Чуть ли не каждый министр вел «свою политику», игнорируя других и интригуя против них, а некоторые искали популярности в либеральной среде и даже имели постоянные контакты с различными общественными деятелями. В целом же правительство и общественное мнение находились в состоянии открытой враждебности. Власть демонстрировала пренебрежение к «думской говорильне» и ее лидерам, а те, в свою очередь, платили власти жестокой клеветой и самыми низкопробными инсинуациями. Полный общественный разлад особенно ярко проявился в истории с последним царским министром внутренних дел. Им был Александр Дмитриевич Протопопов.

Родился Александр Дмитриевич в 1865 году в семье состоятельного дворянина. Воспитывался в кадетском корпусе, а затем — в Николаевском кавалерийском училище и после его окончания служил кирасиром в лейб-гвардии Конногвардейском полку. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба, где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в отставку в чине штаб-ротмистра. В конце 90-х годов получил большое наследство и вел размеренно-светскую жизнь. Это был богатый, европейски образованный человек, великолепно знавший языки, хороший пианист, ученик французского композитора Жоржа Массне. В 1907 году на выборах в Третью Думу ему

удалось добиться успеха, став депутатом. Это звание сохранил и на выборах в Четвертую Думу в 1912 году, входил неизменно во фракцию октябристов. В 1916 году избирается Симбирским губернским предводителем дворянства, а за год до того, в 1915 году, стал товарищем (заместителем) председателя Государственной Думы.

До осени 1916 года имя А. Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в либеральных думских и окоلودумских кругах. Весной он возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чем царю докладывали по дипломатическим каналам. Председатель Думы М. В. Родзянко даже рекомендовал самодержцу назначить Протопопова министром торговли и промышленности.

Отзывы о Протопопове были неплохие, и Николай II решил с ним познакомиться. Встреча состоялась в Ставке 19 июля. Заканчивая аудиенцию, монарх сказал своему собеседнику: «Мы еще с Вами поговорим не раз». На следующий день царь сообщал жене: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился, — Протопопова, товарища председателя Гос. Думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал мне много интересного». Не прошло и двух месяцев, как император поручил Протопопову руководство самым влиятельным государственным ведомством — Министерством внутренних дел.

Александр Дмитриевич мечтал об административной карьере. Он много размышлял о необходимости проведения различных мероприятий по упорядочению государственного устройства, о чем постоянно рассказывал в различных кругах. Принадлежность к «бомонду» (высшему обществу), изысканность манер, образованность и легкость в общении располагали к нему, привлекали людей. Однако этого было недостаточно для занятия такого ответственного поста. Здесь требовался человек дела, в то время как Протопопов им, к сожалению, не был.

Николай II полагал, что Протопопов сможет решить две насущные задачи. Во-первых, сумеет установить добрые отношения с думскими кругами. Ведь он сам из их среды и прекрасно всех знает. Но еще большие надежды возлагались на решение им продовольственной проблемы. Война дестабилизировала жизнь страны и привела к продовольственным затруднениям, особенно в крупнейших городах.

Перебои в поставках продуктов питания начались уже вскоре после начала войны. Россия была единственной участницей мирового конфликта, не вводившей нормирования потребления

продуктов (кроме сахара). Сложности с продовольствием явились результатом правительственной политики регулирования сбыта, ограничивающей свободную продажу зерна и муки и фиксировавшей их стоимость. Не отсутствие тех или иных продуктов в стране, а установление ценовых ограничений привело к перебоям в обеспечении городского населения продуктами питания.

Правительственный курс преследовал две цели: во-первых, воспрепятствовать падению цен на зерно на внутреннем рынке после прекращения экспорта в 1914 году (мера блестяще удавшаяся); во-вторых, оградить широкие слои простых потребителей от вакханалии спекулятивных рыночных манипуляций. Во втором случае результаты оказались убийственно неудачными. Производители зернопродуктов сокращали посевы, уменьшали поставки в города. Очереди у казенных хлебных лавок увеличивались, росло и недовольство. Хотя в 1916 году цены существенно повысили, но оставили фиксированными. Принципиально эта мера ничего не решала, так как стоимость всех прочих товаров и услуг росла значительно быстрее, что делало производство и продажу зерна и муки коммерчески нецелесообразной.

Положение осложнялось расстройством транспорта, как и некоторыми причинами более общего порядка. Весной 1915 года русская армия начала отступление из западных районов, продолжавшееся до сентября. Россия потеряла 15 губерний с необрушенным урожаем. Этот же год дал огромное число беженцев, спасавшихся от германской оккупации и оседавших в центральных районах страны. Кроме того, неблагоприятные погодные условия привели к серьезному недороду в 1916 году, когда урожай оказался ниже обычного примерно на 40 процентов. Ситуация серьезно обострялась, что видели и самодержцы. Царица писала супругу 16 сентября 1916 года: «Важнейшим для нас вопросом является сейчас продовольствие».

В августе 1915 года все продовольственное дело было сосредоточено в Министерстве земледелия, и Протопопов решил вернуть его в свое ведомство, чтобы поставить всю эту деятельность, что называется, на широкую ногу. Предложение это обсуждалось в Совете министров, где мнения разделились, а бюджетная комиссия Государственной Думы выступила против этого проекта, поэтому он так и не был осуществлен.

Вскоре после назначения царица имела встречу с новым министром внутренних дел, и беседа выявила взаимопонимание между ними. Александра Федоровна осталась довольна. Она подробно рассказала об этом в письме мужу, и тот писал ей в ответ 23 сентября: «Нежно благодарю тебя за твое дорогое длинное

письмо, в котором ты так хорошо излагаешь свой разговор с Прот. Дай Бог, чтобы он оказался тем человеком, в котором мы сейчас нуждаемся!.. Да, действительно, тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты, наконец, нашла подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах».

Назначение Протопопова на важнейший правительственный пост внесло замешательство в думские ряды, на что и надеялась императрица. Деятели «Прогрессивного блока», сомкнув ряды, успешно «добивали» кабинет Штюрмера; было ясно, что его падение не за горами. Так возникала реальная возможность создания долгожданного «кабинета общественного доверия». Милюковская компания видела себя уже в министерских креслах; им казалось, что час триумфа совсем близок. И вдруг такой удар! Один из их рядов, человек, которого и в состав будущего «прогрессивного правительства» приглашать-то не хотели, предал «своих» и занял пост без согласования с ними. Отступника необходимо было морально и политически уничтожить!

Безответственность многих общественных деятелей со всей очевидностью проявилась на думской сессии, начавшей работу первого ноября 1916 года.

Во вступительной речи председатель Думы М. В. Родзянко сказал: «Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы. Война должна быть выиграна, чего бы это стране ни стоило, во что бы то ни стало. Этого требует народная честь и народная совесть; этого повелительно требует не только государственная безопасность, но и благо грядущих поколений». После решения нескольких текущих процедурных вопросов открылись общие прения. И вот тут начался настоящий шабаш (другое слово трудно подобрать).

Тон задал будущий блестяще-бездарный премьер Временного правительства, а тогда депутат от Саратовской губернии, член фракции трудовиков, присяжный поверенный А. Ф. Керенский. Говоря о правящих кругах, он восклицал: «Связав великий народ по рукам и ногам, заткнув ему рот и завязав ему глаза, они бросили его под ноги сильного врага, а сами, закрывшись аппаратом военных положений, цензур, ссылок и других преследований, они предпочитают в то же время исподтишка, как наемные убийцы, наносить удары. Где они, эти люди (указывая на места правительства) в правительстве, подозреваемые, братоу-

бийцы и трусы... Все жертвы и попытки спасти страну бесплодны, пока власть находится в руках безответственных лиц, ставящих свои личные интересы, ставящих свои традиционные симпатии выше интересов и прав нации».

Не успел еще зал успокоиться после прозвучавших гневных филиппик, а на трибуну уже поднимался магистр русской истории, бывший приват-доцент Московского университета, известный политический деятель либерального толка П. Н. Милюков. Его выступление явилось продуманной и хорошо рассчитанной акцией. Общий смысл был достаточно прост: мы, либералы, будем бороться до полной победы над правительством. Однако он пошел дальше традиционного и банального рефрена о негодности администрации и разыграл целую интермедию. Размахивая какой-то газетой и ссылаясь на помещенную в ней якобы информацию, ученик выдающегося русского историка В. О. Ключевского обвинил ведущих членов кабинета и влиятельные придворные круги в воровстве, в попытках заключить мирный договор с врагом за спиной народа. При этом экономические трудности и военные неудачи он выводил из целенаправленной работы врагов России, окопавшихся на министерских постах и «даже выше».

Свое выступление глава кадетской партии перемежал одним и тем же вопросом: «Что это, глупость или измена?» На что аудитория (на балконах для публики, что называется, яблоку некуда было упасть, так как слухи о грядущем важном политическом событии распространялись уже давно) дружно отвечала: «Измена!»

Это обвинение он бросил лично главе правительства Штюрмеру при бурном одобрении многих присутствовавших, находившихся в состоянии необычайной экзальтации. Завершая свою эскападу, Милюков заявил: «И разве же не все равно для практического результата, имеем ли мы дело в данном случае с трусостью или изменой?» Оратор прекрасно понимал, что лжет. Знал об этом и тогда, когда стоял на трибуне, и позже, но раскаяния не испытывал никогда. Шла жесточайшая война, кругом росло недовольство, существовавшее хрупкое общественное равновесие грозило рухнуть в любую минуту, а лидер одной из крупнейших партий заведомо клеветнически обвинял главу правительства в измене, в пособничестве врагу. О времена, о нравы...

Штюрмер и Протопопов были глубоко оскорблены, и первый даже хотел подать в суд на Милюкова. Они советовались с императрицей. Та хоть и возмущалась, но рекомендовала не обращать внимания. Премьер же был деморализован. Чтобы уме-

рить общественные страсти, Николай II в середине ноября назначил председателем Совета министров члена Государственного Совета, сенатора, министра путей сообщения А. Ф. Трепова, имевшего репутацию «честного и сильного» правового деятеля. Новый премьер сразу же отправился в Думу и выступил там с призывом к производительной совместной работе. «Забудем споры, отложим распри, посвятим все время положительной работе — этого от всех и каждого требуют жизненные интересы России». Монолог премьера несколько раз прерывался возгласами: «Когда выгонят Протопопова?» Большинство господ думцев другие проблемы не интересовали.

Политические события разворачивались в соответствии с замыслом «радетелей», и удача окрыляла. Штюрмер был повержен. Милюков и другие лидеры «Прогрессивного блока» принимали поздравления, как будто выиграли сражение. Теперь главное для думских лидеров — сокрушить ненавистного отступника Протопопова, а затем... Затем власть должна была пасть к их ногам. Глава Министерства внутренних дел оказался малодетельным, безынициативным и плохо подготовленным к своей ответственной роли. Все это так.

Но его врагам требовались более «весомые» аргументы, и они сразу же нашлись; ведь думские солисты давно поднаторели в фабрикации сокрушительных сплетен. Для них не имела значения истина. Главное — найти что-нибудь погорячее, что-нибудь такое, что било бы не в бровь, а в глаз. Против Протопопова выдвинули целый ряд обвинений, но особенно оскорбительными были два. Первое — попытка вести сепаратные переговоры с Германией («измена») — довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Зато второе интенсивно муссировалось. Уже к ноябрю по всей России циркулировали слухи о том, что у министра внутренних дел «разжижение мозга» на почве сифилиса и что он абсолютно психически ненормален.

Слухи о слабоумии Протопопова дошли и до царя. На вопрос об этом одного из приближенных Николай II со свойственной ему спокойной рассудительностью заметил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как я назначил его министром? Ведь в Государственную Думу выбирал его не я, а губерния».

Действительно, еще совсем недавно симбирское дворянство, которое хорошо и давно знало Протопопова, избрало его в феврале 1916 года своим предводителем, а ведущие предприниматели — председателем Совета съезда представителей металлургической промышленности. Еще в апреле—июне 1916 года он возглавил парламентскую делегацию, куда, кстати, входил и Ми-

люков, и у членов делегации не возникло никаких предположений о сумасшествии товарища председателя Думы. И вдруг оказалось, что он ненормальный, и давно!

Императрица совершенно обоснованно узрела в нападках на Протопопова проявление натиска на власть: он дорог нам, его любит Григорий, а, следовательно, они его ненавидят. «Не думай, что на этом одном кончится, — восклицала она в письме мужу, — они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих». Подобные умозаключения Александры Федоровны являлись достаточно логичными.

В вопросе о Протопопове сошлись две силы, уже теперь непримиримые. Николай II находился под сильным давлением царицы и Распутина, стремившихся не допустить отставки министра внутренних дел, на чем, стараясь нажить политический капитал в обществе, настаивал премьер А. Ф. Трепов. Александра Федоровна с трудом приняла выбор императором главы кабинета: она его не любила, не считала «своим», так как хорошо была осведомлена о его антираспутинских настроениях. В деле Протопопова она использовала всю свою энергию, чтобы отвратить самодержца от неправильного шага и оставить при должности «этого милого, умного и преданного человека».

Усиливавшаяся общественная изоляция монархов, особенно царицы, вела к тому, что она теперь безраздельно верила только «дорогому Григорию», каждое его слово принимая как высшее откровение. Жизни без его советов она для себя теперь не мыслила и просила их как по частным, так и особенно по военнo-государственным вопросам. Осень 1916 года — время наивысшего влияния сибирского крестьянина.

«Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царствования и Бэби и для нас тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы нашего Друга. Вспомни, как в прошлом году все были против тебя и за Н. (Николая Николаевича), а наш Друг оказал тебе помощь и придал тебе решимости, ты все взял в свои руки и спас Россию, мы перестали отступать... Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтоб он просветил тебя, что в Нем наше спасение; не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасет нас своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь» (10 ноября); «Трудно писать и просить за себя, уверяю тебя, что это делается ради тебя и Бэби, верь мне. Я равнодушна к тому, что обо мне говорят дурно, только ужасно несправедливо, что стараются удалить преданных, честных людей, которые любят меня. Я всего лишь женщина, борющаяся за своего повелителя, за своего ребенка, за двух самых дорогих ей существ на земле, и Бог поможет мне быть твоим ангелом-хранителем,

только не выдергивай тех подпорок, на которые я нашла возможным опереться» (12 ноября).

Сокровенные мысли и мечты императрицы отразило ее поздравительное послание Николаю Александровичу, отправленное накануне его именин 5 декабря. «Солнышко желает тебе всего, чего только может пожелать преданное любящее сердце. Крепости, стойкости, непоколебимой решительности, спокойствия, мира, успеха, больше солнца и, наконец, отдыха и счастья после твоей трудной, тяжелой борьбы... Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо денно и нощно молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он... Бог ему все открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются его умом, способны все понять. И когда он благословляет какое-нибудь начинание, оно удастся, и если он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы...»

Николай II, искренне любя свою жену, питая уважение к «дорогому Григорию», все-таки был далек от того, чтобы безоглядно доверяться в государственных делах его советам. Так, в сентябре, рассказав императрице о своих планах относительно Думы и перестановках в кабинете, заметил: «Только прошу, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе». Он назначил Трепова вопреки настроению и Александры Федоровны, и Распутина. Но в деле Протопопова Николай II согласился с царицей, считая, что отставка министра внутренних дел показала бы всем недопустимую слабость власти, превратила бы в глазах многих всех этих милликовых и керенских во всесильных людей.

Протопопов сохранил свой портфель. Это способствовало утверждению мнения о всесии Распутина, без поддержки которого его «давно бы уже убрали». Распутинская тема стала волей-неволей занимать даже людей, которые раньше были далеки от политики. Об этом так много говорили все, приводили такие скандальные подробности, что трудно было усомниться в их достоверности. Бедная, бедная Россия! — горевали искренне обеспокоенные судьбами страны люди. Неужели государь не понимает, что может кончиться катастрофой? — недоумевали правоверные монархисты. Говорят, что всех министров назначает Распутин за взятку! Ходят слухи, что этот Гришка-пьяница свободно бывает в спальне царицы! В основе этих и многих других «достоверных сведений» лежали недобросовестные измышления.

Николай II придерживался убеждения, что их с Аликс благополучие охраняет Господь. Ведь сколько было всяких потрясений за 22 года царствования, а ничего, все обошлось в конце концов. Если Бог будет милостив, все обойдется и на этот раз. В таком фаталистически-обреченном состоянии пребывал самодержец в последние месяцы своего правления.

Однако многие не хотели сидеть и бездейственно ждать развязки. Монархия и монарх в опасности, нужно что-то делать. Этот истерический рефрен: «Что-то нужно делать!», — на все лады повторяли особенно в аристократическом кругу, среди тех, кто своей судьбой, происхождением и положением были неразрывно связаны с династией. Возникали планы, центральным пунктом которых была «ликвидация Распутина». Одному из них суждено было реализоваться. Его осуществление связано с именем князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона.

План убийства сложился у Юсупова в течение ноября 1916 года. К его осуществлению он привлек любимца Николая II, его двоюродного брата великого князя Дмитрия Павловича, живо поддерживавшего намерение своего друга и родственника.

Первоначально Феликс не хотел сам «пачкать руки убийством»; он собирался подыскать подходящего человека, который согласился бы сделать это за деньги. По мнению аристократа, такого рода людей можно было найти, конечно же, в революционной среде. За посредничеством Юсупов обратился к видному кадету и известному адвокату В. А. Маклакову. Последний нашел такую просьбу бестактной, но тем не менее счел необходимым политически просветить Юсупова. «Вы воображаете, что Распутин будут убивать революционеры, — удивленно спросил он у собеседника и продолжал, — да разве они не понимают, что Распутин — их лучший союзник? Никто не причинил монархии столько вреда, сколько Распутин; они ни за что не станут его убивать».

Феликс был обескуражен. После некоторых колебаний он решил сам убрать «этого негодая». План обсудили с великим князем Дмитрием, В. А. Маклаковым и членом Государственной Думы от Бессарабской губернии В. М. Пуришкевичем. Последний 19 ноября 1916 года произнес в Думе речь, в которой заявил: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева».

Выступление произвело сильное впечатление на князя, познакомившего со своим планом Пуришкевича, который сразу поддержал намерение Феликса Юсупова.

Датой проведения «акции» выбрали ночь с 16 на 17 декабря. Юсупов должен был привести Распутина в беломраморное «родовое гнездо» на набережную Мойки якобы для того, чтобы познакомить со своей женой (Ирины Юсуповой в то время не было в Петрограде). Здесь ненавистного мужика намеревались отравить. Первоначальный сценарий пришлось по ходу дела корректировать. Вся эта «последняя ночь временщика последнего царя» многократно описана главным планировщиком Ф. Ф. Юсуповым. В изложении все выглядело, как в страшном романе времен Борджиа: подвал аристократического палаццо, изысканные интерьеры, свечи, вино, яд в пирожных, оживший покойник, выстрелы, кровь...

Труп ненавистного Распутина отвезли на автомобиле великого князя далеко от юсуповского дворца и бросили под лед. Участники условились категорически отрицать все возможные обвинения. Однако их ухищрения были напрасны. Уже 17 декабря царица писала мужу: «Мы сидим все вместе — ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова. — А. Б.) видела его и он ей сказал, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, что б Он мог повидать Ирину... Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да сжалится над ним Бог!»

Поклонники старца считали его провидцем: они были уверены, что он видит всех насквозь. Убийство сильно поколебало веру в провидческие способности Распутина, и искренне оплакивали его лишь несколько человек, включая Александру Федоровну и Вырубову. После получения подтверждения о смерти Распутина, царь, понимая, в каком тяжелом состоянии находится императрица, прервал военные совещания и выехал в Царское Село. С дороги, 18 декабря, послал Аликс телеграмму: «Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов. Сильный мороз. Заседание закончилось в 4 ч. Благословляю и целую. Ники».

Его встретила вся семья. Вскоре был приглашен А. Д. Протопопов, который доложил о результатах расследования, и указал на несомненную причастность к этому делу Феликса и Дмитрия, помещенных до поры под домашний арест. Императрица была потрясена. Но на людях она вела себя очень сдержанно, что отмечалось всеми. Посетивший ее с докладом А. Д. Протопопов вспоминал: «Она была печальна, но спокойна, выражала надежду, что молитвы мученически погибшего Григория Ефимовича спасут их семью от опасности переживаемого тяжелого времени».

По настоянию императрицы приняли решение хоронить Распутина в Царском Селе, хотя некоторые считали, что это недопустимо, что не следует провоцировать общественный скандал и лучше отправить гроб на его родину, в село Покровское. После извлечения из воды тело Григория тайно переправили в Чесменскую богадельню, находившуюся за Петроградом, по царскосельской дороге.

Погребение решено было осуществить в пустынном месте Царского Села, на территории строящегося Вырубовой Серафимовского лазарета, под алтарем будущего храма. Тайная церемония состоялась 21 декабря. В дневнике Николая II записано: «В 9 час. поехали всю семью мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенный в могилу. Отец Ал. Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой...»

Процедуру похорон позднее описал невольный очевидец полковник Д. Н. Ломан: «На погребении Распутина я не был, но издали видел, что на нем присутствовала вся царская семья, Мальцев, Лаптинская и фельшерица из лазарета Вырубовой, фамилии я ее не знаю. Погребение собственно совершено было в Чесменской богадельне епископом Исидором (настоятель Тюменского Свято-Троицкого монастыря. — А. Б.), я же говорю о предании земле, что совершилось духовником Отцом Александром Васильевым и иеромонахом из Вырубовского лазарета. Певчих не было, пел причетник из Федоровского собора Ищенко. Накануне Отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина, для чего он приедет из Петрограда ночевать в Царское Село, а утром заедет в собор за причетником и ризами и чтоб я сделал соответствующие распоряжения (Ломан состоял старостой Федоровского собора. — А. Б.). На другой день Отец Васильев заехал в собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу, на то место, где предполагалось воздвигнуть храм. Не доезжая до самого места, Отец Васильев ушел к месту предания земле (гроб стоял уже в яме), а я остался в стороне, так как я не был виден, мне же было все видно. До прибытия царской семьи я подходил к самой могиле и видел металлический гроб. Никакого отверстия в крышке гроба не было. Гроб был засыпан прямо землею и склепа в могиле устраиваемо не было».

В тот период социальной нетерпимости вера «образованного общества» в спасительные химеры была удивительной. Многим казалось, что гроза пронеслась стороной, что худшее уже позади,

что ненавистный «дракон» повержен, жизнь успокоится и будет все по-старому. В столичных салонах на краткий миг двое аристократов-убийц стали кумирами. Царь оказался в сложном положении. Не реагировать на такое неординарное событие — причастность членов императорской фамилии к преступлению — он не мог, но и прибегать к строгим мерам не хотел. Однако Александра Федоровна настаивала на возмездии, видя в нем проявление справедливости. Император вынес решение: великого князя Дмитрия Павловича отправили служить в состав русского военного корпуса в Персии, а Ф. Ф. Юсупова сослали в родовое имение Ракитное в Курской губернии. Остальные участники заговора (В. А. Маклаков, В. М. Пуришкевич) вообще не привлекались к ответственности.

К этому времени Николаю II стало ясно, что правительство А. Ф. Трепова не выполнило возлагавшейся на него задачи — не стало дееспособным административным органом. 27 декабря 1916 года назначен был новый и последний премьер в истории монархической России. Им стал князь Н. Д. Голицын, известный царю и царице и как член Государственного Совета, но особенно — своей деятельностью в годы войны в качестве председателя комитета по оказанию помощи русским военнопленным за границей. Это был тихий, безропотный сановник, который являлся новым человеком для Думы и, в чем были убеждены император с императрицей, безусловно, преданный монархист.

Глава кабинета получил «высочайший рескрипт», опубликованный 8 января 1917 года, где царем определялись основные направления деятельности правительства на ближайшее время: улучшить дело продовольственного снабжения армии и тыла и навести порядок в работе транспорта. Неудовлетворительное положение дел в этих областях в конце концов послужило катализатором массовых беспорядков в Петрограде, переросших в революцию. Царь понимал недопустимость существовавшего положения, приводившего к перебоям в обеспечении продуктами гражданского населения и армии. Он хотел побудить правительство действовать решительно и целеустремленно.

Далее в последнем царском рескрипте говорилось: «Предупказывая эти ближайшие задачи предстоящей работы, я хочу верить, что деятельность Совета министров под вашим председательством встретит помощь в среде Государственного Совета и Государственной Думы, объединяясь единодушным и горячим желанием довести войну до победного конца. Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям я ставлю в непрременную обязанность призванных мною к государственному служению лиц». На пороге крушения монар-

хии Николай II все еще продолжал надеяться на сотрудничество всех государственных и общественных структур и организаций.

Вернувшись в Царское Село 19 декабря 1916 года, император пробыл здесь более двух месяцев. Царица боялась отпускать мужа; рядом с ним, спокойным и уравновешенным, она чувствовала себя надежно. Ей казалось, что царская семья окружена кольцом заговорщиков, желающих их гибели. Смерть Распутина породила множество слухов и толков о том, что готовятся новые покушения, и одной из первых в числе якобы намечавшихся жертв стояло имя «дорогой Анички». Чтобы оградить подругу от покушений, царица поместила Вырубову на жительство в Александровский дворец.

Венценосцы ежедневно взывали к Господу, надеясь, что Он услышит их молитвы и поможет пережить тяжкие времена. Новый, 1917 год император Николай II встретил в тихой домашней обстановке и записал в дневнике: «В 6 ч. поехали ко всемошной. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией». Накануне падения царь молится у алтаря не за себя, а за Россию. Собственная судьба его почти не интересовала.

До самого конца царствования Николаю II приходилось каждый день решать, как и раньше, массу дел: принимать сановников, родственников, читать деловые бумаги, проводить совещания и смотры, быть на официальных церемониях, отдавать множество распоряжений. Черда текущих безрадостных событий и дел не отпускала назад в Могилев. Неурядицы с родственниками, образование нового правительства, совещание союзников в Петрограде в январе, тяжелое состояние императрицы, недомогание наследника — все эти причины несколько раз вынуждали его откладывать отъезд в Ставку, где готовилось решающее наступление, намеченное на весну 1917 года. Совместно с союзниками планировалось нанести сокрушительный удар по Германии и победоносно закончить войну. Позднее У. Черчилль напишет: «Несомненно, что ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда уже был виден порт».

Глава 24

ОПУСТЕВШИЙ ТРОН

27 февраля 1917 года. Понедельник. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве. Император Николай II, верховный правитель и глава армии, получил верные сведения из Пет-

рограда о серьезных беспорядках, начавшихся еще 23-го числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с верными царю войсками. Положение становилось критическим. Власть в столице была парализована. Надо было принимать срочные меры для водворения порядка.

Император был расстроен. Какой стыд! Во время войны, когда Россия напрягает все силы для достижения победы над проклятыми тевтонами, находятся люди, изменяющие своему долгу. И до чего дошло: в возмутительных антиправительственных выступлениях принимают участие солдаты ЕГО армии, армии, готовящейся к решительному наступлению против врага. Конечно, многим сейчас трудно. Это понятно. Но успешное окончание войны — это святая обязанность каждого истинно русского. На нашей стороне благословение Господа, и победа близка! И вдруг эти возмутительные беспорядки. Они угодны только внешним и внутренним врагам! Говорят, что причиной стала нехватка хлеба и муки в Петрограде. Хороши столичные власти! Не могли обеспечить своевременный подвоз продовольствия. Где же правительство, где министр внутренних дел Протопопов, много раз уверявший, что им все делается для поддержания порядка в столице и обеспечения снабжения жителей. От него никаких известий нет, но зато Родзянко прислал возмутительную телеграмму. Как всегда этот толстяк нагнетает страхи и требует создать правительство из думских деятелей.

Опять они за свое! Вместо того, чтобы помогать властям, эти говоруны из Государственной Думы только и думают о министерских портфелях, клеветают на верных трону людей. Как они не понимают, что прежде всего надо одержать победу, а уж затем заниматься политическими реформами. Ну ничего, Господь поможет и все обойдется. Надо послать в Питер надежного генерала во главе преданных войск и восстановить там спокойствие. Какое милое письмо прислала дорогая Аликс, как ей, бедной, тяжело одной с больными детьми в Царском. Но, как всегда, дорогое Солнышко не теряет присутствия духа и спокойно сообщает о последних событиях. Какие трогательные строки она написала: «Благословляю и целую без конца. Бог поможет — это, кажется, уже предел. Вера и упование! Как спокойно от сознания, что ты был у этого дорогого образа. Навеки, дорогой Ники, твоя старая».

Весь день чины свиты и служащие Ставки шепотом обсуждали события в столице, принимавшие драматический оборот.

Любимец государя, его флаг-капитан, адмирал К. Д. Нилов повторял: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было». Многие считали это неудачным зубоскальством, но никто не возражал. Все понимали, что нужно что-то предпринимать, но что именно — никто толком не знал. Кто с надеждой, а кто с безысходностью ждали решений от императора. Никто из императорской свиты, из числа этих осыпанных милостями и почестями людей не нашел в себе мужества и решимости бросить вызов надвигавшейся катастрофе и стать опорой угасающей царской власти.

С утверждением, что следует водворить порядок в Петрограде, не спорили. Здесь было полное согласие. Но как этого добиться — мнения расходились. Некоторые полагали, что следует послать верные части для восстановления спокойствия силой; другие же, а таких с каждым часом становилось все больше, склонялись к мысли о необходимости пойти на уступки Думе и согласиться на создание правительства по ее усмотрению. Надежда, что создание кабинета из общественных деятелей положит конец смуте, рождала осторожный оптимизм. Они еще не ведали, что смерч русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», ничем уже нельзя остановить.

В 8 часов вечера 27 февраля начался последний царский обед в Ставке. Император появился за несколько минут до назначенного времени. На нем рубаха защитного цвета, лицо серое, настроение подавленное. В полном молчании обошел присутствующих и пригласил всех к столу. Рядом с ним находился герой военной кампании в Галиции, известный боевой генерал Н. И. Иванов. Сама трапеза мало кого занимала. Все прислушивались к разговору Николая II с Ивановым. Как всегда, первым встал из-за стола император, сделав общий поклон, удалился в свой кабинет. Стали расходиться и остальные. Генерал Иванов остановил нескольких членов Ставки и сообщил, что государь распорядился, чтобы он отправился с батальоном георгиевских кавалеров и некоторыми другими частями в Царское Село, а затем — в Петроград для восстановления порядка. Отбыть он должен был этой же ночью. Вскоре стало известно, что императором послана телеграмма М. В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства и отдано распоряжение о подготовке к отъезду. После полуночи Николай II переехал из губернаторского дома в свой поезд, отбывший в 5 часов утра 28 февраля из Могилева в Петроград.

Маршрут пролегал через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское. В Вязьме были после полудня, и царь послал телеграмму жене: «Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода.

Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет. Ники». В Лихославль прибыли вечером, и здесь Николай II получил весточку от Аликс о том, что у них все спокойно. В 21 час 27 минут телеграфировал в Царское: «Благодарю за известие. Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей, храни Господь. Ники». На всех станциях царило полное спокойствие и порядок. Раскаты петроградской грозы не докатились еще до глубины России. Царь со всеми был ровен, сдержан и ничем не выдавал своих глубоких внутренних переживаний. Он непрестанно думал о своих близких, о судьбе России и династии.

Какое тяжелое время мы переживаем! Как невыразимо горько сознавать то ненормальное положение, в котором мы все очутились. Он всегда берег не просто самодержавную власть, а Россию, и где уверенность, что перемена правления даст спокойствие и счастье народу? Но Богу было угодно послать это новое испытание, и надо со смирением подчиниться Его святой воле! Во имя мира и благополучия следует согласиться с требованием Думы. Как мало верных, надежных людей, на которых можно положиться, и не у кого спросить совета. Волнения приняли характер бунта, и он не в силах им противодействовать. Уже многие месяцы против него, но особенно против Аликс, велась пакостная агитация, доходившая до утверждений, что император и его жена находятся якобы в тайных сношениях с Вильгельмом и даже собираются заключить за спиной народа сепаратный мир с Германией! Почему в наши с Аликс добрые намерения никто не верит? Но все будет так, как будет, и как угодно Всевышнему. Лишь бы в России не было братоубийственных столкновений. Надо сообщить Иванову, чтобы он до его приезда ничего не предпринимал. Остается надеяться, что создание нового правительства приведет к успокоению...

Около двух часов ночи первого марта царский поезд прибыл на станцию Малая Вишера. До Петрограда оставалось около двухсот верст. Здесь стало известно о неожиданных затруднениях. Выяснилось, что все станции по пути следования заняты «революционными войсками». Двигаться дальше было невозможно. Только здесь стало окончательно ясно, насколько широкий размах приняли противоправительственные выступления, а монарх уже не может беспрепятственно двигаться по своей стране. После обсуждения ситуации было решено изменить маршрут. Окружение убедило Николая II в необходимости ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где было много надежных войск под командованием генерала Н. В. Рузского. Императорский поезд двинулся в западном направлении. В середине дня

прибыли в Старую Руссу. На станции собралась огромная толпа народа, желавшая видеть царя. Когда он появился в окне вагона, все сняли шапки, многие встали на колени и крестились. Такое восторженное отношение к императору не имело ничего общего с тем, что происходило в Петрограде.

К этому времени в столице власти царя уже не существовало. Временный комитет Государственной Думы был преобразован во Временное правительство, в состав которого вошли давние недоброжелатели Николая II: П. Н. Милюков, А. И. Гучков и откровеннейший враг трона и династии социалист А. Ф. Керенский. На улицах царило радостное возбуждение. Торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: «Долой самодержавие!» Никто уже не работал, и казалось, что чуть ли не все жители трехмиллионного города вышли на улицу в уверенности, что черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей. Восторги принимали порой характер истерии. Толпы солдат, матросов, студентов, рабочих, служащих стекались к резиденции Государственной Думы — Таврическому дворцу, у парадных дверей которого происходил нескончаемый митинг. Ораторы сменяли один другого. Особенно воодушевило собравшихся выступление нового министра юстиции А. Ф. Керенского, заклеймившего старую власть и провозгласившего наступление эры мира и благоденствия в России. Дамы и курсистки из публики бросали к его ногам первые весенние цветы, и с несколькими из них сделался обморок.

Новой власти стали присягать воинские части, и почти никто уже не сомневался, что со старым режимом покончено раз и навсегда. Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II, великого князя Кирилла Владимировича, который привел свой Гвардейский экипаж и встал на сторону победителей. Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг, и наиболее заметных помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру первого марта здесь находился цвет сановной иерархии, люди, совсем еще недавно находившиеся на недостижимой высоте: бывшие премьеры И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер, председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер...

Долой предателей! Долой тиранов! Да здравствует свобода! Казалось, что даже холодный мартовский воздух стал горячее от всеобщего ликования и радостных надежд. Как-то разом опустели церкви. Быстро вошло в моду слово «товарищ». Но всех, особенно новых правителей, занимала одна тема, один навязчи-

вый вопрос: где царь, что он делает? Под напором всеобщей эйфории быстро возобладало убеждение, что «этот деспот», «этот изменник» и «его жена-немка» должны быть отлучены от власти. Им не может быть места в новой, свободной России. Слухи опережали официальную информацию властей, и события сменялись так быстро, что сообщения экстренных выпусков столичных газет устаревали еще в типографиях.

Совершенно неожиданно для думцев, словно бы сам собой, 1 марта возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, сразу ставший центром крайних требований и лозунгов. Председатель Думы М. В. Родзянко, самоуверенный и поднатормивший в думских прениях деятель, отправился туда и перед расхристанными солдатами и какими-то «штафирками» произнес страстную патриотическую речь, призывая к единению, согласию всех элементов общества для защиты русской земли. Ему хлопали, но затем все испортил какой-то «собачий депутат», выступивший следом. «Товарищи! Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали. Так это понятно. У господина Родзянко есть, что спасать. Не малый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Так что Родзянко и другим помещикам из Государственной Думы есть что спасать. А будете ли вы спасать ее, если земля из помещичьей станет нашей?» «Какой мерзавец! — негодовал Михаил Владимирович Родзянко. — И особо возмутительно, что этому негодю устроили овацию!»

Надо немедленно укреплять власть и для всеобщего успокоения добиться отречения императора в пользу сына. Должна существовать преемственность власти, и, если на престоле окажется чистый, незапятнанный никакими политическими делами мальчик, русские сердца смягчатся и можно будет следовать ответственному правительственному курсу. Родзянко обсудил план с некоторыми известными депутатами Думы, разделявшими эти взгляды. Уже первого марта, вечером, возникла идея ехать на встречу с царем и уговорить его согласиться на отречение. Замысел решили не разглашать, обставить все довольно скрытно, чтобы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не нарушили его. Постановили, что поедет сам Родзянко, депутат В. В. Шульгин и член Государственного Совета А. И. Гучков, человек широко известный в России своей резкой критикой старой власти. Позже все-таки возобладало мнение, что Родзянко лучше остаться в Питере и держать под контролем события. Депутация не была уверена в благоприятном исходе своей миссии, но решили не возвращаться без получения отречения.

Уже в полной темноте, около восьми часов вечера первого марта, царский поезд подошел к станции Псков. На платформе было немного народа, оживления не отмечалось. Встречал губернатор, представители местной администрации, несколько офицеров и прибывшие ранее чины свиты. Царь принял в вагоне губернатора. В это время на платформе появилась согбенная фигура генерала Н. В. Рузского в сопровождении начальника штаба и адъютанта. В ожидании приема он разговаривал с несколькими свитскими, обратившимися к нему с призывом помочь государю в этот трудный час. Ответ генерала поверг всех в ужас. Он не только не высказал желания следовать долгу и присяге, но прямо заявил, что «теперь надо сдать на милость победителя». Затем его провели в вагон императора. Царь пригласил генерала к обеду, во время которого задал несколько вопросов о положении на Северном фронте и в Петрограде, и со своей стороны, сообщил, что ожидает приезда Родзянко, от которого надеется получить подробные сведения о событиях в столице. Рузский попросил об аудиенции, и монарх пригласил его к себе через час.

Их встреча затянулась далеко за полночь. Эти несколько часов беседы императора с командующим Северным фронтом, телефонных и телеграфных переговоров с Родзянко и начальником Штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генералом М. В. Алексеевым оказались переломными. На осторожный намек Рузского, что необходимо было еще раньше согласиться на правительство общественных деятелей, Николай II, явно волнуясь, заметил: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией, и все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой или нет, — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делают министры не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский призывал его принять формулу: государь царствует, а правительство управляет, на что Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что надо было получить другое воспитание и переродиться, что он «не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может сложить с себя ответственность перед Богом. Те люди, которые войдут в первый общественный кабинет, —

люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей».

В конце концов Рузский уговорил царя, во имя блага России и своего сына, пойти на компромисс с совестью. В 0 часов 20 минут 2 марта генералу Иванову, эшелоны с войсками которого находились уже в Царском Селе, была послана телеграмма: «Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай». В три часа ночи генерал Рузский связался по телефону с Родзянко. Разговор длился долго, более двух часов. Председатель Думы произнес много слов о важности происходящего, о трагизме положения и недвусмысленно дал понять, что общее настроение склоняется в пользу отречения императора. Разговор Рузского с Родзянко был передан в Ставку генералу М. В. Алексееву, который выразил мнение, что «выбора нет и отречение должно состояться».

Из Ставки были посланы срочные телеграммы командующим фронтами, где говорилось, что для спасения России от анархии необходимо отречение императора в пользу своего сына. Командующие призывались высказать свое мнение. К полудню 2 марта стали приходить ответы: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А. А. Брусилова, от командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, от командующего Кавказским фронтом двоюродного дяди Николая II и бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Все призывали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. В послании последнего говорилось: «Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменiem, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас».

Телеграмма от командующего Румынским фронтом генерала В. В. Сахарова пришла последней, около 15 часов. С гневом и болью старый русский офицер писал: «Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная Дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей... Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для

сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы немедленно не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний». Копии телеграмм генерал Алексеев препроводил на имя императора в Псков, добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России».

Пошли последние часы и минуты последнего царствования. Ознакомившись с мнением военачальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение отказаться от короны. Он горячо молился в своем вагоне перед походным алтарем и просил Бога простить ему этот грех — измену клятве, данной при воцарении. Если все кругом этого просят, если все считают, что он должен принести эту жертву, он ее принесет. Господь поймет и не оставит! Как растеряны и напуганы приближенные, какие у всех мрачные лица, а некоторые стараются не поднимать глаз. Многие из них лишатся своих должностей, но он никому уже не сможет помочь. Никто из них не пришел на помощь, никто не встал на защиту трона и династии. Бог им судья!...

Царь вышел на платформу. Был легкий мороз и шел редкий снег. Вернувшемуся генералу Рузскому сообщил о своем согласии отречься. После непродолжительной прогулки вдоль состава вернулся в начале четвертого в вагон и составил две телеграммы. Одну на имя Родзянко, а другую на имя Алексеева. Вторая гласила: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно». Служить верно и нелицемерно... Ему они так не служили. Все его бросили и предали. Только его дорогая Аликс и дети останутся с ним. Что теперь будет?...

Рузский был приглашен к императору, вручившему оба послания для отправки. Генерал сообщил Николаю Александровичу, что из Петрограда выехали для переговоров Гучков и Шульгин. Решено было дожидаться их приезда и никаких телеграмм пока не посылать. Потянулись томительные часы ожидания. Пока еще император не терял присутствия духа, и, хотя приближенные замечали порой признаки охватывавшего его волнения, природная выдержка и воспитание не позволяли этому человеку проявлять слабость.

Депутаты ожидали в семь часов вечера, а приехали только около десяти. К этому времени в настроениях обреченного монарха многое изменилось. Он обдумывал грядущее и осо-

бенно будущее сына Алексея... Ведь он еще совсем мальчик, к тому же болен. Ему нужен постоянный уход и забота любящих людей, и в первую очередь матери, а сможет ли она при нем остаться? Кругом столько лицемерия и вражды, что ни за что нельзя поручиться. Уже третий день он не имеет подробных известий из Царского. Что там? Как они? Дети лежат больные, а бедная Аликс, которая сама в последнее время была нездорова?..

Ближе к вечеру рокового дня император имел обстоятельный разговор с лейб-хирургом С. П. Федоровым, уже несколько лет лечившим цесаревича Алексея. Отец просил врача высказаться совершенно честно и откровенно о том, что ждет в будущем сына. Профессор не стал лукавить, сказав со всей определенностью, что, хотя Алексей Николаевич и может прожить долго, но все же, если верить медицинской науке, он неизлечим, и предсказать будущее в данном случае невозможно. В ответ услышал: «Мне и императрица говорила также, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним... Я останусь около моего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устраняя от всякой политической жизни».

Наконец прибыли посланцы революционной столицы. Выглядели они довольно непарадно: трясущиеся руки, хмурые, помятые лица, несвежие костюмы, нечищенная обувь. Они были растеряны и подавлены не меньше членов императорской свиты. Эти представители «новой России» находились в неведении относительно намерений государя и считали, что им предстоит тяжелая миссия — уговорить царя отречься в пользу сына Алексея при регентстве брата императора, великого князя Михаила Александровича. По пути к царскому поезду Шульгин сказал свитским: «В Петрограде творится что-то невообразимое. Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверное, арестуют, когда мы вернемся». Хороши же народные избранники! Прошло всего лишь несколько дней, а они уже дрожали от страха перед тем народом, которым взялись управлять и от имени которого приехали говорить об отречении.

В салон-вагоне царского поезда их встретил министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс, спросивший А. И. Гучкова о том, что происходит в столице. Ответ был убийственным для царедворца: «В Петрограде стало спокойнее, граф, но Ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что стало с Вашей семьей — неизвестно». В полном молчании прошло несколько минут, показавшихся часами, и наконец появился Николай II. Он был в кавказской казачьей форме и сохранял внеш-

нее спокойствие. Любезно поздоровался с прибывшими и пригласил всех сесть.

Разговор начал А. И. Гучков. Тихим, хрипловатым голосом, смотря все время в одну точку на полу, он рассказал о том, что положение угрожающее, что к движению примкнули войска и рабочие, беспорядки перекинулись на пригороды. Все новоприбывающие воинские части переходят на сторону восставших и, для спасения родины, для предотвращения хаоса и анархии был образован Временный комитет Государственной Думы, принявший всю полноту власти. Гучков далее сообщил, что образовался совет рабочей партии, уже требующий социальной республики. Это требование поддерживают низы и солдаты, которым обещают дать землю. Толпа вооружена, и опасность угрожает всем. Единственный путь спасения — передача бремени верховной власти в другие руки. «Если Вы, Ваше Величество, — завершил Гучков, — объявите, что передаете свою власть Вашему сыну и передадите регентство Вашему брату Михаилу Александровичу, то положение можно будет спасти». Император выслушал этот довольно продолжительный монолог не перебивая, не задавая вопросов. Какая горькая ирония судьбы, какое жестокое испытание! Он, получивший корону от отца, он, поставленный на свой высокий пост Божественным Промыслом и ответственный все 22 года правления только перед Всевышним, должен теперь отречься перед лицом каких-то депутатов, один из которых, этот самый Гучков, давний враг трона, как хорошо знал государь, много лет распространял антидинастические клеветы. Пусть будет так. Значит, это угодно Богу и надо испытать эту горькую чашу до дна!

Когда Гучков закончил, Николай II сказал: «Ранее Вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что в виду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу». После этих слов возникла напряженная пауза. Такой исход депутаты не предвидели. Наследником трона мог быть лишь сын монарха. Об этом прямо говорилось в законе. Новая ситуация, когда трон переходил к брату императора, не отвечала букве закона, но, с другой стороны, когда составлялись эти нормы, никто не предвидел возможности «добровольного» отказа самодержца от престола.

Произошел непродолжительный обмен мнениями, и в конце концов Гучков сказал, что они принимают предложение госуда-

ря отречься в пользу брата. Николай Александрович вышел в свой кабинет и быстро вернулся обратно с проектом манифеста об отречении. Текст тут же обсудили, внесли незначительные поправки, переписали и в 23 часа 40 минут 2 марта Николай Александрович — семнадцатый царь из династии Романовых — его подписал. Теперь уже бывший император попросил лишь поставить на нем другое время — 3 часа дня, когда было принято окончательное решение. Далеко за полночь, вернувшись в спальное купе, развенчанный монарх занес в свой дневник краткое описание дня и завершил запись горькими словами: «Кругом измена и трусость и обман!»

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую

присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ».

Отрекшийся император был глубоко потрясен. Однако трагическое событие, перечеркнув судьбу венценосца, не могло перечеркнуть и жизнь — этот Дар Божий.

Еще 22 февраля, когда император покидал Царское и направлялся в Ставку, ничто не предвещало будущих потрясений. Этот последний день был похож на все остальные. С утра — чтение деловых бумаг, прием должностных лиц. Завтракали вместе с братом Михаилом. Затем попрощался с детьми, помолился с Аликс в церкви Знамения Божией Матери и поехал на станцию. На следующий день, в три часа дня, Николай II был уже в Могилеве.

Императрица осталась дома, в любимом обителище — Александровском дворце. С этим местом так много в их жизни было связано. Здесь родился Ники и сюда привез он ее, молодую и счастливую, вскоре после женитьбы. Здесь они провели лучшие часы жизни, здесь появился на свет их первенец — дочь Ольга. Этот дворец, построенный по заказу императрицы Екатерины II архитектором Кваренги для ее любимого внука Александра, был особо дорог последней императрице. Расположенный в глубине старого царскосельского парка, окруженный густыми зарослями так любимой Аликс сирени, он был удален от шумных магистралей и оживленных мест. Тут царили тишина и покой, чем очень дорожили венценосцы.

Разлуку с дорогим Ники, со своим «обожаемым мальчиком», Александра Федоровна всегда переживала тяжело, но последний его отъезд восприняла особенно мучительно. Какое-то гнетущее чувство опасности не оставляло ее. Муж был не совсем здоров, часто кашлял, плохо спал последнее время, жаловался на боли в груди. Императрица постоянно думала о нем... Он так утомлен, поистину Бог послал ему страшно тяжелый крест! Уже два с половиной года тянется эта ужасная война, и он за все это время не позволял себе даже краткого отдыха. На него ежедневно нападают со всех сторон, все у него чего-то просят и даже требуют, а некоторые родственники стали вести себя просто вызывающе.

Чем давать советы императору и отнимать у него время, лучше бы исполняли свой долг в это трудное время. Противно узнавать городские новости! В Думе, как всегда, торжествуют клеветники и, если бы Ники послушался ее совета и закрыл эту злобную говорильню до конца войны, как поступил со своим парламентом Вильгельм в Германии, сейчас было бы значительно спокойней!

Бедному Ники почти не на кого положиться. Как измельчали люди! В глаза все клянутся в верности, а в душе многие трусы и изменники. Вот и сейчас, когда Ники будет в Ставке, там наверняка опять станет воздействовать на него эта ревушая толпа! Они пользуются его добротой, зная, что когда меня нет рядом, они могут требовать что угодно! Господи! Наставь, укрепи, помоги! Милость Господа и моя любовь помогут моему ангелу. «О как я люблю тебя! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим Богом! Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим, — вечно вместе, всегда неразлучны».

После отъезда царя, к вечеру 22 числа, дочь Ольга и сын Алексей занемогли. У них определили корь. На следующий день заболела Татьяна, затем дошла очередь и до остальных. Температура все время была у детей высокой, их мучил страшный кашель, глаза слезились и болели. В довершение несчастья слегла и наперсница царицы Аня Вырубова. Через два дня после отъезда Николая II личные апартаменты царской семьи походили на лазарет. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом сиделок. Окна были завешаны (свет раздражал глаза), и в полумраке можно было различать лишь несколько женщин в белых халатах. Одна из них, в платье сестры милосердия, — императрица.

Начиная с 23 февраля Александра Федоровна спала лишь урывками, не раздеваясь, на кушетке, или у Алексея, или в комнатах девочек. Она давала лекарства, делала полоскания, измеряла температуру, кормила. Когда кому-то становилось легче, утешала разговорами, иногда читала книги. Но ее постоянно отвлекали на какие-то вопросы, которые без нее, императрицы российской, никто не мог решить. Надо было оставлять своих и идти вниз, на первый этаж, встречаться с визитерами, читать письма и деловые бумаги. Кроме того, она ежедневно непременно выкраивала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть к Знамению, помолиться и поставить свечи.

Ей сразу же сообщили, что днем 23 февраля в Петрограде, на Васильевском острове и на Невском, произошли беспорядки

и бедный люд приступом брал булочные, причем некоторые, например, булочную Филиппова, разнесли вдребезги. Вызванные казаки усмирили толпу, и к вечеру все вроде бы успокоилось. Это известие не произвело сильного впечатления на императрицу. У нее хватало других забот. На следующий день она узнала о новых вспышках беспорядков в городе, но Протопопов и начальник петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов прислали успокоительные рапорта. Однако на следующий день, 25 февраля, все повторилось, но в еще большем масштабе.

Посылая вечером ежедневное письмо-отчет мужу, императрица писала: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо... Нужно немедленно водворить порядок, день — от дня становится все хуже... Завтра воскресенье и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы, и почему не милитаризируют все фабрики, — тогда не будет беспорядков... Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума».

В Царском Селе, всего в двадцати верстах от Петрограда, пока было спокойно. Прибывшие же из столицы приносили безрадостные вести. С каждым часом положение становилось все более грозным. Протопопов прислал последнее успокоительное известие в конце дня, 26-го, и затем — тишина. Все министерства куда-то подевались. 28-го противоправительственное движение докатилось и до Царского. В городе произошли митинги, в расквартированных здесь войсках началось брожение. Оно коснулось и подразделений, охранявших царскую резиденцию, а Сводный пехотный полк, после митинга, решил идти в Петроград, чтобы поддерживать новую власть. Александровский дворец с каждым часом все больше и больше начинал походить на остров, окруженный враждебной стихией.

Императрица, преодолевая страхи и опасения, продолжала бессленно выполнять обязанности сестры милосердия в своем маленьком госпитале, который уже 1 марта был отрезан от остального мира. Она ничего толком не знала о муже, получив последнюю телеграмму от него из Лихославля 28 февраля, где

говорилося, что он будет дома на следующий день утром. Но часы шли, а его все не было. Лишь за полночь, 2-го марта, пришло известие из Пскова. Почему он в Пскове? Что случилось? Сердце разрывалось от волнений, горя и досады, но надо было сохранять спокойствие, чтобы не расстраивать больных. Первого вечером во дворце была слышна стрельба, происходившая невдалеке. Господи, спаси и сохрани!

Мысли были безрадостные. Надо во что бы то ни стало связаться с Ники! Но как выехать из города? Говорят, поезда уже не ходят, а на станциях орудуют бунтовщики. Хорошо бы послать аэроплан, но все люди вдруг исчезли. Слава Богу, нашлись два верных человека, согласившихся отвезти ему письмо. Но успеют ли? Доедут ли? Каждый час доходят все более ужасные слухи, а, когда решилась, пересилив себя, позвонить Родзянко и спросить о муже, тот сказал, что ничего не знает. Лжет ведь наверняка!

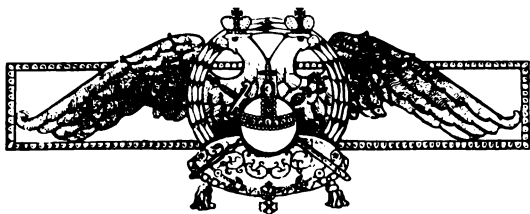
Конечно, они умышленно изолировали бедного Ники, чтобы не допустить его ко мне и принудить подписать какую-нибудь ужасную конституцию. А Ники один, без верных людей и армии, пойманный, как мышь в западню, что он может сделать? Это величайшая низость и подлость — задерживать своего государя. Если даже они заставят Ники сделать всевозможные уступки, то он не будет обязан их соблюдать, так как они добыты силой. Да и родственники ведут себя просто недопустимо трусливо! Все сидят по домам и чего-то ждут. Даже верный Павел совсем спятил, предложил безумный план спасения — издать манифест с обещанием конституции. И это родной брат императора! Два течения — Дума и революционеры — «две змеи», которые, как считала Александра Федоровна, «отгрызут друг другу головы». Это, по ее мнению, спасло бы положение. Бог что-нибудь сделает для нас!

...В ранних вечерних сумерках 2 марта от церкви Знамения двинулась небольшая церковная процессия, во главе которой с высоко поднятым крестом шел настоятель Царскосельского Федоровского собора протоиерей А. И. Беляев. С пением тропаря «Яко необозримую стену и источник чудес стяжавше Те рабы Твои, Богородица Пречистая» подошли к Александровскому дворцу, где по желанию императрицы должны были отслужить молебен перед чудотворной иконой Царицы Небесной. Около дворца народа почти не было. Прибывших провели на второй этаж, на детскую половину, где в большой полутемной комнате лежали на кроватях пятеро детей. Икону поставили на стол, зажгли свечи. Началась служба.

Земная царица опустилась на колени и горячо, со слезами на глазах, просила помощи и заступничества у Царицы Небес-

ной. Затем приложилась к иконе, которую поочередно подносили к каждой кровати, и дети целовали образ. Осенив императрицу крестным знамением, отец Александр сказал: «Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться». Эти слова прозвучали тогда, когда Николай Романов уже принял окончательное решение об отречении.

Когда икону выносили из дворца, он уже был оцеплен войсками, и все его обитатели оказались арестованными. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась. Семья поверженного монарха начала свой путь на Голгофу.

ЧАСТЬ III

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Глава 25

ЗАГАДКИ РЕВОЛЮЦИИ

После 2 марта 1917 года Россия стала другой. Изменились не только общественные условия, распорядок жизни и службы, права и обязанности людей. Повседневные радости и заботы, дела и мысли, интересы и устремления сделались иными, приобрели неведомый до того характер, что с каждым днем становилось заметнее, осязательнее. Совсем недавнее прошлое, когда над империей гордо парил увенчанный короной двуглавый орел, невероятно быстро уходило вдаль, и весной того переломного года мало кто мог надеяться, что оно когда-либо вернется.

Праздничное ликование в России царило весь март. Казалось, что народ в едином порыве и в самом деле осуществил свою давнюю мечту — сверг ненавистное «самодержавное иго». Действительно, тогда, в те неповторимые, исторически-радостные дни «полной свободы» у царского режима и сторонников-то уж не было. Ни одного голоса в защиту поверженных правителей не раздавалось, никто не рискнул бросить вызов мощной социальной стихии и высказать хотя бы слово в защиту монарха.

Как-то сразу же забылось, что император по доброй воле, в интересах сохранения мира и благополучия в стране, отказался от своих исконных полномочий, передав их своему младшему брату Михаилу. Тогда, как и все последующие десятилетия,

много говорили и спорили над вопросом: имел ли царь «законное право» поступить таким образом, насколько его отречение соответствовало юридической норме? Политиканы типа Керенского и Милюкова были убеждены, что избранная форма отречения — тонко рассчитанная интрига, что царь стремился таким путем лишь выиграть время, чтобы потом заявить о недействительности Манифеста 2 марта (в эмиграции они уже не рисковали оглашать подобные абсурдные утверждения). Другие были уверены, что царь проявил малодушие и бросил на произвол страну в самый критический момент, когда надо было проявить твердую волю и «беспощадной рукой подавить крамолу». Последнее утверждение получило широкое распространение в среде русской монархической диаспоры, а после падения коммунистической власти его подняли на щит и некоторые отечественные записные «патриоты», и доморожденные «националисты». Существуют и такие, кто до сих пор уверен, что крушение монархии случилось в результате международного заговора антирусских сил, что революция — следствие преступной деятельности врагов России из числа масонов, евреев, космополитической интеллигенции и выродившейся аристократии.

Вообще все разговоры, «правильно» или «неправильно» поступил Николай II, когда отрекся от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из общего контекста, развивать без учета конкретных исторических обстоятельств времени и места. В силу харизматической природы царской власти Основные Законы Российской империи не содержали (и не могли содержать) положений, предусматривающих добровольный отказ монарха от своих прерогатив. В статье 28-й лишь говорилось, что «наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего императора, а по нем всему его мужскому поколению». Царское служение — священный долг, возлагаемый на правителя по Божественному соизволению, и отказаться от него верующий человек не может. Все это так. Лучше Николая II эту прописную истину, наверное, никто не знал. Но монарх надевал на себя корону во имя России и давал в том клятву у алтаря. Именно в интересах страны последний самодержец переступил через букву закона, перечеркнул свою жизнь, приняв роковое решение.

Фактически царя свергли. Монарх делал тот судьбоносный выбор в условиях, когда выбора-то, по существу, у него не было. Пистолет был нацелен, и на мушке была не только его жизнь (это его занимало мало), но и жизнь близких, будущее страны.

Ну а если бы не отрекся, проявил «твердость», тогда все могло бы быть по-другому? Не могло. Теперь это можно констатировать со всей определенностью. Практически все, все без

исключения, к кому ни обращался обреченный император, умоляли, призывали, советовали отказаться от короны. Если бы отречения не произошло, наверняка случились бы кровавые столкновения, развернулась скоротечная гражданская война, которая неизбежно завершилась бы поражением царя. В этот период практически не было сколько-нибудь значительных и организованных сил, готовых жертвовать собственной жизнью за «Помазанника Божия». Исторический ресурс монархизма был исчерпан, времена Сусанина, Минаина и Пожарского давно миновали.

Дело было совсем не в том, «хороший» или «плохой» царь занимал трон. Суть трагедии русской монархии коренилась в другом. Один из самых стойких правых деятелей, думский депутат Н. Е. Марков на эмигрантском съезде монархистов в 1921 году справедливо заметил: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники. Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли».

Конечно, признавая подобные эсхатологические констатации обоснованными, ни в коем случае нельзя считать, что весь народ в одночасье начал исповедовать антимонархические убеждения. Массовая, стихийная вера в царя, то, что в марксистской историографии пренебрежительно именовали «царистскими иллюзиями», сохранялась. Среди тех же, кто был на авансцене политики в тот период, кто выступал солистом, дирижером и фигурантом февральско-мартовского действия, подобные чувства распространены не были. Безрассудный порыв сводился к одному требованию, которое можно обозначить как «долой все»: царя, министров, генералов, офицеров, полицейских, государственных учреждения, традиции, нравственность, культуру, религию. В реальной жизни к подобному не призывали, ограничиваясь более частными лозунгами: «Долой царя», «Вся власть Учредительному собранию», — что, по сути дела, являлось призывом отбросить прошлое, перечеркнуть тысячелетнюю историю и строить жизнь по новым, «самым справедливым» лекалам. Но этот эксперимент удачным быть не мог. Однако тогда, в те пьянящие дни, о том никто не думал. Демонстрации и митинги объединили рабочих, кухарок, солдат, студентов, гимназистов, офицеров, протитутков с Сенной площади, профессоров, адвокатов, лавочников и аристократов. Все жаждали «нового мира», считая, что каждому найдется в нем место.

Чувства и порывы маргинально-люмпенских толп, как и главных думских «этуалей», понятны и объяснимы. Трудней понять и принять позицию ближайшего царского окружения, тех

сиятельных и именитых, кто окружал царя в последний период, кто клялся ему в верности и без особых сожалений отрекся от него. Позже те, кому удалось спастись, объясняли свою трусость, собственное соучастие в крушении России позицией императора, тлетворным влиянием царицы, ролью Распутина, масонским заговором и еще чем угодно, но только не собственным безразличием, легкомыслием и безответственностью. В изгнании сетовали, стенали, проклиная врагов трона и династии. Служили поминальные панихиды, славословили погибшего царя и его близких.

В этой связи русский писатель Михаил Арцыбашев (никогда не принадлежавший к числу монархистов, но возмущенный до глубины души злодейским убийством царя) писал в середине 20-х годов: «Но если мы, бывшие враги бывшего императора, имеем хоть какое-нибудь оправдание именно в том, что мы были врагами, то никакого оправдания нет для тех, кто «с гордостью носил вензеля государя моего». Кто покорно склонялся к подножию трона, кто тщеславился своей рабской преданностью «обожаемому монарху» и кто в решительную минуту предал его. Эти люди со слезами умиления произносят теперь имя государя, приходя в ярость, если кто-либо осмеливается прибавить к его титулу «бывший». Но это не помешало им тихо отойти в сторону, когда «настоящего» свергли с престола. Жалкие люди! Где были вы, когда несчастный император судорожно метался между Псковом и Дно? Где были вы тогда, когда судьбе угодно было предоставить вам случай не на словах, а на деле доказать свою преданность? Преданность! Его предали все без исключения, без оговорок и без промедления. Это был единственный случай за всю историю февральской революции, когда не было никаких колебаний!»

Предали императора даже члены императорской фамилии! Еще до отречения царя, 1 марта 1917 года, великий князь Кирилл Владимирович, как уже говорилось, привел в Думу состоявший под его командованием гвардейский экипаж и встал на сторону новой власти, а затем вывесил над своим дворцом красное знамя — «флаг революционной России!» Мало того, в начале марта Кирилл Владимирович дал интервью распространенной «Петроградской газете», где без стеснения клеветал на царя и царицу, обвиняя, в частности, Александра Федоровну в германофильстве! Этому кузену Николая II удалось эмигрировать, и в 1924 году в Париже он провозгласил себя императором, о чем оповестил мир специальным Манифестом 13 сентября (31 августа) того же года. Тот примечательный документ содержит немало проникновенных слов о семье Николая II: «Светлая память Сих Венценосных Мучеников да будет нам путеводною звездой

в святом деле восстановления бывшего благоденствия нашей Родины». Но как же все то, что претендентом на престол было сделано, сказано и написано ранее о царе и царице? Да никак. Словно не было ничего.

Другой великий князь, Николай Михайлович — внук императора Николая I, — вообще был вне себя от восторга. Свершилось большое, радостное и долгожданное событие: в России победила революция. Он так о ней мечтал, так жаждал ее. Будучи уже давно членом одной из французских масонских лож, двоюродный дядя Николая II, наверное, увидел в тех событиях начало осуществления масонских лозунгов о братстве и справедливости. Через неделю после отречения царя он встретил своего давнего знакомого, французского посла Мориса Палеолога, и взалбл уверял того, что «падение самодержавия обеспечит спасение и величие России». Это говорил человек, выдававший себя за знатока русской истории! Дипломата шокировали подобные заявления из уст члена императорской фамилии. В своем дневнике посол записал, что очень сомневается, что великий князь сможет «долго сохранять свои иллюзии». В те же дни Николай Михайлович послал письмо министру юстиции Временного правительства Керенскому, где заявлял о готовности «от всей души» внести лепту на памятник декабристам, то есть людям, намеревавшимся убить его деда! Что это: проявление нравственной деградации или форма психического расстройства?

Да и прочие члены династии Романовых показали себя в те дни не лучшим образом. За пять месяцев нахождения царской семьи под арестом в Царском Селе лишь Павел Александрович посетил пару раз царицу в самом начале событий, да Михаила Александровича привез Керенский проститься с братом в последний день. Ни «Михайловичи», ни «Владимировичи», ни «Николаевичи» ни разу не проявили интереса и даже ни одного письма не написали. Никто не хотел выказать солидарность с Николаем II или хотя бы проявить в какой-то форме сочувствие павшему повелителю. Таков удел проигравших политиков. Ведь это был не только монарх, но и их родственник!

Признавая безусловно стихийный характер Февральской революции, нельзя, однако, совсем оставлять без внимания целенаправленную и закулисную разрушительную работу определенных кругов и сил, стремившихся свергнуть царскую власть. Помимо нелегальных революционных фракций и партий, а также и общественных деятелей, действовавших открыто, сыграли свою роль и совсем тайные пружины и рычаги. Много написано и сказано о тлетворном влиянии тайных масонских организаций, о том, что первый состав Временного правительства, за

исключением лишь министра иностранных дел П. Н. Милюкова и военного министра А. И. Гучкова, был укомплектован масонами. Вполне возможно, что так оно и было, хотя здесь остается много неясностей.

Деятельность обществ «вольных каменщиков» традиционно окружала завеса секретности: члены лож давали клятву хранить молчание. Иногда, правда, невольно возникает мысль, что удивительная верность подобной клятве русских политических деятелей из числа эмигрантов объясняется не характером их общественных занятий в России, а скорее тем, что рассказывать-то, по существу, было нечего. Ну встречались какие-то группки где-то на частных квартирах, обсуждали острые политические вопросы, принимали какие-то решения и все. Но ведь этим занимались и многие другие, легально, и никаких тайных ритуалов при этом не соблюдали. До сих пор так и не прояснен главный сюжет: в какой степени масонская идеология и организация влияли на важнейшие политические события, и влияли ли вообще. Все, что написано по этому поводу, подтверждает лишь то, что масоны в России были, а масонства, как общественно значимой величины, в общем-то, не было.

Говоря о скрытых причинах Февральской революции, невозможно обойти молчанием весьма щекотливую тему о роли «инородцев» в крушении России. Эта тема всегда была чрезвычайно популярной в национально-монархических кругах. Разрушительной роли евреев придавалось почти фатальное значение. В основе подобных умозаключений лежали известные факты: активное участие евреев в революционно-радикальных партиях, заметное возвышение данного этнического элемента после падения монархии в России и особенно после прихода к власти большевиков. Так, в книге «Мировое еврейство», изданной через три года после прихода к власти большевиков, американский «автомобильный король» Генри Форд привел данные об участии евреев в высших органах управления Советской России. Оказалось, что доля занимаемых ими в тот период государственных постов ни в одном из ведомств не была ниже 75 процентов. Общеизвестно также, что в карательных органах коммунистов ЧК — ГПУ — НКВД, особенно в их высших руководящих кругах, число лиц еврейской национальности было также весьма значительным.

Все эти исторические реалии, которые невозможно оспорить по существу, неоднократно объясняли и у нас, и за рубежом бесправием еврейства в царской России, притеснением его со стороны власти, что якобы и обусловило массовое участие евреев в революционном движении. Здесь уместно сделать некоторые пояснения.

По данным переписи 1897 года, в России проживало чуть более 5 миллионов евреев, а к 1917 году их уже насчитывалось 7 миллионов 250 тысяч, что составляло более 4 процентов населения. Эти цифры позволяют констатировать следующее. Во-первых, евреи в России являлись наиболее значительной частью мировой еврейской диаспоры; во-вторых, численность их росла быстрее, чем общая численность населения империи. Это, в свою очередь, опровергает ходульный тезис, гласящий, что «гнет и притеснения заставляли несчастных детей Израиля» массами покидать пределы ненавистного государства. Что же касается притеснений, то они, *безусловно, были*: ограничивалась свобода передвижения, существовала норма приема в учебные заведения, имелись некоторые ограничения на виды занятий и владения недвижимостью. Для жительства евреев было определено пятнадцать южных и западных губерний России. Эти районы по площади превосходили территорию Германии и Франции, вместе взятых. В этой «черте оседлости» концентрировалась основная часть русского еврейства.

Важно учитывать и другое: ограничения существовали и в отношении иных групп населения. Скажем, в XIX веке крестьянин не мог «просто так» покинуть свою деревню или село и перебраться на постоянное место жительства в другое место, например, в столицу. Действовали строгие административно-регламентирующие нормы, существовавшие столетия. Николай II ничего нового здесь не вводил, но именно в период его царствования начались социально-правовые преобразования. Либерализация общих условий жизни в империи коснулась всех без исключения, в том числе и евреев.

В подавляющем большинстве случаев авторы, увлеченные разоблачениями царизма, забывают упомянуть о «сухой бездельнице»: все эти административно-правовые правила и запреты касались не евреев как таковых, а *лиц иудейского вероисповедания*. Достаточно было перейти в лютеранство или православие, чтобы уравниваться в гражданских правах с другими. В истории России встречаются имена евреев, сделавших блестящую государственную карьеру, начиная с президента Коммерц-коллегии барона (графа) П. Шафирова в первой половине XVIII века, до одного из сподвижников П. А. Столыпина, высокопоставленного чиновника Министерства внутренних дел при Николае II И. Гурлянда. Но и у тех, кто сохранял традиционную религиозную ориентацию, всегда, а особенно после государственно-законодательных преобразований 1905—1906 годов, имелась полная возможность для автономного культурно-духовного существования: отправлять религиозный культ, посещать национальные школы,

читать свои книги и периодические издания, устраивать клубы, библиотеки и театры.

Важно подчеркнуть и еще одно существенное обстоятельство: ограничения и запреты фактически распространялись лишь на малоимущих. В то же время те, кто был богат, имели совершенно иные возможности. Евреи занимали лидирующие позиции среди российской деловой элиты, а в числе банкиров, биржевиков, руководителей крупнейших отечественных корпораций они явно преобладали. Эта часть российского еврейства никаких тягот и лишений не испытывала. Еврейские миллионеры не только были своими в мире большого бизнеса; они имели возможность общаться с самыми родовитыми и именитыми, получали государственные награды, чины, ордена, медали и даже возводились в дворянское достоинство.

Что же касается антиеврейских настроений, то они, как и во многих других странах, в России существовали. Подобных предубеждений придерживались совершенно различные люди, и не только из числа власть имущих. В их ряду были Достоевский, Розанов, Чехов, Куприн. Антиеврейские настроения обусловили ряд погромов в конце XIX — начале XX века, возникавших стихийно. Ни с какой точки зрения их оправдывать нельзя. Они являлись проявлением старых, глубинных инстинктов, основанных на религиозных представлениях. Только недобросовестные исследователи могут напрямую связывать погромы с политикой государства или с представлениями монархов. В последнее время появляются работы, где дается основательный анализ причин, характера и фабулы имевших место в России погромов и вносятся существенные коррективы в распространенные стереотипы. Вырисовывается, например, огромная провокационная роль еврейских боевиков-террористов.

Придерживался ли Николай II антиеврейского предубеждения? Да. Об этом надо сказать со всей определенностью. Но из этого никоим образом нельзя делать вывод о том, что он приветствовал насильственные действия против евреев, наблюдавшиеся главным образом в южных и западных районах России, входивших в «черту оседлости». Во внутренней политике многонациональной империи правитель просто не мог руководствоваться личными симпатиями и антипатиями. Ведь все жители России, без различия рас и вер, являлись подданными царя и находились под его покровительством. В своей нелюбви к евреям Николай II признавался только самым близким людям и никогда публично не оглашал подобных чувств. Насильственные действия против каких-то этнических групп им всегда осуждались.

В этой связи уместно упомянуть один примечательный случай из биографии последнего монарха. В 1912 году великий

князь Константин Константинович передал Николаю II для прочтения свою драму «Царь Иудейский», над которой работал многие годы и где воссоздавался последний период земной жизни Спасителя. Ознакомившись с произведением, император писал автору: «Я уверен, что видеть твою драму на сцене, слышать в красивой перефразировке то, что каждый знает из Евангелия, все это должно вызвать в зрителе прямо потрясающие чувства. Поэтому я всецело разделяю мнение Св. Синода о недопустимости постановки ее на публичной сцене». Объясняя причину этой самой «недопустимости», заметил своему двоюродному дяде, что пьеса может возбудить недобрые чувства у «простого русского народа» (ведь, согласно представлениям традиционного христианства, евреи отвергли и предали Христа!), а отсюда и «до возможности погрома недалеко».

Историко-психологическая природа антисемитизма (как и любая другая «филия» и «фобия») в числе прочих предрассудков, суеверий и общественных комплексов сложна и противоречива. Здесь требуется серьезный и ответственный разговор, и любые однозначные и безапелляционные суждения в этой области неуместны. Тем не менее их оглашают. Французский историк Марк Ферро в своей книге о последнем царе, изданной большим тиражом в России в 1991 году, пишет: «На Украине, как и в России, погромы начались еще до убийства Александра II. Однако с 1881 года власти и полиция стали поощрять их». Ни одного факта, ни одного надежного свидетельства, подтверждающего этот беспощадный приговор, автор не привел. И не мог привести, так как подобных документов не существует в природе. Но это не помешало автору наполнить свое сочинение множеством лживых утверждений. Согласно бездоказательному умозаключению французского профессора, евреи являлись в России «самыми-самыми» унижаемыми и притесняемыми...

Может быть, и не стоило бы говорить об очевидной научной недобросовестности (не он первый, не он последний), если бы не одно принципиальное обстоятельство. Ферро не просто демонстрирует слабые знания в области русской истории (чуть не на каждой странице его опуса встречаются грубейшие фактографические ошибки, он постоянно путает даты, имена, и критический разбор всех нелепиц потребовал бы издания специального тома). Самое неприятное не в этом: его работа мировоззренчески тенденциозна. Она по сути своей носит почти неприкрытый антирусский характер.

Любая этнофобия не может быть оправдана. И пропаганда антисемитизма — столь же непристойное занятие, как и пропа-

ганда русофобии, чем неприкрыто занимается французский «баснописец». У него не нашлось ни одного слова осуждения для убийц Александра II, а убийство Николая II и его семьи он вообще считает «малозначительным событием». Его восхищают красные террористы и погромщики. Что же касается исторической России, ее власти, ее религии, ее правителей, то здесь никаких светлых красок в распоряжении «мэтра» не оказалось. Это всего только безрадостное «царство насилия», и французский профессор лишь повторил то, что до него множество раз было сказано, в том числе и теми, кто запятнал свое имя самыми страшными преступлениями в истории. Ему близок и понятен Ленин, а Николай II вызывает у него лишь отрицательные эмоции. Автор не считает нужным даже упомянуть, что несравненная культура России, по его представлениям, «первого в мире полицейского государства» (какое буйство фантазии!) расцвела как раз тогда, когда якобы «деспотическая власть душила всякую свободную мысль». Подобные сочинения, наполненные преднамеренными клеветническими измышлениями по отношению к России, к ее народу, к ее прошлому порождают тот самый антисемитизм, который является для Ферро чуть ли не самым страшным смертным грехом.

Вышесказанное неизбежно подводит к вопросу, который всегда интересовал тех, для кого февраль 1917 года открыл не «новую эру в истории страны», а стал началом национально-культурной катастрофы. Было ли это падение результатом антирусского еврейско-масонского заговора? Утвердительный ответ порой подкрепляется не только указанием на заметное участие еврейского элемента в революционном движении, но и ссылками на огромную финансовую помощь, оказанную революционерам иностранными деловыми кругами. Что различные антиправительственные фракции получали финансовую поддержку из иностранных источников, было известно еще до революции: консервативные издания, например, влиятельная петербургская газета «Новое время», писали о том не раз. Об этом же говорили и правые деятели с трибуны Государственной Думы (главные обвинения в получении субсидий сыпались в адрес кадетской партии), о том же они сообщали в своих брошюрах и листовках. Но все это выглядело как-то малоубедительно по той простой причине, что разоблачительные утверждения носили публицистический характер. Правительственные же органы не спешили устанавливать достоверность подобной информации и, насколько известно, ни одного судебного преследования в этой связи возбуждено не было, а русское законодательство не предусматривало никаких наказаний за сам факт получения денег из-за рубежа.

Когда же произошло крушение, стало выясняться, что подобные утверждения не были лишены оснований. В этой связи часто всплывало имя нью-йоркского банкира, владельца финансовой компании «Кун, Лейб и К^о», миллионера-еврея Якова (Янкеля) Шифа, умершего в 1920 году. Этот банкир еще в 1905 году, во время русско-японских мирных переговоров в Портсмуте, явился к главе делегации С. Ю. Витте и угрожал ему революцией в России, если в империи не будут сняты административно-юридические ограничения для евреев. В литературе встречаются утверждения, что в 1918 году пресловутый Шиф якобы даже телеграфировал главе ЦИК Якову (Янкелю) Свердлову приказ убить Романовых. Можно уверенно констатировать лишь то, что заокеанский банкир действительно переводил деньги врагам русского правительства и престолоненавистникам, в чем и сам неоднократно признавался публично. Имеются указания на суммы, колеблющиеся в пределах от 12 до 20 миллионов долларов. В любом случае по тем временам это были огромные средства (в 1913 году официальный курс доллара составлял 1,94 рубля).

Уже в эмиграции известный правый деятель В. В. Шульгин (тот самый, который принимал отречение Николая II в Пскове) писал: «Яков Шиф перевел на нужды русской революции 12 миллионов долларов, на каковые деньги, надо думать, она, революция, и совершилась. Когда сие произошло, Яков Шиф приветствовал радостной телеграммой нового русского министра иностранных дел, Павла Николаевича Милокова, причем сей последний, то есть русский министр иностранных дел, имел неосторожность ответить американскому еврею-миллионщику почтительно-благодарственной телеграммой». Шульгин упомянул об одном из самых поразительных эпизодов в биографии Милокова. Сразу же по вступлении в должность министра отправлять послание одиозному иностранцу, выражать свою с ним солидарность! Текст телеграммы, опубликованный во влиятельной «Нью-Йорк таймс» 10 апреля 1917 года, сам по себе красноречив и не нуждается в пространных комментариях. «Мы едины с вами в нашей ненависти и антипатии к старому режиму, ныне свергнутому; позвольте сохранить наше единство и в деле осуществления новых идей равенства, свободы и согласия между народами, участвуя в мировой борьбе против средневековья, милитаризма и самодержавной власти, опиравшейся на Божественное право. Примите нашу живейшую благодарность за ваши поздравления, которые свидетельствуют о перемене, произведенной благодетельным переворотом во взаимных отношениях наших двух стран».

Тема о закулисных пружинах Февраля неизбежно затрагивает еще один сюжет, всегда вызывавший жгучий интерес и ожесточенную полемику. Речь идет о текстах, получивших название «Протоколы сионских мудрецов», в которых одни усматривали антиеврейскую фабрикацию Департамента полиции, а другие — важнейший документ, подтверждающий версию об антирусском международном заговоре. Страсти по этому поводу не утихают до сих пор.

Древнегреческому философу Гераклиту приписывают изречение: «Все истина и все ложь. Все зависит от точки зрения». С этим трудно не согласиться, так как полярное оценочное восприятие одного и того же события, одних и тех же исторических свидетельств (в том числе и вышеуказанного) объясняется чаще всего ракурсом видения комментаторов и интерпретаторов. Это как в экспозиции большого художественного музея: каждый может найти произведение на любой, даже невзыскательный вкус.

Интерес к «Протоколам» невероятно усилился после революции в России и прихода к власти большевиков. Некоторые увидели в этом событии осуществление предначертаний и предсказаний, сформулированных в текстах «Протоколов», где речь шла об установлении мирового еврейского господства, «царства Сиона», на пути к которому были лишь две мощные преграды: самодержавие в России и католицизм. Сами тексты под своим полным названием «Протоколы собраний Сионских мудрецов» впервые появились в петербургской газете «Знамя» в августе — сентябре 1903 года. Затем они были воспроизведены в 1905 году во втором издании книги религиозного писателя Сергея Нилуса (1862—1929) «Великое в малом» (первый раз она вышла в 1902 году, но без «Протоколов»). До 1917 года это сочинение несколько раз переиздавалось. Сам Нилус не раскрыл того, как эти материалы попали к нему, ограничившись лишь упоминанием о том, что «все это добыто моим корреспондентом из тайных хранилищ Сионской Главной Канцелярии, находящейся на Французской территории». Общий текст «Протоколов» по объему невелик, в третьем издании книги Нилуса 1911 года они занимают около 80 страниц. Всего там 24 главы, или «протокола», в каждом из которых говорится о путях и методах движения к главной цели — установлению мирового господства. Перечисляются механизмы и рычаги, ухищрения и методы, которыми надо пользоваться для достижения заветного рубежа.

О том, что указанные «Протоколы» — фальшивка, писали и говорили множество раз. В этой разоблачительной деятельности участвовали не только различные еврейские группы в странах Старого и Нового света, но и политические эмигранты из Рос-

сии: лидер кадетской партии П. Н. Милюков, известный журналист — разоблачитель тайных операций русской полиции В. Л. Бурцев, историк Февральской революции С. П. Мельгунов и другие. Суть многих опровержений сводилась к тому, что эти тексты были сфабрикованы Петром Ивановичем Рачковским, который в 1884—1903 годы возглавлял центр русского полицейского сыска в Париже. Некоторые же считали, что материал принадлежит перу известного в свое время журналиста Ильи Циона, непримиримого врага министра финансов С. Ю. Витте и проводимой им политики модернизации. Встречаются и утверждения, что тексты были изготовлены во Франции и автором их являлся французский юрист Морис Жоли, выпустивший еще в 1864 году книгу-памфлет против Наполеона III «Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли», пересказ которой и послужил основой для «Протоколов». Однако конкретная «творческая лаборатория» самого процесса создания «Протоколов» так и не была установлена. Но главное не в этом. Оставался всегда один узловой вопрос: с какой целью была предпринята подобная масштабная и неординарная фальсификация? Определенный ответ всегда подменялся разнообразными умозрительными теориями, звучащими малоубедительно.

Чаще всего утверждается, что эта фабрикация была предпринята правыми кругами, чтобы убедить монарха в том, что все революционное движение лишь слепо выполняет волю «Сионских мудрецов». Но подобные примитивные утверждения совершенно несостоятельны. При желании это «откровение» «реакционеры-монархисты» имели возможность донести до монарха другим, куда более простым путем. К тому же последний царь познакомился с этим сочинением лишь под арестом, в Тобольске, весной 1918 года. И в тех условиях тексты произвели на него впечатление. В дневнике 27 марта записал: «Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и масонов — весьма современное чтение». В то же самое время с текстами впервые ознакомилась и императрица.

Немало всегда находилось и тех, кто не сомневается, что «Протоколы» — истинный документ, доказывающий существование мирового еврейского центра, руководившего геополитическими процессами и определявшего судьбы стран и народов. У них тоже имелись свои аргументы. Согласно этим представлениям, «Протоколы» — доклад (или часть его) лидера мирового сионистского движения Теодора Герцля (иногда, правда, авторство приписывается другим лицам), с которым тот выступил в 1897 году на конгрессе сионистов в Базеле (Швейцария). Подлинность «Протоколов» они выводят из самих текстов, положе-

ния которого, как им кажется, предвосхитили (обусловили) войны, революции и другие исторические катаклизмы, происходившие в XX веке. Упоминавшийся Генри Форд, говоря о «стойкой живучести» интереса к этим документам, писал: «Еврейские защитники объясняют это тем, что протоколы благоприятствуют антисемитским настроениям, почему они и сохраняются. Между тем в Соединенных Штатах не было широко распространенного антисемитского настроения, которое можно было раздуть этим способом или вообще поддерживать ложью. Распространение «Протоколов» в Соединенных Штатах можно объяснить только тем, что они проливают большой свет и придают особое значение известным фактам, наблюдавшимся и раньше. Это обстоятельство так важно, что оно-то и придает особый вес документам, подлинность которых не удостоверена. Простая ложь долго не живет, и сила ее быстро слабеет. «Протоколы», напротив того, выказывают свою живучесть больше, чем когда-либо; они проникли в более высокие сферы, чем раньше, и к ним относятся более серьезно, чем прежде». Конечно, сам факт общественного интереса не служит подтверждением подлинности документа, хотя невозможно и не признать логичность аргументов автомобильного магната.

Но если даже безоговорочно принять на веру утверждения, что существовал антирусский международный еврейско-масонский заговор, что революционеры и престолоненавистники получали из-за границы огромные средства, то объяснять только этими обстоятельствами историческое крушение, выводить из подобного причину причин русского апокалипсиса несерьезно и исторически недостоверно. Так что же: существовала могучая имперская твердыня, а кучка злоумышленников, используя «еврейские деньги», повергла ее в прах?

Все было значительно сложнее и в безысходности своей куда масштабней и трагичней. Парадоксальный Василий Розанов сумел кратко обрисовать суть происшедшего: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезным никто не был, и, в сущности, цари были серьезнее всех, так как даже Павел, при его способностях, еще «трудился» и был рыцарь. И, как это нередко случается, — «жертвою пал невинный»... Собственно, от чего мы умираем? Нет, в самом деле, — как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины:

неуважения себя. Мы, собственно, *самоубиваемся*». По существу, это и истинный диагноз, и справедливый приговор.

Главные причины крушения находились не там, где их часто искали любители простых ответов на головоломные вопросы. Эрозия политических и религиозных чувств, убеждений, страстей, стремлений людей — вот где корень событий. «Отречение от старого мира» началось не на социальной сцене и произошло отнюдь не в большевистскую эпоху. Падению монархии предшествовало крушение монархизма как мировоззрения. Предотвратить этот духовно-нравственный процесс был не в силах никакой «Помазанник Божий». Николай II отсрочил день падения более чем на десять лет, и в этом его великая заслуга перед Россией.

Глава 26

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КОРОЛЯ

В октябре 1994 года случилось то, что еще недавно казалось невероятным: в Россию с официальным визитом прибыла королева Великобритании Елизавета II. До этого никакой другой английский монарх на подобное не отваживался. Когда летом 1908 года прадедушка нынешней королевы король Эдуард VII находился в гостях у Николая II, он так на землю и не ступил. Встречи и переговоры происходили на царских яхтах «Штандарт», «Полярная звезда» и на королевской яхте «Виктория и Альберт», стоявших на рейде города Ревеля (Таллина). Тогда об этой встрече было мало что известно. Через 86 лет визит королевской особы произошел совершенно в другом антураже. Толпы журналистов, кино- и телекамеры запечатлевали во всех подробностях эпохальное событие. Новость интересовала весь мир. Авторитетнейший мировой лидер признал наконец новую Россию. Но королевский вояж не только замыкался на современности, на надобности текущего дня мировой политики. Русскому сердцу приезд Ее Величества напомнил о собственном прошлом, он донес до него свет далекой планеты, называвшейся Российская империя.

Однако с первого же дня визита стало ясно, что и высокие гости, и любезные хозяева всячески избегали одной темы, не нашедшей отражения в программе: Романовы. Ее Величество лишь посетила царскую усыпальницу в Петербурге, где покоятся русские монархи, в том числе и Александр III — свояк английского короля Эдуарда VII. Других же признаков внимания, во

всяком случае, официального, со стороны высоких английских гостей проявлено не было. А на торжественном приеме в Кремле на голове Елизаветы II сияла бриллиантовая тиара, та самая, которая когда-то принадлежала русской царице Марии Федоровне. Но все — и принимающие, и визитеры — делали вид, что не знают о том, что здесь, в России, в нынешнем, XX веке были убиты родственники Виндзоров: две внучки королевы Виктории, два кузена короля Георга V и другие близкие и не очень близкие. И никто из власть имущих не раскаялся, никто не принес своих извинений, не выразил сожаления. *Никто не хотел даже упоминать* об этих злодеяниях. Забыли? Простили?

Английский королевский дом до сих пор имеет сильные генетические связи с Романовыми. Бабкой герцога Эдинбургского (мужа королевы Елизаветы II) была русская великая княгиня Ольга Константиновна, матерью — племянница императрицы Александры Федоровны принцесса Алиса Баттенбергская (Маунтбеттен), а отцом — племянник императрицы Марии Федоровны и кузен Николая II принц Андрей Греческий. Существуют и другие линии переплетения семейно-родственных уз. Когда Николай II отрекся от короны, английским королем был двоюродный брат царя и царицы Георг V (дед Елизаветы II). В Англии тогда жило немало близких царских родственников: сестра Александры Федоровны Виктория, тетка Николая II герцогиня Мария Эдинбургская (сестра Александра III) и другие. Мог ли царь и его близкие спастись? Почему вместо отбытия в Великобританию, о чем весной и в начале лета 1917 года было много разговоров, семья Николая II оказалась в Сибири, что сделало ее дальнейшую участь безнадежной? Существовала ли возможность иного исхода? По этому поводу бытуют несхожие точки зрения, а некоторые важные эпизоды преданы забвению. Для выяснения трагической судьбы царской семьи необходимо восстановить важнейшие детали постреволюционной Романовской эпопеи.

Вскоре после отречения от престола Николая II премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж прислал Временному правительству напыщенную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Революция обнаружила главную истину, что эта война является борьбой за народное правительство в той мере, что и за свободу». Лидеру английских либералов казалось, он был в том убежден, что пришедшие к власти в Петрограде либералы объединят страну, станут выразителями чаяний и надежд большинства. Поразительная наивность! В России их поддерживал очень небольшой слой населения, а в Лондоне и Париже полагали, что у власти оказались «представители народа»!

В то же время царь, которого с почестями и восторженно принимали и во Франции, и в Англии, оказался брошенным на произвол случая. Потерпевший крушение политик редко где вызывает сочувствие, не может рассчитывать на расположение. Но в данном случае проблема не исчерпывалась лишь политической стороной; здесь существовал один важнейший моральный аспект, о котором не говорили тогда, да и мало упоминали потом. Другьями и союзниками был отвергнут и обречен на смерть не только «неудачливый правитель» России, но и брат английского короля, адмирал английского флота и фельдмаршал английской армии! (Первое звание в 1908 году от Эдуарда VII, а второе в 1915 году от Георга V царь получил как «Большой друг Великобритании»!)

Участники той жестокой интермедии писали и говорили потом о своей роли не раз. Все выгораживали себя, сваливая вину на других. «Этуали русской общественности» не признавали собственную политическую импотентность и обвиняли отечественных радикалов, посольство Великобритании и политический курс британского правительства. Именно эти причины, по их утверждениям, обусловили то, что семье Николая II после отречения не удалось покинуть пределы России и переехать в Великобританию, куда она была приглашена правительством Его Величества.

Действительно, 10 (23) марта 1917 года посол Великобритании в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен уведомил министра иностранных дел Милюкова, что «король Георг, с согласия министров, предлагает царю и царице гостеприимство на британской территории, ограничиваясь лишь уверенностью, что Николай II останется в Англии до конца войны». Чуть ранее, 7 (20) марта, выступая на заседании московского совета рабочих и солдатских депутатов, министр юстиции и главный герой Февраля А. Ф. Керенский заявил: «В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Когда Николай II отказывался от престола, он не выдвигал никаких требований, не ставил никаких условий, касавшихся дальнейшей судьбы его и семьи. Лишь через два дня, 4 марта, на имя главы Временного правительства князя Г. Е. Львова из Ставки в Могилеве за подписью М. В. Алексева пришла телеграмма, где говорилось: «Отказавшийся от престола император просит моего сношения с вами по следующему вопросу. Первое. Разрешить беспрепятственно проезд его с сопровождающими лицами в Царское Село, где находится его большая семья. Второе. Обеспечить безопасность пребывания его и его семьи с теми же лицами в Царском Селе до выздоровления детей. Тре-

тье. Предоставить и обеспечить беспрепятственный проезд ему и его семье до Романова (Мурманск. — А. Б.) с теми же лицами». Прошло два дня, и 6 (19) марта глава кабинета ответил: «Временное правительство решает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане». Бывший правитель удовлетворился устным обещанием Временного правительства содействовать переезду в Англию. Но уже скоро стало ясно, что подобный шаг вызовет неудовольствие влиятельных радикальных сил в России. Либеральные принципы и гуманные соображения отступили на задний план перед соображениями сиюминутными, перед желанием завоевать популярность в тех кругах, где господствовали крайние устремления. Отпор им дать никто не хотел и не смел.

Деятели, пришедшие к власти в марте 1917 года, оказались слишком трусливыми и беспринципными, чтобы твердо и ясно сразу же объявить о своих намерениях касательно отрекшегося царя и его близких. Да у них определенных планов тогда просто и не существовало. Они надеялись, что отъезд царя в Англию сам собой решит шекотливую проблему. Заняв министерские кресла, пугливые представители «русской общественности» цепенели от рева левой общественной фракции, требовавшей самых крайних мер в отношении «предателей и тиранов».

Русские популярные газеты, обезумевшие от нахлынувшей полной свободы, тиражировали невероятную ложь: бывший царь и царица вошли в тайные сношения с Германией и собирались заключить сепаратный мир «за спиной народа», они предали Россию, делами управления в России занимались «пьяный развратник» Распутин и «его клика». И еще много чего писали и утверждали, и никто ничего не доказывал и не опровергал. Общественные страсти накалялись. Отношение к бывшим венценосцам все четче и четче приобретало характер человеконенавистничества. И уже через несколько недель после крушения монархии трудно было рассчитывать на то, что в «в стране победившей свободы» у них есть шанс избежать расправы.

Не подлежит сомнению, что никто из числа министров Временного правительства не желал смерти царю и его близким. Но то, что они делали (или не делали), волю или неволю, неминуемо вело к усугублению ситуации. С одной стороны, Керенский, Милюков, Львов и другие были бы несомненно рады, если бы Романовым удалось отбыть из России. Но с другой — они не хотели «ссориться» с петроградским советом, где ни о каком снисхождении и слышать не хотели. Постоянно уступая левым, министры санкционировали меры, чреватые лишь осложнения-

ми. Во-первых, 7 марта было принято постановление правительства, где говорилось: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село».

Чем же было вызвано подобное роковое решение? Оказывалось, опасениями монархической контрреволюции! Разговоры о монархических заговорах и попытках реставрации не смолкали ни на день. О том писали и говорили без усталы, хотя никаких заметных признаков деятельности роялистских групп вообще не было. Но это ничего не меняло, и, например, Керенский опасался монархического реванша вплоть до прихода к власти большевиков. В эмиграции, объясняя арест царя, он уже не говорил о тех своих маниакальных страхах и выставлял совсем иную первопричину: необходимость обеспечить безопасность Николая II и Александры Федоровны. Подобные уверения нельзя воспринимать иначе, как желание задним числом оправдать собственные трусливые и безответственные действия в 1917 году.

Арестом тогда дело не исчерпывалось. Устремления хозяев «новой России» простирались дальше: они явно намеревались «вбить осиновый кол» в сердце монархии, навсегда покончить с ней. Спешили: Россия была провозглашена республикой еще в августе 1917 года, хотя форму государственного устройства должно было определить Учредительное собрание, созыв которого первоначально планировался на ноябрь 1917 года. Аресту царской четы предшествовала и другая акция: 4 марта была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (ЧСК). Это была удивительная институция «свободной России». В нее вошли юристы и общественные деятели кадетско-эсеровской ориентации, задача которых состояла в выявлении и выяснении закулисной стороны деятельности свергнутого режима. Новые правители России были убеждены, что «народ должен знать всю правду». И указанная комиссия должна была эту «правду» добыть и огласить. Непосредственным инициатором и главным «патроном» сего начинания был А. Ф. Керенский, занявший пост министра юстиции в первом составе Временного правительства. Руководителем комиссии являлся присяжный поверенный (адвокат) из Москвы Н. К. Муравьев, выступавший до революции защитником по политическим делам.

Комиссия была наделена правом производить следственные действия, заключать под стражу отдельных лиц, выносить решения об их освобождении и получать любую информацию из государственных, общественных и частных учреждений по вопросам, ее интересующим. Первоначально конечная цель подоб-

ных занятий была не совсем ясна, но большинство деятелей новой власти считало, что комиссия должна подготовить материалы для привлечения к суду бывших правителей. Были допрошены и опрошены десятки высших должностных лиц империи, известные политические и общественные деятели, придворные. В их числе: царские премьер-министры И. Л. Горемыкин, князь Н. Д. Голицын, граф В. Н. Коковцов, Б. В. Штюрмер; министры внутренних дел А. А. Макаров, Н. А. Маклаков, А. Д. Протопопов, А. Н. Хвостов; министр юстиции, а затем председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс, дворцовый комендант В. Н. Воейков, высшие чины военных ведомств, полицейского управления. Дали свои показания и те, кто оказался в числе героев «славных» февральско-мартовских событий: лидер кадетской партии, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства П. Н. Милюков, глава Военно-промышленного комитета, в марте—апреле 1917 года военный министр А. И. Гучков, председатель II Государственной Думы А. Ф. Головин, председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко, известные политические деятели: публицист В. Л. Бурцев, лидер большевиков В. И. Ленин, меньшевик Н. С. Чхеидзе, кадет А. И. Шингарев и другие.

ЧСК собрала огромный документальный материал, полученный из различных центральных ведомств и от отдельных лиц, так или иначе причастных в выработке и осуществлению государственного курса в период монархии. Керенский, во время одного из своих посещений Царского Села, потребовал от Николая II, «во имя установления правды», доступа к личным бумагам и корреспонденции. Царь безропотно согласился. Провел в свой кабинет, сам отпер все ящики письменного стола, показывал, где что лежит, давал необходимые пояснения. Несколько дней представители новой власти рылись в столах и шкафах Александровского дворца и увезли в Петроград множество бумаг. Глава комиссии Муравьев несколько раз давал интервью столичным газетам и уже в мае 1917 года без обиняков утверждал, что «обнаружено множество документов, изобличающих бывшего царя и царицу».

В действительности же замысел Керенского и прочих «временных» провалился: установить «преступные деяния» властителей, выявить их антигосударственную деятельность и разоблачить предательские сношения с врагами государства не удалось. А ведь так искали, так искали! По прошествии времени очевидно, что подобных документов просто не существовало, хотя «профессиональные разоблачители царизма» были убеждены в их наличии (иначе бы никакой комиссии и не создавали). Но и

в то время находились люди, не ослепленные революционным угаром. Весной 1919 года Иван Бунин написал: «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, переберите или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, — сколько откроется темного, греховного, несправедливого, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку! Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!» Писатель был абсолютно прав: в общем-то «открылись» действительно пустяки.

Однако арест и проведение шумных следственных действий, хотели того или нет организаторы и вдохновители антицарской кампании, неизбежно осложняли возможность выезда Николая II за рубеж. Ведь через несколько недель после отречения речь шла уже не о бывшем царе, а о человеке, которого публично, бессудно, беспардонно, но вполне определенно во многих газетах именовали «врагом России», главным «государственным преступником». И кто такого деятеля мог принять, и кто такого человека хотел принять? Постепенно становилось все более очевидным, что надежда на царский исход из России не более чем иллюзия. То, что в марте или апреле казалось возможным, позже сделалось совершенно невероятным.

Антиромановская истерика (другое определение подобрать трудно) российской прессы, антимонархическая риторика политических лидеров являлись исторической очевидностью в России. Но и там, где давно существовали демократические институты, а свобода прессы должна была воспитывать ответственность оценок и серьезность суждений, там, в благословенной Англии, человеческой симпатии к бывшим русским монархам не наблюдалось. Английские газеты перепечатывали крикливо-разоблачительные сообщения русских газет, и общественное настроение окрашивалось все ярче в антиромановские цвета. Лондонская «Дейли телеграф» в апреле 1917 года писала: «Мы искренне надеемся, что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом». И говорили.

Уже 10 апреля 1917 года посольство Великобритании объявило русскому МИДу, что «не настаивает на переезде царя в Англию». Это был шедевр дипломатической эквилибристики: можно было подумать, что ранее правительство Его Величества «настаивало» на чем-то подобном!

Когда же случилось злодеяние в Екатеринбурге, когда во всей красе стали проявляться кровавые дела «прогрессистов и социалистов», некоторые в Европе прозрели и перестали отстаивать тезис о «реакционности» царской власти. Другие замолчали, но кое-кто все же остался приверженцем старых предубеждений. Дискуссии разгорелись и в среде русской эмиграции, и в высших кругах Великобритании. Известный военный и государственный деятель лорд Маунбеттен (родственник короля и племянник Александры Федоровны), например, неоднократно публично заявлял, что руки Ллойд Джорджа «обагрены кровью Романовых».

А что же король? Какова его роль во всей этой печальной истории? У Николая II существовали давние дружеские отношения с Георгом V. Еще цесаревичем, в 1893 году, Николай Александрович присутствовал на свадьбе старшего сына наследника престола, герцога Йоркского, женившегося на принцессе Марии Текской. Потом «милый Джорджи» приветствовал брачную партию цесаревича со своей кузиной Алисой Гессенской. После помолвки в Кобурге, в апреле 1894 года, Георг писал: «Мой дорогой старина Ники! Я должен послать тебе всего пару строк, чтобы от всего сердца поздравить тебя с хорошей вестью, что ты телеграфировал мне вчера. Желаю тебе и дорогой Аликс всех радостей и счастья теперь и в будущем. Мне в самом деле доставляет удовольствие думать, что все наконец устроилось и что великое желание твоего сердца наконец сбылось, ведь мне известно, что уже несколько лет ты любишь Аликс и хочешь жениться на ней. Я совершенно уверен, что она будет тебе отличной женой, и что она очаровательна, мила и образованна».

Николай II тепло относился к своему двоюродному брату и никогда не выказывал по отношению к нему никаких критических замечаний. Он очень ценил и уважал его родителей, а с «милым Джорджи», когда встречались, у них не возникало никакой неловкости, натянутости. Отношения были искренними и родственными. Николая Александровича всегда чрезвычайно занимало их удивительное внешнее сходство. Дело доходило до курьезов: сама Мария Федоровна однажды перепутала их, приняв племянника Георга за своего сына. Случались и другие забавные случаи.

В ноябре 1894 года, после обряда венчания Николая II и Александры Федоровны в церкви Зимнего дворца, их англий-

ский кузен и гость Георг решил пройтись по Петербургу. Позади него сразу же образовалась толпа, в молчаливом оцепенении шествовавшая за английским принцем вплоть до Аничкова дворца, где была свадебная трапеза. Оказалось, толпа решила, что молодой император следовал один пешком из Зимнего дворца, и Николай II невольно рассмеялся, когда ему о том рассказали. Царь испытывал симпатию и к жене Джорджи, Мэй, и чем-то она ему даже напоминала его Аликс.

Что же касается Александры Федоровны, то она, выросшая рядом с Георгом, вращавшаяся в одном с ним кругу, не питала особого расположения к своему кузену. Она считала его довольно пустым человеком, которого больше интересовали охота и скачки, чем серьезные занятия или увлечения. Она хорошо помнила, что с детства он не питал должного уважения к их бабушке, королеве Виктории, и даже за глаза острил и делал критические замечания в адрес королевы. Аликс считала подобное отношение неприличным. Она хорошо помнила и то, как летом 1894 года, когда цесаревич Николай в качестве жениха гостил в Англии, Джорджи позволил себе несколько раз бесцеремонно обсуждать перспективы их с Ники дальнейшей жизни и даже публично (какой стыд!) рекомендовал ему носить туфли на высоком каблуке, чтобы быть вровень с Аликс! Александра Федоровна и через многие годы с возмущением говорила об этом, считая поведение его совершенно бестактным. Она так и не рассталась с убеждением, что Джорджи просто «глупый человек».

Николай Александрович не был склонен придавать значение мелким недоразумениям и неудовольствиям, абсолютизировать их. Его отношения с принцем, а затем королем носили ровный характер. Они время от времени переписывались, и послания их дышат теплотой и родственной симпатией. Вскоре после восшествия на престол в 1910 году Георг V писал русскому царю: «Да, мой самый дорогой Ники, я надеюсь, что мы всегда будем продолжать нашу с тобой дружбу; ты знаешь, я неизменен, и я всегда тебя так любил». Письмо заканчивалось трогательно: «В мыслях я постоянно с тобой. Благослови тебя Бог, мой дорогой старина Ники, и помни, что ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего друга. Навеки твой преданный друг Джорджи».

К тому времени Лондон и Петербург смогли преодолеть старые предубеждения, отношения между двумя странами становились дружескими, а на мировой арене они выступали уже союзниками. Георг относился к числу тех в Великобритании, кто видел главную угрозу национальным интересам со стороны Германии, для успешного противодействия гегемонизму которой альянс с Россией был жизненно необходим.

Николай II не был склонен осложнять отношения с Германией, но с Великобританией искренне стремился поддерживать и развивать дружеские связи, чему способствовали и личные симпатии монархов. Когда началась мировая война, переписка царя и короля отразила все важнейшие вехи, все главные драматические коллизии страшного противостояния. «Дорогого Ники» и «милого Джорджи» соединил единый порыв, одно главное стремление: добиться полной победы над ненавистным врагом. Последнее послание Георга V Николаю II датировано 17 января 1917 года и завершалось словами: «Навеки, дорогой Ники, твой самый преданный кузен и верный друг Джорджи». Русскому царю оставалось править чуть больше месяца.

Уже после отречения императора английский монарх прислал на имя русского кузена телеграмму: «События последних недель глубоко опечалили меня. Мои мысли постоянно с Вами, и я всегда остаюсь Вашим истинным, преданным другом, каким, как Вы знаете, я всегда был в прошлом». Это выражение дружеских симпатий не дошло до адресата: лидер крупнейшей русской либеральной партии, а тогда министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков решил, что послание адресовано царю, а раз Николай II таковым больше не является, можно и не передавать телеграмму, чтобы не возбуждать ненужные толки о том, что Великобритания интригует «против новой власти». И Николай II никогда не узнал об этой последней веселухе от «милого Джорджи».

Когда именно у Николая II возникло намерение отбыть в Англию — неизвестно, но несомненно, что в момент отречения он имел в виду подобную возможность. И с каждым днем все более и более убеждался, что вряд ли ему и Аликс позволят остаться в стране. Он регулярно читал газеты, наполненные враждебной клеветой и злобными призывами, и желание временно покинуть Россию только усиливалось. Нет, о постоянной эмиграции ни он, ни Аликс никогда не думали: они лишь считали, что это — временный отъезд, до окончания войны, а затем, когда наступит другое время, когда придет умиротворение в души людские, можно будет вернуться и жить там, где только и могли жить: в России. Когда Николай Александрович вернулся в Царское, они с Аликс серьезно обсуждали отъезд, решали, что взять с собой, кого из верных людей пригласить сопровождать их. Конечно же, оставался вопрос о деньгах. В 1917 году никаких капиталов у царской четы за рубежом не существовало (то, что имелось в английских банках, было израсходовано на нужды снабжения русской армии, а вклады на детей, в берлинских банках, были безнадежно потеряны). Николай II полагал, что новое правительство России обеспечит его семью.

Тем более что им ведь так мало было надо. Они не претендовали ни на какие резиденции, не собирались присваивать коронные драгоценности, другое движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее ранее монарху. Они могли довольствоваться малым.

Идею уехать в Англию, чтобы переждать там «ненастье» на своей родине, не сразу, но приняла Александра Федоровна. Там она выросла, там было столько дорогих воспоминаний, там была «родина ее молодости». А ведь никуда больше им с Ники и уехать нельзя. Хотя Джорджи и не очень умен, но все-таки у него хватит ума сделать все, чтобы стать гарантом их благополучия. Ведь это долг монарха! А эти бессовестные намеки в газетах на ее предательство, на то, что она работала в пользу Германии, что она чуть ли не шпионка Вильгельма! Это какой-то бред, который и опровергать-то не стоит. Она себе и представить не могла, что в Лондоне к этому «бреду» относились вполне серьезно. В мае 1917 года министерство иностранных дел Великобритании через своего посла Бьюкенена передало новому министру иностранных дел М. И. Терещенко, что «Британское правительство не может посоветовать Его Величеству оказать гостеприимство людям, чьи симпатии к Германии более чем хорошо известны».

Собственно в отношении царской семьи у Временного правительства теоретически было два варианта: отправить ее в Ливадию или в Англию. Но второй вариант представлялся предпочтительнее, так как присутствие бывшего царя в стране могло лишь дестабилизировать общую ситуацию, внося раздоры и распри в общественную жизнь. Министр иностранных дел Милюков считал, что отъезд нельзя откладывать, и с этим надо торопиться. Однако сам никакой инициативы не проявлял. 8 (21) марта английский посол Бьюкенен напомнил главе МИДа, что Николай II — близкий родственник и интимный друг короля, и просил принять меры для обеспечения его безопасности. Уже было известно, что правительство приняло решение об аресте монарха, и посол Его Величества спросил Милюкова, правда ли это? Прозвучавший ответ — неповторимый исторический эвфемизм — по своему цинизму достоин Макиавелли. Министр уверял посла, что это *не совсем правильно*. На самом же деле «Его величество» только «лишен свободы и будет доставлен в Царское под escortом, назначенным генералом Алексеевым». При этом Милюков уверил посла, что правительство сделает все возможное для благополучного завершения этого дела и готово платить семье царя «щедрое содержание».

Но никаких решительных шагов ни Милюков, ни его коллеги по кабинету не предпринимали. Потом, уже в эмиграции, все

они уверяли, что велись длительные и сложные переговоры, хотя остается неясным, что же именно обсуждалось на этих переговорах, учитывая, что в России никаких шагов для ускорения отъезда Романовых так и не было сделано. Уместнее все-таки говорить о том, что вся деятельность русских должностных лиц сводилась лишь к высказыванию английской стороне мнения о «желательности» отъезда, в надежде, что как-нибудь все «образуется». Но надежда на «авось» в политике свидетельствовала лишь о безответственности тех, кто находился у руля государственного управления в России весной и летом 1917 года. Бывший царский премьер-министр В. Н. Коковцов считал, что вина за трагедию царской семьи лежит на Временном правительстве, «оказавшемся во власти Совдепа». Сходную позицию занимал и Ллойд Джордж, утверждавший в своих воспоминаниях, что Романовых погубило то, что Временное правительство не сумело стать хозяином в собственном доме.

Но что взять с Керенского или Милюкова? «Факиры на час», по воле случая оказавшиеся на вершине власти и столь же молниеносно оттуда слетевшие. А как же король, то есть тот, кто по праву своего рождения обязан выступать блюстителем норм и традиций, высшим моральным авторитетом, олицетворять честь, достоинство, престиж и величие Британской империи? Лорду Пальмерстону принадлежит классическое определение, гласящее, что у Англии нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть только постоянные интересы. И дед нынешней королевы Елизаветы II проявил себя настоящим сыном Британии: никакой этики, никакой морали, никаких родственных чувств — одна лишь политическая выгода. И на том историческом отрезке это значило предать забвению всю романовскую тему.

За две недели до отправки Романовых в Сибирь, в середине июля, министр иностранных дел М. И. Терещенко проинформировал посла Его Величества о предстоящей акции и сообщил, что там семья «будет пользоваться полной свободой» и что «бывший царь остался доволен предложением переменить место жительства». Терещенко лгал, Николай II еще не знал о таком решении и никакого «согласия», естественно, дать не мог. Однако в этом эпизоде интересна не позиция отчужденных бездарностей-министров, а точка зрения другой стороны. В своей депеше на имя министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура посол сообщил, что на его вопрос, чем объясняется подобное решение, Терещенко сказал, что это вызвано «растущей среди социалистов боязнью контрреволюции». «Я, — писал далее Бьюкенен, — сказал министру иностранных дел, что, по моему мнению, эта боязнь неосновательна, поскольку

дело идет о династии». Известие о депортации императора и его близких в далекую глухомань с непонятной целью не произвело никакого впечатления в Лондоне. Оттуда не последовало ни ноты, ни запроса.

Король Георг V не сделал ровно ничего, что могло бы облегчить участь поверженных венценосцев. У него не было ни малейшего желания бросать вызов публике, демонстрируя свои человеческие симпатии (если они у него и существовали). Ни в 1917 году, ни в последующие годы английский монарх не проявил никакого интереса к судьбе своих родственников в России. Ему эта история была «малоинтересна». (Даже кайзер вел себя иначе. Несколько раз, по различным каналам и при Временном правительстве, и уже при большевиках из Берлина поступали запросы о судьбе различных членов царской фамилии — урожденных германских принцесс.)

Лишь один раз, весной 1919 года, английскому королю пришлось проявить участие к судьбе родственной династии. Он согласился послать к берегам Крыма броненосец, чтобы вывезти оттуда императрицу Марию Федоровну. Этого ему делать совсем не хотелось, но его мать, вдовствующая королева Александра, чуть ли не на коленях месяцами умоляла сына спасти жизнь ее сестры. Но потом это «нежелательное решение» открылось и приятной стороной: Георг V и его жена с удовольствием, без всяких колебаний, задешево приобрели неповторимые ювелирные украшения русской царицы Марии Федоровны. Царские драгоценности короля и королеву живо интересовали.

Получив известие о гибели Романовых в Екатеринбурге, Георг V писал своей кузине, сестре императрицы Александры Федоровны маркизе Виктории Мильфорд-Хевен (Баттенберг): «Глубоко сочувствую Вам в трагическом конце Вашей дорогой сестры и ее невинных детей. Но, может быть, для нее самой, кто знает, и лучше, что случилось, ибо после смерти дорогого Ники она вряд ли захотела бы жить. А прелестные девочки, может быть, избежали участь еще более худшую, нежели смерть от рук этих чудовищных зверей». Невольно приходит на ум бессмертный афоризм Ларошфуко: «У нас всегда найдутся силы перенести несчастье другого». Как «повезло» семье последнего царя: их всех убили вместе! Какое сострадание, какое милосердие, какое участие! И если предположить невозможное и представить, что революция случилась в Англии и королю Георгу пришлось бы искать убежища, нет никаких сомнений, что Николай II, не задумываясь, сделал бы все для того, чтобы обеспечить английскому монарху кров. Но царь был самодержавный правитель, «тиран», мог игнори-

ровать «политические потребности момента», имел право не стесняться своих родственных чувств; у него имелась возможность оставаться порядочным человеком.

Пройдут многие годы, и будет опубликована фундаментальная биография Георга V, написанная Гарольдом Николсоном, где, опираясь на конфиденциальные правительственные документы, автор расскажет, что уже к началу апреля 1917 года «предложение о предоставлении убежища в Англии царю и его семье стало достоянием гласности. В левых кругах Палаты Общин и в прессе поднялся возмущенный крик. Король, которого несправедливо сочли его инициатором, получил немало оскорбительных писем. Георг V понял, что правительство не в полной мере предусмотрело все возможные осложнения. 10 апреля он дал указание лорду Стэнфордхему (личному секретарю. — А. Б.) предложить премьер-министру, учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство, что правительство Его Величества вынуждено взять обратное данное им ранее согласие».

Английский посол сэръ Джордж Бьюкенен в своих мемуарах будет это лукаво отрицать, заметив, что «наше предложение оставалось в силе и никогда не пересматривалось». Но уже после смерти дипломата его дочь Мэриэл написала о шоке, который испытал ее отец, узнав, что правительство отменило приглашение, сделанное членом императорской семьи 10 марта. И далее она сообщила следующее: «После выхода в отставку мой отец намеревался раскрыть правду, однако министерство иностранных дел уведомило его, что он потеряет пенсию, если сделает это». Сэр Джордж, чьи личные средства были весьма ограничены, не решился идти против воли правительства. Всю вину за случившееся дочь посла возлагала лично на Ллойд Джорджа.

Министр юстиции, а затем глава Временного правительства Александр Керенский в эмиграции не раз размышлял о причинах гибели Романовых, стараясь всячески себя дистанцировать от их трагической участи. В своих мемуарах он писал: «Уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, Временное Правительство, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен». Именно тогда был подписан приговор Николаю II и его близким. Крикливые левые одержали победу не только в Петрограде, но и в Лондоне. Речь шла теперь лишь о времени и месте уничтожения бывшего царя. Затем наступит черед и всех остальных. Кровавое колесо истории XX века ускоряло свой разбег. Романовы были первыми в

ряду обреченных. Они должны были погибнуть все, но счастливое сцепление обстоятельств помогло части династии уцелеть наперекор беспощадному року.

Глава 27

ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ

Подписав манифест об отречении, ночью 3 марта, Николай II отправился в Могилев, чтобы попрощаться с армией. В этом он видел свой последний долг, который ему непременно надлежало исполнить. Хотя Николай II имел возможность поехать в Царское, к дорогим своим, он превозмог личные желания и отправился туда, где его ничего хорошего ждать не могло. В дороге не было никаких инцидентов, и два поезда, «собственный Его Величества» и «свитский», двигались без помех, делая лишь короткие остановки. На станциях иногда собиралась публика и молча смотрела на уходившие куда-то синие вагоны с золотыми орлами. С дороги Николай Александрович послал телеграмму брату Михаилу, прося его простить за тяжелую ношу, которую передал ему. Сопровождающие лица, еще до конца не осознававшие все происшедшее, жадно ловили каждый взгляд, каждый жест бывшего царя, стараясь понять его состояние. Николай Александрович внешне был спокоен, ничем не выказывал свои мысли и чувства, но из коротких реплик и обмолвок приближенные поняли, что решение, принятое царем в Пскове, твердое и окончательное.

Уже было темно, когда поезд прибыл на платформу Могилева. Царь зафиксировал время: 8 часов 20 минут вечера. Высокие электрические фонари освещали группу встречающих во главе с начальником штаба М. В. Алексеевым. Генерал отдал честь, поверженный монарх подошел, протянул руку, задал два-три коротких вопроса, и затем отправились к автомобилям. Через полчаса бывший царь находился уже в своих комнатах в губернаторском доме. Здесь все оставалось на прежних местах. Прошло всего несколько минут, и в дверь постучали. Пришел генерал Алексеев и сообщил последние новости из Петрограда. Выяснилось, что брат Михаил также отрекся от прав на престол и заявил, что вопрос об устройстве России должно решать Учредительное собрание. Николай Александрович был обескуражен и вечером записал в дневнике: «Бог знает, кто его надоумил подписать такую гадость». Россия теперь не имеет верховной власти! Что ее ожидает? Родзянко сообщил Алексееву, что в

Петрограде наступило успокоение: дай-то Бог! Может быть, самое страшное уже позади!

Следующий день, 4 марта, был полон волнений, необычных эпизодов, печальных чувств. Начальник штаба был так любезен, что организовал Николаю II традиционный доклад о положении дел на фронте, обращаясь к нему неизменно «Ваше Величество». Да и многие другие сохраняли прежнее почтение, но что-то уже изменилось и буквально с каждой минутой менялось все заметней. Да, он теперь уже бывший царь, бывший главнокомандующий армией, и этим все сказано. Еще по дороге в Могилев наконец получил весточку от Аликс. Солнышко сообщала, что они целы и невредимы, писала, что ждет и любит. Какое это счастье: иметь такую жену, которая все понимает и всегда поддерживает мужа. Телеграфировал ответ: «Спасибо душка. Наконец, получил твою телеграмму этой ночью. Отчаяние проходит. Благослови нас всех Господь. Нежно люблю. Ники». Потом ему удалось с ней поговорить по телефону, но слышимость была плохая, разговор несколько раз прерывался, хотя он успел в общих чертах рассказать всю псковскую историю.

К этому времени Александра Федоровна уже почти все знала. Днем пришел дядя Павел и сообщил подробности отречения, и другие рассказывали о разных эпизодах. Как Кирилл явился с красным бантом в Думу, как громили дома и магазины в Петрограде, как арестовывали министров, офицеров, полицейских... Первый шок прошел. Александра Федоровна чувствовала себя уже значительно бодрее, но горечь от предательства, отчаяние от безысходности в душе оставались. Эти негодяи все-таки заманили Ники в ловушку, в Псков, и там, отрезанного от всей России, от армии, от нее, заставили подписать отречение. Это заговор; во всем чувствуется ловко организованная интрига. Но всемогущий Господь справедлив. Он всем воздаст по заслугам. Вечером, сидя у постели своей больной подруги А. А. Вырубовой, царица сказала: «Ты знаешь, Аня, с отречением государя все кончено для России. Но мы не должны винить ни русский народ, ни солдат; они не виноваты». Александра Федоровна теперь знала, что ей предстоит вынести много тяжелейших испытаний, но она обязана все пережить и сохранить себя для детей, для Ники. Безоговорочно приняла решение мужа отречься и за сына. Для нее это было великим облегчением. Свою жизнь без Беби и его жизнь без семьи она представить не могла.

4 марта, вечером, Александра написала письмо Ники, свое последнее послание ему, 654-е по счету. «Любимый мой, ангел дорогой, боюсь думать, что выносишь ты, это сводит меня с ума! О, Боже! Конечно, Он воздаст сторицей за все твои страдания... Я с тобой, любовь моя, — обожаю тебя. Целую и обнимаю так

нежно и страстно! Храни и благослови тебя Господь ныне и вовеки!» Она знала, что он поступить по-другому не мог, она все понимала и все принимала. Она любила его теперь даже как-то крепче, чем прежде. В горе и унижении он казался ей еще лучше, и Александра Федоровна не сомневалась, что в такой момент она ему еще нужнее. Царица знала о миссии в Могилеве и с трепетом, почти таким же, как в давние молодые годы, ждала возвращения своего обожаемого. Боялась возможных непредвиденных осложнений. В такое сумбурное время, когда все как с ума посходили, могло случиться все, что угодно.

Еще 3-го вечером Николай Александрович получил известие, что на следующий день в Могилев приедет императрица Мария Федоровна. Его дорогая Мамá, которую он не видел с октября прошлого года и которая не могла оставить сына в такую минуту. Что он Ей скажет? Как он Ей объяснит? Но Она должна понять; она ведь его всегда понимала. Она его любила, и он знал об этом и скучал, когда долго не виделись. Грустные обстоятельства на время разлучили их, но вот теперь наконец-то после всего пережитого ему предстоит первая встреча с родным и близким человеком, которому он нужен.

Вдовствующую императрицу известие об отречении сына застало в Киеве: рано утром 3 марта об этом ей сообщил зять Сандро. Она даже не сразу поняла, что случилось, но, когда поняла, была потрясена и горько рыдала. Нет, не царский венец, не потерю короны оплакивала старая царица. Ей было невыносимо тяжело за Ники. Зная его хорошо, прекрасно понимала, каких страшных душевных мук стоило ему это решение! Она предала забвению все бывшие неудовольствия, и единственное желание овладело ею целиком — немедленно видеть сына. Александр Михайлович и дочь Ольга пытались отговорить Марию Федоровну от этой поездки, но встретили такой решительный отпор с ее стороны, что сразу же отступили. Поздно ночью с 3 на 4 марта из Киева вышел поезд императрицы, направлявшийся на север. У нее еще был свой поезд! Пройдет немного времени, и в ее родной стране у старой царицы не будет даже собственной постели!

Около полудня 4 марта императрица прибыла в Могилев. Николай II вошел в вагон и через несколько минут появился на платформе вместе с матерью. Все были поражены самообладанием старой женщины. Обходя стоявших на перроне, она нашла в себе силы даже сказать несколько приветственных слов и улыбнуться. Затем мать и сын остались наедине. Более двух часов продолжалось их общение тет-а-тет, и ни он, ни она никогда никому не рассказали о том их разговоре. Когда потом к ним пришел Александр Михайлович, застал тещу в слезах, а

Ники стоял перед ней и курил одну папиросу за другой. Затем был обед, на который были приглашены близкие чины свиты. Огромное самообладание Марии Федоровны и Николая Александровича заставляло и других сдерживать эмоции.

Четыре дня провела мать с сыном. Они по многу часов проводили вместе; гуляли, вспоминали прошлое; о настоящем не говорили. Мария Федоровна послала две телеграммы дочери Ксении в Петроград: «Счастлива быть с ним в эту самую тяжелую минуту» (5 марта); «Слава Богу, что вместе. Много думаем о тебе. Надеемся, что ты и дети здоровы. Погода тоже отчаянная. Что делает Миша? Обнимаем» (6 марта). Николай Александрович так любил мать, что сознание причиненной ей боли разрывало ему сердце. Господи, ей-то за что такое наказание! Что бы сказал дорогой Папá? Но ведь Мама́ его поняла, она согласилась, что у сына не было иного выбора. Значит, так было угодно Господу и надо со смирением подчиняться Его святой воле.

Дни совместного времяпрепровождения были наполнены воспоминаниями и окончательно убедили, что прошлое живо в памяти матери. Она помнила самые давние эпизоды той жизни, которая теперь казалась сладким сном. Неужели все это было? Но глядя на дорогую Мама́, как она сразу оживлялась при упоминании забавного случая на давнем балу, или веселого семейного обеда в Ливадии, или какой-либо проделки Миши или Ольги, все сомнения проходили без следа. Конечно же, все это было. Теперь уже точно знал: то время останется с ними навсегда. Никто его отобрать у них не сможет.

Все шло своим чередом, и наступило 8 марта. В тот день, утром, Николай Александрович подписал последний, прощальный приказ по армии, который никогда в войсках оглашен не был. Этот документ чрезвычайно важен для оценки мировоззрения и настроения бывшего царя. «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками, одним общим стремлением к победе сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную

нашу Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не утасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Почему министры в Петрограде, с полного согласия высших чинов Ставки, не стали публиковать этот документ? Казалось бы, что в нем крамольного? Однако все уже резко изменилось. Не прошло и недели со дня отречения Николая II, а антимонархический и антидинастический накал страстей достиг невероятной отметки. Подлаживаясь к левым настроениям, те кто оказался у власти, и те, кто оставался еще при должностях со старых времен, почти все без исключения старались укрепить собственное положение критикой, а то и поношением старого режима. Во весь голос говорили о предательстве царя и царицы, объясняя этим фронтовые неудачи и затянувшуюся военную кампанию. Вот если бы не измена, войну давно бы выиграли! Уже начала свою работу Чрезвычайная следственная комиссия и в прессе появились первые интервью должностных лиц, где прозрачно намекалось на антигосударственный заговор высших лиц империи. В этой разоблачительно-уничижительной вакханалии простым и искренним словам последнего царя просто не было места. Все, что связано было с царем и царской властью, вдруг сделалось давним и неприятным прошлым. Высшие чины Ставки, пережив в первые часы и дни потрясение, в массе своей быстро осваивались в новой обстановке и были заняты спарыванием царских вензелей с псгон, составлением революционной формы присяги, установлением новых иерархических отношений между собой и с петроградским начальством.

Когда в Могилеве появился поверженный царь, большинство смотрело на него лишь с любопытством, понимая, что они присутствуют при историческом моменте, который надлежало запечатлеть во всех подробностях. Некоторые желали стать очевидцами патетических сцен, но все было обыденно, совсем негероически. Многих офицеров поражало поведение бывшего монарха, его тихое смирение понимания не вызвало. Некоторые находили, что он отрекся слишком просто, «как эскадрон сдал». Не так жил, не так правил, а теперь и не так отрекся! Бывшему царю готовы были простить душераздирающие сцены с воплями и причитаниями, но уж никак не мирную отрешенность!

Дело же было, конечно, не в безразличии или бездушии. Все эти дни были страшными для Николая Александровича, самыми тяжелыми днями в его жизни. Позднее он скажет, что был тогда «как в тумане». И переживал, и страдал, и несколько раз был на

границ нервного срыва. Но воспитанность и сила воли удержали, не дали выплеснуться наружу тому, что бродило и болело внутри. Страшное потрясение не могло для него перечеркнуть жизнь, которая сама по себе — дар Божий. Надо идти вперед, надо выстоять, преодолеть все во имя России. Потеряв трон, власть, положение, он многое и сохранил: Бога, дорогую Алику и милых детей. С ним остались и его воспоминания, то удивительное минувшее, но не ушедшее время, которое он помнил во всем многообразии звуков, цветов, ароматов и ощущений. В этот упоительный мир они надолго погружались в те мартовские дни вместе с Мамой, и сразу же становилось хорошо и спокойно на сердце.

Возвращение в повседневность рвало душу. Когда прощался с чинами штаба, призвал их продолжать работу «с прежним усердием и жертвенностью», увидел на некоторых лицах слезы. Когда же затем на плацу говорил последнее слово солдатам Сводного полка и казакам, не смог договорить. Комок подступил к горлу, и глаза заволокло, а стоявшие в строю рослые мужики, не стесняясь, рыдали. Приходилось расставаться со многими людьми, с которыми был связан долгие годы. Был удален дворцовый комендант В. Н. Воейков и милый старый граф В. Б. Фредерикс, против которых, как сказал генерал М. В. Алексеев, «сильное возмущение в гарнизоне». По той же причине был отстранен верный генерал-адъютант К. Д. Нилов. Но он уже ничего изменить не мог; все за него теперь решали другие.

Восьмого марта — день отъезда. В полдень прибыл в поезд к Марии Федоровне. Позавтракали вдвоем и в милой беседе провели вместе несколько часов. Простился с ней. Она не плакала, держалась на удивление стойко. Предчувствия были безрадостными, но они еще не знали, что на земле им уже не суждено было свидеться. Перешел в свой поезд, готовый к отправлению на соседнем пути. Несколько минут стояли, каждый в своем вагоне, и глядели друг на друга, не отрываясь. Когда поезд императрицы тронулся, мать несколько раз перекрестила сына.

Николай Александрович, расставшись с дорогой матушкой, вскоре узнал от Алексеева, что он теперь «как бы арестован» и что из Петрограда приехали четыре думских депутата, которые будут его сопровождать до Царского. Ничего не сказал, но все понял. Он теперь арестант! Когда поезд в сумерках отходил от платформы, генерал Алексеев отдал честь, а когда состав уже миновал платформу, низко поклонился вослед. И неясно было, кому адресован был этот знак уважения, то ли бывшему монарху, то ли думским депутатам, ехавшим в последнем вагоне. Николай Александрович сидел один в купе, курил. Все вокруг было

таким безрадостным. Видеть никого не хотелось. Вечером занес в дневник: «Тяжело, больно и тоскливо».

А в Царском Селе ждали, все и всё было готово к приему бывшего повелителя. В Александровском дворце уже стояли караулы охраны, а обитатели дворца считались арестованными, хотя формально солдаты Сводного полка, как бы по старой традиции, несли почетную охрану. 8 (21) марта утром в Александровский дворец прибыл новый командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов и сообщил обер-гофмаршалу П. К. Бенкендорфу, что просит императрицу немедленно принять его. Через 10 минут дежурный камер-лакей сообщил, что императрица ждет, и повел генерала на детскую половину дворца.

Александра Федоровна стояла в одной из комнат. Она была все в том же платье сестры милосердия. За эти дни она очень похудела, лицо осунулось и было бледным. И седых волос прибавилось, но об этом знала только сама. Генерал и сопровождающий его полковник Кобылинский поклонились. Александра Федоровна сама подошла к пришедшим и протянула генералу руку для поцелуя, кивнув головой второму, не знакомому ей офицеру. Приятно удивили предупредительность и уважительность генерала. Но его заявление было ужасно: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объяснить Вам постановление Совета министров Временного правительства, что Вы с этого часа считаетесь арестованной. Если Вам что будет нужно, пожалуйста, заявляйте через нового начальника гарнизона, — и он указал рукой на полковника Е. С. Кобылинского, — которому подчиняется новый комендант дворца штабс-ротмистр Коцебу».

Она теперь арестантка! Но она же царица! Что бы ни сделал Ники, она-то ведь ничего не подписывала, ни от чего не отрекалась! Странно, но эта мысль никому не приходила в голову ни тогда, ни потом. Александра Федоровна формально и фактически и после 2 марта 1917 года оставалась императрицей. Она ведь была венчана на царство по воле Всевышнего, и никто отменить того был не вправе.

Закончив монолог, генерал попросил полковника выйти, и у него состоялся доверительный разговор с Александрой Федоровной. Он сообщил, что это решение вызвано «печальной для правительства необходимостью» удовлетворить требования общественного мнения и крайних элементов, и уверял, что царской семье отныне ничего не угрожает. Аликс молчала. Единственное, что ей удалось выдать из себя, было: «Благодарю», — и генерал, явно волнуясь, постарался не заметить холодно-пренебрежительной интонации, с которой это было сказано.

Имя Лавра Георгиевича Корнилова позже станет широко известно. Он одним из первых поднимет знамя бескомпромиссной борьбы против большевиков и погибнет в бою. Но что заставило боевого генерала, отличавшегося личным мужеством на полях сражений и в русско-японскую, и в первую мировую войны, взять на себя эту неблагодарную миссию: арестовывать беззащитных людей? Этот сомнительный эпизод не может служить украшением биографии героя белого движения. Ему фактически пришлось выполнять роль первого тюремщика-распорядителя.

Он представил царице нового начальника царскосельского караула полковника Е. С. Кобылинского (в мае 1917 года станет комендантом царскосельского караула, затем возглавит отряд «особого назначения», охранявший семью в Тобольске, и явится первым комендантом Ипатьевского дома в Екатеринбурге), а также коменданта Александровского дворца ротмистра П. П. Коцебу. Корнилов провел беседу со служащими дворца и придворными, которым объявил решение власти: каждый считается полностью свободным от своих обязанностей, а тот, кто решит остаться во дворце, будет находиться на арестантском режиме.

По сути дела, в общем положении мало что изменилось: фактически еще 2 марта царская резиденция была взята под жесткий контроль. Теперь лишь все это приобретало характер целенаправленной государственной акции. Никому не пришлось в голову усомниться в необходимости подобной меры, и никто не стал возражать против произвола: правительство постановило арестовать лишь царя и царицу, но не выносило решения заключать под стражу их детей и приближенных. Но кого тогда, в дни «славной и великой революции», интересовали подобные «мелочи»!

Генерал сообщил царице и нечто радостное: по его словам, император должен прибыть на следующий день. Господи, какое счастье! Они будут все вместе, ее не разлучат с Ники! Последние дни она так этого боялась, что ни о чем другом и думать не могла. Теперь мир поселился в душе. Окружающие заметили вдруг улыбку на ее лице, то, чего они уже давно не видели. Аликс смирилась. Примирилась со всем, увидя во всем Промысел Божий, с чем не спорят и чему не перечат. Она теперь только мать и жена и должна достойно выполнять эту свою миссию. Она понимала, что дорогой супруг придет после страшных испытаний и ей надлежит встретить его лаской, окружить заботой, сделать все, чтобы его исстрадавшаяся душа обрела покой в семье. Но оставалось еще одно очень важное, чего сделать раньше не могла: надлежало все рассказать детям, которые ничего не знали. Она попросила Пьера Жильера поговорить

с Алексеем. Наставник пользовался большим расположением мальчика, и матери казалось, что ему это будет сделать проще. Сама же пошла к дочерям, которые отнеслись к сообщению матери довольно спокойно, хотя Мария и Ольга и прослезились. Мать тоже не сдержалась.

Алексей же не плакал. После того, как Жильяр сказал, что его отец «не хочет больше быть Императором», последовали недоуменные реплики. На вопрос: «Почему», — губернёр ответил: «Потому, что Он очень устал и перенес много-много тяжелого за последнее время». Далее Жильяр рассказал, что произошло отречение в пользу Михаила Александровича, который, в свою очередь, тоже отказался от престола. Прошло несколько минут, и прозвучал последний вопрос последнего цесаревича, ответа на который не знал никто: «Если нет больше царя, кто же будет править Россией?»

9 (22) марта 1917 года, в половине двенадцатого дня, к царскосельской платформе подошел «собственный Его Императорского Величества поезд», в котором приехал царь-арестант. На нем черкеска Кубанского казачьего батальона, черная папаха и пурпурный башлык на плечах. На поясе висел кавказский кинжал, а на груди — орден Святого Георгия. На перроне стояло несколько человек во главе с полковником Кобылинским. Николай Александрович очень быстро прошел, не глядя ни на кого, и вместе с князем Василием Долгоруковым, причислившим себя добровольно к арестованным, сел в поджидавший автомобиль. Во втором автомобиле ехал Кобылинский. Всего несколько минут, и показались закрытые ворота перед Александровским дворцом. Из группы охранявших вышел прапорщик и громким голосом объявил: «Открыть ворота бывшему царю». Ворота отворились и после проезда машин сразу же закрылись вновь.

У подъезда и в вестибюле дворца толпилось немало народа. Были какие-то штатские, но основная масса состояла из военных, некоторые — в лихо заломленных шапках и даже с папиросами во рту. Любопытство владело всеми. Вот он, бывший царь, теперь как простой смертный и можно не гнуть спину перед ним! Дежурный, капитан Ф. А. Аксюта, с которым Николай Александрович поздоровался, ответил: «Здравствуйте, господин полковник». Первый раз к нему так обращались. Но надо ко всему привыкать. Хватило беглого взгляда, чтобы понять, как далеко уже зашло разложение порядка и дисциплины. Но все это лишь мимолетно зацепило внимание. Скорее, скорее к Аликс, к детям.

Как только поднялся на второй этаж, сразу увидел почти бежавшую ему навстречу жену. Она улыбалась, глаза светились радостью. Они обнялись. Замерли в молчании. Затем пошли к

детям. Сколько было радости. Впервые за последние недели смех зазвучал в детских комнатах. Потом ушли к себе. Тихо и молча сидели вдвоем и плакали вместе, чего никогда раньше в жизни не случалось. В последующие дни нервное напряжение сказалось: Александра Федоровна опять ощутила страшную физическую слабость, а сердце болело не переставая. Большую часть времени царица теперь проводила или в кресле, или на кушетке.

Александровский дворец превратился в острог, где под арестом находилось несколько десятков человек. Режим содержания был строгий и определялся инструкцией, составленной А. Ф. Керенским. Она включала несколько пунктов: заключенные пользовались правом передвижения только в пределах дворца (скоро и эта территория была ограничена); для прогулок отводились определенные места в парке, специально для того отгороженные, и они осуществлялись непременно под охраной караула; богослужения могли совершаться лишь в дворцовой церкви; всякие свидания с заключенными запрещались, и любое общение допускалось исключительно с личного разрешения Керенского; вся переписка обязательно цензурировалась комендантом дворца. Устанавливалась двойная охрана и дворца и парка, как и двойное наблюдение за арестованными: наружное, подведомственное начальнику караула, и внутреннее, подконтрольное коменданту дворца.

Участь царской семьи разделили люди, любившие царя, царицу, их детей, сохранявшие им верность. Обер-гофмейстерина Елизавета Алексеевна Нарышкина, фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, обер-гофмаршал граф Павел Константинович Бенкендорф, лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, врач наследника Владимир Николаевич Деревенко, наставник Петр Андреевич Жильяр. Остались при семье многие лакеи и горничные. Первые недели здесь же, в дальних помещениях дворца, жили и две приятельницы царицы: больная Анна Вырубова и Юлия Ден.

Тех, кого в момент установления арестантского режима не было во дворце, потом туда уже не пускали, хотя люди считали себя не вправе бросать семью в тяжелую минуту. Так, преподаватель английского языка Сидней Иванович Гиббс несколько месяцев обращался в различные инстанции, и отовсюду звучало «нет». Один из отказов был подписан пятью членами Временного правительства! Господа министры обсуждали такой важный вопрос. Но неутомимого англичанина это не сломило. Он само-

стоятельно последовал за царской семьей в Сибирь и соединился с ней уже в Тобольске.

Но было и много трусости, предательства. Свитские генералы почти все разбежались: исчез друг царской четы П. Н. Саблин, затерялись следы командира императорского конвоя графа А. Н. Граббе, начальника военно-походной канцелярии К. А. Нарышкина, флигель-адъютанта, любимца царя, весельчака и балагура А. А. Мордвинова и других приближенных. Сославшись на «тяжелые обстоятельства», покинул свое место управляющий двором Александры Федоровны граф П. Н. Апраксин. Некоторые вдруг резко изменились: из верных слуг превратились в надменных и хамоватых людей, открыто демонстрировавших эти свои качества. Особенно обидным для царской семьи было поведение боцмана со «Штандарта» А. Е. Деревенько. Почти десять лет находился при наследнике, носил его, больного на руках, играл с ним, постоянно выказывал свою любовь к мальчику. После революции «дядька Андрей» стал совсем иным: заставлял Алексея прислуживать себе, издевательски к нему обращался и, в довершение ко всему, присвоил личные вещи царской семьи. С ним пришлось расстаться со скандалом. Но подобное поведение все-таки было исключением. Большинство простых людей сохраняло уважение, почитание, основанное теперь не на общественном статусе семьи, а исключительно на человеческой симпатии.

Почти пять месяцев царская семья провела в Александровском дворце под арестом. Теперь ее жизненное пространство ограничивалось двумя десятками помещений на первом и втором этажах левого крыла Александровского дворца. Это были личные апартаменты царя и царицы, комнаты детей. Ремонт и отделка здесь производились по желанию Николая и Александры сразу после их свадьбы, и с тех пор обстановка оставалась почти без изменений. На стенах висели портреты и картины, любимые хозяевами. Здесь же сохранялось немало редкостей и вещей предков: портреты и бюсты Павла I, Александра I, Александра III, их личные вещи и бумаги.

В угловой гостиной, имевшей окна на две стороны, где любила бывать царица и где она часто принимала посетителей, висел большой гобелен: копия с картины художника Виж-Леблена «Мария-Антуанетта с детьми». Это был подарок президента Франции Э. Лубэ императору России. Некоторые поражались тому, что царице нравилось изображение королевской семьи, которую постигла такая трагическая участь. Например, еще в 1915 году княгиня Палей, увидев царицу сидевшей перед изображением Марии-Антуанетты, разглядела в том печальное предзнаменование. Теперь это приобретало реальный и страш-

ный смысл. Но Александра Федоровна, внимательно относившаяся к различным знамениям и символам, никаких зловещих параллелей здесь не усматривала. Один раз, уже после крушения, Лили Ден наблюдала сцену, как Николай II остановился перед гобеленом и несколько минут неотрывно смотрел на королевское семейство. Что вдруг его здесь остановило, какие мысли пробудились в нем, того не сказал...

Первые дни по возвращении царя во дворец никто к ним не приезжал. Арестанты привыкали к новым условиям существования. Дети постепенно выздоравливали, но гулять выходил лишь один Николай Александрович. Его обычно сопровождал Василий Долгоруков. Однако, прежде чем выйти на улицу, надо было получить разрешение. Комендант дворца назначал охрану, обычно пять-шесть солдат, следовавших в непосредственной близости. Некоторым из них доставляло удовольствие отдавать команды бывшему повелителю империи, и каждую минуту слышалось: «Господин полковник, туда нельзя», «вернуться назад», «идите медленней» и т. д. Все это оскорбляло, унижало, и Николай Александрович даже на некоторое время разлюбил бывать на свежем воздухе. Но все равно на улицу выходил каждый день. Чистил снег в парке, колот лед.

Николай II и Александра Федоровна не сомневались, что надолго их в покое не оставят. Может быть, и разрешат уехать (первое время они искренне на это надеялись), но в любом случае все будет обставлено всевозможными неприятностями и оскорбительными выходками. Как видно, без этого многие обойтись не могут. Еще до приезда мужа царица уничтожала некоторые личные бумаги, которые не должны были попасть в чужие руки. Огню предавались письма и дневники. Перед тем, как бросить в камин, она перечитывала некоторые и тихо плакала. Сколько всего пережитого возникало в памяти. Нежные послания дорогой бабушки королевы Виктории, письма ее сестер и брата, переписка с Аней Вырубовой, ну и, конечно же, собственный дневник, страницам которого она доверяла самые потаенные мысли и чувства. Это все — личное, и их недоброжелатели могут любые строчки превратно истолковать. Сколько уж всего про нее и про Ники написали и сказали злого, несправедливого! Не надо давать новых поводов. Когда приехал муж, и он уничтожил кое-какие бумаги. Нет, никаких государственных документов не трогал. Только самое приватное, что никого не касалось.

Лишь с одной связкой бумаг царица не могла расстаться: это была ее переписка с Ники. Нет, это она сохранит, это останется с ней до последнего вздоха. Расстаться с этими драгоценными реликвиями — выше ее сил. Потом, когда всех их расстреляют, убийцы найдут в комнате Ипатьевского дома старый желтый

портфель, где будет находиться вся личная корреспонденция венценосцев. Александра, конечно же, не знала, что той ночью, 17 июля 1918 года, их так быстро и так варварски уничтожат. Но если бы знала, если бы почувствовала свой последний земной час, то вряд ли бы уцелели груды тех листков, где запечатлела обреченная женщина свои самые потаенные чувства и мысли.

До Петрограда долетел слух, что в Царском неурядок, что там идет активная закулисная работа, что ведется интенсивная переписка с различными лицами, царь и царица уничтожают важные документы, а комендант вступил в сговор с арестантами. Министр юстиции и генерал-прокурор Керенский просто взвился. Как могло такое происходить? Где караул? Что делают революционные власти, чтобы прекратить «это безобразие»? Решил сам нагряться. Его визит, походивший на шумный инспекторский налет, состоялся 21 марта (3 апреля). В Александровском дворце уже с утра стало известно, что ожидается прибытие грозного революционера, фактического вершителя судеб страны. Некоторые из обитателей дворца впали в состояние паники. Вырубова, только недавно оправившаяся от болезни, вдруг опять занемогла. Неугомонная Лили Ден все утро разносила по дворцу пугающие слухи. Некоторые даже решили, что их чуть ли не всех будут расстреливать.

Министр юстиции прибыл в середине дня, был полон сил и удивительной энергии. Обошел все помещения дворца, проверил посты, отстранил дворцового коменданта Коцебу, вместо которого назначил своего хорошего знакомого военного юриста П. А. Коровиченко. Пожелал увидеть царскую семью. Встреча произошла в классной комнате цесаревича на втором этаже. Кроме отца и матери, присутствовали Алексей, Ольга и Татьяна. Как только министр вошел, Николай Александрович сказал: «Вот моя семья. Вот мой сын и две старшие дочери. Остальные больны: в постели. Если Вы хотите, их можно увидеть». Керенский тут же ответил: «Нет, нет, не хочу беспокоить». Затем сказал, что «английская королева интересуется здоровьем бывшей государыни». Теперь, как он видит, она находится в добром здравии. В конце у него состоялась приватная беседа с Николаем Александровичем. Керенский счел нужным сообщить, что он добился отмены смертной казни, несмотря на то, что «многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений». Кого генерал-прокурор имел в виду, было неясно. Далее он поведал о том, что «в настоящее время решается вопрос об отъезде» семьи бывшего царя, но просил, чтобы об этом не говорили. На этом беседа завершилась.

Визит имел и грустные последствия. Выйдя из классной комнаты, Керенский в сопровождении нескольких человек из

караула сразу же отправился к Вырубовой. Он был уверен, что именно эта особа — главная интриганка, основное действующее лицо распутинского кружка, влияние которого было, по его мнению, столь трагичным для России. Распутинцы, в том был уверен прокурор, не успокоились. Плетут опять свою грязную паутину. Но теперь ничего у них не выйдет. Он пресечет эту деятельность. Войдя без стука к Вырубовой, объявил, что она должна немедленно собираться и следовать по его распоряжению в Петроград. На сборы было дано несколько минут. Никто этого не ожидал. Вырובה расплакалась, но начала собираться. За дверью стояли военные и торопили. Боже мой, как же так? Она ведь не попрощалась даже со своими дорогими: с государем, государыней и их детьми! Дрожащими руками написала коротенькую записку Александре Федоровне. Попросила знакомую фельдшерницу вместе с иконой Спасителя передать ее царице.

Затем чуть не на коленях стала умолять Коровиченко и Кобылинского позволить проститься с государыней. Те неохотно согласились. Шатаясь от слабости, вошла в комнату гофлектрисы Шнейдер, где должно было произойти прощание. Через несколько минут дверь открылась и показалось заплаканное лицо Александры Федоровны. Ее вез в кресле-коляске верный камердинер Алексей Волков. Следом спешила Татьяна Николаевна. Говорить не могли, все рыдали. Вырובה припала к царице, обхватила ее руками и голосила по-бабьи, забыв все светские нормы. Потом удивлялась, как она не умерла в тот момент. Успели обменяться с царицей кольцами, и Александра Федоровна сквозь рыдания, указывая на небо, сказала: «Там и в Боге мы всегда вместе». И новый приступ рыданий. Анну еле оторвали от государыни, и она плохо помнила, как оказалась в автомобиле, где уже сидела Лили Ден, тоже арестованная. Николай Александрович проститься не успел. Был на прогулке. Когда узнал, что Аню увозят, почти бегом вернулся во дворец, но автомобиль уже отъехал.

Анна Александровна, взявшая в мае 1917 года свою девичью фамилию Танеева, прожила после тех событий еще долго. Бывшая задушевная подруга царицы пережила всех своих друзей, родственников и большинство врагов. Она умерла в Финляндии в 1964 году. Всю жизнь каждый день перед нею были незабвенные образы; она молилась, и вспоминала, и плакала все время. Боль той потери не проходила никогда. Все последующие горькие десятилетия она видела мало радости. Жила в нужде, подвергалась поношениям частью эмиграции, нередко голодала. Но все переносила легко. После того незабываемого, после той страшной потери — невосполнимой разлуки с дорогими мучени-

ками — ей уже было не страшно. И когда во время второй мировой войны нависла угроза оккупации Финляндии советской армией, большинство русских в ужасе старались уехать, укрыться где-нибудь в безопасном месте. Она не собиралась укрываться. Ничего уже не боялась. Она помнила то последнее предсказание Александры Федоровны. С надеждой и верой ждала будущей встречи там, далеко, на Небе, где они уже не расстанутся никогда.

Глава 28

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ КРУГ

Вся царская семья сохраняла удивительное самообладание, а выдержкой Николай Александрович и Александра Федоровна просто поражали приближенных. После набега Керенского понемногу все успокоилось, но горькое чувство от неоправданной жестокости не проходило. Что им сделала Аня, ну почему против них такое озлобление? Все, кто им предан, кто честно исполнял свой долг, теперь «государственные преступники»! В разговоре с Бенкендорфом Николай II однажды сказал: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и Народ!»

Каждый день в газетах такое писали, что было просто стыдно читать, совестно делалось за тех, кто позволял себе сочинять подобные небылицы. Бывшего царя особенно угнетали известия о развале армии. Всякая организация там была нарушена, солдаты не слушались командиров. Старшие по чину боялись младших, которые за ними шпионили. А эти ужасные сообщения об избиении офицеров, особенно в Кронштадте! Сообщали, что некоторых обливали бензином и сжигали заживо. Боже мой, неужели такое могло случиться? И где? В России? Вообразить подобное царю было невозможно, верить этим сообщениям не было сил. Из газет Ники и Аликс узнали, что тело их друга Григория было извлечено из могилы и какие-то пьяные солдаты его сожгли! Господи, помоги пережить все это! Спаси Россию!

Арестантский режим имел много житейских неудобств. Одними из самых неприятных, особенно для такой религиозной семьи, как царская, были ограничения при исполнении церковных треб. Нет, молиться им не запрещали, позволяли ходить на службу в дворцовую церковь. Но все происходило при охране, под пристальными взглядами сопровождающих, а это было непри-

ятно. Кроме того, не дозволялось лично встречаться и беседовать со священником. А ведь раньше Ники и Аликс так любили поговорить с батюшкой и до и после службы. Теперь это запрещалось. Их духовник отец Александр (Васильев) еще в феврале тяжело заболел и у них уже больше не появлялся. В Александровский дворец назначили настоятеля Федоровского собора протоиерея отца Афанасия (Беляева), которого они знали, но не близко. Первый раз он служил в царском доме, когда еще здесь не было государя, тем страшным днем 2 марта 1917 года, и потом постоянно приезжал. В конце марта батюшка тоже фактически стал заключенным и провел неотлучно во дворце несколько недель. Первый раз за великим входом, когда надо было здравицу произносить, священник сбился: вместо Благодетельного Самодержца Государя Императора надлежало теперь помянуть Державу Российскую и Временное правительство. Трудно ему было.

Приближалось Светлое Христово Воскресение. В тот год Пасха пришлась на 2 (15) апреля. Вся Страстная неделя была наполнена событиями. 27 марта, в понедельник, начали говеть. Но и в этот день мирские неприятности не оставили. После обедни приехал Керенский с новостью: дано распоряжение царю и царице находиться отдельно и общаться только в присутствии охраны, даже с детьми. Разговаривать теперь разрешалось только по-русски. Царь был удручен, но ничего не сказал. Царица же не выдержала и заметила Жильяру: «Поступать так с Государем, сделать ему эту гадость после того, что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это низко, как это мелко. Да, — заключила царица-арестантка, — надо перенести еще и эту горькую обиду». Через несколько дней этот немилосердный запрет все-таки отменили.

В Великий Четверг, 30-го, литургия закончилась около полудня. Царская семья усердно молилась, затем причастились. Днем Николай Александрович вместе с дочерью Татьяной полчаса погулял. Больше не получилось. Кругом было слишком оживленно: толпы народа стекались в царскосельский парк. В тот день там должно было произойти важное событие: власти устроили многолюдную общественную акцию — «похороны жертв революции». В первые мартовские дни в Царском Селе пьяные солдаты несколько дней бесчинствовали, грабили магазины и винные лавки. Одурав от вина и безнаказанности, затеяли беспорядочную стрельбу, в результате — несколько человек погибло. Вот они-то и стали «погибшими борцами за свободу», «революционными мучениками», которые были так нужны новым правителям. В Петрограде, в присутствии всех министров

и главных деятелей Февраля, подобное действо состоялось за неделю до того, 23 марта (6 апреля). Тогда на Марсовом поле земле было предано 210 красных гробов. Звучали речи, гремели оркестры, и впервые за тысячелетнюю историю России в государственной церемонии не участвовал ни один священник. Наступили другие времена.

Подобное же действо решили организовать и в Царском. Но здесь «жертв» было значительно меньше, набралось всего восемь гробов. Обыватели между собой говорили, что среди «жертв» — умершая за два дня до того кухарка и два угоревших от вина вольноопределяющихся. Но данные утверждения никто не рисковал оглашать публично. Все специально устроили так, чтобы лишний раз показать «народное презрение к царизму» и в очередной раз свести свои мелкие счета с павшим правителем. Для захоронения избрали место прямо в царскосельском парке, в сотне метров от Александровского дворца, на главной аллее, напротив круглого зала, окон церкви и кабинета императрицы. Шествие с красными флагами и с музыкой началось еще в середине дня. Затем зазвучали речи, обличавшие «царский режим», «проклятое прошлое». Все время звучала музыка: траурные марши, революционные песни. Слова их еще мало кто знал, и лишь единичные голоса выводили «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», «Отречемся от старого мира...» Эти толпы военных и гражданских, пришедшие на похороны, как на праздник, многие с красными бантами и явно навеселе, уже от всего отреклись. У них не было связи со вчерашним днем. Они всей душой рвались вперед, туда, в зияющую тьму, казавшуюся им светом.

Царь и царица видели и слышали происходившее. Чувства горечи и грусти не оставляли. Для них прошлое осталось живым, память о днях минувших давала силы для дня нынешнего. Обитатели дворца готовились к торжественной Всеношной и к чтению 12 Евангелий. Служба должна была начаться в 6 часов вечера. С улицы доносилась музыка, толпы разгуливали в парке, что-то кричали и носили красные гробы, опускавшиеся в землю под грохот оружейной канонады. «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят», — повторял батюшка и крестился. Шум стих лишь за полчаса до начала всеношной. На службу собралось около ста человек. Все служащие дворца, некоторые из охраны, приближенные. Все было скромно, благочинно и торжественно. Вечером священник записал в дневник: «Надо самому видеть, надо и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья, усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою

покорностью, кротостью, смирением, всецело передав себя в волю Божию, стоят за богослужениями».

На следующий день исповедовались. Первыми — дети. Священника в полном облачении, с крестом и Евангелием в руках проводили наверх, на детскую половину. Он никогда еще здесь не был, его невольно поразила скромная обстановка. Никакой роскоши. Мебель простая, не лучше той, что у самого священника в доме. В углу каждой комнаты устроен настоящий иконостас. Иконы здесь разного размера с изображениями чтимых Святых угодников Божиих. Рядом стоял аналой (так было везде), на котором разложены молитвенники, Евангелие и крест. Общая молитва перед исповедью состоялась в комнате Ольги Николаевны, которая еще не оправилась от болезни и была в постели. Рядом сидел в голубом халатике Алексей, Мария разместилась в передвижном кресле матери, за которым стояла Анастасия. Лишь одна Татьяна отсутствовала. После службы все разошлись.

Началась исповедь. Первой исповедовалась Ольга, затем Алексей, Мария, Анастасия. Позже, вечером, очередь дошла и до Татьяны. Батюшка переходил из комнаты в комнату, выслушивал каждого, задавал вопросы и был несказанно поражен открывшимся ему. Много на своем веку ему довелось видеть людей, немало людских душ обнажалось в откровении, но то, что он увидел, ощутил теперь, поразило. На следующее утро, вспоминая происшедшее накануне, отец Афанасий записал: «Дай Бог, чтобы и все дети были нравственно так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли мне напоминать как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах».

Тем же вечером исповедовались Николай Александрович и Александра Федоровна. Первой — царица. Дело происходило в маленькой моленной, расположенной рядом со спальней. На коленях перед иконами, с Евангелием в руках стояла бывшая императрица и говорила о болях своего сердца. Слезы блестели в ее глазах, и нельзя было усомниться в том, что душу открывает без утайки... Затем наступила очередь Николая Александровича. Горячо, с искренней верой в милосердие Всевышнего, сознавая важность происходящего, просто и страстно молился бывший земной царь, прося у Царя Небесного прощения за все большие и малые, вольные или невольные, ошибки и заблуждения. Он

просил Господа ниспослать благо России. О милости к себе и своей семье не упоминал. Батюшку это невольно поразило.

После прочтения молитвы и целования креста, отец Афанасий говорил какие-то слова утешения, но его все время мучила мысль, что достойных случаю слов он найти не может. Потом у священника с Помазанником состоялась короткая беседа, и Николай Александрович сказал: «Мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт, и я решил ехать: не в Петроград, а в Царское Село, и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прервана, я решил вернуться на фронт, но и туда дорога оказалась прерванной. И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как пойманный преступник, я подписал акт отречения от престола и за себя и за сына. Я решил, что, если это нужно для блага родины, я готов на все. Семью мою жаль». Произнеся это, царь заплакал, а священник стоял, потрясенный виденным и слышанным, и сам готов был разрыдаться...

Пасхальная заутреня началась за час до полуночи. В 12 ночи 2 апреля раздался возглас священника «Благословен Бог наш», а певчие запели «Аминь» и «Воскресение Твое Христе Спасе» и начался крестный ход. Впереди несли фонарь, за ним запрестольный крест, хоругви, икону Воскресения Христова, далее шествовали певчие в малиновых одеяниях, причт в светлых пасхальных ризах, царская семья, свита, служащие. Вышли из церковных дверей, обошли вокруг круглого зала и вернулись к церковным дверям. Все длилось всего несколько минут. Затем в соседней комнате, в библиотеке, стали христосоваться. По своей давней привычке Николай запомнил число: 135 человек. Уж и не знал даже, когда так мало было. Затем началась литургия.

Около двух ночи сели разговляться в царских покоях. Приглашено было всего 18 человек. Убранство стола и весь ритуал трапезы напомнили прошлые годы: в центре большого круглого стола красовалось плато из живых роз, а вокруг были расставлены на императорских сервизах куличи, пасхи, крашеные в красный цвет яйца. Рядом красовались огромные свиные окорока, жареные рябчики и куропатки, колбасы, свежие и соленые огурцы и еще много всего разного. Дворцовые лакеи обслуживали как всегда: первому блюдо подносили Николаю II, а затем по порядку всем прочим, справа и слева сидящим от него. В том же порядке подавались и напитки, но вина почти никто не пил и бокалы у всех были наполнены шампанским. За столом мало говорили; какая-то тягостная атмосфера висела в воздухе, хотя и праздник был великий. Не прошло и часа, как стали расходиться: первой встала Александра Федоровна, следом и остальные. Все тихо разбрелись по комнатам.

В середине следующего дня начался официальный прием. Распожрался как всегда граф Бенкендорф. Первым подошел духовник. Николай Александрович поцеловал у него руку, тот, в свою очередь, поцеловал царскую руку. Рядом стояла царица, и с ней все повторилось. Затем шел причт дворцовой церкви, придворные, певчие и все прочие служащие. Александра Федоровна каждому дарила фарфоровое яичко, запасы которых сохранялись в дворцовых кладовых от прежних времен. Затем состоялся завтрак в присутствии самых близких. Тем и закончился этот праздник для царской семьи, последний их праздник в собственном доме. Дальше все уже будет совсем по-иному. Все, что с ними с той поры происходило, что хоть как-то соответствовало традиции, давним привычкам и нормам, теперь у них было последнее, прощальное. Все плотнее и плотнее обступал тяжелый сумрак враждебного мира.

Вокруг происходили невиданные перемены, в головах и душах царил хаос чувств и какой-то идиотической (по словам одного современника) радости. Ликовали даже те, кто был удален от общественных страстей и вообще считался человеком вне политики. Вот, например, поэт Александр Блок, имя которого в тот период было уже широко известно в среде «читающей публики». Он был в полном восторге и весь погрузился в «стихию Революции», с упоением слушал ее «музыку», пропитывался впечатлениями незабываемых дней. В день Пасхи, 2 апреля, был на праздничной службе в Исаакиевском соборе, затем гулял по городу. Его переполняли восторженные эмоции, которыми делился с матерью: «Иллюминации почти нигде не было, с крепости был обычный салют и со всех концов города раздавалась стрельба из ружей и револьверов — стреляли в воздух в знак праздника. Всякий автомобиль останавливается теперь на перекрестках и мостах солдатскими пикетами, которые проверяют документы, в чем есть свой революционный шик. Флаги везде только красные, «подонки общества» присмирили всюду, что радует меня даже слишком — до злорадства».

Да, как все резко преобразилось. Восхищение вооруженными патрулями, стрельбой из ружей и злорадство по поводу несчастий других («подонков общества») — вопиюще контрастировало с традиционными чувствами любви, сострадания и просветления, переполнявшими ранее православные души в день Светлого Христова Воскресения. Революция изменяла до неузнаваемости чувства и мысли. Но даже в момент почти всеобщего помешательства находились люди, не забывавшие о сострадании и милосердии. Той весной 1917 года, когда Блок упивался происходящим и злорадствовал, звучало и совсем иное. На

третий день Пасхи Марина Цветаева написала стихи-мольбу о сыне Николая II:

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!..
Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Два замечательных поэта, два чувства, два мировосприятия. У каждого была собственная мера человеческой любви и социальной ответственности.

Теми месяцами 1917 года время несло вперед с невероятной быстротой. Все вокруг не переставая бурлило, ежеминутно изменялось, и даже столичным жителям было трудно следить за событиями и сознательно ориентироваться в них. Каждый день газетные заголовки кричали о новых решениях различных революционных властей, о скандалах и склоках между правительством и всемогущим советом депутатов. Появились какие-то большевики во главе с неким Лениным, которого все газеты ругали, а обыватели смертельно боялись. Мелькала череда имен новоназначенных и уволенных должностных лиц, но запоминали лишь некоторых. На фронте дела шли все хуже и хуже. В конце июня затеяли шумное наступление, о котором трубили несколько недель, но все закончилось конфузом и новым отступлением. Митинги и шествия проводились почти ежедневно в разных частях города и по разным поводам. Возникали какие-то лиги и союзы: «Друзья Марата», «Мировая лига свободы», «Народные мстители», и еще немислимое число им подобных. Театры работали с полной нагрузкой. Кинозалы были переполнены. Продукты дорожали, цены росли каждый день, и уже летом 1917 года за новый рубль в лучшем случае давали довоенный гривенник. Вслух начали говорить о «сильной руке», о необходимости «навести порядок». Летом уже многие с умилением вспоминали ушедшие времена. Революционный угар начинал потихоньку рассеиваться. Жизнь была наполнена шумом, суетой, бестолковщиной.

Безнадежно запутывались в калейдоскопе жизни и царские родственники. Сын княгини Палей и великого князя Павла Александровича поэт Владимир написал в июне 1917 года в своем дневнике: «Какое страшное, тяжелое время! Мы все живем слухами, предположениями, надеждами и воспоминаниями. Нет ничего вокруг настоящего. Все сбилось с толку, у всех в голове какая-то каша... Растет, развивается хамство. Как поганое дерево оно уже протягивается в разные стороны, зловонные ветки цепляются за все окружающее». Но горькое замечание

было попутным. Общественные события внимания надолго не привлекали. Молодой человек, ему всего 21 год, писал стихи, читал умные книги, встречался с интересными людьми, посещал литературные и поэтические вечера, кутил с друзьями и веселился от души. Чувства надлома, крушения и конца прорывались лишь в стихах (ведь «без ощущения апокалипсиса» русского поэта не бывает!):

Как ты жалка и окровавлена,
Моя несчастная страна!
Ты от позора не избавлена,
Ты в эти дни коснулась дна!

Великокняжеский отпрыск вынашивал план издать в дни всеобщего крушения и распада сборник стихов-предсказаний. Поэт-аристократ был уверен, что в этом заключался утонченный шик, доступный пониманию лишь посвященных. Его окрыляло, что маститый журналист А. В. Руманов и известнейший юрист А. Ф. Кони (последний вообще считал Владимира «надеждой русской поэзии») горячо поддерживали это намерение. Молодой человек нисколько не жалел о падении монархии, хотя приходился внуком императору Александру II и кузеном Николаю II. Когда навещал своего отца и мать, живших до конца лета 1917 года в роскошном дворце в Царском Селе, он читал им свои стихи, делился издательскими замыслами.

Мать рассказывала, что несколько раз через решетку ограды наблюдала бывшего царя и царицу под охраной около Александровского дворца, что подобное зрелище вызывало в ее душе тоску и печаль. Сын выслушивал молча и смотрел на мать снисходительно. Ему «те люди» были совсем не интересны. Никаких моральных обязательств перед ними не имел. Без стеснения рисовал на царицу непристойные карикатуры, показывал их друзьям, и они весело смеялись. Особенно упражнялся в язвительных замечаниях Феликс Юсупов, воспринимавший Александру Федоровну как личного врага.

Последнее поколение русской аристократии, князь Палей в том числе, столичная «золотая молодежь», состояло почти сплошь из циничных эгоцентриков. Они вступили в жизнь накануне крушения России и совсем не дорожили прошлым. Их самолюбие тешила мысль, что они очевидцы «крушения последнего Рима». Их увлекало настоящее и занимало грядущее, которого они ждали, кто со страхом, кто с опасением, но все — с несомненным любопытством. Столько было предсказаний, предчувствий, предположений! Но в это будущее многим из них дорога оказалась закрыта. В июле 1918 года Владимира Палея в Алапаевске столкнули в шахту вместе с другими Романовыми, несмотря на то, что он не носил царскую фамилию. Убийц ди-

настические тонкости не занимали. Они знали — мальчишка «царский выкормыш», а этого было достаточно...

В Александровском дворце время остановилось. В первые недели после возвращения Николая Александровича жизнь замерла, все погрузилось в какое-то безнадежное оцепенение, как на утлом суденышке, оказавшемся посреди беснующегося моря. Потом стало несколько лучше; привыкали, овладевали великой христианской добродетелью — смирением. Никаких общественно значимых устремлений, дальних целей не существовало. Судьба царя и его близких уже ни в какой степени не зависела от них самих. Полагаться можно было лишь на милость Всевышнего. Старались не говорить о будущем. Вначале были еще упования на благоприятный исход, на то, что все образуется, семье позволят куда-то уехать. Но с каждым днем надежда убывала, а к лету она совсем исчезла. Газеты доставлялись из Петрограда каждый день, и, читая их, надо было быть безумным, чтобы тешиться иллюзией, что их просто так отпустят, куда они хотят. Ни царь, ни царица безумными не были. Все прекрасно понимали. Но они знали и другое: в конечном итоге судьба каждого в руках Божьих, и будет так, как должно быть. Если грядут новые испытания, а они, несомненно, будут, надо только усердно молиться, чтобы хватило крепости духа.

Императрица, в силу эмоциональности, страстности своей натуры, особенно остро переживала происходящее. В конце мая 1917 года Александра Федоровна написала пространное письмо полковнику А. В. Сыробоярскому, лечившемуся ранее в ее госпитале и после революции рискнувшему прислать ей благодарственную весточку. В том послании многое о себе рассказала. Зная, что никогда не лгала и не лукавила раньше, можно не сомневаться, что это действительная исповедь сердца поверженной царицы, оскорбленной жены и несчастной матери.

«Все можно перенести, если Его (Бога. — А. Б.) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, и не будучи в состоянии им помочь. Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Как тяжело читать газеты. Где мы? Куда дошли? Сколько гадости о Нем (Николае II. — А. Б.) пишут: слабоумие и т. д. Хуже и хуже, бросаю газеты, больно все время. Все хорошее забыто. Тяжело ругательства про любимого человека читать, несправедливость людей и никогда ни одного хорошего слова... Когда про меня гадости пишут — пускай; это давно уже начали травить, мне все равно теперь, а что Его оклеветали, грязь бро-

сают на Помазанника Божия, это чересчур тяжело. В людей, Вы знаете, я почти не верю, но зато всем сердцем — в Бога; и все, что случится, не отнимет эту веру... Царство зла теперь на земле. Психология массы — страшная вещь. Наш народ уж очень некультурен, оттого, как стадо баранов, идут за волной».

Но Господь оставил их на земле, в этом «царстве зла», и надо было жить наперекор всему и всем. По мере возможности старались устроить повседневность, придать смысл своему существованию. Сам собой встал вопрос о продолжении обучения Алексея. Несколько дней в апреле царь и царица с приближенными обсуждали подробно эту тему. Мальчик был еще слаб, но, как только поправится, необходимо было продолжить регулярные занятия, прерванные еще в феврале. Теперь ведь многие преподаватели удалены, и эту роль могли исполнять лишь те, кто разделял заключение во дворце. В конце концов приняли следующее распределение педагогических обязанностей: Николай Александрович будет преподавать историю и географию, Александра Федоровна — Закон Божий, баронесса София Буксгевден — английский язык, Екатерина Шнейдер — арифметику, доктор Евгений Боткин — русский язык, а Пьер Жильяр — французский. Занятия начались 17 (30) апреля.

К концу апреля все дети окончательно выздоровели; последними Ольга и Мария. В полном составе собрались за обеденным столом лишь 19 апреля. Начали выходить гулять всей семьей. Александра Федоровна первый раз вышла на улицу 11 апреля. Она еще была очень слаба. Сильно болели ноги, и ее вывез в кресле-коляске верный матрос Клементий Нагорный, который теперь, после скандального расставания с боцманом Деревенько, остался единственным дядькой при цесаревиче. В отличие от многих других, он сохранил до конца верность царской семье. По доброй воле поехал с ней в Тобольск, а затем в Екатеринбург, где несколько раз открыто вступался за подопечного мальчика. В конце концов его из Ипатьевского дома увезли, заключили в тюрьму и за месяц до убийства Романовых расстреляли.

В парке Николай Александрович и члены его семьи могли двигаться лишь на определенном пространстве, образуемом цепью охраны. Они это называли «кругом». Постепенно начал устанавливаться контакт между солдатами и арестантами. Царь и его дети были простыми в обхождении, такими послушными, внимательными, аккуратными, так нежно относились друг к другу, что это невольно трогало многие сердца. Конечно, всегда находились экземпляры, стремившиеся продемонстрировать превосходство, корчившие из себя «строгих начальников» и получающие сладостное удовольствие, чиня мелкие притеснения. Но другие, наоборот, вступали в беседу и с охотой рассказывали

о своем нехитром житье-бытье, о повседневных нуждах, о положении дел дома. Солдат невольно поражало, что царь и дочери, особенно Мария Николаевна, с огромным вниманием их рассказы слушали и запоминали. И по прошествии дней задавали вопросы о больной жене, о здоровье других родственников и близких, называли их по имени! С ними так «из благородных» никогда и никто не разговаривал!

Подшло 6 мая — день рождения Николая Александровича. Первый раз встречал его в безрадостной обстановке. Близкие окружили особым вниманием, но на душе в тот день было как-то особенно грустно. Впервые его не поздравила дорогая Мамá. Он знал, что она вместе с Ксенией и Ольгой находится в Крыму, в имении Ай-Тодор. Писем не получали (первые весточки оттуда придут лишь летом), но кое-что удалось узнать из газет: они там сами все под арестом, у них отключили телефон, запретили выезжать и принимать, а вся корреспонденция просматривается. Но все равно, так хотелось туда. Как было бы хорошо, если бы и им разрешили переехать: были бы все вместе. Дети и Аликс смогли бы проводить много времени на свежем воздухе, на солнышке, и с матушкой он смог бы видеться.

Разлука с матерью мучила все время. Последняя встреча их опять сблизила. Девятого июня записал в дневнике: «Ровно три месяца, что я приехал из Могилева и что мы сидим, как заключенные. Тяжело быть без известий от дорогой Мамá, а в остальном мне безразлично». Каждый раз, встречаясь с Керенским, бывший царь касался этой темы, и тот не отказывал. Надежда сохранялась вплоть до конца июля. Уже когда все окончательно с местопребыванием прояснится и они окажутся в Сибири, в сентябре 1917 года, Николай Александрович напишет сестре Ксении: «Я тоже надеялся, что тебе удастся заехать к нам до Крыма. А как мы надеялись, что нас отправят туда же и запрут в Ливадии, все-таки ближе к вам. Сколько раз я об этом просил Керенского».

Как только стало пригревать солнце и начали лопаться первые почки, в семье возникло намерение завести свой огород. Обсудили это с комендантом Кобылинским, тот не возражал. С провизией становилось с каждым днем все труднее, денег было мало, а все постоянно дорожало. Им еще переводили некоторые суммы со счетов упраздненного Министерства двора, но они постоянно сокращались и следовало экономить. Надо уже заботиться о своем пропитании. С другой стороны, Николай Александрович не сомневался, что очень полезно находиться всем вместе на свежем воздухе и делать нужное дело. Работать на земле, заниматься крестьянским трудом — это так здорово. Эту идею отца горячо поддержали и все остальные. Обсуждали и

обсуждали без усталости, что и где будут сажать, советовались с солдатами, и те много полезного начинающим землепашцам рассказали. Больше всех воодушевились Мария и Татьяна, но и остальные горели энтузиазмом. Правда, на Алексея особых надежд возлагать нельзя, Ольга совсем слаба, а неугомонная Анастасия лишь будет носиться, создавать шум, но проку от нее обычно мало.

Работы начались 28 апреля, когда еще кое-где лежал снег и лед на пруду до конца не растаял. Место для огорода выбрали на парковой лужайке около дворца, напротив окон личных покоев императрицы Марии Федоровны. Вот матушка бы удивилась, увидев своего сына и внучек за необычным занятием. Помогали Василий Долгоруков, месть Жильяр и другие. Солдаты и офицеры охраны с интересом относились к сельскохозяйственным занятиям арестантов и давали советы. С каждым днем работы расширялись, и в них даже иногда принимали участие караульные. Сначала снимали дерн, который относили в глубь парка. Затем землю надлежало удобрить, взрыхлить и сделать грядки, которых в итоге образовалось 65. В середине мая началась посадка. Этим делом увлеклась и Александра Федоровна, но она быстро уставала. Дочери занимались регулярно и с охотой, а некоторые из служащих помогали. Много посадили капусты, моркови, картофеля, свеклы, репы и кое-что из других овощей.

Когда завершилась «огородная страда», по инициативе Николая Александровича решили заняться другим важным делом: заготовкой дров. Отопление во дворце уже в апреле перестало работать, так как топлива не было и купить его было не на что. В некоторых комнатах топились печи, но в большинстве помещений стоял страшный холод, так как температура воздуха на улице опускалась постоянно ниже нуля. Многие болели. А если им придется остаться здесь на зиму (ничего определенного впереди не было, и такой вариант не исключался), то как же они ее перенесут? Этот вопрос невольно возник перед главой семьи, понимавшим, что теперь можно рассчитывать только на себя. Их могут в любой момент лишить всякого обеспечения и просто обречь на гибель от холода. Кроме того, тяжелый физический труд помогал забыть, отвлечься от грустных мыслей и безрадостных предчувствий. Бывший царь пилил сухие деревья на дрова с таким усердием и так долго, что окружающие поражались его выдержке и физической крепости.

Так как у поверженного монарха имелось теперь в избытке свободное время, появилась возможность удовлетворять свою страсть к чтению. Библиотека Александровского дворца насчитывала около 18 тысяч томов, и недостатка в литературе не было. Возобновилась традиция вечерних семейных чтений. Ни-

колай Александрович, как всегда, читал как специальные исследования, так и то, что называлось беллетристикой. Весной 1917 года из серьезных книг его захватила монументальная «История Византийской империи», принадлежавшая перу известного историка Ф. И. Успенского. Кроме того, ознакомился с опусами бывшего военного министра Н. А. Куропаткина «Задачи русской армии» и умершего еще в 1914 году бывшего министра просвещения Л. А. Кассо «Россия на Дунае». Вечерами же читал «Графа Монте-Кристо» А. Дюма, рассказы Конан Дойла о похождениях легендарного сыщика Шерлока Холмса. Привлекло внимание и сочинение Дмитрия Мережковского «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей» — три части его трилогии «Христос и Антихрист». Но, конечно же, как всегда, духовному чтению уделялось немало времени, особенно Александрой Федоровной. С Библией же она вообще никогда не расставалась.

Все члены романовской семьи всегда много читали, но главным книгочеем, несомненно, являлся Николай Александрович. За последние шестнадцать месяцев своей жизни он ознакомился с множеством книг самого различного характера. Но вне зависимости от жанра произведения и его «толщины» все прочитывалось внимательно, а когда читали вслух, непременно потом вместе обсуждали услышанное. В числе последних авторов и книг были: «Необычные приключения Тартарена из Тараскона», «Тартарен в Альпах» А. Доде, «Александр I» Д. Мережковского, «В лесах» и «На горах» П. И. Мельникова-Печерского, «Девятый вал» Г. П. Данилевского, «Обойденные», «Островитяне», «Соборяне» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Королева Марго» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Отверженные» и «1793 год» В. Гюго, «Записки охотника», «Дым» и «Накануне» И. С. Тургенева и некоторые другие романы, рассказы, повести как русских, так и иностранных авторов. Последнее, что Николай II читал перед самой гибелью, — произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. За неделю до трагической развязки записал в дневнике, что ему «очень нравятся его повести, рассказы и статьи».

Царскосельское заключение завершилось неожиданно. 11 июля приехал Керенский и сообщил Николаю, что им, очевидно, скоро придется переехать на юг, «ввиду близости Царского Села от беспокойной столицы». В последующие дни живо обсуждали новость. Начали понемногу собираться. Но все обернулось совсем иначе. 28 июля Николай узнал от П. К. Бенкендорфа, что Временное правительство и его глава А. Ф. Керенский приняли решение вывезти семью из Царского. Куда их повезут, не сказали... На следующий день, 29 июля, сообщили, что в дорогу необходимо захватить теплые вещи. Стало ясно: в Ливадии им не бывать. Начали собираться без радости, но безусловно

повинуясь приказанию. Укладывали любимые вещи: иконы, книги, альбомы, туалеты, кое-что из мебели, посуду, белье и многое другое. Ограничений на багаж никаких не было, но комендант просил не выходить «за рамки благоразумия». Александра Федоровна взяла все свои собственные драгоценности и украшения, все, что лично ей принадлежало, — подарки мужа, свекра Александра III, свекрови Марии Федоровны, дары и подношения ей, царице, от бухарского эмира, иранского шаха, турецкого султана и других. Драгоценности девочек тоже взяли.

Вопрос о том, почему царская семья оказалась именно в Тобольске, много раз обсуждался и тогда, и потом. Высказывались разные предположения. Сам Керенский объяснял это необходимостью отправить царскую семью в беспокойное время в безопасное место. Перед самым отъездом гофмаршал Бенкендорф спросил у первого лица государства (заглазно его именовали Александром IV), как долго семья пробудет в Тобольске? Керенский доверительно сообщил, что сразу же после Учредительного собрания, которое откроется в ноябре, бывший царь и его близкие смогут свободно вернуться в Царское или выехать в любое другое место, «куда пожелают». Может, искренне верил в такой исход, а может быть, лукавил. Теперь этого уже не узнать.

За день до отъезда, 30 июля, был день рождения Алексея. Ему минуло 13 лет. В тот день отец записал в дневнике: «Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена!» Начали прощаться со многими, кто не поедет с ними. Горечь разлуки с родным домом, с людьми, со всей прошлой жизнью. Озлобления ни у кого не было. Накануне отъезда, 31 июля, утром, во дворец приехал Керенский вместе с Михаилом Александровичем и разрешил им в своем присутствии попрощаться. Братья не виделись так давно, столько всего случилось. Но разговора не получилось. Пожелали друг другу благополучия, обнялись. Вся церемония длилась не более десяти минут. Александра Федоровна отправила прощальное письмо старому и верному обер-гофмаршалу Бенкендорфу: «Дорогой граф. От любящего сердца горячо благодарю Вас за все, все эти 23 года — да наградит Вас Господь Бог — мы это не умеем, да благословит Вас. Грустно Вас и дом родной покидать — и вообще, но Господь милостив, я крепко ему верю. Еще раз до свидания. Обнимаю Вас».

В тот же день послала письмо с верным человеком Ане Вырубовой, только недавно отпущенной из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости: «Нам не говорят, куда мы едем (узнаем только в поезде) и на какой срок, но мы думаем, что туда, куда ты недавно ездила — святой завет нас туда и наш друг. Не правда ли, странно, и ты знаешь это место. Дорогая, какое стра-

дание наш отъезд, все уложено, пустые комнаты — так больно, наш очаг в течение 23 лет». И опять царица уверилась, что предсказание Григория сбывается. Когда в 1916 году Вырубова с Лили Ден ездили в Тобольск поклониться мощам Иоанна Тобольского, а затем посетили Распутина, тот тогда предрек, что царица обязательно побывает у него на родине. Побывает... перед смертью. Неужели это последний их путь? Неужели все, все сбудется?

Вещи загружали в два поезда, стоявших на Александровской станции под флагом японского Красного Креста. Первый предназначался для семьи царя, свиты и прислуги, а второй — для нескольких рот охраны и трех представителей Временного правительства. Помимо Николая, Александры и их детей, ехать согласилось 39 человек (позднее в Тобольск приехало еще несколько). Отъезд был назначен на час ночи с 31 июля на 1 августа. В полночь уже все были готовы и собрались в вестибюле. Но время шло, а к ним никто не приходил. Некоторые из сопровождающих всю ночь простояли на поляне около станции. Никому ничего не сообщали. Время тянулось необычайно медленно. Наконец в начале 6-го утра в Александровском дворце появился Керенский и сообщил, что можно ехать. Погрузились в автомобили и через пятнадцать минут были уже на платформе.

В распоряжение бывшего правителя империи и его близких было предоставлено четыре купе вагона международного класса. Керенский оставался рядом до самого отбытия. На прощание поцеловал руку у Александры Федоровны, а Николаю Александровичу сказал: «До свидания, Ваше Величество. Я придерживаюсь пока старого титула». Было и смешно, и грустно. Как только глава правительства выскочил на перрон, поезд тронулся. На часах было 6 часов 10 минут. Утро было удивительно ясным, на небе ни облачка, и солнечный свет заливал все вокруг...

Глава 29

ИЗГОИ

Поезд шел на восток. Большие города проезжали ночью, и охрана предупредила, чтобы днем из окон не выглядывали и занавесок не поднимали. Несколько раз останавливались на перегонах, вдали от населенных пунктов. Пассажирам разрешалось погулять вдоль вагонов. За день до отправления властям в Омске, Тюмени и Тобольске, за подписью Керенского, ушла

секретная шифрограмма, гласившая: «Экстренный поезд известного вам назначения выбывает 31 июля и прибудет 3-го в Тюмень. К тому дню приготовьте пароход и соответственно помещение в Тобольске». Но, как всегда, в срок ничего не успели. Поезд с арестованными пришел в Тюмень лишь поздно вечером 4 августа. Всю ночь шла перегрузка вещей, размещение пассажиров. Много было суеты, сутолоки, шума. Александра Федоровна, Николай Александрович и Алексей получили по одной маленькой каюте без удобств, а девочки разместились в одной пятиместной. Алексей совсем почти не спал, и отец и мать очень переживали. У мальчика вообще в последнее время расстроился сон, и он стал нервным, замкнутым. Господи, как ему тяжело! Мать все время была озабочена состоянием Беби. Ложилась с мыслью о нем и, просыпаясь, первым делом спешила узнать: как он, что он?

Наконец около шести часов утра 5 августа пароход «Русь» отошел от пристани. Двигались вверх по рекам Туре и далее по Тоболу в сторону Тобольска. Днем вышли все на верхнюю палубу. Кругом, насколько хватало глаз, расстилались необозримые просторы, и от вида этой шири дух захватывало. На воде постоянно встречались рыбацкие лодки, и люди в них внимательно, пристально разглядывали белый пароход и каких-то пассажиров на борту. Солнца не было, но погода была тихая и теплая. Никто, конечно, не подозревал, что это украдкой перевозят бывшего «царя Всея Руси». Сведения о том публично не оглашали; это была государственная тайна. Во второй половине дня, перед обедом, вдали показалось большое село. Спросили, как называется, сказали — Покровское. Родина Григория... Вся царская семья, замерев, смотрела на берег, туда, где среди серых построек выделялся своей добротностью двухэтажный дом Распутина. Они его сразу же узнали; видели раньше на фотографиях, и сам хозяин много рассказывал.

Особое волнение охватило Александру Федоровну. Она не думала, что здесь побывает, но вот ведь опять предсказание друга исполнилось. Она вглядывалась в землю, в эту темную воду, и казалось, что слышит и видит того, кто был так ей дорог. После крушения жизнь совсем переменялась, и от многого приходилось отказываться. Но то, что было в сердце, то, чем дорожила ее душа, от этого достоинства никогда не отрекалась. Она для этого была слишком цельной натурой. До конца своих дней сохраняла благодарность к человеку, столь много значившему в ее судьбе. Эти чувства она хоть и не скрывала, но и не показывала лишний раз Ники. Говорила об этом только с теми, кто тоже сохранял подобную верность. Ах, как жаль, что нет рядом Ани! С ней было бы все просто; ей не надо ничего объяснять!

В начале декабря 1917 года, посылая письмо своей подруге в Петроград, написала: «Милая моя, родная. Мысленно молитвенно всегда вместе — в любви расстояния нет. Тяжело все-таки не видеть друг друга. Сердце полно, так много хотелось бы знать, поделиться, но будем надеяться, что время придет, когда опять увидимся — все старые друзья... Родная моя, молодец дорогой, Христос с тобой. Надеюсь, что 17-го получишь, соединимся в молитвах».

17 декабря 1917 года — первая годовщина со дня убийства Григория — день скорбной печали, день молитвы и памяти для царицы и для ее верной Анны.

Тобольск узники увидели 6 августа вечером. Здесь Николай Александрович был уже раз, очень давно, летом 1891 года, когда возвращался из Японии. Тогда тоже плыл на пароходе, была торжественная встреча с хлебом-солью и почетным караулом, но провел в городе всего несколько часов. Ничего почти в памяти не удержалось, кроме главного собора, который сразу вспомнил. Теперь все было по-иному. Народу на пристани стояло много: значит, ждали. Но им из кают выходить запретили. Уполномоченные Временного правительства Вершинин, Макаров вместе с Долгоруковым и комендантом Е. С. Кобылинским (он оставался при царской семье, как уже говорилось, до мая 1918 года) пошли смотреть дом губернатора, возвышавшийся на правом берегу, где власти и определили место нахождения «гражданина Романова с семьей». Николай, обладая прекрасной памятью, конечно же, помнил, что здесь была резиденция того самого последнего тобольского губернатора Н. А. Ордовского-Танаевского, которого он в 1915 году назначил по настоятельной просьбе Григория и Аликс...

После падения монархии губернатор бесследно исчез, а дом был разграблен обывателями. Вскоре он был «национализирован» и его называли «Домом свободы», как и улицу, на которой располагался этот двухэтажный особняк. Однако жить в «Доме свободы» было нельзя: все затоптано, загажено, мебель почти вся растащена, а система водоснабжения полностью разрушена. Городские власти зашевелились, лишь когда «особые узники» прибыли. Целую неделю делали ремонт, приводя бывшую губернаторскую резиденцию в приличное состояние, завозили мебель. Все это время бывший царь и его близкие оставались на пароходе. Чтобы не создавать на пристани ажиотажа (слух о прибытии царской семьи распространился уже по всему городу, и народ валил на пристань; люди стояли и глазели с утра до вечера), на три дня «Русь» перегнали на несколько верст вверх по реке и там причалили к пустынному берегу. Пассажиры-арестанты много гуляли, наслаждались тихой погодой и живописной мест-

ностью. Лишь 13 августа состоялось вселение в новое жилище. В самом «Доме свободы» разместилась семья и несколько приближенных: П. Жильяр, комнатная девушка императрицы А. С. Демидова, старый камердинер царя Т. И. Чесноков, камеристка («камер-юнгфера») Александры Федоровны М. Г. Тутельберг и две няни детей Теглева и Эрсберг. Местный священник отец Алексей отслужил молебен, окропил комнаты святой водой. Началась жизнь в новых условиях.

Остальные прибывшие разместились напротив, через дорогу, в доме купца Корнилова. Недалеко от губернаторского дома, на расстоянии нескольких сот метров, находилась Благовещенская церковь, куда на утреннюю службу разрешалось ходить арестованным (всенощные богослужения совершались на дому). Распорядок дня оставался прежним: около девяти утра подавался утренний чай, который отец пил в своем кабинете, чаще всего в компании с Ольгой; остальные — в столовой. Далее занимались своими делами: Николай Александрович читал, делал записи в дневнике. Потом шел на улицу, где почти всегда занимался физическим трудом: колкой дров, благоустройством небольшого двора, а зимой — уборкой снега. Дети до завтрака делали уроки. В час дня был завтрак. Затем отец с дочерьми шел на прогулку во двор, огороженный высоким деревянным забором. Алексей в это время не гулял, так как врачи считали, что ему надо воздерживаться от лишних нагрузок.

С 4 до 5 часов Николай Александрович занимался с сыном историей. В 5 часов подавался чай, после которого дети занимались, а отец читал в своем кабинете. В 8 часов вечера — обед. После трапезы семья проводила время вместе с Боткиным, Долгоруковым и прочими приближенными. Беседовали, играли в разные игры: домино, лото, безик. Нередко глава семейства читал собравшимся что-нибудь вслух. В 11 вечера пили чай, после которого расходились. Алексей ложился спать сразу же после обеда. Александра Федоровна редко выходила из своей комнаты раньше завтрака. В эти часы она занималась с детьми, читала, рукодельничала, писала друзьям и знакомым. Большой радостью для всех были письма; в Тобольске их стали получать регулярно. Часть корреспонденции поступала через охрану (Кобылинский был так любезен, что вручал послания нераспечатанными). Так как выход из губернаторского дома для служащих и приближенных был свободным, некоторое число писем и посылок отправлялось неофициально, с надежной оказией.

За время заточения Николай Александрович написал всего несколько писем: дорогой Мамá, сестрам Ксении и Ольге. Письма были лаконичными, он почти не сетовал. Его интересовали события в Ай-Тодоре, положение близких. Там было столь-

ко печального: аресты, обыски, лишение средств. Кроме того, стало известно, что Мария Федоровна еще летом заболела и все никак не может оправиться от простуды. Бедная, сколько ей тяжелого приходится выносить и сколько еще предстоит! Но и радостные известия поступали: узнал, что Ольга в августе родила сына, которого назвали Тихоном. Был рад всей душой; наконец-то свершилось ее давнее желание. Правда, условия в Крыму тяжелые, почти нет хорошей провизии, но Ольга писала ему и детям такие бодрые письма, что было ясно, она сумеет преодолеть все неприятности. Ведь должно все как-то образоваться в конце концов; не может это «дурацкое положение» длиться вечно. Николай Александрович и его близкие ждали Учредительного собрания, где должен был решаться вопрос об их судьбе. Хотелось хоть какой-то определенности. В начале января 1918 года большевики Учредительное собрание разогнали, и все опять стало неопределенным.

Пространное письмо близким Николай Александрович написал 5 ноября 1917 года. Оно было адресовано сестре Ксении, и в нем он немало рассказал о житье-бытье и в Царском после ареста, и уже в Тобольске. «Мы только что вернулись от обедни, которая для нас начинается в 8 часов при полной темноте. Для того, чтобы попасть в нашу церковь, нам нужно пройти городской сад и пересечь улицу — всего шагов 500 от дома. Стрелки стоят редкою цепью справа и слева, и когда мы возвращаемся домой они постепенно сходят с мест и идут сзади, а другие вдали с боку, и все это напоминает нам конец загона, так что мы каждый раз со смехом входим в нашу калитку. Я очень рад, что у вас сократили охрану — «дюже надоело» и нам, и им, понятно. Бедные, сбитые с толку люди... Тут мы живем как на корабле, и дни похожи один на другой».

Бытовые неудобства, притеснения и оскорбления со стороны охраны доставляли неприятности, досаждали, но это был не главный повод для расстройства. Еще в Ставке, накануне отречения, полемизируя с генералом Н. А. Рузским, Николай II сказал ему, что, сложив ответственность за дела свои перед людьми, он не сможет уклониться от ответственности перед Богом за положение дел в России. Все, что происходило в стране после 2 марта 1917 года, поверженного царя живо интересовало; он неизменно всегда внимательно относился к сообщениям о положении дел в стране. Разрушение государства и армии, судьба страны и народа, его значительно больше занимали, чем собственная участь. Еще в Могилеве Николай II сказал свитским, что во «имя Родины готов пожертвовать не только трон, но и жизнью». И это были не пустые слова.

Когда в июне началось наступление русской армии, планировавшееся царем еще на весну, и поступили первые сведения об успехах, он воспрянул душой. 19 июня записал в дневнике: «Благодарение Господу! Дай Бог в добрый час! Совсем иначе себя чувствовал после этой радостной вести». Через сутки еще: «За вчерашний день бой протекал успешно: всего за два дня нашими войсками взято 18 600 пленных. Перед завтраком в походной церкви был отслужен благодарственный молебен». В начале июля в столице крайне левые во главе с большевиками попытались захватить власть. Произошли столкновения, имелись убитые. Монарх-арестант занес в дневник 5 июля: «В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбою. Из Кронштадта вчера прибыло много солдат и матросов, чтобы идти против Временного Правительства. Неразбериха полная! А где те люди, которые могли бы взять это движение в свои руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в Петрограде, а не во всей России».

Но политическая ситуация и далее оставалась в стране неспокойной и неопределенной; чуть ли не каждый день что-нибудь случалось, и всегда почти безрадостное. 13 июля Николай Александрович был вне себя от досады и записал: «За последние дни нехорошие сведения идут с Юго-Западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника... Просто позор и отчаяние! Сегодня, наконец, объявлено Временным Правительством, что на театре военных действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государственной измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым».

Когда Николай II отрекся от власти и передавал ее фактически в распоряжение Временного правительства, он не питал иллюзий насчет государственных способностей главных думских деятелей. Не сомневался, что ни Родзянко, ни Львов, ни Милюков, ни Гучков, ни другие не способны успешно справляться с делами, так как они не имели никакого административного опыта. Работать же в «его правительстве» они все отказывались, хотя некоторых и приглашали. И уже вскоре стало ясно, что все опасения царя вполне справедливы. Одно дело произносить с трибуны Государственной Думы страстные речи, срывать аплодисменты разгоряченной публики, интриговать в кулуарах, и совсем другое — заниматься повседневной работой, такой трудной, нудной, но — необходимой. А еще надо было принимать решения и нести за них ответственность. Но господа думцы, как быстро выяснилось, ни на что дельное пригодны не были. К

середине 1917 года безвозвратно «канули в Лету» и Милпоков, и Гучков, и Родзянко, как и большинство других, составивших себе громкое имя в Думе. Свои роли «спасителей России» они уже бесславно отыграли.

Однако на политической авансцене появлялись персонажи, которых царь лично не знал и с кем познакомился уже после переворота. Главным был, конечно, Александр Федорович Керенский. Николай II к нему относился очень настороженно при первых встречах, понимая — они враги. После ареста, получая информацию о положении дел в стране главным образом из газет, царь не мог не заметить, что «Александр IV» отличался удивительной энергией, кипучей деятельностью. Сколько он всего успевал каждый день: то там выступал, то здесь, то на одном фронте, то на другом. Со сколькими людьми встречался. Казалось, что этот человек просто не знает усталости. Да и говорил Керенский много дельного: выступал за законность, порядок. Это подкупало. Личные встречи тоже способствовали лучшему пониманию. Тот вел себя с Николаем II и Александрой Федоровной неизменно учтиво, не позволял никаких грубостей. И бестактностей почти не было. Даже царица перестала его бояться, а вначале у них столько было страхов. Царь не знал, что именно благодаря позиции Керенского он и его жена весной 1917 года не оказались в каземате Петропавловской крепости. Многие левые тогда и потом за это ратовали. Другие министры, несомненно, уступили бы этим требованиям, но популярный министр юстиции сразу же воспротивился, и та неоправданная жестокость не состоялась. Это действительная заслуга Керенского.

Еще в Царском Селе, 8 июля, Николай Александрович записал: «В составе правительства совершились перемены: князь Львов ушел, и председателем Совета Министров будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским министром и, взяв управление еще Министерством Торговли и Промышленности. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше». Последний царь и представить не мог, что пройдет чуть больше трех месяцев, и грозный Керенский — глава правительства, диктатор, и, как можно было заключить из газет, безусловный любимец России, окажется в патовой ситуации. И хоть в конце октября обстановка совсем не походила на ту, что сложилась в конце февраля, но кое-что и повторилось: Керенского бросили все, он оказался в полной изоляции. Власть смело, нагло, бесцеремонно захватили левые радикалы во главе с Лениным и Троцким.

Не знал последний монарх и другого. Еще до провала в начале сентября выступления Верховного Главнокомандующего

(с мая 1917 года) генерала Л. Г. Корнилова обстановка в стране резко дестабилизировалась. 21 августа была занята немцами Рига, а через четыре дня Корнилов двинул войска на Петроград, желая установить «диктатуру сильной руки». Этот шаг, предпринятый с тайного согласия Керенского, в последний момент испугавшегося и бросившего генерала на произвол судьбы, обвинив того в «измене», способствовал новому витку антимонархической истерии. Она началась еще раньше, но достигла своего апогея в конце августа.

Хотя монархисты никакого отношения к корниловским событиям не имели (сам Корнилов и не помышлял о реставрации), это ничего не меняло. Появился повод. Реанимировался образ традиционного врага. Газеты, захлебываясь от возмущения, голосили о заговоре reactionеров, намеревавшихся освободить царя и восстановить его власть. Старались и петроградские чиновники. В конце августа в прессе было помещено сообщение государственного прокурора, гласившее: «Цель заговора — политическая. Заговор возник до отъезда бывшего царя в Тобольск и имел целью ниспровержение существующего и восстановление старого строя». Никаких фактов приведено не было, да они и не требовались. Уверенно писали и говорили о том, что «паутина заговора» оплела всю Россию, что замешаны бывшие сановники империи и царские родственники. Начались аресты: великого князя Павла Александровича, его жены княгини Палей, великого князя Михаила Александровича и других. «Свобода или смерть» стал главным лозунгом момента. Под шумок этой кампании из-под ареста были выпущены все большевики, находившиеся там после июльских событий. Они сразу же оказались в авангарде борьбы «с коронованными убийцами», сделав эту тему козырной картой в схватке за власть. Керенский после «корниловской эпопеи» недолго находился в оцепенении и очень скоро начал подыгрывать крайне левым, не понимая, что этим лишь усугубляет положение.

Козни «reactionеров» искали повсюду, но в первую очередь вокруг царя. Керенским были посланы телеграммы тобольским властям и начальнику отряда с приказом усилить охрану Романовых. Им же был отправлен в Тобольск новый особый комиссар Временного правительства эсер В. С. Панкратов. Личный знакомый Керенского, «краса и гордость революции»: провел в заключении и ссылке более 15 лет. Этот «каторжный ценз» служил лучшей рекомендацией. Никого не смущало, что наказан-то он за вполне очевидное деяние: убийство полицейского. Теперь такие поступки ставились государством в заслугу. Потребность в назначении личного уполномоченного правительства вызыва-

лась, как то безапелляционно утверждали, интригами и заговорами «бывших».

С середины августа будоражили страну слухи о «деле Хитрово». Эту историю раздули невероятно, хотя потом выяснилось, что она — лишь плод больного воображения. 18 августа Николай Александрович записал в дневнике: «Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда и побывавшая у Настеньки Гендриковой. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Черт знает, что такое!» На следующий день продолжил: «Вследствие вчерашнего происшествия, Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом». Это то, что видели и что знали арестованные в губернаторском доме.

Все представлялось некрасивым и необъяснимым. Но объяснения существовали, а всему эпизоду придали политическое значение. В начале августа Маргарита Сергеевна Хитрово, барышня из хорошей семьи, фрейлина императрицы Александры Федоровны, ровесница и приятельница великой княжны Ольги Николаевны, по собственной инициативе решила последовать за царской семьей в Сибирь. Она собиралась скрасить там их страдания! Свое намерение она не скрывала от других, соглашалась передать письма. Таковых набралось почти два десятка. По дороге в Тюмень посылала телеграммы родственникам и знакомым: «Я теперь похудела, так как все переложила в подушку», «Население относится отлично, все подготовлено с успехом» и т. д. Естественно, что об экспедиции фрейлины стало известно властям.

На имя Кобылинского в Тобольск полетело распоряжение Керенского. Тому предписывалось арестовать Хитрово, отобрать все бумаги и отправить ее под охраной в Москву. Как только Маргарита прибыла в Тобольск, сразу отправилась к губернаторской резиденции и встретила на улице графиню Гендрикову, которая обрадовалась и привела ее к себе в комнату в Корниловском доме. Вскоре пришел доктор Боткин, состоялась непродолжительная беседа. Не прошло и получаса, как явился Кобылинский с несколькими солдатами и объявил, что должен арестовать столичную визитершу. У нее были отобраны все письма, а сама она под конвоем была переправлена в Москву, а позже в Петроград, где провела несколько недель под арестом. Если бы царской семье рассказали, что Рита — опасная заговорщица, то все невольно бы рассмеялись. Они ее слишком хорошо знали, чтобы верить в подобное.

В истории заточения царской семьи нуждается в прояснении важный сюжет, вокруг которого существует множество спекуля-

ций: о заговорах и конспиративной деятельности как самого царя, так и монархистов-симпатизантов. Никогда Николай Александрович не помышлял серьезно о побеге (большая семья и болезнь сына делали подобную акцию технически неосуществимой); вопроса же о возвращении на трон вообще для него не существовало. В конце зимы 1918 года, когда стало окончательно ясно, что Учредительное собрание — фикция и участь их решать оно не будет, у арестованных зародилась мысль, что их все-таки вызволят, как говорила Александра Федоровна, «хорошие русские люди». Надежда существовала, но она оставалась беспочвенной. Важно подчеркнуть в этой связи: не было организовано ни одной серьезной попытки вызволить из-под ареста царскую семью. Разговоров об этом было много, в том числе и среди монархистов, немало проявлялось и сочувствия. Посылали письма, деньги, передавали приветы, выражали через кого-то преданность, в Тобольск даже добирались некоторые, но реальных действий никто не предпринимал. Потом уже, в эмиграции, создавалось немало легенд, захватывающих повествований о том, как организовывались различные тайные союзы, кто, что и как делал, но вот, «в последний момент», все срывалось. Даже Рита Хитрово о том написала...

Приход к власти большевиков Николай II принял спокойно. О том событии узнал почти через две недели, но самому факту мало удивился. В стране такой хаос и распад, что рано или поздно должно было нечто подобное случиться. Керенский оказался неспособным сдержать этот натиск и вот поплатился. Но судьба конкретных деятелей Временного правительства Николая II не занимала. Болел душой за Россию, понимая, что надежд на скорое выздоровление, на умиротворение становится все меньше. 17 ноября записал в дневнике: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и Москве! Гораздо хуже и позорней событий Смутного времени». Тогда нашлись в конце концов честные русские люди, сумевшие объединиться и изгнать врагов. Ну а теперь? Неужели русские патриоты перевелись? Ведь все эти большевики — немецкие агенты и действуют на деньги кайзера! И встречаются же те, кто их поддерживает! Вот это больше всего расстраивало.

Чем дальше, тем больше убеждался, что это горькая правда. 18 ноября доверил дневнику свои чувства: «Получил невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентариев нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара никак не ожидал! Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю

лю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?»

Однако самые страшные моральные потрясения ждали впереди. Сразу после наступления Нового, 1918 года, который встретили тихо, по-семейному, пришли известия о заключении перемирия с Германией. В письме сестре Ксении 7 января написал: «Тяжело чрезвычайно жить без известий — телеграммы (сообщения телеграфных агентств. — А. Б.) получаются здесь и продаются на улице не каждый день, а из них узнаешь только о новых ужасах и безобразиях, творящихся в нашей несчастной России. Тошно становится от мысли о том, как должны презирать нас наши союзники. Для меня ночь — лучшая часть суток, по крайней мере забываешься на время». Прошло еще полтора месяца, и тобольские узники узнали, что заключен мир с Германией. Царь и царица были потрясены. Николай Александрович назвал это сообщение «кошмаром».

Именно тогда, через год после отречения, он впервые отчетливо высказал сожаление, что отказался от власти (никогда раньше о том не говорил). Пьер Жильяр, остававшийся с царской семьей до самого конца и чудом избежавший смерти, в своих воспоминаниях передал чувства последнего царя: «Он побоялся, чтобы его сопротивление не послужило поводом к гражданской войне в присутствии неприятеля, и не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Но разве за его уходом не последовало в самом скором времени появление Ленина и его сподвижников, платных наемников Германии, преступная пропаганда которых привела армию к развалу и развратила страну? Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение оказалось бесполезным, и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний». Но изменить ход событий никто уже был не в силах.

В Тобольске время тянулось невероятно медленно, «как на корабле». Шли дни, но почти ничего радостного не случалось. 24 января, в день именин сестры, писал Ксении: «Как часто мы проводили этот день вместе всей семьей и при иных обстоятельствах, более счастливых, чем нынешние. Бог даст и эти пройдут. Я не допускаю мысли, чтобы те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю, как и ты, что Господь умиласердится над Россиею и умирит страсти в конце концов. Да будет Его Святая Воля. Живем по-прежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаем о дорогой Мама и вас милых».

А кругом было темно, свет приходилось зажигать в 3 часа пополудни, и неуютно. На улице стояли сильные морозы, да в помещениях было очень холодно; температура в комнатах часто не превышала 8—10 градусов. Надевали на себя все, что можно было, почти не снимали валенок. Старались не терять присутствия духа: занимались, читали и еще разыгрывали небольшие водевили. Особенно увлеклись Анастасия, Мария и Алексей, но и другие не остались в стороне. В январе решили поставить чеховского «Медведя»; переписывали роли, обсуждали декорации. «Премьера» состоялась в середине февраля. Главными действующими лицами были Николай (Смирнов) и Ольга (Попова), а слугу Луку играла Мария. Комментируя это событие, глава семейства записал: «Волнений в начале представления было много, но, кажется, хорошо сошло».

Семейное времяпрепровождение, очевидцами которого стали те, кто разделял участь поверженного венценосца, неподдельная любовь и взаимная симпатия искренне умиляли. В один из февральских вечеров генерал И. Л. Татищев, по первому зову последовавший за Николаем II в ссылку и потом убитый в Екатеринбурге, не удержался и заметил, что он удивлен тем, «как тесно сплочена и проникнута любовью семейная жизнь Государя». В ответ Николай Александрович сказал: «Если Вы, Татищев, который были моим генерал-адъютантом и имели столько случаев составить себе верное суждение о нас, так мало нас знали, как Вы хотите, чтобы мы с Государыней могли обижаться тем, что говорят о нас в газетах?» Последний монарх не предполагал, что измышления будут зафиксированы в воспоминаниях многих современников, а затем нелепые слухи, оскорбительные легенды перекоچуют на страницы различных сочинений и в России, и за границей.

Драматические политические пертурбации, происходившие в стране, переход власти от «розовых» к «красным», рано или поздно, но неизбежно должны были отозваться в тихом провинциальном Тобольске, отразиться на судьбе Романовых. В Петрограде, а затем и в других местах устанавливалась власть советов. Верховодили большевики. Правительство теперь называлось Советом Народных Комиссаров («Совнарком»), которое возглавлял Ленин. Все главные герои «славного Февраля» разбежались. Потом они писали, что «ушли в подполье, чтобы продолжить борьбу». На самом же деле были заняты другим, первостепенным делом государственной важности: самосохранением.

Но еще выходили «свободные» и «независимые» газеты, продолжавшие, по привычке, инсинуировать. В конце октября — начале ноября 1917 года, когда «министры-капиталисты» из последнего состава Временного правительства уже сидели в Пет-

ропавловской крепости, там же, где все еще содержались сановники старого режима, тиражные ежедневные издания «Русское слово», «Новое время» и другие опубликовали серию сообщений о том, что в Тобольске происходят монархические манифестации, что туда стягиваются силы офицеров-роялистов, готовящих освобождение царя и его близких. Потом появились срочные «агентские телеграммы», сообщавшие, что царь бежал. Правды тут не было ни на грош, но новые власти не на шутку встревожились.

30 ноября Совнарком обсудил вопрос о переводе семьи Романовых в Кронштадт, под надежную охрану, как того требовали некоторые команды кораблей Балтийского флота. Но сил у новых хозяев для этого еще не было, и приняли лишь решение «признать перевод преждевременным». Через полгода, 2 мая 1918 года, выступая на заседании Совнаркома, глава ВЦИК Яков Свердлов признал, что вопрос о бывшем царе ставился в Президиуме ВЦИК еще в ноябре — декабре и с тех пор поднимался неоднократно, но был «отсрочен ввиду ряда обстоятельств». Каких именно — не пояснил. Уже с конца 1917 года в правящей большевистской верхушке обсуждался вопрос о необходимости организовать публичный суд над Николаем II. Иными словами, ленинцы намеревались довести до конца «дело Керенского». У красных имелись свои резоны: они надеялись, что подобное действие будет способствовать росту их авторитета. Как «мартовские», так и «октябрьские» правители хотели использовать царскую карту в своей политической игре.

Вопрос о переводе царя из Тобольска и организации показательного судебного процесса неоднократно обсуждался в Совнарком. В протоколе заседания от 20 февраля 1918 года записано: «Поручить комиссару юстиции и двум представителям крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совнарком. Места суда не предуказывать пока». Через три дня, 23 февраля, рупор большевиков газета «Правда» взывала: «Необходимо перевести Романова в надежное место. Необходимо целиком лишить его всякой свободы сношений с кем бы то ни было. Необходимо заключение его в тюрьму и немедленное назначение суда над ним».

Потом будет потрачено много слов и бумаги на выяснение вопроса: знал или не знал «сам Ленин» о подготовке убийства царской семьи. Одни уверенно утверждают: «Знал». Другие же, с не меньшей категоричностью, говорят «нет». Оправдатели большевиков, в том числе упоминавшийся уже французский «мэтр» Ферро, приводят в качестве «бесспорного аргумента» известный

факт: отсутствие документов, удостоверяющих санкцию центральных властей в Москве. Подобное странно слышать от профессионала: очень многие события в истории не отражены документами прямого действия. Надо считать Ленина или очень глупым, или очень беспечным человеком, чтобы думать, что он, в совершенстве владея мастерством демагогии и конспирации, стал бы отдавать письменные приказы. Ни главарь, ни его окружение на это никогда бы не пошли. Они были не только циничными и аморальными, но и умными.

Но в том, что ленинская клика *не могла не знать* о подготовке кровавого злодеяния, невозможно сомневаться. Подтверждений тому более чем достаточно. Отметим одно. Когда в Перми, за месяц до убийства царя, «по инициативе местной революционной власти» расстреляли его брата, великого князя Михаила Александровича, из стана большевистских лидеров не раздалось ни звука осуждения. А ведь Михаила Александровича вообще ни в каких проступках и грехах «перед народом» обвинить было невозможно. Его «вина» состояла лишь в том, что носил «неблагозвучную фамилию». Что это, как не подтверждение той самой «санкции», которую безрезультатно ищут в собраниях архивных бумаг.

Придя к власти, большевики никогда не забывали о Романовых; о снисхождении к ним не могло быть и речи. Правящая верхушка все время была озабочена лишь одним: как удобней с ними расправиться. В протоколах ЦК большевистской партии от 19 мая 1918 года записано: «Тов. Свердлов сообщает, что в Президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы... Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову».

Соратнику Ленина и Троцкого, их убежденному единомышленнику, давался карт-бланш от лица партии. И то, что он и его подручные из Екатеринбурга делали, как они делали, находилось впрямь под его полным контролем. Он прекрасно знал мнение «Ильича», с которым в тот период виделся ежедневно, а по вечерам заходил к нему «попить чайку» (благо жили в Кремле рядом). Когда 18 июля 1918 года сообщал на Президиуме ВЦИК об убийстве (из полученной телеграммы «уральских товарищей» было известно, что уничтожены все), красные бонзы единогласно приняли резолюцию: «Президиум признает решение правильным». Но это было потом, в середине лета, а до того заключенным надлежало еще многое пережить.

Беды и неприятности обрушивались постоянно. Уже в декабре 1917 года из центра начали прибывать новые солдаты окранны, отличавшиеся невиданной свирепостью. Но пока еще оставалось много старых, прошедших фронт. Некоторые ветераны имели Георгиевские кресты и не растеряли свои национальные чувства, а когда поблизости не было начальства, неизменно называли Николая Александровича «Государем». Вскоре произошло неожиданное: в день тезоименитства (в декабре) Николая Александровича расчувствовавшийся батюшка, обращаясь к молящимся царю и его близким, провозгласил в церкви «многие лета» и употребил запрещенное величание полным титулом. Что тут сразу же началось! Панкратов и радикально настроенные солдаты усмотрели в том заговор. Священника арестовали, началось дознание. Конечно, сговора никакого не выявили, но с конца декабря в церковь Романовых больше не пускали.

В череде повседневных оскорблений и унижений глубоко уязвило одно, случившееся в начале января 1918 года. В дневнике за 3 января Николай Александрович записал: «Отрядный комитет стрелков сегодня постановил снять погоны, чтобы не подвергаться оскорблениям и нападениям в городе. Непостижимо!» Солдатский комитет постановил, чтобы и бывший царь снял погоны, хотя «нападению в городе» никак подвергнуться не мог. Но диктатура черни не признавала никакого милосердия. Погоны снял. На душе было невыразимо тоскливо. Он, русский офицер, которому присвоил воинский чин император, теперь должен подчиняться воле какого-то комитета. Это событие надолго расстроило бывшего повелителя империи.

Бытовые условия содержания все время ухудшались. В конце февраля Кобылинский получил телеграмму, где сообщалось, что с 1 марта «Николай Романов и его семейство должны быть переведены на солдатский паек, и что каждый из членов семьи будет получать по 600 рублей в месяц». До того момента деньги время от времени поступали по государственным каналам и значительно чаще — от доброжелателей. Императрица кое-что продавала из своего гардероба. Эти суммы позволяли сводить концы с концами и платить содержание приближенным. После падения Временного правительства денежные переводы для семьи почти два месяца не поступали и, если бы не было своих средств, они не знали бы, как вообще жить. Теперь надо было принимать решение о сокращении штата. Особенно это известие было тяжелым для царицы. Она очень привыкала к окружающим, которых сама и подбирала. И ведь уж так получилось, что если Ники многие изменили и покинули, то ее прислуга и служащие почти все сохранили преданность.

Николай II молча переносил свои мучения, редко когда сетовал вслух. Александра Федоровна тоже об этом редко высказывалась, зато она изливала душу в посланиях близким, с которыми разлучила судьба. И первая среди них Аня, теперь Танеева. В начале марта 1918 года написала ей: «Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе. Солнышко светит и греет и обещает весну. Вот и весна придет и порадует и высушит слезы и кровь, пролитую струями над бедной родиной. Боже, как я свою родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше... Ведь горе бесконечное, — все что люблю — страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он сохраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете». Но Александра Федоровна в одном ошиблась: на земле огромной державы, где она была царицей, у них уже не оставалось надежды.

Глава 30

ПОСЛЕДНИЙ СРОК

В подневольных мытарствах и скитаниях все члены романовской семьи вели себя мужественно и достойно: не роптали, не стонали, слезных прошений в руководящие инстанции не писали. Жили с надеждой и верой. Они преодолели свой земной срок так, что даже самые жестокие тюремщики поражались. Нельзя сказать, что заключенным это давалось легко. Но наверное тяжелее всех — Александре Федоровне. После пережитого в конце февраля — начале марта 1917 года (потом поражалась собственному мужеству и хладнокровию) многое в ней переменилось.

Резкие оценки, жесткие реакции на происходящее вокруг, нетерпимость к окружающим остались в прошлом. Смирение, которого так раньше недоставало, овладело душой. В одном письме из Тобольска заметила: «Все прошло. Новую жизнь надо начинать и о себе забыть». Ныне она только мать, жена, и ее удел: сделать все, чтобы скрасить жизнь близким. В январе 1918 года написала: «Мне не легко, но я так благодарна за все, что имела, — я теперь старая и далеко от всего... Всех своих дорогих

Богу отдала и Святой Божией Матери. Она всех покрывает своим омофором».

В последние месяцы земного бытия Николай Александрович и Александра Федоровна любили друг друга так же горячо, как в далекой молодости, в те незабываемые месяцы 1894 года, когда души переполняли радость и счастье. Постоянно о том вспоминали в неволе, обсуждали разные эпизоды. Эта тема никогда не надоедала. Теперь они стали по-настоящему «одним целым» и впервые могли проводить без спешки вместе многие часы.

В некоторых сочинениях, фильмах и спектаклях о жизни Николая и Александры нередко утверждается, что после отречения супруга устраивала мужу «сцены», закатывала истерики, чуть ли не каждодневно терроризировала его морально. Подобное к действительности не имеет никакого отношения и лишь показывает, насколько сочинители плохо знают своих героев. Царица любила мужа больше жизни и, несмотря на бурный, темпераментный характер, никогда не позволяла себе ничего, что могло бы досадить и огорчить ее милого. Конечно, она плакала, плакала и при муже, а несколько раз и вместе с ним, но никаких истерик никогда не было. Она являлась для него теперь единственной опорой на земле и о том знала. Александра Федоровна восхищалась самообладанием Ники, а это придавало силы и ей.

Большую часть срока заключения в Царском, Тобольске и Екатеринбурге царица себя неважно чувствовала. Часто болели ноги, кружилась голова, слабость бывала страшная, да и зубная боль постоянно мучила. Но и в этом своем состоянии старалась сохранять присутствие духа. Много читала, главным образом книги духовного характера, занималась с детьми, особенно много с Алексеем, и в первые месяцы нередко музицировала. В Тобольске коменданту с трудом удалось разыскать и доставить в губернаторский дом рояль, и это стало радостью. Григ, Шуберт, Бетховен, Шопен, Лист — знакомые с юности вещи вспоминала, играла сама, а часто и вместе со старшими девочками. Зимой к роялю подходила редко: было страшно холодно и пальцы деревенели. По временам чувствовала себя совсем старой. Волосы на голове почти все поседели. Сильно похудела, когда не надевала корсета, платья на ней висели «как мешки».

После крушения она не только во многих и во многом разубеждалась, но в чем-то и утвердилась. Она теперь знала наверняка, как жестока и несправедлива бывает масса, как лживы и беспощадны оценки толпы. Уже и не удивлялась, что такие глупости и подлости о них с Ники пишут, знала, что это началось уже давно, а когда они превратились в невольников, лишенных всякой власти и защиты, вот теперь-то уж ничего и никого не

стеснялись. Все, что им дорого, ценно, всех, кого они любили, — подвергали поношению и осквернению. Она уже давно говорила Ники о том, что против них ведется целенаправленная деятельность, что их дискредитируют и шельмуют умышленно. Раньше не сомневалась, что все рассказы об их друге Григории — сплошная грязная клевета. Нынче и о них подобное сочиняют и печатают в газетах.

Александра Федоровна сохраняла дружеские привязанности и писала тем, кому верила и с кем была в разлуке, изливая на бумаге душу. Конечно, надо было быть очень осторожной: письма надлежало подавать незапечатанными или коменданту, или комиссару, и в таких случаях ни о чем существенном не сообщала. Но до самого перевода в Екатеринбург через верных горничных имела возможность отправлять нелегально весточки на волю. Сама тоже получала оттуда корреспонденцию, которая и радовала и печалила. Царица понимала, что если ее нелегальная переписка попадет в руки властей и тюремщиков, то жди новых неприятностей. Уж и так их подозревают во всех смертных грехах, а это будет новый повод. Но надзирателям не удалось пресечь «недопустимые сношения», продолжавшиеся до самого Екатеринбурга.

Родственной переписки почти не вела: несколько коротеньких посланий в Крым, и все. Ксения и Сандро для нее уже давно стали чужими, а Ольга, добрая и честная, слишком удалена от всего и находилась под влиянием своей матери, ничего скрывать от нее не умела. Писать же свекрови не хотелось. У Александры Федоровны никаких родственников в других местах России уже не было. Ну, а Элла? Ее старшая сестра, ее живая связь с незабываемым прошлым. Ей она не корреспондировала. После резкого объяснения в конце 1916 года и после того, как Элла оправдала убийство Григория, все в душе Аликс умерло. Элла для нее перестала существовать. Не сомневалась, что злодеяние, совершившееся тогда, стало одной из причин последующих бед и несчастий. В декабре 1917 года написала, что «за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за все, что сделали, но никто этого не понимает». Сама же Елизавета Федоровна, находившаяся до апреля 1918 года в своей Марфо-Мариинской обители в Москве, ни разу не написала ни ей, ни Ники. Все остальные близкие родственники царицы, брат и две сестры, находились за границей (Виктория в Англии, Эрн и Ирэн в Германии), и с ними вообще невозможно было общаться.

Послания Александры Федоровны из заточения показывают не только смирение, но и верность многих ее оценок и суждений, глубокие переживания за судьбу России. Они безусловно опровергают все слухи и сплетни, касавшиеся германофильства

царицы. После падения Временного правительства заметила: «Многие уже сознаются, что все было — утопия, химера... Их идеалы рухнули, покрыты грязью и позором, ни одной хорошей вещи не сделали для Родины — свобода — разруха — анархия полная, вот до чего дошли... Лишь о себе думали. Родину забыли, — все слова и шум». В декабре написала: «Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней (Родиной. — А. Б.) все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала и т. д., но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную».

Она видела, как Ники тяжело, как переживал происходившее, но держался. Ей самой было «порой невыносимо». Душа болела за всех, но в первую очередь за страну. Брестский мир стал настоящим потрясением. «Какие времена? Что дальше! Позорнейший мир. Ужас один, до чего в один год дошли. Только все разрушили. Полным ходом армия уничтожается, как же противиться врагу? Унизительный мир... Ведь быть под игом немцев — хуже татарского ига». В том марте Александра Федоровна предсказала, что Германию неизбежно постигнет участь России, что там крушение будет не менее ужасным, чем здесь. В первый раз подобное предположение высказала Вырубовой летом 1914 года, сразу после начала войны, а теперь уже в таком исходе не сомневалась.

Самые трогательные и исповедальные письма Александра Федоровна отправляла Анне Танеевой-Вырубовой. И почти каждый раз просила ту, чтобы все эти листки непременно уничтожала, так как, если обнаружат, «могут быть неприятности». И сама неизменно, прочитав множество раз сама, а затем детям и мужу, бросала в огонь. Но Анна Александровна не последовала совету своей венценосной подруги. Она сохранила эти послания. Не могла с ними расстаться. Благодаря этому дошли до потомков эти уникальные документы, раскрывающие душевные состояния царицы на краю бездны, рисующие жизнь ее близких на пороге небытия.

Как только вышла из казематов Петропавловской крепости, Анна сразу начала писать в Тобольск. О многом рассказывала. Как сидела в одиночной камере, как охранники издевались, морили голодом, плевали в пищу и даже в лицо, как врывались ночью пьяной гурьбой и избивали, чуть не надругались, собирались даже расстрелять. Как невыразимо стыдно было, когда ее

подвергали медицинскому освидетельствованию в присутствии нескольких лиц, так что и не знала, как смогла все это перенести. Сообщила, что когда в августе ее выслали в Финляндию, то по дороге пьяная матросня ее арестовала и заточила в трюм «Полярной звезды», той самой яхты, на которой когда-то они вместе проводили время, о чем осталось столько теплых воспоминаний.

Затем опять сидела в крепости, но уже Свеаборгской. Как потом ее допрашивали уже при большевиках и держали под арестом в Петрограде на Гороховой улице в бывшем доме градоначальства, где теперь размещается эта страшная ЧК. И как ей удалось чудом спастись, а ее искали по всему городу, арестовывали близких, а она пряталась у разных знакомых и каждый день, каждую минуту ждала ареста и смерти.

Но Бог оказался милостив, охранил, и всегда находились добрые сердца, помогавшие, когда уже и надеяться-то не на кого. Анна писала, что не перевелись преданные люди, готовые оказать любую помощь царской семье. Ей передавали деньги, и она пересылала их через верных лиц в Тобольск. Только один известный сахарный делец и банкир К. И. Ярошинский перевел через Вырубову почти 200 тысяч рублей. И другие посылали. Но все благодеяния людям приходилось осуществлять в обстановке стражайшей тайны, рискуя всем.

Письма Танеевой-Вырубовой производили сильное впечатление на тобольских арестантов. Рядом с тем, что пережила Аня, их жизнь казалась относительно благополучной и спокойной. Даже Николая Александровича, всегда сдержанного и умевшего свыкаться с грустными обстоятельствами, злоклучения верного друга семьи тронули почти до слез. В середине декабря в конверт с письмом Аликс царь вложил и свой листок, где было всего несколько строк: «Мысли и молитвы всегда с Вами, бедное страдающее существо! Ее Величество читала нам все ваши письма; ужасно подумать, через что Вы прошли! У нас здесь все хорошо — очень тихо. Жаль, что Вы не с нами. Целую и благоговаяю без конца. Ваш любящий друг. Н.».

Александра же Федоровна восхищалась Аней. Она просто молодец! Какая сила духа, как мужественно и честно переносит страдания! Кругом предают, клеветают, крадут, душу свою отдают дьяволу, она же — нет; сумела выдержать. Царица считала Танееву не только своей подругой, но и единомышленницей-ученицей, которой многое в жизни сумела объяснить. Эти уроки, как теперь видно, не прошли даром. В том и ее заслуга. Аликс овладело чувство глубокой и непроходящей нежности по отношению к Анне. Ее браслет с руки не снимала, а на ночь обязательно надевала кольцо, то самое, которое получила при

последнем расставании. Да и днем бы не снимала, но оно было велико, опасалась потерять.

Писала ей, когда бывала одна, обычно лежа в постели. В камине горел огонь, и порой казалось, что она переносится в другое время. Невольно вспоминались тихие, умиротворенные вечера в Царском, в Анином домике. Их неспешные беседы, размышления, занятия рукоделием, музыкой. И голос Григория забыть не могла, как и то, что он говорил. Теперь, в Тобольске, она тоже беседовала с подругой, каждому письму отдавала столько самого важного, потаенного.

«Как время летит, скоро будет 9 месяцев, что я со многими простилась... И ты одна в страданье и одиночестве. Но ты знаешь, где искать успокоения и силу, и Бог тебя никогда не оставит. Его любовь выше всего» (24 ноября); «Да, прошлое кончено, благодарю Бога за все, что было, что получила, и буду жить воспоминаниями, которые никто от меня не отнимет. Молодость прошла. Тоскую сильно» (8 декабря); «Есть вещи, которые отгоняю от себя, убивают они, слишком свежи еще в памяти — все прошлое. Что впереди, не догадываюсь. Господь знает и по-своему творит. Ему все передала. Помолись за нас и за тех, кого мы любим, и за дорогую Родину. Вяжу-маленькому (Алексею. — А. Б.) теперь чулки, он попросил пару, его в дырах, а мои толстые и теплые... Я своим тоже делаю, все теперь нужно. У Папы (Николай. — А. Б.) брюки страшно заштопаны тоже: рубашки у дочек в дырах... Анастасия очень толстая (ее отчаяние), как Мария раньше была, большая, крупная до талии — надеюсь, что вырастет еще. Ольга худая, Татьяна тоже» (15 декабря); «Прошедшее как сон! Только слезы и благодарность. Мирское все проходит: дома и вещи отняты и испорчены, друзья в разлуке, живешь изо дня в день. В Боге все, и природа никогда не меняется» (20 декабря); «Все головы потеряли, царство зла не прошло еще... Чем живут теперь? И дома, и пенсии, и деньги — все отнимают. Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, неколебимо верю, что Он все спасет. Он один это может» (9 января); «Благодарю день и ночь за то, что не разлучена со своими собственными 6 душами, за много надо благодарить: за то, что ты можешь писать, что не больна, храни и спаси тебя Господь, всем существом за тебя молюсь, а главное, что мы еще в России (это главное), что здесь тихо, не далеко от раки св. Иоанна» (24 января).

Императрица находила в себе силы морально поддерживать тех, кто был далеко от нее, но в первую очередь тех, кто был рядом. Утешала и наставляла и своих дорогих, и сопровождающих. Вера и надежда ее не покидали. Она уповала на милость Всевышнего. У нее сохранялась и надежда на конечное торжест-

во справедливости на земле. Она видела, что, несмотря на все клеветы и оскорбления, многие проявляли неподдельный интерес и сочувствие к ним. Проводя много времени в кресле около окна, часто видела, как почти ежедневно разные люди подходили к дому, снимали шапки, крестились сами и крестили их. На них кричала охрана, их отгоняли, но снова и снова все повторялось. Да, не исчезла еще в людях любовь к своим монархам, и, чтобы там ни говорили и ни писали политические авантюристы, они — венценосцы. Народ это знает.

В Тобольске, тайком от комиссара, Ники нередко ходил в караульную комнату, где разговаривал с солдатами, играл с ними в шашки. Потом Александра жадно слушала его рассказы. Особенно обращала внимание на все, что касалось общего настроения служилых, солдатских оценок. Из неспешных и немногословных повествований Ники следовало, что некоторые уже не стеснялись критиковать нынешние порядки, высказывали возмущение всем происходящим, жалели, что в стране царя нет, говоря, что «раньше лучше было». Эти слова являлись сладкой музыкой для Александры Федоровны, утешали душу. Да, русские действительно как несмышленные существа: большие, невоспитанные, некультурные, но — дети. А на детей разве можно обижаться?

С воли тоже поступали обнадеживающие сигналы. Анна в письмах намекала, что что-то делается для их освобождения. В конце зимы — начале весны 1918 года у Александры Федоровны созрело убеждение, что вскоре их должны освободить верные люди. Не последнюю роль в укреплении подобного настроения, которым, как писал потом Жильяр, «Ее Величество заразила и всех нас», была история с одним поручиком, неоднократно появлявшимся перед взорами заключенных на улице и которого царица приняла за долгожданного спасителя. Это был... зять Григория Распутина. 22 января 1918 года царица написала Танеевой: «Надеемся офицера увидеть завтра хоть издали». Речь шла о Борисе Соловьеве — сыне бывшего казначея Святейшего Синода и друга Распутина Николая Васильевича Соловьева, частого гостя на столичной квартире старца на Гороховой улице.

В начале октября 1917 года Борис Николаевич женился в Петрограде на дочери Распутина Матрене (Марии) и вошел в сношения с Вырубовой. Ей он рассказал, что существует группа офицеров, готовых вызволить государя и его семью. Он был так убедителен, что царская подруга не смогла не поверить. Это было и ее сокровенным желанием. Она написала о нем Александре Федоровне. В январе 1918 года поручик появился в Тюмени, снял квартиру и стал вести странную жизнь. Встречался с разными людьми, заявляя всем, что хочет освободить царскую

семью. Кто верил ему, кто с ужасом от него отшатывался. Болтуна-заговорщика один раз все-таки арестовали, но вскоре, по совершенно необъяснимой причине,пустили.

Через священника Алексея Васильева, с благословения Тобольского епископа Гермогена (того самого, который когда-то являлся непримиримым врагом Распутина), Соловьев установил неофициальную связь с Александрой Федоровной. Сохранилось два письма царицы ему, написанных в феврале — марте: «Сообщите мне, что Вы думаете о нашем положении. Наше общее желание — это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, вне политики, борьбы и интриг». Во втором, отвечая на его записку, написала: «Вы говорите о чуде, но разве уже не чудо, что Господь послал сюда к нам Вас? Храни Вас Бог».

Почему Александра Федоровна поверила этому человеку? Конечно, главным было то, что он родственник Григория, что рискнул жениться на его дочери в то время, когда имя ее отца подвергалось повсеместному поношению. Соловьев уверил царицу, что в Тюмени находится группа из 300 офицеров, готовых выступить по первому зову. Она не знала, что этот прапорщик в дни переворота в марте 1917 года играл активную роль в среде думских революционеров и даже состоял членом военной комиссии — главного центра крайне левых военных сил. Но уже вскоре он оказался не у дел (другие, более расторопные, оттеснили). Встреча с Вырубовой и остатками распутинского кружка открывала для него большие возможности. В первую очередь — материальные. Беспринципный негодяй понял, что он может неплохо заработать, и ради этого женился на тихой и набожной девушке, которую ни одного дня не любил. Сохранился дневник Матрены Распутиной, из которого следует, что, кроме побоев и оскорблений, молодая жена ничего от своего супруга не видела.

Часть денег, передаваемых через него для Романовых, он присваивал и жил на широкую ногу. Неизвестно, получал ли он какие-либо ценности из губернаторского дома, но, уже оказавшись за границей, в Китае, продал кулон с крупным бриллиантом, который, не исключено, ранее принадлежал царской семье. Некоторые его считали провокатором и большевистским агентом. Основания для подобных подозрений имелись. Осев в Тюмени, Соловьев оказался в курсе всех перемещений и переездов столичных монархистов и очень старался, чтобы те ничего не смогли сделать. Некоторые посланцы из Центральной России сразу же арестовывались и расстреливались. Никакой организации из 300 офицеров в Тюмени никогда не существовало. Александра Федоровна верила этой иллюзии, и когда произошла смена охраны в конце марта, была в хорошем расположении

духа, уверенная, что это те самые «верные русские люди», о которых ей сообщал «Боря».

На самом деле все было совсем иначе. На смену старому караулу, многие солдаты которого несли службу еще с Царского Села, прибыл новый из Омска, называемый теперь «красной гвардией». Власть большевиков на местах укреплялась, что начинало отзываться даже в таком «медвежьем углу», как Тобольск. Это коснулось положения царской семьи, за которой внимательно и ревностно следили различные революционные клики и в Тюмени, и в Омске, и в самом Тобольске, но и, конечно, в столице совдепии — Москве.

Та весна оказалась на удивление теплой и ранней. Уже в конце марта в отдельные дни температура воздуха поднималась до плюс двадцати градусов, и после длинной и холодной зимы заключенные «Дома свободы» наслаждались. Даже царица, не расположенная к длительным прогулкам и не выходившая на улицу за всю зиму, теперь по нескольку часов сидела на балконе. Занималась штопкой, читала и все время с умилением наблюдала за тем, как муж и дети хлопотали на небольшом дворе. Они устроили там настил из досок над крышей бывшей оранжереи, где девочки с наслаждением загорали, позволяя при этом даже расстегивать кофточки более допустимого. Раньше Аликс сочла бы подобное поведение предосудительным, но теперь смотрела сквозь пальцы. Бедные, у них так мало радости в жизни!

10 (23) апреля Александра Федоровна написала письмо Анне, где сообщала о том, что маленькому лучше (в начале апреля Алексей простудился, начал кашлять, и в результате у него начались боли в паху; обострилась гемофилия), что ждут обыска, но дух крепок. «Сколько несчастных жертв. Невинные, но они счастливее на том свете. Хотя гроза приближается — на душе мирно — все по воле Божией. Он все к лучшему делает. Только на Него уповать». Больше никто никаких письменных весточек от царской семьи уже не получит. Письмо Александры Федоровны стало последним посланием последней русской царицы. Романовым оставалось чуть больше трех месяцев земной жизни.

Потом будут написаны тома различных сочинений, где на все лады станут спрягать тему: почему так сложилось, что царя и его близких перевезли из Тобольска в Екатеринбург, собирався ли он бежать? Будут утверждать разное. Однако теперь, в конце XX века, можно констатировать со всей определенностью, что, во-первых, перевод семьи в Екатеринбург диктовался намерением новых властителей ужесточить режим и подготовиться к ликвидации последнего царя и его близких. В Екатеринбурге в то время власть московского руководства была надежной, а местные «товарищи» целиком преданы руководству большевистской

партии. В то же время в Тюмени, Тобольске и Омске революционные лидеры позволяли себе «своевольничать». Кроме того, кругом была крестьянская масса, не принимавшая пролетарские символы веры. Во-вторых, никакой реальной возможности бежать у Романовых не было. Считать, как это делают некоторые зарубежные авторы, что царь и его близкие могли укрыться каким-то образом в безопасном месте, по крайней мере наивно. Общая ситуация в России вообще, в Сибири и на Урале в частности, была такова, что никакой надежды на подобный исход не существовало. По той же причине бесчисленные умильные истории о чудесном спасении различных членов царской семьи нельзя ни в коем случае считать исторически достоверными.

В тот день, когда Александра Федоровна написала свое последнее письмо, в губернаторский дом явился новый красный комиссар В. В. Яковлев (Мячин), которого представил Е. С. Кобылинский. Встреча была непродолжительной, и новый начальник произвел неплохое впечатление на заключенных. Прошло два дня, и 12 (25) апреля состоялся второй визит, во время которого Николай и Александра узнали новость: завтра бывшего царя комиссар должен увезти, но куда — государственная тайна. Известие ошеломило.

Придя в себя, Александра сразу же заявила, что никуда мужа одного не пустит. Она подозревала, что ее опять хотят разлучить с Ники, чтобы принудить его сделать что-то недопустимое. Позже сказала Жильяру: «Хотят склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких. Царь им необходим; они хорошо чувствуют, что один он воплощает в себе Россию». После слез, рыданий и объяснений комиссар принял решение: едет Николай, Александра, дочь Мария, а также несколько сопровождающих. Остальные останутся в Тобольске и приедут на новое место, как уверял Яковлев, «недели через три».

Доктор Е. С. Боткин из беседы с комендантом узнал, что комиссар якобы готовится вывезти царя по приказу Ленина в Москву для суда над ним. Сам Кобылинский считал, что это отговорка, а на самом деле их решили отправить дальше. Он уверенно заявлял, что «никакого суда не будет, а прямо из Москвы повезут в Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию». Но почему решили разлучить семью? И здесь существовало объяснение: чтобы проще было преодолеть подозрительность непримиримых революционеров. Конечно, ничего похожего советская власть не планировала. Отпускать царя и его близких за границу большевики не собирались.

Вместе с царем и царицей уезжали: доктор Боткин, князь Долгоруков, камердинер Чемодуров, прислуга императрицы Демидова. Последнюю ночь в Тобольске Николай Александрович

и Александра Федоровна не смыкали глаз и молча провели эти томительные часы у постели сына. 13 (26) апреля в 4 утра начали прощаться. Все рыдали, а с сыном случилась истерика. Мать даже в какой-то момент решила остаться, но Ольга и Татьяна ее уговорили ехать с отцом, обещая ухаживать за братом. Алексей не вставал с постели, и при нем следовало находиться неотлучно. Аликс особенно доверяла Татьяне и знала, что та сделает все, что нужно.

Навигация пока не начиналась, и ехать следовало на лошадях. Еще глубокой ночью к губернаторскому дому подошла вереница крестьянских подвод для заключенных и охраны. Сидений никаких не было; надо было садиться на жесткое дно «крестьянского тарантаса», и лишь в последний момент догадались положить соломы. В первой телеге разместился Николай Александрович с Яковлевым, во второй Александра Федоровна с Марией, а далее — все остальные. В первый день сделали 130 верст по проселочным дорогам, пересекли реку Иртыш. Вечером остановились на ночлег в большом сибирском селе Иевлеве, все спали в просторной крестьянской избе.

Следующий день, 14 (27) апреля, был трудным. Погода была ясная, день стоял теплый. Но дорога была тряской, и Ники все время переживал за Аликс, которая впервые в жизни подвергалась таким тяжелым испытаниям. Он постоянно оборачивался, но мало что видел: Аликс сидела закутанная в платок и почти не поднимала глаз, изредка переговариваясь с Марией. В середине дня приехали в село Покровское. Здесь остановились; перепрягли лошадей. Вот они действительно на родине Григория! Проехали прямо рядом с его домом и в окне видели детей и жену. Александра перекрестила их...

Преодолев последние 80 верст, в тот же день, вечером, прибыли в Тюмень и сразу пересели на поезд, который двинулся на восток. Проснувшись и немного придя в себя, стали изучать пейзажи и названия станций. Николай Александрович, прекрасно знавший географию и хорошо ориентировавшийся на местности, определил, что поезд движется в сторону Омска. Начались догадки и предположения, куда их потом повезут: во Владивосток или в Москву. Мария несколько раз ходила беседовать с караульными, но охранники ничего не говорили. Хранил молчание и комиссар. На следующий день увидели, что едут в противоположном направлении, Яковлев сказал, что пункт назначения — Екатеринбург. В середине дня поезд остановился в поле, и заключенные почти два часа гуляли и отошли далеко от состава. Это была последняя в жизни царя прогулка без охраны.

17 (30) апреля утром прибыли в столицу Урала. Арестованным было дано строжайшее приказание из купе не выходить,

занавески на окнах не поднимать. Так и сидели несколько часов. С улицы неслись крики и ругань между здешними и прибывшим комиссарами и их отрядами. В середине дня в дальнем тупике на товарной станции Екатеринбурга началась высадка. Царь, царица, великая княжна Мария и другие вышли из вагона и сели в поджидавшие автомобили. Сразу же тронулись и через четверть часа прибыли к огороженному дощатым забором каменному особняку на Вознесенском проспекте. Здесь русскому царю было суждено провести свои последние 78 дней.

Этот каменный дом, построенный за пятьдесят лет до того, принадлежал инженеру Н. Н. Ипатьеву, который в конце апреля был извещен Уралсоветом, что его владение реквизируется. В сторону Вознесенского проспекта дом имел полуподвальный и первый этажи, а в сторону сада был двухэтажным. Здесь была красивая деревянная веранда. Лестница между этажами насчитывала 23 ступени, что странным образом совпадало с числом лет царствования Николая II. Свое последнее жилище он описал в дневнике: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня, угловая, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей».

Комендантом «Дома особого назначения» новые власти поставили А. Д. Авдеева. Это был настоящий большевик, с богатым уголовным прошлым: четыре раза арестовывался при самодержавии за пьяные дебоши и кровавые драки. После революции, как «жертва старого режима», преуспел, пользовался доверием: несколько недель состоял главным надзирателем при царской семье. Своей ролью революционер-уголовник просто упивался и использовал любой повод, чтобы унижить, оскорбить узников. В первый же день он и его присные устроили унижительный осмотр вещей, распаковывали весь багаж, перетряхнули все, вплоть до содержимого дамских сумочек. Александра Федорова была потрясена, пыталась протестовать, но это лишь раззадоривало тюремщиков.

Операция дала результат: красные бандиты обнаружили личный фотоаппарат царицы, который был немедленно изъят, чтобы не могла «заниматься шпионажем». Кроме того, был реквизирован чехмодан с личным холодным оружием царя и цесаревича. Комендант ненавидел своих подопечных: его раздражало в них все. Их манера разговора (потребовал, чтобы не употребляли иностранных слов), привычка менять каждый день белье (запретил приходить прачкам, «пусть сами стирают»), молитва в одиночестве перед сном (приказал не закрывать дверь). Запретил царю стоять перед окном, а вскоре и стекла в комнатах приказал

закрасить краской, разрешал гулять в саду не более часа («чтобы было похоже на тюремный режим»).

Через три дня по прибытии в Екатеринбург царской семьи из Москвы на имя председателя Уральского областного совдепа Белобородова пришла телеграмма от Свердлова: «Предлагаю содержать Николая Романова самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караулы. Сообщать подробности условий нового содержания». Кремлевские властители держали все детали романовского дела под своим неусыпным контролем. Количество сопровождающих было резко сокращено, караулы поставили не только вокруг дома и в саду, но даже на втором этаже, около столовой.

Царь и царица оказались в Екатеринбурге на Страстной неделе, в Великий Вторник. Неделя земных страстей Спасителя придавала силы обреченным. Молились, читали Евангелие, опять молились. Надежда не покидала. Очень беспокоились за детей, оставшихся в Тобольске, особенно за Алексея. Через несколько дней из телеграммы Ольги узнали, что сыну лучше и он уже выходил гулять. Слава Богу! Вскоре пришли письма из Тобольска; читали и перечитывали множество раз. В тот год Пасха пришлось на 22 апреля (5 мая). Это был последний праздник Светлого Христова Воскресения в жизни царя. Впервые не был в церкви и дома службу не разрешили. Помолитесь семьей перед образами, воздали хвалу Господу. Утром похристосовались между собою и за чаем разговлялись куличом и яйцами, пасхи достать не смогли.

Почти месяц романовская семья была разделена. За это время много всего было. Случались неожиданности и радостные мгновения. 3 мая вдруг получили посылочку от Эллы из Перми: там находились пасхальные яйца, кофе и шоколад. Наконец 10 (23) мая прибыли дорогие дети. Николай Александрович записал: «Взаимным расспросам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути».

Взаперти, на тесном пространстве, измеряемом всего несколькими десятками шагов, русский монарх встретил свой последний день рождения. В дневнике записал: «Дожил до 50 лет, даже самому странно!» Да, столько всего было в жизни! Какая она длинная, причудливая, неожиданная. Впечатлений и переживаний хватило бы на многих. Еще в конце 1917 года получил письмо от дорогой Мамá. Больше Мария Федоровна не писала. Он прекрасно понимал, что с ее шепетильностью невозможно писать, зная, что это будут читать какие-то посторонние люди.

Ни о чем существенном сообщить не могла. Только о мелочах, о повседневном. Рассказала, что живет «лишь воспоминаниями», что у нее отняли ее дневники и всю переписку и она теперь лишена этих дорогих реликвий. Сын переживал за нее больше, чем за себя, но не сомневался, что матушка и так все помнит. У него же, слава Богу, личные бумаги и записи не отобрали. И он теперь ежедневно перечитывал свои дневники, эти десятки исписанных тетрадей, вобравших в себя события давно ушедшие, но навсегда запечатлевшиеся в сердце.

Что будет дальше, того Николай Александрович не знал. Но на хорошее не рассчитывал. Ну чего они все его боятся: и Керенский, и прочие руководители, как и эти коменданты и охранники? Неужели думают, что захочет бежать и выступить против власти? Нет, этого никогда не случится. Его политическая карьера закончилась 2 марта 1917 года, и ни при каких обстоятельствах он не станет бросать вызов судьбе и снова заниматься общественной деятельностью. Его единственная мечта: уединиться с семьей и жить тихо, праведно, не тая злобы и ненависти. Но ему не верят. Не возмущался унижительными происками и придирками тюремщиков; вспышки гнева научился подавлять. При любой возможности вступал в беседу с караульными, с комендантом, его помощниками, хотя и приходилось выслушивать много неприятного, оскорбительного. К этому общению всегда тянулись и дочери. Лишь Ольга и Алексей не проявляли особого желания беседовать с теми, кто караулил их.

В истории заточения царской семьи обращает на себя внимание одна закономерность. С большинством тех, кто с ними общался, кому доводилось часто и постоянно наблюдать за царем и членами его семьи неизбежно случались превращения: предубеждения постепенно проходили. Незлобивость, любезность, искренность Романовых производили сильное впечатление и невольно вызывали симпатию. Даже сердце такого убежденного революционера-рецидивиста, как комендант Авдеев, постепенно смягчалось: заключенным разрешил получать продукты с воли, стал доставлять газеты, позволил несколько раз устроить богослужения в доме. Красные начальники были встречены: в облсовет и в ЧК поступали сигналы о «разложении» караула. В конце концов и этих охранников сменили. За двенадцать дней до убийства прибыл новый караул, почти сплошь состоявший уже не из рабочих окрестных заводов и фабрик, а из числа принявших большевистскую идеологию венгров, австрийцев и латышей.

Предчувствия у узников были тяжелые. Царица давно ощущала, что «тучи сгущаются», и с каждым днем все больше. Ни Николай Александрович, ни Александра Федоровна вслух о том

не говорили, но атмосфера безысходности ощущалась всеми. В конце июня доктор Е. С. Боткин написал одному своему знакомому: «В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела. Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, — как хочешь: последствия почти тождественны». С мая 1918 года, впервые в жизни, царь перестал регулярно вести свои дневниковые записи: теперь они появлялись лишь от случая к случаю. Последняя была сделана 30 июня (13 июля), за три дня до смерти: «Алексей принял первую ванну после Tobольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем».

Последний их день — 3 (16) июля 1918 года. Солнце взошло в 5 часов 5 минут, зашло в 22 часа 5 минут. Световой день длился 17 часов. Ничего необычного не случилось. Тот день зафиксировала в своей записной книжке Александра Федоровна: «Вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Беби слегка простужен. Все ушли на полчаса на прогулку, осталась Ольга и я. Готовили лекарства. Татьяна читала духовное чтение, затем они ушли. Татьяна осталась со мной, и мы читали книгу пророка Амоса и книгу пророка Авдия. Потом болтали. Как обычно, комиссар пришел в наши комнаты, и наконец, после целой недели, принесли яйца для Беби. В 8 ужин. Внезапно вызвали Седнева повидаться с его дядей, и он исчез. Очень удивлюсь, если это правда и мы увидим его вновь. Играли в безик с Николаем. 10 с половиной пошли спать».

Солнца они больше никогда не увидят. Их разбудят в середине ночи, заставят быстро одеться, проведут в подвал-кладовую, и там прогремят выстрелы.

ЭПИЛОГ

В ночь с 16 (3) на 17 (4) июля 1918 года в Екатеринбурге совершилось страшное преступление. В подвале «Дома особого назначения» варварски убили императора Николай II Александровича, императрицу Александру Федоровну, цесаревича Алексея Николаевича, великих княжен Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию. Вместе с ними и за них погибли верные приближенные: доктор Е. С. Боткин, камердинер А. Е. Трупп, повар И. М. Харитонов, горничная А. М. Демидова.

Организаторы и исполнители прекрасно знали, что творят злодеяние. Ни с какой точки зрения, ни с какой идеологической меркой невозможно было понять и принять убийство женщин и детей. Поэтому публично лишь сообщили, что «Николай Романов расстрелян, а семья эвакуирована в надежное место». Потом коммунистический режим наложит на екатеринбургское событие жесткое табу, а в исторических сочинениях станут, открыто или завуалированно, непременно оправдывать преступление, выставлять какие-то «объективные причины», обусловившие убийство. Самая расхожая: от «бывшего царя» исходила угроза новой власти. Да, исходила, но не потому, что его освобождение привело бы к реставрации династии, как то нередко утверждали. В тот конкретный момент подобное было совершенно исключено. Главные силы антикоммунистического сопротивления не

вели борьбы под флагом Романовых, и никто из членов царской фамилии ни в какой форме не участвовал в гражданской войне. Невозможно и вообразить, чтобы сам Николай Александрович, после всего случившегося, согласился бы снова стать во главе страны.

Но в перспективе возвращение к монархической форме правления отнюдь не было исключено. Здесь таилась основная угроза для новых хозяев. Несмотря на все дискредитации, поношения, шельмование, у большинства населения сохранялась внутренняя, глубинная привязанность к самодержавно-авторитарной власти, реальным воплощением которой и являлся екатеринбургский узник. Его убийство — сугубо политическая акция. Александра Федоровна была совершенно права, когда говорила, что Николай II «воплощает в себе Россию». Он оставался национальным символом, знаком русской государственной традиции, живым образом великой империи. Победившие интернационалисты уничтожали связь России с прошлым. Не могли не уничтожать. Та же причина обусловила и беспощадное истребление прочих членов династии. Никакой отдельно взятый великий князь не был страшен большевикам. Их пугала та идея, тот принцип, на которых многие века стояла Россия.

Убивали в Екатеринбурге не «бывшего полковника Романова», а именно царя. Много раз различные оправдатели большевиков писали о том, что ничего необычного тогда не произошло и «в других странах» подобное случалось. Вот, например, во Франции казнили же короля Людовика XVI и королеву Марию-Антуанетту. Да, казнили, и это тоже невозможно оправдать. Чужие преступления не могут служить индульгенцией для собственных злодеяний. Но нужно учитывать, что чету Капетингов убили не за то, что это король и королева, а по причине их конспиративных связей и заговорщической деятельности против республиканского строя. К тому же во Франции казнь провели гласно, при свете дня, с обнародованием хоть какого-то приговора. В России же дело обстояло совсем иначе. Николай Александрович борьбой с властью не занимался и смиренно относился к своей участи. А если бы занимался, если бы властям удалось уличить в чем-то, то не преминули бы с шумом и криком публично лишить его жизни. Сделали же все глубокой ночью, в подвале, потом несколько дней ликвидировали тела и хранили эту тайну неколебимо, а на публике лгали и лгали без конца.

С формально-юридической и фактически-исторической точек зрения Николай Александрович оставался монархом до последнего своего земного часа. То обстоятельство, что передал властные prerogatives брату и Временному правительству, теряло всякое значение после отказа Михаила Александровича и ис-

чезновения Временного правительства. Далее всякая видимость легитимной правопреемственности закончилась.

Когда в октябре — ноябре 1917 года воцарились коммунисты, они-то являлись уже откровенными узурпаторами, не имевшими никаких, даже призрачных прав. Большевики самым фактом своего прихода отменили отречение последнего царя. Радикалы прекрасно понимали непредсказуемость собственного будущего (на то, что их власть установилась всерьез и надолго, они и не надеялись тогда) и, упрочивая его, должны были ликвидировать царя. Его и раньше бы убили, но не получалось. Целый ряд документов и косвенных данных убедительно свидетельствует, что эту акцию начали готовить уже за несколько месяцев до июля 1918 года.

По поводу злодеяния в Екатеринбурге написано, сказано и показано невероятно много. Выяснены все детали, выявлены участники и очевидцы. После установления власти белых, через неделю после убийства царской семьи, дело в течение нескольких месяцев расследовалось профессиональными следователями. Собирались вещественные доказательства, проводились опросы свидетелей, скрупулезный осмотр места происшествия. Удалось установить факт убийства и непосредственную причастность к злодеянию 164 человек. Палачи были названы поименно. В русском зарубежье появилось немало документов об этом. Десятки лет в разных частях света, там, где жили или доживали свой век остатки русской эмиграции, в многочисленных храмах служились поминальные панихиды о последнем царе и его близких. Русской Зарубежной Православной Церковью они все были причислены к лику Святых.

На закате коммунистической эры, когда рухнули прежние табу, история Романовых стала необычно популярной и в России. Большинство людей впервые узнало тогда, как варварски убили семью последнего царя, кто являлся планировщиком и исполнителем кровавого замысла. Со страниц газет и журналов, с экрана телевизора, из динамиков радиоприемников зазвучали голоса, повествующие о екатеринбургской трагедии; массовыми тиражами переиздавались книги и документы, вышедшие за рубежом.

Особое внимание, повышенный интерес вызывал один сюжет, одна, леденящая кровь, история: как убили царя и что сделали с его останками. Тема приобрела необычайно сильное общественное звучание, когда в 1991 году недалеко от Екатеринбурга извлекли из земли кости и черепа, якобы принадлежавшие членам царской семьи. Затем годами занимались немислимо дорогостоящими «генетическими экспертизами», с привлечением аналитиков и экспертов из разных стран, даже вскрывали, «в

целях установления подлинности», некоторые захоронения в Романовской усыпальнице Петропавловской крепости. И что же узнали? То, что было давно известно: Романовых действительно убили. Останки же частично сожгли, а частично тайно погребли. Вокруг этих заклочений продолжают бушевать страсти. Фотографии черепов и костей публиковались бесчисленное число раз. Некоторые успели стать «профессиональными знатоками», сделали себе имя на этих скандальных манипуляциях.

Выяснением подробностей, скрупулезным анализом трагического финала занимались различные люди: историки, журналисты, публицисты, юристы, писатели, краеведы, а порой и просто случайные лица, якобы сумевшие «разгадать тайну смерти царя». А тайну его жизни? Смысл его служения России? Это мало кого занимало. Вот кто стрелял в царя, кто стрелял в наследника, из какого оружия, кто сделал первый выстрел, как перевозились трупы, как они расчленялись, сжигались, закапывались, — о том писали и пишут без устали. Опубликовали биографии всех убийц, установили родословные, взяли интервью у прямых (и непрямых) их потомков. Публике сейчас о каком-нибудь садисте и убийце Юровском известно куда больше, чем, например, о докторе Евгении Сергеевиче Боткине.

В нашей книге имена большинства палачей не упомянуты. Достаточно знать главных виновных, а фамилии подручных нет надобности популяризировать. Нет здесь и описания подробностей той кровавой ночи, когда окончилась земная жизнь последних венценосцев. Пусть эти жуткие детали смакуют другие. В историческом контексте все, что происходило после умерщвления монарха и его близких, — не более чем частность. К истории жизни Николая II это уже прямого отношения не имеет.

Если ответственно относиться к событиям, к документу, то не может подлежать сомнению один, достоверно установленный факт: той июльской ночью 1918 года *все* члены царской семьи были убиты. Другие утверждения и гипотезы, а также повествования о «чудесном спасении», в которые так хочется верить, не имеют к реальности никакого отношения. Это все из области исторического мифотворчества. Во имя восстановления трагической картины прошлого следует не сочинять биографии самозванных «Алексеев» и «Анастасий», что порой напоминает массовое умопомрачение, а заниматься изучением действительных событий и реальных людей. Только таким путем можно узнать и понять, кем был последний царь и почему он в конце жизни оказался там, где оказался. Необходимо осознать и то, что екатеринбургское злодеяние — великий грех всех живших в России и их потомков.

Когда весть об убийстве царя (о смерти других почти никто в тот момент не знал) дошла до Москвы, Святейший Патриарх Тихон произнес в московском Казанском соборе проповедь, где, среди прочего, сказал: «Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит перед нелюбимым судом Божиим. Но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней... Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела, одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом как христиане, как сыны Церкви». Это был мощный, страстный, но — одинокий голос.

Летом 1918 года никакого общественного осуждения убийства царя в стране не было. Так, шушукались обыватели, комментировали в своем кругу осколки разбитого «общества». Многие были уверены: сам и виноват. Тогда еще не предполагали и не предвидели, что вот они, конкретные «Ивановы» и «Петровы», раньше или позже, сами или с домочадцами, их родственники или знакомые непременно станут жертвами красного режима, возникшего и утвердившегося благодаря преступному пренебрежению к прошлому подавляющего большинства «образованных и просвещенных». Когда же каждого из них обожжет беспощадная действительность, зацепит «колесо истории», станут кричать о личной невинности, начнут звать к другим, чтобы помогли, посочувствовали, заступились. И редко кто будет откликаться, как когда-то не откликнулись и они сами. «И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (*Откровение. 14. 11*).

По мере «погружения во тьму» люди невольно начинали снова вспоминать «старые добрые времена», которые были куда милостивей к человеку, чем те, что наступили потом. Стали вздыхать по безнадёжно ушедшему, горевать по нему. И образ царя в сознании начал приобретать совсем иные очертания, иную окраску. Его же преждевременная гибель, как и смерть его близких, потрясали, трогали все не зачерствевшие души. Поэт-эмигрант Адеркас написал пронзительные строки:

Не в Петропавловском соборе
В рядах гробниц других царей,
Не в пышном траурном уборе
При свете трепетных свечей
Царь Николай Второй с семьею
Почил до Страшного Суда.
Его с могилою иною
Венчала горькая судьба.
Зимой над нею вьюга взвост,
Сугробом снега заметет,
Весной ее кустарник скроет
И след травую зарастет.
Взамен священных песнопений,
В созвучьях скорбных панихид,
Взамен рыданий и молений
Суровый лес вокруг шумит.
Лети же птицей быстрокрылой,
Скорбь неизбывная, с мольбой
И там, над брошенной могилой,
Шепни, — «С Святыми упокой».

Последний царь всегда помнил слова Спасителя, наставлявшего: «Претерпевший же до конца спасется» (*Матф. 24. 13*). Николай II и царская семья испили свою горькую чашу до дна. Они испытали все мыслимые и немыслимые несчастья и разочарования на земле, и даже самые лютые враги не смогли бы ничего уже добавить к их страданиям. Трагедией своей жизни и смерти император искупил свои вольные или невольные, действительные или мнимые вины, ошибки и заблуждения.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

- 1868, 6 (18) мая. Родился великий князь Николай Александрович.
20 мая (2 июня). Крещение Николая Александровича.
- 1875, 6 декабря. Получил чин прапорщика.
- 1880, 6 мая. Получил чин подпоручика.
- 1881, 1 марта. Высочайшим манифестом объявлен Наследником Престола Всероссийского.
2 марта. Назначен Атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардии Атаманского казачьего Его Императорского Высочества наследника цесаревича полка.
- 1884, 6 мая. В Георгиевском зале Зимнего Дворца принял воинскую присягу.
- 1887, 30 августа. Произведен в штабс-капитаны.
- 1889, 6 мая. Назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества.
6 мая. Назначен членом Государственного Совета и Комитета министров.
- 1890—1891, октябрь — август. Путешествие вокруг Азии и по Сибири.
- 1891, 21 апреля. Произведен в капитаны.
17 ноября. Назначен председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, пострадавших от неурожая.
- 1892, 6 августа. Произведен в полковники.
- 1893, 2 января. Вступил в командование 1-м батальоном лейб-гвардии Преображенского полка.
14 января. Назначен председателем Комитета Сибирской железной дороги.
- 1894, 8 апреля. В Кобурге (Германия) состоялась помолвка с принцессой Алисой Гессенской.
20 октября. Вступил на Престол Российской Империи.
14 ноября. В Петербурге состоялось бракосочетание Николая II и великой княгини Александры Федоровны.
- 1895, 3 ноября. Рождение великой княжны Ольги Николаевны.
- 1896, 14 мая. Священное Коронование и Святое Миропомазание в Москве.
- 1897, 3 января. Указ о выпуске в обращение золотой монеты.
28 января. Первая Всероссийская перепись населения.
29 мая. Рождение великой княжны Татьяны Николаевны.
- 1898, 7 марта. Открытие в Петербурге Русского музея имени императора Александра III.
15 марта. Заключение русско-китайского договора.
16 августа. Нота русского Министерства иностранных дел с предложением ограничить мировую гонку вооружений.
- 1899, 14 июня. Рождение великой княжны Марии Николаевны.
28 июня. Смерть наследника-цесаревича, великого князя Георгия Александровича.
- 1900, 12 июня. Указ об отмене ссылки в Сибирь на поселение.

- 1901, 14 февраля. Убийство министра народного просвещения Н. П. Боглепова.
- 5 июня. Рождение великой княжны Анастасии Николаевны.
- 1902, 2 апреля. Убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина.
- 1903, 17—20 июля. Николай II и Александра Федоровна участвуют в торжестве прославления и открытия мощей Преподобного Серафима в Саровской пустыни.
- 1904, 27 января. Нападение японских миноносцев на русскую военную эскадру и начало русско-японской войны.
- 3 июня. Убийство Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобринкова.
- 15 июля. Убийство министра внутренних дел В. К. Плеве.
- 30 июля. Рождение цесаревича Алексея Николаевича.
- 20 декабря. Падение Порт-Артура.
- 1905, 9 января. Манифестация рабочих в Петербурге, организованная Г. А. Гапоном.
- 4 февраля. Убийство великого князя Сергея Александровича.
- 18 февраля. Рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о разработке мер для привлечения населения к обсуждению законодательных предложений.
- 17 апреля. Указ о веротерпимости.
- 14—15 мая. Цусимское сражение.
- 14 июня. Начало восстания на броненосце «Князь Петемкин — Таврический».
- 6 августа. Опубликование закона о Государственной Думе.
- 23 августа. Подписание в Портсмуте (США) мирного договора между Россией и Японией.
- 17 октября. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка».
- 11 декабря. Опубликование закона о выборах в Государственную Думу.
- 1906, 23 апреля. Утверждение новой редакции Основных Законов Российской империи.
- 27 апреля. Открытие I Государственной Думы.
- 5 октября. Указ об отмене правовых ограничений для крестьянского сословия.
- 9 ноября. Указ о свободном выходе крестьян из общины.
- 1907, 20 февраля. Открытие II Государственной Думы.
- 3 июня. Манифест о роспуске II Государственной Думы и о введении нового избирательного закона.
- 18 августа. Подписание англо-русского соглашения.
- 1 ноября. Открытие III Государственной Думы.
- 1908, 28 мая. Николай II принял звание адмирала британского флота.
- 1911, 1 сентября. Покушение на премьера П. А. Столыпина.
- 1912, 15 ноября. Открытие IV Государственной Думы.
- 1913, 21 февраля. Трехсотлетие со дня призвания на царство Михаила Федоровича Романова.
- 1914, 15 августа. Объявление Австро-Венгрией войны Сербии.
- 17 августа. Объявление всеобщей мобилизации в России.
- 19 августа. Объявление Германией войны России.

- 1915, 23 августа. Принятие Николаем II обязанностей Верховного Главнокомандующего.
- 1916, 9 февраля. Выступление Николая II в Таврическом дворце перед депутатами IV Государственной Думы.
- 16 февраля. Николаю II вручены знаки отличия фельдмаршала британской армии.
- 17 декабря. Убийство Григория Распутина.
- 1917, 23 февраля. Начало уличных беспорядков в Петрограде.
- 28 февраля. Отъезд Николая II из Ставки в Царское Село.
- 1 марта. Прибытие Николая II в Псков.
- 1 марта. Создание в Петрограде Временного правительства и совета рабочих и солдатских депутатов.
- 2 марта. Подписание Николаем II отречения от престола в пользу своего брата Михаила Александровича.
- 3 марта. Отказ великого князя Михаила Александровича от престола до «решения Учредительного собрания».
- 6 марта. Решение Временного правительства об аресте Николая II и Александры Федоровны.
- 31 июля. Отправка царской семьи из Царского Села в Тобольск.
- 6 августа. Прибытие в Тобольск.
- 1918, 17 (30) апреля. Начало заточения царской семьи в Екатеринбурге.
- 13 июня. Убийство в Перми великого князя Михаила Александровича.
- Ночь с 3 на 4 июля (с 16-го на 17-е). Убийство в Екатеринбурге Николая II, Александры Федоровны, их детей и четверых приближенных.

УКАЗАТЕЛЬ РОДСТВЕННО-ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Августа-Виктория — «Августа» — (1858—1921), урожденная принцесса Шлезвиг-Гольштинская, жена (1881) прусского принца Вильгельма, ставшего германским императором и прусским королем Вильгельмом II (1888—1918). Дети: Вильгельм (1882—1951), женат (1905) на принцессе Цецилии Мекленбургской; Эйтель-Фридрих (1883—1942), женат (1906) на Софии-Шарлотте, принцессе Ольденбургской; Адальберт (1884—1948); Август-Вильгельм (1887—1949), женат (1908) на Александре-Виктории, принцессе Шлезвиг-Гольштинской; Оскар (1888—1958); Иоахим (1890—1920); Виктория-Луиза (1892—1980), замужем (1913) за Эрнестом-Августом, великим герцогом Брауншвейгским.

Адини — см. Александрина, королева Датская.

Алек — см. Ольденбургский Александр Петрович.

Александр дядя — см. Александр Гессенский.

Александр II Николаевич (1818—1881). Император (1855—1881). Старший сын императора Николая I. Женат (1841) на принцессе Марии Гессен-Дармштадтской (Максимилиане-Вильгельмине-Августе-Софии-Марии), в России — Мария Александровна (1824—1880). Дети: Александра (1842—1849), Николай (1843—1865), Александр (1845—1894); император (1881—1894), Владимир (1847—1909), Алексей (1850—1908), Мария (1853—1920); замужем (1874) за сыном английской королевы Виктории герцогом Альфредом Саксен-Кобург-Готским, герцогом Эдинбургским), Сергей (1857—1905), Павел (1860—1919).

Александр III (1845—1894). Второй сын императора Александра II. Император России (1881—1894). Женат (1866) на Марии Федоровне, урожденной датской принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмар (1847—1928). Дети: Николай (1868—1918, с 1894 г. — император Николай II); Александр (1869—1870); Георгий (1871—1899); Ксения (1875—1969; замужем (1894) за великим князем Александром Михайловичем; Михаил (1878—1918. Женат (1912) на Н. С. Шереметьевской); Ольга (1882—1960. Жена (1901) принца П. А. Ольденбургского, разведена в 1916 г. Второй раз замужем (1916) за Н. А. Куликовским).

Александр Гессенский (Людвиг-Георг-Фридрих-Эмиль) — «дядя Александр» — (1823—1888). Третий сын Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига II и брат императрицы Марии Александровны. Состоял на русской, а затем на австрийской службе, где имел звание «фельдмаршал-лейтенант». В 1851 году оставил службу и вступил вmorganатический брак с фрейлиной сестры (тогда цесаревны, Марии-Александровны) графиней Юлией фон Гауке (1825—1895) — дочерью генерала Морица фон Гауке, которая вместе со своим потомством получила титул графини (а в 1858 принцессы) Баттенберг. Родоначальник рода князей (принцев) Баттенберг (Маунбеттен). Дети: Людвиг (с 1917 года — лорд Маунбеттен (1854—1921. Женат (1884) на Виктории (1863—1950), принцессе Гессенской, старшей сестре императрицы Александры Федоровны, маркизе Мильфорд-Хевен), Александр (1857—1893), Генрих (Генрих-Маврикий) (1858—1896). Женат (1885) на младшей дочери английской королевы Виктории принцессе Беатрисе (1857—1944).

Александр Михайлович — «Сандро» — (1866—1933), великий князь, генерал-адъютант, адмирал, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Председатель совета по делам торгового мореплавания (1900), Главноуправляющий торгового мореплавания и портами (1902—1905). Женат (1894) на сестре Николая II Ксении Александровне. Дети: Ирина (1895—1970. Замужем (1914) за князем Ф. Ф. Юсуповым), Андрей (1897—1981), Федор (1898—1968), Никита (1900—1974), Дмитрий (1901—1980), Ростислав (1902—1977), Василий (1907—1989). Умер на руках дочери Ирины 26 февраля 1933 года в Рокбрюне около Ментоны, где гостил у своего друга офицера лейб-гвардии конной артиллерии Чирикова. Похоронен там же. На похоронах присутствовали: Ксения, Ирина, король и королева Датские. Там же в 1960 году была похоронена и умершая в Англии Ксения Александровна.

Александра Английская — «Тетя Аликс», «Alix» — (1844—1925), жена (1863) наследника английского престола принца Уэльского Альберта-Эдуарда, ставшего в 1901 году королем Эдуардом VII. Урожденная принцесса Датская, старшая сестра императрицы Марии Федоровны. Дети: Альберт-Виктор (1864—1892); Георг (1865—1936) герцог Йоркский, женат (1893) на Виктории-Марии (1867—1953), дочери герцога Текского, английский король Георг V (1910—1936); Луиза (1867—1931), замужем (1889) за герцогом Файфским (1849—1912); Виктория (1868—1935); Мод (1869—1938), замужем (1896) за Карлом, принцем Датским (1872—1957), избранным королем Норвегии в 1905 году под именем Гакона VII.

Александра Иосифовна — «Тетя Сани» — (1830—1911), великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская (Фредерика-Генриетта-Паулина-Марианна-Елизавета), жена (1848) великого князя Константина Николаевича, третьего сына Николая I. Дети: Николай (1850—1918), Ольга (1851—1926. Замужем (1876) за королем Греческим Георгом I); Вера (1854—1912. Замужем (1874) за Вильгельмом-Евгением герцогом Вюртембергским); Константин (1858—1915), Дмитрий (1860—1919), Вячеслав (1862—1879).

Александра Греческая — «Аликс», «Alix» — (1870—1891), дочь греческого короля Георга I и его жены русской великой княгини Ольги Константиновны. Племянница императрицы Марии Федоровны. В 1889 году вышла замуж за младшего сына Александра II великого князя Павла Александровича. От этого брака было двое детей: Мария (1890—1958) и Дмитрий (1891—1942). Умерла 12 сентября 1891 года после тяжелых родов сына Дмитрия будучи в гостях у великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны в их имении Ильинское под Москвой.

Александра Петровна — «тетя Саша» — (1838—1900), великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, жена (1856) великого князя Николая Николаевича (старшего). Дети: Николай (1856—1929) и Петр (1864—1934). Ее брак с Николаем Николаевичем фактически распался в конце 70-х годов. В 1889 году приняла монашество под именем Анастасии и была послушницей Киево-Покровского женского монастыря.

Александрина — «Адини» — (1879—1952), урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, жена (1898) датского принца Христиана (1870—1947), сына короля Фредерика VIII. Дочь великой княгини Анас-

тасии Михайловны, правнучка императора Николая I. В 1912 году Христиан наследовал трон и стал датским королем Христианом X (1912—1947). Дети: Фредерик (Фридрих) (1899—1972), король Дании (1947—1972); Кнудт (1900—1976).

Алексей — см. Алексей Александрович.

Алексей Александрович — «Алексей», «Алексис» — (1850—1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства (1880—1905), член Государственного Совета. В молодости был влюблен в дочь поэта В. А. Жуковского княжну Александру Васильевну (1844—1899), с которой тайно обвенчался в Италии, но отец, император Александр II, брак аннулировал. Александра Жуковская имела от великого князя сына Алексея Алексеевича, получившего титул графа Белевского (родился в 1871 году в г. Зальцбурге, был убит в 1932 году в Тбилиси. У него были две дочери и сын). Великий князь Алексей Александрович прожил холостяком.

Алексис — см. Алексей Александрович.

Аликс — см. Александра Федоровна.

Аликс — см. Александра Английская.

Альберт-Виктор — «Eddy» — (1864—1892), старший сын наследника английского престола Альберта-Эдуарда, принца Уэльского (впоследствии английского короля Эдуарда VII), внук английской королевы Виктории. В 1889 году делал предложение своей кузине Алисе Гессенской, но получил отказ.

Альберт-Эдуард — «Берти» — (1841—1910), старший сын английской королевы Виктории, принц Уэльский, женат (1863) на принцессе Александре, старшей дочери датского короля Христиана IX. Стал королем Великобритании и Ирландии после смерти своей матери в 1901 году под именем Эдуарда VII. Дети: Альберт-Виктор (1864—1892), Георг (1865—1936. Король Георг V с 1910 года), Луиза (1867—1931), Виктория (1868—1935), Мод (1869—1938).

Альфред — см. Альфред-Эрнест-Альберт.

Альфред-Эрнест-Альберт — «Альфред» — (1844—1900), герцог Саксен-Кобург-Готский, сын английской королевы Виктории. Герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский, муж (1874) единственной дочери императора Александра II Марии Александровны. Дети: Мария (1875—1938), Виктория-Мелита (1876—1936, великая княгиня Виктория Федоровна), Александра (1878—1942), Беатриса (1884—1966).

Анастасия — см. Анастасия Михайловна.

Анастасия Михайловна — «Анастасия» — (1860—1922), великая княжна, дочь великого князя Михаила Николаевича, внучка Николая I. Замужем (1879) за герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским (1851—1897). Их старшая дочь Александрина («Адини») с 1898 года замужем за сыном наследника датского престола Христианом, ставшим в 1912 году королем Дании Христианом X.

Анастасия Николаевна Черногорская — «Стана» — (1868—1935), великая княгиня, жена (1907) великого князя Николая Николаевича (младшего), дочь короля Черногорского Николая I Негоша. В первом браке с герцогом Георгом Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским (1852—1912). Их дети: Сергей (1890—1974), Елена

(1892 —?, в замужестве графиня Тышкевич). Детей от второго брака не было.

Андрей Владимирович — «Андрей» — (1879—1955), третий сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны (старшей), внук императора Александра II, двоюродный брат Николая II. Много лет состоял в интимной связи с балериной Матильдой Феликсовной Кшесинской (1872—1971), имевшей от него сына Владимира (1902 — 1974), которому Николай II разрешил носить фамилию Красинского. В 1921 году в эмиграции Андрей Владимирович женился на М. Ф. Кшесинской. Все трое похоронены на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

Беатриса — «Беатриса» — (1857—1944), принцесса Баттенбергская, урожденная принцесса Английская, младшая дочь королевы Виктории, жена (1885) принца Генриха-Маврикия Баттенбергского (1858—1896), тетка императрицы Александры Федоровны. Дочь Беатрисы Виктория-Евгения Баттенбергская, кузина императрицы Александры Федоровны (1887—1969) в 1906 году стала женой испанского короля (с 1902 года) Альфонса XIII Бурбона (1886—1941).

Берги, дядя Берги — см. Альберт-Эдуард.

Вальдемар (Вольдемар) (1858—1939), сын короля Христиана IX и королевы Луизы, младший брат императрицы Марии Федоровны. Женат (1885) на принцессе Марии Орлеанской (1865—1909), старшей дочери герцога Шартрского. Дети: Аге (1887—1940), Аксель (1888—1964), Эрих (1890—1950), Вигто (1893—1970), Маргарита (1895—?).

Вики Шведская — см. Виктория, королева Шведская.

Виктория (1819—1901). Королева Великобритании и Ирландии и императрица Индии (1837—1901). Дочь Эдуарда, герцога Кентского, четвертого сына короля Георга III и принцессы Виктории Саксен-Саальфельд-Кобургской. В супружестве (1840) с принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819—1861). Вступила на престол после смерти своего дяди, короля Вильгельма IV. Дети: Виктория (1840—1901), замужем (1858) за Фридрихом-Вильгельмом, императором Германским Фридрихом III; Альберт-Эдуард (1841—1910), женат (1863) на датской принцессе Александре; Алиса (1843—1878), замужем (1862) за Людвигом Гессенским; Альфред (1844—1900), женат (1874) на дочери императора Александра II Марии Александровне; Елена (1846—1923), замужем (1866) за принцем Христианом Шлезвиг-Гольштинским; Луиза (1848—1939), замужем (1871) за маркизом Джоном Лорном, старшим сыном герцога Арджильского; Артур (1850—1942) герцог Коннаутский, женат (1879) на принцессе Прусской Луизе-Маргарите (1860—1917); Леопольд (1853—1884); Беатриса (1857—1944), замужем (1885) за Генрихом, принцем Баттенбергским. Королева Виктория скончалась 22 января 1901 года.

Виктория-Мария — «Мэй», «Мау» — (1867—1953), жена (1893) сына наследника английского престола Георга — короля (с 1910 года) Георга V, дочь герцога Текского. Дети: Эдуард-Альберт, принц Уэльский и герцог Корнуэльский (1894—1952), английский король Эдуард VIII (1936); Георг (1895—1952, английский король Георг VI (1936—1952); Мария (1897—1965); Генрих (1900 — 1974); Джон (1905 — 1919).

Виктория Пруская — «Vike» — урожденная принцесса Английская Виктория (1840—1901), старшая дочь английской королевы Виктории, замужем (1858) за принцем Фридрихом-Вильгельмом Прусским (1831—

1888) — германским императором Фридрихом III (1888), мать императора Вильгельма II. Дети: Фридрих-Вильгельм (1859—1941. Германский император Вильгельм II); Шарлотта (1860—1919), замужем (1878) за принцем Бернгардом Саксен-Майнингенским; Генрих (1862—1929), женат (1888) на Ирине, принцессе Гессенской; Франциск-Фридрих (1864—1866); Виктория (1866—1929), замужем (1890) за принцем Альфредом Шаумбург-Липпе; Вольдемар (1868—1878); София (1870—1932), замужем (1889) за греческим принцем Константином (с 1913 года греческим королем Константином I); Маргарита (1872—1954), замужем (1893) за принцем Фридрихом-Карлом Гессенским.

Виктория Федоровна — «Даки» — (1876—1936), урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская Виктория-Мелита, дочь великой княгини Марии Александровны и Альфреда, герцога и герцогини Эдинбургских, внучка русского императора Александра II и английской королевы Виктории. Ее сестры: королева Румынская с 1914 года Мария (1875 — 1938), Александра (1877—1942) Гогенлое-Лангебургская и Беатриса (1884—1966), жена инфанта испанского, принца Альфонса Орлеанского. Имела единственного брата Альфреда-Александра-Эрнста-Альберта (1874—1899), покончившего жизнь самоубийством. В первом браке (1894) за великим герцогом Гессенским и Рейнским Эрнстом-Людвигом, братом императрицы Александры Федоровны. Имела от него дочь Елизавету (1895—1903). В 1901 году развелась и в 1905 году, против желания и без разрешения Николая II, вышла замуж за своего двоюродного брата великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан в 1907 году, когда она получила титул великой княгини. Дети от второго брака: Мария (1907—1951), Кира (1909—1967), Владимир (1917—1992).

Виктория Шведская (1862—1930), урожденная принцесса Виктория Баденская, жена (1881) наследника шведского престола Густава, с 1907 по 1950 год — шведского короля Густава V. Дети: Густав-Адольф, герцог Скониинский (1882—1973); Вильгельм, герцог Зюдерманландский (1884—1965), Эрик, герцог Вестманландский (1889—1918).

Вилли — см. Георг I.

Вильгельм — см. Вильгельм II.

Вильгельм I (1797—1888). Император Германский и король Прусский. Сын прусского короля Фридриха-Вильгельма III и принцессы Мекленбург-Стрелицкой. Вступил на прусский престол в 1861 году после смерти своего брата короля Фридриха-Вильгельма IV. Избран первым императором Германской империи в январе 1871 года. Женат на Августе (1811—1890), урожденной принцессе Саксен-Веймарской. Дети: Фридрих-Вильгельм (1831—1888); Луиза (1838—1923), в браке (1856) с великим герцогом Баденским Фридрихом.

Вильгельм II — «Вилли», «Вильгельм» — (1858—1941). Император Германский и король Прусский (1888—1918). Вступил на престол в 1888 году после смерти своего отца императора Фридриха III. Матерью его была старшая дочь английской королевы Виктории принцесса Виктория. Женат (1881) на принцессе Августе-Виктории Шлезвиг-Гольштейнской (1858—1921). Дети: Вильгельм (1882—1951), наследный принц Пруссии и Германии, женат (1905) на Цецилии, герцогине Мекленбургской (1886—1954); Эйтель-Фридрих (1883—1942), женат (1906) на Софии-Шарлотте, герцогине Ольденбургской; Адальберт (1884—1948); Август-Вильгельм (1887—1949), женат (1908) на Александре-Виктории,

принцессе Шлезвиг-Гольштинской; Оскар (1888—1958); Иоахим (1890 — покончил с собой в 1920 году); Виктория-Луиза (1892—1980), замужем (1913) за Эрнестом-Августом, великим герцогом Брауншвейгским. На этой свадьбе присутствовал Николай II.

Владимир — см. Владимир Александрович.

Владимир Александрович — «Владимир» — (1847—1909), великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, главнокомандующий войск гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905), член Государственного Совета, президент Академии художеств. Женат (1874) на дочери великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II принцессе Марии, принявшей в России имя великой княгини Марии Павловны (старшей). Их дети: Александр (1875—1877), Кирилл (1876—1938), Борис (1877—1943), Андрей (1879—1956); Елена (1882—1957. С 1902 года замужем за греческим принцем Николаем).

Георг I — «Вилли» — (1845—1913), принц Датский Вильгельм, второй сын датского короля Христиана IX, брат императрицы Марии Федоровны. Принял в 1863 году предложенную греческим Национальным собранием корону после того, как Россия, Франция и Англия высказали свое согласие. Женат (1867) на великой княгине Ольге Константиновне (1851—1926). Дети: Константин (1868—1923. Король в 1913—1917 и 1920—1922); Георг (1869—1957); Александра (1870—1891); Николай (1872—1938); Мария (1876—1940); Андрей (1882—1944); Христофор (1888—1940). Георг I был убит 13 марта 1913 года в Салониках.

Георг V — «Джорджи» — (1865—1936). Король Великобритании и Ирландии и император Индии. Вступил на престол в 1910 году после смерти своего отца, короля Эдуарда VII. Женат (1893) на Виктории-Марии (1867—1953), дочери герцога Текского. Дети: Эдуард-Альберт (1894—1972), принц Уэльский и герцог Корнуэльский. В январе 1936 года стал английским королем Эдуардом VIII, но в декабре того же года отрекся от престола; Георг (1895—1952), герцог Йоркский, английский король Георг VI (1836—1952) отец королевы Елизаветы II); Мария (1897—1965. Замужем (1922) за Генри-Джорджем Ласселем, графом Хэзвудом); Генрих (Генри), герцог Глостерский (1900—1974); Георг, герцог Кентский (1902—1942); Джон (1905—1919).

Георгий Александрович — «Джорджи» — (1871—1899), великий князь, сын императора Александра III и брат императора Николая II, наследник престола (1894—1899). В начале 90-х годов заболел туберкулезом и последние годы жизни жил почти безвыездно в местечке Абастуман (Абас-Туман) на Кавказе, куда его отправили врачи. Здесь основал самую высокоргную в мире обсерваторию.

Георгий Михайлович — «Георгий» — (1863—1919), великий князь, генерал-адъютант, сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Женат (1900) на Марии Греческой (1876—1940), племяннице императрицы Марии Федоровны. Нумизмат, директор Русского музея имени императора Александра III в Петербурге. Расстрелян в Петропавловской крепости.

Даки (Ducky) — см. Виктория Федоровна.

Джорджи Английский — см. Георг V.

Джорджи — см. Георгий Александрович.

Дмитрий Константинович — «Дмитрий» — (1860—1919), великий князь, внук императора Николая I, третий сын великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича (1827—1892), и великой княгини Александры Иосифовны (1830—1911), двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. В 1897—1905 годах — главноуправляющий государственного коннозаводства. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 года. Семьи не имел.

Eddy — см. Альберт-Виктор.

Евгений — см. Лейхтенбергский Е. М.

Евгения — см. Ольденбургская Е. М.

Ежен — см. Лейхтенбергский Е. М.

Ежени (Eugenie) — см. Ольденбургская Е. М.

Елена — см. Елена Английская.

Елена — «Елена» — (1846—1923), дочь английской королевы Виктории, в супружестве (1866) с принцем Христианом Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Аугустенбургским.

Елизавета Маврикиевна — «Мавра» — (1865—1927), великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская. Замужем (1884) за великим князем Константином Константиновичем («К. Р.»). Дети: Иван (1886—1918), Гавриил (1887—1939), Татьяна (1890—1970), Константин (1890—1918), Олег (1892—1914), Игорь (1894—1918), Георгий (1903—1938), Наталья (1905), Вера (1906—?).

Елизавета Федоровна — «Элла» — (1864—1918), великая княгиня, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, вторая дочь герцога Людвига IV. Жена (1884) великого князя Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны. В 1910 году приняла монашеский постриг. Была убита в Алапавске 17 июля 1918 года. В 1992 году причислена Русской Православной Церковью к лику святых.

Жоржи — см. Георгий Александрович.

Карнович — см. Палей.

Коко — см. Константин Николаевич.

Константин — «Тино» — (1868—1923), старший сын греческого короля Георга I и великой княгини Ольги Константиновны, племянник великого князя Константина Константиновича, внук великого князя Константина Николаевича, племянник императрицы Марии Федоровны. Король Греческий Константин I (1913—1917 и 1920—1922). Отрекся от престола в 1922 году. Женат (1889) на Софии, принцессе Прусской (1870—1932). Дети: Георг (1890—1947. Король Греческий Георг II); Александр (1893—1920. Король Александр I в 1917—1920 годах); Елена (1896—1982. Замужем за румынским королем Каролом (Карлом I); Павел (1901—1964. Король Греции Павел I в 1947—1964 годы.); Ирена (1904—1974); Екатерина (1912—?).

Константин Константинович — «Костя» — (1858—1915), великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внук императора Николая I, двоюродный брат Александра III. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 1891 года командир Преображенского полка, начальник военно-учебных заведений (1900—1910); с 1910 года — генерал-инспектор военно-учебных заведений. С 1889 года — президент Российской Академии наук. Поэт, драматург, переводчик (литературный псевдоним «К. Р.»). Женится (1884) на принцессе Елизавете Саксен-Альтенбургской, получившей в

России имя Елизаветы Маврикиевны. Их дети: Иван (1886—1918), Гавриил (1887—1955), Татьяна (1890—1970), Константин (1890—1918), Олег (1892—1914), Игорь (1894—1918), Георгий (1903—1838), Наталья (1905), Вера (1906—?).

Константин Николаевич — «Коко», «Костя» — (1827—1892), великий князь, второй сын императора Николая I. Генерал-адмирал. С 1855 года управлял флотом и морским ведомством на правах министра, в 1860 году — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, наместник Царства Польского (1862—1863), председатель Государственного Совета (1865—1881). Женат (1848) на Александре Иосифовне, принцессе Саксен-Альтенбургской (1830—1911). Дети: Николай (1850—1918), Ольга (1851—1926). Замужем (1867) за королем Греческим Георгом I), Вера (1854—1912). Замужем (1874) за Вильгельмом-Евгением, принцем Вюртембергским), Константин (1858—1915), Дмитрий (1860—1919), Вячеслав (1862—1879). Состоял в длительной любовной связи с балериной Анной Васильевной Кузнецовой, имевшей от него четверых детей, получивших фамилию Князевы.

Костя — см. Константин Константинович.

Ксения — см. Ксения Александровна.

Ксения Александровна — «Ксения» — (1875—1960), великая княгиня, старшая дочь императора Александра III, сестра императора Николая II. Жена (1894) великого князя Александра Михайловича. Дети: Ирина (1895—1970. В замужестве (1914) Юсупова), Андрей (1897—1981), Федор (1898—1968), Никита (1900—1974), Дмитрий (1901—1980), Ростислав (1902—1977), Василий (1907—1989). Эмигрировала в 1919 году. Жила почти безвыездно в Фрагмор Коттедже в Виндзорском парке, а с 1937 года — в особняке, подаренном королем Эдуардом VIII в Хэмптон Корт в Лондоне. Похоронена на Юге Франции, в Рокбрюне, около Ментоны, рядом с могилой мужа, великого князя Александра Михайловича.

Кумберлендские — см. Тира.

Лейхтенбергские — родоначальником герцогского дома Лейхтенбергских стал сын Жозефины Богарне Евгений (пасынок Наполеона I). Евгений Богарне (1781—1824, вице-король Италии в 1805—1814 годах) в 1806 году женился на дочери баварского короля Амалии-Августе (1788—1853), дочери баварского короля Максимилиана-Иосифа. После разгрома Наполеона король уступил своему зятю за 5 млн. франков ландграфство Лейхтенберг и часть княжества Эйхштад, а Евгений Богарне стал герцогом Лейхтенбергским. Его сын Максимилиан (1817—1852) в 1834 году женился на дочери Николая I Марии Николаевне, и герцоги Лейхтенбергские вошли в состав Русской императорской фамилии, им был присвоен титул князей Романовских.

Лейхтенбергский Евгений Максимилианович — «Эжен», «Евгений» — (1847—1901), герцог, князь Романовский, второй сын старшей дочери императора Николая I, великой княгини Марии Николаевны. Генерал-адъютант. Женат (1868) на фрейлине цесаревны Марии Федоровны Дарье Константиновне Опочининой («Долли»), умершей в марте 1869 года. Вторым браком был женат на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой, получившей титул графини Богарне (умерла в 1899 году).

Лейхтенбергский Николай Максимилианович — «Николай», «Кони» — (1843—1891), герцог, князь Романовский, старший сын великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, кузен Александра II. Гене-

рал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка. Женат на Надежде Сергеевне, по первому мужу Акинфьевой, урожденной Анненковой (1839—1891), получившей в 1879 году титул графини Богарне. У него было два сына: Николай (1868—1928) — флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, полковник; Георгий (1872 — 1929) — служил в конной гвардии.

Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868—1928), герцог, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, сын герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского. С 1891 года служил в Преображенском полку. Женат (1894) на Марии Николаевне, урожденной Граббе. С 1912 года — флигель-адъютант.

Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович — «Юрий» — (1852—1912), герцог, князь Романовский, сын старшей дочери императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. В первом браке состоял с принцессой Терезией Ольденбургской (ум. 1883). От этого брака имел сына Александра (1881). В 1890 году женился на Анастасии Николаевне, принцессе Черногорской. По причине «предосудительного поведения» герцога в ноябре 1906 года его брак с Анастасией Николаевной был расторгнут.

Луиза — см. Луиза, королева Датская.

Луиза (Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлия) — «Мама Луиза», «Луиза» — (1817—1898), урожденная принцесса Гессен-Кассельская, жена (1842) сына герцога Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургского, ставшего в 1852 году наследником датской короны, а в 1863 году вступившего на престол под именем короля Христиана IX. Дети: Фридрих (Фредерик) (1843—1912), Александра (1844—1925). Замужем (1863) за старшим сыном английской королевы Виктории Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским; Вильгельм (1845 — 1913. С 1863 года — король Греции Георг I), Дагмар (1847 — 1928. Русская императрица Мария Федоровна); Тира (1853 — 1933), Вольдемар (1858 — 1939).

Людвиг IV Гессенский — «Луи», «Людвиг» — (1837—1892). Великий герцог Гессенский, (1877—1892). Женат на третьей дочери английской королевы Виктории Алисе (1843—1878). Имел шестерых детей: Викторию (1863—1950), Елизавету (1864—1918. С 1884 года — великая княгиня Елизавета Федоровна), Ирену (1866—1953), Эрнста-Людвига (1868—1937), Марию (1874—1878), Алису (1872—1918. С 1894 года — императрица Александра Федоровна).

Мавра — см. Елизавета Маврикиевна.

Мака — см. Александр III.

Максимилиан Баденский (1867—1929), принц, сын принца Вильгельма Баденского и княгини Марии Максимилиановны Романовской (Лейхтенбергской). С 1907 года — наследник баденского престола, с 5 октября по 9 ноября 1918 года — последний канцлер Германской империи.

Мари — см. Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская, герцогиня Кобургская.

Мария Александровна (1824—1880). Российская императрица (1855—1880), урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, дочь великого герцога Гессенского Людовика II, жена (1841) наследника русского престола, а с 1855 года императора Александра II.

Мария Александровна — «Мари» — (1853—1920), великая княжна, единственная дочь императора Александра II. Замужем (1874) за сыном английской королевы Викторией Альфредом-Эрнстом-Альбертом, герцогом Саксен-Кобург-Готским, графом Кентским, герцогом Эдинбургским (1844—1900). Дети: Альфред-Альберт (1874—1899, застрелился); Мария (1875—1938. Замужем (1893) за Фердинандом, принцем Гогенцоллерн-Зигмарингенским, наследным принцем Румынии); Виктория-Мелита (1876—1936. Замужем (1894) за Эрнстом-Людвигом, герцогом Гессенским, с которым развелась в 1901 году. В 1905 году вышла замуж за великого князя Кирилла Владимировича, в 1907 году получила имя великой княгини Викторией Федоровны); Александра (1878—1942. Замужем (1896) за Эрнстом, принцем Гогенлоэ-Лангенбург). Мария Александровна умерла в Цюрихе.

Мария Павловна (старшая) — «Михень» — (1854—1920), великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II и супруги его Августы, урожденной принцессы Рейс-Шлейцкой. Жена (1874) великого князя Владимира Александровича. Дети: Александр (1875—1877), Кирилл (1876—1938), Борис (1877—1946), Андрей (1879—1955), Елена (1882—1957. С 1902 года замужем за принцем Николаем Греческим). Мария Павловна приняла православие в 1908 году. Умерла во Франции, в местечке Контрексевилю, вскоре после эмиграции из России.

Мария Румынская — «Мисси» — (1875—1938). Принцесса Мария, дочь второго сына английской королевы Викторией Альфреда герцога Саксен-Кобург-Готского, герцога Эдинбургского и супруги его, великой княгини Марии Александровны — дочери императора Александра II. Замужем (1893) за принцем Фердинандом Гогенцоллерн-Сигмарингенским (1864—1927), наследником румынского престола, с 1914 года — румынский король. Дети: Карл (Кароль, 1893—1952. Король Румынии в 1930—1940 годы); Елизавета (1894—1956. Жена греческого короля Георга II); Мария (1909—1961. Замужем за Александром (1891—1934), королем Югославии в 1921—1934 годах); Юлиана (1909—?); Мирсея (1912—1916).

Мария Федоровна — «Минни», «Мамá» — (1847—1928), урожденная принцесса Датская Дагмар (Мария-София-Фредерика-Дагмар), четвертый ребенок в семье датского короля Христиана IX и королевы Луизы. С 28 октября 1866 года — жена наследника русского престола Александра Александровича. С 1881 года — императрица. Дети: Николай (1868—1918), Александр (1869—1870), Георгий (1871—1899), Ксения (1875—1960), Михаил (1878—1918), Ольга (1882—1960). Умерла в Дании и похоронена в королевской усыпальнице в Роскилле.

Мей (Мау) — см. Виктория-Мария.

Мекленбург-Стрелицкий Георгий Георгиевич — «Жоржакс» — (1859—1909). Герцог, сын герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого и великой княгини Екатерины Михайловны, дочери великого князя Михаила Павловича (брата Николая I). Штабс-капитан лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, с 1891 года — штаб-ротмистр лейб-гвардии Конногвардейского полка.

Минни — см. Мария Федоровна.

Мисси — см. Мария Румынская.

Митя — см. Дмитрий Константинович.

Михаил Александрович — «Миша» — (1878—1918), великий князь, генерал-майор, член Государственного Совета, младший сын императора Александра III, брат императора Николая II, наследник русского престола (1899—1904). Осенью 1912 года тайно за границей вступил вmorganатический брак с Н. С. Вульферт, урожденной Шереметьевской, по первому браку Мамонтовой (1881—1952). За это над имуществом Михаила Александровича была учреждена опека, а ему был запрещен въезд в Россию. С началом первой мировой войны опека была снята, и ему было разрешено вернуться в Россию, а его жене была пожалована фамилия «Брасова» по названию имения Михаила Александровича в Орловской губернии. В годы мировой войны командовал Дикой дивизией. После отречения Николая II от престола Михаил Александрович престол не принял. Первым из Романовых был варварски убит большевиками 13 июня 1918 года. От брака с Брасовой-Шереметьевской у Михаила Александровича был сын Георгий (1910—1931), получивший титул графа Брасова. Погиб в Лондоне в автомобильной катастрофе в возрасте 21 года.

Михаил Михайлович — «Миша» — (1861—1929), великий князь, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича. Без согласия родителей и без ведома императора Александра III в 1891 году вступил в брак с внучкой А. С. Пушкина Софией Николаевной Нассаутской, графиней Меренберг де Торби (1868—1927). За этотmorganатический брак был исключен со службы, и ему запретили въезд в Россию. В 1909 году был прощен, ему возвратили звание флигель-адъютанта, но в Россию не вернулся. Жил в Лондоне, а последние годы на Французской Ривьере, где и умер. Дети: Анастасия (Зиа. 1892—1977. Замужем (1917) за сэрмом Гарольдом Вернером), Надежда (Нада. 1896—1963. Замужем (1916) за принцем Джорджем Баттенбергским, маркизом (1917) Мильфорд-Хевеном) и Михаил (Майкл. 1898—1959).

Михаил Николаевич — «Дядя Миша» — (1832—1909), великий князь, младший сын императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, наместник на Кавказе (1863—1881), генерал-фельдмаршал, председатель Государственного Совета (1881—1905). Женат (1857) на принцессе Цецилии Баденской (1839—1891), получившей в России имя великой княгини Ольги Федоровны. Дети: Николай (1859—1919), Анастасия (1860—1922), Михаил (1861—1929), Георгий (1863—1919), Александр (1866—1933), Сергей (1869—1918), Алексей (1875—1895).

Михайловичи — дети великого князя Михаила Николаевича.

Михень — см. Мария Павловна (старшая).

Миша — см. Михаил Александрович.

Миша — см. Михаил Михайлович.

Миша дядя — см. Михаил Николаевич.

Мод (Mand) — принцесса Английская (1869—1938), дочь старшего сына королевы Виктории Альберта-Эдуарда (короля Эдуарда VII) и Александры, принцессы Датской, племянница императрицы Марии Федоровны. В 1896 году вышла замуж за сына наследника датского престола Фредерика, принца Карла (1872—1957), избранного в ноябре 1905 года королем Норвегии под именем Гаокона VII. Умерла в Лондоне.

Нассаутский Адольф — «Адольф» — (1817—1905), герцог Нассаутский, вступил на престол в 1839 году, лишился своих владений, присоединенных к Пруссии после Австро-Прусской войны 1866 года. Женат первым браком на великой княгине Елизавете Михайловне (1826—1845),

дочери великого князя Михаила Павловича. С 1890 года — Великий герцог Люксембургский.

Низи — см. Николай Николаевич (старший).

Ники — см. Николай II Александрович.

Николай — см. Николай Михайлович.

Николай II — «Ники» — (1868—1918), старший сын императора Александра III, император России (20 октября 1894 года — 2 марта 1917 года). Женат (14 ноября 1894 года) на Александре Федоровне, урожденной гессенской принцессе Алисе (1872—1918). Дети: Ольга (1895—1918), Татьяна (1897—1918), Мария (1899—1918), Анастасия (1901—1918), Алексей (1904—1918). Вся семья Николая II была расстреляна в Екатеринбурге коммунистами в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Николай Константинович — «Никола» — (1850—1918), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны. В 1874 году совершил святотатство: похитил в кабинете своей матери в Мраморном дворце в Петербурге драгоценные камни с оклада семейной иконы. Краденое пошло на содержание американской куртизанки Фанни Лир. Был признан психически больным и выслан из Петербурга. Многие годы прожил в ссылке в Ташкенте, где весной 1918 года умер от воспаления легких. Женат (1882) на Надежде Александровне Дреер (1861—1929).

Николай Михайлович — «Бимбо», «Николай» — (1859—1919), великий князь, внук Николая I, старший сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий Кавказской гренадерской дивизией (1897). Историк, энтомолог. Председатель Императорского русского исторического общества и Императорского русского географического общества. Расстрелян в Петропавловской крепости. Семьи не имел.

Николай Николаевич (старший) — «Дядя Низи» — (1831—1891). Великий князь, третий сын Николая I, генерал-инспектор по инженерной части (1852), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862—1864), командующий, а потом главнокомандующий войск гвардии и Петербургского военного округа (1864—1880), генерал-инспектор кавалерии (1864), главнокомандующий армией во время войны с Турцией (1877—1878). Генерал-фельдмаршал. Женат (1856) на принцессе Александре Петровне Ольденбургской (1838—1900). Дети: Николай (1856—1929), Петр (1864—1931). В начале 70-х годов великий князь вступил в связь с балериной Екатериной Гавриловной Числовой (1845—1889), с которой впоследствии жил открыто и которая имела от него четверых детей: Ольгу, Владимира, Екатерину, Николая, получивших фамилию Николаевых.

Николай Николаевич (младший) — «Николаша» — (1856—1929), великий князь, старший сын Николая Николаевича (старшего) и его жены Александры Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Внук императора Николая I. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1871 года в лейб-гвардии Гусарском полку. Генерал-инспектор кавалерии (1895—1905), председатель Совета государственной обороны (1905—1908). Главнокомандующий войск гвардии и Петербургского военного округа (1905—1914), Верховный Главнокомандующий всех вооруженных сил России (1914—1915). В августе 1915

года уволен с должности главнокомандующего и назначен заместителем на Кавказе и командующим Кавказскими войсками.

2 марта 1917 года Николаем II вновь назначен Верховным Главнокомандующим и 9 марта отстранен от должности Временным правительством. Затем находился в Крыму в имении Петра Николаевича Дюльбе-ра, откуда в апреле 1919 года вместе с императрицей Марией Федоровной отбыл за границу. Длительное время сожительствовал с дочерью петербургского купца-меховщика, потомственной почетной гражданкой Софьей Игнатьевной Бурениной. В апреле 1907 года женился на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской, по первому браку герцогине Лейхтенбергской. Детей не имел. Умер 5 января 1929 года во Франции.

Николаша — см. великий князь Николай Николаевич (младший).

Ольга — см. Ольга Александровна.

Ольга — см. Ольга Константиновна.

Ольга Александровна — «Беби», «Ольга», «Елка» — (1882—1960), младшая дочь Александра III, сестра Николая II. В первом браке (1901) за принцем Петром Александровичем Ольденбургским (1868—1924), сыном принца Александра Петровича и принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургских. В 1915 году развелась с ним и в ноябре 1916 года вступила в морганатический брак с адъютантом своего мужа ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881—1958). Во втором браке имела детей Тихона и Гурия. Умерла 24 ноября 1960 года в городе Торонто (Канада) и похоронена там на кладбище Йорк рядом с Н. А. Куликовским.

Ольга Константиновна — «Ольга» — (1851—1926), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича, внучка императора Николая I. Замужем (1867) за принцем Датским Вильгельмом — королем Греции Георгом I. Дети: Константин (1868—1923. Наследник престола, принц Спартанский, король Греции в 1913—1917 и 1920—1922 гг.); Георгий, граф Корфский (1869—1957); Александра (1870—1891. Замужем (1889) за великим князем Павлом Александровичем); Николай (1872—1938); Мария (1876—1940. Замужем (1900) за великим князем Георгием Михайловичем); Андрей (1882—1944. Женат (1903) на племяннице императрицы Александры Федоровны Алисе Баттенбергской (1885—1969. Их сын Филипп (род. 1921 г.) является мужем английской королевы Елизаветы II и отцом наследного принца Чарльза); Христофор (1888—1940).

Ольга тетьа — см. Ольга Федоровна.

Ольга Федоровна — «тетьа Ольга» — (1839—1891), великая княгиня, урожденная принцесса Цецилия Баденская, жена (1857) младшего сына императора Николая I великого князя Михаила Николаевича. Дети: Николай (1859—1919), Анастасия (1860—1922. Замужем (1879) за принцем Фридрихом-Францем Мекленбург-Шверинским), Михаил (1861—1929), Георгий (1863—1919), Сергей (1869—1918), Алексей (1875—1895).

Ольденбургская Евгения Максимилиановна — «тетьа Евгения», «Eugenie» — (1845—1925), жена принца Александра Петровича Ольденбургского, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, внучка Николай I.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц, сын великой княгини Екатерины Павловны от ее брака с принцем Георгом Ольденбургским (1784—1812). Приехал в Россию в 1831 году и был определен

Николаем I в Преображенский полк, затем назначен командиром полка. Генерал-адъютант. С 1842 года — председатель Департамента гражданских и духовных дел. Учредил Училище правоповедения в Петербурге и до смерти был его попечителем.

Ольденбургский Александр Петрович — «Алек» — (1844—1932), принц, женат на Евгении Максимилиановне, герцогине Лейхтенбергской, княжне Романовской; генерал-адъютант, член Государственного Совета, сенатор. Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1870—1876), командир Гвардейского корпуса (1885—1889). Основатель в Петербурге Института экспериментальной медицины.

Павел Александрович — «Павел» — (1860—1919), великий князь, младший сын императора Александра II. Женат (1889) на греческой принцессе Александре Георгиевне (1870—1891). Дети: Мария (1890—1958) и Дмитрий (1891—1942). В 1902 году вступил в морганатический брак с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденная Карнович, с 1915 года — княгиня Палей), имел троих детей: Владимира, Ирину, Наталью. Командир лейб-гвардии Конного полка (1890—1896), командир Гвардейского корпуса (1898—1902), генерал от кавалерии, почетный председатель Русского общества охраны народного здоровья и покровитель всех коннозаводских учреждений в России. Расстрелян в Петропавловской крепости.

Палей Ольга Валерьяновна (1865—1929), княгиня, урожденная Карнович, дочь камергера Валерьяна Гавриловича и Ольги Васильевны Карнович (урожденная Мессарош). В первом браке была за генерал-майором Эриком Августовичем Пистолькорсом, имела троих детей: Марианну (в первом браке за поручиком П. П. Дурново, во втором — за штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка И. Х. Дерфельденом), Ольгу (в замужестве Крейц) и Александра (1885 — 1943, женат (1908) на Александре Александровне Танеевой, сестре А. А. Вырубовой). В 1902 году О. В. Палей за границей вступила в морганатический брак с великим князем Павлом Александровичем, имела от него троих детей: Владимира (1896—1918), Ирину (1903—?) и Наталию (1905—?). В 1905 году баварский король пожаловал ей титул графини Гогенфельзер, а в 1915 году она получила в России титул княгини.

Сандро — см. Александр Михайлович.

Сани тетя — см. Александра Иосифовна.

Саша тетя — см. Александра Петровна.

Сергей Александрович — «Сергей» — (1857—1905), великий князь, четвертый сын императора Александра II. Женат (1884) на Елизавете Федоровне, урожденной принцессе Гессен-Дармштадтской Елизавете. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., член Государственного Совета, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Организатор и председатель Православного Палестинского общества. 26 февраля 1891 года Сергей Александрович назначен Московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа. Убит 4 февраля 1905 года бомбой террориста.

Сергей Михайлович — «Сергей» — (1869—1918), великий князь, пятый сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I, двоюродный брат Александра III и двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Инспектор (1904), генерал-инспектор артиллерии с 1905 года. В 1915—1917 годах полевой

генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем. Нумизмат, собравший замечательную нумизматическую коллекцию. Гражданский муж прима-балерины Мариинского театра Матильды Кшесинской. Убит в Алапаевске в июле 1918 года.

София — «Софи» — (1870—1932), урожденная принцесса Прусская, сестра императора Вильгельма II (дочь императора Фридриха III и императрицы Виктории, старшей дочери королевы Виктории Английской). Замужем (1889) за греческим наследным принцем Константином («Тино»), ставшим в 1913 году греческим королем Константином I. Дети: Георгий (1890—1853. Греческий король в 1922—1924 и 1935—1947 годы), Александр (1893—1920), Елена (1896—1982), Павел (1901—1964, греческий король Павел I), Ирина (1904—1947), Екатерина (1913—1947).

Стана — см. Анастасия Николаевна Черногорская.

Тино — см. Константин Греческий.

Тира — «Тира» — принцесса Датская (1853—1933), герцогиня Кумберлендская, дочь короля Христиана IX и королевы Луизы, младшая сестра императрицы Марии Федоровны, жена (1878) герцога Эрнеста-Августа Кумберлендского (1845—1923), сына последнего короля Ганновера Георга V (1819—1878) — сына герцога Кумберлендского, пятого сына английского короля Георга III. Умерла в своем замке Гмунден в Верхней Австрии. Дети: Мария (1879—1948. Замужем (1900) за принцем Максимилианом Баденским (1867—1929)); Георг (1880—1912, герцог Армагский, погиб в автомобильной катастрофе); Александра (1882—1963. Замужем (1904) за Францем IV (1882—1945), великим герцогом Мекленбург-Шверинским; Ольга-Аделаида (1884—1958), замужем не была; Христиан (1885—1901); Эрнст (1887—1953) носил титул герцога Брауншвейгского, женат (1913) на Виктории-Луизе (1892—1980), дочери императора Германского Вильгельма II.

Тора (Toria) — см. Виктория Уэльская.

Фердинанд I Кобургский (1861—1948), князь Болгарский с 1887 года; царь Болгарский (1908—1918). Отрекся от престола и бежал в Германию в 1918 году. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Готского и Клементины, принцессы Орлеанской. Женат первым браком на Марии-Луизе, принцессе Пармской (1899 — 1899). Дети: наследник Борис (1894—1943), князь Тырновский, царь Болгарский с 1918 года; Кирилл, князь Пролавский (1895 — 1945. Расстрелян коммунистами); Евдокия (1898 — 1985); Надежда (1899 — 1958). Вторым браком (1908) Фердинанд женат на принцессе Элеоноре Рейс-Кестриц (1860—1917).

Фреды — см. Фредерик.

Фредерик — «Фреди», «дядя Фреди» — (1843—1912), старший сын датского короля Христиана IX и его жены, королевы Луизы. Брат императрицы Марии Федоровны. Женат (1869) на дочери шведского короля Карла XV, принцессе Ловизе (Луизе. 1851—1926). Дети: Христиан (1870—1947), женат (1898) на Александрине, принцессе Мекленбург-Шверинской (1879—1952), в 1912 году стал датским королем Христианом X), Карл (1872—1957), женат (1896) на Мод, принцессе Великобританской, с 1905 года король Норвегии Гаакон VII), Луиза (1875—1906), Гарольд (1876—1949), Ингеборг (1878—1958), Густав (1887—1944), Дагмар (1890—1961). Наследник датского престола. После смерти своего отца в 1906 году — датский король Фредерик VIII.

Фридрих-Вильгельм (1826—1884), ландграф Гессен-Кассельский. Женат (1844) на дочери Николая I великой княгине Александре Николаевне (1825—1844). Второй раз женился (1853) на Анне Прусской (1836—1901). Брат датской королевы Луизы — жены короля Христиана IX, дядя императрицы Марии Федоровны.

Христиан IX — «Папа», «Апапа» — (1818—1906). Датский король в 1863—1906 годы. Сын герцога Вильгельма Шлезвиг-Гольштин-Зондербург-Глюксбургского. Наследовал трон после смерти короля Фридриха VII (1863). Женат (1842) на Луизе, дочери ландграфа Гессен-Кассельского (1817—1898). Дети: Фредерик (Фридрих) (1843—1912) (король Фредерик VIII), Александра (1844—1925. Английская королева с 1901 года), Вильгельм (1845—1913. Греческий король Георг I с 1863 года), Дагмар (1847—1928, русская императрица Мария Федоровна 1881—1928), Тира (1853—1933), Вольдемар (1858—1939).

Христиан X — «Христиан» — (1870—1947). Датский король с 1912 года, старший сын короля Фредерика VIII. Женат (1898) на Александрине (1879—1952), принцессе Мекленбург-Шверинской (правнучка Николая I). Дети: Фредерик (1899—1972), король Дании Фредерик IX с 1947 года; Кнудт (1900—1976).

Эдди (Eddy) — см. Альберт-Виктор.

Эдуард VII — «Берти» — (1841—1910), английский король (1901—1910), старший сын королевы Виктории. Родоначальник Саксен-Кобургской династии на английском престоле. Женат (1863) на принцессе Александре, старшей дочери датского короля Христиана IX. Дети: Альберт Виктор (1864—1892), Георг, герцог Йоркский (1865—1836. Король Георг V (1910—1936), Луиза (1867—1931. Замужем (1889) за герцогом Александром Дуфским), Виктория (1868—1935); Мод (1869. Замужем (1896) за Гааконом VII, королем Норвегии).

Элла — см. Елизавета Федоровна.

Юрий — см. Лейхтенбергский Юрий Максимилианович.

Юрьевская Екатерина Михайловна (1847—1922). Светлейшая княгиня, урожденная княжна Долгорукая, морганатическая супруга (с 6 июля 1880) императора Александра II, от которого имела троих детей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ)

№№ фондов:

- 97 (Управление дворцового коменданта);
- 102 (Департамент полиции МВД);
- 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца);
- 553 (П. К. Бенкендорф);
- 570 (А. А. Макаров);
- 582 (А. Д. Протопопов);
- 586 (В. К. Плеве);
- 601 (Николай II);
- 612 (Г. Е. Распутин);
- 613 (О. В. Палей);
- 616 (М. Ф. Кшесинская);
- 622 (Н. А. Брасова);
- 623 (А. А. Вырубова);
- 627 (Б. В. Штюмер);
- 640 (Александра Федоровна);
- 642 (Мария Федоровна);
- 644 (Павел Александрович);
- 645 (Александр Михайлович);
- 648 (Сергей Александрович);
- 649 (Михаил Николаевич);
- 650 (Андрей Владимирович);
- 651 (Татьяна Николаевна);
- 652 (Владимир Александрович);
- 656 (Елизавета Федоровна);
- 660 (Константин Константинович);
- 662 (Ксения Александровна);
- 665 (Николай Александрович);
- 668 (Михаил Александрович);
- 669 (Милица Николаевна);
- 670 (Николай Михайлович);
- 671 (Николай Николаевич-младший);
- 673 (Ольга Николаевна);
- 675 (Георгий Александрович);
- 677 (Александр III);
- 678 (Александр II);
- 582 (Алексей Николаевич);
- 683 (Анастасия Николаевна);
- 684 (Мария Николаевна);
- 686 (Ольга Константиновна);
- 724 (Н. А. Маклаков);
- 740 (Е. С. Боткин);
- 826 (В. Ф. Джунковский);
- 1001 (А. А. Мосолов);
- 1112 (А. А. Дрентельн);

1145 (Варнава);
1467 (Чрезвычайная следственная комиссия).

Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Александр Михайлович, великий князь. Книга Воспоминаний. М., 1991.

Алексеев В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993.

Алмазов Б. Распутин и Россия. Прага, 1922.

Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Белецкий С. П. Воспоминания. // Архив Русской Революции. Т. 12. Берлин, 1923.

Бобринский А. А. Дневник (1910—1911 гг.). // Красный Архив. Т. 1. (26).

Богданович А. Ф. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Бок (Столыпина) М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992.

Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993.

Боханов А. Н., Исмаил-Заде Д. И. Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.

Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894—1917 годах в цифрах и фактах. М., 1991.

Брандт А. Листья пожелтевшие: передуманное и пережитое. Белград, 1930.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.

Быков П. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.

Бюлов В. Воспоминания. М.—Л., 1935.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1—3. М., 1960.

Водовозов В. В. Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Пет-роград, 1922.

Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1994.

Волков А. А. Около царской семьи. М., 1993.

Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III. // Российский архив, 1994. № 5.

Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Жевахова. Т. 1—2. М., 1993.

Вострышев М. И. Патриарх Тихон. М., 1995.

Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания. // Новый жур-нал. Нью-Йорк, № 131.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб, 1993.

Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968.

Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927.

Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992.

- Дзулиани де М. Д. Царская семья. Последний акт трагедии. Перевод с итальянского. М., 1991.
- Дитерихс. М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. 1—2. М., 1991.
- Дневник великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л.—М., 1925.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1—2. М., 1966.
- Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг. М., 1991.
- Дневники императора Николая II. М., 1992.
- Дневник П. А. Валуева. Т. 1—2. М., 1961.
- Духовник царской семьи. Святитель Феофан Полтавский. М., 1994.
- Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.
- Евреинов Н. Н. Тайна Распутина. М., 1924.
- Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Жильяр П. Император Николай II и его семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 года). М., 1992.
- Иванов Г. Книга о последнем царствовании. // Октябрь. 1992. № 7.
- Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907 — 1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1—2 (50—51).
- Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. // Красный архив. 1928. Т. 5 (30).
- Из семейной переписки Юсуповых. // Река времен. Книга истории и культуры. Книга 2. М., 1995.
- Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
- Исповедь палача. Воспоминания Я. Юровского. // Источник. 1993, 6/№.
- Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
- К истории Манифеста 17 Октября. Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенского. // Архив Русской Революции. Т. 2. Берлин, 1921.
- Кожинов В. Загадочные страницы истории XX века. Черносотенцы и революция. М., 1995.
- Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. 1—2. М., 1992.
- Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992.
- Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992.
- Ламздорф В. Н. Дневник. М., 1886—1890, 1926.
- Ламздорф В. Н. Дневник. М., 1891—1892, 1934.
- Ламздорф В. Н. Дневник. М., 1894—1896, 1991.
- Легенда о царской голове. М., 1992.
- Лемке М. 250 дней в царской ставке. М., 1920.
- Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.
- Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1—2. Берлин, 1922.
- Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). Пер. с немецкого. М., 1991.
- Мейер И. Как погибла царская семья. Пер. с немецкого. М., 1990.

- Мельник (Боткина) Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.
- Мамонтов В. И. На государственной службе. Таллин, 1926.
- Марков Н. Е. Войны темных сил. М., 1993.
- Марков С. Покинутая царская семья. Вена. 1928.
- Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1996.
- Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.
- Миллер Л. Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
- Монархия перед крушением 1914—1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927.
- Мосолов А. А. При дворе императора. М., 1992.
- Мэсси Р. Николай и Александра. Пер. английского. М., 1992.
- Нарышкина Е. С царской семьей под арестом. // Последние новости. Париж, 1939, 28 июня.
- Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Т. 1—2. Нью-Йорк, 1954, 1955.
- Непеин И. Перед расстрелом. Последние письма царской семьи. (Тобольск, 1917 — Екатеринбург, 1918). Омск, 1992.
- Николай II и великие князья. М., 1925.
- Нилус С. Великое в малом. М., 1993.
- Новые документы об убийстве Распутина. //Источник. 1993. №3.
- Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992.
- Ону А. М. Загадки русского сфинкса. М., 1995.
- Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1990.
- Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990.
- Пагануцци П. Правда об убийстве Царской семьи. Джорданвилл, 1981.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1—7., 1924—1927.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с английского. М., 1993.
- Палеолог М. Распутин. Воспоминания. М., 1923.
- Палеолог М. Роман императора. М., 1990.
- Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Панкратов В. С. С царем в Тобольске. М., 1990.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.—Пг., 1923.
- Переписка Витте и Победоносцева (1895—1905 гг.). Красный архив. Т. 5 (30), 1928.
- Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. // Красный архив. 1924. Т. 5.
- Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3—5. М.—Пг., 1923. М.—Л., 1926, 1927.
- Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906). //Красный архив. 1927. Т. 3 (22).

- Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. // Архив Русской Революции. Т. 21. Берлин, 1934.
- Письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II. // Источник, 1994, № 4.
- Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905—1915 гг.). // Красный архив. 1928. Т. 1 (26).
- Письма императора Александра III императрице Марии Федоровне. // Исторический архив. 1994. № 3.
- Письма царской семьи из заточения. Джорданвилл, 1974. Письма цесаревича Александра Александровича. // Источник. 1993. № 1.
- Платонов О. Правда о Григории Распутине. Саратов, 1993.
- Пуришкевич В. М. Убийство Распутина. (Из дневника.). М., 1990.
- Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Т. 1—3. СПб., 1893—1897.
- Распутин в освещении охраны. // Красный архив. 1924. № 5.
- Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990.
- Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.
- Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.
- Светлый отрок. Сборник статей о Цесаревиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках. Джорданвилл. М., 1984.
- Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991.
- Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам. М., 1926.
- Семья Романовых в марте — июле 1917 года. Дневник протоиерея А. И. Беляева. // Исторический архив. 1993. № 1.
- Скотт С. Романовы. Екатеринбург, 1993.
- Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990.
- Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991.
- Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992.
- Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911. М., 1991.
- Суворин А. С. Дневник. М., 1992.
- Сургучев И. Детство императора Николая II. Париж, 1952.
- Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины. // Октябрь. 1993. № 5, 6.
- Трубецкая О. Н. Из пережитого. // Современные записки. Париж, 1937.
- Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990.
- Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года. // Архив Русской Революции. Т. 18. Берлин, 1926.
- Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990.
- Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991.
- Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. М., 1991.
- Форд Г. Международное еврейство. Пер. с английского. М., 1994.
- Фрейлина Ее Величества. Дневник. Воспоминания. Допрос в ЧСК. М., 1993.

Чичагов Л. М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995.

Шаховской В. «Sic transit Gloria Mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917. Париж, 1952.

Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

Шипунов Ф. Я. Истина Великой России. М., 1992.

Шульгин В. В. Годы. Дни. М., 1920, 1990.

Шульгин В. В. Что НАМ в НИХ не нравится... СПб., 1992.

Щавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

Энгельгардт Б. А. Последняя коронация. Таллинн, 1990.

Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. М., 1990.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Almedingen E. M. The Empress Alexandra. London, 1961.

Almedingen E. M. An Unbroken Unity: A Memoir of Grand Duchess Serge of Russia. 1864-1918. London, 1964.

Bokhanov A. Ella & Sergei: a dynastic marriage of love... or convenience? // Royalti, № 12. London, 1994.

Botkin G. The Real Romanovs. London, 1932.

Buchanan M. The Dissolution of Empire. London, 1932.

Buxhoeveden S. The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. London, 1928.

Buxhoeveden S. Before the Storm. London, 1938.

Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. London, 1994.

Dehn L. The Real Tsaritsa. Boston, 1932.

Fuhrmann J. T. Rasputin: a life. New York, 1990.

Grabbe P. Windows on the Neva: A Memoir. New York, 1977.

King G. The Last Empress. The Life and Times of Alexandra Fedorovna, Tsaritsa of Russia. New York, 1994.

Lieven D. Nicholas II: Imperator of all the Russians. London, 1994.

Magnus P. King Eduard VII. London, 1964.

Marie, Grand Duchess of Russia (Maria Pavlovna Romanowa). Education of a Princess. A Memoir. New York, 1931.

Marie, Grand Duchess of Russia (Maria Pavlovna Romanowa). A Princess in Exile. New York, 1932.

Nicolson H. King George V, His Life, and Reign. New York, 1958.

Paley, Princess. Memories of Russia. 1916-1919. London, 1924.

Poliakoff V. The Empress Marie of Russia and her Times. London, 1926.

Radziwill C. The Intime Life of the Last Tsarina. London, 1929.

Radziwill C. Nicholas II: The Last of the Tsars. London, 1931.

Rasputin M. My Father. London, 1934.

The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. London, 1937.

The Romanovs: Love, pover, tragedy. London, 1993.

Vorres I. The Last Grand Duchess: Her Imperial Highness Duchess Olga Alexandrovna. New York, 1964.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Император Александр II.
2. Императрица Мария Александровна.
3. Цесаревич Николай Александрович («Никс»). 1864 г.
4. Великий князь Александр Александрович. 1864 г.
5. Датская принцесса Дагмар. 1866 г.
6. Цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна. 1866 г.
7. Великий князь Николай Александрович. 1872 г.
8. Наследник английского престола Альберт-Эдуард, герцог Уэльский, его супруга Александра и их дети (слева направо): Георг, Альберт-Виктор, Луиза. 1868 г.
9. Император Александр II на смертном одре. Март 1881 г.
10. Зимний дворец в Петербурге. Фото начала XX века.
11. Император Александр III. Фото конца 80-х гг.
12. Цесаревич Николай с сестрой Ксенией. 1886 г.
13. Цесаревич Николай и великая княгиня Елизавета Федоровна в сценических костюмах после спектакля «Евгений Онегин». 1890 г.
14. Николай Александрович (сидит второй слева) среди друзей и родственников на катке в саду Аничкова дворца. 1890 г.
15. Балерина Матильда Кшесинская. 1892 г.
16. Цесаревич Николай Александрович. 1884 г.
17. На Цейлоне. Справа налево сидят: цесаревич Николай Александрович, великий князь Сергей Михайлович, великий князь Александр Михайлович. Стоит греческий принц Георгий. 1891 г.
18. Цесаревич Николай во время пребывания в Японии. 1891 г.
19. Греческий принц Георгий по прозвищу «Атлет».
20. Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна. 1892 г.
21. Гессенские сестры-принцессы (слева направо): Ирэн, Виктория, Елизавета, Алиса. Начало 80-х гг.
22. «Династический съезд». В центре сидит английская королева Виктория, слева от нее кайзер Вильгельм II, рядом — цесаревич Николай Александрович и Алиса Гессенская. Кобург, Германия. Апрель 1894 г.
23. Апартаменты в Кобургском замке, где произошло решающее объяснение цесаревича Николая Александровича с Алисой Гессенской.
24. Цесаревич Николай Александрович и принцесса Алиса Гессенская после помолвки. Кобург. 1894 г.
25. Николай Александрович в форме полковника Преображенского полка. 1893 г.
26. Цесаревич Николай Александрович (крайний слева), его невеста Алиса Гессенская, ее сестра Виктория Баттенбергская и брат Эрнст-Людвиг. Сидят (слева направо): Ирэн, великая

княгиня Елизавета Федоровна, герцогиня Гессенская Виктория-Мелита, великий князь Сергей Александрович. *Дармштадт. Апрель 1894 г.*

27. Император Николай II. *1896 г.*
28. Факсимильная подпись Николая II.
29. Александр III и Мария Федоровна обходят столы, накрытые для крестьян, принимавших участие в царской охоте.
30. Цесаревич Николай Александрович и его английский кузен Георг, герцог Йоркский. *Англия. 1893 г.*
31. Семья Александра III (слева направо): Николай, Георгий, Мария Федоровна, Ольга, Михаил, Ксения, Александр III. *Ливадия. 1893 г.*
32. Император Александр III в гробу. *Ливадия. Октябрь 1894 г.*
33. Малый дворец в Ливадии, в котором скончался Александр III.
34. Коронация Николая II. *Москва. Май 1896 г.*
35. Члены императорской фамилии в Ливадии (слева направо): Андрей Владимирович, Кирилл Владимирович, Павел Александрович, Владимир Александрович, императрица Александра Федоровна, Елена Владимировна, Мария Павловна (старшая), император Николай II, Петр Ольденбургский, Константин Константинович, Сергей Михайлович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович. *1902 г.*
36. Русская православная церковь Марии Магдалины, построенная в Дармштадте на средства Николая II в память его бабки, императрицы Марии Александровны. Освящена в 1899 году.
37. Жертвы Ходынки.
38. Кружка, предназначенная для подарка в дни коронационных торжеств.
39. Императрица Александра Федоровна. *1895 г.*
40. Царь и царица с дочерьми. *1901 г.*
41. Императорская яхта «Штандарт».
42. После царской охоты в имении Спала. *1910 г.*
43. Нижний дворец в Петергофе — место рождения цесаревича Алексея.
44. Цесаревич Алексей с сестрой Анастасией и дядькой Деревенько. *Царское Село. 1913 г.*
45. Русско-японская война.
Оборона Порт-Артура, пожар над Золотой горой.
46. Офицерский блиндаж.
47. Прибытие войск из Петербурга в Кронштадт для подавления восстания. *1905 г.*
48. Студенческая демонстрация в Петербурге. *1905 г.*
49. Граф С. Ю. Витте. *1905 г.*
50. Открытие Первой Государственной Думы. Тронная речь Николая II в Зимнем дворце 27 апреля 1906 года.
51. Петр Аркадьевич Столыпин.
52. 300-летие Дома Романовых.
Закладка памятника Минину и Пожарскому в Высочайшем присутствии в Нижнем Новгороде.
53. Николай II принимает волостных старшин Нижегородской губернии. *1913 г.*

54. Император Николай II.
55. Григорий Ефимович Распутин-Новых.
56. Великий князь Дмитрий Павлович в своем авто, в котором 17 декабря 1916 года везли убитого Распутина.
57. Царская семья. 1913 г.
58. Прибытие государя в Ставку. 1914 г.
59. Раздача пасхальных куличей на фронте.
60. Солдатское кладбище.
61. Николай II с сыном Алексеем на военных позициях. 1916 г.
62. Сестры милосердия в царскосельском лазарете (слева направо): А. А. Вырубова, Ольга Николаевна, императрица Александра Федоровна, Татьяна Николаевна. 1914 г.
63. А. А. Вырубова среди раненых в санитарном поезде.
64. Великий князь Николай Николаевич.
65. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов. 1916 г.
66. А. Д. Протопопов с товарищами по Государственной Думе в Лондоне. 1916 г. Сидят слева направо: Д. Н. Чихачев, В. Я. Демченко, А. Д. Протопопов, П. Н. Милюков и А. И. Шингарев. Стоят: А. А. Ознобишин, А. А. Радкевич и М. М. Ичас.
67. Генерал-адъютант М. В. Алексеев.
68. Генерал-адъютант Н. И. Иванов.
69. Генерал-адъютант Н. А. Рузский.
70. А. И. Гучков.
71. В. В. Шульгин.
72. Царский поезд, где Николай II подписал отречение от престола.
73. Отречение Николая II.
74. Революционная гвардия. Москва. 1917 г.
75. А. Ф. Керенский.
76. Летучий отряд для поимки шпионов и полицейских. Москва. 1917 г.
77. Вид на Тобольский кремль и губернаторский дом.
78. Ипатьевский дом в Екатеринбурге.
79. Дом Ипатьева со двора. Дверь слева ведет во двор из верхнего этажа, дверь справа — из нижнего. Через эти двери вели царскую семью на смерть.
80. Иконы царской семьи, найденные в доме после убийства.
81. Святой благоверный царь-мученик Николай. Икона Русской Зарубежной Православной церкви.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ I. ЗЕМНОЙ УДЕЛ

Глава 1. СЛУЧАЙ В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ	10
Глава 2. ПЕРСТ СУДЬБЫ	22
Глава 3. ДИНАСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР	29
Глава 4. СЧАСТЬЕ ПРИНЦЕССЫ	37
Глава 5. РОДИТЕЛЬСКИЕ ЗАБОТЫ	46
Глава 6. НА ПУТИ К ЦАРСКОМУ СЛУЖЕНИЮ	59
Глава 7. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III	72
Глава 8. ГОДЫ И ДНИ	86

ЧАСТЬ II. ЦАРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Глава 9. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ	102
Глава 10. МОНАРШИЙ ДОЛГ	117
Глава 11. ЛЮБОВЬ АЛИКС	133
Глава 12. ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ	148
Глава 13. ПРАВИТЕЛЬ ИМПЕРИИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА	163
Глава 14. ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ	178
Глава 15. ВРЕМЯ БОЛИ, СТРАХОВ И НАДЕЖД	194
Глава 16. «РУССКИЙ БИСМАРК»	208
Глава 17. ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ	223
Глава 18. СТРАСТИ В «БАЛЬНОЙ ЗАЛЕ»	238
Глава 19. СЛУЖИТЬ, БОРОТЬСЯ, УМЕРЕТЬ	252
Глава 20. ДОРОГОЙ ГРИГОРИЙ	268
Глава 21. ПОСЛЕДНЕЕ ТОРЖЕСТВО	285
Глава 22. СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА	300
Глава 23. СУМЕРКИ ВЛАСТИ	321
Глава 24. ОПУСТЕВШИЙ ТРОН	340

ЧАСТЬ III. КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Глава 25. ЗАГАДКИ РЕВОЛЮЦИИ	358
Глава 26. ПРЕДАТЕЛЬСТВО КОРОЛЯ	372
Глава 27. ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ	386
Глава 28. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ КРУГ	400

Глава 29. ИЗГОИ	414
Глава 30. ПОСЛЕДНИЙ СРОК	429
Эпилог	444
Основные даты жизни императора Николая и важнейшие события царствования	450
Указатель родственно-династических связей	453
Список источников и литературы	472

Боханов А. Н.
Б 26 Николай II. — М.: Мол. гвардия — ЖЗЛ; Русское слово, 1997. — 446[2] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 739).

ISBN 5-235-02

Судьба последнего русского царя стала сегодня предметом многочисленных спекуляций. Кто он на самом деле? «Николай кровавый», как еще совсем недавно уверяли нас школьные учебники истории, или Святой великомученик, как считает русская зарубежная православная церковь? Автор далек от того, чтобы идеализировать своего героя. Но он убежден: Россия была обречена пройти страшный путь революций, гражданской войны, пережить эпоху «диктатуры пролетариата». Дело отнюдь не в том, как и какие решения принимал царь. Монарха предали его подданные: аристократия, впереди которой были представители царской фамилии, так называемое «просвещенное общество» и только потом уже — народ. Судьба последнего русского царя, со смирением предающего себя и свою семью на поругание и смерть, не может не волновать нас еще и потому, что их расстрел явился началом бессудных ночных расправ, жертвами которых стали миллионы наших соотечественников. Иллюстративный ряд книги вобрал в себя значительное количество редчайших фотодокументов.

УДК 947.083
ББК 63.3(2)52

Боханов Александр Николаевич

НИКОЛАЙ II

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **О. И. Ярикова**

Художественный редактор **А. Б. Романова**

Технический редактор **В. В. Пылкова**

Корректоры **И. В. Ларина, Н. Д. Овсяникова**

Набор и верстка **О. В. Иванов, И. Н. Реутов**

Лицензия ЛР № 040224 от 20.01.92 г.

Сдано в набор 21.01.97. Подписано в печать 17.03.97. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,2 + 2,52 вкл. Тираж 10 000 экз. Заказ 442

Издательство «Молодая гвардия». 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

Издательство «Русское слово». 119034, Москва, Пречистенская набережная, д. 15, стр. 2.

Оригинал-макет подготовлен фирмой «МЕГАГРАФ».

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-235-02296-3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ